

История суда и правосудия в России

В 9 томах

Ответственные редакторы
доктор юридических наук, профессор
В. В. Ершов,
доктор юридических наук, профессор
В. М. Сырых

НОРМА
Москва, 2021

История суда и правосудия в России

Том 7

В. М. Сырых

**Судоустройство и судопроизводство
периодов нэпа и построения основ
социализма (1921—1956 годы)**

Ответственный редактор
С. А. Колунтаев

НОРМА
Москва, 2021

УДК [340.130.5+347.97/.99](47+57)(091)“19”

ББК 63.3(2)61

C95

Редакционный совет:

Ершов В. В. (председатель редакционного совета, ответственный редактор издания), **Сырых В. М.** (руководитель авторского коллектива, ответственный редактор издания), **Золотухина Н. М., Колунтаев С. А., Корнев В. Н., Краковский К. П., Митюков М. А., Петухов Н. А., Соломко З. В.**

История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. — Москва : Норма, 2021.

ISBN 978-5-91768-539-7 (Норма)

Т. 7 : Судоустройство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921—1956 годы) : монография / В. М. Сырых; отв. ред. С. А. Колунтаев. — 688 с.

ISBN 978-5-00156-162-0 (Норма)

ISBN 978-5-93916-878-6 (РГУП)

Седьмой том монографии «История суда и правосудия в России» посвящен судоустройству и судопроизводству периодов нэпа и построения основ социализма (1921—1956). Исследован процесс формирования законодательства, суда и правосудия в период нэпа и применительно к его задачам. Особое внимание уделяется процессам изменения системы правосудия в связи с развертыванием в стране террора в ходе коллективизации сельского хозяйства, борьбы И. В. Сталина за партийную и государственную власть с соратниками В. И. Ленина, в периоды ежовщины и бериевщины. Исследуются особенности деятельности НКВД СССР как следственного и квазисудебного органа. Раскрываются изменения, которые претерпели органы правосудия в ходе Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Для преподавателей, аспирантов и студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся развитием суда и правосудия в Российском государстве.

УДК [340.130.5+347.97/.99](47+57)(091)“19”

ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-00156-162-0 (Норма)

ISBN 978-5-93916-878-6 (РГУП)

© Российский государственный университет правосудия, 2021

Принятые сокращения

- ВАК — Высшая арбитражная комиссия
ВМФ — Военно-Морской Флот
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контр-революцией и саботажем
ГК РСФСР — Гражданский кодекс РСФСР
ГПК РСФСР — Гражданский процессуальный кодекс РСФСР
ГПУ — Государственное политическое управление
ГУЛАГ НКВД СССР — Главное управление лагерями НКВД СССР
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
КЗоТ — Кодекс законов о труде
МГБ — Министерство государственной безопасности
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОСО — Особое совещание
ПВС СССР — Президиум Верховного Совета СССР
Политбюро ЦК ВКП(б) — Политическое бюро Центрального комитета Всероссийской коммунистической партии (большевиков)
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РКК — расценочно-конфликтная комиссия
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК — Совет Народных Комиссаров
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СТО — Совет труда и обороны
УК РСФСР — Уголовный кодекс РСФСР
УПК РСФСР — Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР
ЦИК СССР — Центральный Исполнительный Комитет СССР
ЦЧО — Центрально-Черноземная область
ЭКОСО — экономическое совещание
ЭКОСО при СНК СССР — Экономический совет при Совете Народных Комиссаров

Введение

Предлагаемый вниманию читателей том продолжает коллективное научное исследование истории суда и правосудия в России и содержит результаты историко-правового изучения одного из самых сложных и трагических периодов в деятельности советского суда в условиях нэпа и формирования основ советского социалистического общества. Главная цель данного тома сводится к систематизации и догматическому анализу законодательства по вопросам правосудия, действовавшего в исследуемый период, без знания которого невозможно определить юридическую природу деятельности партии и Правительства по управлению сферой правосудия, равно как и дать объективную оценку итогов работы системы советских судов по обеспечению законности в стране и применению карательных мер к нарушителям правопорядка.

Между тем по настоящее время правовая наука не располагает полными данными о массиве нормативных правовых актов по вопросам правосудия сталинского периода в связи с тем, что значительная их часть в источники официального опубликования не помещалась и широкой читательской аудитории оставалась неизвестной. Особое внимание уделяется секретным постановлениям Политбюро ЦК партии, которыми вопреки Конституции и действующим законам органам НКВД предоставлялись, как во времена средневековой инквизиции, чрезвычайные полномочия, не соответствующие природе советского социалистического общества и даже принципам буржуазного законодательства: применение пыток, упрощенное следствие, вынесение обвинительного приговора на основании одних признательных показаний обвиняемого, данных под пытками. «Венец» сталинской законности в сфере правосудия — квазисудебные органы в виде «троек» и «двоек», уполномоченные применять высшую меру наказания без судебного следствия, в отсутствие главных участников судебного процесса: обвиняемого, прокурора и защитника, — на основании краткой справки, составленной следственными органами НКВД и МГБ.

В книге впервые в российской юридической литературе дано системное догматическое толкование секретных документов партии по

вопросам правосудия в их сравнении с действующим законодательством советского государства, доказывается их антиправовой характер, а действия Политбюро партии по принятию подобных нормативных актов квалифицируются как «микропутч», заговор в целях разрушения конституционных основ государства, подмены законных органов государственной власти и грубейшего нарушения прав советских граждан.

В данном томе разрешены шесть проблем, имеющих большое значение в генезисе советского правосудия: 1) раскрыты особенности начальной стадии формирования системы правосудия РСФСР в 1921—1924 гг., сложившейся до образования Союза ССР и общесоюзных судебных органов; 2) впервые в российской юридической литературе предпринята попытка описать все формы государственного и легализованного общественного правосудия, существовавшие в РСФСР в период нэпа; 3) приведен обзор идеологических воззрений И. В. Сталина и его соратников на террор в условиях мирного строительства социализма; 4) проанализированы особенности сталинского террора в формах раскулачивания, ежовщины и бериевщины; 5) показана специфика советского правосудия, пораженного метастазами сталинского террора, в военное время (1941—1945); 6) описан механизм прекращения сталинского террора и ликвидации его последствий лидерами партии и государства после кончины И. В. Сталина.

Система судов РСФСР, сформированная в 1922 г. советским государством с ориентацией на принципы единства судебной системы, простоты судопроизводства, а также доступности суда для широких народных масс, соответствовала лишь принципу доступности, реализация которого достигалась за счет умаления принципа единства. Советской власти удалось приблизить суд к населению, создать развитую систему судов четырех видов: общей юрисдикции, специальных, общественных и традиционных (шариатских и туземных). При этом общие и специальные суды действовали в соответствии с Положением о судостроительстве РСФСР 1922 г., а затем — 1926 г., тогда как работа общественных и традиционных судов санкционировалась специальными актами ВЦИКа или СНК РСФСР.

В настоящем издании в числе наиболее значимых результатов функционирования системы правосудия РСФСР с точки зрения теории судостроительства и судопроизводства выделены следующие положения.

Во-первых, показано, что в условиях строительства основ социалистического строя функции правосудия не могут сводиться только

или по преимуществу к ограждению завоеваний пролетарской революции. Опыт советского правосудия убедительно свидетельствует, что суды, отдававшие приоритет правам и интересам государства перед правами и интересами населения, утрачивали свою сущность, используя свою форму для оправдания неправа: прикрытия и защиты произвола государственных органов и должностных лиц в ущерб правам и интересам личности, населения.

Во-вторых, обоснован вывод о том, что демократические институты правосудия, направленные на защиту личности от незаконных посягательств со стороны органов государства и иных лиц, столь же необходимы социалистическому правосудию, сколь и буржуазному. Отсутствие подобных институтов в законодательстве СССР явилось одной из причин успешного и беспрепятственного установления И. В. Сталиным террора, повлекшего за собой многочисленные и тяжкие жертвы. Государство трудящихся, не свободное от волюнтаристских, субъективных решений, способно принимать нормативные предписания, посягающие на права и свободы граждан, вплоть до установления террора и массовых репрессий. В этих условиях суд, используя закрепленные законодательством институты защиты прав человека, становится единственным средством удержания органов исполнительной власти в рамках законности и правопорядка.

В-третьих, подвергнут критике центральный тезис советских идеологов о том, что правосудие могут осуществлять лица без юридического образования. Правосудие, сопряженное со сложной мыслительной деятельностью по установлению истины по делу, квалификации преступных деяний, толкования законодательства и материалов судебной практики, требует от лиц, занимающих судебские должности, глубоких знаний теории права, ряда отраслевых юридических наук и умелого владения профессиональными навыками судебской работы. Судьи из трудящихся с начальным или неполным средним образованием не оправдали надежд В. И. Ленина, они были не столько проводниками законодательных предписаний в жизнь, сколько рабами конъюнктурных установлений партии и Правительства, и порождали самые нелепые и несообразные судебные решения. В конечном счете советское государство, полностью разочаровавшись в способности трудящихся масс овладеть основами судебного мастерства, вынуждено было восстановить сеть юридических вузов и факультетов университетов и готовить в них юристов-профессионалов.

В-четвертых, актуальным для современного правоведения является положение о том, что неспособность трудящихся заменить право-

судие на профессиональном уровне при рассмотрении сложных уголовных и гражданских дел отнюдь не отрицает их умения вершить суд на общественных началах в отношении мелких бытовых дел, требующих в первую очередь знания реально существующих быта, норм морали и местных обычаев. Практика работы товарищеских, шарикатских и туземных судов периода нэпа убедительно показала их способность оперативно и умело разрешать мелкие конфликты, возникающие между членами трудового коллектива, отдельного поселения сельского типа и тому подобных сообществ. Современное представление правовой науки и юридической практики о том, что все дела без какого-либо исключения должен решать профессиональный суд, основано на устаревших, не соответствующих нынешним реалиям взглядах. Получается парадокс: общество посредством органов местного самоуправления способно вести свои дела, но не способно разрешить ни одного пустякового бытового конфликта. Непременно требуется участие как минимум мирового судьи.

В-пятых, признано необходимым функционирование общего (конституционного) надзора за соответствием конституции страны законов и подзаконных нормативных правовых актов в качестве неперемennого условия успешного функционирования законодательства современных государств. Полезность и плодотворность такого надзора была продемонстрирована Верховным Судом СССР, осуществлявшим подобную деятельность в 1924—1937 гг. В его компетенцию входил надзор за соответствием постановлений ЦИКа и СНК союзных республик, СНК СССР, центральных органов и наркоматов СССР Конституции СССР.

В-шестых, впервые в российской литературе исследована юридическая природа сталинского террора и сделан вывод о том, что вина И. В. Сталина и его соратников по партии состоит не только в тотальных репрессиях против советского народа со стороны карательных органов государства, как полагают современные исследователи. Тягчайшее преступление Политбюро ЦК партии кроется в принятии секретных постановлений, которыми в обход Конституции СССР, уголовного и процессуального законодательства были образованы квазисудебные органы, уполномоченные рассматривать уголовные дела в упрощенном порядке, даже в отсутствие обвиняемого. При этом антиконституционные акты И. В. Сталина и его соратников действовали беспрепятственно на протяжении 23 лет, а число жертв всех форм террора приблизилось к 20 млн.

В современной российской и зарубежной исторической и юридической литературе этому периоду истории советского правосу-

дия правомерно уделяется первостепенное внимание, но выводы авторов поляризуются. Если большая часть исследователей с позиции либеральной идеологии видят в этом периоде только негативные явления, не подлежащие никакому оправданию и переоценке, то меньшая часть исследователей-сталинистов подвергают достаточно успешной критике выводы и оценки либералов, находят их одиозными, порожденными легковерным отношением к историческим источникам и односторонним подходом к отдельным историческим событиям и процессам.

Вместе с тем произведениям как либералов, так и сталинистов присущ общий и серьезный недостаток: они решающее значение придают описанию событийной стороны явлений и процессов, обоснованию их достоверности и выявлению следственно-временной связи между ними. В правовых исследованиях знания о том, что происходило, весьма важны, но недостаточны. Для юриста первостепенное значение имеет юридическая оценка изучаемых явлений и процессов — насколько полно они соответствуют действующему законодательству и к какой группе правовых явлений могут быть отнесены: правомерных, юридически нейтральных или противоправных. Однако юридический аспект террора — степень его соответствия Конституции СССР и законам, как правило, не рассматривается. В результате основными виновниками, «палачами» при сталинском терроре признаны Н. И. Ежов, Л. П. Берия, их соратники, применявшие пытки и добивавшиеся от своих жертв признания в преступлениях, которых эти жертвы даже представить себе не могли.

Бесспорно, такие оценки допустимы, но неточны. В них становится все с ног на голову. Главными виновниками террора названы его исполнители, будь то следователи, судьи или члены расстрельной команды, на том основании, что они превысили свои полномочия, применили недопустимо жестокие пытки, содержали обвиняемых в неподобающих условиях, рассматривали дела без обвиняемых и т. д. Организатор террора вроде бы тут ни при чем, он прямых указаний на подобные деяния не давал, наоборот, где-то в своих выступлениях или статьях подобные действия осуждал, называл исполнителей головотяпами. Отсюда и разногласия у либералов и сталинистов: при каком числе жертв — 2 или 20 млн — И. В. Сталин лишается права быть горячо любимым и уважаемым вождем советского народа и всего человечества.

Между тем только юридико-догматический анализ законов и иных нормативных правовых актов, степени их соответствия Кон-

ституции СССР, иным основополагающим актам, а также уровня соблюдения правотворческих процедур принятия нормативных правовых актов позволяет установить, кто есть кто в сфере организации и проведения террора. И вина И. В. Сталина как организатора и проводника террора проявляется очевидно и бесспорно.

В книге большое внимание обращено на нормотворческую деятельность И. В. Сталина, подготовленные им лично проекты постановлений ЦИКа и СНК СССР, секретные акты по вопросам террора, принятые Политбюро ЦК партии, одобренные Политбюро ЦК партии приказы НКВД, несмотря на наличие в них предписаний, отменяющих и подменяющих нормы действующего законодательства. В частности, незаконными актами, подготовленными непосредственно И. В. Сталиным или под его руководством, была существенным образом деформирована система советских судебных органов. Подсудные им дела с санкции Политбюро передавались тройкам и иным квазисудебным органам, получившим к тому же право рассматривать уголовные дела в упрощенном порядке и применять к осужденным высшую меру наказания.

В результате первые в российской юридической литературе И. В. Сталин предстает перед читателями в новом образе — организатором «микропутча», лишившего высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР законодательных полномочий по вопросам организации и проведения террора в период с 1930 по 1953 г. с передачей этих полномочий Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД СССР. Не кто иной, как творец советской Конституции, грубо презрев ее положения, секретными и особо секретными постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах», от 31 июля 1937 г. «Вопросы НКВД» и др. отменил нормы УК РСФСР и УПК РСФСР, во-первых, определив социальную опасность лица в качестве основания уголовной ответственности, во-вторых, разрешив упрощенную форму рассмотрения уголовных дел тройками ОГПУ и НКВД, в-третьих, предусмотрев порядок вынесения обвинительного приговора на основании признания обвиняемого, данного под пытками, без права обжалования. *Эти действия И. В. Сталина сами по себе образуют состав преступления, предусмотренный ст. 58-1 УК РСФСР (независимо от численности репрессированных советских граждан), или иных противоправных деяний.*

Одновременно предпринята попытка опровергнуть распространенное в юридической литературе представление о том, что воля

И. В. Сталина в части применения террора была непререкаемой и не подвергалась корректировке. Действительно, ни законодатель, ни члены Политбюро, ни Правительство никаких возражений против сталинских норм по вопросам террора не высказывали и были с ним неизменно солидарны. Однако отдельные, наиболее одиозные сталинские новеллы в 1940—1948 гг. время от времени подвергались корректировке в сторону смягчения постановлениями Пленума Верховного Суда СССР, приказами Наркомата юстиции СССР, Прокурора СССР, наркома внутренних дел. Наиболее известная из них — предписание об отсрочке приговора с направлением на передовую осужденных к лишению свободы либо расстрелу, чтобы они могли боевыми действиями искупить свою вину. (Сталинское же указание на этот счет было однозначным — расстреливать трусов, дезертиров, паникеров на месте и без суда.) В итоге на сей раз И. В. Сталин согласился с решениями руководителей органов юстиции.

Книга вследствие ее ограниченного объема не позволяет осветить ряд значимых проблем истории социологического аспекта советского правосудия периода нэпа и становления основ социализма. К сожалению, данный период, несмотря на значительный к нему интерес, остается пока что недостаточно полно исследованным, знания о нем являются во многом пробельными и частью гипотетическими. Этот исторический период нуждается в дальнейшем изучении.

Раздел I

ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО СУДА И ПРАВОСУДИЯ ПЕРИОДОВ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА В СССР (1921—1956)

История советского суда и правосудия периодов становления и развития социализма при сталинском режиме (1921—1956 гг.), несмотря на наличие специализированных государственных научно-исследовательских институтов в СССР, оставалась недостаточно полно исследованной, преимущественно пробельной. Одновременно изучаемые явления и процессы освещались в искаженной, идеологизированной форме, что было далеко от реального положения дел. Тщетными были надежды И. В. Сталина и его единомышленников творчески развить своими трудами марксистско-ленинское учение о государстве и праве, опираясь на ординарный позитивистский подход. Работы, в которых конкретно-исторический анализ правовых явлений и их объективных закономерностей всецело подменялся цитатами из «трудов» И. В. Сталина и ссылками на партийные решения и законодательные акты советского государства, были далеки от политико-правовых реалий и соответственно от подлинных диалектико-материалистических исследований. Догматизм и схоластика, будучи универсальными методами советских правоведов периода культа личности Сталина (1930—1950-е гг.), искусственно сдерживали развитие их политико-правовой мысли, препятствовали постановке и решению актуальных задач правовой теории и юридической практики.

Характерно, что идеология советского правосудия неоднократно существенно реформировалась. Каждый руководитель ЦК партии неизменно выдвигал собственное видение политико-правовой идеологии, в силу чего принципиально менялись оценки и выводы ученых-правоведов о прошлой судебной практике и проведенных научных исследованиях. Соответственно в отечественной историографии советского суда и правосудия сталинского режима можно выделить три стадии: 1) сталинский авторитарный режим; 2) хрущевская оттепель и брежневский застой; 3) горбачевская перестройка. Историо-

графия советского суда и правосудия в современный период также характеризуется особыми теоретическими и методологическими установками и образует *самостоятельную четвертую стадию*.

При сталинском политико-правовом режиме органы юстиции под диктатом установок партии на усиление борьбы с врагами народа, шпионами, террористами, диверсантами должны были принимать участие в массовом терроре, самым грубейшим образом нарушать права советских граждан и оправдывать подобные действия как объективную необходимость защиты советского строя от всякого рода посягательств на него внутренних и внешних врагов. Публикации того периода представлены преимущественно в форме статей или речей, выступлений И. В. Сталина и ведущих руководителей советских органов юстиции: Н. В. Крыленко, А. Я. Вышинского, А. Н. Винокурова, И. Т. Голякова, Н. М. Рычкова.

«Верный продолжатель дела К. Маркса и В. И. Ленина», великий вождь И. В. Сталин не обладал глубоким знанием марксистско-ленинской и вообще какой-либо теории права. Специальных работ по правовой тематике он не создавал. В выступлениях на съездах, конференциях, пленумах ЦК ВКП(б), совещаниях и интервью И. В. Сталин затрагивал отдельные вопросы действия и совершенствования советского законодательства. Но такие фрагментарные положения, брошенные мимоходом, применительно к конкретным ситуациям, ни в отдельности, ни в совокупности не содержали теоретического обоснования направлений развития социалистического права. В то же время И. В. Сталин говорил настолько «весомо», что А. Я. Вышинский в статье «Вопросы государства и права в трудах товарища Сталина» без особого труда усмотрел в его высказываниях «образцы марксистско-ленинской методологии в вопросах права», блестящее решение «задачи соотношения законности и революции», помощь советской правовой науке в преодолении пережитков и предрассудков буржуазно-филистерской юриспруденции¹. Однако действительным идеологом советского правосудия в 1921—1935 гг. был Н. В. Крыленко.

На стадии расцвета нэпа, когда еще ни партия, ни государство не помышляли о проведении мер по борьбе со своими классовыми врагами, Н. В. Крыленко выступил с предложением о существенном реформировании действующего советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства и его освобождении от таких буржуазных принципов, как признание преступления единственным основанием применения уголовного наказания, соответствие наказания тяжести

¹ См.: Вышинский А. Я. Вопросы государства и права в трудах товарища Сталина // Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.

совершенного преступления, применение наказания только за виновное деяние, прямо предусмотренное в уголовном законе.

Ошибочно признав социологическую школу уголовного права в качестве последнего слова марксистского видения проблем уголовной ответственности и наказания, Н. В. Крыленко предложил признать основанием уголовной ответственности не социальное деяние, запрещенное уголовным законодательством, а социальную опасность индивида. Государство, полагал он, вправе, не дожидаясь, пока индивид совершит преступление, признать такое лицо общественно опасным и изолировать от общества в целях уголовной профилактики. Социальная же опасность лица может проявляться в его оценках советского государства, распространении чуждых официальной идеологии взглядов, ведении разгульного образа жизни, поддержании связей с лицами, склонными к совершению преступлений.

«Марксист» Н. В. Крыленко подверг резкой критике действующий УК РСФСР за четкое закрепление в нем составов преступлений, совершение которых влечет за собой применение уголовного наказания или, как говорили в тот период, «мер социальной защиты». Мол, это значительно ограничивает возможности государства в борьбе с преступностью. Чтобы избежать этого существенного изъяна уголовного законодательства, государству вполне достаточно назвать по возможности наиболее исчерпывающий перечень преступлений, а суд сам определит, какое именно преступление имеется в деянии или социально опасном состоянии осужденного. За совершение наиболее опасных преступлений, в которые Н. В. Крыленко включал контрреволюционные и воинские преступления, особо опасные преступления против порядка управления, по его мнению, возможна единственная мера социальной защиты — расстрел. Подобная мера должна применяться также и в отношении классовых врагов, признанных судом социально опасными для общества и государства.

Одновременно с усилением «уголовных репрессий» и чрезмерным расширением судебного усмотрения по уголовным делам Н. В. Крыленко считал необходимым максимально упростить судопроизводство в губернских и народных судах. При этом он был уверен в том, что признание подсудимым своей вины является основным доказательством, не нуждающимся в дальнейшей проверке. Суд должен сам решать вопрос о достаточности доказательств для вынесения приговора и вправе отклонять любые ходатайства подсудимых о вызове дополнительных свидетелей, проведении экспертизы и иных следственных действий. Но и эти меры Н. В. Крыленко признавал недостаточными для повсеместной борьбы советского государства с классовыми врагами и деклассированными элементами.

Губернский суд, по глубокому убеждению этого «марксиста», вообще мог не проводить судебного следствия, для вынесения приговора достаточно ознакомиться с материалами, добытыми в ходе предварительного следствия. Лишь в порядке исключения областной суд мог по своей инициативе изучить обстоятельства, недостаточно полно выясненные органами предварительного следствия, однако судебные прения он не должен был открывать ни при каких условиях. Соответственно отпадала потребность в участии прокурора и защитника на судебном процессе.

Новаторское «марксистское» видение Н. В. Крыленко проблем уголовно и уголовно-процессуального законодательства получило практический выход в виде проектов УК РСФСР и УПК РСФСР, породивших широкую дискуссию в печати и на VI Всероссийском съезде работников юстиции, состоявшемся 20—27 февраля 1929 г. Характерно, что после продолжительных дебатов Съезд одобрил принципы реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Хотя реформы в том виде, в котором их предлагал Н. В. Крыленко, не прошли, их громкое эхо явственно слышится во всех законах советского государства, принятых в целях легализации сталинского террора и массовых репрессий.

Начиная с 1930 г. единоличным идеологом массового террора становится И. В. Сталин, а с 1935 г. идеологом правосудия, деятельности судов общей юрисдикции, прокуратуры, следствия — Прокурор СССР А. Я. Вышинский (см. гл. 4 и 5).

Отчужденные партией и государством от процессов формирования и развития советского права, поиска закономерностей его функционирования, путей повышения роли в деле строительства социалистического общества советские ученые-правоведы проводили научные исследования по своему усмотрению и в той мере, в какой познанное имело шансы на опубликование. В период с 1921 по 1946 г. по вопросам советского правосудия издавались монографии, сборники научных статей, брошюры, сборники нормативных правовых актов и комментарии к основополагающим кодексам системы советского законодательства (УПК РСФСР, УК РСФСР и др.), учебники и учебные пособия, разного рода руководства для практических работников и других граждан, научно-популярные произведения для населения. В целом поток публикаций не был полноводным, даже в 1927—1928 гг., когда при сталинском режиме создались наиболее благоприятные условия для выпуска работ по юридической тематике, их число не превысило 150. По отдельным отраслям права публикации распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

**Тематика и формы публикаций по проблемам советского правосудия
в 1927—1928 гг.***

Тематика	Формы публикаций				
	монографии	брошюры	комментарии к кодексам	учебные пособия	популярная литература
Гражданское право	15	16	4	4	
Семейное право		6	2	2	
Гражданский процесс		2		2	
Нотариат			2		
Судоустройство	2				1
Уголовный процесс	2	6	1	7	2
Уголовное право	14	17	8	1	3
Пенитенциарное право	1				2
Ответственность несовершеннолетних		3		4	
Переводные и иные издания	7	2			
Итого:	41	52	17	20	8

* Таблица подготовлена по библиографическим перечням, помещенным в Еженедельнике советской юстиции за 1927—1928 гг.

Как видим, советские правоведы не испытывали большого желания вести творческие исследования проблем организации и деятельности органов правосудия, но проявляли заметный интерес к изучению процессов криминальной психологии¹, чем в конце концов вызвали явное неудовольствие директивных органов, преобразовавших в 1933 г. Государственный институт по изучению преступ-

¹ См.: *Ленц А. К.* Криминальные психопаты. М.; Л. 1927; *Правонарушения в области сексуальных правоотношений: сб. статей.* М., 1927; *Гернет М. Н.* Преступность и самоубийства. М., 1927; *Жижиленко, Орианский.* Половые преступления. М.; Л., 1927; *Браиловский В. В.* Опыт биосоциального исследования убийц. Ростов н/Д., 1929.

ности и преступника, проводивший подобные исследования, в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики, ориентированный на традиционный догматический анализ законодательства и практики его применения. Еще одна характерная деталь — объем монографий редко превышал 300 страниц, а брошюр и учебных пособий — 100 страниц. Отдельные учебные пособия преспокойно располагались на 12—20 страницах.

Советские правоведы рассматривали проблемы правосудия с традиционных позитивистских позиций, сопоставляя суть закона с принятым судом решением. Лишь в порядке исключения предпринимались попытки осуществить научный анализ исследуемых проблем с позиций марксистской теории права. Например, П. И. Стучка во «Введении в теорию гражданского права» свою непосредственную задачу определил так: раскрытие особенностей гражданского права в условиях советского социалистического общества, в первую очередь его ведущего принципа эквивалентности¹. С претензиями на неукоснительное следование марксистско-ленинской теории права был подготовлен и издан учебник А. А. Пионтковского «Советское уголовное право. Т. 1: Общая часть»². Однако, как справедливо отмечается в рецензии на данную работу, сведение автором уголовного права к уголовному закону — «это понимание права не марксистское, а наиболее распространенное и наиболее плоское, буржуазное, нормативно-позитивное понимание права». Одновременно отсутствует диалектика и на уровне метода, поскольку марксистский методологический монизм в учебнике подменен ординарной эклектикой³.

Начиная с 1929 г. число публикаций по проблемам правосудия, как и по другим отраслям права, заметно сокращается. Так, в 1930 г. из печати вышло чуть более 20 изданий по названной тематике, из них лишь четыре монографии. Однако ЦК партии признал и этот уровень расточительным и недостаточно плодотворным. Право излагать актуальные проблемы правовой науки и практики окончательно перешло от ученых к партийным и государственным деятелям, как правило, не имевшим специального юридического образования и знавшим право лишь с позиции сталинско-партийных установок и своего непосредственного практического опыта.

Трудящиеся, в том числе специалисты в области государства и права, должны были постоянно уточнять и корректировать свои правовые воззрения и оценки правотворческой деятельности совет-

¹ См.: Стучка П. И. Курс советского гражданского права. Т. 1: Введение в теорию. М., 1927.

² Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Т. 1: Общая часть. М., 1929.

³ Там же.

ского государства и права сообразно высказываниям и пожеланиям М. И. Калинина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, А. А. Андреева, В. В. Куйбышева, А. И. Микояна, А. А. Жданова, А. Ф. Горкина и других государственных и партийных деятелей¹, а также особо доверенных юридических идеологов типа П. Ф. Юдина, С. Б. Ингулова, В. А. Карпинского, Д. З. Мануильского².

Все единомышленники и соратники В. И. Сталина, работы которых расходились значительными тиражами по всей стране в качестве образца «ленинско-сталинского решения актуальных вопросов советского права» и государства и методического руководства практической деятельностью местных партийных и советских органов, в действительности не были творческими исследователями проблем правовой науки. Их творческий потенциал ограничивался следованием идеям и указаниям «гениального учителя и вождя» Сталина. Поиск в их работах новых, оригинальных идей по вопросам права привел бы к тем же результатам, что и поход за подснежниками в предновогоднюю морозную ночь.

Скорее всего, единомышленники и соратники И. В. Сталина не очень стремились к поиску новых путей развития государства и права, дабы не противоречить идеям своего учителя и вождя. Большую часть их работ составляет добросовестный пересказ сталин-

¹ См.: *Калинин М. И.* О революционной законности. М., 1932; Об укреплении пролетарской революции в деревне. М., 1932; Речи на XVII съезде ВКП(б) М., 1934; О проекте Конституции РСФСР. Доклад. М., 1939; Речь на XVIII съезде ВКП(б). 16 марта 1939. М., 1939; О коммунистическом воспитании: избранные речи и статьи. М., 1947; М., 1940; *Каганович Л. М.* Организационные вопросы (партийное и советское строительство: доклад XVII съезду ВКП(б). М., 1934; Речь на XVIII съезде ВКП(б). М., 1939; *Молотов В. М.* Об изменениях в советской Конституции. М., 1935; Конституция социализма. М., 1936; Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М., 1937; *Андреев А. А.* О коммунистическом воспитании молодежи. М., 1939; И. Сталин и колхозное крестьянство. М., 1950; *Куйбышев В. В.* Работа ЦКК и РКИТ в связи с общепартийными основными задачами. М., 1929; От VI к VII Съезду Советов Союза ССР. М., 1935; *Микоян А. И.* Славное двадцатилетие советской разведки. М., 1938; Сталин — это Ленин сегодня. М., 1940; Великий зодчий коммунизма. М., 1950; *Жданов А. А.* Победа социализма и расцвет советской демократии. М., 1936; Ленинские предначертания воплощены в жизнь. М., 1938; 29 годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. М., 1946; *Горкин А. Ф.* Что дала советская власть народам СССР. М., 1942; Избирательный закон советского государства. М., 1945; Партия и Советы: лекция. М., 1947.

² *Юдин П. Ф.* Советское государство рабочих и крестьян. М., 1942; Социализм и коммунизм. М., 1946; Всемирно-историческая победа коммунизма. М., 1950; *Ингулов С. Б.* Два мира — две системы. М., 1932; Политбеседы: краткий учебник политграмоты. М., 1935; *Карпинский В. А.* Наша новая Конституция. М., 1937; Права и обязанности граждан СССР. М., 1946; Общественное и государственное устройство СССР. М., 1946, 1948; *Мануильский Д. З.* Революционный кризис, фашизм и война. М., 1934; Итоги социалистического строительства в СССР. М.; Л., 1935; О капиталистическом окружении и троцкистских резервах. М., 1937.

ских идей и указаний, при этом основной упор делался на цитирование сталинских работ и льстивые высказывания в адрес великого И. В. Сталина. Иногда дело доходило до курьезов. Так, А. И. Микоян в краткой речи на XVII Съезде партии умудрился упомянуть имя Сталина 41 раз. Вместе с тем предложения по вопросам советского права и государства сводились к ординарным требованиям «укрепить законность», «повысить ответственность», «покончить с грубейшими нарушениями советских законов». Требования ставились абстрактно, без серьезного объективного анализа существующей политико-правовой практики и потому носили в основном субъективный характер, обусловленный конъюнктурой текущего дня, и не приводили ни к развитию правовой науки, ни к улучшению правоприменительной практики.

В итоге оказалось, что в стране даже не по всем учебным дисциплинам высшего и среднего юридического образования были учебники. Острую потребность страны в юридических кадрах учебные учреждения и юридические факультеты университетов не могли удовлетворить по двум причинам: некому учить и не по чему учиться. Для разрешения тупиковой ситуации было принято постановление ЦК ВКП(б) 1946 г. «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране».

Верный себе, ЦК партии не нашел никаких изъяснов в своей политической линии относительно правовой науки. Оказывается, губительный для нее режим был создан не по воле партии и государства, а ведущими институтами страны: Институтом права АН СССР и Всесоюзным институтом юридических наук Министерства юстиции СССР, которые «не подготовили и не выпустили в свет за последние годы серьезных работ по юриспруденции, в особенности по теории государства и права, советскому государственному праву, международному праву и истории советского государства». Уцелевшие научно-педагогические кадры вынуждены были поблагодарить партию за очередное проявление ее заботы о нуждах правового образования и правовой науки и с удвоенными усилиями приняться за написание монографий и учебников.

С того периода начинается медленное возрождение советской правовой науки в целом, в том числе о советском правосудии. По данным А. Ф. Шебанова, за 1947—1950 гг. преподаватели юридических вузов опубликовали 45 крупных работ и 32 учебника по юридическим наукам¹. Правоведы стали проявлять заметно больший ин-

¹ См.: *Шебанов А. Ф.* Развитие юридических высших учебных заведений после Великой Отечественной войны. URL: <http://docplayer.ru/139104184-Razvitiye-yuridicheskikh-vysshih-uchebnyh-zavedeniy-posle-velikoy-otechestvennoy-voyny.html>.

интерес к проблемам судостроительства и судопроизводства, а студенты юридических вузов и слушатели юридических школ были обеспечены соответствующей учебной литературой¹. Особо следует отметить С. Н. Абрамова, подготовившего монографию, три варианта учебника «Гражданский процесс» и ряд брошюр, посвященных актуальным вопросам судебной практики по гражданским делам², М. А. Чельцова-Бебутова, издавшего учебник и ряд монографий по теории и истории уголовного процесса³, а также В. М. Кожевникова, монографическое исследование которого «История советского суда» не утратило своей актуальности по настоящее время⁴.

Интенсификация научных исследований проблем советского правосудия, проведенных в 1946—1956 г., никак не сказалась на оценках и выводах их авторов. В работах по-прежнему делался значительный акцент на цитатах из публикаций и речей И. В. Сталина, неустанно подчеркивался его вклад в развитие советского государства и права и предпринималась лакировка социальной действительности, политико-правовой практики. Кроме того, не проводился анализ конкретных правовых явлений, условий их существования, имеющих недостатки, несовершенства действия советского права и деятельности советского государства. Подобная методология поддерживалась

¹ См.: *Андреев М. Н.* Производство в порядке надзора по уголовным делам. М., 1947; *Антимонов Б. С., Герзон С. Л.* Адвокат в судебном заседании по гражданскому делу. М., 1946; *Обжалование и пересмотр решений по гражданским делам.* М., 1947; *Арсеньев Б. Я.* Сталинская конституция и основные вопросы уголовного процессуального законодательства СССР. М., 1947; *Голунский С. А.* Судостроительство СССР. М., 1946; *Гродзинский М. М.* Надзорное и кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1949, 1953; *Карев Д. С.* Советская юстиция. М., 1950; *Лебедев В. Г.* Организация работы советской прокуратуры. М., 1953; *Лебединский В. Г.* Организация работы в органах прокуратуры. М., 1949, 1952; Организация работы советской прокуратуры. М., 1953; *Лисковец Б. А.* Рассмотрение дел о хищениях государственного и общественного имущества. М., 1950; *Лившиц Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1949; *Орловский П. Е.* Практика Верховного Суда СССР по гражданским наследственным делам. М., 1947; *Перлов И. Д.* Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1948.; *Строгович М. С.* Уголовный процесс. М., 1946; *Юдельсон К. С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951.

² См.: *Абрамов С. Н.* Гражданский процесс: учебник для юридических школ. М., 1946; Гражданский процесс: учебник для юридических институтов. М., 1948; Гражданский процесс: пособие для народных судей. М., 1949, 1950; Судебное установление юридических фактов. М., 1948; Проверка обоснованности решения, вынесенного судом по советскому праву. М., 1950.

³ См.: *Чельцов-Бебутов М. А.* Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М., 1947; Очерки по истории советского уголовного процесса: пособие. М., 1948; Положение личности в советском уголовном процессе. Ч. 1. М., 1948; Уголовный процесс: учебник для юридических вузов. М., 1948; Советский уголовный процесс: учебник для юридических вузов. М., 1951.

⁴ См.: *Кожевников М. В.* История советского суда. М., 1948.

принудительными мерами, в частности Совещанием юристов по обсуждаемому макету учебников теории государства и права, состоявшимся 18 мая 1948 г. с участием А. Я. Вышинского, и борьбой с космополитизмом в правовой науке.

После смерти Сталина в марте 1953 г. советские правоведы сохранили верность прежним стилю и методологии научной работы. Цитаты из произведений великого вождя советского народа и всего человечества по-прежнему составляли значительный удельный вес в их изданиях, сохранялись неизменными и лестные оценки деятельности Сталина. Этапным событием для правовой науки стало выступление первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на XX Съезде партии с докладом «О культе личности и его последствиях». Правоведы освободились от обязанности цитировать Сталина и признавать его продолжателем дела Ленина и верным марксистом. И как отрезало: хотя бы кто-нибудь из авторов, пропагандировавших Сталина, его деяния, выступил в его защиту. Правда, и особенной критики высказанных им положений по вопросам государства и права также не наблюдалось.

Что касается разоблачения культа личности И. В. Сталина и организованного под его руководством массового террора, то ЦК партии и соответственно цензура в лице Главлита не усматривали в этом политическом мероприятии никаких поводов и оснований для проведения советскими правоведами специальных исследований практики террора, его сути и методов, совокупности актов, которыми он был разрешен и определен, и, самое главное, установления числа жертв, невиновно пострадавших от террора.

В юридической литературе по-прежнему сохранялся благостный тон оценок деяний советского правосудия и его руководителей и органов юстиции в целом, хотя и многих охотников писать на эту тему подобным образом также не находилось. Статус классического труда имела монография М. В. Кожевникова «История советского суда. 1917—1956 гг.»¹, в которой эмпирическое описание явлений и процессов с преобладанием позитивных оценок превалировало над теоретическим и достоверным. Описанием отдельных затруднений в работе органов правосудия и успехов по их преодолению вуалировались реальные проблемы того периода — сталинский террор и его последствия. Никто из бывших руководителей органов правосудия, юстиции и прокуратуры периода культа личности не оставил мемуаров. В частности, бывший председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков предпочел издать монографию «Суд и законность в художественной литературе XIX в.»².

¹ См.: Кожевников М. В. История советского суда. 1917—1956. М., 1957.

² См.: Голяков И. Т. Суд и законность в художественной литературе XIX в. М., 1956.

В числе главных направлений публикаций советских правоведов по проблемам законности и правосудия сталинского периода можно выделить исследования: 1) практической и научной деятельности ведущих руководителей органов юстиции того времени; 2) общих проблем истории органов советского правосудия; 3) законодательства о военном трибунале и его работе; законодательства и практики судов общей юрисдикции и иных органов юстиции. В данный период усилиями советских диссидентов за рубежом осуществлен ряд публикаций, в которых в отличие от позитивных оценок «официальных» исследований дана негативная информация о грубейших нарушениях законности и прав человека в условиях победоносного строительства социализма под руководством Сталина.

Советские правоведы считали делом своей чести изучить научное наследие и практическую деятельность П. И. Стучки, Н. В. Крыленко и Д. И. Курского, стоявших у истоков советского правосудия и оказывавших заметное влияние на его суть и содержание в годы сталинских репрессии. О каждом из названных деятелей советской юстиции опубликованы монографические исследования, а также изданы сборники их ведущих произведений¹.

Авторы публикаций, посвященных общим вопросам истории советского правосудия, в том числе сталинского периода, свою главную задачу видели в том, чтобы показать подлинный демократизм советского правосудия, прямо и непосредственно ориентированного на защиту прав советского труженика, время от времени перемежая позитивные оценки охами и вздохами по поводу допущенных в период культа личности Сталина нарушений закона. Характеризуя суть этого подхода, В. А. Иванов в 1957 г., уже после разоблачения сталинского террора и допущенных нарушений закона, писал, что суть демократической линии Конституции СССР 1936 г. выражалась «в обеспечении единства понимания и применения социалистической законности по всему Союзу ССР... в дальнейшей демократизации советского суда»². Соответственно внимательное исследование

¹ См.: *Стучка П. И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964; *П. Стучка* — революционер, мыслитель, государственный деятель. Рига, 1965; *Удовис Э. М.* Большая жизнь. Рига, 1965; *Ваксберг А.* Прокурор Республики. М., 1974; *Максимов Е.* Николай Крыленко. М., 1982; *Симонян М. Н.* Жизнь для революции (Очерк о Н. В. Крыленко. 1885—1938). М., 1962; *Крыленко Н. В.* Судебные речи. М., 1962; *Курский Д. И.* Избранные статьи и речи. М., 1958; *Шифман М. Л.* Дмитрий Иванович Курский. М., 1956.

² *Иванов В. А.* Организация суда и прокуратуры // 40 лет советского права. М., 1957. С. 560; См. также: *Полянский Н. Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956; *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955; *Перлов И. Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955; Верховный Суд. 1924—1974. М., 1974.

дела было неременным условием деятельности военных следственных-прокурорских и судебных органов. Правда, автор честно признает, что в этом успешно проходящем процессе на твердой почве законности и демократии не обошлось без серьезных ошибок, обусловленных сталинской теорией классовой борьбы. Но в чем конкретно выразились эти ошибки и в каком масштабе, автор предпочитает умалчивать¹.

Твердая уверенность в том, что законность и права советских граждан были высшим смыслом деятельности военных трибуналов во все времена их существования, в том числе в годы Великой Отечественной войны, красной нитью проходит через все публикации по этой тематике советских правоведов периода застоя². У читателей подобных публикаций ничего, кроме гордости за самоотверженность военных трибуналов, их достойных сотрудников, не возникало. По такой же схеме преподносилась работа судов общей юрисдикции. Да, трудились честно и много, нарушения неукоснительно исправлялись вышестоящими судебными органами³.

Бог весть, сколько бы продолжалось подобное оболванивание населения, если бы не диссиденты, в первую очередь А. И. Солженицын, Р. А. Медведев, решившие в бочку слащавой официальной версии советского правосудия добавить ложку правды. Их работы, значительная часть которых посвящена анализу конкретных фактов из истории сталинского террора, опубликованные за рубежом в начале 1970-х гг., положили начало новому видению проблем советских законности и правосудия и согласно русской пословице настолько испортили мед в бочке славословия, что от него пришлось отказаться даже ЦК партии. В ходе начавшейся под руководством

¹ См.: *Иванов И. А.* Указ. соч. С. 575, 581.

² См.: *Борисоглебский В. В.* Военные трибуналы — органы социалистического правосудия // Военные трибуналы — органы социалистического правосудия. М., 1958; *Викторов Б. А.* Военное законодательство и органы юстиции в период Великой Отечественной войны // Советское государство и право. 1965. № 5; *Горный А. Г.* Принципы организации и деятельности военной прокуратуры в годы Великой Отечественной войны и их развитие в настоящее время // Опыт работы органов военной юстиции в годы войны и его творческое использование в мирное время. М., 1975; *Гусев Л. Н., Кобликов А. С.* Демократические принципы осуществления правосудия в военных трибуналах СССР. М., 1955; *Кобликов А. С.* Принципы социалистического правосудия и их осуществление в военных трибуналах СССР. М., 1966; *Биленко С. В.* Органы и войска НКВД в годы Великой Отечественной войны. М., 1980; и др.

³ См.: *Максимов С. С.* Пересмотр приговоров в порядке надзора в советском уголовном процессе. М., 1966; *Строгович М. С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956; *Абрамов С. Н.* Проверка обоснованности судебного решения вышестоящим судом по советскому праву. М., 1956; *Поломордзинов Д. И.* Законная сила судебного решения. Тбилиси, 1964; *Юдельсон К. С.* Советский гражданский процесс. М., 1956.

М. С. Горбачева перестройки социалистического общества партия официально признала факты грубейших нарушений законности и наличие массовых невиновных жертв из самых разных слоев общества.

Современный период историографии сталинского суда и правосудия, начало которому было положено обретением РСФСР в 1992 г. статуса самостоятельного, не зависящего от СССР государства — Российской Федерации — оказался наиболее активным и весьма успешным по сравнению с предшествующими периодами. Российские либералы из числа историков и правоведов, желая, чтобы население как можно быстрее отвратилось от советского прошлого, в спешном порядке организовали перевод ряда зарубежных изданий, посвященных генезису сталинского террора, иным мрачным страницам истории советского правосудия и другим институтам советской власти¹, а также опубликовали ряд работ отечественных авторов-антисоветчиков, печатавшихся за рубежом². Залп подобного рода изданий был выпущен по российскому читателю. Среди них оказалась одна из первых зарубежных книг о сталинском терроре — работа Р. Конквеста «Большой террор», опубликованная в Англии в 1968 г.³

Издание «Большой террор», по признанию автора, готовили, чтобы дать развернутый отчет о сталинском терроре, поскольку западные страны имели о нем неполное представление, хотя «нельзя понять до конца, как вообще устроен современный мир... без изучения крупнейшей его части»⁴. В то же время Р. Конквест спешит успокоить читателя: взятую на себя задачу он будет решать самым простым способом — системным изложением известных ему фактов без

¹ См.: *Верт Н.* История советского государства. М., 1992; *Хаски Ю.* Российская адвокатура и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. М., 1993; *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1998; *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж.-Л.* Черная книга коммунизма. М., 2001; *Койвисто М.* Русская идея. М., 2002; *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006; *Баберовски Й.* Красный террор: история сталинизма. М., 2007; *Голдман В. З.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010; *Рейфилд Д.* Сталин и его подручные. М., 2017.

² См.: *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. 1918—1923 гг. М., 1990; *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 3. М., 1989; *Иванов-Разумник Р. В.* Писательские судьбы. Тюремьи ссылки. М., 2000; *Кравченко В. Я.* Избрал свободу. URL: <https://litres.ru/chitat/ru/%D0%9A/kravchenko-viktor/ya-izbral-svobodu/1>; *Авторханов А. Г.* Происхождение партocrатии. Т. 2. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonfiction/392709-abdurahman-avtorhanov-proisshozhdenie-partokratii.html>; *Медведев П.* Они окружали Сталина. М., 1983; *К суду истории. О Сталине и сталинизме.* М., 2011.

³ См.: *Конквест Р.* Большой террор. Кн. I и II. М., 1991.

⁴ См.: *Конквест Р.* Предисловие автора к русскому изданию. URL: <https://history.wikireading.ru/108813>.

опоры на какие бы то ни было научные теории об историческом процессе, поскольку он в них не верит. Просто «России много раз подряд просто не везло, когда на поворотах истории события могли пойти иным, гораздо лучшим курсом»¹. Однако рекомендаций о том, каким мог быть «лучший курс» России, автор не дает, он лишь вносит «скромный вклад в фонд правды как перечень фактов, вынесенных на обсуждение человечества»².

Историко-методологические установки автора, бесспорно, радовали широкую читательскую массу, предвкушавшую знакомство с большим количеством новых «жареных» фактов о советской России. Для тех, кто занимается историей и теорией современного общества, работа, подготовленная подобным образом, заведомо представляла собой конгломерат фактов, во-первых, заимствованных по преимуществу из печатных изданий, основанных на слухах, чего не отрицает сам Конквест, и потому имеющих сомнительную достоверность, во-вторых, не получивших оценок даже с точки зрения общих ценностей Запада: демократии, законности, справедливости, общезначительных прав и свобод личности, закрепленных нормами международного права.

Смысл научных экзерсисов автор видел в том, чтобы вызвать у читателей определенные *моральные оценки*³. Заявление весьма примечательное. Итак, Конквест публично признал, что он не только не дал юридического анализа выявленных фактов и событий, но и не ставил себе такой цели. В типичной для западных писателей манере он стремился изложить события сталинского террора как сугубо негативного явления, противоречащего элементарным нормам демократического буржуазного государства, но подобный вывод читатель должен делать самостоятельно, руководствуясь собственным правосознанием.

Однако можно ли считать исследование на юридическую тему завершенным без обстоятельного анализа юридического аспекта исследуемого и оценки его юридической природы? Ответ для юриста вполне очевиден. Изучение сугубо юридического явления без раскрытия его юридического существа можно считать односторонним, неполным, представленным лишь начальной стадией научного познания — сбором и описанием эмпирической реальности. Между тем этот недостаток произведения Конквеста не был исправлен ни самим автором, ни другими западноевропейскими историками, например не было работ, переведенных на русский язык в качестве об-

¹ См.: Конквест Р. Предисловие автора к русскому изданию.

² Там же.

³ Там же.

разца, примера творческого анализа негативных явлений, происходящих в советском государстве.

Успех, с которым широкая читательская аудитория встретила книгу Конквеста, увеличил интерес историков и правоведов к проблемам сталинской юстиции и сподвиг их на подготовку ряда монографических исследований злодеяний советского государства относительно своего народа. Работа скорее всего усилила желание А. И. Солженицына как бывшего заключенного представить собственное видение негативных сторон сталинского правосудия и рассказать о нечеловеческом содержании заключенных в местах лишения свободы. В трехтомном издании «Архипелаг ГУЛАГ» без особого труда можно найти ряд совпадений с тем, что описано у Конквеста по предмету исследования, использованным источникам, уровню и направленности обобщений и стилю изложения.

Обе работы впечатляют широтой охвата исследуемых проблем, а также признанием слухов, суждений некоторых индивидов достоверными источниками. Авторы были солидарны в весьма негативной оценке сталинского террора и *уклонении от анализа его юридической природы*. Однако, как уже говорилось, невозможно исследовать сугубо правовое явление, каковым выступает террор, без рассмотрения его юридической природы в качестве грубейшего нарушения законности. Требовалось обосновать абстрактный и в целом справедливый вывод авторов о противоправности террора, его несоответствии исходным принципам права, как минимум назвав конкретные положения Конституции СССР, нормы уголовного, а также уголовно-процессуального советского законодательства, которым противоречили меры, действия и события сталинского террора. Другой заметный недостаток изданий Конквеста и Солженицына состоял в вольной, весьма завышенной оценке числа жертв сталинских репрессий.

Желая придать исследованиям проблем сталинского правосудия научный характер, современные российские историки занялись изучением архивных источников и других официальных материалов, как только им была предоставлена такая возможность, предприняли попытку установить подлинное число жертв сталинского террора. Можно выделить пять ведущих направлений таких исследований: 1) определение числа репрессированных по официальным данным карательных органов¹; 2) выявление и опубликование в открытой пе-

¹ См.: Мозохин О. Б. Статистика репрессивной деятельности. URL: <http://istmat.info/node/255>; Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. О масштабах политических репрессий в СССР при Сталине: 1921—1953. URL: <https://storm100.livejournal.com/4629802.html>; Поминальные списки Карелии. 1937—1938: уничтоженная Карелия. Ч. II: Большой террор. Петрозаводск, 2002; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930—1960. М., 2003.

чати «секретных» нормативных правовых актов, придавших видимость законности грубейшим отступлениям карательных органов от требований Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов¹; 3) выявление и систематизацию нарушений законности, допущенных органами НКВД СССР на стадии следствия и принятия решений квазисудебными органами НКВД, а также военными трибуналами²; 4) опубликование воспоминаний непосредственных участников сталинского террора в качестве его жертв или исполнителей³; 5) обоснование персональной ответственности Сталина и иных руководителей партии и советского Правительства за развязывание и проведение массового террора⁴.

Наиболее острая дискуссия развернулась относительно персональной ответственности Сталина за развязанный по его инициативе и под его руководством массовый террор. Одни видят в Сталине основного виновника многомиллионных невинных жертв. Другие полагают, что подобное обвинение вождя партии и советского народа является несостоятельным, в нем не учитываются конкретно-исторические условия СССР первой половины прошлого столетия и тот факт, что только всемерное укрепление дисциплины труда и правопорядка позволили СССР выйти победителем в войне с фашистской Германией. Те, кто придерживается третьей точки зрения, при-

¹ См.: История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. // Массовые репрессии в СССР. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, 1918—1939: документы и материалы: в 4 т. М., 1998—2004; База данных документов. Фонд А. Н. Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/db-docs>; Истмат: документы. URL: <http://istmat.info/documents?page=537>; Мозохин О. Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ (1918—1953 гг.). М., 2018.

² См.: Козин Е. В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917—1953 гг.; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. М., 2011; Шкаревский Д. Н. Формирование и развитие органов транспортной юстиции в 1930-е годы: историко-правовой анализ. М., 2018; Папков С. А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., 2012; Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991.

³ См.: Федоров Л. Л. Записки пулеметчика и юриста. М., 2007; Разгон Л. Непридуманное: повесть в рассказах. М., 1987; Шаламов В. Т. Колымские рассказы. М., 2005; Делagramматик М. Военные трибуналы за работой // Новый мир. 1997. № 5; Берия Л. П. Мое политическое завещание. М., 2012; Фролов П. Исповедь палача с Лубянки. Эмиссар Берии с особыми полномочиями. М., 2011.

⁴ См.: Смыслов О. С. Генерала Абакумов. Палач или жертва? М., 2012; Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берии: величайшее преступление XX века. М., 2012; Павлюков А. Е. Ежов: биография. М., 2007; Полянский А. И. Ежов: история «железного» сталинского наркома. М., 2001; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; Он же. Так говорил Каганович: исповедь сталинского апостола. М., 1992; Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934—1941. М., 1999.

знают ответственность Сталина за развязанный им массовый террор, но «амнистируют» его с учетом вклада, внесенного в построение основ социализма, победу над фашистским агрессором и успешное восстановление народного хозяйства, разрушенного войной¹.

В современный период значительно возрос интерес к истории сталинского правосудия у правоведов, опубликовавших ряд монографий и иных работ². При этом, что особенно важно, юридические исследования имеют свой обособленный предмет и не вторгаются в сферу интересов историков.

Достоверность юридического факта, события обеспечивается решением двух познавательных задач: 1) выявлением исторической правды, того, что непосредственно было в действительности, а также того, в какой последовательности происходили изучаемые события и какие последствия они породили; 2) установлением юридической природы выявленных фактов, т. е. определением того, что юридически представляли собой познанные события и порожденные ими результаты с точки зрения действующих законов. При этом требовалось не только выяснить, были ли события, действия правомерными или противоправными, но и дать их юридическую квалификацию, т. е. установить, под какие конкретно нормы права они подпадают и в какой мере соответствуют этим нормам права.

¹ См.: *Пыхалов И. В.* Великий оболганный вождь. Ложь и правда о Сталине. М., 2010; *Лысков Д.* «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века. М., 2009; *Медведев Р. О Сталине и сталинизме.* М., 1990; *Капченко Н. И.* Политическая биография Сталина. URL: <http://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka.html>; *Карпов В.* Генералиссимус. Калининград, 2002; *Кузнецовский В. Д.* Сталин. «Посредственность», изменившая мир. М., 2010; *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. М., 1989.

² См.: *Абдулин Р. С.* Судебное управление в Российской Федерации (1917—1990). М., 2014; *Бондаренко Д. В.* Юридическая ответственность в военное время (на опыте Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., 2004; *Буков В. А.* От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997; *Емелин А. С.* Правовые основы превращения СССР в единый военный лагерь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2003; *Епифанов А. Е., Кукулиев Э. Р.* Наказание особо опасных государственных преступников в СССР. 1948—1956 гг. Историко-правовой аспект. Волгоград, 2008; *Кодинцев А. Я.* Государственная политика в сфере юстиции СССР. 30—50-е годы XX века. Куртамыш, 2008; *Кудрявцев В. Н., Трусов А. П.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000; *Курицын В. М.* История отечественного государства и права. М., 2009; *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России. История. Документы: в 6 т. Т. 5: Советское государство. М., 2003; *Смирнов Н. Г.* Репрессированное правосудие. М., 2001; *Петухов Н. А.* История военных судов России. М., 2003; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997; *Стецовский Ю. И.* История советских репрессий: в 2 кн. М., 1997; *Сырых В. М.* Крыленко — идеолог советского правосудия. М., 2003; *Он же.* Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М., 2020; *Упоров И. В.* Государственная политика СССР по борьбе с бандитизмом на бывших в оккупации советских территориях (1943—1953 гг.). М., 2015.

На практике профессиональные различия следствия и суда сохраняются таким образом на уровне научных исследований. Историки выступают в роли следователей. Будучи ориентированными на установление исторической истины, выявление и критический анализ исторических источников, восстановление хронологической, конкретно-исторической связи между действиями и событиями, историки не обладают необходимыми профессиональными компетенциями юриста, требующимися для раскрытия юридической природы наблюдаемых явлений и процессов. Отсюда исходят повсеместно проявляемые робость и нежелание историков вторгаться в сферу юриспруденции, желание завершить исследование описанием хронологически последовательного течения событий.

На долю правоведов приходятся функции судей, обязанных давать научно обоснованные выводы относительно, во-первых, правового статуса субъектов права и юридической природы исследуемых событий, явлений, в том числе деятельности правотворческих, правоприменительных и правоохранительных органов, во-вторых, степени соответствия действий органов государства, иных субъектов права законодательству, а также относительно совокупности допущенных ими отступлений от нормативных установлений, в-третьих, конституционности применяемых норм права.

Реализация названных функций необходимо предполагает использование законов и иных нормативных правовых актов в качестве критерия юридической оценки изучаемых исторических фактов. Субъект обязан соблюдать и исполнять действующие нормы права, соответственно и оценка его поведения историком-теоретиком возможна только с позиций этих норм права. Однако на момент исследования правовая система действует в существенно модифицированном виде и для правовой оценки событий прошлого оказывается непригодной. *Восстановление системы норм права по предмету исторического изучения составляет еще одну архиважную научную задачу для правоведа-историка.*

Доскональное знание системы норм права выступает необходимым условием оценки не только юридической природы явлений, но и самых норм права как регуляторов общественных отношений. Для всесторонности научного анализа требуется неременное установление в историко-правовом исследовании степени соответствия действовавших в определенный период норм конституции страны, иным предписаниям высшей юридической силы. Благодаря подобной процедуре представляется возможным отделить действительные нормы права от предписаний, имеющих превращенную форму и не

обладающих регулятивной функцией. Далее следует определить уровень эффективности действительных норм права, социально-правовые причины их недостаточной эффективности, в том числе выявить правотворческие ошибки и иные дефекты.

В силу изложенного всесторонний и полный анализ юридической природы сталинского правосудия, массового террора предусматривает решение шести задач: 1) систематизация источников права по предмету исследования; 2) выделение действительных норм права из совокупности предписаний, имеющих превращенную форму вследствие их принятия некомпетентными органами партии и государства, нарушений иерархической связи источников права, закрепленной Конституцией СССР; 3) установление режима законности в работе карательных и судебных органов, меры и степени свободы усмотрения их работников; 4) определение типологии и видов нарушений законности, допущенных в ходе массового террора со стороны карательных органов; 5) квалификация нарушений законности, допущенных руководителями партии и государства, руководителями карательных органов и непосредственными исполнителями в процессе инициирования и проведения массового террора; 6) оценка юридических и социальных последствий массового террора и иных нарушений в сфере правосудия.

Российские правоведа пока не могут похвастаться заметными успехами в решении названных задач. Остается нерешенной *начальная задача* — воссоздание системы законов и иных нормативных правовых актов, регулировавших отношения в сфере правосудия сталинского периода. В гл. III—IV т. 5 «Судебной власти в России. История. Документы» содержится малая толика нормативных правовых актов по вопросам правосудия, действовавших в тот период. Причем нет наиболее значимых «секретных» актов Политбюро ЦК ВКП(б), которыми давалась индульгенция правоохранительным органам на грубейшие нарушения законности в деле раскулачивания зажиточной части крестьянства, привлечения к уголовной ответственности бывших соратников В. И. Ленина, при организации и работе квазисудебных органов (троек и двоек), упрощенном порядке расследования уголовных дел и вынесения обвинительных приговоров.

До тех пор пока не будет воссоздан массив нормативных правовых актов, как открытых, помещенных в источниках официального опубликования, так и «секретных», принятых вопреки действующей Конституции СССР и в обход законов советского государства, и историки, и юристы, не зная реальной подоплеки нарушений закон-

ности, будут по-прежнему все грехи списывать на исполнителей и оправдывать их истинных виновников в лице руководителей партии и Правительства либо придумывать мифологические обстоятельства, вынудившие советское государство пойти на подобные крайние меры. По-прежнему окажется невозможным получение научно обоснованных данных о юридической природе советско-сталинского правосудия, его терроре и личной ответственности в нем И. В. Сталина и его ближайшего окружения.

В данном томе предпринята попытка дать доктринальное толкование нормативных правовых актов по вопросам сталинского правосудия, значительная часть которых, изданная под грифом «секретно», все еще остается неизвестной широкой читательской аудитории. Общество вправе знать, что на самом деле истоки террора — это не правоприменительная деятельность карательных органов, а узурпированная ЦК партии и лично Сталиным законодательная власть, что все грубейшие нарушения законности в ходе террора получили высшее партийное благословение.

Следует признать, что, отдавая приоритет догматическому изучению источников права, пришлось заметно уменьшить объем книги, отведенный под анализ их социально-правовой эффективности. Данные о конкретно-исторических условиях действия норм права и их полезности приведены лишь как иллюстрации или в целях обоснования соответствующих положений, выводов. Научный анализ названных проблем требует специальных исследований, ориентированных на получение достоверных и обоснованных сведений о числе жертв сталинского террора, его законности и социальной результативности, позитивном и негативном вкладе в строительство социализма, решении иных задач того времени.

Раздел II

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ПЕРИОДОВ НЭПА И ПОСТРОЕНИЯ ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА

Глава 1. Ведущие направления деятельности государства и общества в процессе формирования основ социализма

В истории советского государства и общества процесс строительства основ социализма был самым трудным, чрезмерно осложненным, но самым героическим и победоносным: за короткий срок (менее чем за 20 лет) удалось осуществить переход от аграрной, отсталой в промышленном отношении страны к промышленно развитой, выстоять в ходе Великой Отечественной войны и победить фашистскую Германию, а затем успешно восстановить разрушенное народное хозяйство. Экономический, социально-политический потенциал советского общества, созданный в тот период, оказался настолько прочным, что потребовалось более 30 лет бездарного управления страной, чтобы развалить ее, предав дело рабочего класса, сумевшего впервые в истории человечества построить общество, лишенное эксплуатации человека человеком и создавшее каждому реальные условия для его формирования и развития как творческой личности и активного участия в делах общества и государства.

При нэпе, основы которого закреплены решениями VIII Всероссийского съезда Советов, состоявшегося 23—29 декабря 1920 г., со всей очевидностью выявились трудности социалистического строительства в стране с разрушенной экономикой и преобладанием крестьянского, мелкотоварного общественно-экономического уклада. Поэтому с учетом наличных реалий были определены направления движения общества и государства к намеченной цели. Это: 1) замена продразверстки продовольственным налогом; 2) разрешение частнопредпринимательской деятельности и товарно-денежных отношений; 3) заключение концессий с капиталистами зарубежных стран; 4) введение хозяйственного расчета на государственных предприятиях.

ВЦИК 21 марта 1921 г. Декретом «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» признал необходимым в целях укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также точного установления приходящихся на земледельцев государственных обязанностей ввести натуральный налог. Декрет также гарантировал, что все запасы продовольствия, сырья, оставшиеся у крестьян после внесения ими налога, изыматься не будут. Земледельцы могут распоряжаться ими по своему усмотрению: для укрепления и улучшения собственного хозяйства, личного потребления либо обмена на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Обмен мог осуществляться на рынках, базарах или через кооперативные торговые организации.

Для вовлечения в товарооборот излишков сельскохозяйственных продуктов, промышленных товаров и денежных ресурсов населения требовалось введение свободной торговли. Подобная мера была предусмотрена Декретом СНК от 24 мая 1921 г. Отдельным гражданам, кооперативным, потребительским, сельскохозяйственным объединениям и кустарным предприятиям разрешались свободный обмен, покупка и продажа сельскохозяйственных продуктов, изделий и предметов кустарной и мелкой промышленности. Торговля могла производиться на рынках, базарах, с лотков и в закрытых торговых помещениях. Промышленные товары государственных предприятий подлежали обмену на сельскохозяйственные товары через систему кооперативных организаций. В порядке исключения подобная операция могла совершаться и с частными лицами.

Другим важнейшим событием, не уступающим нэпу по своему влиянию на последующий ход социалистического строительства, стало образование СССР — Союза Советских Социалистических Республик. Необходимость такого союза государств, образовавшихся на территории бывшей царской России, обуславливалась прежде всего экономическими и военными задачами. Каждой республике в одиночку было трудно восстановить разрушенное хозяйство, тем более успешно защищать свои границы от иностранной интервенции.

30 декабря 1922 г. открылся I Съезд Советов СССР, который принял постановление об утверждении Декларации и Союзного договора и тем самым создал новое федеративное государство. В его состав вошли четыре союзные республики: РСФСР, Украина, Белоруссия и ЗСФСР. Съезд избрал ЦИК СССР и его четырех равноправных председателей: М. Калинина, Г. Петровского, В. Червякова, Н. Нариманова, как председателей ЦИКов союзных республик. Конституционное оформление Союза ССР завершил II Съезд Советов СССР,

принявший 31 января 1924 г. Конституцию СССР. Новое государство имело огромное значение для истории объединившихся республик и других государств. Союз ССР на всем протяжении его существования играл ведущую роль в решении международно-правовых вопросов, спас Европу и человечество от германского фашизма.

Благодаря нэпу советскому государству за пять лет удалось успешно выйти из кризисного состояния и по объему валовой промышленной продукции превзойти довоенный уровень 1913 г. Производство сельскохозяйственной продукции также вышло на уровень 1913 г. Заметно оживилась и внутренняя торговля, объем которой к 1925 г. достиг 98% от довоенного уровня¹. Однако пути перехода к социалистическим формам ведения экономики оставались для партии и государства проблематичными, особенно для сельского хозяйства.

Медленные темпы роста объема сельскохозяйственной продукции во многом были вызваны и ценовой политикой государства, которая устанавливала низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, но продавала крестьянам промышленные товары по цене, превышающей ее себестоимость в несколько раз. Подобная политика объяснялась необходимостью изыскать и накопить денежные ресурсы на развитие тяжелой промышленности. Тем не менее получалось, что теснейший союз рабочих и крестьян в экономической сфере оказывался кабалой для крестьян, тем же крепостным правом. Крестьяне должны были отдавать значительную часть своей продукции бесплатно, приобретая невероятно дорогие промышленные товары.

Но крестьянин не имел достаточных средств для приобретения промышленных товаров по дорогим ценам, да и не всегда к этому стремился. В результате значительная часть сельскохозяйственной продукции оставалась у непосредственного производителя, а государство и жители городов не получали нужного количества продуктов питания, срывались экспортные поставки хлеба. Однако государство не могло возвращаться к политике военного коммунизма и силой изымать у крестьян сельскохозяйственную продукцию. Выход виделся в проведении сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и объединении их в сельскохозяйственные артели-колхозы. Крестьянин лишался возможности самостоятельно распоряжаться сельскохозяйственной продукцией. Заставить же колхозы сдавать всю или большую часть произведенных продуктов государству представлялось делом не столь уж обременительным.

¹ См.: Шестаков В. А. Стабилизация большевистского режима // История России с древнейших времен до начала XXI в. М., 2005. С. 1034—1035.

Однако соединение крестьянской бедноты и середняков в колхозы не решало другой главной задачи — оснащения их необходимой сельскохозяйственной техникой и оборудованием, скотными дворами, иными сельскохозяйственными постройками. У государства на эти цели не было достаточных средств, а кулаки, которым строжайше запрещалось вступать в колхозы, располагали достаточной техникой и постройками, способными значительно улучшить материальное положение колхозов. Но партия и государство нашли «выход» и из этой ситуации, признав целесообразным в ходе повсеместного создания колхозов лишать зажиточные крестьянские хозяйства имущества или, как говорили в то время, раскулачивать, а членов хозяйства высылать в другую местность, по преимуществу в районы Крайнего Севера, Сибири и Казахстана.

На достигнутых результатах партия и советское государство останавливаться не думали, в качестве ведущих направлений развития промышленности они признали нужным упразднить частный сектор в промышленности и ввести пятилетнее государственное планирование, а в области сельского хозяйства — массовое объединение крестьян в колхозы. Проведением названных мер в конце 1920-х гг. завершился период нэпа, общество перешло на стадию развернутого строительства социализма, осложненного без достаточной необходимости борьбой с врагами народа, вылившейся в массовый произвол и грубейшие нарушения прав человека.

Создание основ социалистического общества, которое в советской литературе неизменно рассматривалось как одно из величайших достижений советского государства, характеризовалось решением ряда взаимосвязанных социально-экономических и политических проблем: 1) созданием тяжелой промышленности и восстановлением легкой промышленности; 2) коллективизацией сельского хозяйства; 3) уничтожением кулака как класса и вытеснением нэпманов из сферы промышленного производства и сферы торговли; 4) ликвидацией безработицы и безграмотности населения. В тот же период проводили меры по укреплению законности и правопорядка в стране, борьбе с разного рода правонарушениями.

Создание тяжелой промышленности было очень важной мерой, позволявшей советскому государству обрести независимость от буржуазных государств и самостоятельно, собственными силами производить современное оружие для армии, а также современную технику для промышленности и сельского хозяйства. V Съезд Советов СССР, состоявшийся 20—28 мая 1929 г., утвердил *первый пятилетний план* развития народного хозяйства СССР на 1928—1933 гг. Пла-

ном предписывалось увеличить объем валовой продукции промышленности примерно в 2,5 раза, производство электроэнергии — более чем в 4 раза, выплавки чугуна и стали — в 3 раза. Предусматривалось создать авиационную, автомобильную, тракторную, химическую промышленность. Планировалось увеличить производство продукции легкой промышленности примерно в 2 раза. В целях повышения грамотности населения предполагалось ввести всеобщее обязательное начальное образование, повысить общую грамотность населения до 80%.

Согласно официальным данным пятилетка была выполнена за четыре года и три месяца, т. е. досрочно. Однако современные исследования российских экономистов показывают, что успехи первой пятилетки были значительными, но не столь успешными. В основу отчетов об итогах пятилетки была положена стоимостная оценка объема продукции, тогда как точные данные о достижениях промышленности можно получить, используя лишь натуральные показатели произведенной продукции.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства, утвержденный XVII Съездом партии в январе 1934 г., был рассчитан на завершение социалистической реконструкции всего народного хозяйства и ликвидацию остатков эксплуататорских классов. Вторая пятилетка выполнялась, по отчетам официальных органов, не менее успешно, чем первая. СССР прочно вошел в число промышленно развитых стран, стал мощной индустриальной державой, вытеснив из промышленности и торговли частный сектор. В 1935 г. частные предприятия производили 0,04% промышленной продукции.

В отличие от промышленности сельское хозяйство развивалось крайне медленно. В 1927 г. в СССР насчитывалось примерно 24 млн крестьянских хозяйств. В среднем на каждое хозяйство приходилось 4—5 га посевных земель, одна рабочая лошадь и одна корова. Основными орудиями сельскохозяйственного производства были деревянная соха и серп. Лишь 15% хозяйств имели и применяли сельскохозяйственные машины на конной тяге. Число зажиточных кулацких хозяйств, использовавших наемный труд, не превышало 4% общего числа крестьянских хозяйств.

Порядок и темпы проведения сплошной коллективизации крестьянских хозяйств были установлены в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января и от 30 января 1930 г., а также в постановлении ЦИКа и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства и по борьбе с кулачеством». 24 сентября 1930 г. ЦК ВКП(б) специальным письмом

всем крайисполкомам, обкомам, центральным комитетам партии союзных республик напомнил о том, что пассивное и выжидательное отношение (ставка на самотек) к новому приливу населения в колхозы сдерживает темп коллективизации. Поэтому ЦК ВКП(б) призвал всех коммунистов добиться решительного сдвига в деле организации нового подъема колхозного движения. К осени 1932 г. было создано 2 млн 110 тыс. 500 колхозов, объединивших 61,5% крестьянских хозяйств. Число кулацких хозяйств с 1 млн в 1929 г. сократилось до 80 тыс., т. е. кулачество фактически было разгромлено. И эта победа с удовлетворением и гордостью была констатирована в резолюции Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося в январе 1933 г. Основной вопрос «кто кого» решен в пользу социализма против капиталистических элементов города и деревни.

На деле победа оказалась пирровой как по непосредственным, так и по отдаленным результатам. От террора и беззакония в ходе коллективизации и ликвидации кулачества как класса пострадали более 800 тыс. хозяйств. Из них 381 тыс. семей были переселены на Север, Урал, в Сибирь и Казахстан. Переселенцы терпели многочисленные лишения, нужду и унижения, обживали новые места в крайне тяжелых условиях, не имея необходимых средств и оборудования.

Не очень много выиграли колхозы и государство от конфискованного у кулаков имущества. Если в неделимые фонды колхозов поступило конфискованного оборудования, имущества и скота на сумму чуть более 1 млн руб., то на переселение кулаков в отдаленные районы страны и их благоустройство государство затратило более 250 млн руб.

За годы коллективизации резко уменьшилось поголовье скота в результате его массового убоя. Страшный голод, охвативший зерновые районы страны в 1931—1932 гг., унес несколько миллионов жизней.

Еще одно направление деятельности советского государства составила борьба с разного рода преступными посягательствами на советский строй, его экономическую и политическую основу. Деятельность значительно активизировалась после процесса по Шахтинскому делу, который проходил с 18 мая по 5 июля 1928 г. в Москве. К уголовной ответственности были привлечены 53 работника угольной промышленности, по преимуществу инженеры и горные техники. Согласно обвинительному заключению и приговору осужденные в течение долгого времени занимались контрреволюционным вредительством, скрывали ценные пласты угля, умышленно затапливали шахты, закупали за рубежом устаревшее оборудование.

С учетом вынесенного приговора по Шахтинскому делу И. В. Сталин 9 июля 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) провозгласил начало нового крестового похода против классовых врагов, выдвинул тезис о том, что сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба обострится. Советской же власти не остается ничего иного, как принимать ответные меры и проводить политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров.

Свой вывод И. В. Сталин не аргументировал никакими конкретными цифрами, фактами. Наряду с этим существовали свидетельства обратного. Оставшиеся буржуазные (непролетарские) слои общества не были способны к серьезной политической борьбе. В 1925—1928 гг. ежегодно привлекались за контрреволюционные преступления 0,01—0,02% всех осужденных — примерно около 1 тыс. человек.

Но и эти мизерные цифры, как и многие другие показатели сталинской статистики, были дутыми. В них включались данные и о числе осужденных бывших полицейских, иных лиц, принимавших активное участие в работе царской охраны и состоявших в рядах белогвардейцев.

Население, уставшее от войн и разрухи, не было способно организовать заговоры против Правительства и антисоветские выступления. С 1925 г. по ст. 58 УК РСФСР за контрреволюционные преступления привлекалось не более 0,2% всех осужденных. В 1925 г. по этой статье были осуждены 898 преступников, а в 1926 г. — 517. Лишь во второй половине 1929 г. данный показатель вырос до 0,6%, а в первой половине 1930 г. — до 0,9%, что было связано с коллективизацией крестьянских хозяйств.

Не видели большой общественной опасности в выявленных контрреволюционных преступлениях и суды, о чем убедительно свидетельствуют сведения о карательной практике. К расстрелу приговаривались лишь 4—5% осужденных по ст. 58 УК РСФСР, а средний срок лишения свободы, который в 1924—1928 гг. назначался контрреволюционерам, не превышал четырех лет. Каждый четвертый, осужденный по этой статье, приговаривался к условному лишению свободы.

Однако слово вождя, Сталина, оказалось более убедительным, нежели информация о реальном положении дел, в том числе статистические данные. Проходивший с 16 по 23 апреля 1929 г. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) признал, что «пролетарская диктатура означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой

борьбы». Группа Бухарина, которая пытается объяснить выступления кулаков и иных групп населения недочетами и недостатками в работе местного аппарата, занимает явно ревизионистскую позицию.

Психоз партии по поводу классовых врагов был надуманным, но приносил пользу.

Во-первых, на действия классовых врагов удалось списать многие недостатки, просчеты и ошибки, допущенные партией и государством в процессе управления народным хозяйством. Так, обвиняемые по Шахтинскому делу были признаны виновными в неумелом руководстве, нерациональном использовании государственных средств, оборудования, иных хозяйственных просчетах, допущенных при восстановлении шахт Донбасса. Обвиняемые на процессе Союзного бюро меньшевиков взяли на себя многие просчеты и в торговле, планировании, ценообразовании, которые мало зависели от них и являлись совокупным результатом действия несовершенного хозяйственного механизма и применения неэффективных административно-хозяйственных методов управления. Во всех неудачах колхозного движения, неурожая, низкой дисциплины, уничтожении техники, кражах и крупных хищениях были повинны только кулаки.

Во-вторых, массовые репрессии против советского народа позволили партии и государству сформировать гигантскую армию рабов-заклученных длястроек в необжитых районах Сибири и Крайнего Севера, самых тяжелых работ. Экономическая отдача от рабского труда была достаточно велика: не требовались никакие серьезные затраты на строительство жилья, создание минимальных бытовых удобств, надлежащее питание и заработную плату, адекватную такому труду. Достойно оплачивался лишь труд надсмотрщиков — работников исправительно-трудовых учреждений, а их по сравнению с армией рабов-заклученных было не так уж много.

В-третьих, всемерно поддерживая психоз по поводу классовых врагов, партия отвлекала внимание населения от реального состояния дел в стране, препятствовала свободному обмену мнениями о текущих событиях, консолидации демократических, реально мыслящих сил в общественные организации и движения, способных если не противостоять курсу партии, то хотя бы правильно разобраться в ситуации. Все попытки населения самостоятельно реально оценить политику, явления и факты пресекались в зародыше как выражение контрреволюционных и чуждых пролетариату настроений.

В-четвертых, под флагом битвы с классовыми врагами, борьбы за чистоту ленинских идей и единство партии Сталин и его клика смогли избавиться от инакомыслия в партии, от всех противников

Сталинского курса на построение социалистического общества. Сопратники Ленина потерпели поражение, были изгнаны из партии. Этот шаг одобрили все члены партии как единственно верное и разумное решение.

Словом, Сталину и его единомышленникам стоило устроить и раздуть пожар классовой борьбы.

Следующим этапным событием в истории советского государства и общества, имеющим большое международное значение, стало принятие 5 декабря 1936 г. VIII Чрезвычайным съездом Советов Союза ССР новой Конституции СССР. Действительно, Конституция СССР и принятая на ее основе Конституция РСФСР отразили качественно новое состояние советского общества, его экономики, государства, права и других сфер социального бытия — построение основ социализма. Конституции юридически закрепили эти достижения, предоставив новые, более широкие права трудящимся и заложив в фундамент работы органов государственной власти и управления демократические принципы их организации и деятельности. И. В. Сталин отнюдь не лукавил, утверждая на XVIII Съезде ВКП(б): «Никто не смеет оспаривать, что наша Конституция является наиболее демократической в мире».

Бесспорно, Конституция СССР и Конституция РСФСР обладали этими качествами. Но между юридически должным и реально сущим порой может лежать дистанция огромного размера. Из совокупности конституционных прав граждан СССР реально действовали лишь социально-экономические права на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости, по болезни и инвалидности. В СССР отсутствовала безработица и в условиях экономического подъема государство постоянно испытывало острый дефицит в квалифицированных кадрах. Всеобщее семилетнее образование стало реальным. За 1933—1938 гг. в целом по стране было построено 20 607 новых школ. В школах всех ступеней в 1938 г. обучалось более 30 млн школьников. Пенсии рабочим по старости, в случае болезни или потери трудоспособности выплачивались из государственных средств и не требовали дополнительных взносов от самих граждан.

Достижения советского государства в социально-экономической сфере в значительной мере меркли на фоне волюнтаристских действий партии и общесоюзных государственных органов, что обуславливалось культом личности Сталина. Нарушение суверенных прав союзных республик и фактическое создание унитарного государства, волевые решения в области экономики, управления государственными предприятиями, грубейший произвол и массовые нарушения

законности — весь этот спектр негативных явлений, сложившихся к середине 1930-х гг., не был ликвидирован или сколько-нибудь уменьшен после принятия Конституции СССР.

Вновь избранные демократическим путем Верховный Совет СССР и верховные советы союзных республик, а также образованные ими органы государственной власти и управления явились прямыми наследниками недемократических съездов Советов и достойно продолжили их линию. Именно неспособность Конституции СССР и образованных в соответствии с ней новых органов государственной власти и управления улучшить политическую ситуацию в стране, остановить действие авторитарного режима не позволяют видеть в ней того значения, которое ей придавала официальная советская историография.

Решающее же влияние на государство и право того периода имели меры подготовки к новой мировой войне, выразившиеся: 1) в дальнейшей милитаризации экономики; 2) перестройке Красной Армии и органов руководства ею; 3) присоединении к СССР ряда территорий других государств; 4) участии Красной Армии в ряде вооруженных конфликтов, в том числе в финляндско-советской войне; 5) усилении массовых репрессий под предлогом борьбы с иностранными шпионами, диверсантами и прочими врагами народа.

Вторая половина 1930-х гг. характеризовалась усилением милитаристских устремлений Германии, Италии и Японии, образовавших военный блок и развязавших Вторую мировую войну. В этих условиях СССР стал интенсивно развивать оборонную промышленность, способную обеспечить Красную Армию надежным современным оружием. Милитаризация промышленности, освоение и производство новых видов вооружения потребовали дополнительных трудовых ресурсов, которыми советское государство не располагало. Поэтому принимаются меры по увеличению продолжительности рабочего дня до 8 часов, а рабочей недели — до 48 часов, ведется интенсивная борьба с прогульщиками и иными нарушителями трудовой дисциплины, ужесточаются применяемые к ним меры наказания. В частности, вводится уголовная ответственность за прогул.

Под предлогом необходимости борьбы с немецкими шпионами и диверсантами в стране усиливаются репрессии в отношении высокопоставленных партийных и советских работников, а также простых рабочих, служащих и колхозников. Проводится ряд показательных процессов над соратниками Ленина и известными военачальниками, не пошедших по сталинскому пути построения социализма и решения основных задач в сфере экономики, политики, культуры,

обороны страны: А. Каменевым, Г. Зиновьевым, Ю. Пятаковым, Н. Бухариным, А. Рыковым, М. Тухачевским, В. Блюхером, И. Якиром и др.

Несмотря на чрезвычайные меры, партия и государство полагали, что Вооруженные силы в 1939 г. не были готовы к серьезной и победоносной войне с Германией. Важным этапом проверки боеспособности Красной Армии явились вооруженные конфликты, в которых она участвовала в конце 1930-х гг. Первое испытание советские войска прошли достаточно успешно, отбив попытку японских войск проникнуть в июле 1938 г. на территорию СССР. Согласно Договору о взаимной помощи с Монгольской Народной Республикой, заключенному в марте 1936 г., СССР оказал военную помощь Монголии в борьбе против японских агрессоров. В районе реки Халхин-Гол в период с мая по август 1939 г. советские войска совместно с Монгольской народной армией разгромили японскую армию и тем самым пресекли агрессивные устремления Японии в отношении Монголии. Серьезным испытанием для Красной Армии стала финляндско-советская война (ноябрь 1939 г. — март 1940 г.).

Вероломным нападением германских войск на СССР 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. На Советский Союз наступали 190 дивизий на фронте от Балтики до Карпат. На стороне Германии воевали Италия, Румыния, а несколько позднее — Венгрия, Финляндия и Словакия. В середине июля 1941 г. фашисты оккупировали Литву и Латвию, значительную часть Эстонии, Белоруссии и Украины, вторглись в западные области Российской Федерации, вышли к Ленинграду, Смоленску и Киеву. Советские войска понесли существенные потери. Из 170 дивизий, начавших войну, вышли из строя 28 и свыше 70 лишились половины состава в людях и боевой технике.

Советское государство оказалось в трудной ситуации. Ему приходилось решать одновременно пять сложнейших задач: 1) приостановить стремительное наступление немецких войск; 2) эвакуировать на Восток страны промышленные, и в первую очередь оборонные, предприятия, а также население и наиболее важное имущество из районов, которым угрожала немецкая оккупация; 3) провести всеобщую мобилизацию военнообязанных и компенсировать потери в живой силе, понесенные в первые дни войны; 4) организовать производство вооружения и боеприпасов в количестве, необходимом для Вооруженных сил; 5) обеспечить армию и страну продовольствием. Все эти задачи удалось решить благодаря неимоверному напряжению, героизму советских воинов и самоотверженному труду рабочего класса и крестьянства.

Первый крупный успех советских войск в Великой Отечественной войне связывают с контрнаступлением под Москвой, проведенным в период с 5 декабря 1941 г. по январь 1942 г., в ходе которого противник был отброшен от Москвы на 110—150 км. Начало же коренному перелому в ходе войны было положено победой советских войск под Сталинградом (ноябрь 1942 г. — февраль 1943 г.). В битве с обеих сторон участвовали свыше 2 млн человек. В ходе контрнаступления советские войска окружили 22 дивизии численностью свыше 330 тыс. человек и уничтожили их либо взяли в плен. Успешно действовали советские войска на Кавказе, освободив от агрессора в январе—апреле 1943 г. значительную часть территории Северного Кавказа. В январе 1943 г. был осуществлен прорыв блокады Ленинграда.

Тем не менее фашистская Германия все еще была грозным противником и предпринимала решительные действия для того, чтобы вернуть себе инициативу в войне. Летом 1943 г. немецкое командование предприняло крупное наступление в районе Курска. Курская битва (с 5 июля по 23 августа 1943 г.) завершилась победой советских войск, продвинувшихся в южном и западном направлениях на 140 км и освободивших Харьков. В ходе битвы были разгромлены 30 дивизий противника, в том числе семь танковых. Немецкие войска потеряли свыше 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков и около 4 тыс. самолетов.

Проиграв Курскую битву, немецкие войска утратили способность вести наступательные операции. Красная Армия начала общее наступление на фронте свыше 2 тыс. км от Великих Лук до Черного моря. К осени 1944 г. советские войска освободили территорию СССР, а также Румынию и Болгарию от немецких оккупантов и вышли к югославской границе. Зимой 1944 г. и весной 1945 г. Красная Армия проводила военные операции на территории Германии; 2 мая 1945 г. советские войска заняли Берлин; 8 мая 1945 г. немецкое командование подписало акт о безоговорочной капитуляции. Советский Союз победил в тяжелейшей из всех войн мировой истории ценой больших человеческих жертв и огромного материального ущерба, причиненного народному хозяйству.

В ходе войны благодаря дипломатическим усилиям СССР была образована антигитлеровская коалиция, ядро которой составили СССР, Англия и США. В коалиции участвовали Франция и Китай. Важным этапом в развитии антигитлеровской коалиции явилось согласование 26 государствами Декларации Объединенных Наций. Англия и США оказывали СССР материальную помощь, поставляли

оружие, но уклонялись от открытия второго фронта против Германии до июня 1944 г., когда исход войны уже в значительной степени был предreshен.

Несмотря на понесенные потери в войне с Германией, СССР сообразно взятым на себя международным обязательствам 9 августа 1945 г. объявил войну Японии. Советские войска с участием войск Монголии и революционной армии Китая за короткий срок разгромили Квантунскую армию, освободили Южный Сахалин и Курилы; 2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Эта дата и считается окончанием Второй мировой войны.

Победа в Великой Отечественной войне является величайшим вкладом СССР в разгром фашистской Германии. Одновременно победа оказала решающее влияние на судьбу остальных государств земного шара, освободила народы Европы от фашистской агрессии и показала всему миру преимущества социалистического строя над капиталистическим. Именно социалистическая экономика с ее централизованным управлением смогла обеспечить выпуск необходимых для армии вооружения и боеприпасов. Советский народ показал подлинный героизм и самоотверженность как на фронте, так и в тылу, стойко перенес все тяготы и лишения, которые принесла с собой война и которым подвергло его советское государство, исправляя свои ошибки и неудачи в начале войны.

В послевоенный период основные задачи советского государства виделись: 1) в осуществлении работ по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства и переводу значительной части оборонных предприятий на выпуск мирной продукции; 2) переводе вооруженных сил на мирное положение; 3) укреплении международного положения СССР, его влияния в решении международных вопросов; 4) продолжении борьбы с врагами народа, шпионами и диверсантами.

При активном участии СССР была образована международная организация, ставящая своей целью поддержание и укрепление международного мира, безопасности и развитие сотрудничества между государствами, — Организация Объединенных Наций (ООН). На конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. с участием 50 государств был принят устав ООН, который вступил в действие с 24 октября 1945 г. Советское государство ратифицировало Устав 20 августа 1945 г. В конце 1946 г. на Генеральной Ассамблее ООН Советский Союз выступил с предложениями о всеобщем сокращении численности вооруженных сил, выводе войск союзников с иностранных территорий, запрещении производства атомного оружия.

В послевоенный период у СССР возникала новая функция — укрепление и развитие дружественных отношений сотрудничества и взаимопомощи со странами народной демократии Европы и Азии, вставшими на путь социалистического развития. После Второй мировой войны от капиталистической системы отошли 11 государств с населением свыше 700 млн человек. В Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии и Югославии государственная власть перешла в руки народно-демократических сил, которые сложились и выросли в ходе борьбы с немецкими оккупантами. Свергнув власть помещиков и капиталистов, народно-демократические силы установили диктатуру пролетариата в форме народной демократии. В октябре 1949 г. образовалась Германская Демократическая Республика. Народная власть укрепилась также в Корейской Народно-Демократической Республике (1945), Демократической Республике Вьетнам (1945) и Китайской Народной Республике (1949).

С первых дней существования государств народной демократии Советский Союз оказывал им необходимую материальную помощь, предоставлял долгосрочные кредиты на льготных условиях, вел взаимовыгодную торговлю. В связи с укреплением экономических связей между СССР и странами народной демократии в 1949 г. был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). В Совет вошли СССР и страны народной демократии Европы в целях обмена хозяйственным опытом, оказания взаимной помощи и обеспечения участников СЭВ сырьем, продовольствием, промышленным оборудованием на взаимовыгодных условиях.

Соратники И. В. Сталина прекрасно осознавали, что после его смерти невозможно продолжать курс, основанный на авторитете личной власти, государственном принуждении и насилии, и необходимо реформировать главные сферы советского общества, государства и законодательства. Вопрос лишь в том, каким образом проводить эти реформы, как относиться к личности Сталина, как оценивать его роль в успехах и неудачах социалистического строительства в СССР. На партийно-государственное руководство страной претендовали три верных соратника Сталина: Берия, Маленков и Хрущев.

26 июня 1953 г. был устранен основной претендент на пост руководителя социалистического строительства в СССР — Берия. Обвиненный в подготовке захвата власти в стране, дестабилизации обстановки, а также в грубейших нарушениях законности в ходе массовых репрессий 1938—1952 гг. и связях с английской разведкой Берия был арестован, а спустя шесть месяцев, 23 декабря 1953 г., приговорен к исключительной мере наказания и расстрелян.

Устранение опасного претендента, проводимое по инициативе Хрущева, повысило его авторитет у партийно-советского руководства, и в сентябре 1953 г. Хрущев был избран первым секретарем ЦК КПСС. Пост председателя Совета Министров СССР занял Маленков. В 1956 г. Хрущев провел другую акцию, сыгравшую заметную роль в дальнейшей судьбе СССР, — начал процесс восстановления исторической правды о И. Сталине и допущенных им ошибках. На последнем заседании XX Съезда КПСС (февраль 1956 г.), уже после выбора руководящих органов партии и избрания первым секретарем ЦК КПСС, Хрущев выступил с закрытым докладом «О культе личности и его последствиях». В докладе была дана негативная оценка личности Сталина и многих его деяний, осуждены массовые репрессии и террор, развязанные против советского народа.

Заручившись поддержкой XX Съезда КПСС, Хрущев начал проводить реформы в управлении промышленностью и строительством, принципиально изменил методы руководства сельским хозяйством и колхозным строительством. Общество и государство твердо встали на путь демократии, а первоочередной целью было объявлено всемерное развитие и совершенствование действующих в стране основ социализма.

Глава 2. Богатое наследство без достойных наследников

В советской юридической литературе практически единодушным было представление о величайшем вкладе марксистско-ленинских идей в развитие теории советского правосудия и становление системы судебных учреждений. Между тем нэп был первой стадией, который развивался большею частью без В. И. Ленина, его непосредственных предложений и предписаний о конкретных путях и методах построения социалистического общества, в том числе формирования советского правосудия, поскольку он по болезни в конце 1922 г. вынужден был оставить государственную, политическую, а с марта 1923 г. — и теоретическую деятельность.

Первые полтора года нэпа Ленин принимал решительные меры по укреплению законности на всех уровнях политико-правовой практики советского государства и общества. Основы правовой и карательной политики советского государства того периода, как понимал их Ленин, были изложены в письмах Д. И. Курскому от 20 и 28 февраля 1922 г., 15 и 17 мая 1922 г. и в письме И. В. Сталину от 20 мая 1922 г. Поводом для написания писем послужили четыре исторических события: введение нэпа; упразднение ВЧК; создание советской прокуратуры; возложение на Наркомюст обязанностей принимать

жесткие карательные меры по суду в отношении политических врагов советской власти, а также нэпманов и чиновников, нарушающих советские законы.

В. И. Ленин понимал, что в условиях нэпа, ориентированного на мирный труд, на создание основ социализма, решающее значение приобретают законы советского государства, закрепляющие порядок в обществе и детальные правила реализации конкретных правоотношений. Соответственно вычерпать «море беззакония», которое, как бесстрастно констатировал Ленин, широко различалось, он намеревался при помощи таких действенных средств, как: 1) кодификация законодательства; 2) установление твердых юридических гарантий защиты трудящихся; 3) привлечение к уголовной ответственности только по суду; 4) создание прокуратуры как специального органа надзора за соблюдением законности.

Начиная с 1921 г. в стране ведутся интенсивные работы по кодификации важнейших отраслей законодательства: гражданского, уголовного, трудового, семейного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального. Ленин принимает непосредственное участие в подготовке уголовного и гражданского кодексов и в выше названных письмах Курскому дает ряд рекомендаций относительно содержания этих кодексов.

В свете событий, связанных с упразднением ВЧК и прекращением ее карательной деятельности, Ленин всерьез озабочен тем, чтобы репрессия против политических врагов советской власти и агентов буржуазии не ослабла и даже, наоборот, усилилась. Он твердо уверен в том, что «суд должен не устранить террор, это было бы самообманом или обманом, а обосновать, узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас». Основания уголовной ответственности в УК РСФСР следует формулировать «как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого»¹.

В. И. Ленин был уверен в том, что в мирный период террор не может проводиться в форме открытого насилия, осуществляемого ВЧК и военными трибуналами. Наказание должно налагаться *судебными органами в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством*, «в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке». Поэтому уголовное законодательство должно закрепить составы преступлений, которые государство признает контрреволюционными и за которые предусматривает высшую меру наказания. Этого требует один из ведущих принципов уголовного права со

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190.

времен римского права, признающий деяния преступными только в случае их запрета уголовным законодательством. У Ленина нет и мысли о том, чтобы привлекать к уголовной ответственности по мотивам социальной опасности лица или по аналогии, за деяния, формально не запрещенные уголовным законодательством.

В целях формирования особенной части уголовного законодательства, способной охватить составы всех общественно опасных для советского общества и государства деяний, Ленин рекомендует Курскому сформулировать в УК РСФСР понятие контрреволюционного преступления как можно шире, чтобы любое контрреволюционное действие, наносящее вред социалистическому строительству, попадало под соответствующую статью УК РСФСР, а виновные лица несли заслуженную кару¹. При этом Ленин обращает внимание наркома юстиции на необходимость неукоснительно соблюдать не только уголовное, но и уголовно-процессуальное законодательство.

Основополагающие указания дает Ленин по вопросам подготовки гражданского законодательства, упрекая Наркомюст в том, что он плывет по течению, тогда как «обязан бороться *против* течения». Во-первых, не перенимать (вернее, не давать себя надувать тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. Во-вторых, не поддаваться Наркоминделу, который «по должности» тянет линию «приспособления к Европе», а *бороться* с этой линией. В-третьих, «все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран в защиту трудящихся, взять непременно»².

Суть нового гражданского права Ленин видит в том, что «мы ничего “частного” не признаём, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм *только* государственный... Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в “частноправовые” отношения; расширить право государства отменять “частные” договоры; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, *как* это надо делать с умом и энергией; через партию шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учатся этому и не хотят понять этого»³.

Ленинское предписание о необходимости взять в защиту трудящихся все, что имеется в литературе и опыте западноевропейских стран, советские правоведы обычно толкуют односторонне, видят

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189—191.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 397—401, 412.

³ Там же. С. 397—401.

в нем лишь намерение обеспечить защиту трудящихся на уровне западноевропейских демократических стандартов. Между тем данное ленинское указание следует доводить до уровня западноевропейских *судебных* стандартов, поскольку именно они выступали и по настоящее время выступают наиболее действенным способом защиты прав трудящихся. Ленин предписывал «взять все, что имеется» и, значит, судебные стандарты защиты прав трудящихся, которые основываны на демократических принципах уголовного и гражданско-процессуального законодательства. Отсюда необходимо следует вывод о том, что попытки советского государства в целях упрощения советского правосудия отменить ряд твердых гарантий защиты участников судебного процесса не соответствовали ленинскому пониманию сути советского правосудия периода мирного строительства социализма.

В связи с расширением законодательной основы советского государства, кодификацией главных отраслей права и легализацией товарно-денежных отношений возросло значение реального действия принципа законности. В письме Сталину для Политбюро «О двойном подчинении и законности» от 20 мая 1922 г. Ленин изложил собственное видение проблемы законности в условиях советского государства. Он подверг суровой критике сложившуюся практику, когда местные органы государственной власти под предлогом своеобразия, специфики соответствующего региона рассматривали и решали вопросы согласно «революционному правосознанию либо принятым ими нормативным правовым актам, откладывая в сторону предписание центральной власти.

Председатель СНК признает, что подобная практика никуда не годна. «Основным злом, — отмечает он, — во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»¹. В то же время он понимал, что прокурор, поставленный центром, не может самостоятельно определять вопросы целесообразности решений, принимаемых местными органами власти с учетом специфики местных условий.

Созданная прокуратура, полагал Ленин, не должна вмешиваться в деятельность местных властей, поскольку никакой административной властью не обладает. Единство законности прокурор обеспечивает двумя методами: опротестованием незаконных решений местных Советов и привлечением к ответственности лиц, виновных в принятии незаконных решений. Прокурор, считал Ленин, «имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением дей-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 198.

ствительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям. Единственное право и обязанность прокурора — передать дело на решение суда»¹. Суды же выбираются местными Советами и соответственно являются той властью, которая обязана «с одной стороны, соблюдать единые, установленные для всей федерации законы, а с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства»².

В то же время Ленин был убежден, что задачи правосудия не ограничиваются проблемой соблюдения законности, хотя она подразумевается, а должны доводиться до уровня эффективной деятельности. Ленин рекомендует наркому юстиции усилить «репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров); проведение этих репрессий в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по скорости и силе репрессии; по разъяснению народным массам, через суд и через печать значения их) процессов»³. Он требует усилить также репрессию в отношении нэпманов за злоупотребления новой экономической политикой, карать их не позорно-глупым «коммунистически-тупоумным» штрафом в 100—200 млн, а расстрелом⁴. В идеале, по мнению Ленина, частный предприниматель должен быть «честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с духом нашего, коммунистического законодательства, не допускать ни тени отступления от наших законов», словом, капитализм должен быть вышколенным, приличным⁵.

В изложенных предложениях Ленина никаких отступлений от принципов права нет, он предлагает максимально полно использовать обще- и частнопревентивные функции юридической ответственности в целях минимизации, уменьшения уровня правонарушаемости в экономической и политической сферах. Логика его рассуждений достаточно традиционна. Азбука всей юридической работы, отмечает он, сводится к признанию громадного воспитательного значения судов, которые должны «показывать систематически, упорно, настойчиво, на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией»⁶ в данном случае применительно к нэпманам, нарушающим советские законы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396.

⁴ Там же. С. 400.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 399—400.

⁶ Там же. С. 398.

Основная и принципиальная особенность законотворчества Ленина состояла в том, что он, будучи стойким и последовательным сторонником диалектического материализма, обоснованно и творчески защитившим его от искажения последователями эмпириокритицизма, законодательство, право понимал и интерпретировал как *ординарный позитивист*. Для него право выступало в форме закона, который, в свою очередь, был не чем иным, как волей экономически и политически господствующего класса, — его волей по своему *субъективному усмотрению*, с учетом собственных интересов, и «никакой закон не может связать выражения воли господствующих классов»¹. Исключение составляют лишь страны Западной Европы, где действующее право является компромиссом, достигнутым в ходе долгих битв, итоговым результатом соотношения «силы между разными элементами западной буржуазии, западного крестьянства, западных помещиков-феодалов, власти и т. д.»².

Поскольку на всем протяжении длительной истории человечества и позитивное право в целом, и его отдельные нормы закрепляли неравный правовой статус действующих субъектов, ограничивали свободу той или иной их части и не выражали одновременно всех принципов права, Ленин, по сути, правильно признавал субъективизм воли законодателя в качестве необходимого атрибута всех ранее существовавших правовых систем, в том числе буржуазного права. Ошибка вождя российского пролетариата состояла в другом — в том, что основной дефект позитивного права предшествовавших формаций он напрямую переносил на пролетарское право, видел в нем только средство борьбы с имущими классами.

В. И. Ленин не находил нужным и возможным наделять их, как ныне говорят, всеобщими правами личности, обеспечивающими доступ к наличным в тот период благам цивилизации. Советское государство, по твердому убеждению вождя большевиков, будучи выразителем воли рабочего класса, интересов всех трудящихся, при регулировании гражданских правоотношений должно применять пролетарское правосознание³. Им же должен руководствоваться законодатель, закрепляя иные правоотношения, допускаемые, разрешаемые советским государством. Определяя задачи правовой политики в сфере гражданского права периода нэпа, Ленин прямо указывает: «Мы признали и будем признавать лишь государственный капитализм, а государство, это — мы, сознательные рабочие, мы,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 164.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 116.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

коммунисты. Поэтому ни к черту не годными коммунистами следует признать тех коммунистов, кои не поняли своей задачи ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно *всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма, как мы понимаем понятие и задачи государства*¹.

Ориентируя коммунистов на решительную борьбу «со всяким капитализмом, выходящим за рамки государственного капитализма», Ленин дает широкую степень свободы их действиям. По его мнению, необходимо расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые отношения»; расширить право государства отменять «частные договоры». Однако он ничего не говорит о правах, гарантиях защиты правомерно действующих частников от ретивых коммунистов, готовых в ходе исполнения своих обязанностей посягать на права других лиц. Но согласно принципу взаимодействия оба участника гражданских правоотношений должны иметь взаимные права и обязанности. Ленин, предоставляя чрезвычайные права органам советского государства, молчаливо санкционирует «море беззакония», которое неизбежно будет порождено отсутствием в законодательстве четких гарантий прав и свобод имущих слоев общества.

Характерно, что далеко не все предписания Ленина по формированию советского законодательства и укреплению законности получали надлежащее воплощение в реальной жизни, непосредственной практике. Так, в ГК РСФСР не было учтено требование Ленина усилить государственный контроль за содержанием и исполнением гражданско-правовых отношений, поскольку «для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное». Фактически все свелось к нормам, согласно которым частнопредпринимательская деятельность возможна только в определенных, строго ограниченных законом рамках (ст. 5, 20, 55 ГК РСФСР)². Право государства контролировать хозяйственную деятельность частных предприятий было закреплено лишь Положением о Рабкрине.

Произошло то, чего боялся Ленин. По его определению, «тупоумные и буржуазные старые юристы» все же надули Наркомюст и Правительство в целом: вместо того, чтобы создавать новое пролетарское публично-частное право, ограничились лишь незначительной переделкой традиционных норм гражданского права с учетом специфических условий советской многоукладной экономики. Публичный характер пролетарского гражданского права существовал лишь в во-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 397.

² См.: Иоффе О. С. Гражданское право // 40 лет советского права. Л., 1957. С. 181.

ображении советских правоведов, которые постоянно ссылались на соответствующее ленинское указание, но не желали выявить реальное положение дел, т. е. то, каким образом и насколько полно оно было воплощено в действующем законодательстве.

Не были установлены нормы УК РСФСР, которые позволяли бы судам широко применять высшую меры наказания к нэпманам, а поэтому подведение их за злоупотребление законами советского государства к расстрелу, как того требовал Ленин, согласно уголовному законодательству оказалось делом нешуточным. По ст. 130 УК РСФСР подобная мера наказания могла применяться за неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным учреждением или предприятием, при наличии следующих двух условий. Во-первых, следовало доказать заведомо злонамеренный характер неисполнения договора или иные заведомо недобросовестные в отношении государства действия. Во-вторых, названные действия должны сопровождаться предварительным соглашением между агентами казны и контрагентами, т. е. вступлением в сговор с должностными лицами компетентных государственных органов.

Дел по обвинению нэпманов в названных преступлениях у Наркомюста оказалось ничтожно мало, да и государственный судебный террор в отношении политврагов советской власти переживал не самые лучшие времена. Словом, судебная система периода нэпа не сумела провести надлежащим образом ленинский наказ в части усиления репрессий против врагов советской власти, агентов буржуазии и частных предпринимателей, нарушающих советские законы. Как свидетельствует А. Роднянский, в 1926 г. контрреволюционные преступления в общей массе уголовных дел, поступивших в губернские суды, составляли незначительное число — 2% (2196 дел), при этом основная их масса приходилась на осужденных за работу в карательных органах царской России и за убийство сельских активистов¹. Соответственно жестокость репрессии, на которой настаивал Ленин, находилась на обочине карательной политики судов.

Неполное проведение в жизнь предложений Ленина объясняется не только и не столько приверженностью «тупоумных и буржуазных старых юристов» традиционным воззрениям на теорию и практику гражданского и уголовного законодательства, сколько отсутствием среди советских юристов специалиста, способного успешно воплотить ленинские принципы советского права в системе кодек-

¹ См.: Роднянский А. Карательная политика губернских судов по контрреволюционным преступлениям в 1926 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 33. С. 1009—1011.

сов, иных законов в целях закрепления и проведения в жизнь новой экономической политики советского государства. На роль верного ленинца, продолжателя его идей и дел в тот период претендовали два идеолога: Крыленко и Сталин. Правомерно возникает вопрос: сколь состоятельными были их претензии?

Глава 3. Н. В. Крыленко о праве и правосудии с позиций «детской болезни левизны»

«Падающее знамя» марксистско-ленинской доктрины правосудия и карательной политики подхватил было Крыленко, которого нельзя назвать крупным знатоком и теоретиком марксизма (кроме того, по ряду принципиальных вопросов теории права и юридической практики он занимал позицию, не совпадающую с ленинской).

Во-первых, если Ленин эффективность работы судов напрямую связывал с участием в них населения, видел в этом участии один из способов привлечения населения к управлению делами государства и общества, то Крыленко занимал более осторожную позицию. Он полагал, что вопрос о допуске населения к участию в деятельности судов решает партия с учетом конкретно-исторических условий и вполне возможны ситуации, когда отнюдь не все население будет привлекаться для этого¹.

Во-вторых, Ленин считал суд органом воспитания пролетарской дисциплины труда всех слоев населения. Крыленко эту функцию суда отрицал. «У суда вполне достаточно своих функций, чтобы брать еще и школьную обязанность», — уверял он. «Суд вовсе не школа, и во всяком случае не в такой степени школа, чтобы школьные моменты стали превалировать над всеми остальными»².

В-третьих, Крыленко не разделял ленинского убеждения в том, что в условиях нэпа усилия суда по борьбе с бюрократизмом, волокитой, хозяйственной нераспорядительностью, допускаемыми работниками советского государственного аппарата, коммунистами, более важны, нежели усилия по борьбе с классовыми врагами. Он по-прежнему рассматривал суд лишь как орган репрессии, применяемой к классовым врагам советской власти и трудящихся, а главный результат пятилетнего строительства судебной системы в РСФСР видел в том, что удалось полностью покончить с принципами общедемократического суда и создать суды классовые³.

¹ См.: Крыленко Н. В. Судостроительство в РСФСР (Лекции по теории и истории судостроительства). М., 1923. С. 20.

² Там же. С. 19.

³ Там же. 164.

В-четвертых, Крыленко не был сторонником ленинской идеи об обязанности государства и судов снимать препятствия на пути законной деятельности частных предпринимателей и торговцев. Наоборот, подобную деятельность Крыленко считал настолько незначительной, что ему было искренне жаль «давать наших лучших товарищей и работников исключительно для такого рода пустяжного дела», как разбирать имущественные споры нэпманов между собой. Более того, Крыленко в работе арбитражных комиссий, рассматривающих хозяйственные споры, узрел определенную опасность для советского права и правосудия, поскольку там работает «масса отброшенных революцией буржуазных юристов, засевших в хозяйственных органах, которые реставрируют там свое старое право»¹.

К чести Крыленко, лидирующую роль среди советских идеологов он занял не по должности, а благодаря своему активному и успешному участию в подготовке и принятии двух основополагающих законов в сфере правосудия, каковыми предстают Положение о прокурорском надзоре 1922 г. и Положение о судостроительстве 1922 г. Кроме того, он руководил подготовкой проекта УПК РСФСР и докладывал его на заседании ВЦИКа в ноябре 1922 г. Впоследствии, в том числе под влиянием критики советского правосудия за увлеченность формальными процедурами и необоснованными вызовами населения на судебные заседания, высказанной делегатами XV Съезда партии (2—19 декабря 1927 г.), Крыленко разочаровался в подготовленных с его участием актах и решил коренным образом реформировать уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Он предложил устранить из Общей части нового УК РСФСР все остатки «буржуазного влияния», в том числе: 1) принцип эквивалентности, т. е. соответствия примененной санкции степени общественной опасности совершенного деяния; 2) нормы, требующие того, чтобы в местах лишения свободы обязательно исправляли и перевоспитывали всех осужденных, независимо от их социального происхождения и степени социальной опасности; 3) принцип давности привлечения к уголовной ответственности; 4) нормы, согласно которым три дня принудительных работ приравниваются к одному дню лишения свободы. Новый Уголовный кодекс должен был, по мнению Крыленко, закрепить принцип, согласно которому к лицу, признаваемому социально опасным, но не совершившему социально опасных деяний, в целях уголовной профилактики могут применяться репрессивные меры.

¹ См.: Крыленко Н. В. Судостроительство в РСФСР (Лекции по теории и истории судостроительства). С. 173.

Особенную часть УК Крыленко предложил разделить на три раздела: «Социально вредные»; «Социально опасные»; «Особо опасные». При этом в Особенной части не должно быть места ни составам преступлений, ни перечням санкций, предусмотренных за отдельный состав преступления. Каждый раздел состоит из двух статей: в одной из них должен «содержаться по возможности наиболее исчерпывающий перечень преступлений данной категории», в другой — «перечень соответствующих мер воздействия, которые суд может варьировать по своему усмотрению, как акт реагирования суда и общества на то или иное преступление данной категории»¹.

В разделе «Особо опасные преступления» должны быть указаны все контрреволюционные преступления, а также воинские и особо опасные преступления против порядка управления, по которым действующий уголовный закон допускает расстрел. За совершение всех этих преступлений надлежит установить одно наказание — расстрел. При этом Крыленко полагал, что подобная мера наказания могла применяться как к лицам, совершившим особо опасные государственные преступления, так и к тем, кого суд признает социально опасным для общества и государства. Суд должен быть уверенным в том, что подобная мера является единственно целесообразной мерой защиты советского государства от его врагов и деклассированных элементов. В противном случае суду рекомендовалось принять решение о длительной изоляции осужденного.

Во второй раздел «Социально опасные преступления» реформатор предлагал включить преступления, которые подрывают государственный порядок: кража, грабеж, хищение, спекуляция, насильственные преступления и др. В перечень деяний этого раздела должны войти все те преступления, по которым действующий УК РСФСР предусматривал наказания в виде лишения свободы на срок «не ниже года» и «свыше двух лет». Виновные в подобных деяниях лица должны подвергаться лишению свободы «на неопределенный срок до полного исправления и перевоспитания либо ссылке». Однако, отбыв наказание в виде изоляции от общества, лицо не становилось полностью свободным, а подлежало направлению в особые местности для проживания и привлечения к общественно полезному труду.

Третий раздел «Социально вредные преступления», по мнению Крыленко, должны составлять все те преступления, которые оговорены в действующем УК РСФСР, но не вошли в первые два раз-

¹ Крыленко Н. В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // Ежегодник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641.

дела. К лицам, совершившим такие деяния, могут применяться меры чисто морального воздействия, ограничение прав и возможностей (освобождение от должности, конфискация имущества, высылка), принудительные работы и штраф.

Таким образом, все задачи уголовной политики советского государства Крыленко решал достаточно легко и весьма просто: представителей бывших эксплуататорских классов нужно расстреливать, поскольку все равно от них ничего хорошего ждать нельзя, а преступников из трудящихся отправлять на Соловки, в Нарым, тундровые болота и другие труднодоступные места до полного исправления и перевоспитания. И все это предлагалось совершать под флагом утверждения марксизма-ленинизма в уголовном праве.

Н. В. Крыленко также уверял своих оппонентов и читателей своих работ, что вся предлагаемая им реформа зиждется на основаниях, «более отвечающих основным воззрениям марксизма на существо и задачи суда, существо и происхождение преступности», что принципы буржуазного уголовного права отвергаются им постольку, поскольку они не соответствуют основным воззрениям марксизма на преступность как на результат социального неустойчивости общества. Однако ссылок на работы Маркса и Энгельса Крыленко не делал. Более того, специалисты уголовного права без труда углядели в новациях реформатора влияние буржуазной социологической школы Э. Ферри и Ф. Листа. Такое мнение было небезосновательным. Хотя социологическая теория уголовного права не претендовала на родство с марксизмом, наш герой и не думал скрывать своих заочных соавторов, аргументируя свою позицию следующим образом.

Во-первых, Крыленко не видел большой беды в заимствовании разумных, прогрессивных идей буржуазных ученых. Почему разумное мнение, высказываемое повторно, хотя и 25 лет спустя, тоже нужно отвергать? — спрашивал он своих оппонентов¹. «Мы можем и должны здесь воспринять от передовой буржуазной школы лишь теорию неопределенных приговоров и опыт построения специальных пенитенциарных учреждений»². Крыленко был уверен и в том, что необходимо последовательно провести в советском уголовном праве основную идею «либеральной передовой буржуазной школы» Ферри о праве государства и общества на применение ими рациональных способов защиты от социально опасных личностей.

¹ См.: Крыленко Н. В. Еще раз о принципах пересмотра Уголовного кодекса // Ежемесячник советской юстиции. 1929. № 7. С. 147.

² Крыленко Н. В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР. С. 642.

Во-вторых, Крыленко был убежден в том, что его реформа не является простым воспроизведением ранее сформулированных теоретиками уголовного права положений, а представляет собой качественно новый результат развития теоретической марксистской мысли по поводу уголовного права. Имеется принципиальное различие между его предложениями и тем, что говорил Ферри, поскольку итальянская школа никогда не разделяла идеи классовой борьбы и не рассматривала уголовную политику как средство политического воздействия одного господствующего класса на другой. Названные теоретические расхождения между марксистской теорией права и итальянской школой, по мнению Крыленко, сказывались и на понимании практических мер борьбы с преступностью. «Мы, — утверждал он, — допускаем расстрел... и не возлагаем больших надежд на результаты исправительного воздействия в отношении классовых врагов»¹.

Реакционные, антидемократические основы реформы УК, подготавливаемой Крыленко, очевидны. Он считал нужным вернуть, хотя бы в урезанном виде, судебную расправу над врагами народа и иными нежелательными для государства лицами, чтобы довести победу до полного уничтожения представителей бывших имущих классов. Дабы облегчить подобную работу, предлагалось одновременно с упразднением «либеральных» норм уголовного права восстановить упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел, существовавший в период гражданской войны. Единственно возможный выход в сложившейся ситуации Крыленко и коллегия Наркомюста РСФСР видели в следующем: 1) предоставлении Наркомюсту РСФСР права вносить изменения и дополнения в УПК РСФСР; 2) наделении губернских судов правами исключительного суда, создав из них нечто вроде бывших революционных трибуналов; 3) упрощении судопроизводства по уголовным делам в народных судах; 4) передаче дел частного обвинения на рассмотрение общественных органов.

По мнению реформаторов во главе с Крыленко, УПК РСФСР как законодательный акт должен быть отменен полностью. Его заменят комментарии к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, составленные Наркомюстом. Проект таких комментариев был утвержден постановлением Коллегии Наркомюста РСФСР от 9 июня 1927 г. Предполагалось, что УПК РСФСР будет утвержден СНК РСФСР лишь один раз. В последующем все комментарии Наркомюста должны изменяться и дополняться только

¹ Крыленко Н. В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР. С. 663.

решениями данного органа без согласования с законодательными органами¹.

Проект фактически вводил два уголовных процесса: один — для народных судов и другой — для губернских.

Губернский (областной, краевой) суд признавался чрезвычайным, и его деятельность должна была строиться по образу и подобию деятельности любимых детищ Крыленко — революционных трибуналов. В ведение этих судов по первой инстанции надлежало передать все дела о преступлениях, которые Крыленко в своем проекте УК признавал наиболее опасными: контрреволюционные, должностные, хозяйственные, преступления против порядка управления, наиболее опасные посягательства на жизнь, здоровье личности и др. Судебный процесс в губернских судах предлагалось строить на следующих принципах: 1) наделение председательствующего дискреционной властью при разрешении всех возникающих в судебном процессе вопросов; 2) изложение прокурором доклада, содержащего развернутую характеристику дела и определяющего порядок судебного следствия; 3) допуск в суд только тех свидетелей, достоверность показаний которых вызывает сомнения; 4) упразднение прений сторон как балласта.

В вопросе об участии защиты в губернском суде Крыленко проявил определенный «либерализм», полагая, что «в губернском суде участие прокуратуры, как правило, обязательно, наоборот, участие защиты всегда факультативно и зависит от усмотрения суда»². При этом он был уверен: подобная постановка вопроса не должна представляться таким образом, что прокурор в процессе получает исключительные преимущества перед защитником. Последний предстает «необходимым помощником суда по выяснению спорных вопросов следствия». Но у суда потребность в таком помощнике возникает далеко не всегда и, следовательно, защитнику, лишенному этой роли, на процессе просто делать нечего. Не выступать же ему в конце концов в роли адвоката подсудимого!

В губернском суде уголовный процесс, лишенный полностью или частично принципов состязательности, права подсудимого на защиту, устности судебного разбирательства, по мнению коллегии Наркомюста РСФСР, должен проводиться по упрощенной схеме. Согласно ст. 56 проекта УПК РСФСР губернский суд мог основывать

¹ См.: Крыленко Н. В. Проект УПК РСФСР с постановленным наказом НКЮ о порядке производства уголовным делом в судебных учреждениях РСФСР // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1473—1481; № 48. С. 1510—1520.

² Крыленко Н. В. К проекту нового УПК // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1458.

приговор на всех имеющихся в деле доказательствах, независимо от того, *подвергались они обсуждению на судебном заседании или были добыты на стадии предварительного следствия.*

Таким образом, «новое право» пролетарского суда оказывалось давно забытым и опровергнутым теорией и практикой правилом, широко применявшимся средневековой инквизицией. «Высокому суду» разрешалось ставить приговор на доказательствах, добытых не в ходе судебного следствия, а из вторых рук, из материалов уголовного дела, подготовленных на стадии предварительного следствия. Такое право возникало у суда в случаях, когда обвиняемый полностью согласился с обвинительным заключением.

Участие прокурора в уголовном процессе лишь усложняло стадию судебного следствия, но не способствовало расширению правовых гарантий подсудимого. В докладе прокурора, с которого надлежало начинать судебное следствие, проект предписывал излагать обстоятельства в том виде, в котором они добыты предварительным следствием. От прокурора требовалось быть максимально объективным и приводить все доказательства как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, как увеличивающие, так и уменьшающие степень и смягчающие характер его ответственности. На суд же возлагалась обязанность предоставить слово подсудимому или его защитнику для пояснений по вопросам, затронутым в докладе прокурора.

Коллегия Наркомюста не видела большой пользы в судебных прениях и полагала, что по окончании судебного следствия вполне достаточно лишь спросить прокурора о том, поддерживает он версию первоначального данного заключения по делу или нет, и предоставить последнее слово подсудимому. Но точку в деле должен был поставить все же суд. Именно он обязывался проектом «совершенно точно выявить свое решение по спорным вопросам судебного следствия, установив в приговоре окончательную формулировку обвинения по своему усмотрению»¹.

По мнению реформаторов, народный суд должен оставаться ординарным органом правосудия, широко практикующим уголовный процесс в его традиционной форме, с сохранением значительной части институтов и норм, закрепленных действующим УПК РСФСР. Основное новаторство Крыленко и коллегии Наркомюста свелось к *разрешению народным судам нарушать процессуальные нормы*, поскольку в требовании неукоснительного соблюдения судебными органами предписаний УПК РСФСР они видели крайнюю и весьма опасную

¹ Крыленко Н. В. Проект Уголовного процессуального кодекса РСФСР с постатейным наказом Наркомюста // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 48. С. 1515.

стадию формализма. «Процесс в народном суде должен быть в максимальной степени освобожден от всяких формальностей, — полагали реформаторы, — поэтому кроме немногочисленных норм, подлежащих обязательному соблюдению, все остальные должны быть признаны техническими приемами, нарушение которых не играет существенного значения»¹.

Чтобы максимально сократить число поводов для жалоб на «существенное нарушение форм судопроизводства», авторы проекта УПК РСФСР свели юридические гарантии подсудимого к минимуму, поставили их в полную зависимость от желаний и настроений суда. Реформаторы были уверены в том, что народный суд необходимо: во-первых, освободить от обязанности подробно мотивировать каждое свое определение по делу; во-вторых, наделить правом изменять квалификацию преступления по любой статье, независимо от того, грозит она большей или меньшей ответственностью, чем статья первоначальная; в-третьих, письменную фиксацию ряда процедур судебного процесса заменить устным изложением.

Суд самостоятельно должен был решать вопрос о том, допускать ли прения сторон. Ему предоставлялось право признать дело достаточно выясненным и полностью отказаться от прений, поскольку все необходимое и важное стороны сказали уже в ходе судебного следствия. Но суд мог допускать прения сторон, ограничив их определенным временем. В порядке частичной компенсации за ограничение прений проект предусматривал право сторон представлять суду в письменном виде свою формулировку обвинения. Правда, тут же оговаривалось, что такие формулировки не имеют обязательной силы для суда. Далее суд освобождался от обязанности мотивировать принятое решение и оценивать полученные доказательства.

Обвинительный приговор должен был содержать минимум данных: указания на личность подсудимого, статью УК РСФСР, избранную меру наказания, порядок и срок обжалования, — и мог иметь форму простой резолюции к протоколу судебного заседания. Решение суда следовало вписывать в протокол судебного заседания за последним словом подсудимого как резолюцию: признать такие-то действия доказанными и применить к лицу соответствующую меру социальной защиты или, признав недоказанным факт совершения преступления подсудимым, оправдать его.

Дискуссионный в теории уголовного процесса вопрос о степени доверия к признательным показаниям обвиняемого и подсудимого

¹ Тезисы о реформе УПК. Постановление коллегии НКЮ РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1472.

решался также «прогрессивно», как и описанные новации. «Отцы судебной реформы», следуя действующему законодательству, признали личные объяснения подсудимого в качестве основного доказательства наряду с показаниями свидетелей, письменными документами и вещественными доказательствами, протоколами осмотра места происшествия. Более того, согласно проекту подозреваемого в совершении преступления до предъявления ему обвинения нужно было допрашивать на тех же основаниях, что и свидетелей по делу, т. е. с возложением на него обязанности давать правдивые показания о самом себе и нести уголовную ответственность за дачу ложных показаний. Тем самым грубо нарушался один из важнейших принципов уголовного правосудия, согласно которому подозреваемый и обвиняемый освобождаются от обязанности свидетельствовать против самих себя.

Таковы «крупные вложения марксистской мысли и марксистского сознания», которые Крыленко вкупе с членами коллегии Наркомюста РСФСР «творчески» разработал и предложил к практическому внедрению. При этом Крыленко был уверен: «То, что мы сумели сделать до сих пор, дает нам гарантию в том, что это новое дело мы равным образом с успехом закончим»¹. Тем не менее ни Уголовный, ни Уголовно-процессуальный кодексы, подготовленные по рецептам Крыленко и адаптирующие принципы реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, советским государством не были приняты. Основополагающие «левые» идеи реформатора были использованы в качестве идеологической базы при разработке нормативных правовых актов по вопросам террора, а также — и это самое главное — были восприняты самим Сталиным в качестве отправной точки в его правовой политике, сведенной к тотальному террору. За это благодеяние Крыленко в январе 1935 г. был награжден орденом Ленина, а в феврале того же года — орденом Красного Знамени. В 1938 г. — осужден к высшей мере наказания и расстрелян.

Глава 4. И. В. Сталин — основоположник и организатор тотального террора в период построения основ социализма в СССР

Теоретическое наследие И. В. Сталина составляет 16 томов, из которых 13 изданы в СССР (М., 1946—1953), верстка же трех последних томов была рассыпана в связи с критикой его теоретического наследия и практических дел Н. С. Хрущевым. Среди наиболее значимых трудов по вопросам государства и права можно назвать: «Фабричное

¹ Крыленко Н. В. На рубеже // Ежегодник советской юстиции. 1927. № 43. С. 1334.

законодательство и пролетарская борьба»; «Логика вещей (По поводу “Тезисов” ЦК меньшевиков)»; «Троцкизм или ленинизм?»; «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов»; «Об основах ленинизма»; «К вопросам ленинизма», «О правом уклоне в ВКП(б)»; «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии (Доклад на VI Расширенном пленуме ИККИ)»; «Троцкистская оппозиция прежде и теперь»; «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса»; «О проекте Конституции Союза ССР».

Из публикаций советского периода лишь последняя была посвящена непосредственно правовым вопросам. В выступлениях на съездах, конференциях, пленумах ЦК ВКП(б), совещаниях и интервью Сталин затрагивал отдельные вопросы действия и совершенствования советского законодательства. Но такие фрагментарные «тезисы», брошенные мимоходом по поводу конкретных ситуаций, ни в отдельности, ни в совокупности не содержали теоретического обоснования направлений развития социалистического права в условиях диктатуры пролетариата.

Соответственно правовые воззрения Сталина нельзя представлять как целостную систему установлений, принципов, соотнесенных с марксистской теорией права, которой он не интересовался и поэтому не знал. Их нельзя соотнести даже с позитивистской доктриной права, которую Сталин тоже не знал. Его произведения — фрагменты обычного народного правосознания, которыми он руководствовался при определении направлений правовой политики и принятии решений по текущим проблемам права и правосудия, дополненные отдельными положениями, высказываемыми Крыленко и Вышинским для обоснования предлагаемых ими практических мер.

В годы нэпа (1922—1927) вождь партии придерживался либеральных воззрений на уголовную, карательную политику. Он признавал, что кулачество не представляет никакой угрозы для социалистического строительства. Сталин считал, что в условиях национализации земли, торговой, кредитной, налоговой политики, ограничивающей эксплуататорские устремления кулаков, подъема благосостояния крестьянства и выравнивания «перекосов» в деревне кулак не может иметь прежнюю силу. Благодаря массовой кооперации крестьянства капиталистические элементы в деревне будут постепенно преодолены посредством элементов социалистических. На XV Съезде партии Сталин по-прежнему заявлял, что кулак должен быть сломлен экономическими мерами. Административные меры хотя и просты: «Сказал, приложил печать и точка», но не дадут ожидаемого результата.

Однако в январе 1928 г. позиция Сталина резко меняется. Этому в значительной мере способствуют два обстоятельства: поездка с

15 января по 6 февраля в Сибирь и подготовка Крыленко проектов Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, предусматривающих чрезвычайные меры классовой расправы с врагами народа по мотивам их социальной опасности для советского государства. Проекты законодатель отклонил, но их основная мысль о необходимости ведения суровой и непримиримой борьбы с социально опасными элементами созрела у Сталина, стала доминантой его политико-правовых воззрений на всю оставшуюся жизнь.

Положение о том, что по мере развития и укрепления социализма борьба бывших имущих классов не угасает, как думают многие коммунисты, а, наоборот, усиливается, Сталин впервые публично изложил 9 июля 1928 г. в речи на Пленуме ЦК ВКП(б). «По мере нашего движения вперед, — отмечал Сталин, — сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, а классовая борьба будет обостряться». В связи с таким отношением буржуазии к новому обществу пролетариату не остается ничего иного, как проводить политику изоляции буржуазных элементов, «политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства»¹.

Эти положения, оправдывающие будущий террор и повлекшие за собой массу беззаконий, Сталин аргументировал следующим образом: «Нельзя представить дело так, — говорил он, — что социалистические формы будут развиваться, вытесняя врагов рабочего класса, а враги будут молчать, уступая дорогу нашему продвижению, что затем вновь будем продвигаться вперед, а они — вновь отступать назад, а потом “неожиданно” все без исключения социальные группы, как кулаки, так и беднота, так и капиталисты, окажутся “вдруг”, “незаметно” без борьбы и треволнений в лоне социалистического общества. Таких сказок не бывает и быть не может вообще, в обстановке диктатуры пролетариата — в особенности.

Не бывало и не будет того, чтобы отживающие классы сдавали добровольно свои позиции, не пытались организовать сопротивление. Не бывало и не будет того, чтобы продвижение рабочего класса к социализму при классовом обществе могло обойтись без борьбы и треволнений. Наоборот, продвижение к социализму не может не привести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не привести к неизбежному обострению классовой борьбы»².

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 11. М., 1949. С. 171.

² Там же. С. 171—172.

В числе классовых врагов Сталин видел частных предпринимателей города, старых специалистов, работающих на государственных предприятиях и в советских органах, а также сельских кулаков.

Бесспорные признаки усиления классовой борьбы Сталин обнаружил в сфальсифицированном Шахтинском деле по обвинению группы специалистов во вредительстве по заданию иностранных капиталистов для развала и уничтожения советской власти. Хотя явные доказательства связи осужденных с границей так и не были добыты, вождь квалифицировал их деяния как новый виток экономической интервенции, как «новое серьезное выступление международного капитала и его агентов в нашей стране против советской власти». Городских нэпманов, как и кулаков, Сталин считал носителями буржуазной идеологии и автоматически зачислял их в когорту классовых врагов пролетариата.

Характерно, что успехи строительства социализма, по мнению вождя партии, не только не ослабляют сопротивления «остатков» буржуазии, но и, наоборот, усиливают его, поскольку они чувствуют последние дни своего существования и вынуждены сопротивляться всеми силами и всеми средствами. Поэтому «построить социализм можно лишь преодолев в ходе борьбы собственными силами свою советскую буржуазию». На решение этой задачи и были направлены массовый террор и беззаконие, ставшие нормой государственной деятельности в 1930—1940 гг. и повлекшие за собой многочисленные жертвы невинных граждан.

В поисках ответной и наиболее результативной меры на поиски классовых врагов и иных социально опасных элементов Сталин не мудрствовал лукаво, не искал ответа ни в работах классиков марксизма, ни в юридических публикациях советских и зарубежных авторов. Ему было достаточно сермяжного народного представления, в соответствии с которым самым эффективным средством борьбы с преступностью является жестокость наказания виновных лиц. От соблазна совершать противоправные деяния (согласно обыденному правосознанию) могли удержать: суровое наказание в виде высшей меры или длительного лишения свободы, тяжелый физический труд в местах лишения свободы и некомфортные условия содержания в пенитенциарных учреждениях. В этих мерах Сталин также видел наилучшую защиту устоев социализма от вредоносных действий его врагов.

В нормативных правовых актах, проекты которых Сталин готовил лично либо принимал (одобрял) как секретарь Политбюро ЦК партии, рефреном шли две санкции: высшая мера наказания (расстрел) и длительные сроки лишения свободы — от пяти лет и

выше. В постановлении ЦИКа и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности», проект которого подготовил сам Сталин, предписывалось применять в качестве меры судебной репрессии высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества; заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества, а также за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД предлагается взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, с тем чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в «порядке административного проведения их дел через тройки». В приказе наркома обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227, написанном лично Сталиным, требуется «расстреливать на месте паникеров и трусов» без суда и следствия. Итак, Сталин мыслит прямолинейно и негуманно: всякий совершивший преступление должен понести суровое наказание вплоть до расстрела, независимо ни от каких внешних обстоятельств. Вождю партии были неведомы муки поиска мудрым, демократически ориентированным законодателем оптимального наказания согласно основополагающим принципам науки уголовного права о зависимости меры наказания от тяжести совершенного проступка, о формах вины (умысел и неосторожность), а также с учетом мотивов и условий совершения преступления, общественной опасности совершенных противоправных деяний и социальных последствий наказания для осужденного и членов его семьи.

Для Сталина не существовала гамма разного рода деяний, которые неизбежно порождает реальность при переходе от правомерного деяния к самым опасным формам посягательства на общественные отношения. В своем максимализме Сталин, требуя приговаривать виновных в хищении колхозного и кооперативного имущества к высшей мере наказания (расстрелу) либо (при смягчающих обстоятельствах) к 10 годам с конфискацией всего имущества, имел в виду, безусловно, крупных расхитителей и менее всего думал о мелких ворышках. Однако на самом деле последние составили наибольшую долю общего числа расхитителей, причем они стали таковыми не по своей вине, а по воле мудрого вождя партии, доведшего основную массу колхозников до полуголодного существования.

В результате произошла высочайшая несправедливость: присвоение колхозницей нескольких килограммов зерна, которые она украла, чтобы накормить голодных детей, каралась высшей мерой наказания и конфискацией имущества. Как быть в этой ситуации с голодными детьми, которые по явной глупости лучшего друга советской детворы лишились не только кормилицы, но и жалкой лачуги, заменявшей им кров, а теперь подлежащей конфискации? Закон не предлагал никаких решений по этому вопросу. Получается, что вождь народа, думая о его интересах и о высоких целях построения социализма, порой забывал о насущных нуждах населения, зачастую лишённого предметов первой необходимости, в том числе продуктов питания, и своими неразумными решениями в сфере уголовного права создавал дополнительные трудности в жизни простого народа.

Еще больший вред обществу, государству причиняли нигилистические настроения Сталина, допускавшего возможность выносить законный, обоснованный и справедливый приговор в упрощенном порядке, т. е. без полного и всестороннего выяснения обстоятельств дела на стадии предварительного следствия и без строгого соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дела в суде. Вняв заверениям Крыленко о необходимости упростить уголовное судопроизводство и репрессировать классовых врагов без установления их виновности, по одному лишь подозрению относительно их социальной опасности для судеб социализма, Сталин пошел еще дальше — вообще лишил обвиняемых права на правосудие.

Согласно уже упоминавшемуся постановлению Политбюро ЦК партии от 2 июля 1937 г. вождь партии нашел возможным приговаривать к расстрелу бывших кулаков и уголовников в порядке административного проведения их дел через тройки. Но буквально через месяц Политбюро изменило свою позицию и постановлением от 31 июля 1937 г. «Вопросы НКВД», утвердило оперативный приказ наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова от 30 июля 1937 г. № 00447, которым разрешило в упрощенном порядке по усмотрению органов НКВД рассматривать дела членов антисоветских партий, бывших белых, жандармов, чиновников, иных социально опасных элементов.

При рассмотрении дел тройкой в составе местных партийных работников и руководителей местных НКВД уголовный процесс максимально упрощался и извращался так, что невозможно отличить виноватого от правого. Все отдавалось на усмотрение НКВД, тогда как советский гражданин не мог воспользоваться ни одной га-

рантией, предоставленной ему уголовно-процессуальным законом. Дело рассматривалось тройкой в отсутствие прокурора, защитника и даже самого обвиняемого, материалы следствия представлялись суду в урезанном виде — в форме краткого резюме. Вполне понятно, что в таких условиях тройки могли только «плестись в хвосте следствия». Будучи не способными самостоятельно установить обстоятельства дела и виновность подсудимого, они вынуждены были механически «проштамповывать» меру наказания, предложенную следствием.

Практика незаконных репрессий обрела настолько широкий размах, что вождь партии вынужден был признать ее публично, хотя и секретным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Виновными все же оказались «враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД», проводившие массовые и необоснованные аресты, сознательно извратив советские законы. Но разве дело только в них? Советские уголовный и уголовно-процессуальный законы извратили прежде всего Сталин и его соратники, которые своими решениями воплотили крыленковские реформы УК и УПК РСФСР в жизнь, придав его проектам, отвергнутым законодателем, всеобщий и обязательный характер.

Вождь партии и его соратники, своими волевыми решениями подменив уголовный процесс административным и сведя наказание к его наиболее жестоким мерам, проявили *элементарный непрофессионализм в области правовой науки и практики*. Действуя сугубо неправовым путем, игнорируя основополагающие принципы правовой науки и закона, они хотели получить невозможное — правовые результаты репрессивной деятельности в отношении социально опасных элементов в интересах безопасности общества и государства. Но чудес не бывает: неправыми действиями права не создашь.

Правонарушители от законопослушных граждан отличаются одним признаком — противоправностью деяний, но выявить и доказать их можно только неукоснительным следованием законодательству РСФСР, основанному на достижениях науки уголовного и уголовно-процессуального права. Следуя иным, волевым порядком, вопреки достижениям науки и существующим законам, можно породить лишь грубейшие нарушения закона, необоснованные репрессии, хаос и беспорядки, что происходило на всех стадиях сталинского террора в формах раскулачивания, ежовщины и бериевщины. Таким образом, описанная Лениным «детская болезнь левизны» перешла от Крыленко к Сталину и привела к еще более тяжким последствиям. Правовой нигилизм Сталина не ограни-

чился отраслевым законодательством, а поднялся на уровень Конституции СССР.

На VIII Чрезвычайном всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. в докладе «О проекте Конституции СССР» Сталин справедливо признал, что законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом — Верховным Советом СССР¹. К сожалению, данное справедливое положение не стало реальной нормой, вождь партии первым дал пример грубейшего нарушения Конституции СССР, подменив законодателя. Под руководством и при непосредственном участии Сталина законы СССР были подменены названными и другими постановлениями Политбюро ЦК партии, ведомственными приказами, инструкциями НКВД СССР, Государственного комитета обороны (ГКО), других органов исполнительной власти. Фактически был совершен государственный переворот посредством низложения власти законодателя и созданных им законов в области уголовного и процессуального права, установления террористического режима, повлекшего за собой массовые жертвы среди населения.

Руководитель тотального террора Сталин на словах, по-фарисейски, признавал необходимость укреплять и развивать права и свободы советских граждан. Проект, уверял вождь партии, «не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав». При случае он не удерживался от соблазна нарисовать идеализированные картинки народовластия в стране, беспрепятственной и полной реализации прав трудящихся.

Как видим, Сталин не был продолжателем ленинского курса на расширение и укрепление прав и свобод трудящихся, иных слоев общества, на дальнейшее совершенствование системы юридических гарантий законности. Некоторые ленинские идеи Сталин не разделял с самого начала. От других положений ленинской политики отошел постепенно, пытаясь дать самостоятельное решение проблем, поставленных практикой социалистического строительства. Сталин не знал объективных основ социалистического права и не стремился их исследовать. В этом не было необходимости, его воля, приказ являли собой действующее советское право, хотя и не все сказанное им оказывалось таковым на самом деле, а зачастую влекло за собой произвол и беззаконие.

И. В. Сталин значительно преувеличивал роль репрессий, превентивных мер государства, освященных пролетарскими зако-

¹ См.: *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 530—541.

нами, в решении задач социалистического строительства. К началу 1930-х гг. Сталин окончательно отрешился от методов демократического управления обществом и вместо развития системы прав и свобод граждан СССР по мере становления промышленности, сельского хозяйства и повышения благосостояния общества стал применять методы военного коммунизма к так называемым врагам народа, в число которых мог попасть любой человек, независимо от форм вины и совершенных деяний. Советское законодательство, лишённое объективной и научной основы, превратилось в свою противоположность — юридическую фикцию, придающую террору и беззаконию видимость права.

От ошибок в познании и практической деятельности никто не застрахован. Сложность ситуации тех лет не только и не столько в том, что лидер партии не мог правильно решать насущные теоретические и практические вопросы государственно-правового строительства, сколько в том, что большинство деятелей партии и государства некритически воспринимали эти ошибки и оправдывали их, курили фимиам тому, кто в лучшем случае заслуживал серьёзной и нелестной критики.

Глава 5. А. Я. Вышинский — идеолог советской позитивистской доктрины права

В глазах советских правоведов второй половины прошлого века и современных российских правоведов А. Я. Вышинский предстает некоей «дубиной Сталина». Вышинский теоретически оправдывал сталинский террор и принимал непосредственное участие в его воплощении в жизнь. Действительно, подобный образ Вышинского, созданный творческой критической мыслью правоведов, на первый взгляд не так уж далек от истины, если вспомнить о его практических деяниях на посту Прокурора СССР, государственного обвинителя в наиболее значимых судебных процессах над членами «ленинской гвардии», заместителя председателя СНК СССР.

Как справедливо, например, отмечает А. Г. Звягинцев, речи Вышинского по политическим делам не выдерживают никакой критики ни с точки зрения юридической, ни с точки зрения нравственной. Они не содержали крепкой доказательственной базы и были полны грубых, оскорбительных выражений, что совершенно недопустимо для речей прокуроров. Он называл подсудимых «бандой презренных террористов», «взбесившимися псами», которых «надо расстрелять всех до одного», «холуями и хамами капитализма», «оголтелыми контрреволюционными элементами», «чудовищами», «проклятой

помесью лисы и свиньи» (о Бухарине), «погаными псами», «проклятой гадиной» и др.¹

По нашему мнению, роль Вышинского в становлении советской правовой науки скорее всего недооценена из-за его негативных деяний как практика, вынужденного рядиться в тогу сторонника и проводника правовой политики Сталина. Между тем в 1940-х — начале 1950-х гг. Вышинский был бесспорным лидером, правофланговым советской правовой науки, внесшим весомый вклад в развитие теории права, судостроительства и уголовно-процессуального законодательства, что было использовано в период хрущевской оттепели. В числе основных работ Вышинского по тематике названных отраслей советского правоведения можно выделить следующие публикации: «Суд и карательная политика советской власти» (Л., 1925); «Уголовный процесс СССР» (М., 1927); «Очерки по судостроительству в СССР» (вып. 1—4. М., 1934); «Суд и прокуратура» (М., 1937); «Судостроительство в СССР» (М., 1940); «Теория доказательств в судебном праве» (М., 1941, 1946, 1950); «Учение Ленина — Сталина о пролетарской революции и государстве» (М., 1947); «Вопросы теории государства и права» (М., 1949).

А. Я. Вышинский определил ряд исходных позиций советской теории права и отраслевых наук, в том числе: 1) дал обоснование сущности советского права как воли господствующего класса, возведенной в закон; 2) сделал вывод о том, что советская юстиция должна придавать основополагающее значение защите и охране прав трудящихся; 3) обосновал необходимость смены карательной политики государства: вместо подавления классовых врагов трудящихся, которым диктатура пролетариата занималась с первых дней своего существования, на первый план следует поставить борьбу с врагами социалистического строительства; 4) предложил максимально полное и последовательное закрепление советскими законами демократических принципов правосудия, уголовного материального и процессуального права.

В сборнике статей «Вопросы теории государства и права» Вышинский предпринял попытку изложить основы правовых воззрений классиков марксизма и описать их дальнейшее воплощение в трудах Сталина как мыслителя, который «развернул пленительную перспективу развития советского общества в общество коммунистическое, показал условия, обеспечивающие и облегчающие это развитие, осветил пути движения СССР от социализма к комму-

¹ См.: Звягинцев А. Г. «Особоуполномоченный Сталина». Прокурор Союза ССР Андрей Януарьевич Вышинский // Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. М., 2001. URL: <https://history.wikireading.ru/150285>.

низму, исчерпывающе сформулировал учение о социалистическом государстве переходного от социализма периода»¹. Не менее значимой рисуется роль вождя партии в совершенствовании советского права. «С именем товарища Сталина, — уверял автор, — связана вся история советского права вообще и конституционного права в частности»².

Оценки сталинского вклада в развитие марксистской теории права и государства, данные Вышинским, содержат заметное преувеличение теоретической деятельности Сталина в области государства и права и носят чисто пропагандистский характер. Как показано ранее, больших заслуг у вождя партии в этом деле не оказалось, поскольку некоторые общие положения о природе советского государства и права никакой теории составить не могут, в лучшем случае они могут рассматриваться лишь как догадки, гипотезы, нуждающиеся в основательном анализе, сопоставлении с непосредственной действительностью. Даже раскрытие особенностей советского права пришлось Вышинскому брать на себя.

В 1930-х гг. советская теория права оказалась в полном упадке, советские правоведы не имели даже четкого понимания советского права, поскольку авторитетные теоретики права были репрессированы, а их публикации признаны вредоносными. Возникла необходимость ликвидировать пробел в этом фундаментальном вопросе общей теории права и вооружить советских правоведов марксистско-сталинским пониманием права. В июле 1938 г. было проведено Всесоюзное совещание по вопросам науки советского права и государства для того, чтобы «забив окончательно последний осиновый кол на могиле изменников, запакостивших нашу науку, дружно двинуться вперед под знаменем непобедимой коммунистической партии»³. Именно на этом совещании Вышинский объявил «единственно верное» марксистское понимание права, которое советские правоведы восприняли в качестве такового и даже поныне, в условиях плюрализма научных мнений и критических оценок марксистской доктрины права, разделяет большая часть современных российских правоведов.

В раскрытии особенностей советского права Вышинский не был первопроходцем. Он должен был следовать за Сталиным, сводившим право к позитивизму, к воле класса, стоящего у государственной вла-

¹ Вышинский А. Я. Вопросы государства и права в трудах товарища Сталина // *Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права*. М., 1949. С. 208.

² Там же. С. 231.

³ Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права // *Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права*. С. 54.

сти. На Вышинского возлагалось теоретически невозможное решение задачи доказать, что позитивистское видение права обосновано Марксом и Энгельсом. Тем не менее советский неомарксист с этой задачей справился блестяще.

Прокурор СССР призвал участников Всесоюзного совещания по вопросам науки советского права и государства (16 июля 1938 г.) неукоснительно и творчески применять марксистско-сталинское понимание права как совокупности «правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу»¹.

Иллюзию соответствия изложенного определения права марксистскому учению Вышинский создал при помощи двух неверно интерпретированных им цитат из «Немецкой идеологии» и «Манифеста коммунистической партии». В приведенных советским идеологом цитатах Маркс и Энгельс характеризуют действующие в буржуазном обществе законы как источники общеобязательных предписаний, утверждая, что подобные законы ничего общего не имеют с действительным правом, поскольку выражают «лишь возведенную в закон волю вашего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»². Основоположники марксизма четко и последовательно отличали право от закона и неоднократно подчеркивали несостоятельность попыток позитивистов сводить право к действующему закону. В той же «Немецкой идеологии» имеется немало положений, где авторы критикуют буржуазных идеологов, которые «право, в свою очередь... сводят к закону»³. Между тем и политическое, и гражданское законодательство всего только *выражает, протоколирует требования экономических отношений*⁴.

Нет оснований полагать, что Вышинский не был знаком с высказываниями, отражающими суть воззрений Маркса и Энгельса на соотношение права и закона, или что он своим острым умом не понимал их истинного содержания. Но советский идеолог вынужден был придавать марксистскому учению именно тот смысл, который оправдывал бы сталинский режим террора и воззрения Сталина на совет-

¹ Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 83.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 63.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 112.

ский закон как действительное пролетарское право. Предложенное Вышинским позитивистское толкование права легло на благодатную почву, поскольку оно было искони господствующим у российских правоведов и столь же легко прижилось у советских ученых-юристов.

Следующий значимый аспект научных исследований Вышинского характеризуется доказыванием необходимости повышать теоретический и практический интерес к правам личности и обеспечению их реального действия в условиях формирования основ социалистического общества. «Сейчас, — утверждал Вышинский, — иная ситуация, на что своевременно, справедливо, мудро и обоснованно обращает внимание т. Сталин». В реконструктивный период великий вождь с достаточной резкостью ставит вопрос о «необходимости учитывать те условия, которые сейчас изменили лицо рабочего и которые требуют иного отношения к изменившемуся рабочему», «ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу», «воспитывать, помогать расти, дать перспективу»¹.

Следовательно, приходит к выводу Вышинский, первоочередной задачей органов юстиции становится деятельность по защите и охране личности, трудящегося человека. Между тем этой задаче органы юстиции не уделяют надлежащего внимания, действуют старыми методами, достаточно неосторожно, легковесно и безответственно подходят к решению вопроса о судьбе людей. Но виноваты в этом не только органы юстиции. Действующее законодательство вопросы об охране и защите личности трудящихся также ставит недостаточно четко, а и иногда и неправильно.

А. Я. Вышинский, развивая сталинские идеи, предлагает «крепче и тверже поставить вопрос об охране личности рабочего и колхозника, их достоинства от всяких насилий, об охране их имущества», «отказаться от безответственного, невнимательного отношения к вопросу о привлечении к уголовной ответственности», «требовать от суда строгой индивидуализации наказания, помня, что разница в годах тюрьмы имеет для каждого трудящегося человека, для каждого осужденного немаловажное значение, и не только для осужденного, но и для пролетарского государства, умеющего ценить людей, как самый ценный капитал»².

А. Я. Вышинский считает, что можно известным образом изменить и отношение к борьбе с классовыми врагами, исключить ее из числа главных направлений деятельности государства и органов

¹ Вышинский А. Я. Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции. М., 1935. С. 6, 10, 15.

² Там же. С. 25, 39, 54.

юстиции. Чтобы максимально полно учесть в работе органов юстиции сталинские указания о роли человеческого фактора в социалистическом строительстве, Прокурор СССР находит необходимым максимально полно утвердить и развить демократические принципы советского правосудия, в том числе полностью преодолеть все ошибочные и антидемократические предложения Крыленко, например привлекать граждан к суду «за такие преступления, которые не обозначены в законе», отказаться от формулирования в уголовном законодательстве точных составов преступлений и индивидуализации наказания, установить особую форму уголовного процесса для привлечения к ответственности классовых врагов.

А. Я. Вышинский первым из советских правоведов предпринял попытку дать теоретическое обоснование по такой непростой и практически значимой проблеме, как судебные доказательства согласно советскому праву, осложненной легализованным правом судов по определенной категории дел ставить приговор на материалах, добытых в ходе предварительного следствия, и личных показаниях подсудимого. Автор первоначально изучил ряд буржуазных теорий доказательств: формальную, свободной оценки доказательств, английскую систему доказательств, затем достаточно подробно охарактеризовал особенности советского доказательственного права, в основе которого лежит принцип внутреннего судебного убеждения, опирающегося на рассмотрение всех обстоятельств дела в их совокупности. Далее Вышинский исследовал дискуссионные вопросы понятия и видов судебных доказательств, теории улик, а также отдельных видов доказательств.

А. Я. Вышинский выступал против любых попыток российских и советских правоведов отрицать способность суда постигать объективную истину, ограничивать его познавательную деятельность лишь «более или менее высокой степенью вероятности», приближенности к истине. Автор уверен в том, что, только достигнув материальной, объективной истины по делу, суд правомочен выносить справедливое и обоснованное решение. Если суду при всей его активности и добросовестности не удалось установить абсолютную истину, а только некоторым образом приблизиться к ней, то это значит, что ему вообще не удалось найти истину. Всякое обстоятельство, истинность которого не установлена достоверно, суд обязан отвергать как сомнительное, поскольку, оперируя такими приближенными истинами, «невозможно прийти к какому бы то ни было решению, особенно связанному с судьбой человека».

А. Я. Вышинский признавал всю сложность познавательной деятельности судьи, требующей максимального напряжения всех его

умственных и нравственных сил. Судейское убеждение, справедливо утверждает он, «это не только знание, но и признание фактов, не только знание того, как и вследствие чего произошло данное событие, но и способность правильно оценить значение этого события, т. е. в соответствии с правильно понятыми интересами своего общества»¹. Значит, убеждение судьи нельзя отрывать от всей суммы его идей, его миросозерцания, его политического и правового сознания. Одновременно, подчеркивает автор, в обществе необходимо обеспечивать свободное и независимое формирование внутреннего судейского убеждения, стало быть, на мнение и решение судьи нельзя оказывать никакого внешнего воздействия ни со стороны государственных и иных органов, ни со стороны должностных лиц, равным образом нельзя судейское убеждение ограничивать какими бы то ни было формальными доказательствами.

Весьма прогрессивное мнение высказывает Вышинский и относительно прав обвиняемого на стадии судебного следствия и судебных прений. Он признает принцип презумпции невиновности обвиняемого до тех пор, пока его вина не доказана, и категорически возражает против каких-либо попыток подмены обязанности государственного обвинителя доказывать вину обвиняемого обязанностью последнего доказывать свою невиновность. Весьма критически Вышинский настроен и к трактовке личного признания вины обвиняемым как «царицы доказательств». Он подчеркивает, что «обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник этой истины». «Обвиняемый может сознаться или не сознаться, давать правдивые или ложные показания, участвовать в следствии или не участвовать, — от этого не должны зависеть ни ход следствия, ни его результаты»².

Однако теоретически привлекательные лозунги резко контрастировали с практикой, основанной на прямо противоположных принципах. Поэтому Вышинскому не оставалось ничего иного, как оправдывать террор, фарисейски выдавать разгул государственного террора и насилия за наивысшую ступень пролетарской демократии и торжество идей социализма. Так, никакого отступления от принципов уголовного процесса он не видел в Законе от 1 декабря 1934 г., предписавшем упрощенное судопроизводство при рассмотрении ряда особо опасных преступлений.

Свою позицию Прокурор СССР мотивировал тем, что упрощенное судопроизводство согласно Закону от 1 декабря 1934 г. в полной

¹ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1946. С. 181.

² Там же. С. 262—263.

мере обеспечит достижение истины по делу и целей уголовного судопроизводства, поскольку «установление материальной истины по делу и разоблачение классового врага, с одной стороны, и воспитательное воздействие на окружающих — с другой... разрешаются параллельно»¹. Вполне возможно, что процессы и разрешаются параллельно, но суть процесса состоит в достижении материальной истины по делу, шансы выявления которой в ходе упрощенного судопроизводства кратно уменьшаются, что убедительно и показала советская судебная практика. Если бы упрощенное судопроизводство обеспечивало возможность познания истины по делу, то правосудие давно бы перешло на подобную форму, «изъяв» из процесса за ненадобностью и обвинителя, и адвоката.

Справедливые убеждения Вышинского по поводу показаний обвиняемого как источника доказательств противоречат его участию в ряде громких политических процессов в качестве государственного обвинителя и обоснованию вины подсудимых сугубо признательными показаниями в отсутствие свидетельских и иных доказательств. Вышинский находил подобные действия правомерными, поскольку дела об антисоветских, контрреволюционных организациях, когда нет иных доказательств, кроме личных признаний подсудимых, являются исключением из общих правил. В этих делах, отмечает Вышинский, объяснения обвиняемых неизбежно приобретают характер и значение решающих доказательств. Однако подобные доказательства нельзя брать на веру. В таких делах могут иметь место оговор и ложные показания, прямой обман, используемый обвиняемым для самозащиты, поэтому «обязательна возможно более тщательная проверка всех обстоятельств дела — проверка, контролирующая самые объяснения обвиняемых»².

Итак, теоретически Вышинский выступает против выбивания признательных показаний из обвиняемых и постановки на основании их обвинительного приговора. Однако судебная практика, в которой приходилось действовать в качестве государственного обвинителя, весьма далека от идеалов, положенных в основу книги Вышинского. Он прекрасно понимал, что ни один из принципов в пользу подсудимого, провозглашенных советским законодательством и обоснованных в книге, на практике не действует, поскольку само государство сочло необходимым ввести соответствующие исключения из закона, а партийные органы разрешили применять физическое на-

¹ Вышинский А. Я. Ответ на ответ // Социалистическая законность. 1935. № 10 (октябрь). С. 33.

² Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. С. 264.

силie, пытки в качестве основного способа получения признательных показаний.

И в этих условиях Вышинский действовал вопреки своей теории, принимал все меры к тому, чтобы обеспечить вынесение неправосудного приговора, построенного на одних лишь признаниях подсудимых. Как государственный обвинитель он стремился к тому, чтобы создать видимость доказанности обвинения, а отсутствие необходимых доказательств по делу восполнял наигранным негодованием по поводу совершенных тяжких преступлений и лиц, их совершивших. Таким образом, Вышинский как идеолог советского права периода строительства основ социализма, будучи прогрессивным на словах, на практике в решении конкретных вопросов советского правосудия оправдывал грубейшие нарушения законности и сам неоднократно использовал методы огульного государственного обвинения невиновных лиц в политических процессах. Тем не менее в ряде ситуаций Вышинский, как показано далее, активно и успешно боролся с нарушениями законности в сфере правосудия.

Научный сервилизм, связанный с провозглашением и пропагандой демократических основ, принципов советского государства, которыми оно не обладало, привело его к террору в отношении своего народа, стал главным смыслом и целью советской юридической науки как ее правофланговых идеологов, так и всех допущенных к ней лиц. От апологии юридической практики советского государства, придания ей большего «демократизма», от большой «заботы» о рядовом человеке не только Вышинский, но и основная масса советских ученых-юристов не смогли полностью освободиться до последних дней существования советской версии марксистско-ленинской теории права.

Глава 6. Периодизация истории советской судебной системы в условиях нэпа и построения основ социализма

На периоды нэпа и построения основ социализма (1922—1955 гг.) приходятся самые драматические после гражданской войны события истории советского общества и государства: сталинский террор в форме раскулачивания, ежовщины, бериевщины и Великая Отечественная война. Советский суд, принимавший в этих событиях активное и непосредственное участие, неизменно реформировался, приспособлялся к особенностям задач, решаемых обществом и государством в соответствующем периоде.

История суда периода нэпа начинается с постановления ВЦИКа от 11 ноября 1922 г., которым было введено в действие принятое на

IV Сессии ВЦИКа IX созыва Положение о судеустройстве РСФСР. Этим актом закреплялся полный разрыв с советским правосудием, существовавшим в предшествующий период, как недостаточно демократичным, не соответствующим принципу экономической свободы частных предпринимателей и задачам защиты прав трудящихся в период мирного строительства социализма. Ибо согласно ст. 1 Положения новая система учреждений принималась «в целях ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, прав трудящихся и их объединений».

Закрепленная Положением 1922 г. система общих и специальных судов РСФСР имела следующую структуру. К судам общей юрисдикции были отнесены народные суды, губернский суд и Верховный Суд РСФСР. *Народные суды*, действующие в пределах уездного или городского района, рассматривали по первой инстанции большую часть уголовных и гражданских дел.

Губернский суд работал на территории губернии (области), в которой был учрежден. Он выступал судом первой инстанции по наиболее сложным гражданским делам и наиболее опасным государственным преступлениям, некоторым делам против порядка управления и другим преступлениям. Кроме того, осуществлял надзор за действующими на территории губернии или области судами, за исключением выездных сессий Верховного Суда, военных и военно-транспортных трибуналов, рассматривал кассационные жалобы и протесты прокурора на приговоры и решения подведомственных ему народных судов.

Верховный Суд РСФСР представлял высшее звено единой судебной системы, способной непосредственно воздействовать на работу всех нижестоящих судов. Верховный Суд РСФСР осуществлял судебный надзор за всеми без исключения судебными местами РСФСР, рассматривал в кассационном порядке решенные губернскими судами дела и в качестве суда первой инстанции — дела особой государственной важности, перечень которых должен был определяться специальным законом. Верховный Суд также руководил судебной практикой, толковал законы. Именно в этой деятельности в первую очередь кроется залог единства судебной системы и главное направление деятельности Верховного Суда РСФСР. В результате, как отмечал П. И. Стучка, «замеченные недостатки, недоразумения, непонимание (а всего этого чересчур много в практике наших новых и небогатых опытом судов и судебных деятелей) тут же исправляются, и не только путем отмены или изменения решения, но и путем специального разъяснения. В более общих случаях — путем циркуляров

и разъяснений. К этому надо прибавить еще специальные ревизии, возбуждение и рассмотрение дисциплинарных дел, чтобы верно оценить объем полномочий Верховного Суда»¹.

В то же время законодатель не мог ограничиться только системой судов общей юрисдикции. Непрофессионализм судей, большая часть которых не имели даже общего среднего образования, явно свидетельствовал об их неспособности рассматривать на должном уровне дела, правильное разрешение которых невозможно без знаний специфики организации и функционирования сферы, породившей соответствующие правовые конфликты. В Положении о судостроительстве РСФСР 1922 г. выделены четыре таких сферы: вооруженные силы; железнодорожный и водный транспорт; земельные отношения; наемный труд и имущественные отношения между государственными предприятиями. Сообразно названным сферам законодатель образовал четыре вида специальных судов: 1) военные и военно-транспортные трибуналы, 2) особые трудовые сессии народных судов для рассмотрения дел, связанных с нарушением КЗоТа; 3) земельные комиссии; 4) центральные и местные арбитражные комиссии для рассмотрения имущественных споров между государственными предприятиями.

К подсудности военных трибуналов, состоящих при реввоенсоветах военных округов и фронтов, при корпусах и дивизиях, были отнесены дела о преступлениях, угрожающих крепости и мощи Красной Армии. Военно-транспортные трибуналы, в свою очередь, рассматривали дела о преступлениях, угрожающих транспорту, и работали в Москве, Петрограде, Харькове, ряде других городов. При этом в Положении особо подчеркивалось, что военные и военно-транспортные трибуналы действуют под общим контролем и наблюдением Наркомата юстиции РСФСР и Верховного Суда РСФСР.

Трудовые сессии народных судов были образованы в соответствии с КЗоТом РСФСР 1922 г. для рассмотрения уголовных дел, связанных с нарушением законодательства о труде, а также споров, возникавших из трудовых отношений между работниками и нанимателями. Земельные комиссии создавались при волостных, уездных и губернских исполкомах Советов для разрешения споров по земельным делам. Положением о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями, утвержденным Декретом ВЦИКа и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г., были образованы Высшая арбитражная комиссия при

¹ Стучка П. И. Мысли о нашем правосудии. В порядке дискуссии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 14. С. 314.

СТО и арбитражные комиссии при областных ЭКОСО, а затем — при СНК автономных республик и губернских ЭКОСО.

Осложненная многоэлементным составом общих и специальных судов советская судебная система, созданная в соответствии с Положением 1922 г., обладала внутренним единством и с позиции системного подхода представляла собой органически целостное образование. Единство судебной системы РСФСР не оставалось идеологическим идеалом, а действовало реально, будучи обусловленным следующими факторами. Во-первых, нормами материального законодательства РСФСР, имеющими общеобязательное значение для всех субъектов, в том числе для компонентов системы судов РСФСР, независимо от их соотносительности с группой общих или специальных судов. Во-вторых, единством процессуального уголовного и гражданского законодательства, которому на территории РСФСР обязаны следовать все суды, работающие на территории Республики. Существенное нарушение форм судопроизводства согласно ст. 413 УПК РСФСР является основанием для отмены приговоров в кассационном порядке. В соответствии с этим же основанием отменяются решения судебных органов по гражданским делам. В-третьих, наличием Верховного Суда РСФСР, который, как уже говорилось, обеспечивал единство судебной практики посредством толкования неясных положений существующего законодательства и отмены решений, не отвечающих материальным или процессуальным нормам российского законодательства.

Дополнительным и эффективным фактором единства системы российских судов стал Верховный Суд СССР, предусмотренный Положением о Верховном Суде СССР, утвержденным Декретом ЦИКА СССР от 23 ноября 1923 г. Одна из особенно значимых функций созданного органа советского правосудия состояла в опротестовании решений и приговоров верховного суда любой союзной республики, противоречащих общесоюзному законодательству или интересам других союзных республик. Таким образом, с образованием СССР единство республиканского законодательства и судебной системы вышло на новый, более высокий, общесоюзный уровень: Верховный Суд СССР был призван обеспечивать соответствие приговоров и решений всех судов общесоюзному законодательству как общеобязательной основе законодательства союзных республик.

Логическим продолжением принципа единства правосудия является принцип доступности суда, которым закрепляется реальное право каждого индивида на беспрепятственное обращения в суд. Российский законодатель создал формальные и материальные пред-

посылки для реализации принципа доступности. Он закрепил право всех граждан без какого бы то ни было исключения обращаться в суд в порядке, установленном уголовным и гражданским процессуальным законодательством. Одновременно были определены разумные судебные расходы для обращения в суд по гражданским делам и обязанность проигравшей дело стороны возместить понесенные судом издержки, а также право бесплатно обращаться по уголовным делам.

Еще одна значимая гарантия права на доступ к правосудию — близость суда к населению. В целом эта задача была решена удовлетворительно. Народные суды создавались в низовом звене системы административно-территориального деления РСФСР — уезде. Но на большей части РСФСР уезды занимали немалые территории, и поездка в суд в то время из-за бездорожья и отсутствия транспорта представляла собой весьма сложное мероприятие. Кроме того, повод для обращения в суд, хотя и был для потерпевшего принципиально важным, в категориях права квалифицировался как деяние бытовое, достаточно распространенное и не имевшее большой общественной опасности. В массе своей потерпевшие в этих условиях не решались защищать свое нарушенное право.

Народам Севера и Дальнего Востока, помимо прочего, мешали обратиться в суд неграмотность, незнание советских законов и кочевой образ жизни, регулируемый местными обычаями. Проживающее на Северном Кавказе и в Дагестане население, исповедующее ислам, в свою очередь, не желало менять традиционное, привычное им правосудие — шариат — на малопонятный советский суд, не пользующийся в их глазах тем уважением, которое заслужил традиционный суд. Желая обеспечить доступ к правосудию этих народов, советское государство в первый и последний раз признало целесообразным легализовать их традиционное правосудие, наделить решения этих судов статусом приговоров и решений народных судов.

Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. «О выполнении судебных функций органами туземного правления народностей и племен северных окраин РСФСР» разрешалось в качестве временной меры возлагать на туземные органы управления в лице родовых советов и районных туземных исполнительных органов судебные функции, если в силу местных условий не представляется возможным соблюдать общий судебный порядок. Легализация шариатских судов осуществлялась законодательными актами автономных республик Северного Кавказа и Дагестана. Например, в Горской АССР действовало постановление Съезда горских народов Северного Кавказа и Дагестана 21 апреля 1921 г. «О введении ша-

риатского судопроизводства», которым разрешалась работа окружающих «шариатских троек» под председательством судьи по мусульманскому праву (кади, или эфенди)¹.

Особый исторический интерес представляют постановления ВЦИКа и СНК РСФСР о развертывании общественных судов, решения которых были бы обязательными для заинтересованных и иных лиц и защищались от нарушений органами советского государства. Наиболее широкое движение по введению товарищеских судов на заводах, фабриках и в иных учреждениях, а также на селе породили постановление ВЦИКа и СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г. «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях», одноименное постановление ВЦИКа и СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г., постановление Президиума ЦИКа СССР от 29 сентября 1930 г. «Об организации сельских судов» и др.

Повсеместное культивирование общественных судов в РСФСР позволило: во-первых, снизить число мелких конфликтов на производстве и в быту, нарушений трудовой и производственной дисциплины; во-вторых, защитить потерпевших от малозначительных посягательств на их права со стороны других лиц — мелких хулиганов, клеветников, склочников и др.; в-третьих, вовлечь широкую массу населения в реальный процесс управления делами общества, поднять в глазах населения авторитет общественности в деле обеспечения законности и правопорядка. Но, к сожалению, курс на государственный террор и ликвидацию всякой общественной самостоятельности в области суда и государственного принуждения во второй половине 1930-х гг. прекратил достаточно успешный эксперимент по внедрению общественных начал в сфере правосудия (см. разд. I).

Таким образом, советское государство, ориентированное на максимально полное удовлетворение потребностей населения в правосудии, создало разноплановую систему общих, специальных, общественных и даже традиционных судов, предоставляющую каждому заинтересованному лицу право выбрать судебный орган, способный успешно защитить нарушенные права. Не остается внакладе и государство, судебные органы которого оперативным разрешением правовых конфликтов и справедливым наказанием виновных лиц снижают уровень правонарушаемости, создают в обществе стабильный правопорядок — первостепенную основу замиренной среды.

¹ См.: Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 227—228.

Система советских судов в совокупности с общественными и традиционными судами действовала без существенных изменений, реформ на всем протяжении нэпа — до начала 1930-х гг. Между тем работа общих и специальных судов, ориентированных на потребности общества, населения, вызвала серьезные нарекания со стороны партии и Правительства, видевших в судебных процедурах главный источник волокиты и формализма, поскольку эти суды без особой надобности затягивали принятие решений по вполне очевидным делам. Поэтому, когда на повестку дня был поставлен вопрос о репрессировании кулаков в архибыстром, спешном порядке, И. В. Сталин и его соратники решили «разобраться» с последним эксплуататорским классом России авторитарными террористическими методами, чуждыми действительному правосудию.

Раскулачивание выразилось во внесудебной конфискации у значительной части наиболее состоятельных крестьянских домохозяйств средств производства, домашнего скота, нажитого имущества с последующей их ссылкой в необжитые районы Сибири, Северного Урала и Казахстана и расстрелом актива раскулаченных, признанных органами ОГПУ особо опасными для советского государства. Меры уголовного наказания были применены к репрессированным по решениям квазисудебных органов, специальных троек, а также сельской бедноты вкупе с членами колхозов, претендовавшими на большую часть имущества раскулаченных.

Итак, *начало второго периода* истории советского правосудия приходится на время раскулачивания 1930—1932 гг. и характеризуется масштабным террором против крестьянских домохозяйств. К августу 1930 г. число раскулаченных превысило 1,5 млн. Террор выразился в применении «уголовных мер» — расстрела, конфискации имущества и ссылки — к лицам, вина которых в совершении преступлений, заслуживающих подобной кары, не была доказана в установленном процессуальным законом порядке. Суд был отстранен от рассмотрения подсудных ему по закону дел совершенно секретными решениями Политбюро, однако против такого грубейшего нарушения законности не выступил ни один компетентный орган государства: ни прокуратура, ни законодательные органы союзных республик, ни даже верховные органы государственной власти — ЦИК СССР и Съезд Советов СССР. Лишенный поддержки законодательных органов власти суд собственными силами не мог восстановить свое право на осуществление правосудия по уголовным, политическим делам и наказать лиц, грубо нарушивших советские законы в отношении как суда, так и невиновно репрессированных.

После раскулачивания и вплоть до кончины Сталина террор поднимается на уровень ведущего способа уголовной политики Политбюро ЦК партии, применяемого в целях расправы над социально опасными элементами, не соответствующими критериям активного строителя социалистического общества, склонными не участвовать в решении задач, возложенных на общество и государство, и даже совершать общественно опасные противоправные деяния.

Террор, применяемый волнообразно с определенными приливами и отливами, ограничил действие общих и специальных судов в сфере уголовного судопроизводства, существенным образом исказив демократическую суть советского правосудия. Соответственно советское правосудие в 1930—1953 гг., сочетаемое с масштабным террором, образует в истории советского правосудия *второй период*, в котором можно выделить четыре сравнительно короткие стадии: 1) раскулачивание; 2) легализация террора; 3) ежовщина; 4) бериевщина.

После успешного раскулачивания, проведенного сообразно секретным постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) и вопреки действующему законодательству, партия и Правительство в 1932—1936 гг. предприняли попытку легализовать ряд террористических мер, придать им правовую видимость и закрепить это законами государства. В числе подобных нормативных актов можно выделить: постановление ЦИКа и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»; постановление ЦИКа СССР от 8 июня 1934 г. по вопросам усиления уголовной ответственности за измену Родине как виновных лиц, так и членов их семей; постановление ЦИКа и СНК СССР от 1 декабря 1934 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»; постановление ЦИКа СССР от 5 ноября 1934 г. «Об Особом совещании при Народном комиссаре внутренних дел Союза СССР».

Постановление ЦИКа и СНК СССР от 1 декабря 1934 г. свидетельствует о том, что Политбюро ЦК партии и Правительство имели намерение привлечь общие и специальные суды к проведению террора, предоставить им право на рассмотрение дел в упрощенном порядке. Однако попытка оказалось недостаточно эффективной, поскольку исключение распространялось лишь на два состава преступления: террористические акты и диверсии. Второй вариант, сведенный к созданию внесудебного органа при НКВД СССР — Особого совещания (ОСО), правомочного применять меры уголовного наказания в упрощенном порядке, без судебного следствия и в отсутствие подсу-

димого, был признан удачным и получил широкое распространение. По образу и подобию ОСО создавались региональные тройки в качестве квазисудебного органа, придавшего видимость судебного решения неправосудным актам относительно большей части жертв сталинского террора в 1937—1938 гг.

Следующий этап террора в форме ежовщины был осуществлен в целях приведения социального состава общества в соответствие Конституции СССР, констатирующей в стране полную гармонию отношений между рабочим классом, колхозниками и служащими. Однако в тот период советское общество не было свободным от социально опасных элементов, не готовых жить в условиях социализма. Согласно уже упоминавшемуся оперативному приказу от 30 июля 1937 г. за № 00447 таковыми были признаны бывшие кулаки, бежавшие из лагерей и трудпоселков, социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих отрядах, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий, члены антисоветских партий и др.

Решение о репрессировании социально опасных элементов было принято секретными постановлениями Политбюро ЦК партии и приказами НКВД СССР вопреки Конституции СССР и действующему уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. В ходе ежовщины в 1937—1938 гг. было репрессировано более 1 млн 300 тыс. человек, из которых более 700 тыс. были расстреляны.

Число жертв террора привело в замешательство даже И. В. Сталина, и срочно был предпринят ряд эффективных мер по ослаблению репрессий со стороны органов НКВД. Н. И. Ежов на посту наркома внутренних дел заменен Л. П. Берией; секретным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» признавалось, что совершены грубейшие нарушения законности, допущенные следственными органами, и вынесены многие неправосудные решения о применении репрессий к невиновным лицам. Имела место реабилитация невинно осужденных. Однако через полгода все вернулось на круги своя.

Новый этап террора под руководством Берии пришелся на 1939—1953 гг. и мало чем отличался от ежовщины. В период бериевщины широко практиковались методы и средства фальсификации уголовных дел, применявшиеся при ежовщине. Одновременно была расширена область репрессий при депортации населения Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии в районы Казахстана и Сибири. В военное время (1941—1945 гг.) сталинский террор приобрел тотальный характер, стал ординарным средством обеспечения правомерного поведения военнослужащих

Красной Армии, рабочих, колхозников, интеллигенции и столь же ординарной формой репрессий, отнюдь не всегда в отношении виновных людей. Наиболее жестко репрессировались взятые в плен фашистские каратели и их пособники из числа советских граждан.

Надежды населения на уменьшение или полную отмену сталинского террора после победоносного завершения Великой Отечественной войны не оправдались. И. В. Сталин и его соратники не спешили прекращать эффективно действующий террор ни в одной из сфер общества и государства. Были не только сохранены все ведущие формы террора вплоть до уголовной ответственности для нарушителей трудовой дисциплины, но и предприняты дополнительные меры по его развитию и ужесточению. В частности, усилена уголовная ответственность за хищение государственного, общественного и личного имущества, за разглашение государственной тайны; поднялась еще одна волна репрессий: партийных и советских работников, общественных деятелей обвиняли в том, что они отошли от основной линии ЦК ВКП(б), занимались антисоветской националистической деятельностью, а группы врачей — в том, что они ставили своей целью «путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Даже отмененная с 1947 г. смертная казнь частично восстанавливается в 1950 г.

Интенсивный «демонтаж» террора и ликвидация его последствий проведены после кончины Сталина в течение двух лет (1953—1955 гг.) и образуют самостоятельный *третий период* истории советского правосудия — период прекращения террора и реабилитации его жертв. Финальным событием, полностью покончившим с террором и восстановившим демократические основы советского правосудия, стал XX Съезд партии (февраль 1956 г.), на котором были осуждены культ личности Сталина, проводимый под его руководством тотальный террор и принято специальное постановление. Террор был полностью устранен из жизни советского общества и государства. У ЦК партии и советской власти хватило решимости исключить террор из политико-правовой практики советского государства, но не хватило знаний и умения сохранить социалистический строй, развить и преумножить его достижения.

История формирования и совершенствования законодательства о советском правосудии периодов нэпа и построения основ социалистического общества составляет предмет следующих разделов и глав данной книги. Причем изложение материала ведется сообразно с логикой и конкретно-исторической связью периодов и стадий, пройденных советским правосудием в эпоху нэпа и построения основ социалистического общества.

Раздел III

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА СССР ПЕРИОДА НЭПА

Глава 7. Верховный Суд СССР

В период нэпа произошло знаменательное событие в истории советского правосудия, а именно в связи с образованием Союза ССР создание республиканского уровня судебных органов получило логическое завершение: был учрежден Верховный Суд СССР, призванный обеспечить единообразное толкование и применение судебными органами союзных республик Конституции СССР и общесоюзного законодательства. Ибо, как показала предшествующая практика, единое государство в форме федерации не может успешно существовать и решать общие задачи социалистического строительства без судебного органа, способного:

во-первых, вести интенсивную законопроектную деятельность в целях унификации, разработки общих норм и принципов организации и деятельности систем правосудия в союзных республиках, благодаря которой эти системы функционировали бы на единой законодательной основе. Словом, особенное имело бы своей основой общее;

во-вторых, оперативно выявлять и устранять коллизии между союзным и республиканским законодательством на сугубо правовой, судебной базе;

в-третьих, осуществлять правосудие по первой инстанции в целях защиты союзного законодательства от преступных посягательств и иных противоправных деяний;

в-четвертых, снимать правовые конфликты между союзными республиками.

Именно изложенные причины обусловили необходимость выделить в Конституции СССР специальную главу «О Верховном Суде Союза ССР», провозгласившую создание общесоюзного судебного учреждения, разрешающего правовые конфликты на пути реализации общесоюзного законодательства, утверждающего единую революционную законность на территории Союза ССР. Ни в одной другой советской конституции, к сожалению, не уделено такого значи-

тельного внимания вопросам правосудия, как в Конституции СССР 1924 г.

Конституционные нормы были конкретизированы и дополнены в Положении о Верховном Суде СССР, утвержденном постановлением ЦИКа СССР от 23 ноября 1923 г., и в Наказе Верховному Суду СССР, утвержденном постановлением ЦИКа СССР от 14 июня 1924 г. Первое Пленарное заседание Верховного Суда СССР, открывшееся 18 апреля 1924 г. и продолжавшееся до 24 апреля, знаменовало собой начало деятельности органа, который на всем последующем протяжении истории советского государства принимал непосредственное и активное участие в деле формирования советского социалистического правопорядка, защиты прав и свобод советских граждан, хотя и не всегда являл собой образец подлинно правовой защиты этих прав.

Чтобы избежать споров о подсудности дел Верховному Суду СССР, авторы Положения от 23 ноября 1923 г. детально определили три его компетенции: а) общий надзор (наблюдение) за законностью; б) судебный надзор; в) осуществление судебных функций по первой инстанции.

В области общего надзора на Верховный Суд СССР возлагалась задача верховным судам союзных республик руководящих разъяснений и толкования общесоюзного законодательства, а также заключений о законности с точки зрения Конституции СССР постановлений и иных актов центральных органов союзных республик, а также СНК СССР. Кроме того, Верховный Суд СССР наделялся правом вносить в Президиум ЦИКа Союза ССР постановления о приостановлении и отмене действий и распоряжений центральных органов и отдельных наркоматов СССР по мотивам несоответствия этих действий и распоряжений Конституции СССР.

В ходе судебного надзора Верховный Суд СССР мог: во-первых, опротестовывать постановления, решения и приговоры верховных судов союзных республик в случае их противоречия общесоюзному законодательству или несоответствия интересам других республик; во-вторых, отменять приговоры, решения и определения судебных учреждений Союза ССР по мотивам их несоответствия общесоюзному законодательству; в-третьих, представлять в Президиум ЦИКа СССР незаконные распоряжения и постановления ОГПУ СССР, а также руководить деятельностью военных судебных учреждений СССР.

Верховному Суду СССР по первой инстанции были подсудны непосредственно дела четырех категорий: 1) персональной подсудно-

сти членов ЦИКа и СНК СССР; 2) по обвинению высших должностных лиц Союза ССР в преступлениях по должности; 3) уголовные и гражданские дела исключительной важности, затрагивающие по своему содержанию интересы двух или нескольких союзных республик; 4) судебные споры между союзными республиками.

В целях успешного решения возложенных на Верховный Суд СССР задач ему придали следующую структуру: 1) пленарные заседания Верховного Суда СССР; 2) гражданско-судебная коллегия; 3) уголовно-судебная коллегия; 4) военная коллегия; 5) военно-транспортная коллегия; 6) специальные судебные присутствия по уголовным и гражданским делам. Для обеспечения устойчивой независимости от внешнего воздействия со стороны иных государственных органов все должностные лица Верховного Суда СССР (от председателя, его заместителя до запасных членов Суда, а также члены коллегий) назначались Президиумом ЦИКа СССР, и только он мог их отозвать или отстранить от должности. Исключение составляли председатели верховных судов союзных республик, которые входили в состав Верховного Суда Союза ССР по должности.

Большими исполнительно-организационными полномочиями был наделен председатель Верховного Суда СССР. Он обязывался представлять руководимое им учреждение в ЦИКе СССР, утверждать отчетность коллегий и обеспечивать составление общей отчетности Верховного Суда СССР, управлять делами общей канцелярией, финансовой, хозяйственной и иных служб, участвовать с совещательным голосом во всех заседаниях всех коллегий и присутствий Верховного Суда СССР. На председателе лежали и полномочия по организации и работе пленарных заседаний Верховного Суда СССР, их созыву, председательствованию на заседаниях и внесению вопросов, подлежащих рассмотрению. В то же время ни одного решения по вопросам правосудия председатель Верховного Суда принять не мог, подобные решения принимались исключительно коллективными органами, и прежде всего на пленарных заседаниях.

Пленарное заседание Верховного Суда Союза ССР проводилось в составе 11 членов: председателя и его заместителя, четырех председателей верховных судов союзных республик, представителя ОГПУ СССР и четырех членов Верховного Суда Союза ССР, председательствующих в заседаниях его коллегий (гражданской, уголовной, военной и военно-транспортной). Все члены Верховного Суда, кроме председателей верховных судов союзных республик, назначались Президиумом ЦИКа СССР. На пленарных заседаниях обязательным было участие прокурора Верховного Суда СССР или его заме-

стителя, который непременно должен был давать свое заключение по всем вопросам, рассматриваемым пленумом. Вопросы решались большинством голосов при наличии не менее шести членов Верховного Суда СССР. Постановления Пленума, за исключением требующих утверждения ЦИКом СССР, вступали в силу немедленно и имели общеобязательную силу. Они могли быть отменены только ЦИКом СССР.

Первыми членами Пленума из числа руководящих лиц Верховного Суда СССР ЦИК СССР назначил председателя Верховного Суда СССР А. Н. Винокурова, его заместителя В. И. Васильева-Южина, председателя уголовно-судебной коллегии В. П. Антонова-Саратовского, председателя гражданско-судебной коллегии П. А. Лебедева, председателя военной коллегии В. А. Трифонова, председателя военно-транспортной коллегии А. Егорова. Прокурором Верховного Суда СССР был назначен П. А. Красиков.

Такое ведущее направление деятельности Верховного Суда СССР, как надзор за законностью, или, говоря современным языком, конституционный контроль за соблюдением Конституции СССР, Пленум осуществлял по своей инициативе, но чаще всего по предложениям других органов ЦИКа СССР, центральных органов союзных республик, прокурора Верховного Суда СССР и прокуроров союзных республик. Представления о приостановлении и отмене правовых актов центральных органов и народных комиссариатов Союза ССР (кроме постановлений ЦИКа Союза ССР и его Президиума) в случае их несоответствия Конституции СССР подлежали представлению в Президиум ЦИКа СССР.

Таким образом, Пленум в отличие от Конституционного Суда РФ не обладал правом самостоятельно принимать решения по данному вопросу. Пленум Верховного Суда СССР по требованию ЦИКа СССР давал заключения о соответствии Конституции СССР постановлений центральных органов союзных республик, а также СНК СССР. Именно эту сторону деятельности Пленума оттенил председатель Верховного Суда СССР А. Н. Винокуров, открывая его первое заседание 18 апреля 1924 г. Он отметил, что верховный надзор за конституционностью действий контрольных органов Союза и союзных республик носит характер консультативный, т. е. результаты доводятся до сведения Президиума ЦИКа. Задачи Верховного Суда Союза — блюсти единство Союза, с одной стороны, блюсти суверенные права союзных республик — с другой¹.

¹ См.: Первое пленарное заседание Верховного Суда СССР // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 23—24. С. 558.

Всего Верховный Суд СССР в 1924—1929 гг. изучил более 24 тыс. нормативных правовых актов для выявления в них нормативных предписаний, не соответствующих Конституции СССР. При этом если в 1924 г. в Верховный Суд поступили 2197 нормативных актов, то в 1928 г. их число достигло 6272¹. Из этого числа в Президиум ЦИКа СССР было опротестовано 86 неконституционных актов наркоматов и центральных ведомств СССР; Президиуму ЦИКа СССР дано 11 заключений о неконституционности постановлений ЦИКа и СНК союзных республик; по представлению прокуратуры Верховного Суда СССР опротестованы перед Президиумом ЦИКа СССР 16 постановлений пленарных заседаний верховных судов союзных республик, противоречащих общесоюзному законодательству; верховным судам союзных республик даны около 30 руководящих разъяснений.

Общенадзорная работа Верховного Суда СССР явилась фактором удержания государственных органов от попыток противостоять всеобщему действию Конституции СССР посредством принятия противоречащих ей общесоюзных, равно как и республиканских, нормативных или индивидуальных актов. Понятно, что такая работа не смогла пресечь все или большую часть действовавших в тот период нормативных предписаний, не соответствующих Конституции СССР. Пока что ни один существующий государственно-правовой институт не может гарантировать подобных высоких результатов прежде всего в силу недостаточно высокой культуры общества. Население не способно в полной мере и со знанием дела использовать свои политические и иные права в защиту своих публичных интересов, тогда как государственные органы не обладают высокопрофессиональными кадрами служащих, умеющими и желающими действовать безошибочно во благо общества и государства.

По признанию А. Н. Винокурова, в ходе общенадзорной работы Верховный Суд СССР в тот период выполнял простую, но значимую обязанность «воспитания как в союзных, так и в республиканских органах конституционной дисциплины, недопущения вмешательства одних в компетенцию других, введения в правильное конституционное русло руководства республиканскими наркоматами со стороны объединенных союзных наркоматов. Наряду с этим стояла вторая задача: недопущение произвола в организационных построениях наркоматов Союза, наблюдение за тем, чтобы структура их со-

¹ См.: Баников С. Г. Верховный Суд СССР и совершенствование советского законодательства // Верховный Суд СССР. Статьи и очерки о деятельности за 1924—1974 гг. М., 1974. С. 49.

ответствовала положению о них»¹. Хотя конституционный надзор и был в младенческом возрасте, и решал задачу лишь воспитания, тем не менее у ответственных работников союзных республик большой симпатии не снискал, более того, заметно беспокоил их и потому ставил искать пути его ликвидации.

Вскоре был найден самый неотразимый в глазах партии и Правительства предлог — экономия бюджетных денег посредством закрытия якобы малополезного, ничего не дающего надзора. Именно в этом духе составлено письмо от 20 марта 1928 г. председателем Верховного Суда Грузии А. Качаравой, адресованное ЦИКу Грузинской ССР, а также Наркомату РКИ, председателям верховных судов союзных республик, председателю и прокурору Верховного Суда СССР. Автор письма уверял, что Верховный Суд в области судебной ничем себя не оправдал, представляя собой «место скучных собраний». Письмо тут же получило поддержку в Наркомате РКИ, для которого поиск путей экономии бюджетных денег составлял альфу и омегу деятельности². К счастью, благодаря уверенной и точной защите А. Н. Винокурова и его сподвижников общий надзор Верховного Суда СССР устоял, продолжил свою деятельность еще на целых пять лет.

Общий надзор Верховного Суда СССР органично дополнялся судебным надзором за соответствием постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик общесоюзному законодательству и интересам других союзных республик. Названные судебные акты, противоречащие общесоюзному законодательству и вошедшие в законную силу, подлежали рассмотрению на пленарном заседании Верховного Суда СССР по протесту его прокурора. Пленум входил с представлением в Президиум ЦИКа СССР об отмене акта верховного суда союзной республики, противоречащего общесоюзному законодательству или затрагивающего интересы других союзных республик. В тех случаях, когда Пленум Верховного Суда СССР протест своего прокурора не поддерживал, прокурор заинтересованной союзной республики мог опротестовать постановление Пленума в Президиум ЦИКа СССР.

Приговоры, решения и определения коллегий Верховного Суда Союза ССР, а также его специальных судебных присутствий, арбитражной комиссии при СТО СССР, иных учреждений Союза ССР, имеющих судебные функции, в кассационном порядке рассматри-

¹ Речь председателя Верховного Суда Союза ССР т. Винокурова // Десять лет Верховного Суда СССР. 1924—1934 гг. М., 1934. С. 11—12.

² См.: Митюков М. А. Судебный конституционный надзор. 1924—1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М., 2005. С. 33—34.

вались также пленарным заседанием Верховного Суда Союза ССР. Право внесения дела на пленарное заседание предоставлялось ЦИКу СССР, его Президиуму, СНК СССР и центральным исполкомам союзных республик, а также председателю Верховного Суда СССР. Кроме того, прокурор Верховного Суда Союза ССР мог внести протест, а прокуроры союзных республик — представление относительно несоответствия актов общесоюзных судебных учреждений требованиям Конституции СССР или интересам республики.

Пленарное заседание Верховного Суда СССР правомочно отменить приговоры, решения и определения названных судебных учреждений по двум основаниям: 1) в случае противоречия общесоюзному законодательству; 2) при несоответствии республиканским материальным кодексам (уголовному, гражданскому, трудовому и др.), Уголовно-процессуальному либо Гражданскому процессуальному кодексам, подлежащим применению в данном деле. Далее дело передавалось на новое рассмотрение в другом составе судей в те же коллегии или другое судебное учреждение по подсудности.

Судебный надзор со стороны пленарных заседаний Верховного Суда СССР за распоряжениями и постановлениями ОГПУ СССР был возможен лишь по одному основанию — по мотивам законности, соответствия названных актов требованиям общесоюзного законодательства¹. При этом требовалось наличие соответствующего представления прокурора Верховного Суда СССР. В случае согласия пленарного заседания с представлением прокурора принималось постановление, которым от имени Верховного Суда СССР вносилось в Президиум ЦИК Союза ССР представление об отмене соответствующих незаконных постановлений и распоряжений ОГПУ СССР.

Правосудие по первой инстанции осуществляли все судебные коллегии Верховного Суда СССР, а также специальные судебные присутствия по уголовным и гражданским делам, образуемые для рассмотрения особо важных дел.

Гражданско-судебная и уголовно-судебная коллегии Верховного Суда Союза ССР состояли из председателя, двух членов и одного запасного члена. Распорядительные и судебные заседания коллегий

¹ В источнике официального опубликования (СЗ 1924 г. № 2. Ст. 25) и последующих неофициальных публикациях текста Наказа допущена опечатка: в ст. 33 фраза «постановления и распоряжения ОГПУ СССР, вносимые по соображениям закономерности» бессмысленна. Вполне возможно, коль скоро термин «закономерность» в статье используется три раза, в данном случае имеет место не редакционная опечатка редакции, а описка «высококвалифицированного» автора ст. 33, не способного разглядеть разницу между «законностью» и «закономерностью». Фраза приобретает смысл, если термин «закономерность» заменить термином «законность». Именно в таком смысле нами интерпретируется данная фраза.

проводились в составе председательствующего и двух членов. Уголовные и гражданские дела на судебных заседаниях коллегий Верховного Суда Союза ССР рассматривались с применением кодексов и других законодательных актов союзной республики, на территории которой совершено преступление или возник гражданско-правовой конфликт. Приговоры и решения Верховного Суда Союза ССР выносились именем Союза Советских Социалистических Республик.

Гражданско-судебная коллегия Верховного Суда СССР рассматривала дела каждый раз по особому постановлению ЦИКа СССР или его Президиума. Коллегия разрешала гражданские дела исключительной важности, затрагивающие по своему содержанию интересы двух или нескольких республик либо гражданско-правовые споры между союзными республиками. Уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР рассматривала также по особому постановлению ЦИКа СССР или его Президиума дела персональной подсудности членов ЦИКа и СНК СССР и по обвинению высших должностных лиц СССР в должностных преступлениях.

Военная коллегия Верховного Суда СССР состояла из председателя, его заместителя и четырех членов, назначаемых Президиумом ЦИКа СССР. Кроме того, при ней состояли организационный отдел, следственная часть и секретариат. Руководство системой военных трибуналов осуществляли Верховный Суд СССР, его военная коллегия и верховные суды союзных республик.

Общее руководство деятельностью военных судебных учреждений принадлежало Верховному Суду СССР. Все особо значимые циркулярные распоряжения военной коллегии принимали общеобязательный характер после их обсуждения и утверждения пленарным заседанием Верховного Суда СССР. Остальные циркуляры, общие инструкции и руководящие распоряжения военной коллегии могли издаваться с утверждения председателя Верховного Суда СССР.

Непосредственное руководство деятельностью военных трибуналов как в военное, так и в мирное время возлагалось на военную коллегия Верховного Суда СССР. Коллегия была правомочна проводить ревизии работы трибуналов, издавать соответствующие циркуляры, давать трибуналам руководящие указания и инструктировать их по вопросам судебной практики. Одновременно верховные суды союзных республик и их уголовно-кассационные коллегии руководили судебной практикой военных трибуналов посредством толкования законодательства союзных республик и кассационных определений, вынесенным по делам, рассмотренным военными трибуналами на территории соответствующей союзной республики, поскольку в тот

период военные трибуналы придерживались того же уголовно-процессуального законодательства, что и гражданские суды.

Военной коллегии Верховного Суда СССР были подсудны по первой инстанции уголовные дела исключительной важности, возбуждаемые Президиумом ЦИКа СССР. Ей же были подсудны дела по обвинению в преступлениях по должности и других преступных деяниях по военному ведомству, совершенных высокопоставленными военачальниками Красной Армии, Военно-Морского и Воздушного флотов. В порядке надзора военная коллегия наделялась правомочием ставить перед Президиумом ЦИКа СССР вопросы об опротестовании постановлений пленарных заседаний верховных судов союзных республик и определений их уголовно-кассационных коллегий по приговорам военных трибуналов. Интересно, что подобное право у военной коллегии возникало не по поводу защиты невиновно или несправедливо осужденных, а только в отношении постановлений и определений, не соответствующих направлению карательной политики, необходимой для поддержания дисциплины в Красной Армии. Характерно и другое: вопрос о постановке опротестования приговора, определения военная коллегия могла вносить на Пленум лишь через председателя Верховного Суда СССР.

Военно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР состояла из председателя и двоих членов, назначаемых Президиумом ЦИКа СССР по представлению Наркомата путей сообщения. Коллегии были подсудны по первой инстанции два вида преступлений: 1) совершенные по должности высшими должностными лицами названного наркомата; 2) являющиеся особо опасными для состояния транспорта Союза ССР (при условии, что дела виновных лиц возбуждены особыми постановлениями ЦИК СССР или его Президиума). При рассмотрении уголовных дел военно-транспортная коллегия руководствовалась кодексами союзной республики по месту совершения преступления. Правом кассации и надзора в отношении приговоров и определений, вынесенными другими судебными учреждениями, военно-транспортная коллегия не обладала, поскольку подобные преступления рассматривались судами общей юрисдикции.

Согласно ст. 12 Положения о Верховном Суде СССР специальные присутствия Верховного Суда СССР образуются по особому постановлению Президиума ЦИКа СССР пленарным заседанием Верховного Суда СССР. Состав формируется из членов Верховного Суда СССР и только для рассмотрения конкретного дела. Положение допускало включение в состав присутствия запасных членов Верховного Суда СССР при условии их назначения Президиумом ЦИКа

СССР. Специальным присутствием предусматривалось рассмотрение, во-первых, уголовных и гражданских дел исключительной важности, затрагивающих интересы двух или нескольких союзных республик, во-вторых, дел по обвинению в должностных или иных преступлениях членов ЦИКа или СНК СССР, председателя Верховного Суда СССР, иных высокопоставленных должностных лиц общесоюзных органов.

Презюмировалось, что специальное присутствие, составленное из «разовых» судей, гарантирует максимум независимости и соответственно повышает объективность рассмотрения дела. Тем не менее приговоры и решения специальных судебных присутствий разрешалось опротестовывать председателю и прокурору Верховного Суда СССР, прокурорам союзных республик. Наказ называл единственное основание для внесения протеста: несогласованность приговора, решения с общесоюзным законодательством или законодательством союзных республик. Протесты надлежало выносить на пленарные заседания Верховного Суда СССР. Решение или приговор специального судебного присутствия в случае отмены пленарным заседанием Верховного Суда СССР подлежали передаче на новое рассмотрение специальным судебным присутствием в другом составе.

Как видим, Верховный Суд СССР в совокупности, системе составляющих его органов создал действенный режим судебной защиты общесоюзного законодательства от посягательств со стороны общесоюзных и союзно-республиканских органов государственной власти и должностных лиц. Можно говорить о четырех наиболее значимых достижениях Верховного Суда СССР в первые годы его становления и функционирования.

Во-первых, общесоюзный судебный орган советского государства хорошо вписался в уже сложившуюся систему республиканских органов правосудия, предоставив им максимум самостоятельности в определении судебной политики на уровне союзной республики и свободы воли в принятии решений по конкретным уголовным и гражданским делам в соответствии с действующим республиканским законодательством. Верховный Суд СССР не претендовал ни на какие права союзных республик в сфере правосудия, он получил лишь те права, которые необходимо вытекали из статуса общесоюзных органов федеративного государства, каковой определялся задачами обеспечения единой политики и единой законодательной основы советского государства и общества.

Во-вторых, Верховный Суд СССР был создан как судебный орган, действующий на сугубо демократических началах, принимающий и

нормативные, и индивидуальные судебные решения коллегиально и лишь после предварительного обсуждения соответствующего вопроса. Председатель Верховного Суда СССР мог принимать единолично лишь решения по оперативным вопросам организации и работы вверенного ему судебного учреждения.

В-третьих, Верховный Суд СССР внедрил и на протяжении 10 лет успешно осуществлял надзор за соответствием нормативных и индивидуальных актов центральных общесоюзных органов и органов союзных республик Конституции СССР, намного обогнав в этом отношении ведущие европейские страны. В российской юридической литературе можно встретить негативные оценки этого опыта на том основании, что Верховный Суд СССР не обладал правом самостоятельного принятия решений по итогам конституционного надзора. В частности, Н. В. Витрук, солидаризируясь с В. К. Дябло, считает, что по вопросам определения конституционности законов Верховный Суд СССР выступал в качестве «вспомогательного органа Президиума ЦИК СССР»¹. Однако для такой оценки нет никаких оснований.

Верховный Суд не был вспомогательным органом Президиума ЦИКа СССР по вопросам конституционного надзора, поскольку обладал свободой, необходимой для самостоятельного формирования воли в этой сфере. Он мог по своему усмотрению инициировать дело о несоответствии правового акта Конституции СССР, что, кстати, не дозволено ныне действующему Конституционному Суду РФ, рассматривать и решать дело по своему усмотрению, без «чужого» влияния и подсказок со стороны Президиума ЦИКа СССР. В постановлениях пленарного заседания, направляемых в Президиум ЦИКа СССР, выражались обоснованная оценка неконституционности исследованного закона и воля по поводу правовых последствий выявленного факта.

Другое дело, что постановления Верховного Суда СССР не обретали общеобязательного значения, не вступали в законную силу без соответствующего решения Президиума ЦИКа. Но в системе государственного управления разделение процесса формирования правовой воли в качестве общеобязательной между двумя и более органами представляет собой обычное явление и не дает никаких оснований для признания одного из них вспомогательным в отношении к другому. Например, федеральный закон, принятый Государственной Думой Федерального Собрания РФ, не обретает общеобязательного значения без его одобрения Советом Федерации, хотя никому и в го-

¹ Витрук Н. В. Конституционное правосудие. М., 2005. С. 61.

лову не приходит мысль о том, что Государственная Дума выступает вспомогательным органом Совета Федерации. Следовательно, Верховный Суд СССР в 1920-х гг. выступал полноценным органом конституционного надзора, который практическими действиями обосновывал целесообразность и необходимость такого надзора в условиях любого демократического государства.

В-четвертых, в период нэпа Верховный Суд СССР был единственным органом юстиции, который стойко и последовательно проводил курс на восстановление демократических принципов и институтов уголовного и гражданского процессуального законодательства, разработанных и применяемых буржуазным правосудием в целях защиты прав подсудимых от необоснованных посягательств со стороны государственных органов и должностных лиц. Политика левых коммунистов в сфере юстиции, активно иницируемая Н. В. Крыленко и поддержанная решениями XV Съезда партии, иными партийными и государственными документами, составители которых по-прежнему видели идеал советского правосудия в упрощенном судопроизводстве и бесправии личности перед судом, в конечном счете изжила себя, была отвергнута в ходе истории. Отвержение состоялось потому, что антиправовой концепции с самого начала противостояла на первых порах незначительная, но стойкая группа работников юстиции, ясно осознававших пагубность курса на упрощение судебного процесса и усиление судебного произвола. Эта группа действовала в Верховном Суде СССР под руководством его председателя А. Н. Винокурова.

Принципиальные подходы к законодательству и его содержанию, различающиеся у А. Н. Винокурова и Н. В. Крыленко, проявились в первых же общесоюзных актах, в частности в Наказе Верховному Суду СССР, утвержденном постановлением ЦИК СССР от 14 июня 1924 г. Если российский законодатель в период нэпа все еще мыслил категориями гражданской войны и сводил цели правосудия к ограждению завоеваний пролетарской революции, обеспечению интересов государства и прав трудящихся, то авторы общесоюзных Основ судостроительства идут дальше. Во-первых, они справедливо признают в качестве задачи правосудия укрепление общественно-трудовой дисциплины и правовое воспитание трудящихся, на что неоднократно и обоснованно обращал внимание В. И. Ленин и что в условиях нэпа было намного актуальней, чем «ограждение завоеваний». Во-вторых, цель Основ — соблюдение революционной законности, исполнение действующих законов, тогда как российские идеологи, в том числе П. И. Стучка, находили возможным отступать от действующих за-

конов, нарушать их, следуя лозунгу: «минимум формы, максимум классового содержания».

А. Н. Винокуров прямо и публично выступил против «проектов» Н. В. Крыленко 1927—1928 гг. — всемерно упростить уголовное право и уголовное судопроизводство, признавая, что «принципы общей и частной превенции, принцип соответствия меры социальной защиты совершенному преступлению — вполне правильные принципы, на которых должен быть построен наш Уголовный кодекс»¹. В 1938 г. Винокуров в статье «О тезисах редакции журнала “Советская юстиция”» с удовлетворением констатировал, что крыленковский проект УК без составов и дозировок, который еще не так давно рекомендовался как единственно правильный, марксистско-ленинский УК, был самым автором признан составленным «по установкам Пашуканиса», о чем Винокуров говорил Крыленко еще в 1931 г.²

Демократические новеллы Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, принятого Верховным Советом СССР 16 августа 1938 г., стали возможны также благодаря стойкости и последовательности Винокурова, обосновавшего необходимость организовать советский суд на традиционных принципах правосудия, прежде всего независимости и самостоятельности. Однако эта позиция стоила ему поста председателя Верховного Суда СССР. Проект на сессии уже докладывал не он, а нарком юстиции СССР М. Н. Рычков.

Конечно, коренным образом изменить советское законодательство по вопросам правосудия Винокуров не мог, но в его распоряжении был такой эффективный канал, как руководящие разъяснения и толкования общесоюзного законодательства, в которые он успешно мог вносить отдельные демократические новеллы, не противоречащие в явном виде действующему законодательству. Характеризуя эту сторону деятельности председателя Верховного Суда СССР, С. Г. Банников на ряде конкретных примеров из судебной практики Пленума обоснованно показал, что «во многих случаях значение представлений Верховного Суда СССР выходило за рамки исправления тех или иных конкретных ошибок и нарушений, поскольку принимавшиеся на основании этих представлений решения играли существенную роль и способствовали достижению общей цели — упорочению и совершенствованию законодательства»³.

¹ См.: Винокуров А. Н. Прения по докладу Н. В. Крыленко 23 февраля 1929 г. // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 9—10. С. 220.

² См.: Винокуров А. О тезисах редакции журнала «Советская юстиция» // Советская юстиция. 1937. № 13. С. 5.

³ Банников С. Г. Указ. соч. С. 49.

Предписания судебной практики, положительно зарекомендовавшие себя в сфере правосудия, легче воспринимались законодателем в качестве проектируемых новелл, имели больше шансов перейти на уровень нормы права. В судебной практике были найдены аргументы в пользу реформирования работы Верховного Суда СССР, предложенного Верховным Судом СССР в декабре 1926 г., и основные положения этой реформы. В ходе более чем двухлетней дискуссии с оппонентами, не способными понять необходимость дальнейшей демократизации советского правосудия и представившими общественности проекты УПК и УК, предусматривающие всемерное упрощение уголовного процесса и уголовного законодательства, чреватое возвратом к практике периода военного коммунизма, проект Верховного Суда СССР обрел статус закона, хотя и в заметно урезанном виде. Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 24 июля 1929 г. было утверждено Положение о Верховном Суде СССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР.

Основное достижение Верховного Суда СССР выразилось в получении права законотворческой инициативы, т. е. права на обращение в законотворческий орган с предложениями об изменении, дополнении, отмене действующего законодательства, которое согласно ст. 33 Конституции СССР 1924 г. подлежало рассмотрению Президиумом ЦИКа СССР. Право предоставлено с учетом активного и плодотворного участия председателя Суда и его членов в законотворческой деятельности ВЦИКа, подготовке и экспертизе законопроектов, в обстоятельных заключениях на законопроекты, подаваемые Пленумом.

Положение не устанавливало порядок реализации права законодательной инициативы, поскольку предполагалось, что инициатива должна выдвигаться так, как это предусмотрено для представления в Президиум ЦИК СССР постановлений Верховного Суда СССР о приостановлении и отмене действий и распоряжений центральных органов и наркоматов СССР. Решение об обращении с законодательной инициативой Верховный Суд СССР должен был принимать на пленарном заседании, после обсуждения и принятия документов, закрепляющих суть и содержание законодательной инициативы. По данным М. А. Митюкова, в 1929—1931 гг. Верховный Суд с законодательной инициативой выступил 15 раз¹.

Второе заметное изменение в статусе Верховного Суда СССР связано с расширением критерия оценки конституционности нормативных правовых актов и судебной практики. Согласно ст. 2 Положения

¹ См.: Митюков М. А. Указ. соч. С. 112.

от 24 июля 1929 г. оценка законности постановлений центральных исполнительных комитетов союзных республик и их президиумов, а также СНК СССР, СТО, народных комиссариатов и иных центральных учреждений Союза ССР, постановлений пленумов верховных судов союзных республик должна осуществляться по нормам Конституции СССР и общесоюзного законодательства. Они же должны выступать критериями оценки законности приговоров, решений и определений коллегий и специальных судебных присутствий Верховного Суда СССР, а также кассационных присутствий военной коллегии Верховного Суда СССР. Кроме того, названные акты судебной практики должны были соответствовать материальным и процессуальным законам союзных республик, применяемым при рассмотрении дел.

Расширение круга общесоюзных источников, которым должны были соответствовать нормативные правовые акты исполнительно-распорядительных органов советского государства, мотивировалось тем, что общесоюзные законы находятся в непосредственной связи с Конституцией СССР, конкретизируют и дополняют ее положения. Поэтому для целей обеспечения законности в стране нужно общесоюзные законы выполнять столь же свято, сколь и послужившую их основой Конституцию СССР. В связи с усилением значения общесоюзных законов в деле укрепления законности Верховному Суду СССР было предоставлено право их разъяснения не только для судебных органов, но и для иных государственных органов, учреждений по предложениям Президиума ЦИКа СССР и по запросам СНК СССР.

Изменения были внесены в структуру Верховного Суда СССР. Прежде всего в его состав были введены народные заседатели — 25 человек. Список заседателей ежегодно утверждался Президиумом ЦИКа СССР, при этом 12 заседателей — из числа кандидатов, представленных президиумами ЦИКов союзных республик, и 13 — из числа кандидатов, представленных Верховным Судом СССР. Народные заседатели должны принимать участие по одному в составе судебных заседаний гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий и специальных судебных присутствий Верховного Суда СССР, что, по мнению партии и законодателя, станет убедительным свидетельством народного правосознания, проявляемого на самом высоком уровне правосудия при рассмотрении уголовных и гражданских дел по первой инстанции. На практике же подобная мера носила чисто декоративный характер, поскольку народный заседатель при наличии трех профессиональных судей не мог оказывать никакого влияния на исход дела.

В сторону расширения властных полномочий был изменен статус председателя Верховного Суда СССР. На него возлагалась обязанность наблюдать за полной исполнением коллегиями решений Пленума Верховного Суда СССР, предоставлено право принимать на себя председательствование в судебных и распорядительных заседаниях всех коллегий. Председателю было разрешено также предлагать председателям верховных судов союзных республик вносить в порядке надзора приговоры и решения, вступившие в законную силу, но противоречащие общесоюзному законодательству или интересам других союзных республик, на рассмотрение соответствующих судебных инстанций союзных республик до того, как вопрос вынесен на пленарное заседание Верховного Суда.

В Положение от 24 июля 1929 г. были внесены и другие незначительные изменения, дополнения. Однако проверить эффективность «косметического ремонта» в условиях нэпа Верховному Суду СССР не представилось возможным. Советское государство уже вступало в новую стадию своей истории, на которой большая часть демократических новелл в сфере советского правосудия была ликвидирована установившимся в стране так называемым большим террором.

Глава 8. Военные трибуналы

Военные трибуналы, переведенные в 1923 г. на уровень общесоюзных судебных органов, в течение двух с лишним лет руководствовались законами и иными нормативными правовыми актами РСФСР, поскольку им Декретом ЦИКа СССР от 13 июля 1923 г. была придана обязательная сила на всей территории СССР. Параллельно ЦИК СССР интенсивно проектировал и принимал нормы, обеспечивающие переход военных трибуналов в новый статус общесоюзных судебных органов. Поскольку четкой концепции организации, как и процессуальной деятельности, военных трибуналов у законодателя не было, регулирование осуществлялось в основном в самом общем виде, неполно, а по ряду вопросов и недостаточно совершенно, поэтому постоянно менялось или дополнялось. В Сборнике законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры за период с 1923 по 1935 г. содержались 30 законодательных актов, касающихся военной прокуратуры, из которых 19 представляют собой лишь изменения и дополнения в ранее принятые законы¹.

¹ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917—1954 гг.: сб. документов / сост. Л. Н. Гусев, под ред. С. А. Голунского. М., 1955. С. 467—518.

За период формирования законодательства об организации и работе военных трибуналов в статусе общесоюзного судебного органа (1923—1927) были приняты пять законов: Декрет ЦИКа СССР от 23 ноября 1923 г. «Положение о Верховном Суде СССР»; постановление СНК СССР от 14 июня 1924 г. «Наказ Верховному Суду СССР»; постановление ЦИК и СНК СССР от 20 августа 1926 г. «Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре»; постановление СНК СССР от 9 ноября 1926 г. «Об утверждении положения о временных членах военных трибуналов»; постановление ЦИКа и СНК СССР от 25 мая 1927 г. «О порядке дисциплинарной ответственности работников военных трибуналов».

Названными законами ЦИКа и СНК СССР определялись система военных трибуналов, порядок их организации и подсудность, а также особенности производства по уголовным делам. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре закрепило прежнюю систему местных военных трибуналов, действовавших при военных округах, фронтах, отдельных армиях и флотах, а также корпусах и дивизиях. Сохранился прежним и порядок их организации, реорганизации и упразднения. Все военные трибуналы состояли из председателя, его заместителя и членов, число которых устанавливала военная коллегия Верховного Суда СССР по соглашению с Наркоматом по военным и морским делам. При этом члены трибунала могли быть как постоянными, так и временными. Списки временных членов по отдельным трибуналам составлялись ежегодно политическим военным управлением военного округа и утверждались совместными приказами командующего войсками и председателя военного трибунала округа. Однако военная коллегия Верховного Суда СССР обладала правом корректировки представленных списков временных членов посредством отвода некоторых из них.

Статус временного члена трибунала во многом совпадал со статусом народного заседателя в общих судах: временный член трибунала привлекался к выполнению обязанностей не более 12 дней в году с сохранением содержания на постоянном месте службы и обладал равными правами с постоянными членами трибунала при рассмотрении дел как на стадии распорядительного, так и на стадии судебного заседания. В юридической литературе высказывалось предложение унифицировать состав трибунала с составом общих судов, предусмотрев участие в трибуналах народных заседателей из числа военнослужащих или лиц, знакомых со спецификой службы в армии. По мнению Я. Л. Бермана, такая мера, с одной стороны, позволила бы сблизить военные суды с красноармейскими частями и

тем самым оживить эти суды, поскольку непосредственного соприкосновения с красноармейской массой по вполне понятным причинам окружных, армейских, корпусных трибуналов, отдаленных от подсудных им частей, мало. С другой стороны, введение института народных заседателей могло бы способствовать ознакомлению сотрудников с военно-судебной работой, с карательной политикой и тем самым теснее связать все остальные формы политической подготовки армии к карательной политике¹.

Ввести в состав военного трибунала народных заседателей было весьма важно еще и потому, что неперенное участие в правосудии носителей «народного правосознания» позволило бы повысить обоснованность и справедливость приговора, выработать решение, в котором органично сочетались бы законность и целесообразность при учете всех обстоятельств рассмотренного конкретного дела. Однако законодатель не очень доверял народным массам, особенно по делам, требующим вынесения сурового приговора, обусловленного политической или иной конъюнктурой, и потому принял компромиссное решение. Благодаря Положению о временных членах военных трибуналов от 9 ноября 1926 г. в состав названного суда по-прежнему входили постоянные члены и одновременно предоставлялась возможность по усмотрению его председателя допускать участие народных заседателей в качестве судей, но на всякий случай этому институту было дано иное терминологическое обозначение — «временные члены военного трибунала».

Военные трибуналы согласно Наказу Верховному Суду СССР от 14 июля 1924 г. подчинялись трем органам: Верховному Суду СССР, его военной коллегии, а также верховным судам союзных республик и их коллегиям. Верховному Суду СССР принадлежало общее руководство, а его военной коллегии — непосредственное. При этом правотворчество военной коллегии шло под постоянным контролем Верховного Суда СССР, который обязывался выносить все циркулярные распоряжения принципиального характера на рассмотрение пленарного заседания. Остальные нормативные правовые акты военной коллегии приобретали общеобязательное значение после утверждения председателем Верховного Суда СССР.

Военная коллегия Верховного Суда СССР была наделена широкими правами в части организационного руководства военными трибуналами, обладала правом назначать и увольнять председателя и членов военных трибуналов, организовать новые и упразднить дей-

¹ См.: *Берман Я. Л.* Военные трибуналы и нарзаседатели // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 19—20. С. 443.

ствующие военные трибуналы, ставить вопросы об опротестовании перед Президиумом ЦИКа СССР постановлений пленарных заседаний верховных судов и определений их уголовно-кассационных коллегий по приговорам военных трибуналов в случае их несоответствия карательной политике, необходимой для поддержания дисциплины в Красной Армии.

В части правосудия военная коллегия Верховного Суда СССР выступала кассационной инстанцией для *всех военных трибуналов* и в соответствии с существующим уголовно-процессуальным законодательством обладала правом отменять и изменять кассируемые приговоры по мотивам их несоответствия формам судопроизводства или нарушения, или неправильного применения общесоюзных законов либо законов союзных республик. Кроме того, военной коллегии дозволялось рассматривать по первой инстанции дела по постановлению Президиума ЦИКа СССР или пленарного заседания Верховного Суда СССР, а также по персональной подсудности согласно особому списку, утвержденному Президиумом ЦИКа СССР, но не содержащемуся в источниках официального опубликования и не известному широкой общественности. Военная коллегия наделялась правом передачи некоторых дел из ведения отдельных военных трибуналов в другие военные трибуналы в интересах наиболее полного и беспристрастного рассмотрения дела и вынесения справедливого приговора.

Военные трибуналы обязаны были учитывать также акты толкования соответствующего законодательства союзных республик, исходящие от верховных судов и их уголовно-кассационных коллегий.

В силу особенностей нэпа подсудность дел военным трибуналам была заметно сокращена. Как справедливо отмечает Н. А. Петухов, подсудность уголовных дел военным трибуналам была установлена в нормальных естественных границах в зависимости от специфики работы этих судебных учреждений в условиях мирного времени. Большая часть дел об общеуголовных преступлениях военнослужащих подлежала рассмотрению не в военных, а в общих судах страны. Дела гражданских лиц подлежали решению в военном трибунале лишь при отсутствии общих судов в регионе совершения преступления¹.

Положением о военных трибуналах 1926 г. устанавливались четыре основания отнесения уголовных дел к юрисдикции военных трибуналов в мирное время: 1) совершение военнослужащим воинского преступления; 2) совершение военнослужащим преступлений, определенных УК РСФСР, при условии, что эти деяния угрожали крепости и мощи Красной Армии или воинской дисциплине;

¹ См.: Петухов Н. А. Указ. соч. С. 202.

3) рассмотрение преступлений поручено военным трибуналам постановленными Президиума ЦИКа, президиумов исполкомов союзных или автономных республик; 4) преступления совершены лицами независимо от их отношения к воинской службе в местностях, где в силу исключительных обстоятельств функционирование общих судов временно приостановлено.

Таким образом, с практикой рассмотрения военным трибуналом дел, совершенных гражданскими лицами, было покончено. Согласно легальному определению воинского преступления, данному в Положении о воинских преступлениях, утвержденном постановлением ЦИКа СССР от 31 октября 1924 г., воинское преступление могли совершить только военнослужащие Красной Армии или Флота, а также лица, зачисленные в команды обслуживания или призванные на службу в территориальные формирования на период отбывания ими сборов. В Положении подчеркивалось, что воинские преступления не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или военно-морской службе. В числе воинских преступлений названы 16 видов противоправных деяний — от сопротивления исполнению законно отданного по службе приказа или распоряжения до противозаконного использования начальником своего подчиненного для обслуживания личных потребностей начальника или его семьи. По семи составам преступлений предусматривалась высшая мера социальной защиты.

По общему правилу совершение военнослужащими преступлений, предусмотренных УК РСФСР, влечет за собой уголовную ответственность по решению общих судебных учреждений. В то же время в порядке исключения Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г. установило перечень преступлений, совершение которых военнослужащими подлежит рассмотрению военным трибуналом. Это, как правило, наиболее тяжкие преступления (государственные, против порядка управления, дискредитирование советской власти, разглашение должностным лицом сведений, не подлежащих разглашению, и др.), причем неременное условие: подобными деяниями причинен или мог быть причинен вред крепости и мощи Красной Армии или Флота либо воинской дисциплине. При отсутствии вредоносных результатов для интересов воинской службы и дисциплины военнослужащий несет ответственность перед общими судебными учреждениями, а не военными трибуналами.

Как видим, в период нэпа подсудность военнослужащих военному трибуналу устанавливалась самым демократическим образом и

напрямую была связана со службой, воинскими порядками и наличием вреда крепости и мощи Красной Армии и Флота. За пределами службы военнослужащий имел равные права с остальными (штатскими) лицами, и правомерно, что в случае совершения преступлений, предусмотренных УК РСФСР, военнослужащие отвечали в том же порядке, что и штатские лица.

На первый взгляд Положение от 20 августа 1926 г. не содержит специальных предписаний по вопросам подсудности гражданского населения в условиях военного времени. Однако их отсутствие в полной мере восполняет п. «г» ст. 8 Положения, предусматривающий подсудность военному трибуналу всех преступлений, совершенных кем бы то ни было в местностях, где в силу исключительных обстоятельств не функционируют общие суды. Эта формулировка воспроизведена в УПК РСФСР в неизменном виде и не конкретизирована. Данный вопрос разрешен в постановлении ЦИКа и СНК СССР от 3 апреля 1925 г. «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка», которым закреплен порядок работы военных трибуналов в местностях, объявленных находящимися на военном положении.

Весьма демократично решен вопрос о законодательстве, которым должны руководствоваться военные трибуналы в отношении уголовных дел. Законодатель и по этому вопросу не установил особого порядка, а предписал им применять правила, принятые уголовно-процессуальными кодексами союзных республик для губернских судов. Таким образом, правовой статус подсудимых военных трибуналов на стадии рассмотрения дела по первой инстанции ничем не отличается от статуса подсудимого губернского суда. Они наделяются правом принимать активное участие в судебном расследовании, заявлять ходатайства, приглашать адвоката и др. Специальные нормы сохраняются лишь для стадии обжалования приговора в военное время. В частности, на приговоры военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных находящимися на военном положении, у осужденного нет права подать кассационную жалобу, но сохраняется возможность пересмотра приговора в надзорном порядке.

Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 25 мая 1927 г. порядок дисциплинарной ответственности работников военных трибуналов устанавливался на тех же принципах, что и для должностных лиц гражданских исполнительных и распорядительных органов. Все работники, занимающие в военных трибуналах судебные-следственные должности, — от председателей и их заместителей до временных чле-

нов военных трибуналов — за совершение проступков и упущений, не влекущих уголовную ответственность, подлежали дисциплинарной ответственности, налагаемой в судебном порядке. В этих целях при военной коллегии Верховного Суда СССР и при военных трибуналах округов образовывались дисциплинарные присутствия в составе председателя и двух членов.

Дисциплинарное присутствие при военной коллегии Верховного Суда избиралось в составе председателя, двух членов и одного кандидата на собрании членов коллегии и подлежало утверждению Пленумом Верховного Суда СССР. Этому присутствию были подсудны дела о проступках председателей, их заместителей и членов военных трибуналов округов, а также председателей трибуналов корпусов и дивизий.

Дисциплинарные присутствия при военных трибуналах округов составлялись из председателя трибунала или его заместителя и двух членов трибунала. Закон не конкретизировал, кто именно правомочен решать вопрос о составе дисциплинарного присутствия, видимо, презюмировалось, что это право может принадлежать только председателю военного трибунала. Составы судебных присутствий при военных трибуналах подлежали утверждению военной коллегией Верховного Суда СССР. К их компетенции были отнесены дела о дисциплинарных проступках заместителей председателей и членов военных трибуналов корпусов и дивизий, а также военных следователей при трибуналах всех уровней.

По сравнению с дисциплинарными присутствиями судебные присутствия располагали меньшим набором санкций и могли применять замечание, выговор, смещение на низшую должность и увольнение от должности с воспрещением на срок до двух лет работать в качестве судьи, прокурора или следователя. Однако лица, привлекаемые к ответственности по делам, подсудным дисциплинарным присутствиям, имели ряд прав, не присущих лицам, привлекаемым дисциплинарными судами, в том числе наделялись правами давать письменные объяснения по поводу инкриминируемых им деяний, отводить председателя и членов присутствия, получать копии постановлений дисциплинарного присутствия в трехдневный срок.

Таким образом, в период нэпа военные трибуналы полностью утратили статус чрезвычайного суда, правомочного рассматривать уголовные дела в упрощенном порядке и применять самые суровые санкции без права обжалования осужденными вынесенных приговоров. Военные трибуналы рассматривали уголовные дела в соответствии с законодательством, которым руководствовались общие

судебные учреждения, имея лишь специальную подсудность, определяемую особенностями статуса обвиняемых: их нахождением на воинской службе и причинением вреда Красной Армии или воинской дисциплине.

Всего в стране было создано около 50 военных трибуналов, карательная политика которых по преимуществу ограничивалась наказанием в виде лишения свободы на срок до одного года. Например, всеми трибуналами Московского военного округа за апрель—октябрь 1924 г. были рассмотрены 3443 дела, по которым были осуждены 2917 военнослужащих и оправданы 282. К лишению свободы на срок до одного года приговорены 1694 осужденных; от одного года до трех лет — 343; свыше трех лет — 57 осужденных¹. Романтика революционной борьбы с классовыми врагами, ориентированной на вынесение самых суровых, беспощадных приговоров, таким образом была низведена до уровня «портяночных дел», как образно назывались в тот период дела, связанные с проматыванием военнослужащими имущества, занимавшие значительный удельный вес в карательной политике военных трибуналов.

Основная масса дел военных трибуналов в период нэпа приходилась на такие ординарные преступления военнослужащих, как: а) отлучка (повторная и побег); б) проматывание казенного обмундирования; в) нарушение устава караульной службы; г) должностные преступления. Однако, по мнению С. Орловского, военного прокурора Московского военного округа, подход к ним как к делам второстепенным неправомерен. В условиях казарменного размещения частей основная борьба военных трибуналов должна быть обращена именно на преступления, особенно распространенные в данной воинской части. В судебной практике трибуналов нет «портяночных дел»: то, что «иные товарищи относят к этой категории дел, является важнейшими преступлениями в армии с точки зрения их распространенности, требующими внимания и особой репрессии»².

Таким образом, в период мирного строительства основ социализма военные трибуналы впервые в своей истории на первый план поставили задачи рассмотрения уголовных дел в рамках строгого, неукоснительного применения требований уголовно-процессуального законодательства. В. В. Ульрих, председатель военной коллегии Верховного Суда, признавал, что «борьба со злостными или систематическими нарушениями правил воинской дисциплины и воинского распорядка, борьба с хищением и растратой военного имуще-

¹ См.: *Орловский С.* Карательная политика в Красной Армии // *Еженедельник советской юстиции.* 1925. № 8. С. 194.

² Там же. С. 193.

ства, борьба с преступлениями, дискредитирующими звание красного воина вообще, красного командира в особенности, и, наконец, борьба с преступными проявлениями расхлябанности, волокиты, бюрократизма— таковы ближайшие задачи военных трибуналов в условиях мира, в условиях социалистического строительства нашей страны»¹. Однако поставленные таким образом задачи постепенно начиная с 1928 г. утрачивают свое значение, а на первый план выходят прежние задачи ужесточения карательной политики при всемерном упрощении судебного процесса и отмены прав обвиняемых и подсудимых.

Глава 9. Прокурор Верховного Суда СССР

На уровне общесоюзных органов советского государства первоначально не нашлось места для прокуратуры как самостоятельного государственного органа, и ее соединили с судом. Большой беды в этом не было. Конгломерат суда и прокуратуры издавна действует в ряде зарубежных стран, например в Испании, где согласно Конституции прокуратура призвана способствовать отправлению правосудия, а также осуществлять надзор за обеспечением условий для независимости судов и соблюдением в них общественных интересов. В СССР же прокуратура в составе Верховного Суда оказалась случайно, в силу сложившихся обстоятельств.

Организованные до образования Союза ССР прокуратуры РСФСР, Украины, Белоруссии входили в наркоматы юстиции в качестве их составной части, обеспечивающей общий надзор за законностью в работе государственных органов, юридических лиц, общественных организаций и граждан. В период формирования Союза ССР союзные республики большой потребности в общесоюзном наркомате юстиции не имели и подобный орган Конституцией СССР 1923 г. не был предусмотрен. Однако стало очевидным, что общесоюзный судебный орган не может успешно функционировать без прокуратуры, как это обоснованно показывают правовая наука и практика. Было ясно и другое: прокуратура по объему возлагаемых задач не тянула на самостоятельный орган, поэтому пришлось ее соединить с единственным общесоюзным органом юстиции — Верховным Судом СССР.

Согласно ст. 21 Положения от 23 ноября 1923 г. прокурор Верховного Суда СССР и его заместитель состояли при Верховном Суде Союза ССР, но в состав Суда не входили. Штаты прокуратуры

¹ *Ульрих В. К.* десятилетия военны́х трибуналов // *Еженедельник советской юстиции.* 1928. № 51—52. С. 1271.

утверждались самостоятельно и проводились по отдельной смете союзного бюджета. Прокуратура представляла собой едва ли не самый малочисленный общесоюзный орган, состоявший из прокурора Верховного Суда СССР и его заместителя, назначаемых Президиумом ЦИКа СССР. При прокуроре находились два помощника: один — по надзору за ОГПУ; другой — по военной прокуратуре и военной коллегии Верховного Суда СССР. Помощники утверждались Президиумом ЦИКа СССР по представлению прокурора Верховного Суда СССР.

В марте 1924 г. прокурором Верховного Суда СССР был назначен П. А. Красиков, профессиональный революционер, соратник В. И. Ленина, а его заместителем в 1924—1927 гг. — также профессиональный революционер С. И. Кавтарадзе. В 1925 г. прокуратура Верховного Суда СССР имела следующую структуру: прокурор Верховного Суда СССР, его заместитель и секретарь. Учреждены пять отделов: общего надзора, судебного надзора, наблюдения за ОГПУ, военной прокуратуры и общий. В штате прокуратуры, включая технических работников (делопроизводителей, машинисток и др.), состояли 59 сотрудников.

Перечень обязанностей и полномочий прокурора при Верховном Суде СССР, закрепленный ст. 21—23 Положения от 23 ноября 1923 г., был сформулирован априорно, весьма абстрактно, поскольку подобный орган советское государство вводило впервые; названы лишь виды и предмет деятельности без конкретизации процессуальными предписаниями. Выделены три сферы прокурорского надзора: общий, судебный и за деятельностью органов ОГПУ.

Суть *общего надзора* согласно ст. 21 Положения от 23 ноября 1923 г. состояла прежде всего в предложениях, вносимых «на рассмотрение Президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР и Верховного Суда Союза ССР», постановке вопросов, подлежащих компетенции последнего, а также в вынесении протестов на решения, принимаемые на пленарных заседаниях Верховного Суда СССР и на заседаниях коллегий.

Чтобы надлежащим образом исполнять данные ему полномочия, прокурор должен, в свою очередь, иметь право непосредственного доступа как к документам, подготавливаемым Верховным Судом СССР и судебными коллегиями, так и к правовым актам, упоминаемым в этих документах, т. е. к актам ЦИКов и СНК союзных республик, СНК СССР, иных центральных исполнительных органов и наркоматов Союза ССР. Между тем подобное право прокурора было закреплено непоследовательно.

Прокурор наделялся правом истребования из союзных республик необходимых сведений, справок по вопросам, подлежащим обсуждению на заседаниях Верховного Суда СССР, через прокуроров республик. В то же время его право на получение необходимой информации от центральных исполнительных органов и наркоматов Союза ССР, союзных республик Положением не устанавливалось. Подобное предписание было закреплено лишь спустя шесть лет. На прокурора Верховного Суда СССР согласно п. «б» ст. 58 Положения о Верховном Суде СССР от 24 июля 1929 г. возлагалось наблюдение за законностью с точки зрения Конституции Союза ССР и общесоюзного законодательства, постановлений народных комиссариатов Союза ССР и иных центральных учреждений Союза ССР.

Судебный надзор прокурора Верховного Суда СССР сводился к внесению на пленарные заседания Верховного Суда СССР протестов на решения и приговоры верховных судов союзных республик по мотивам противоречия общесоюзному законодательству или несоответствия интересам других союзных республик. При этом прокурор обладал правом истребовать дела из производства судебных учреждений союзных республик после вынесения по ним приговора или решения. Одновременно он мог просить Президиум ЦИКа СССР приостановить исполнение приговора, решения по этим делам до их рассмотрения в порядке надзора.

Согласно Положению от 23 ноября 1923 г. *прокурорский надзор за деятельностью ОГПУ* был возложен на одного из помощников прокурора и осуществлялся на основании специального постановления ЦИКа СССР. Однако подобный акт в источниках официального опубликования не был помещен. Первичные нормы о взаимоотношениях прокурора Верховного Суда СССР с ОГПУ были закреплены в ст. 73—75 Положения от 24 июля 1929 г., а конкретные нормы — в «секретном» постановлении, которое по-прежнему оставалось недоступным широкой общественности.

Следует признать, что включение прокурора в состав Верховного Суда СССР было не самым удачным законотворческим решением. Кстати, и сам законодатель не определился со статусом прокурора в отношении Верховного Суда СССР. Официально он закрепил за прокурором статус одного из подразделений, входящих в состав органа правосудия, определив его как прокурора Верховного Суда СССР. Однако в ст. 21 Положения от 23 ноября 1923 г. отмечалось, что прокурор, его заместитель и помощники состоят *при* Верховном Суде СССР, что более точно отражает реальное положение дел. Прокурор не входил в состав Верховного Суда СССР, не был связан с ним

штатным расписанием и сметой и даже находился с ним в противоречивых отношениях по службе, должен был постоянно писать прокесты в ЦИК СССР на заключения и представления пленарных заседаний Верховного Суда СССР и правоприменительные решения судебных коллегий.

Из постановления ЦИКа и СНК СССР от 24 июля 1929 г. «Положение о Верховном Суде Союза ССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР» законодатель убрал предписание о том, что прокурор Верховного Суда СССР на самом деле состоит *при* Верховном Суде СССР и соответственно допустил перекос в другую сторону. Прокурор, входящий в состав Верховного Суда СССР, выполнял ряд функций, не связанных с деятельностью Верховного Суда СССР, в частности осуществлял прокурорский надзор за соответствием Конституции СССР и общесоюзному законодательству постановлений центральных исполнительных комитетов союзных республик и их президиумов, правовых актов ОГПУ и других органов. Кроме того, Положением была официально признана независимость прокурора от Верховного Суда СССР посредством установления его ответственности исключительно перед Президиумом ЦИКа СССР, которому он обязан представлять ежегодные отчеты о своей деятельности, а также делать периодические доклады. Тем не менее законодатель пока что не решился на выделение прокуратуры в самостоятельную отрасль общесоюзной юстиции, отложив эту меру еще на четыре с половиной года.

Согласно Положению от 24 июля 1929 г. за прокурором Верховного Суда СССР сохранялись его ведущие функции общего и судебного надзора, которые подверглись определенной, порой значительной корректировке. Из предмета общего надзора Верховного Суда СССР и соответственно его прокурора исчезли конфликты по мотивам нарушения интересов союзных республик. Одновременно был расширен надзор за нарушениями общесоюзных актов. Прокуратура должна была оценивать правовые акты и действия государственных органов на предмет их соответствия не только Конституции СССР, но и общесоюзному законодательству. Дополнение имело большое значение, поскольку, как показала практика, значительная часть нарушений основополагающих актов общесоюзного права сводилась к установлению наркоматами СССР и союзными республиками требований, противоречащих общесоюзному законодательству.

Другие изменения в части общего надзора выразились в следующем. Во-первых, из-под прокурорского надзора были выведены правовые акты СНК СССР и СТО. Во-вторых, прокурору Верховного

Суда СССР предоставлялось право запрашивать народные комиссариаты и иные центральные учреждения Союза ССР и организаций общесоюзного значения по поводу допущенных ими незаконных действий и опротестовывать эти действия в компетентные органы советского государства. В-третьих, общий надзор распространялся на нормативные установления, инструкции ОГПУ. В-четвертых, Положением от 24 июля 1929 г. был конкретизирован порядок обращения прокурора Верховного Суда СССР в компетентные органы союзных республик в случаях несоответствия республиканских законов и иных нормативных правовых актов Конституции Союза ССР или общесоюзному законодательству.

Предусматривались два варианта прокурорского реагирования. При наличии коллизий между общесоюзным законодательством и постановлениями советов народных комиссаров и экономических советов (совещаний) союзных республик прокурор Верховного Суда СССР должен был входить в президиум ЦИКа соответствующей союзной республики. При обнаружении аналогичных несогласованностей в постановлениях народных комиссариатов и иных учреждений союзных республик прокурору Верховного Суда СССР предписывалось информировать об этом прокурора соответствующей союзной республики. Положение не содержало предписаний, обязывающих республиканские органы информировать прокурора Верховного Суда СССР о принятых мерах.

В области судебного надзора Положением от 24 июля 1929 г. были выделены четыре направления. На прокурора Верховного Суда СССР были возложены:

а) наблюдение за правильным и единообразным применением общесоюзного законодательства в практике судебных учреждений Союза ССР и союзных республик с внесением представлений в пленум Верховного Суда Союза ССР о даче руководящих разъяснений и толкований верховным судам союзных республик;

б) наблюдение за соответствием постановлений пленумов верховных судов союзных республик общесоюзному законодательству с внесением на Пленум Верховного Суда СССР представлений об опротестовании этих постановлений в Президиум ЦИКа СССР в случаях противоречия их общесоюзному законодательству или нарушения ими интересов других союзных республик;

в) надзор за правильностью применения действующего законодательства в приговорах, решениях и определениях коллегий и специальных судебных присутствий Верховного Суда СССР, а также кассационного присутствия военной коллегии Верховного Суда СССР, с внесением протестов на Пленум Верховного Суда СССР;

г) надзор за производством дел в военных трибуналах.

Одним из эффективных направлений судебного надзора прокурором Верховного Суда СССР был надзор за рассмотрением этим Судом уголовных дел в качестве суда первой инстанции. Надзор последовательно распространялся на все стадии уголовного процесса. Прокурор был правомочен возбуждать уголовное преследование по делам, подлежащим рассмотрению в Верховном Суде СССР, наблюдать за ведением предварительного следствия по этим делам, давать дальнейшее направление законченным следствием делам и осуществлять функции прокурора в судебных и распорядительных заседаниях по этим делам.

Положение от 24 июля 1929 г. в отличие от ранее действовавшего детально определяло права и обязанности прокурора Верховного Суда СССР. Среди них особенно значимыми были право законодательной инициативы и право на издание нормативных правовых актов по вопросам деятельности прокуратуры. Разумность надления прокурора таким правом обуславливалась результатами общего надзора, характеризующимися наиболее полными и точными сведениями о типичных отступлениях общесоюзных наркоматов и центральных органов союзных республик от Конституции СССР и общесоюзных законов, позволяющими видеть не только сами нарушения, но и порождающие их причины, равно как и определять эффективные способы их устранения посредством совершенствования законодательства.

Высокий законотворческий потенциал прокурора Верховного Суда СССР использовался и ранее, до принятия Положения от 24 июля 1929 г. Так, П. А. Красиков на 2-й сессии ЦИКа СССР (октябрь 1924 г.) выступал с докладами об основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и о воинских преступлениях; о проекте Положения о государственных преступлениях уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и о воинских преступлениях, а на 3-й сессии ЦИКа СССР (февраль 1927 г.) принимал участие в подготовке ряда законопроектов. Одновременно прокурор Верховного Суда СССР осуществлял интенсивную правотворческую деятельность, издавая приказы, циркуляры, инструкции и разъяснения, определяющие основания, порядок и направление работы прокуратуры Верховного Суда СССР и военной прокуратуры. Нормативные правовые акты, исходящие от прокурора, могли быть обжалованы в Президиум ЦИКа СССР.

Положение от 24 июля 1929 г. наделило прокурора Верховного Суда СССР полномочиями для результативной работы в области общего надзора, сбора и обобщения достоверной информации. В част-

ности, прокурор пользовался правом совещательного голоса на заседаниях Президиума ЦИКа СССР, СНК СССР, СТО, а также коллегий народных комиссариатов и других центральных учреждений СССР. Ему же было предоставлено право непосредственного обращения во все центральные учреждения СССР, а также в президиумы центральных исполнительных комитетов союзных республик и к прокурорам союзных республик в целях истребования от них необходимых сведений, справок и материалов.

Вполне понятно, что особенно действенными изложенные полномочия прокурора не назовешь, поскольку ему не была предоставлена самая эффективная функция надзора в виде прокурорской проверки всего или большей части массива нормативных правовых актов органов исполнительной власти. Прокуратура Верховного Суда СССР была лишена права непосредственного обращения к органам союзных республик по поводу получения от них необходимой информации. В соответствии с примечанием к ст. 67 Положения при необходимости получить сведения, справки и материалы из учреждений союзных республик прокурор Верховного Суда СССР должен был направлять свои запросы через прокуроров союзных республик. Как уже говорилось, Положение не содержало предписаний, обязывающих республиканские органы информировать прокурора Верховного Суда СССР о принятых мерах относительно его обращений по поводу несоответствия республиканского законодательства, равно как не указывались легальные меры реагирования прокурора на решения республиканских органов, с которыми он не согласен.

Действенные и конкретные полномочия прокурора Верховного Суда СССР закреплялись в сфере судебного надзора через властные прерогативы: требовать, приостанавливать, отменять, возбуждать. В частности, прокурор был наделен таким полномочием, как приостановление через прокуроров соответствующих союзных республик исполнения постановлений, приговоров, решений и определений судебных учреждений союзных республик как по делам, вносимым в порядке надзора на рассмотрение соответствующих республиканских инстанций, так и по делам, вносимым ими на Пленум Верховного Суда СССР. Порядок реализации этих полномочий регламентировался общесоюзными основами судостроительства и уголовного судопроизводства, республиканским законодательством и действовал более эффективно по сравнению с полномочиями в сфере общего надзора.

Положение от 24 июля 1929 г. содержало едва ли не единственные в общесоюзном законодательстве конкретные нормы о взаимо-

отношениях прокурора Верховного Суда СССР и ОГПУ, которые в лучших традициях советского права были абстрактными, малопригодными для регулирования конкретных отношений. Прежде всего признавалось, что надзор прокурора Верховного Суда СССР за деятельностью ОГПУ осуществляется в традиционных для общего и судебного надзора формах: наблюдения за конституционностью и непротиворечивостью общесоюзному законодательству административно-ведомственных постановлений, циркуляров и распоряжений ОГПУ и наблюдения за законностью правоприменительных актов по конкретным делам. Вновь упоминалось неведомое обществу положение Президиума ЦИК СССР, которым якобы руководствуется прокурор Верховного Суда СССР в ходе надзора за ОГПУ. Специально был выделен тезис о том, что надзор поручен весьма ответственным лицам на уровне старшего помощника по надзору за ОГПУ и состоящих в его непосредственном подчинении помощников. Старший помощник и прокурор могли, даже страшно подумать, истребовать дела для просмотра в порядке надзора и приостановить применение постановления, распоряжения и действий ОГПУ. В таком же порядке проводился надзор республиканских прокуроров за деятельностью местных органов ГПУ.

Несмотря на тотальный и жесткий контроль-прессинг прокуратуры, построенный по изложенным канонам, победа все же, как мы знаем, осталась за органами ОГПУ, успешно реорганизованными в Наркомат внутренних дел СССР, который с середины 1930-х гг. был воистину действующим в своей воле органом государственного принуждения, тогда как прокуроры и наркоматы юстиции были у них «либо в кармане, либо в тюрьме».

Положение от 24 июля 1929 г. внесло заметные корректировки в руководящий состав прокуратуры: было увеличено число помощников прокурора, их разделили на «старших и иных», а также были установлены дополнительные гарантии для работников прокуратуры в части личного задержания, ареста и обыска. В результате права и обязанности прокуратуры Верховного Суда СССР в сфере общего и судебного надзора за неукоснительным исполнением Конституции СССР и общесоюзного законодательства реализовывались как самим прокурором, так и его сотрудниками: 1) заместителем; 2) тремя старшими помощниками; 3) иными помощниками. Прокурор, его заместитель и старшие помощники назначались Президиумом ЦИК СССР и не могли быть преданы суду или подвергнуты аресту, личному задержанию или обыску без ведома и согласия Президиума ЦИК СССР, а в экстренных случаях — пред-

седателя ЦИКа СССР. Прочие помощники назначались распоряжением прокурора Верховного Суда Союза ССР и не могли быть преданы суду или подвергнуться аресту, личному задержанию или обыску без согласия прокурора Верховного Суда СССР. При прокуратуре Верховного Суда СССР состояли также назначаемые им следователи по важнейшим делам.

Глава 10. Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

Конституция СССР 1924 г. предписывала образование Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР в целях «объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». Руководство работой местных органов ГПУ (государственных политических управлений) ОГПУ должно было осуществлять через уполномоченных при СНК союзных республик, как говорилось в Конституции СССР, «действующих на основании специального положения, утвержденного в законодательном порядке». Надзор же за законностью действий ОГПУ возлагался на прокурора Верховного Суда СССР, действующего сообразно специальному постановлению ЦИКа СССР.

Конституционное закрепление основ работы ОГПУ само по себе представляло позитивное явление как прямое свидетельство желания советского государства покончить с негативной практикой секретных организаций типа ВЧК, допускавшей многочисленные нарушения законности. Коль скоро без подобной организации СССР в условиях нэпа обойтись не мог, то конституционное определение основ ее деятельности должно было служить одной из твердых гарантий укрепления законности в сфере борьбы с государственными и иными особо опасными преступлениями. Однако статус ОГПУ в Конституции СССР определен недостаточно четко и породил ряд правомерных вопросов.

Во-первых, судя по логике изложения конституционных установлений, ОГПУ входит в систему общесоюзных органов, поскольку норма о нем предшествует гл. 10 Конституции СССР, закрепляющей статус союзных республик: они не обладают правом управления, иного вмешательства в дела местных ГПУ, находящихся на территории республики, поскольку ГПУ в составе органов республиканского отраслевого управления не названы. В то же время в гл. 1, содержащей исчерпывающий перечень предметов ведения верховных органов власти СССР, такого предмета деятельности, как «борьба

с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом», нет. Получается, что орган, отнесенный согласно Конституции СССР к системе общесоюзных органов, действует по предмету, не входящему в ведение верховных органов Союза ССР, что прямо противоречит ст. 3 Конституции СССР, гарантирующей суверенитет союзной республики и ограничивающей его лишь предметами, прямо отнесенными к компетенции Союза ССР.

Во-вторых, неясны формулировки относительно законов, регулирующих работу ОГПУ. Согласно ст. 62 Конституции СССР действия уполномоченных ГПУ при СНК союзных республик определяются специальным положением, закрепленным в законодательном порядке, тогда как в соответствии со ст. 63 Конституции СССР надзор за закономерностью действий ОГПУ осуществляется прокурором на основании специального постановления ЦИКа СССР. Какой смысл заложен в разных формулировках законов, призванных регулировать работу ОГПУ? Что имел в виду законодатель под «специальным положением, закрепленным в законодательном порядке»? Декрет ЦИКа или СНК СССР, который, кстати, в официальном порядке так и не был опубликован? Допустимо ли в демократическом обществе трудящихся принятие и проведение в жизнь в секретном порядке конституционно объявленных законов? Не является ли отражением авторитарных устремлений законодателя желание засекретить от общества определенную часть конституционных отношений, имеющих всеобщий характер и подлежащих неусыпному надзору со стороны широких трудящихся масс? Как показали последующие события, именно секретность внесудебной деятельности ОГПУ стала основополагающим принципом ее работы и результатом массовых нарушений закона.

В-третьих, не ясно, каким образом прокурор Верховного Суда СССР должен осуществлять надзор за *закономерностью* действий ОГПУ и способен ли он реально решить подобную задачу. Познавание закономерностей составляет удел ученых и научных организаций. Прокурор же, будучи практическим работником, традиционно изучает практические вопросы законности и не идет дальше установления степени соответствия тех или иных действий требованиям закона. Какими соображениями руководствовался законодатель, возлагая на прокурора решение не свойственных ему задач, установить за давностью лет невозможно. Как уже упоминалось, скорее всего, в данном случае произошла законотворческая ошибка, обусловленная подменой сходного по написанию, но не тождественного по смыслу термина «законность» термином «закономерность».

Однако текстуальные неясности в Конституции СССР не помешали Президиуму ЦИКа СССР постановлением от 2 ноября 1923 г. преобразовать ГПУ РСФСР в ОГПУ СССР, а 15 ноября 1923 г. принять Положение об Объединенном Государственном Политическом Управлении Союза Советских Социалистических Республик и его органах. ГПУ переходило на всесоюзный уровень практически с теми же правами, которые имела ВЧК перед своим упразднением.

Эфир социалистического либерализма, заполнивший атмосферу нэповской России в 1922 г., дошел до кабинетов законодателей и залов заседаний ВЦИКа РСФСР, признавшего невозможным продолжать судебную деятельность ВЧК по его доморощенным процессуальным инструкциям. Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов» учреждение, вызывавшее ужас у населения, стало достоянием истории. Функции ВЧК частично перешли к Наркомату внутренних дел с образованием в его составе ГПУ, которое должно было выполнять шесть задач: 1) подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма; 2) принятие мер по борьбе со шпионажем; 3) охрана железнодорожных и водных путей сообщения; 4) политическая охрана границ РСФСР; 5) борьба с контрабандой и самовольным переходом границ; 6) выполнение специальных поручений ВЦИКа и СНК РСФСР по охране революционного порядка.

Решение задач, возложенных на ГПУ, сводилось к пресечению противоправных деяний и проведению следствия или дознания — и никаких судебных действий, все дела «от малого до великого» без каких бы то ни было исключений требовалось передавать в народный суд либо революционный трибунал. Согласно ст. 7 Декрета ВЦИКа от 6 февраля 1922 г. при необходимости принять меры пресечения в отношении лиц, причастных к совершению опасных государственных преступлений, сотрудникам ГПУ предоставлялось право производить обыски, выемки и аресты. Об остальных следственных действиях в Декрете не упоминались, что, видимо, означало необходимость их выполнения сообразно с общими нормами уголовно-процессуального законодательства.

Отсутствие права на внесудебную расправу, превращавшее ГПУ в ординарный оперативно-следственный орган, более всего тяготило руководство вновь образованного органа. По мнению бывших чекистов, суды безбожно волокитили дело, увлекались исполнением мало что дающих формальных процедур и выносили смехотворно мягкие приговоры. Вполне понятно, что Ф. Э. Дзержинский прини-

мал «эффективные меры», писал во все инстанции о невозможности вести работу без принятия внесудебных мер. Партийно-советские органы поняли суть ситуации и пошли навстречу ГПУ. Первым официально изданным актом, частично вернувшим ГПУ былые полномочия, стал Декрет ВЦИКа от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке», разрешивший лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, которых ранее с разрешения ВЦИКа арестовывали на два месяца, высылать в административном порядке за границу или в определенные местности РСФСР¹.

Рассмотрение вопросов о высылке возлагалось на Особую комиссию при Наркомате внутренних дел в составе наркома этого наркомата, «представителей от Народного комиссариата внутренних дел» и Наркомата юстиции. Странная комиссия, не правда ли? Помимо Наркома внутренних дел в нее входил еще какой-то представитель от этого же наркомата. Оказывается, что это очередная законотворческая ошибка. На самом деле ВЦИК имел в виду представителя от Наркомата иностранных дел, поскольку речь шла о высылке за рубеж. При этом чтобы у населения не возникало мысли о возврате к прошлому, в Декрете специально указывалось, что в постановлении о высылке каждого конкретного лица должно содержаться указание причин высылки, а срок высылки не должен превышать трех лет.

Лиха беда начало. Через два месяца, 16 октября 1922 г., ВЦИК принял Декрет «О дополнении к постановлению “О Государственном Политическом управлении” и “Об административной высылке”», которым практически возвратил ГПУ все права, ранее принадлежавшие ВЧК. Согласно Декрету в целях скорейшего искоренения всякого рода бандитских налетов и вооруженных ограблений ГПУ предоставлялось право внесудебной расправы, вплоть до расстрела, в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях (ст. 76, ч. 2 ст. 183 и ст. 184 УК). Кроме того, разрешалось в административном порядке высылать на срок не свыше трех лет деятелей антисоветских полити-

¹ По данным О. Б. Мозохина, право на применение внесудебной расправы было получено ГПУ в начале 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) 9 марта 1922 г. предоставило ГПУ право непосредственной расправы в отношении лиц, уличенных в вооруженных ограблениях, уголовников-рецидивистов, пойманных с оружием на месте преступления. Этим же решением ГПУ наделялось правом ссылки в Архангельск и заключения в Архангельский концлагерь «подпольщиков», анархистов и левых эсеров, всех уголовников-рецидивистов. Выполняя директиву Политбюро ЦК РКП(б), ВЦИК РСФСР принял соответствующий декрет. 27 апреля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) разрешило ГПУ производить расстрелы на месте бандитских элементов (т. е. участников вооруженных ограблений), захваченных на месте преступления (см.: Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М., 2006. С. 45. URL: <http://avkrasn.ru/article-2111.html>).

ческих партий и лиц, дважды судимых за подделку денежных знаков, хулиганство, сводничество, кражу и другие преступления.

Следовательно, период нэпа в истории ВЧК — ГПУ продолжался чуть больше пяти месяцев и оказался самым коротким в сравнении со временем работы других государственных органов и учреждений. Пока вся страна еще жила в угаре демократических свобод в сфере экономики, связывала свое благополучие с возрождением частнокапиталистических отношений, а наиболее легковверные тешили себя надеждами на перерождение советской власти, ГПУ вернуло методы борьбы за законность периода диктатуры пролетариата, получив права на внесудебную расправу с лицами, посягающими на устои советской власти. Создание ОГПУ означало, что отказ советского государства от законности, провозглашенной в качестве основополагающего принципа нэпа, был поддержан общесоюзными органами. Неправовые, внесудебные меры борьбы с посягательствами на советскую власть, ее устои обрели характер ведущего направления деятельности общесоюзного государства и всех входящих в него союзных республик. «Бронепоезд» ВЧК, «переехавший» законность в период гражданской войны, «был возвращен с запасных путей» в первоочередном порядке, поскольку партия и Правительство поняли, что у них нет другого эффективного средства противостояния частноправовой стихии и порождаемым ею попыткам индивидуальной и организованной борьбы с советской властью.

Как уже упоминалось, ОГПУ согласно Положению о нем должно было решать задачи, связанные с объединением революционных усилий республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Руководство ОГПУ возлагалось на председателя и его заместителя, назначаемых Президиумом ЦИКа СССР, один из них наделялся правом совещательного голоса в СНК СССР. Председателю ОГПУ надлежало образовать коллегия, члены которой утверждались СНК СССР и пользовались правами членов коллегий наркоматов СССР.

Руководство со стороны ОГПУ распространялось на всю территорию страны, в первую очередь на государственные политические управления союзных республик, подведомственные им особые отделы военных округов, а также на транспортные органы государственных политических управлений на железных дорогах и водных путях сообщения. Руководство работой местных ГПУ осуществлялось через уполномоченных ОГПУ, состоящих при советах народных комиссаров союзных республик. Как уже говорилось, их деятельность надлежало регулировать «специальным положением, утвержденным в законодательном порядке», но этого положения советское

общество так и не увидело. Не то оно не было принято, не то действовало в секретном, скрытом от трудящихся масс режиме. Непосредственное руководство ОГПУ осуществляло при помощи особых отделов фронтов и армий. Кроме того, ОГПУ обеспечивало организацию охраны границы СССР и вело оперативную работу в общесоюзном масштабе.

Президиум ЦИКа 15 февраля 1924 г. утвердил в качестве председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского, а его заместителями — В. Р. Менжинского и Г. Г. Ягоду. Была учреждена коллегия ОГПУ в составе ее председателя, заместителей и руководителей ведущих управлений. Приказом ОГПУ от 12 июня 1924 г. был определен состав Особого совещания, уполномоченного вести правоприменительную деятельность в части высылки, ссылки и заключения в концентрационные лагеря, из трех должностных лиц: В. Р. Менжинского, Г. Г. Ягоды и Г. И. Бокия.

Хотя ОГПУ по праву наследника дел и результатов работы ГПУ и Наркомата внутренних дел РСФСР по российскому законодательству уже обладало внесудебными полномочиями, ВЦИК решил продублировать их для РСФСР и других союзных республик и, вполне естественно, несколько ужесточить с учетом складывающейся обстановки в экономике и политике. ЦИК СССР постановлением от 24 марта 1924 г. утвердил Положение о правах Объединенного государственного политического управления в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь. Но, чтобы не огорчать энпманов и иных лиц, имеющих реальные шансы в очередной раз испытать на себе жесткую руку российского пролетариата, решил это постановление засекретить, не публиковать для всеобщего сведения: кому нужно, тот в свое время узнает. Но этим юридические ухищрения советской власти не ограничилась. От советского народа было скрыто новое основание, по которому сотрудники ОГПУ станут привлекать к административной ответственности, — *социальная опасность лица*.

Отвергая элементарные принципы уголовного права и процесса, советские идеологи оправдывались тем, что марксистская доктрина негативно относится к буржуазному строю и его учению о праве, государству и правосудию, не воспринимает она вины, свободы воли, причинной связи как необходимых компонентов состава преступления, не требует от суда достижения объективной истины. Признав в качестве основания ответственности социальную опасность лица, советские идеологи вступили в «дискуссию» с К. Марксом, который прямо признавал, что «законы, которые делают главным критерием

*не действия, как таковые, а образ мыслей действующего лица, — это не что иное, как позитивные санкции беззакония»*¹. Но именно беззаконие российские ученики и последователи Маркса возвели в закон и сознательно пошли на повсеместное беззаконие со стороны государства в целях упреждения возможных нарушений законности со стороны народа. Клин было решено выбивать клином.

ЦИК СССР разрешил Особому совещанию ОГПУ применять в административном порядке: высылку из местностей постоянного проживания с запрещением дальнейшего проживания в этих местностях на срок не свыше трех лет; высылку с обязательством проживания в определенных местностях по специальному указанию ОГПУ и с обязательным в этих случаях гласным надзором местного отдела ГПУ на тот же срок; заключение в концентрационный лагерь сроком до трех лет; высылку за пределы государственной границы Союза ССР на тот же срок. Особым совещаниям ГПУ союзных республик предоставлялось исключительное право высылки в пределах территории республики.

Особое совещание ОГПУ было правомочно применять меры административного воздействия по двум основаниям: 1) в случаях подозрения в контрабандной деятельности по ввозу или вывозу товаров, перехода границы без соответствующего на то разрешения, существования такому переходу, а также в случае подозрения в подделке денежных знаков и государственных бумаг при отсутствии достаточных оснований для направления дел о них в судебном порядке; 2) к лицам, причастным к контрреволюционной деятельности, шпионажу и другим видам государственных преступлений либо спекулирующим золотой монетой, иностранной валютой, драгоценными металлами и сырой платиной и связанных в своей деятельности с иностранными организациями, не имеющими торгового характера.

Так государство сделало первый шаг назад, к красному террору, отдавая своих граждан на заклятие сотрудникам ОГПУ, разрешая применять санкции при одном голом подозрении, тогда как подлинно правовой закон допускает применение санкции лишь по одному, не знающему исключений основанию — достоверно доказанному факту совершения конкретным лицом противоправного деяния. Органы, не способные уличить виновных лиц, должны либо совершенствовать свое профессиональное мастерство, либо освободить места для лиц, имеющих более высокий уровень профессиональной подготовки. В любом случае согласно презумпции невиновности проблемы доказывания противоправности деяний — это проблемы государства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 14.

Второе основание применения внесудебной ответственности за совершенные преступления отличается от первого лишь формулировкой, поскольку имеются в виду лица, которых органы подозревают в причастности к названным преступлениям, но доказать их вины не могут. Иначе зачем городить огород, идти на нарушение права, если следствие проведено на качественно совершенном уровне и осталась лишь последняя стадия уголовного преследования — осуществление правосудия.

Словом, советские идеологи мыслили категориями слона-воеводы: «По шкурке, так и быть, возьмите». Коль не способны поймать, изболочить преступников, привлекайте всех, кого сами считаете нужным, кто у вас стоит на подозрении. Вместо того чтобы заставить сотрудников ОГПУ повышать профессиональное мастерство, советское государство создало им тепличные условия, разрешая привлекать к ответственности при наличии лишь подозрения и даже без суда. Большее издевательство над правосудием и правами граждан трудно придумать. Но это еще не все: право применения мер внесудебной расправы было распространено на местные ГПУ, работающие в союзных республиках.

Особым совещаниям ГПУ союзных республик было предоставлено исключительное право высылки в пределах территории республики, причем в отношении трех категорий лиц. Во-первых, высылать разрешалось подозреваемых в совершении бандитских налетов, грабежей, разбоев, а также их пособников и укрывателей при отсутствии достаточных данных для направления дел о них в порядке судебного преследования. Во-вторых, высылке подлежали лица, не имеющие определенных занятий и не занятые производительным трудом (профессиональные игроки на бегах, скачках и в игорных домах, содержатели всякого рода притонов и домов терпимости, торговцы кокаином, морфием, сантонином, спиртом, самогоном и др.). В-третьих, предписывалось высылать в места «не столь отдаленные» лиц, социально опасных по своей прошлой деятельности, имеющих не менее двух обвинительных приговоров или четырех приводов по подозрению в имущественных преступлениях или посягательствах против личности и ее достоинства (хулиганство, вовлечение в проституцию, сводничество и т. д.).

Решения о применении мер административного воздействия принимались Особым совещанием в составе трех членов коллегии ОГПУ либо Особым совещанием в составе членов коллегии ГПУ союзной республики. Вполне понятно, что подсудимых вызывать на процесс никто не собирался и правом на кассационную жалобу они не обладали. Однако ЦИК на пути произвола правоприменителя уста-

навливал три специальные меры. Во-первых, предусмотрел обязательное присутствие прокурора на заседаниях особых совещаний; во-вторых, возложил на особые совещания обязанность мотивировать постановления о высылке указанием причины высылки, ее района и срока, причем предварительное выяснение поводов к высылке должно обязательно сопровождаться личным вызовом и допросом высылаемого лица; в-третьих, прокурору Верховного Суда СССР было предоставлено право приостанавливать применение постановлений Особого совещания при ОГПУ и опротестовывать их в Президиум ЦИКа СССР, а прокурору союзной республики — право приносить протест в Президиум ЦИКа союзной республики либо прокурору Верховного Суда СССР.

Президиум ЦИКа СССР 9 мая 1924 г. принял новое секретное постановление «О возложении борьбы с бандитизмом полностью на органы ОГПУ», которым дозволялось применять внесудебную расправу в отношении бандитов и их пособников в местностях, объявленных неблагополучными по бандитизму. Решение принималось ЦИКом республики сроком на два месяца. В течение этого срока местным органам ГПУ под председательством уполномоченного ОГПУ и при участии краевого или губернского прокурора разрешалось в порядке внесудебной расправы приговаривать бандитов и их пособников к высылке из данной местности либо заключению в концентрационный лагерь сроком на три года. Могла применяться также высшая мера наказания — расстрел.

Как следует из текста постановления, лишение подсудимых свободы не предусматривалось. Это означало, что всякий обвиняемый, бандитизм которого считался доказанным, мог приговариваться только к расстрелу. К заключению в концентрационный лагерь или высылке согласно постановлению от 9 мая 1924 г. приговаривались либо пособники, либо лица, участие которых в банде не было доказанным, а у сотрудников ГПУ имелись только подозрения. Постановление не содержит специальных процессуальных норм, определяющих порядок расследования и внесудебного рассмотрения дел по обвинению в бандитизме, что предполагает их рассмотрение в порядке, применяемом губернскими ЧК, т. е. на основании доклада следователя, без вызова подсудимых и права обжалования ими вынесенного приговора. Тем не менее прокурор, принимавший участие во внесудебном процессе, мог внести на приговор протест, который надлежало заявить на заседании коллегии сразу же после вынесения приговора. Приговор осужденных, по поводу которого подан протест, не вступал в законную силу до вынесения решения коллегией ОГПУ.

В дальнейшем был принят еще ряд постановлений ЦИКа СССР, расширяющих права ОГПУ в части применения мер государственного принуждения во внесудебном порядке. Так, постановлением Президиума ЦИКа СССР от 4 апреля 1927 г. ОГПУ предоставлялось право внесудебного рассмотрения следственных дел о поджогах, диверсиях и взрывах, а 9 июня 1927 г. — по делам контрреволюционеров, шпионов и бандитов.

Расширением подсудности органы ГПУ пользовались весьма активно, лишая значительную часть населения права на правосудие, гарантированное официально опубликованными законами, вновь превращая людей в изгоев, лишенных законодательной защиты от произвола правоохранительных органов. В частности, весьма полноводным в период нэпа оказался поток осужденных во внесудебном порядке коллегией ОГПУ и Особым совещанием ОГПУ (табл. 2)

Таблица 2

Данные об осужденных коллегией и Особым совещанием ОГПУ
в 1924—1929 гг. (в абсолютных цифрах)

Орган ОГПУ	Годы						Итого
	1924	1925	1926	1927	1928	1929	
Коллегия ОГПУ	данных нет	2284	2323	3434	3756	10 262	22 059
Особое совещание ОГПУ	9366	9221	13 102	15 947	25 844	37 197	90 677

Таким образом, представление российских правоведов о советском правосудии периода нэпа как единой системе, возглавляемой на уровне Союза ССР Верховным Судом СССР, а на уровне союзной республики — верховным судом соответствующей республики, не в полной мере соответствует действительности. Начиная с 1924 г. советское государство «секретными» постановлениями ЦИКа СССР вернуло внесудебный порядок рассмотрения уголовных дел, разрешив его применение ОГПУ и ГПУ союзных республик в порядке достаточно широкого исключения и вплоть до применения высшей меры наказания — расстрела. И, как оказалось, этот исключительный порядок в период нэпа воплотил в себе основные особенности следующего периода времени — построения основ социализма, стал ведущим фактором дезорганизации системы общих судов и лишения населения возможности найти защиту своих прав в советских законах и судах.

Раздел IV

СУДЫ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В РСФСР

Глава 11. Народные суды

Согласно Положению о судеустройстве РСФСР, введенному в действие постановлением ВЦИКа от 11 ноября 1922 г., народные суды становились на территории городского района или в пределах уезда первичным звеном советской судебной системы. На них возлагалось осуществление трех функций: 1) судопроизводства по уголовным делам; 2) судопроизводства по гражданским делам; 3) пропаганды советского законодательства и разъяснения порядка его использования в практической работе среди населения, а также общественных, товарищеских судов.

В соответствии со ст. 24 УПК РСФСР народным судам были подсудны все уголовные дела, за исключением дел, отнесенных к ведению военных трибуналов, т. е. дел о государственных, воинских, особо тяжких хозяйственных и имущественных преступлениях, о наиболее опасных должностных преступлениях и преступлениях против порядка управления. Народный суд становился действительным и правомочным органом правосудия, способным разрешать большую часть дел о преступлениях, совершаемых в пределах соответствующего городского района или уезда: кражах и иных имущественных преступлениях; преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, а также о ряде должностных преступлений.

ГПК РСФСР к подсудности народных судов относил все дела, возникающие из гражданских правоотношений, за исключением дел, отнесенных к подсудности губернского суда и гражданской судебной коллегии Верховного Суда РСФСР. Это, в частности, иски, цена которых превышает 500 руб. золотом; иски, предъявленные к уездному исполнительному комитету или городскому совету уездного города в целом (а не к их отделам); дела, вытекающие из договора товарищества, из авторского права, из права на промышленное изобретение, на товарные, фабричные знаки, модели и фирмы и др.

Положением от 31 октября 1922 г. предусматривались два состава народного суда. Большую часть уголовных и гражданских дел он должен был рассматривать в составе постоянного народного судьи и двоих заседателей. Одновременно определенную, весьма незначительную часть как уголовных, так и гражданских дел народный судья был правомочен рассматривать единолично. Однако изложенное предписание противоречило ст. 25 УПК РСФСР, определившей еще один состав народного суда: из судьи и шестерых заседателей для случаев дел особой сложности или ввиду государственного, общественного интереса, когда дела передавались народному суду особым постановлением губернского прокурора или прокурора республики. Коллизия была разрешена постановлением ВЦИКа от 15 февраля 1923 г., утвердившим переработанный Наркомюстом текст УПК РСФСР и исключившим из него предписание о действии народного суда в составе судьи и шестерых заседателей.

Таким образом, противоречие между Положением от 31 октября 1922 г. и ст. 25 УПК РСФСР не было случайным, т. е. результатом недосмотра невнимательного чиновника, а свидетельствовало о борьбе между разработчиками проекта УПК РСФСР — дореволюционными специалистами, не представлявшими себе советский демократический суд без суда присяжных, и Наркомюстом, который основу советского правосудия видел не в демократии, а в сравнительной дешевизне и всемерном упрощении. Авторы проекта под давлением Наркомюста пошли ему навстречу и уменьшением «скамьи присяжных» наполовину сохранили его действие, отразив это в УПК РСФСР, но, как оказалось, ненадолго — на семь с половиной месяцев. Наркомюст при первой же возможности «уговорил» законодателя упразднить суд присяжных даже в таком виде как обременительный для советского государства. Суд присяжных в системе советского правосудия был восстановлен лишь на закате истории советского государства, в условиях горбачевской перестройки.

Наркомат юстиции, видевший идеал советского правосудия в суде времен гражданской войны, был недоволен многими процедурами, закрепленными УПК РСФСР в качестве необходимых и твердых гарантий достижения истины по делу и вынесения правосудного приговора. Но время еще не пришло. На начальной стадии нэпа, когда был провозглашен курс на союз с частными собственниками, предпринимателями, наркомат не мог еще в открытую выступать против основных институтов буржуазного демократического правосудия, установленных в УПК РСФСР, и сохранил их в редакции от 15 февраля 1923 г.

Принятие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов знаменовало собой качественно новый этап в истории советского суда и правосудия. Время, когда многочисленные пробелы материального и процессуального законодательства периода гражданской войны, допускаявшие применение «социалистического правосознания» и оправдывавшие многочисленные нарушения, отступления от права, которые могло породить сознание полуграмотного лица с неполным начальным образованием, кануло в прошлое. Максимально конкретизированное законодательство было на руку в первую очередь населению, получившему четкие установки по поводу своих прав и юридических обязанностей от государственных, в том числе советских судебных, органов. В этих условиях суд не мог выдавать за образцы советского права свои явные произвольные решения, плохо или вовсе не вписывающиеся в рамки законности. Население без особого труда могло усмотреть действительную природу юридически безграмотного решения суда и потребовать его отмены. Суду не оставалось ничего иного, как учиться работать в строгом соответствии с советскими законами и помогать государству «вычерпать море беззакония», о котором с горечью говорил В. И. Ленин.

В отличие от Положения о народном суде 1920 г. УПК РСФСР детально закреплял права и обязанности сторон и участников уголовного процесса и определял действия народного суда, совершение которых признавалось необходимым для вынесения правосудного приговора. Кодекс не содержал специальных норм, закрепляющих критерии правосудного приговора, но ими нужно было руководствоваться, формулируя основания отмены кассационной инстанцией приговора народного суда. Согласно ст. 413 УПК РСФСР в числе этих оснований назывались недостаточность и неправильность проведенного следствия, существенное нарушение форм судопроизводства, нарушение или неправильное применение закона и явная несправедливость приговора. Чтобы избежать подобных недостатков, народный суд обязан был неукоснительно и компетентно выполнять процедуры, предписанные уголовно-процессуальным законодательством.

В процессе судебного следствия народный суд должен разъяснить права подсудимому, выслушать его пояснения, показания свидетелей, заключения экспертов, исследовать иные доказательства. Исследования проводились с соблюдением предписанных законом требований. Суд мог объявить о завершении судебного следствия лишь по рассмотрении всех имеющихся в деле доказательств и признании того, что дело достаточно выяснено. Существовало исключе-

ние из этого правила. Действующий закон разрешал суду не проводить дальнейшее судебное следствие при условии, что подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал признательные показания, а от судей или сторон не поступили требования провести судебное следствие. Судебные прения надлежало проводить в полном объеме, при этом председательствующему запрещалось ограничивать определенным временем продолжительность речей выступающих.

При вынесении приговора суд должен определить свою позицию по всем существенным вопросам: имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, содержит ли это деяние состав преступления и совершил ли его подсудимый. Если совершил, то подлежит ли оно наказанию и какое именно наказание должно быть назначено подсудимому. Однако в резолютивной части приговора не требовалось мотивирования наказания, но предписывалось обозначать его таким образом, чтобы при исполнении приговора не возникало сомнений относительно рода и размера наказания. Понятно, что подобная деятельность требовала, по крайней мере от постоянного судьи, достаточно высоких профессиональных знаний и умений, способности логически правильно мыслить, юридически точно квалифицировать выявленные по делу обстоятельства и применять справедливую меру наказания. Не менее сложным был путь к обоснованному и справедливому решению по гражданскому делу, определяемому гражданским процессуальным законодательством.

В условиях возросших требований к профессиональному мастерству постоянного судьи и народных заседателей законодатель обоснованно повысил требования к кандидатам, претендующим на должность судьи, и усложнил порядок их избрания на эту должность. Согласно ст. 11 Положения от 31 октября 1922 г. народным судьей могли стать всякий неопороченный по суду гражданин или гражданка РСФСР, обладающие активным и пассивным избирательным правом, имеющие не менее двухгодового трудового стажа ответственной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профессиональных или партийных рабочих организациях или трех лет стажа практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже народного следователя. Однако на эту должность не могли претендовать лица, исключенные из общественных организаций за порочащие поступки.

Законодатель прекрасно понимал, что должности народных судей заполнить профессиональными юридическими кадрами доре-

волюционной России невозможно: часть их погибла в ходе гражданской войны, другая часть бежала за границу, оставшиеся юристы по преимуществу были лишены избирательных прав и по-прежнему на сговор с советской властью не шли. Поэтому ведущий источник судейских кадров виделся в гражданах, имеющих стаж ответственной политической работы, принимавших участие в гражданской войне на стороне советской власти и в связи с сокращением численности Красной Армии оставшихся без работы. Более того, понимание политики партии в области хозяйственного, политического строительства, в отношении бывших имущих классов, которым обладала эта категория трудящихся, по мнению законодателя, могло на первых порах с лихвой компенсировать недостаточность юридических знаний и умений.

Положение от 31 октября 1922 г. изменило порядок формирования корпуса народных судей. Если в предшествующие годы народные судьи избирались городскими, районными в городах и уездными Советами, то в условиях нэпа это право перешло в компетенцию губернских исполкомов. Народные судьи избирались сроком на один год по представлению губернского суда или Наркомюста. Губернские исполкомы наделялись также правом досрочно отзывать народных судей и переизбирать их на следующие сроки. М. В. Кожевников в новом порядке формирования корпуса народных судей увидел меру укреплению авторитета суда, обеспечивающую независимость судей от местных влияний¹.

Авторитет государственного органа, в том числе суда, определяется не столько органом, его создавшим, сколько конкретными делами. Большинство населения может и не знать, какой орган и в каком порядке избирает народный суд, но, так или иначе сталкиваясь с работой суда, его порядками и способностью выносить правосудные приговоры, оно на деле убеждается, на что способен суд и заслуживает ли он уважения.

Новый порядок укомплектования кадрами народного суда обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, не было уверенности в способности местных, в том числе губернских, исполкомов своими силами сформировать дееспособный контингент народных судей из-за дефицита в регионе надлежащих кандидатур. В то же время Наркомюст имел более широкие возможности в этом отношении — мог порекомендовать проверенные кандидатуры из «варягов». Во-вторых, губернский исполком должен был строже подойти к утверждению кандидатов в народные судьи, нежели уездные и город-

¹ См.: Кожевников М. В. История советского суда. С. 128.

ские исполкомы, учитывая возросшие требования к судьям в условиях реального действия кодифицированного материального и процессуального законодательства.

По новым канонам проходило и составление списка народных заседателей. На первом этапе особая уездная комиссия в составе члена местного уездного исполкома, помощника губернского прокурора и одного из народных судей распределяла число народных заседателей по промышленным предприятиям, волостям и воинским частям по следующей квоте: 50% — заседатели из рабочей среды; 35% — из селений и волостей; 15% — из воинских частей. Разверсточные ведомости рассылались соответствующим участковым народным судьям, фабрично-заводским комитетам, комиссарам частей и волисполкомам. На втором этапе названные учреждения проводили выборы кандидатов, а списки препровождали народному судье. Для обеспечения бесперебойной работы народного суда требовались ежегодно около 200 заседателей на одного судью.

Способы формирования состава народного суда, предписанные Положением от 31 октября 1922 г., в целом себя оправдали. На первую половину 1923 г. корпус народных судей был в основном укомплектован, при этом по ряду основных показателей имел положительную динамику. По 60 губерниям из 2638 народных судей избраны 1680 членов РКП(б) (63,6%); 580 (21,9%) рабочих; 47 (1,8%) ремесленников; 1439 (54,6%) крестьян; 572 (21,7%) представителей интеллигенции. Народных судей, имеющих высшее юридическое образование, 224 (8,4%); высшее неюридическое образование — 390 (5%); среднее образование — 384 (14,6%); начальное образование — 1991 (75,5%)¹. Подобный состав для народных судов на протяжении 1920-х гг. незначительно менялся в ту или другую сторону.

Авторы Основ судостроительства Союза ССР и союзных республик, принятых постановлением ЦИКа СССР от 29 октября 1924 г., закрепили перед судебными органами четыре задачи, из которых непосредственно к народным судам относились три: 1) защита интересов и прав трудящихся и их объединений; 2) укрепление общественно-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание; 3) осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан. Лучшим способом решения народными судами возложенных на них задач могло стать высокое качество судопроизводства, вынесение правосудных решений и при-

¹ См.: Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г. (Отчет составлен I Отделом НКЮ по докладам с мест и материалам произведенных НКЮ ревизий) // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 51—52. С. 1187.

говоров, утверждающих и проводящих советское право в конкретных правоотношениях. Ибо только таким способом суд мог защитить интересы граждан и иных субъектов права, внести свой вклад в укрепление общественно-трудовой дисциплины и способствовать укреплению законности. Однако в период нэпа народные суды не сумели в полной мере выполнить предписанные им задачи, значительная часть их приговоров и решений по гражданским делам содержала непозволительные судебные отступления от материального и процессуального законодательства, что влекло за собой существенный процент отмены этих приговоров и решений кассационными инстанциями.

По данным Е. Тарновского, предпринявшего статистическое описание деятельности народных судов РСФСР (без автономных республик, Киргизской области и нескольких участков Сибирского края), в производстве народных судов в 1923 г. находились 1 724 205 уголовных дел; в 1924 г. — 2 018 246; в 1925 г. — 1 272 184 дел или в относительных величинах за те же годы — 100, 117 и 74. В среднем по одному народному суду в 1923 г. поступило 683 дела, окончено 693; в 1924 г. поступило 793 дела, окончено 795; в 1925 г. поступило 495 дел, окончено 523 дела. Таким образом, в деятельности народных судов наблюдалась позитивная тенденция в виде ежегодного сокращения числа оставшихся уголовных дел. Конечно, нагрузка народных судов отдельных губерний не была постоянной. Наибольшую нагрузку имели народные суды Приморской (981 дело), Вотской (729 дел), Забайкальской (727 дел) губерний. Минимальная нагрузка приходилась на народные суды Ингушской АО (181 дело), Калмыцкой АО (212 дел), Кабардино-Балкарской АО (218 дел)¹.

Результаты рассмотрения дел народными судами в 1925 г. характеризовались следующими данными: из оконченных 1 375 438 дел в судебных заседаниях были рассмотрены 714 445 дел. Возвращены для производства следствия или дознания 41 237 дел, направлены по подсудности 175 514 дел и прекращены производством 444 242 дела. Наибольший процент прекращенных дел (около 60% от рассмотренных) приходился на народные суды Ингушской АО, Карачаево-Черкесской АО и Северо-Осетинской АО. В то же время в ряде губерний: Калужской, Ленинградской (без Ленинграда), Московской (с Москвой), Мурманской, Псковской, Амурской — более 60% рассмотренных дел были разрешены по существу.

Характерно, что на протяжении нескольких лет процент оправданных народными судами оставался достаточно высоким (табл. 3).

¹ См.: Тарновский Е. Народные суды в 1925 г. // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 30. С. 918—919.

Таблица 3

**Результаты рассмотрения уголовных дел народными судами
в 1923—1925 гг. на 100 подсудимых**

Результаты	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Осуждены	75	80,8	73,5
Оправданы	25	19,2	26,5
Итого	100	100	100

В 1925 г. наибольший процент осужденных (свыше 80%) был в Ленинградской (81%), Мурманской (82%), Забайкальской (83%), Амурской (85%) губерниях, Ингушской АО (89%), Северо-Осетинской АО (81%). Меньше 60% осуждены в Астраханской (54%) и Гомельской (59%) губерниях.

В течение 1925 г. на приговоры народных судов были поданы 113 313 кассационных жалоб и протестов, или 8,2% в отношении к общему числу оконченных дел, или 15,9% в отношении к числу дел, разрешенных по существу. Фактически обжаловалось каждое седьмое дело, однако прокуратура в этом процессе участвовала недостаточно активно. Протесты прокуратуры составляли лишь 2,4% общего числа поступивших жалоб. По каждому четвертому обжалованному или опротестованному кассационной инстанцией делу приговоры были отменены с прекращением дела или его направлением на новое судебное рассмотрение¹.

Огромный объем работы народных судов по уголовным делам дополнялся рассмотрением гражданских дел. В 1925 г. в производстве народных судов находились 1 809 836 гражданских дел, из них окончены 1 538 648, или 85,0%. Из числа оконченных дел были разрешены по существу 1 157 673, прекращены 308 330, передано по подсудности 72 645. При этом исковые требования были удовлетворены по 783 583 делам полностью, по 175 880 — частично. Отказано в иске по 198 210 делам. На решения народных судов в 1925 г. подана 142 631 кассационная жалоба, или 9,3%. Примерно каждое третье обжалованное решение народного суда по гражданским делам кассационная инстанция отменила с передачей дела в народные суды на новое рассмотрение².

Таким образом, статистические данные свидетельствовали о большой нагрузке народных судов как по уголовным, так и по гражд-

¹ См.: Тарновский Е. Народные суды в 1925 г. // Ежедельник советской юстиции. 1926. № 30. С. 920.

² См.: Тарновский Е. Народные суды в 1925 г. // Ежедельник советской юстиции. 1926. № 31. С. 944—945.

данским делам. При этом значительная часть уголовных дел из следственных органов и органов дознания поступала в суды без достаточных к тому оснований и прекращалась ими с вынесением оправдательного приговора или возвращением дела на доследование. В свою очередь, народные суды не были безгрешны, значительная часть их приговоров и решений отменялась губернскими судами. В результате получалось, что судебно-следственные органы трудились почти наполовину впустую, сами себе создавали работу тем, что не могли отличить преступное деяние от правомерного и юридически нейтрального, привлекали к уголовной ответственности невиновных лиц.

В буржуазном государстве суд является только органом разрешения правовых конфликтов, наказания правонарушителей, которому путь в политику, в общественную деятельность заказан как не соответствующий его сути и статусу. В советском государстве все было наоборот: политическая, общественная деятельность суда ставилась во главу его деятельности, особенно высоко она ценилась в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в течение периода тотального вовлечения трудящихся в управление делами общества. Более того, законодатель прямо обязывал судебные органы осуществлять, например, надзор за туземными органами, руководство деятельностью сельских судов и наблюдение за ней, пропагандировать советское право. В тот период проводилось даже социалистическое соревнование, какой суд лучше всего справляется со своими функциями, в первую очередь с организацией советским государством кампаний, в том числе пропагандистских.

Для примера приведем оценку работы в Шигровском районе в первом полугодии 1932 г. народного суда, претендовавшего на одно из призовых мест в социалистическом соревновании в Центрально-Черноземной области. В характеристике в качестве первых и особенно значимых трудовых достижений суда отмечается, что он в первом полугодии 1932 г. вел работу в соответствии с решениями партии и Правительства, по собственной инициативе возбудил 55% дел, связанных с хозполиткампаниями, с рассмотрением 90% этих дел на местах и применением по ним классово выдержанной карательной политики; правильную политику вел в отношении дел инженерно-технических работников и «просвещенцев». За полугодие сотрудники суда 4 месяца и 24 дня пробыли в селах, где помимо судебной работы провели 148 докладов по разъяснению важнейших постановлений партии и Правительства, организовали 67 товарищеских судов в колхозах. Кроме того, народный суд «обслуживает 34 сельских

суда, 16 производственных и 1 тов. суд при жакте», проведено с общественными судами четыре совещания и 54 обследования их работы. Лишь в самом конце характеристики указываются сроки рассмотрения судом уголовных и гражданских дел, однако самый важный показатель судопроизводства — количество измененных и отмененных кассационной инстанцией решений — не приводится. Вместо него содержится запись о том, что суд за полугодие сэкономил 40% административно-управленческих расходов, а взаимоотношения судьи с местными органами — удовлетворительные¹.

Достижения передовых народных судов не носили массового характера и не могли сколько-нибудь существенно улучшить общее состояние дел в сфере правосудия в целом, в пределах всей РСФСР. Партию особенно возмущали судебная волокита и высокий процент дел, прекращенных судебными органами. В докладе «Отчет ЦКК — РКИ XV Съезду ВКП(б)» С. Орджоникидзе признал, что в суде «дела тянутся страшно долго, привлекают к суду часто необоснованно, например в народных судах в РСФСР за 1926 г. закончено 1 427 776 уголовных дел. По этим делам привлечен 1 906 781 человек. Огромный процент этих дел — 34,6% — прекращены и 25,4% — оправданы. Оправданных по суду и привлеченных по делам, которые были прекращены по одной РСФСР, — 1 060 887, а ведь людей все-таки вызывали, людей все-таки таскали, не подумали заранее, не разобравшись толком, надо передавать в суд или не надо. Украина не отстает от РСФСР, здесь, очевидно, идет соревнование. За 1925—1926 гг. по уголовным делам вызвано было 438 783 подсудимых, 2 074 470 свидетелей, по гражданским делам — 1,5 миллиона свидетелей и 5869 экспертов. Всего таким образом по УССР вызывалось в суд в течение одного года 4 011 366 чел., или 15% всего населения»².

Партия видела недостатки в работе судебных органов, но ошибалась относительно причин судебных ошибок, относила их на счет увлеченности судей формальными процедурами, предписанными процессуальным законодательством, и желания действовать по принципу римских юристов: «Да здравствует юстиция, да погибнет мир!»³. Во-первых, партийные работники, не державшие в руках Уголовно-процессуального кодекса, не знали, что увлеченность народных судей формальными процедурами связана не с их невежеством, а с требованиями закона, принятого этими же партийными работ-

¹ См.: *Эпштейн З., Ильинский К.* Смотр работы нарсудов по ЦЧО // Советская юстиция. 1932. № 27. С. 5.

² *Орджоникидзе Г. К.* Отчет ЦКК—РКИ XV съезду ВКП(б) // Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т. 1. М., 1961. С. 462.

³ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т. 1. С. 473.

никами, участвующими в деятельности законодательного органа. Во-вторых, идеологи партии, будучи уверенными в том, что коммунист, назначенный на пост судьи, не может не справиться с порученным партией делом, стоит лишь приложить небольшое усердие и проявить здравый смысл, несколько переоценивали интеллектуальные способности коммунистов. Им и в голову не приходила мысль о том, что судья с начальным или даже с неполным начальным образованием не может быть профессиональным в сфере правосудия, требующего специального юридического образования и умелого владения судейскими навыками. Между тем данные об отмене губернскими судами приговоров и решений народных судов свидетельствовали именно об этом (табл. 4).

Приведенные данные примечательны тем, что они раскрывают не только основания отмены приговоров народных судов, но и динамику освоения судьями норм материального и процессуального права. В первые два года деятельности в условиях законодательного регламентирования отношений в сфере уголовного и уголовно-процессуального права народные суды гораздо чаще спотыкались о конкретные нормы, чем со знанием дела их применяли, соответственно, и число отмен по мотивам нарушения форм судопроизводства и неправильного применения уголовного закона находилось в пределах 66—69%. На третий год судьи несколько улучшили показатели верного использования действующего законодательства, а лидирующее место среди оснований отмены заняли недостатки следствия и дознания.

Из-за неверного применения гражданского и гражданского процессуального законодательства губернскими судами были отменены в 1923 г. 44% решений, в 1924 — 39% и в 1925 г. — 38%. При этом успехи народных судей в приобретении знаний о гражданском и гражданском процессуальном законодательстве были менее значимыми, нежели в толковании и применении уголовных законов. Как указывает Е. Тарновский, количество отмененных решений неизменно превышало число отмененных приговоров приблизительно на 12—13%¹.

В юридической литературе тех лет неизменно отмечалось, что низкий уровень знаний народных судей о действующем законодательстве является главной причиной допускаемых ими серьезных ошибок, влекущих за собой отмену приговоров и решений народных судов кассационными инстанциями. Суд демонстрировал небрежение элементарными требованиями материального и процессуального законодательства, сохраняя практику «вольного» написания приговоров и решений, имевшую место в первые годы советской власти и об-

¹ См.: Тарновский Е. Губернские (областные) и краевые суды за 1925 г. // Ежегодник советской юстиции. 1926. № 36. С. 1064.

Таблица 4

Основания отмены приговоров народных судов в 1923—1925 гг., %*

Основание отмены	1923 г.	1924 г.	1925 г.
По недостаточности следствия (п. 1 ст. 413 УПК)	24	26	36
По нарушению форм судопроизводства (п. 2 ст. 413 УПК)	34	30	30
По нарушению или неправильному применению законов (п. 3 ст. 413 УПК)	35	36	30
По явной несправедливости приговора (п. 4 ст. 413 УПК)	7	8	4
Итого	100	100	100

* *Источник: Тарновский Е.* Губернские (областные) и краевые суды за 1925 г. С. 1064.

условленную отсутствием надлежащего нормативно-правового регулирования процессов судопроизводства. Как отмечал В. Зенькович исходя из материалов масштабного обследования НК РКИ СССР, в 1927 г. в деятельности судебно-следственного аппарата и прокуратуры имел место большой процент отмен (33 и 42%) приговоров и решений народных судов кассационными инстанциями по мотивам неправильного применения закона, что «свидетельствует о низкой юридической квалификации персонала; о том же говорит 32% отмены из-за нарушений форм судопроизводства»¹.

Народные суды в приговорах не указывали существенные признаки преступления, инкриминируемого осужденному; его классовое положение; проводили допрос обвиняемого до рассмотрения дела по существу; не выносили постановлений о предании суду; взыскивали несуществующие судебные издержки по уголовным делам; допрашивали свидетелей в течение нескольких заседаний с разными народными заседателями и в отсутствие сторон. В решениях по гражданским делам суды забывали делать ссылки на нормы гражданского права либо ссылались не на надлежащие статьи закона. Небрежным было даже оформление документов. Весьма часто отсутствовали подписи свидетелей, сторон и народных заседателей под протоколами судебных заседаний; не взыскивались с проигравшей дело стороны судебные издержки, понесенные другой стороной; не

¹ Зенькович В. Низовая сеть суда, следствия и прокуратуры (По материалам НК РКИ СССР) // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 36. С. 1110.

устанавливались сроки передачи собственнику присужденной вещи и др.¹

Как уже упоминалось, идеологи советского государства расходились в объяснении причин низкого качества работы народных судов: одни из них истоки недостойной работы советского суда видели в увлеченности народных судей формальными процедурами, закрепленными действующим законодательством, тогда как другие отнесли подобный изъян на счет их недостаточного профессионализма. Пути преодоления дефицита квалифицированных юридических кадров в сфере правосудия были определены постановлением ВЦИКа от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судоустройстве РСФСР». Законодатель признал необходимым, во-первых, обязать СНК улучшить материальное положение судебных работников и, во-вторых, открыть в течение 1923 г. не менее 10 юридических школ на местах и одной высшей юридической школы в Москве для своевременной подготовки достаточных кадров опытных судебных работников. Однако в период нэпа Правительство не проявило большой активности по формированию квалифицированных кадров в области правосудия.

В 1923 г. вместо юридических школ были открыты областные одогодичные курсы, и не все 10, а лишь 6. Впоследствии, в 1929 г., Наркомюст годовичные юридические курсы реорганизовал в пятимесячные, число которых увеличил до 14². Кроме того, при МГУ в 1927 г. было создано Бюро заочного юридического образования, обучавшее по трем циклам — судебному, хозяйственно-правовому и советскому строительству. В 1929 г. Наркомюст планировал направить в Бюро 2348 человек, или 18% наличного состава работников, из которых 255 человек должны были получить высшее юридическое образование, 973 человека — среднее юридическое образование, а наибольшая часть — 1100 человек должны были приобрести навыки делопроизводства и иной технической работы. При этом обучение было платным³.

Соответственно решительного прорыва в сфере подготовки юридических кадров через учебные заведения не произошло даже в конце 1920-х гг. Курс был взят на заочное и к тому же частично платное об-

¹ См.: *Еднерал И., Елоховский А.* По ревизии // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 14. С. 369—370.

² См.: *Олейник И. И., Олейник О. Ю.* Становление системы подготовки юридических кадров в советской России // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. Иваново, 2005. Вып. 2. С. 83.

³ См.: *Седов.* Заочное юридическое образование для работников юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 22. С. 509—511.

разование. Недостаточное внимание к вопросам подготовки юридических кадров связано, по убеждению А. Я. Вышинского, с господствовавшими в тот период представлениями о том, что «юридическое образование не нужно, что можно обойтись не только без римского права, но и без советского права, которое кое-кто хоронил по первому разряду, протаскивая гнилые теории об отмирании права, об отмирании юстиции, об отмирании суда. Мы распылили наши кадры: новых не создали, старые потеряли»¹.

При недостаточности квалифицированных юридических кадров, подготавливаемых юридическими заведениями, советскому государству оставался единственный путь, указанный постановлением ВЦИКа от 31 октября 1922 г., — удерживать лиц, положительно зарекомендовавших себя на судебной работе, материальными благами в виде высокой заработной платы и надлежащими материальными условиями труда. Между тем и этот метод закрепления судейского корпуса действовал недостаточно эффективно, давал сбой. В 1925 г. лишь каждый третий народный судья имел стаж судейской работы свыше трех лет. По мнению Я. Бранденбургского, слишком часто судей, «обладающих более высоким стажем, заменяют лицами, не имеющими такового; слишком часто судработники со стажем снимаются и перебрасываются на другую работу»². Текучесть судейских кадров продолжалась в 1927 г. в связи с тем, что избранные судьи не обладали нужными навыками и не справлялись со своей работой³.

Идеологи советского государства и его центральные органы вопреки реальному положению дел основные пороки народных судов рассматривали через призму партийных решений, как и партия, они были уверены в том, что суть вопроса заключается в ненужном формализме и процессуальных излишествах, навязанных действующим процессуальным законодательством. Наркомат РКИ, отмечал В. Радус-Зенькович, «приходит к тому, что и суд, и прокуратура недостаточно подтянуты под общий уровень запросов нашего строительства; что в работе их резко бьют моменты недостаточной связанности с широкой общественностью, преобладают узкоаппаратные методы работы, больно дают себя знать проявления бюрократизма, волокиты, формального отношения... Процесс сложен, громоздок, мало понятен, редко разнится от обычного выяснения и обсуждения по

¹ *Вышинский А. Я.* Совещание в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 83.

² *Бранденбургский Я.* К предстоящей кампании перевыборов судработников и нарзаседателей // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 47. С. 1446.

³ См.: *Бранденбургский Я.* Предстоящая большая кампания (к перевыборам нарсудей и нарзаседателей на 1927 г.) // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 50. С. 1393.

любому вопросу, тем самым недоступен широкой массе, требует обязательной помощи, совета, растолковывания со стороны (консультации, защиты), оставляет, в конце концов, у трудящегося чувство беспомощности, подавляет формой»¹.

С Наркоматом РКИ полностью солидаризировался Наркомат юстиции, поставив в 1920-х гг. во главу своей судебной политики три наиболее важных направления: 1) упрощение процессуальной формы (см. разд. VIII); 2) разгрузку народных судов от мелких уголовных и гражданских дел (см. разд. VIII); 3) минимизацию бюджетных расходов на судебную систему. Руководящие работники Наркомюста в своих публичных и печатных выступлениях не ставили проблему повышения качества судебной работы как ведущего, а уж тем более первостепенного направления деятельности наркомата. С этих позиций симптоматичными предстают статьи Д. И. Курского, П. И. Стучки и Н. В. Крыленко, посвященные 10-летию советской юстиции. Авторы статей призывают суды «стать основными учителями быта, защитниками и проводниками основных идей пролетарской политики», преодолеть отрыв практики от теории, «найти и суметь применить право эпохи планового социалистического строительства», осуждают нормы гражданского права, отражающие «старые пережитки и традиционные воззрения буржуазного права», но ни слова не говорят о повышении качества работы судебных органов².

Ответственные работники Наркомюста пренаивно надеялись, что суды могут успешно действовать практически на общественных началах, не требуя значительных материальных затрат, и время от времени урезали и без того скудные бюджетных расходы на юстицию. Во второй половине 1922 г. постановлением СНК народные суды были переданы с государственного бюджета на местный, что повлекло за собой сокращение общего количества участков нарсудов с 3176 до 2555, т. е. на 19,5%, поскольку уездные исполнительные комитеты за недостатком своих средств вынуждены были уменьшать количество участков в ущерб качеству правосудия. Кроме того, из-за нехватки наличных денег уездные Советы подолгу не выплачивали заработную плату работникам суда, не финансировали расходы на канцелярские товары и почтовые услуги, не обеспечивали

¹ *Радус-Зенькович В.* Судебная система и прокуратура (По материалам НК РКИ) // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 30. С. 829.

² См.: *Курский Д. И.* Десять лет на страже советского права // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 43. С. 1329; *Стучка П. И.* К десятилетию советской юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 43. С. 1330—1331; *Крыленко Н. В.* На рубеже. С. 1332—1333.

суды транспортом и дровами. Рабочий день народного судьи продолжался 12—16 часов¹.

Циркуляром от 14 июля 1926 г. № 135 «О систематическом выполнении органами юстиции директивы Рабоче-Крестьянского Правительства о проведении режима экономии» Наркомюст обязывал все органы юстиции «немедленно приступить к систематическому» проведению режима экономии, в том числе посредством «немедленного принятия мер по уплотнению рабочего времени работников», производить в строго продуманном и плановом порядке ревизии, совещания, вызовы таким образом, чтобы подобные мероприятия не сопровождалось лишними расходами средств и времени. Предписывалось принимать все меры к усилению нагрузки выездных сессий, с тем чтобы одновременно, не ослабляя проводимой работы по приближению суда к населению, производимые на их содержание расходы строго соответствовали прямому назначению и в целях экономии на канцелярских товарах вести «решительную борьбу со всеми излишними расходами»².

Государство пыталось экономить даже на народных заседателях, понятых, свидетелях и экспертах. Согласно ст. 27 Положения от 31 октября 1922 г. народным заседателям сохранялась заработная плата по месту работы, однако оплату их проезда закон не предусматривал. Народные заседатели из крестьян и иные лица, получающие средства от сельского хозяйства или домашнего ремесла, могли претендовать в день на 1/24 минимума месячной заработной платы, установленного местными Советами для соответствующей местности. Не возмещались в полной мере расходы вызванных в народные суды свидетелей, в частности крестьянам фактически никто и ни в какой мере указанные расходы не компенсировал. Вызванные в суд свидетели из других населенных пунктов вынуждены были ночевать в коридорах судебных учреждений, претерпевать иные неудобства.

Вполне естественно, что при тотальном режиме экономии в сфере правосудия народные судьи и аппарат суда не могли рассчитывать на высокую заработную плату. Народным судьям устанавливались должностные оклады ниже, чем врачам, агрономам, ветеринарным врачам с высшим образованием, но больше, чем председателю волостного исполкома, начальнику милиции и учителям школ

¹ См.: Сводный отчет о деятельности губернских и народных судов РСФСР за четвертую четверть 1923 г. // Ежедельник советской юстиции. 1924. № 14. С. 328; О сокращении судебных участков // Ежедельник советской юстиции. 1923. № 22. С. 519—520; В каких условиях работает народный суд Сарапульского уезда Пермской губернии // Ежедельник советской юстиции. 1923. № 49. С. 1145.

² Ежедельник советской юстиции. 1926. № 31. С. 959—960.

I и II ступеней. При таких интенсивности, сложности и ответственности труда народные судьи не задерживались на своей должности. Некоторые уходили, поскольку не могли обеспечивать надлежащее качество выносимых решений и приговоров, другие справлялись со своими обязанностями, овладевали элементарными знаниями о действующем законодательстве, но вследствие этого становились востребованными на более высоких должностях с большими должностными окладами.

Таким образом, недостаточное качество правосудия в народных судах в 1920-х гг. обуславливалось двумя причинами: отсутствием профессиональных юридических кадров и тем, что партия, ее идеологи, не понимали значение этого фактора для эффективной деятельности народных судов. Партия, центральные органы исполнительной власти, очарованные легкостью работы судов в период гражданской войны практически без материальных и процессуальных законов, сообразно собственному усмотрению, критически отнеслись к усилиям судебных органов, обремененных развитым гражданским, уголовным, трудовым законодательством и вынужденных проводить его в жизнь, неукоснительно выполняя процедуры, предписанные процессуальным законодательством. Ясно, что значительная часть судебных ошибок неизбежно обнаруживалась на той или иной стадии судебного процесса, что должно было восприниматься как положительное явление, как результат того, что система советского правосудия выявляет и исправляет ошибки, допускаемые малограмотными народными судьями. Но партия и центральные органы исполнительной власти не понимали реальных причин низкого качества работы органов юстиции и вели борьбу с тем, что нужно было поддерживать и развивать. В итоге законодательство о правосудии, созданное в 1922 г. применительно к условиям нэпа и демократическим основам советского общества, не получило развития в последующие 15 лет.

Положение о судеустройстве РСФСР, утвержденное постановлением ВЦИКа от 19 ноября 1926 г.¹, не внесло революционных новшеств в деятельность народных судов. Незначительные дополнения и изменения никак не влияли на качество судебной работы ни в позитивном, ни в негативном плане. Была продублирована статья Положения о финансах, которым содержание народных судов осуществляется за счет средств соответствующих местных исполнительных комитетов. Тем самым народные суды низводились до уровня

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. 1926. Отд. I. № 85. Ст. 624. С. 1045—1099.

местных органов власти, хотя об этом в Положении от 19 ноября 1926 г. прямо и не говорилось. Был создан еще один прецедент несообразного с точки зрения права решения: орган судебной власти, состоящий на содержании местных Советов, наделялся правом выражать волю Республики, от имени РСФСР выносить приговоры и решения по конкретным делам.

С принятием Положения от 19 ноября 1926 г. народный суд вступил в стадию стабильного развития, продолжавшуюся до 1938 г.

Глава 12. Губернские суды

Согласно Положению от 31 октября 1922 г. губернские суды представляли собой судебный центр губернии, осуществляющий три функции: 1) непосредственный надзор за деятельностью подведомственных ему народных судов; 2) рассмотрение кассационных жалоб и протестов на приговоры и решения народных судов, частных жалоб на определения тех же судов; 3) суда первой инстанции по делам, отнесенным к ведению губернского суда. Сообразно исполняемым функциям губернский суд состоял из председателя и двух заместителей, 12 постоянных членов, губернских народных заседателей и обслуживающего технического аппарата. В составе суда входили такие органы, как пленум, уголовный и гражданский отделы, дисциплинарная коллегия. Вскоре к ним был добавлен президиум.

Кандидаты на должность председателя губернского суда и его заместителей должны были обладать пассивным и активным избирательным правом. Кроме того, председатель суда обязан был иметь не менее трех лет стажа практической судебной работы по должности народного судьи или члена революционного трибунала. От членов губернского суда требовался стаж работы в тех же должностях не менее двух лет. Однако с разрешения Наркомюста на названные должности могли приниматься лица, не обладающие необходимым стажем практической работы в судебных должностях. Помимо прочего, наркомат был полномочен предлагать (точнее, навязывать) губернскому исполкому своих кандидатов на должности председателя, его заместителей и членов губернского суда.

Председатель, его заместители и члены губернского суда избирались губернским исполкомом и подлежали утверждению Наркомюстом. Если названные кандидатуры не были утверждены, Наркомат проводил назначение по своему усмотрению. Согласие исполкома на кандидатов, назначенных наркоматом, не требовалось. По истечении годичного срока лица, положительно зарекомендовавшие себя на занимаемой должности, могли быть вновь избраны. Их до-

срочный отзыв, кроме случаев отстранения по суду или в порядке дисциплинарного производства в Верховном Суде, подлежал непременно согласованию с Наркомюстом. Корпус губернских народных заседателей числом не менее 200 формировались по особому списку из граждан, имеющих не менее чем двухгодичный стаж работы в общественных и профессиональных организациях, и утверждался губернским исполкомом. При губернском суде состояли также старшие народные следователи.

Наркомюст стремился к тому, чтобы во главе губернских судов стояли лица, готовые проводить его политику и обеспечить в сфере правосудия выполнение задач, поставленных партией и Правительством. Поэтому партийный стаж ценился выше юридического образования. Председатели губернского суда на 80% были членами ВКП(б) со стажем не ранее чем с 1918 г., но с образованием по преимуществу (60%) начальным. Заместители председателя — со стажем не ранее чем с 1918 г. — 52,2% и с образованием также в основном начальным (70,5%). Однако не все оправдали оказанное доверие. В 1924 г. с занимаемых постов были отозваны пять председателей и пять заместителей председателей губернских судов.

Формирование состава губернских судов шло достаточно быстрыми темпами, и на 1 июля 1923 г. было заполнено 80,4% вакансий. Среди контингента губернских судей оказалось коммунистов 76,8%, тогда как с высшим образованием — 17,6% и начальным — 62,3%. По социальному положению: из рабочих — 28,4%; из крестьян — 36,8%; из ремесленников — 4,8%; из интеллигенции — 30,0%¹.

Уголовные дела по первой и второй инстанциям в губернском суде рассматривал уголовный отдел в составе семи постоянных членов губернского суда, подразделявшийся на два отделения: кассационно-уголовное и уголовное отделение. Отдел возглавлял заместитель председателя губернского суда, обеспечивавший назначение и распределение членов губернского суда в составы кассационных и судебных заседаний отдела. Кандидатуру председательствующего для выездных сессий уголовного отделения заведующий отделом должен был согласовывать с председателем губернского суда

Судебные заседания кассационного отделения проводились в составе трех постоянных членов губернского суда, в число которых входил заведующий отделом. Председатель суда был правомочен принять на себя председательствование по любому делу, разбираемому в кассационном отделении уголовного отдела. В некоторых случаях

¹ См.: Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г. С. 1178—1179.

председательствующим суда выступал его заместитель, руководитель отдела. Судебные заседания уголовного отделения проводились в составе одного постоянного члена губернского суда и двух губернских народных заседателей.

Гражданский отдел губернского суда формировался по тем же принципам, что и уголовный, состоял из семи человек: шести членов губернского суда и заведующего отделом — заместителя председателя губернского суда. Отдел подразделялся на гражданское кассационное и гражданское отделения. Кассационное отделение действовало в составе трех постоянных членов губернского суда. Председательствование на заседаниях кассационного отделения мог взять на себя председатель губернского суда либо его заместитель, заведующий отделом. Гражданское отделение заседало в составе одного председательствующего, постоянного члена губернского суда и двух народных заседателей. Определение и назначение членов гражданского отдела для участия в судебных и кассационных заседаниях, а также председательствование в выездных сессиях суда проводили заведующий отделом по согласованию с председателем суда.

Пленум губернского суда обеспечивал коллегиальное рассмотрение вопросов организации и управления судами региона (области, края), толкования норм права, определения особенностей проведения линии партии применительно к конкретно-историческим условиям. В него входили все члены губернского суда без какого бы то ни было исключения, а заседание пленума считалось правомочным при наличии половины членов суда, а также губернского прокурора или его помощника.

Согласно ст. 50 Положения от 31 октября 1922 г. пленум губернского суда представлял собой коллективный орган, правомочный решать значительную часть вопросов текущего управления судебными учреждениями губернии.

Во-первых, в числе первостепенных организационно-управленческих вопросов он определял границы и количество участков нарсудов и народных заседателей в регионе, решал проблемы назначения и перемещения народных судей и народных следователей в пределах подведомственного суду региона, рассматривал отчеты народных судей, утверждал составы ревизионных комиссий по проверке деятельности народных судов и народных следователей, заслушивал доклады по итогам ревизий, а также принимал наказания и инструкции по предметам ведения губернского суда.

Во-вторых, пленум был единственным органом губернского суда, правомочным возбуждать дисциплинарные дела в отношении народных судей и народных следователей, иных должностных лиц, подве-

домственных губернскому суду, в том числе членов самого губернского суда. Пленум также мог выносить определения о временном отстранении от должности народных судей и народных следователей до решения возбужденного дисциплинарного дела по существу. Однако пленум не обладал правом рассмотрения возбужденного дела и принятия по нему решения, поскольку вопросы такого рода входили в компетенцию другого органа — дисциплинарной комиссии. Пленум же мог лишь формировать персональный состав комиссии для рассмотрения возбужденного им дела.

В-третьих, пленум мог толковать законодательство в связи с каким-либо конкретным делом или решением в случаях неясности или неполноты действующих норм права. Вопрос о необходимости толкования норм права на пленум мог вносить председатель губернского суда, состав судебного или кассационного заседания либо губернский прокурор. Акты толкования требовалось направлять в Верховный Суд, однако цель этого направления из текста закона установить невозможно. Согласно ст. 52 Положения акты толкования закона, принятые пленумом единогласно, не вступают в силу, в то же время условия, при которых акты толкования обретают это свойство, в Положении не определены. Логично предполагать, что названные акты толкования не вступали в действие до их одобрения Верховным Судом РСФСР. Однако такой вариант вызывает сомнения, поскольку в этом случае создается волокита с решением дела в надзорном или кассационном порядке, но такой случай все же исключать нельзя. В тот период возможны были самые невероятные предписания.

Решение пленарного заседания, принятое большинством голосов и подписанное председателем губернского суда, подлежало немедленному исполнению. Если последний не был согласен с решением пленума, он должен был передать весь материал по принадлежности в Наркомюст, Верховный Суд или губисполком. Состав дисциплинарной коллегии определялся пленумом с учетом рассматриваемого дела и состоял из председателя или его заместителя и двух членов губернского суда.

Самостоятельное решение пленумом как коллективным сообществом ведущих вопросов управления судебными и иными учреждениями губернии представляет собой примечательную страницу в истории советского правосудия и свидетельствует о несостоятельности утверждений современных российских правоведов о том, что «в советский период эта проблема обсуждалась в основном на уровне теории»¹. Проблема самостоятельности судебной власти была из-

¹ Газетдинов Н. И. Самостоятельность и независимость судебной власти // Российская юстиция. 2015. № 12. С. 34—37.

вестна дореволюционным правоведам, полагавшим, что для ограждения судебской независимости «необходимо предоставить отправление правосудия особой системе органов, совершенно отделенной от других органов государственной власти и не подчиненной им»¹, и частично реализовавшим этот принцип в период великих судебных реформ. Вполне правомерно, что сторонники этого демократического воззрения сумели воплотить его в советских законах, определивших порядок управления судебными учреждениями губерний вопреки желанию советских идеологов, которые хотели видеть правосудие в тесных объятиях исполнительных органов власти, готовых потакать любым прихотям последней. Взять реванш советским идеологам удалось лишь шесть лет спустя.

Единоначалие председателя губернского суда, не в полной мере владеющего вопросами судебной деятельности, время от времени приводило к опрометчивым решениям. В целях повышения уровня компетентности решений постановлением ВЦИКа от 16 октября 1924 г. «О дополнениях и изменениях положения “О судостроительстве РСФСР”» структура губернского суда была дополнена еще одним органом — президиумом в составе председателя и его заместителей. Президиум губернского суда имел по преимуществу статус совещательного органа, с которым председатель губернского суда должен был обсуждать оперативные организационно-управленческие вопросы, а также материалы и вопросы, вносимые на рассмотрение пленума.

Конструкция губернского суда в значительной мере не соответствовала его функциям. Как показала практика, губернским судам более или менее была ясна третья функция (см. начало главы), поскольку предмет и процедуры деятельности, а также порядок принятия решения были определены уголовным и гражданским процессуальным законодательством, тогда как первые две функции, особенно на начальной стадии их реализации, породили «брожение умов» у председателей губернских судов и их подчиненных.

«Непосредственный судебный надзор за деятельностью народных судей» был полностью неясен: каков предмет надзора, кто его правомочен осуществлять, в каких формах, каким образом надлежит реагировать на выявленные недостатки и др. На практике каждый губернский суд действовал сообразно собственному разумению. «Если в одних губерниях ревизии заключались в простой проверке делопроизводства и отчетности, то в других губерниях ревизии охватывали, кроме того, обозрение ряда уголовных и гражданских дел в це-

¹ Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 27.

лях установления правильности применения нарсудами материальных и процессуальных норм». Использовались также разные методы проведения ревизий: в одних судах ревизии сочетались с одновременным инструктированием народных судов по замеченным недостаткам; другие же губернские суды ограничивались актами, в которых лишь констатированы эти дефекты, указания же по ним давались по итогам рассмотрения этих актов пленумами губернских судов¹.

Ясность наступила лишь со временем, когда Наркомат юстиции сумел определить свою позицию в этом вопросе, признав непосредственный надзор административной мерой управления судебными местами, проводимой Наркоматом юстиции в целях «влияния на подбор личного состава судебных работников, финансирования судебных учреждений и разрешения вопросов их строительства в законодательных актах». В то же время кассационный контроль имеет иную сферу применения, он используется по судебному надзору со стороны судебных инстанций, в особенности Верховного Суда РСФСР².

Функция, связанная с рассмотрением губернскими судами кассационных жалоб и протестов на приговоры и решения народных судов, в целом была понятна, но неясность возникала в связи с методом ее исполнения. Как признавал Н. В. Крыленко, «наш кассационный контроль не есть чисто кассационный контроль в чистом виде, заменяя его или совмещая его одновременно с ревизионным осмотром дела и допуская жалобы на явную несправедливость приговора». При этом он находил такой порядок настолько полезным и целесообразным, что «его не только нельзя отрицать, но его должно приветствовать, и прежде всего потому, что чем шире ревизионные права кассационной коллегии, тем больше гарантии, что не понадобится расширение прав по экстраординарному направлению дел на пересмотр в порядке судебного надзора»³.

Но если апелляциянная инстанция дает наибольшие гарантии выявления и устранения судебных ошибок, то почему советская власть не желает конституировать ее в практику советского правосудия, учитывая к тому же профессиональный состав народных су-

¹ См.: *Р. Е.* О ревизии народных судов // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 16. С. 375—376.

² См.: Резолюции V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12—13. С. 305.

³ *Крыленко Н. В.* Тезисы доклада по п. 4 повестки дня V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции: «Вопросы судебного надзора» // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12—13. С. 298.

дей? И на это вопрос Н. В. Крыленко также дает исчерпывающий ответ, уверяя в том, что расширение предмета ревизии «не должно восходить до превращения кассационного порядка в апелляционный в чистом виде, т. е. до пересмотра дела по существу. Основные гарантии процесса, заключающиеся в его устности и публичности, не могут быть приносимы в жертву фикции правильности нового решения кассационной инстанцией, основанного только на предпосылке большей авторитарности членов кассационной инстанции». Изменения, вносимые в приговоры и решения кассационной инстанцией, будучи основанными «только на явно неправильном применении или толковании законов, не вынуждают направления дела для нового рассмотрения по существу»¹.

Итак, оказывается, все дело состоит в недостаточной полезности кассационной инстанции, не способной понять суть дела и готовой подвергнуть сомнению приговор или решения народного суда, правосудность которых гарантируется такими бесспорными средствами, как устность и публичность. Другое дело — кассационная инстанция. Она не проводит оценку дела по существу, а отменяет принятые по нему решения лишь в таких бесспорных случаях, как неправильное применение или толкование закона и, самое главное, не требует направления дела на новое рассмотрение. Однако в данном случае Крыленко неверно толкует, в частности, ст. 412 УПК РСФСР, согласно которой губернский суд «при обнаружении нарушений закона, влекущих за собой отмену приговора, отменяет таковой и *направляет дело на новое рассмотрение*».

Более того, кассационная инстанция, как и апелляционная, вопреки уверениям Крыленко не может обойтись без анализа существа дела. Статьей 414 УПК РСФСР признаются недостаточность и неправильность проведенного следствия как основание отмены приговора в кассационном порядке. Но прежде чем применить это основание, кассационная инстанция должна изучить материалы дела, вникнуть в его содержание и при наличии достаточных оснований противопоставить действительное решение «фикции правильности решения, вынесенного в условиях гласности и публичности», признав, что приговор не соответствует сути и содержанию дела. Ибо действительным критерием его правосудности выступают не внешние факторы, а внутренние, в первую очередь полное и достоверное знание судом реально сущих событий и фактов.

Что касается соотношения кассационной и надзорной инстанций, то, конечно, советские идеологи ошибались в пользу социали-

¹ Крыленко Н. В. Тезисы доклада по п. 4 повестки дня V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции: «Вопросы судебного надзора». С. 298.

стического строительства. Советскому правосудию, народные суды которого сплошь и рядом состояли из полуграмотных непрофессионалов, апелляционная инстанция была не только не нужна, но и прямо противопоказана. Если бы она поступала сообразно своему статусу, то как минимум половина приговоров и решений возвращалась бы на новое рассмотрение либо прекращалось их действие, что стало бы равносильным коллапсу всей системы, не способной надлежащим образом исполнять правосудие. Если бы апелляционная система следовала партийным установкам, то от нее также не было бы большой пользы: кассационная и надзорная инстанции с таким же успехом могли не замечать неправомерных судебных решений. Как видим, государство, отказавшись от апелляции, качество правосудия не получило, но поимело определенную материальную выгоду.

Несмотря на двойную проверку кандидатов на должности губернских судебных сотрудников при избрании губисполкомом и утверждении Наркомюстом, избежать кадровых ошибок все же не удалось. Дисциплинарные коллегии приступили к работе практически сразу же с приходом сотрудников на вакантные места. За первую половину 1923 г. эти коллегии рассмотрели 452 дисциплинарных дела в отношении 12 членов губсуда, 12 уполномоченных губсуда, 200 народных судей, 9 членов коллегии защитников и других работников. При этом 31% дисциплинарных дел составляли незаконные действия; 28% — действия, связанные с дискредитированием власти; 41% — халатное отношение к работе. По 15% дел применены взыскания в виде выговоров, замечаний, предупреждений и увольнений; такое же количество дел направлено для производства следственных действий. Обвинения были сняты как необоснованные по 18% дел. При этом дисциплинарная коллегия неоднократно выходила за пределы своих полномочий, привлекая к дисциплинарной ответственности членов коллегии защитников, которые несут ответственность за упущения по работе в другом порядке и в другой организации. В борьбе с дисциплинарными проступками дисциплинарные коллегии, к сожалению, не были безупречны и в других случаях¹.

Согласно принципу разделения государственных властей судебное управление, действующее в целях создания надлежащих организационных и материальных условий работы судов, и непосредственное судопроизводство представляют собой разные сферы, в которых достигаются наиболее значимые успехи, когда эти сферы действуют порознь, но в одном направлении. Однако советская власть периода

¹ См.: Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г. С. 1181.

нэпа думала иначе. По словам Крыленко, в губернском суде она видела «прежде всего администрирующий, управляющий судебный центр — таков должен быть исходный, отправной пункт работы каждого губсуда на ближайший период. Губсуд ответственен за каждый промах народного суда — такова должна быть аксиома, исходя из которой должен будет подходить к оценке деятельности губсуда каждый из его членов»¹.

Парадокс состоял в том, что высокую миссию судебного управления губернский суд должен был нести на *общественных началах*, ибо никто его от осуществления правосудия по уголовным и гражданским делам не освобождал и освобождать не собирался. Потребность в общественной миссии губсуда возникла лишь потому, что Наркомюст в целях экономии государственных средств ликвидировал губернские и уездные отделы юстиции. То, что ранее поручалось отделу юстиции как органу управления без непосредственного участия в правосудии, теперь должен был делать губернский суд примерно таким же штатом, ориентированным на выполнение функций суда первой и второй инстанций, а уж на общественных началах — губернского отдела юстиции, т. е. трудясь за себя и «за того парня», поскольку работа предстояла немалая.

Характерно, что ни Положение 31 октября 1922 г, ни иной закон или акт советского Правительства не содержали перечня направлений деятельности губернского суда в сфере судебного управления, как того требует логика любого положения о создаваемом или функционирующем органе. Перечень был изложен лишь безымянными работниками Наркомюста, подготовившими «Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г.». Авторы Отчета пошли дальше Крыленко, признав, что «административная деятельность губсудов охватывает и объединяет не только работу народных судов, но и всех советских органов, имеющих то или иное отношение к судебной работе. Она выражается в следующем: 1) в инструктировании и ревизии народных судов и народных следователей, 2) в организации совещаний судработников и учебной подготовки их, 3) в наблюдении за деятельностью уполномоченных, 4) в наблюдении за функционированием института народных заседателей, 5) в наблюдении за деятельностью дисциплинарных коллегий губсудов, 6) в наблюдении за исполнением судебных решений, 7) в организации нотариата и наблюдении за его деятельностью, 8) в наблюдении за организацией юридической по-

¹ Крыленко Н. В. Тезисы доклада по п. 3 повестки дня V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции: «Губернский суд и ближайшие мероприятия в сфере его деятельности» // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12—13. С. 296.

мощи населению, 9) в наблюдении за комиссиями: по делам о несовершеннолетних, земельными и арбитражными, 10) в работе по районированию участков нарсудов и нарследователей и 11) в финансово-хозяйственной деятельности»¹.

Итак, чеканная формулировка ст. 48 Положения от 31 октября 1922 г. о том, что председатель и два его заместителя несут всю ответственность за правильную постановку всей работы в губернском суде и во всех подчиненных ему учреждениях, при первой же попытке ее перевода на практические рельсы показала свою несостоятельность. Три человека при всем желании не способны закрыть 11 направлений управленческой, оперативно-организационной деятельности в регионе. Лишь Балда, да и то в сказке, мог работать за семерых. А в данном случае речь идет о сложном, многоаспектном, трудоемком, во многом неясном управлении народными судьями, к тому же не имеющими профессионального юридического образования. Что не говори, а без восстановления отделов юстиции ничего не исправишь. Но не таков коммунист Крыленко, чтобы сдаваться, — нашел выход.

Постановлением ВЦИКа от 7 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Положения о судеустройстве РСФСР»² была принята специальная глава, узаконившая новый институт в сфере правосудия — уездного уполномоченного губернского суда, понятно же, с самыми благими намерениями, «в целях укрепления постоянной связи губернского суда с подчиненными его органами на местах и проведения необходимых распорядительных действий в области административно-финансового управления». Все бы хорошо — и цель, и институт, если бы предписание и исполнялось специально уполномоченным органом. Однако эта функция должна была реализовываться на *сугубо общественных началах* одним из народных судей уезда, назначаемым на новую должность пленумом губернского суда. Одно утешение, что уездный судья получал права члена губернского суда. В то же время за это эфемерное, ничего не стоящее в материальном отношении возвышение платить приходилось по самому высокому счету.

Согласно ст. 76 Положения о судеустройстве РСФСР с этими изменениями уездный уполномоченный губернского суда помимо своих *судейских* обязанностей должен был: а) вести наблюдение за работой действующих на территории уезда нотариата, бюро колле-

¹ Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г. С. 1179.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства, издаваемое НКЮ. Отд. I. 1923. № 48. Ст. 481. С. 888—896.

гии защитников, судебных исполнителей; б) разассигновывать кредиты, отпускаемые на уезд; в) командировать народных судей в комиссии по делам о несовершеннолетних, — и заниматься еще другими тому подобными делами. По поводу того, чем это обернулось на деле, приведем выдержку из опубликованного в «Советской юстиции» письма одного из народных судей, облеченного подобным высоким доверием: «Нам необходимо отказаться от совместительства должности нарсудьи и уполномоченного, если мы хотим сохранить институт уполномоченных, а он нам крайне необходим... уполномоченный должен содержаться на государственные средства и его положение должно быть во всех отношениях приравнено к положению членов губсудов».

Логика дела говорила в пользу профессиональной и платной деятельности. Нарком юстиции на словах придерживался этой логики, а на деле экономию бюджетных средств ставил впереди дела, смешивая такие несовместимые вещи, как апелляцию и кассацию, правосудие и управление правосудием. Соответственно система правосудия, будучи в 1920—1950-х гг. перекошенной в своих ведущих принципах, по определению не могла действовать эффективно, несмотря на постоянные призывы Наркомата юстиции «поднять», «усилить», «ускорить» и даже угрозы строгой юридической ответственности. Как свидетельствует Сводный отчет губернских и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г., составленный I Отделом Наркомюста, сотрудники губернских судов в течение первого полугодия своей деятельности сумели освоить большую часть своих новых служебных обязанностей и оперативно исполнять их, хотя и не всегда на должном, качественно совершенном уровне¹.

К подсудности губернских судов по уголовным делам относились, во-первых, наиболее сложные преступления, традиционно не рассматриваемые народными судами, во-вторых, все преступления, ранее подсудные революционным трибуналам. Коль скоро законодатель и Наркомюст сильно опасались, что губернский суд при рассмотрении преступлений, ранее подсудных революционному трибуналу, со своей задачей может не справиться, если станет применять все без какого бы то ни было исключения нормы процессуального права, то сохранили его процессуальные привилегии революционного трибунала. Губернскому суду, как и военным трибуналам, дозволялось применять определенные нормы, в том числе не допускать прения сторон, если суд признает дело достаточно выясненным на судеб-

¹ См.: Сводный отчет губернских и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г. С. 1178—1192.

ном следствии, а также прекращать допрос свидетелей в любой его момент при условии, что суд получил показания, для установления которых был вызван свидетель, и др. Но допущенные законом упрощения процесса практически не сказывались ни на интенсивности ведения дел, рассматриваемых губернскими судами, ни на качестве вынесенных приговоров.

Согласно Сводному отчету губернские суды в первой половине 1923 г. рассмотрели по первой инстанции 14 946 уголовных дел, т. е. примерно 40 дел на судью, и не смогли «разгрести завалы», накопленные их предшественниками — военными трибуналами; даже наоборот, число дел, оставшихся на конец года, возросло более чем в 2 раза: 33% приговоров губернских судов, вынесенных в первом полугодии 1923 г., были обжалованы в Верховный Суд РСФСР. Результаты кассации превзошли все ожидания. Кассационная инстанция отменила каждый третий приговор с высшей мерой наказания и отменила или изменила 65% приговоров по налоговым делам. Возникает вопрос: кто у кого должен учиться — народные судьи у губернских или наоборот?¹

Медленные темпы рассмотрения губернскими судами уголовных дел небесспорно мотивировались, в частности: 1) недостаточностью средств, отпускаемых на путевое довольствие, в силу чего суды не всегда имели возможность разбирать дела в выездных сессиях; 2) неявкой участников процесса из-за несвоевременности вручения повесток и доставки в суд их вторых экземпляров; вследствие чего большое количество дел откладывалось за неявкой кого либо из участвующих в деле; 3) рассмотрением губернскими судами в распорядительных заседаниях материалов предварительного следствия вопреки ст. 230 УПК².

Кассационно-уголовное отделение работало более интенсивно, чем уголовное. В порядке кассации им за этот же период было рассмотрено 52 741 уголовное дело, или 440 дел на один состав. Но надлежащее качество так и не было показано. Ревизоры и эксперты тех лет полагали, что судебные ошибки, допущенные в приговорах губернского суда, «происходят не столько из-за незнания законов, сколько вследствие небрежности, проявляющейся в несоблюдении тех или иных формальностей. Так, при прекращении дел по амнистии не указывалось, по какому основанию освобождается осужденный от ответственности; не конкретизировались действия, которые следует провести при доследовании возвращенного дела, встреча-

¹ См.: Сводный отчет губернских и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г. С. 1185.

² Там же.

лись случаи неподписания протоколов судебных и распорядительных заседаний, решений кассационных коллегий, заседания кассационных судов в отсутствие сторон. Решения кассационных коллегий выносятся без какой бы то ни было мотивировки и ссылок на статьи закона»¹.

Не было заметных успехов и в проведении ревизий работы народных судов: за первое полугодие 1923 г. все губернские суды РСФСР обревизовали 17% (457) нарсудов и 10% народных следователей, что позволило выявить отдельные недочеты правоприменительной деятельности народных судов и принять меры к исправлению этих недочетов. Однако сами ревизоры проявили себя не лучшим образом. Чаще всего у них не было определенного плана ревизий, работа исследовалась поверхностно, инструктаж на местах был недостаточным, а порой и неконкретным. Однако значительная часть плановых ревизий народных судов не проводилась из-за отсутствия денежных средств на командировки. Проведение же ревизий попутно с выездными сессиями на места оказывалось малоэффективным из-за дефицита времени. Акты ревизий нередко состояли из перечня выявленных недочетов без указания того, каким образом нужно действовать правомерно, без ссылок на соответствующие нормы материального и процессуального законодательства.

Недостаточный профессионализм членов губернских судов сказывался не только в актах ревизий народных судов, но и в разъяснениях губсудов по применению действующих законов и определениях кассационной инстанции. Издаваемые губернскими судами циркуляры зачастую страдали неясностью изложения: некоторые их положения были непонятны, искажали точный смысл тех или иных норм закона. Более того, отдельные циркуляры издавались не от имени губернского суда, не утверждались на пленуме, а исходили от инструкторско-ревизионного отделения. Нередко народные суды на свои запросы не получали четких квалифицированных ответов. Разъяснения во многих случаях даже искажали смысл закона². В кассационных определениях, в свою очередь, допускались излишняя подробность и длинноты. При описании обстоятельств дела в определении почти полностью приводились исковое прошение, решение суда первой инстанции и кассационная жалоба и, наоборот, сообра-

¹ Итоги ревизии Брянского, Гомельского, Витебского и Смоленского губсудов // *Еженедельник советской юстиции*. 1923. № 20. С. 471–472.

² См.: *Еднерал И., Гладышевский И.* По ревизии (Впечатления инструкторов-ревизоров НКЮ по обследованию Череповецкого, Северо-Двинского, Пермского, Вятского губсудов и областных судов областей Коми, Чувашской, Вотской и Марийской) // *Еженедельник советской юстиции*. 1923. № 41. С. 948.

жения, по которым решение отменено или жалоба оставлена без последствий, записаны настолько кратко, что зачастую не дают представления о том, в силу каких нарушений закона решение суда первой инстанции отменено¹.

Формированию единого подхода к кассационной практике губернских судов препятствовало непонимание сути кассационного рассмотрения, совмещенного, как уже говорилось, по воле Наркомюста и законодателя с апелляционным. Между судьями и их ревизорами постоянно шла полемика о необходимости и целесообразности на стадии кассации рассматривать дела по существу, об уровне и глубине такого рассмотрения. Например, ревизоры упрекали губернские суды в том, что они «при рассмотрении дел в кассационном порядке нередко входят в оценку доказательств, представленных сторонами на суде первой инстанции, превращая таким образом кассационную инстанцию в суд, разбирающий дело по существу. Подобный порядок рассмотрения кассационных жалоб находит отражение в кассационных определениях в виде указаний кассационного суда на то, что суд первой инстанции неправильно поверил одним свидетельским показаниям, не дав веры другим, и т. д.»².

Отмеченные и иные недостатки губернских судов на стадии их становления частично были устранены в дальнейшем за счет освоения судьями специфики правоприменения норм процессуального и материального права, совершенствования организационно-управленческой работы, повышения уровня материального обеспечения деятельности и увеличения заработной платы. Некоторые доводы в пользу такого оптимистического вывода дает, в частности, статистический анализ показателей губернских судов в 1925 г. По сравнению с 1923 г. заметно возросла нагрузка на одного члена уголовного отделения и составила 227 дел в год, однако число кассационных жалоб на приговоры губернских судов несколько сократились и, самое главное, 11 губернских судов не имели ни одного дела, возвращенного из Верховного Суда РСФСР. В 1925 г. нагрузка губернских судов по гражданским делам по первой инстанции была незначительной и составила 29 дел на одного судью. Примерно каждое пятое решение было обжаловано в Верховный Суд РСФСР в кассационном порядке, и процент возврата гражданских дел губернским судам на

¹ См.: По ревизии губсудов (Из наблюдений инструкторов-ревизоров НКЮ) // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 35. С. 807.

² Там же.

новое рассмотрение пока что оставался достаточно высоким¹. Гражданское право, таким образом, вследствие его большого объема и сложности понимания ряда его ведущих институтов требовало более длительного периода освоения судьями, нежели уголовное право.

Сложившаяся система органов регионального правосудия «губернский суд — народный суд» в 1923 г. была нарушена проводимой в стране административно-территориальной реформой, имеющей конечной целью освободиться от дореволюционного и порядком надоевшего деления страны на губернии, уезды и волости. Начало реформе положило образование постановлением ВЦИКа от 3 ноября 1923 г. Уральской области, в состав которой были включены упраздненные Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская губернии². Декретами ВЦИКа и СНК РСФСР от 11 января 1924 г. «Положение об Уральском областном суде»³ и от 18 февраля 1924 г. «О судеустройстве в Уральской области»⁴ образованы областной суд Уральской области и областная прокуратура. При этом никакие существенные изменения в действующем законодательстве о правосудии не предусматривались. Согласно ст. 2 Декрета «О судеустройстве в Уральской области» все судебные органы в этой области образовывались и работали на основании Положения о судеустройстве РСФСР, а правила, установленные в отношении губернских судов, распространились на областной суд Уральской области. Главные изменения состояли лишь в том, что в Перми, Челябинске и Тюмени были организованы три постоянные сессии областного суда для повышения доступности для населения органов правосудия.

С 1924 г. по январь 1929 г. на территории РСФСР ежегодно учреждались новые территориальные единицы — края и области, «подминающие под себя» прежние губернии. В тот период в РСФСР существовали две параллельные и не зависящие одна от другой судебные системы: 1) «губернские суды — уездные народные суды»; 2) «краевые (областные) суды; окружные суды — районные народные суды». Согласно Положению от 19 ноября 1926 г. в краевых и областных административно-территориальных объединениях действовали краевые и окружные суды, при этом последние — в статусе губернских судов, за некоторым изъятием.

¹ См.: *Тарновский Е.* Губернские (областные) и краевые суды за 1925 г. С. 1063—1064.

² См.: *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства*, издаваемое НКЮ. Отд. I. 1923. № 103—104. Ст. 1028. С. 1763—1786.

³ *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства*, издаваемое НКЮ. Отд. I. 1924. № 18. Ст. 181. С. 236—238.

⁴ *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства*, издаваемое НКЮ. Отд. I. 1924. № 20. Ст. 194. С. 266—267.

Постановлением ВЦИКа от 1 октября 1929 г. завершился переход от губернского, уездного и волостного деления на окружное и районное¹, соответственно с этой даты прекращается история губернских судов, их повсеместно, на всей территории РСФСР, заменяют краевые, областные и окружные суды.

Сложившаяся административно-территориальная система существовала недолго, партия и Правительство усмотрели в ней лишнее звено — округа, и постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. «О ликвидации округов» было признано необходимым к 1 октября 1930 г. упразднить округа². Их судьбу, естественно, разделили действовавшие на окружном уровне судебные учреждения. Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. «О реорганизации местных органов юстиции в связи с ликвидацией округов» предписывалось упразднить окружные суды, а рассматриваемые ими по первой инстанции дела передать частью в народные суды, а частью — в краевые (областные). Кассационной инстанцией в отношении всех дел, рассматриваемых народными судами, назначался краевой (областной) суд. Система региональных судов окончательно приняла двухэлементную структуру: «краевой (областной) суд — районный народный суд»³.

Положение о судеустройстве РСФСР от 19 ноября 1926 г. не произвело особых революционных преобразований в организации и работе губернского суда, новеллами этого Положения конкретизировались и уточнялись прежде всего предписания, которые, по мнению законодателя, не были оптимальными с точки зрения эффективного действий данного органа советского правосудия. Тем не менее две меры заслуживают внимания современного читателя.

Положением легализовался правовой статус уездного уполномоченного губернского суда, который не предусматривался Положением от 1922 г., однако, как помним, был создан волей Наркомата юстиции. Один из народных судей в дополнение к своим судебским обязанностям должен был действовать на общественных началах, но отвечать за все состояние правосудия в уезде. Практика показала жизненность и полезность такой должности, но только с меньшим объемом обязанностей и надлежащей материальной поддержкой из государственного бюджета. С учетом этих условий был зако-

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. 1929. Отд. I. № 10. Ст. 116. С. 139.

² См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1930. Отд. I. № 37. Ст. 400. С. 676—678.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. 1930. Отд. I. № 51. Ст. 627. С. 805—806.

нодательно закреплён правовой статус уездного уполномоченного, Положением от 19 ноября 1926 г. определены его реально выполнимые обязанности и выделена материальная поддержка. В его пользование предоставлялся технический аппарат участка народного суда, в котором он состоял народным судьей, с соответствующим увеличением штата, относимого на государственный бюджет.

Вторая мера была ориентирована на расширение авторитарных начал управления губернским судом и состояла в частичном сокращении в пользу его председателя и президиума полномочий пленума в сфере кадровой политики. Во-первых, право пленума возлагать дисциплинарную ответственность на народных судей и иных должностных лиц, подведомственных губернскому суду, перешло к председателю суда. Только за ним было закреплено право возбуждать дисциплинарное преследование. За пленумом сохранилось лишь разрешение вопросов отстранения от должности или исполнения отдельных полномочий лиц, привлекаемых к дисциплинарной ответственности. Во-вторых, в ведение президиума передавалось принадлежащее пленуму право распределения членов губернского суда по отделениям, назначать ревизии народных судов и народных следователей, назначать и перемещать следователей.

Демократическим основам формирования и проведения кадровой политики пленумом губернского суда был нанесен достаточно ощутимый удар. Бесповоротное же его отлучение от кадровой политики и вообще от управления делами правосудия состоялось через два года, благословленное постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 17 декабря 1928 г. «Об изменении и дополнении ст. ст. 47, 48, 49, примечания к ст. 51, ст. ст. 53, 54, 56, 97, 114, 119, 122, 132, 133 и 135 Положения о судостроительстве РСФСР»¹. Постановление окончательно утвердило принцип единоначалия в сфере управления губернским судом, возложив на его председателя общее руководство работой всех подразделений губернского суда и подведомственных ему учреждений.

Органом, формально прикрывающим авторитарный режим судейского управления, стал президиум, которому было передано решение всех вопросов кадровой политики, что ранее делал пленум. Последний превратился в своеобразный методический центр, ориентированный на толкование неясных норм права и оказание методической помощи подведомственным губернскому суду учреждениям и должностным лицам посредством утверждения наказов и

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. 1928. Отд. I. № 3. Ст. 33. С. 38—41.

инструкций. За пленумом сохранялось право заслушивать по результатам ревизий народных судов доклады президиума губернского суда о деятельности специальных судов и иных учреждений, связанной с осуществлением правосудия, а также рассматривать представления губернского прокурора и председателя губернского суда об отмене вошедших в силу приговоров и решений народных судов и определений кассационных отделений. Как оказалось, последнее правомочие пленума не было абсолютным.

Законодатель признал возможным в некоторых губернских судах передавать функцию пересмотра приговоров, решений и определений кассационных отделений президиуму суда, действующему в расширенном составе. Передача могла осуществляться лишь особым постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР. Расширенный состав включал в себя: председателя губернского суда, его заместителя, заведующих кассационными отделениями, члена суда, курирующего инструкторско-организационный отдел, и пять членов губернского суда, привлекаемых по очереди.

Из текста постановления не представляется возможным установить мотивы, которыми руководствовался законодатель, допуская в порядке исключения процедуру пересмотра приговоров, решений и определений кассационных отделений президиумом губернского суда в расширенном составе. Периодическая печать тех лет, в том числе основной орган Наркомюста — «Еженедельник советской юстиции», также уклонилась от комментирования и оценок этой законодательной меры. Приходится лишь предполагать, что подобная мера была принята с учетом курса партии на «свертывание» нэпа и порожденной им демократии, а также грядущих репрессивных мер, потребность в которых могла возникнуть вследствие поставленного в повестку дня перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы. Ибо ведущие идеологи партии и советского государства были уверены в том, что борьба противников советской власти с ее мерами неизбежно возникнет сразу же, как будет взят курс на интенсивное построение основ социалистического общества, требующего максимального напряжения всех сил и энергии советского народа.

Глава 13. Верховный Суд РСФСР

Положение о судостроительстве РСФСР от 31 октября 1922 г. закрепило правовой статус Верховного Суда РСФСР со значительными пробелами, что свидетельствует об отсутствии на тот период у советских идеологов четких представлений о том, каким по сути должен быть данный орган, какие функции он призван исполнять, на

какой срок следует избирать членов суда и каким требованиям они должны удовлетворять. Статья 55 Положения, устанавливающая статус Верховного Суда РСФСР, начинается предписанием: «Верховный Суд действует в составе...». А где же предписание о том, в каком качестве этот Суд действует? Их нет. Спасают Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик 1924 г., которые квалифицируют верховные суды союзных республик в качестве *органов высшего судебного контроля и непосредственного руководства судебной практикой*.

Как орган высшего судебного контроля Верховный Суд РСФСР был правомочен рассматривать все кассационные жалобы и протесты на приговоры и решения губернских судов и трибуналов. Кроме того, в порядке надзора Верховный Суд мог истребовать любое уголовное или гражданское дело из производства любого суда Республики для его просмотра в порядке надзора и при наличии существенных нарушений материального или процессуального права отменить приговор, решение и направить дело для нового рассмотрения в тот же народный или губернский суд, либо изменить состоявшееся решение, либо прекратить дело. Будучи органом непосредственного руководства судебной практикой, Верховный Суд РСФСР толковал законы по вопросам судебной практики, а также издавал постановления и циркуляры по вопросам применения судами действующего законодательства.

По правилам законодательной техники изложенное общее положение общесоюзного закона, определяющее основы республиканского законодательства, подлежало неременному воспроизведению в Положении от 31 октября 1922 г. Однако республиканский законодатель не спешил инкорпорировать подобные нормы. Ни в изменениях, постоянно вносимых в Положение, ни во вновь принятом Положении о судостроительстве РСФСР 1926 г. статус Верховного Суда РСФСР так и не был установлен. Решение по этому вопросу официально в российском законодательстве состоялось лишь в 1937 г. в Конституции РСФСР, определившей Верховный Суд РСФСР как высший судебный орган, осуществляющий надзор за судебной деятельностью всех судебных органов РСФСР.

В Положении не указывались, требования, которым должны удовлетворять члены Президиума и члены коллегий Верховного Суда РСФСР: Президиум ВЦИКа разберется, кто достоин этих постов, а кто — нет. Вполне возможно, что разберется, но для общественного контроля, для широких слоев населения все же следовало бы назвать качества, за которые людей берут на высшие государственные должности. Между тем, как следует из комментариев П. И. Стучки, на

должностях «красных сенаторов» каждый третий — выходец из рабочих, и все, как один, партийцы с дореволюционным стажем, участвовавшие «в первом Питерском совете рабочих депутатов и в Гапоновской организации»¹. Получается, что их юридическая квалификация не так далеко ушла от квалификации судей, которых они будут контролировать и обязанности которых будут исполнять. Пробел был восполнен Положением от 19 ноября 1926 г., предписавшим, что члены Верховного Суда должны удовлетворять требованиям, необходимым для занятия должности председателя губернского суда.

В Положении от 31 октября 1922 г. не указан срок, на который избираются «сенаторы». В ст. 57 Положения говорится лишь о том, что председателя и членов Верховного Суда никто не может ни отозвать, ни отстранить от должности, кроме Президиума ВЦИКа. Отсутствие предписаний об их последующем переизбрании невольно порождает предположение об их бессрочном избрании, что также плохо согласуется со статусом вынужденных проходить ежегодное переизбирательное «аутодафе» судей нижестоящих судебных органов. В Положении также нет специальных норм, закрепляющих функции Верховного Суда РСФСР. Их можно только логически вывести из новелл, определяющих компетенцию Пленума, Президиума и иных структурных компонентов данного органа. Между тем по правилам законодательной техники все должно быть наоборот. Компетенция звеньев, составляющих государственный орган, задается его функциями и предписаниями, излагаемыми в начале соответствующего нормативного правового акта. В законе общее предшествует частному, а не выводится из него посредством толкования, дабы не порождать неясностей в понимании этого общего и основанного на них многообразия его индивидуальных трактовок.

Постановлением ВЦИКа от 18 января 1923 г. был назначен постоянный состав Верховного Суда РСФСР. Председатель — П. И. Стучка, его заместитель — О. Я. Карклин. Председатель судебной коллегии по уголовным делам — А. А. Сольц; члены коллегии: Н. М. Немцов, М. И. Чельшев, Я. Х. Петерс, М. М. Бэк. Председатель кассационной коллегии по уголовным делам — А. В. Галкин; члены коллегии: Я. Я. Кронберг, Г. Я. Мэрен, В. Д. Фельдман. Председатель кассационной коллегии по гражданским делам — С. В. Александровский, его заместитель — Н. Н. Овсянников; члены коллегии В. С. Селезнев, З. Л. Ножкина, А. А. Лисицын. Председатель военной коллегии — В. В. Ульрих, его заместитель — В. В. Сорокин; члены коллегии: Н. И. Татаринцев, В. И. Никифоров, Ю. И. Денисов,

¹ Стучка П. И. Мысли о нашем правосудии. В порядке дискуссии. С. 313—314.

П. Г. Пострейтер. Председатель военно-транспортной коллегии — Ю. Ю. Межин, его заместитель — Ф. В. Линде; члены коллегии: Х. П. Крумин, А. П. Егоров, Д. В. Усов, К. Н. Бедняков. Президиум ВЦИКа 3 мая 1923 г. утвердил судебную коллегия по гражданским делам в составе: председатель — П. А. Лебедев, его заместитель А. М. Стопани; члены коллегии: Ф. В. Сафонов, И. Я. Цейликман¹.

Система функций Верховного Суда РСФСР (за отсутствием ее официального законодательного закрепления) в изложении П. И. Стучки выглядит следующим образом: «С введением реформы 1922 г. кассационные функции и функции надзора над всеми губсудами и всеми трибуналами занимают в Верховном Суде настолько подавляющее место, что судебные функции в качестве первой инстанции занимают лишь незначительное, сравнительно, место. Конечно, и судебные функции по важнейшим политическим и служебным делам играют и будут играть весьма важную роль в жизни Верховного Суда, но основная его задача впредь, по-видимому, будет заключаться в надзоре за всеми судебными местами РСФСР... Главная работа Верховного Суда все-таки относится к объединению всей судебной практики РСФСР. Замеченные недостатки, недоразумения, непонимания (а всего этого чересчур много в практике наших новых и небогатых опытом судов и судебных деятелей) тут же исправляются, и не только путем отмены или изменения решения, но и путем специального разъяснения. В более общих случаях — путем циркулярных разъяснений. К этому надо прибавить еще специальные ревизии, возбуждение и рассмотрение дисциплинарных дел, чтобы верно оценить объем полномочий Верховного Суда... Верховному приходится заниматься и проведением судоустройства в автономных республиках и областях»².

Таким образом, распространенная характеристика системы функций Верховного Суда РСФСР как совокупности, единства контроля, надзора, рассмотрения дел по первой инстанции и руководства судебной практикой является неполной³. П. И. Стучка со знанием дела, обоснованно дополняет их еще двумя функциями: рассмотрением дисциплинарных дел и проведением судоустройства в автономных республиках и областях, важными в условиях нэпа, на стадии становления системы советского правосудия. Обе названные функции составляли важнейшие направления деятельности высшего судебного органа России. Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РСФСР способствовала не только оперативному освобождению су-

¹ См.: *Смирнов Н. Г.* Репрессированное правосудие. М., 2001. С. 9—10.

² *Стучка П. И.* Мысли о нашем правосудии. В порядке дискуссии. С. 314.

³ См.: *Бабенко В. И.* История отечественного государства и права. М., 2016. С. 260.

дейского корпуса среднего и высшего звеньев от нарушителей законности, но и оказывала общепреventивное воздействие на всех судей, ориентируя их на добросовестное исполнение служебных обязанностей и неукоснительное следование закону. В период нэпа действенная помощь Верховного суда РСФСР автономным республикам и округам в организации эффективного правосудия позволила ускорить успешное решение задач по формированию собственных национальных органов правосудия.

С учетом указанных функций была законодательно определена организационная структура Верховного Суда РСФСР из пяти компонентов: 1) Президиума; 2) пленарного заседания; 3) кассационных коллегий по уголовным и гражданским делам; 4) судебной, военной и военно-транспортной коллегий; 5) дисциплинарной коллегии.

На Президиум Верховного Суда РСФСР возлагалось оперативное управление его делами, обеспечение согласованного действия всех остальных звеньев высшего судебного органа, в том числе распределение обязанностей между членами Верховного Суда, утверждение отчетности отдельных коллегий и составление отчетности по Верховному Суду. Основные обязанности Президиума сводились: к надзору за судебными местами посредством назначения специальных ревизий губернских судов и иных приравненных к ним по положению судов и заслушанию результатов этих ревизий; возбуждению дисциплинарного производства против членов Верховного Суда, председателей губернских судов и равных им судов; применению дисциплинарных взысканий. Президиуму же принадлежало право созыва пленарных заседаний Верховного Суда.

Президиум Верховного Суда РСФСР состоял из председателя Верховного Суда, его заместителя, председателей кассационных коллегий, председателя судебной коллегии, председателей военной и военно-транспортной коллегий. В целях обеспечения самостоятельности Президиума входящие в него лица назначались Президиумом ВЦИКа непосредственно, без их согласования с другими юридическими органами РСФСР.

Пленум Верховного Суда РСФСР обеспечивал коллегиальное и демократическое решение дискуссионных вопросов, возникающих в судебной практике, в целях ее унификации и единообразного применения судами Республики. В Пленум входили все члены Верховного Суда без какого бы то ни было исключения. Пленум был правомочен при наличии не менее половины всего числа членов Верховного Суда и проводился под руководством председателя или его заместителя. В числе первоочередных и особенно значимых направлений

деятельности Пленума выделялись: работа, связанная с правильным толкованием законов, касающихся судебной практики; рассмотрение, отмена и изменение приговоров судебных и кассационных коллегий Верховного Суда, иных судов; выборы дисциплинарной коллегии Верховного Суда.

Кассационные коллегии по уголовным и гражданским делам рассматривали кассационные жалобы и протесты на приговоры губернских судов и военных трибуналов, а также решения губернских судов по гражданским делам. Коллегии действовали под личным наблюдением и руководством председателя Верховного Суда, который был правомочен принять на себя председательствование по любому делу, рассматриваемому в кассационных коллегиях. Судебное заседание кассационной коллегии проводилось в составе председательствующего и двоих постоянных членов кассационных коллегий.

Судебная часть Верховного Суда РСФСР, возглавляемая заместителем председателя Верховного Суда, состояла из судебной коллегии по уголовным делам, военной и военно-транспортной коллегий, правомочных рассматривать уголовные дела по первой инстанции, и судебной коллегии по гражданским делам. Заседания судебных коллегий как по гражданским, так и по уголовным делам проводились в составе трех лиц, одно из которых назначалось председательствующим. Члены судебной коллегии Верховного Суда РСФСР назначались Президиумом ВЦИКа по представлению Наркомюста, тогда как члены военной и военно-транспортной коллегий назначались Президиумом ВЦИКа по представлению Реввоенсовета Республики и Наркомата путей сообщений и при наличии положительного заключения о них Наркомюста.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда, состоявшая из председателя, которым мог быть один из членов Президиума Верховного Суда, и двух членов Верховного Суда, избиралась Пленумом. Срок, на который избиралась комиссия, законодатель не определил.

Первое изменение в составе Верховного Суда РСФСР состоялось 23 ноября 1923 г. в соответствии с Декретом ЦИКа СССР, утвердившим Положение о Верховном Суде СССР, которым военная коллегия Верховного Суда РСФСР была преобразована в военную коллегия Верховного Суда СССР. Одновременно Декретом ВЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. «Об упразднении военно-транспортных трибуналов» работа этих трибуналов прекратилась, а подсудные им дела были отнесены к подсудности общих судов. Положение о судостроительстве РСФСР было приведено в соответствие с общесоюзным законо-

дательством постановлением ВЦИКа от 16 октября 1924 г. «О дополнениях и изменениях Положения о судоустройстве РСФСР».

Другое крупное и катастрофическое для подлинного правосудия изменение состоялось с принятием постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 30 января 1928 г. «О порядке руководства судебными органами РСФСР», которым председатель Верховного Суда одновременно назначался заместителем наркома юстиции. Занятие председателем Верховного Суда двух должностей — собственно судебской и чиновничьей, наркоматовской — порождало дуализм его управленческой деятельности. Хотя судебное управление по-прежнему подчинялось председателю Верховного Суда, но руководство велось им в статусе заместителя наркома юстиции и силами специального отдела Наркомюста. Непосредственное руководство судебной практикой и осуществление единой судебной политики должен был обеспечивать все тот же председатель Верховного Суда, но уже в собственной ипостаси и силами собственного ведомства. Соединение постов П. И. Стучкой состоялось 10 февраля 1928 г., когда постановлением СНК РСФСР он был утвержден в должности заместителя наркома юстиции по судебной линии.

К этому времени деятельность Верховного Суда РСФСР достигла апогея, что не могли не признать другие учреждения, в том числе Наркомюст, в постановлении коллегии которого от 13 июня 1929 г. официально отмечалось, что высший судебный орган Республики придерживался правильной линии, «правильно проводил четкий классовый подход как в своей работе, так и работе местных судов, проводя в судебной практике гибкий подход в применении гражданского права в смысле приспособления его к условиям социалистического строительства»¹. В то же время показатели реализации его ведущих функций являются достаточно высокими. Речь идет прежде всего о данных, характеризующих Верховный Суд как кассационную и надзорную инстанцию по уголовным и гражданским делам.

В 1928 г. уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда рассмотрела в кассационном порядке 14 396 уголовных дел (в 1923 г. — 8656 дел) в отношении 30 849 осужденных. Коллегия оставила в силе 69,8% приговоров, тогда как в предыдущем году — 64,7%. Снижены меры социальной защиты по 23,3% приговоров, и лишь 3,9% приговоров были отменены и 3,1% — прекращены. В предшествовавшем году были отменены 7% приговоров и прекращены 4,1% дел. Таким образом, годовая нагрузка на члена уголовно-кассационной сессии

¹ Постановление коллегии НКЮ РСФСР по докладу о работе Верховного Суда РСФСР за 1928 г. // Ежедельник советской юстиции. 1929. № 29. С. 676.

равна 3599 делам. Уменьшение процента отмененных приговоров, по мнению Верховного Суда РСФСР, следует отнести за счет улучшения качества работы судов и большей увязки подхода судов первой инстанции и подхода Верховного Суда к разрешению вопроса о наличии степени социальной опасности, которая должна быть связана с преследованием лица в уголовном порядке¹. В свою очередь, важным фактором в повышении качества рассмотрения губернскими судами уголовных дел выступали разъяснения Пленума, циркуляры Верховного Суда РСФСР и постановления его президиума, основанные на материалах изучения и обобщения судебной практики, предписаний, вызывающих вопросы у значительной части правоприменителей.

Верховный Суд заметно снизил темпы работы по первой инстанции, особенно после ухода военной коллегии в Верховный Суд СССР в 1924 г. Всего за 1923—1928 гг. судебная коллегия по уголовным делам привлекла к уголовной ответственности 1099 обвиняемых, в том числе в 1923 г. — 758; в 1924 г. — 147; в 1925 г. — 56. В 1926—1928 гг. привлекались ежегодно 46 обвиняемых. Судебная коллегия по гражданским делам действовала также недостаточно активно: в 1923 г. рассмотрены по первой инстанции 92 дела; в 1927 г. — 72; в 1928 г. — 72 дела.

Менее значимы успехи гражданской кассационной коллегии: показатель отмены ею решений губернских судов по гражданским делам в 1928 г. составил 26,5%. Всего же кассационная коллегия в том году рассмотрела 4418 дел в кассационном порядке; 1712 — в надзорном порядке и 433 частные жалобы. Однако следует признать, что в предыдущие годы процент отмены решений был еще выше. В 1926 г. отменено 41,5% решений, в 1927 г. — 32,5%. Тенденция ежегодного снижения процента отмененных решений губернских судов в отчете Верховного Суда объясняется усилением деятельности гражданской кассационной комиссии «по инструктированию и руководству местными судами в повышении качества работы самих местных судов», а также тем, что «с каждым годом гражданской кассационной коллегией расширяется практика изменения решений судов по ст. 246 ГПК без передачи дела на новое рассмотрение... Если в 1927 г. ею изменено 2,9% рассмотренных ею кассационных дел, то в 1928 г. измененные решения составляли уже 10,3%»².

Определенный интерес представляют данные о правоприменительной деятельности дисциплинарной коллегии Верховного Суда

¹ См.: Как работал в 1928 г. Верховный Суд // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 29. С. 667—676.

² Как работал в 1928 г. Верховный Суд. С. 670.

РСФСР, которая в течение пяти лет рассмотрела по первой инстанции 160 дисциплинарных дел и в качестве второй инстанции — 555 дел. Характерно, что если число дел по первой инстанции неуклонно падало (с 49 дел в 1923 г. до 28 дел — в 1927 г.), то количество обжалуемых определений губернских дисциплинарных комиссий неизменно росло (с 60 решений в 1923 г. до 143 — в 1927 г.). Из 160 дел, возбужденных дисциплинарной коллегией Верховного Суда, 84 дела были прекращены, по четырем делам возбуждены уголовные преследования и только по 72 вынесены дисциплинарные взыскания за такие проступки, как халатность, волокита, неисполнение распоряжений. Из дел, рассмотренных по второй инстанции, дисциплинарная коллегия прекратила 143 (25,7%)¹.

Высокий процент прекращенных дисциплинарных дел свидетельствует о том, что независимое их рассмотрение дисциплинарной коллегией Верховного Суда РСФСР стало положительным фактором защиты судей и иных должностных лиц от произвольных, субъективных решений руководящих работников. Видимо, это обстоятельство и послужило ведущей причиной отмены постановлением Президиума ВЦИКа от 8 мая 1928 г. демократического порядка рассмотрения дисциплинарных дел с их передачей «в порядке подчиненности», как правило, на усмотрение того должностного лица, которое инициировало служебный конфликт.

Наряду с судебной деятельностью, разрешением уголовных и гражданских дел в первой и второй инстанциях Верховный Суд РСФСР придавал решающее значение достижению единства судебной практики, выработке у судей единого подхода к пониманию и применению законодательства, что было особенно важно при недостаточном профессионализме судейского корпуса на всех уровнях судебной системы. В этих целях аппарат Верховного Суда ежегодно проводил ряд ревизионных проверок работы губернских судов, высших судов автономных республик, а результаты обсуждались на ревизионных совещаниях и заседаниях коллегии Наркомюста. С 1927 г. дважды в месяц Верховный Суд РСФСР выпускал сборник «Судебная практика», в котором помещал руководящие разъяснения Пленума, определения судебных коллегий по конкретным делам, иные заслуживающие внимания судебные решения. Цель публикаций заключалась, в частности, в разъяснении нечетких положений законодательства, методов правильного и рационального решения определенных категорий дел.

Следуя общему курсу экономии материальных средств на правосудие, Верховный Суд привел данные о расходах на содержание

¹ Как работал в 1928 г. Верховный Суд. С. 672—673.

своего аппарата, из которых вытекает, что вопреки логике увеличение объемов работы данного судебного учреждения происходило на фоне неуклонного сокращения штатной численности этого аппарата. Если аппарат Верховного Суда в 1923 г. состоял из 353 штатных единиц, то к 1928 г. он сократился практически вдвое и составил 182 штатные единицы, а в связи с объединением с Наркомюстом собственный аппарат Верховного Суда и вовсе составил 77 человек. Приводятся данные и о стоимости одного дела, рассмотренного судом. Отмечается: «Если сопоставить все расходы с общим количеством дел как 1-й инстанции, так и кассационных, то прохождение каждого дела обошлось в 1924 г. — 18 р. 80 к., в 1925 г. — 12 р. 40 к., в 1926 г. — 10 р. 90 к., в 1927 г. — 12 р. 10 к. Если же сбросить расход по капитальному ремонту дома, расходы по выездным сессиям и содержание штата 1 инстанции, то каждое кассационное дело обошлось в 1924 г. в 15 р. 35 к., в 1925 г. — 12 р. 60 к., в 1926 г. — 9 р. 25 к., 1927 г. — 9 р. 15 к.»¹.

Высокие показатели конструктивной и слаженной работы Верховного Суда РСФСР, ориентированной на укрепление законности, стали возможны прежде всего благодаря его председателю Стучке, умело сочетавшему успешное решение практических и теоретических задач. Утверждение коллегии Наркомюста о том, что итоги его «практического руководства Верховным Судом сознают все до одного работника нашей судебной периферии», соответствует действительности, не является преувеличением, которым обычно грешат юбилейные поздравления. Ибо «правильность политической линии, настороженная чуткость старого революционера ко всем нюансам и оттенкам классовых взаимоотношений нашего общества, как они сказываются в судебной практике, принципиальная последовательность в решении вопросов и строгая партийность — эти ваши черты вы снесли и в вашу руководящую текущую работу»².

П. И. Стучка признавал необходимым для успеха деятельности Верховного Суда РСФСР и всей советской судебной системы точно определить и последовательно проводить в жизнь основополагающие принципы политики партии и советского Правительства. Из числа таковых решающее значение он придавал двум принципам: борьбе с формализмом судебных решений и правильному выдержанному классовому подходу к разрешению судебных дел, отразив эти принципы в едином лозунге — «минимум формы, максимум классового содержания». Правильность классовой политики, по мнению

¹ Как работал в 1928 г. Верховный Суд. С. 667.

² Приветствие коллегии НКЮ РСФСР // Советская юстиция. 1930. № 21. С. 5.

председателя Верховного Суда, означала единство трех условий: правильность ориентации судьи в вопросах общей политики, его гибкий подход к решению судебного дела и умение связать последствия конкретного правонарушения с особенностями каждого данного этапа социалистического строительства. Для этого необходимо по каждому делу уяснить себе социальные корни правонарушения и его зависимость от идеологии определенного социального строя. Пути преодоления формализма в правосудии Стучка видел в том, чтобы не отменять ни одного правильного приговора по формальным доводам, а также не оставлять в силе без изменения по формальным соображениям ни одного явно неправильного приговора¹.

Принципы советского правосудия Стучка выводил из разработанной им доктрины права как единства правового отношения, закона и идеологии, в котором ведущая роль остается за правоотношением. Потому в процессе правоприменения, особенно в условиях советского государства, качество законов которого остается недостаточно высоким и, возможно, не в полной мере правовым, судья не должен придавать большого значения предписаниям закона, не соответствующем сути рассматриваемого правоотношения. Стучка был уверен в том, что судья не должен слепо следовать формальным предписаниям, он обязан отклонить их и разрешить дело сообразно сути и содержанию конкретного правоотношения. Именно такой правильный приговор, считал он, не следует отменять по формальным доводам, закрепленным законом. И наоборот, формально верный, но неправильный по существу приговор подлежит незамедлительной отмене. Критерий правильности судебного решения избирается в соответствии с классовым подходом. Правомерно то, что защищает не только права, но и интересы трудящихся, интересы рабочего класса в целом.

Призыв председателя Верховного Суда РСФСР следовать «правильному праву» и не держаться за формально действующее право был проведен во множестве индивидуальных решений и общеобязательных установлений Пленума, циркулярах и в целом сыграл позитивную роль в деле стабилизации судебной практики, защиты прав и интересов трудящихся, формирования принципов и норм советского гражданского права, призванных обеспечить реальную защиту имущественных прав и интересов советского государства, его предприятий и учреждений. В то же время Стучка, отрицая буржуазное право в целом, недооценил роли таких ведущих принципов — гарантов эффективного действия правосудия, как независимость судебной

¹ См.: Как работал в 1928 г. Верховный Суд. С. 671—672.

власти от других ее ветвей, независимость и самостоятельность суда, неучастие суда в политических кампаниях исполнительной власти.

П. И. Стучка так же, как и Н. В. Крыленко, ни минуты не сомневался в том, что подчинение Верховного Суда Наркомюсту есть благо, позволяющее усилить значение судебных учреждений как активных проводников политики партии и советского Правительства. Но он не учел одной детали: суд в этом случае утрачивает свой важный атрибут — независимость правосудия и превращается в ординарный орган исполнительной власти, действующий формально по канонам правосудия, но вопреки его целям и задачам. Правосудие в статусе органа государственной власти, и это весьма ярко показала история советского суда 1930-х гг., становится источником беззакония в той же мере, в какой оно под видом правосудного решения оправдывает свой произвол или, что еще хуже, произвол должностного лица.

Таким образом, дата 10 февраля 1928 г., с которой председатель Верховного Суда занял одновременно пост заместителя наркома юстиции, означала конец истории нэповского, демократического правосудия и начало его вступления в новый, самый сложный и драматичный период истории советского государства и права — эпоху большого террора, которая в советской литературе тех лет признавалась временем перехода от диктатуры пролетариата к общенародному государству. Попытка построить демократическое советское правосудие по принципам дореволюционного суда не была воспринята партией в качестве достойной модели советского суда, его идеал по-прежнему виделся в красном терроре, к нему и были направлены отдельные меры на закате нэпа. Однако речь о них пойдет в следующих разделах и главах книги.

Раздел V

СПЕЦИАЛЬНОЕ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРАВОСУДИЕ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Глава 14. Дисциплинарные суды

История дисциплинарных судов как органа борьбы за социалистическую дисциплину труда подразделяется на два этапа. Первый характеризуется действием Декрета СНК от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение)», предписывавшего использовать дисциплинарные суды в целях поднятия и укрепления производственной и тарифной дисциплины посредством рассмотрения дел о нарушениях всеми работающими на предприятиях и в учреждениях общего нормального положения о тарифе, специальных дополнений к нему, правил внутреннего трудового распорядка, а также постановлений профсоюзных органов о трудовой и союзной дисциплине¹.

Суды належало создавать при местных (губернских, уездных и районных) отделениях производственных профсоюзов в составе трех членов: представителя от заводоуправления; представителя общего собрания членов профсоюза предприятия, в котором возник трудовой конфликт, и представителя от правления профсоюзного органа, при котором действовал суд. Право вынесения дела на рассмотрение товарищеского суда предоставлялось заводоуправлению предприятия, а также коллегиям (органам, их замещающим) учреждений, профсоюзам и их органам. Некоторые члены профсоюза правом обращения в суд не обладали, они могли лишь ставить вопрос о привлечении к товарищескому суду через фабрично-заводские комитеты и комитеты служащих.

Однако в годы гражданской войны дисциплинарные товарищеские суды действовали скорее на бумаге, нежели в реальной жизни. «Дисциплинарные суды мы все забыли, — признавался 30 декабря 1920 г. В. И. Ленин в речи на соединенном заседании делегатов

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. Ст. 537. С. 767—769.

VIII Съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов партии, — а «производственная демократия» без премий, без дисциплинарных судов — одна болтовня»¹. В частности, Цектран «не сумел перейти сам и помочь всем союзам перейти к более правильному быстрому и успешному применению товарищеских дисциплинарных судов»². Поэтому дальнейшее повышение трудовой дисциплины и культурных форм борьбы за нее Ленин напрямую связывал с дисциплинарными судами, а залог их успешности видел в самостоятельной деятельности, без вмешательства в функции правосудия и в функции управления³.

«Верные ленинцы» сочли нужным использовать дисциплинарные суды в иных целях. Постановлением 2-й сессии ВЦИКа X созыва от 7 июля 1923 г. было принято Положение о дисциплинарных судах, как отмечалось в преамбуле, в целях борьбы со служебными упущениями, проступками и неправильными действиями лиц, занимающих ответственные должности в государственных органах, если эти действия не подлежат наказанию в уголовном порядке.

Положение явилось результатом реализации многочисленных ленинских требований предавать суду должностных лиц, совершивших упущения по работе вследствие волокиты, комчванства, некомпетентных действий, бюрократического отношения к делу, которыми были искусственно созданы дополнительные препятствия на пути нормального, естественного хода правотворческой или исполнительной работы органов советского государства. В наказании должностных лиц в дисциплинарном (а не уголовном) порядке через суд В. И. Ленин видел эффективное средство борьбы с волокитой и бюрократией; повышения ответственности должностных лиц за надлежащую и успешную деятельность. В письме к П. А. Богданову он весьма точно сформулировал свою позицию по этому вопросу: «Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим»⁴. Общественное значение судебного решения о волоките «в 1000 раз больше, чем келейно-партийное-идиотское притупление поганого дела о поганой волоките без гласности»⁵. Однако, по убеждению главы советского Правительства, эта действенная мера практически не используется надлежащим образом. «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 225.

² Там же.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 347.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 87.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 87.

вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас за это поделом повесят»¹.

В. И. Ленин поручал Д. И. Курскому обязательно осенью и зимой 1921—1922 гг. поставить на суд в Москве четыре—шесть дел о московской волоките, подобрав случаи «поярче» и сделав из каждого суда политическое дело. Курский с этим поручением не справился, поскольку, по его мнению, приходится с трудом выделять процессы, в которых «волокита является деянием лиц, а не объективным следствием неналаженности нашего аппарата»². Большая часть дел заканчивалась наложением дисциплинарных взысканий, и «только в виде исключения дела можно было направлять в суд»³.

Между тем ленинская позиция заслуживала самого пристального внимания. Во-первых, суд был органом, который не был связан по работе с лицом, привлеченным к дисциплинарной ответственности, и мог проявить максимум объективности при установлении его виновности и принятии по делу решения. Во-вторых, суд располагал средствами, обеспечивающими выявление истины по делу, правом вызова свидетелей, затребования необходимых документов, привлечения специалистов в качестве экспертов и др. В-третьих, решение суда давало достоверный материал для публичного оглашения неблагоприятных действий должностных лиц в прессе для информирования широкого круга читателей о том, что советское государство стоит на защите прав трудящихся и строго спрашивает с должностных лиц, виновных в разного рода упущениях по работе.

Как показала практика, общие суды были плохо приспособлены к рассмотрению дисциплинарных дел, не осознавали тяжести вреда, причиняемого неправомерными действиями должностных лиц общему ходу строительства социалистического общества, решению задач развития экономики и повышения благосостояния народа, не всегда могли установить вину должностных лиц в инкриминируемых им проступках и назначить меру, соответствующую тяжести совершенного проступка. В этих условиях советское Правительство решилось на крайнюю меру — на создание судов, подсудность дел которым ограничивалась бы только рассмотрением дисциплинарных проступков должностных лиц. Тем самым ленинская идея о судебной дисциплинарной ответственности должностных лиц была искажена. Во-первых, Ленин никогда не предлагал учредить в этих целях отдельный, самостоятельный суд. Во-вторых, Положением о дисци-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 87.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 119, 546.

плинарных судах от 7 июля 1923 г. был закреплён настолько несовершенный механизм применения дисциплинарной ответственности, что нельзя было обеспечить эффективную и качественно совершенную деятельность суда и она заранее, с самого начала обрекалась на неудачу.

Дисциплинарные суды были образованы при ВЦИКе и губернских (областных) исполнительных комитетах в составе председателя и двух членов. Дополнительно утверждались два запасных члена суда. Законодательно не была определена категория судов, с которой надлежало соотносить дисциплинарные суды. В Положении о дисциплинарных судах 1923 г. нет специального предписания на сей счет; в то же время дисциплинарные суды не были включены в перечень специальных судов, закрепленный ст. 4 Положения о судоустройстве РСФСР 1926 г., поскольку имели особую процедуру рассмотрения дел, не предусмотренную уголовным, равно как и гражданским процессуальным, законодательством.

При ВЦИКе был образован Главный дисциплинарный суд, состав которого назначал Президиум ВЦИКа. Спустя год декретом ВЦИКа от 23 июня 1924 г. Главному дисциплинарному суду разрешалось по специальному постановлению Президиума ВЦИКа открывать в автономных республиках свои отделения, действующие на основании особых о них положений. В частности, Декретом ВЦИКа и СНК от 2 февраля 1925 г. такое отделение было создано при Киргизском ЦИКе.

Более сложным был порядок формирования губернских (областных) дисциплинарных судов: один его член назначался из состава членов *президиума* областного или губернского исполкома, другой член — из состава местного губернского суда, третий — из состава *губернского (областного) исполкома*. Никаких специальных требований к членам суда законодатель не устанавливал, предоставляя решение этого вопроса на усмотрение исполнительных комитетов Советов.

Особенно значимым в системе дисциплинарных судов был Главный дисциплинарный суд, который мог выступать в качестве суда первой и второй инстанций. По первой инстанции он был уполномочен рассматривать дела об упущениях и проступках советских чиновников самого высокого ранга. В их число входили прежде всего высокопоставленные должностные лица центральных органов советского государства: члены ВЦИК, народные комиссары и их заместители, члены коллегий наркоматов, члены СТО и малого СНК. Перед этим судом должны были отвечать также ответственные лица центральных учреждений и наркоматов не ниже заведующих отде-

лами, а также директора и члены правлений трестов и отдельных предприятий, подчиненных центру. Кроме того, Главному дисциплинарному суду были подсудны дела о дисциплинарных проступках, совершенных председателями и членами президиумов губернских исполкомов. В качестве суда второй инстанции он должен был рассматривать жалобы на постановления губернских (областных) дисциплинарных судов, тогда как его собственные постановления обжалованию не подлежали.

Согласно ст. 3 Положения губернским дисциплинарным судам были подсудны дела о служебных упущениях и проступках членов губернских и уездных исполкомов, должностных лиц, избираемых или утверждаемых губернским исполкомом, а также директора и члены правлений трестов либо отдельных предприятий, подведомственных губернским совнархозам. Данные суды дополнительно обязывались рассматривать по направлению Главного дисциплинарного суда дела в отношении директоров и членов правлений трестов и отдельных предприятий, подчиненных центру.

Дисциплинарные суды не были правомочны по своему усмотрению возбуждать дела, а должны были действовать сообразно поступившим к ним материалам от компетентных органов государства, перечень которых исчерпывающим образом был определен Положением. При этом материалы могли поступать двумя способами: в порядке *направления* либо в порядке *поступления*.

Правом направления дел в дисциплинарный суд обладали: во-первых, Президиум ВЦИКа, президиумы центральных исполкомов автономных республик, СНК РСФСР, СТО и *прокуроры республик*; во-вторых распорядительные заседания Верховного и губернских судов в случаях признания того, что привлеченные к суду лица не подлежат наказанию в уголовном порядке; в-третьих, учреждения и должностные лица, обладающие правом применять дисциплинарные взыскания в соответствии с Декретом ВЦИКа от 27 января 1921 г., — это президиумы губернских и уездных исполкомов. Следует признать, что предоставление названного права прокурорам республик противоречит предписанию того же закона, наделившего прокурора лишь правом представлять материалы в Главный дисциплинарный суд. Если признать, что прокуроры республик, а ими могли быть только прокуроры автономных республик, вправе направлять свои материалы в суд, то не ясно, по каким основаниям в этом праве было отказано прокурору РСФСР.

Правом вносить в распорядительные заседания Главного и губернских судов представления о привлечении к дисциплинарной

ответственности виновных должностных лиц Положение наделяет «прокурорский надзор и Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции». В данном случае термин «прокурорский надзор» применен не к месту. Он характеризует одну из функций прокуратуры, тогда как правами может наделяться орган, выполняющий эту функцию, т. е. прокурор Республики либо губернские прокуроры.

Право внесения, которым наделяются прокуратура и Наркомат РКИ, отличается от права направления тем, что названные органы не обладают правомочием непосредственно направлять материалы в дисциплинарный суд. Их представление о применении к конкретным лицам дисциплинарной ответственности подлежало рассмотрению на предварительном заседании дисциплинарного суда и, если суд поддерживал поступившие материалы, он принимал решение о направлении их от своего имени на судебное заседание. Однако для принятия судом решения на предварительном заседании прокуратура и Наркомат РКИ обязаны к представлению о направлении дела в дисциплинарный суд приложить отзыв соответствующего ведомства.

Особый порядок применялся к членам ВЦИКа, СНК и СТО. Дела в отношении них могли направляться в Главный дисциплинарный суд только по постановлению ВЦИКа. Для привлечения к дисциплинарной ответственности членов СНК и СТО также требовалось разрешение названных органов.

Положение о дисциплинарных судах 1923 г. не содержит перечень конкретных противоправных деяний, влекущих за собой дисциплинарную ответственность должностных лиц. Назван лишь род, но указаны не виды подобных деяний: упущения, проступки и неправильные действия; однако легального их толкования в законодательстве не было. Соответственно органы, наделенные правом направления и внесения дел в дисциплинарный суд, должны были по своему усмотрению решать, какие противоправные деяния, совершенные должностным лицом, дают основание для его привлечения к дисциплинарной ответственности. Однако свобода усмотрения в части квалификации дисциплинарных проступков имела существенный недостаток.

Отсутствие четких критериев, отличающих правомерные действия от противоправных, а также законодательно закрепленных составов в отношении дисциплинарных проступков снижало активность органов и должностных лиц в борьбе за укрепление законности в работе государственных органов и учреждений. Социально вредные деяния могли восприниматься ими как незначительные, не

заслуживающие требуемого законом оформления и направления материалов в дисциплинарный суд. В результате тотальная борьба исполнительных органов государства с нарушениями закона не получалась. Под суд попадали далеко не все нарушители государственной служебной дисциплины, что заметно уменьшало результативность дисциплинарных судов, превращало их в жул, которым чаще пугали виновных лиц, нежели привлекали их к реальной ответственности.

Положение о дисциплинарных судах 1923 г. весьма кратко и неполно определяло порядок рассмотрения дел в дисциплинарных судах. Предварительные следственные действия по делу, как правило, не проводились. Лишь в отдельных случаях суд мог поручить одному из своих членов выявление некоторых обстоятельств или расследование дела в целом. Порядка фиксирования результатов подобных действий законодатель не определил, равно как и не закрепил права лица, проводящего расследование.

Суд рассматривал дело по упрощенной процедуре. Прежде всего сторонам запрещалось приглашать на суд своих представителей, в частности пользоваться услугами адвоката. Суд обязывался вызвать подсудимого, однако его отсутствие по неуважительным причинам не служило основанием для переноса заседания суда на другую дату. Кроме подсудимого на суд вызывались лица и представители учреждений, возбудивших дело. Положение предписывало при рассмотрении дела по материалам, представленным прокуратурой или Наркоматом РКИ РСФСР, вызывать в суд «заинтересованное в деле начальство привлекаемых лиц, а также представителя прокуратуры». Положение не содержит специальных указаний относительно вызова в суд представителей Наркомата РКИ РСФСР в случаях рассмотрения судом внесенных им материалов. Скорее всего, это законодательная ошибка, поскольку логика дела требует неперемогного участия представителя стороны, инициировавшей дело, в данном случае — представителя названного наркомата.

Положением 1923 г. предписывалось начинать рассмотрение дела докладом одного из членов дисциплинарного суда по назначению председателя и предоставлять подсудимому последнее слово. Все остальное отдавалось на усмотрение суда. В законе не прописаны ни принципы правосудия, которых обязан придерживаться дисциплинарный суд, ни конкретные нормы, касающиеся исследования судом доказательств по делу, вызова свидетелей, экспертов, анализа письменных источников, ни права и обязанности сторон, ни порядок принятия постановления по делу и его оглашения. В то же время

законодатель не забывал в Положении предоставить суду право проводить слушание дела при закрытых дверях, не допуская в зал свидетелей и представителей прессы.

Согласно ст. 9 Положения дисциплинарным судам разрешалось применять к виновным лицам санкции по достаточно широкому перечню с учетом тяжести и вины совершенного проступка или упущения, в том числе замечание, выговор с опубликованием в печати или без опубликования, перемещение на другую должность, домашний арест на срок от трех суток до одного месяца, лишение права занимать ответственные должности в государственных органах до двух лет, увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред или возместить ущерб. Суды могли применять одновременно несколько мер взыскания к виновному лицу, например лишать должности и обязывать возместить причиненный ущерб.

Постановления губернских (областных) дисциплинарных судов разрешалось обжаловать в Главный дисциплинарный суд в семидневный срок. Однако Положение не содержало: во-первых, перечень лиц, наделенных правом обжалования; во-вторых, указаний на то, с какой даты начинается течение семидневного срока — с момента оглашения постановления или с момента получения его копии; в-третьих, указания на то, в какой орган и в каком порядке надлежит подавать жалобу. Отсутствовали и предписания, определяющие порядок рассмотрения жалобы Главным дисциплинарным судом. Постановления последнего по жалобам на постановления губернских (областных) судов, равно как и по делам, рассмотренным по первой инстанции, обжалованию не подлежали.

Законодатели, равно как и некоторые правоведы, опасались, что дисциплинарные суды будут завалены делами¹, что дисциплинарные суды станут для государства новым и сильным оружием борьбы с «бюрократическими извращениями», неуловимыми, разнообразными, ядовитыми. Быстрота, решительность и упрощенность дисциплинарного производства в сочетании с административным опытом и революционным пониманием действительности его деятелей заточат это оружие и пополнят им арсенал рабочей революции².

Однако жизнь показала прямо противоположные результаты. В частности, Ленинградский дисциплинарный суд ежегодно рассматривал не более 10 дел, несмотря на то, что число дисциплинарных

¹ См.: *Иодковский А.* Дисциплинарная ответственность // *Еженедельник советской юстиции.* 1925. № 26. С. 910.

² См.: *Вышинский А.* Дисциплинарные суды и должностные преступления // *Еженедельник советской юстиции.* 1923. № 30. С. 676.

проступков в городе множилось пропорционально росту численности чиновников. В этих условиях, как справедливо заметил С. Виленский, при нынешнем количестве дел может возникнуть и уже возникает у практических работников вопрос о том, целесообразно ли самое существование дисциплинарных судов. В числе факторов, препятствующих усилению деятельности судов, автор назвал принятый порядок направления в них дел, поскольку единственным, в сущности, органом, имеющим право непосредственно возбуждать дела в дисциплинарных судах, выступает начальство провинившихся, подлежащих привлечению к дисциплинарной ответственности лиц. Что этот орган по самой своей природе является «недостаточным для возбуждения дисциплинарных дел, кажется нам, не требует излишних доказательств»¹.

Действительно, Положение о дисциплинарных судах 1923 г. — яркий образец неспособности бюрократического государства не только организовать эффективную борьбу против чиновничьего произвола, но и подготовить сколько-нибудь качественно совершенный закон в этой сфере. Из Положения оказались выхолащенными все рациональные ленинские тезисы, ориентированные на участие в этой борьбе непосредственно трудящихся масс, на силу общественного мнения, на демократические основы рассмотрения дел общими судами.

Основные недостатки Положения о дисциплинарных судах 1923 г. состояли: во-первых, в создании привилегированного суда для должностных лиц органов советского государства; во-вторых, в отсутствии хорошо работающего механизма выявления всех или большей части дисциплинарных проступков должностных лиц; в-третьих, в закреплении права широкого судебного усмотрения в процессе судопроизводства по делу и принятия решения; в-четвертых, в нежелании придавать широкую огласку выявленным судом фактам посягательства на права трудящихся масс, иным вредоносным результатам неправомерных действий должностных лиц.

Дисциплинарный суд по своей природе был квазисудебным органом, предназначенным для создания видимости борьбы с чиновниками, злоупотребляющими своей властью и нарушающими законы, невзирая на занимаемые ими должности, в том числе с членами ВЦИКа, СНК, СТО, наркомов и их заместителями. Вне этого суда оставался лишь незначительный круг руководящих центральных и местных органов. Однако вопросы организации и работы такого суда не выходили за пределы компетенции чиновников и круга их интересов.

¹ Виленский С. Направление дел в дисциплинарные суды // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 5. С. 134.

Суды формировались при органах советского государства самими чиновниками и из состава чиновников; в процессе рассмотрения дела запрещалось участие адвокатов, а в зале судебного заседания по мотивам необходимости сохранить служебную тайну — присутствие общественности. Решающим доказательством в данном суде выступал отзыв соответствующего ведомства. Без него суду запрещалось принимать материалы из прокуратуры и Наркомата РКИ РСФСР, а факты, изложенные в отзыве, суд должен был признавать за истину, не нуждающуюся в дополнительном следствии и проверках. Отнюдь не случайно в Положении вообще нет предписаний по вопросам доказывания и доказательств, равно как и не указана обязанность суда вести предварительную проверку обстоятельств дела.

Чиновничий бюрократизм ярко проявился при определении круга субъектов, правомочных направлять в суд материалы по фактам дисциплинарных проступков и упущений должностных лиц. Как уже говорилось, единственным и бесспорным источником по таким делам авторы Положения 1923 г. признают материалы, исходящие от компетентных учреждений и должностных лиц. А как же трудящиеся массы, которые чаще всего вынуждены стойко терпеть лишения и тяготы, причиняемые неправомерными действиями должностных лиц, и о необходимости вовлечения которых в управление делами государства трубят советская партийная пресса? Оказывается, в этих сугубо внутренних чиновничьих разборках, по мнению советского законодателя, участие трудящихся масс не только не нужно, но и архивредно. Что они подумают о советской власти, представители которой вершат неблагоприятные дела, причиняют вред социалистическому обществу?

Однако непосредственная и постоянная связь с трудящимися массами, предоставление их коллективам и представителям в лице профсоюзных организаций права вносить материалы по фактам правонарушений должностных лиц позволили бы существенно активизировать работу дисциплинарных судов, обеспечить их результативность и превратить в орган действительной и эффективной борьбы с атавизмом старорежимных методов, привычек и установок советских должностных лиц, воспитать новое, социалистическое отношение к управленческой деятельности. Ибо трудящиеся массы, знающие по собственному опыту дела и результаты работы органов управления, наблюдавшие их успехи и недостатки, могли бы стать источником материалов для возбуждения дисциплинарными судами дел, обеспечить их доказательную базу, выступить на процессе в качестве потерпевшей стороны. Более того, непонятны мотивы, по которым тру-

дающим отказано в праве выступать в качестве членов дисциплинарного суда, способствовать верной оценке социальной вредности дисциплинарных проступков должностных лиц и вынесению справедливого постановления.

Получается парадокс: законодатель доверяет трудящимся рассматривать наиболее сложные уголовные дела в народных судах и отказывает в праве выступать в качестве судей в дисциплинарных судах при решении вопросов о назначении дисциплинарных санкций. Между тем логика предписывает доверять меньшее тому, кому дозволено большее. Соответственно полное отстранение трудящихся от деятельности дисциплинарного суда — не более чем результат чиновничье-бюрократического стиля мышления, проявляющегося в готовности жертвовать интересами дела во имя отчуждения трудящихся от государственной власти.

Постановление дисциплинарного суда по делу должно быть достоверным и обоснованным в не меньшей мере, чем приговор общего суда. При этом достижение истины по дисциплинарному делу представляет собой сложную гносеологическую задачу поиска ответов на четыре взаимосвязанных вопроса: 1) были ли совершены инкриминируемые события в реальной жизни? 2) не подпадает ли рассматриваемое деяние под признаки преступления? 3) является это деяние правомерным или юридически безразличным? 4) какие социально вредные последствия повлекло за собой это деяние? Однако законодатель, как уже говорилось, не регламентировал процессы рассмотрения судом дисциплинарных дел и не определил порядок исследования доказательств, равно как и не прописал права обвиняемого в этом процессе. Все отдавалось на усмотрение председателя суда, который, не будучи юристом, плохо представляет себе и цели судебного следствия, и порядок их достижения. Субъективизм председателя подменял, таким образом, закон, по итогам заседания суд мог вынести только неправосудное решение и, скорее всего, превращался в проводника и защитника интересов должностного лица, инициировавшего дело.

Положение о дисциплинарном суде 1923 г. противоречит ленинским утверждениям об общественно-политическом значении дисциплинарных дел. Задачи судебного преследования в дисциплинарном порядке Ленин не сводил лишь к вынесению судом решения, а считал необходимым придать этому решению общественно-политическое звучание, опубликовав сведения о ходе и результатах суда в прессе. Благодаря этому, во-первых, широкие народные массы видят, что советская власть стоит на стороне трудящихся и сурово ка-

рает нарушителей их прав; во-вторых, должностные лица воочию убеждаются в том, что советская власть не дремлет и сурово карает их за упущения в работе. Но законодатель по этому принципиально важному вопросу занял прямо противоположную позицию и только предусмотрел в качестве одной из санкций выговор с опубликованием в печати. В то же время в Положении о дисциплинарном суде 1923 г. не была указана в качестве ведущей задача дисциплинарных судов информировать широкие народные массы о ходе процесса и о социальной вредности разного рода упущений должностных лиц.

Порожденные бюрократической идеей, продвигающейся по пути, далекому от принципов действительного правосудия, дисциплинарные суды не оказали сколько-нибудь заметного влияния на ход борьбы за укрепление законности в сфере государственного управления, оставались по преимуществу чисто декоративным учреждением, не имеющим даже штатных сотрудников и состоящим на бюджете образовавших их органов. Попытка активизировать работу дисциплинарных судов была предпринята ВЦИКом и СНК РСФСР, утвердившими 14 июня 1926 г. Положение в новой редакции.

Позитивно оценивая Положение о дисциплинарных судах от 14 июня 1926 г., С. Виленский уверял читателей в том, что оно вносит существенные изменения в дело «организации привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц», и выражал уверенность в том, что оно будет способствовать значительному оживлению деятельности дисциплинарных судов¹. В действительности новеллы Положения относились к частным организационным вопросам и никоим образом не посягали на основы деятельности дисциплинарных судов, порожденные бюрократическим мышлением, что отразилось в отмененном Положении 1923 г. В силу этого активность и успехи дисциплинарных судов в деле борьбы за укрепление законности в сфере государственного управления оставались на прежнем уровне, и соответствующие организационные выводы не заставили себя ждать. Однако мотивы упразднения дисциплинарных судов были преподнесены с позиции высоких идеалов советского государства.

На XV Съезде партии было признано нецелесообразным соблюдение судебной ответственности должностных лиц от общего порядка привлечения к дисциплинарной ответственности. Реакция последовала незамедлительно. Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г. «Об отмене Положения о дисциплинарных судах» дисциплинарные суды были упразднены. Вместе с тем ничего

¹ См.: *Виленский С.* Новое положение о дисциплинарных судах // *Еженедельник советской юстиции.* 1926. № 31. С. 943.

не было сказано о новом порядке судебного привлечения должностных лиц к дисциплинарной ответственности. Как показала последующая практика, с закрытием дисциплинарных судов государство покончило с попытками найти демократические пути борьбы через суд с проступками и упущениями должностных лиц.

Бюрократическое мышление торжествовало полную победу над ленинскими идеями судебной борьбы с негативными явлениями в сфере работы государственного аппарата. В конце 1920-х гг. постепенно, но неуклонно ленинская концепция построения социализма заменялась сталинской, повсеместно свертывалась еще остававшаяся демократия, существовавшая в первые годы советской власти. В частности, Сталин не был сторонником решительной и беспощадной борьбы с недостатками в функционировании государственного аппарата, который служит делу пролетариата и способствует построению социализма. Эти недостатки, по мнению руководителя партии, не меняют его сущности. Советский аппарат «вихляет иногда», но все же работает на пролетариат, против буржуазии. По названным причинам на всю последующую советскую историю для работников государственного аппарата была установлена щадящая келейная дисциплинарная ответственность в порядке подчиненности.

Порядок настолько соответствовал настроениям и идеологии советских бюрократов, что они буквально в штыки приняли в 1977 г. положение Конституции СССР, которым закреплялось право трудящихся на обращение в суд с жалобами на незаконные действия и решения должностных лиц, и не давали ему хода в течение восьми лет.

Глава 15. Арбитражные комиссии

В период нэпа, требовавший успешной хозяйственной деятельности, в первую очередь советских государственных хозяйственных организаций и предприятий, особенно остро встал вопрос о системе судебных органов, способной обеспечить эффективную защиту их прав и имущественных интересов. Принципы и нормы гражданского права о юридической ответственности, односторонне ориентированные на защиту материальных интересов потерпевшего, плохо сочетались со взаимоотношениями советских хозяйствующих субъектов, от которых ожидалось достижение одного результата — производство материальных благ, необходимых для общества и государства, экономически рациональным, малозатратным путем. Это было особенно важно в условиях экономической разрухи и отсутствия ресурсов для восстановления народного хозяйства. Принцип сотрудничества и учета материального состояния советских хозяйствую-

щих субъектов, положенный в основу договора, выступает в этом качестве и на стадии разрешения возникшего между ними конфликта.

С. Прушицкий весьма точно раскрыл суть принципиально нового характера взаимоотношений советских хозяйственных организаций на стадии разрешения возникшего между ними имущественного конфликта, отметив, что они «ведут спор не о своем, не о им принадлежащем имуществе, а об имуществе, принадлежащем одному и тому же хозяину и находящемся у них лишь в управлении... В случае возникновения между ними спора спорное имущество, убытки, доходы и так далее в конечном итоге стекутся к одной имущественной массе хозяина, т. е. государства. Только потому, что госучреждения, ведущие имущественный спор, не являются двумя противниками, свободно распоряжающимися каждый в отдельности своим имуществом, что каждый из них лишь управляет отдельной составной частью имущества государства, взаимные претензии и споры могут и должны решаться и разрешаться “внутренним” порядком, хозяйским усмотрением и хозяйским распоряжением. Но хозяйское усмотрение основывается не на юридических нормах, а на целесообразном плановом ведении своего хозяйства в целом. И распоряжение хозяина для всех управляющих отдельными частями его имущества обязательно»¹.

Итак, независимо от того, какая из конфликтующих сторон выиграет имущественный спор, убытки, порожденные невыполнением своих договорных обязательств государственной организацией, в конечном счете несет государство. Более того, возможны ситуации, когда применение штрафных санкций к виновной стороне и полное взыскание с нее ущерба, причиненного другой стороне, как того требует гражданское законодательство во взаимоотношениях между частными лицами, способно усугубить материальное положение организации-ответчика и соответственно негативно сказаться на результатах ее дальнейшей хозяйственной деятельности. В итоге общество, государство не смогут получить той или иной части материальных благ, которые могла бы произвести организация-ответчик, будучи освобожденной от штрафных санкций и иных негативных последствий, предусмотренных законодательством. Комплексный учет интересов организации-истца, ответчика и государства в случаях принятия решений по спорам советских хозяйственных организаций становится необходимым условием правоприменительной деятельности советского суда.

¹ Прушицкий С. Об арбитражных комиссиях при СТО // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 35. С. 1.

В юридической литературе предлагались два пути формирования судебных органов, способных в своих решениях по спорам советских хозяйственных организаций одновременно учитывать интересы государства и сторон. Наркомюст полагал, что с подобной задачей справятся общие суды, тогда как СТО и другие центральные органы советского государства признавали необходимым учредить специальные суды в форме арбитражных комиссий.

Наркомюст и проводники его линии в числе основных аргументов, свидетельствующих о неспособности арбитражных комиссий выступать в качестве специального суда, называют: 1) отсутствие конкретной связи с другими судебными органами; они стоят вне системы этих органов; 2) присвоение не присущего им права толкования норм материального гражданского права; 3) широкие полномочия кассационной инстанции, позволяющие ей выигранное дело пересмотреть без вызова сторон, зачастую без их ведома и без нового рассмотрения; 4) несостоятельное противопоставление решений общих судов решениям арбитражных комиссий. Неверно утверждение о том, что общий суд и арбитражные комиссии действуют в разных направлениях: первый выносит решение «по букве закона», вторые — принимая во внимание хозяйственную целесообразность. Во-первых, ст. 1 ГК отказывает в защите прав, осуществляемых вопреки их социально-хозяйственному назначению, и, во-вторых, ГПК РСФСР предоставляет широкую свободу судейского усмотрения — от самостоятельного изыскания доказательств, полной свободы в способах их проверки и т. д. до присуждения свыше искомого¹. Таким образом, суд так же выносит решение с учетом хозяйственной целесообразности, как и арбитражная комиссия.

Законодатель, несмотря на основательность аргументов, представленных Наркомюстом, все же принял сторону его оппонентов и Положением о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями, утвержденным Декретом ВЦИКа и СНК от 21 сентября 1922 г., предусмотрел создание Высшей арбитражной комиссии (ВАК) при СТО и арбитражных комиссий при областных экономических совещаниях. ВАК действовала в составе председателя, назначаемого СТО по представлению Наркомюста, и двух членов, назначаемых непосредственно СТО. Арбитражные комиссии при областных эконо-

¹ См.: *Бранденбургский Я.* Арбитражные комиссии // *Еженедельник советской юстиции*, 1923. № 16. С. 361—364; *Крыленко И.* В последний раз об арбитражных комиссиях // *Еженедельник советской юстиции*. 1923. № 23. С. 529—531; *Рындзюнский Г.* НКЮ и ВАК // *Еженедельник советской юстиции*. 1923. № 47. С. 1082—1083; *Лисицын А.* Ответ тов. Лебедеву // *Еженедельник советской юстиции*. 1923. № 19. С. 435.

мических совещаниях работали в составе председателя, назначаемого СТО по представлению Наркомюста, и двух членов, назначаемых областными совещаниями.

Затем СТО своим постановлением от 2 июля 1923 г. разрешил экономическим совещаниям губерний и автономных областей образовывать с утверждения ВАК арбитражные комиссии при условии их содержания за счет местного бюджета.

Особенно значимым событием в истории арбитражных комиссий, окончательно утвердивших их в качестве специальных судов и похоронивших надежды Наркомюста на их ликвидацию, явился Декрет ЦИКа и СНК СССР от 6 мая 1924 г., утвердивший Положение об арбитражной комиссии при СТО Союза ССР. Потребность в данном судебном органе обуславливалась тем, что на общесоюзном уровне существовали хозяйственные органы, между которыми возникали правовые конфликты, но не было общесоюзного судебного органа, правомочного их разрешить. Рассмотрение этого рода дел не входило в компетенцию Верховного Суда СССР.

Заполняя вакуум в судебной защите организаций общесоюзного уровня, ВАК должна была рассматривать и разрешать имущественные споры, в которых как минимум одной стороной выступает центральный орган учреждений Союза ССР либо предприятие, признанное общесоюзным по п. «з» ст. 1 Основного закона (Конституции) СССР 1924 г. По требованию главы общесоюзного органа ВАК должна была рассматривать споры между поименованными в п. «а» местными органами учреждений и организаций, а также по требованию центральных органов учреждений и предприятий союзных республик.

Формирование ВАК и правовое регулирование ее деятельности возлагались на СТО СССР. Данный орган был уполномочен самостоятельно определять число членов ВАК, назначать председателя и членов, равно как и утверждать нормативные правовые акты, закрепляющие порядок ее работы. Как видим, участие Наркомюста в решении вопросов устройства, процессуальной деятельности и оценке результатов ВАК не предусматривалось. Однако было бы преждевременным видеть в этой ситуации свидетельство негативного отношения общесоюзных органов к Наркомюсту, поскольку он еще не был конституирован на уровне общесоюзных органов. Вместе с тем действующий Наркомюст РСФСР не мог вторгаться в решение вопросов общесоюзного органа, не нарушая компетенции Союза ССР.

Деятельность ВАК без участия Наркомюста за его отсутствием в числе общесоюзных органов послужила прецедентом для аналогичного решения на уровне РСФСР. Декрет ВЦИКа и СНК от 12 января

1925 г., утвердивший новое Положение об арбитражных комиссиях по разрешению имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, исключил полномочия Наркомюста, предоставленные ему Положением от 21 сентября 1922 г. В новом Положении имелось абстрактное предписание, согласно которому взаимоотношения между арбитражными комиссиями и названным наркоматом определяются ст. 134 Положения о судостроительстве РСФСР. Однако ст. 134 в названном акте не было — ни в его первоначальной редакции, ни в последующих изменениях. Положение о судостроительстве РСФСР от 19 ноября 1926 г. содержало ст. 134, но она была посвящена иным вопросам — толкованию окружными судами норм права. Скорее всего, произошла типичная история: законодатель сослался на статью, которую он планировал принять в ближайшее время, а затем по каким-то причинам не принял.

В качестве первой судебной инстанции арбитражные комиссии создавались при советах народных комиссаров автономных республик, областных или краевых совещаниях либо областных (краевых) и губернских исполкомах. Характерно, что постановление заметно ограничило право губернских исполкомов образовывать арбитражные комиссии, предоставив это право лишь губерниям, имеющим развитую промышленность и выступающим в качестве крупного хозяйственного центра. Список таких центров утверждался губернскими ЭКОСО. Второй инстанцией выступала ВАК при ЭКОСО РСФСР, наделенная правом пересмотра решений, вынесенных по первой инстанции названными арбитражными комиссиями.

Наиболее значимые изменения в статусе ВАК состояли в следующем. Во-первых, она сменила своего учредителя. Смена обуславливалась упразднением СТО в связи с учреждением одноименного органа на уровне СССР. Функции управления народным хозяйством были переданы ЭКОСО, соответственно под его начало перешла и ВАК. Во-вторых, Наркомюст лишился права влиять на кадровую политику ВАК. ЭКОСО самостоятельно определяло число членов и кандидатов в члены ВАК, а также назначало председателя ВАК, его заместителя, членов и кандидатов к ним. Представление кандидатур на названные должности полностью возлагалось на ВАК. В-третьих, были законодательно отвергнуты претензии Наркомюста и Верховного Суда РСФСР на участие в регулировании деятельности арбитражных комиссий. Правотворчество в отношении их процессуальной деятельности возлагалось на ЭКОСО, в том числе утверждение правил производства по делам в арбитражных комиссиях, правил исполнения решений арбитражных комиссий, а также правил взима-

ния пошлин и других сборов при производстве дел в арбитражных комиссиях.

Арбитражные комиссии в качестве судов первой инстанции состояли из председателя, его заместителя и не менее пяти членов. Председатель и его заместитель назначались ЭКОСО по представлению ВАК. Члены же комиссии назначались из сотрудников государственных хозяйственных учреждений и организаций, исполнительными органами, при которых состояли соответствующие комиссии. Однако ВАК обладала правом отвода членов арбитражных комиссий. Характерно, что территория действия арбитражной комиссии могла не совпадать с территорией ее учредителя и подлежала установлению специальным решением ВАК по согласованию с Наркоматом внутренних дел и Наркоматом по внутренней торговле.

Положение от 12 января 1925 г. явилось последним актом, устанавливающим позитивное регулирование деятельности арбитражных комиссий, закрепившим за ними весьма широкие полномочия. Однако через полгода правотворческая политика взяла прямо противоположный курс. Согласно постановлению ЭКОСО РСФСР от 8 мая 1926 г. «Об упразднении губернских арбитражных комиссий» прекратили работу губернские арбитражные комиссии в порядке и в сроки, определяемые ВАК. ЭКОСО отменяло соответствующее постановление СТО, забыв, что упраздняемые им органы были утверждены ч. 1 Положения ВЦИКа и СНК от 12 января 1925 г. и закрыть их мог только законодатель. Но кто за этим следил в те по-прежнему революционные времена? На конец 1927 г. в РСФСР действовали 23 арбитражных комиссии.

Следующее негативное событие в истории арбитражных комиссий — обследование Наркоматом РКИ СССР на рубеже 1927—1928 гг. деятельности ВАК при СТО, ВАК при ЭКОСО РСФСР, а также ряда областных и краевых комиссий. Параллельно с ними была проверена практика ряда судебных органов по гражданским делам. Для широкой аудитории итоги обследования изложил В. Радус-Зенькович в статье «Арбитражные комиссии и система общего суда», в которой он сделал в целом обоснованный вывод о том, что «арбитражные комиссии, как особая система судебных органов для разрешения имущественных споров между государственными органами, подлежит упразднению, с сосредоточением их работы в общем суде, путем организации специальных хозяйственных сессий по типу трудовых сессий»¹.

¹ Радус-Зенькович В. Арбитражные комиссии и система общего суда (По материалам обследования НК РКИ СССР) // Ежегодник советской юстиции. 1928. № 27. С. 759—765.

В ходе обследования было выяснено, что арбитражные комиссии не пользуются большой популярностью у хозяйственных органов и по сравнению с общими судами к ним поступает ничтожно малое количество дел. В 1927 г. годовая нагрузка на одного члена комиссии составила: в ВАК СТО — 39 дел; в ВАК ЭКОСО — 37; в АК Московской области — 30; АК ВСНХ — 10 дел. В результате малого количества рассматриваемых дел заметно повысилась стоимость их рассмотрения. Так, если расходы по Верховному Суду РСФСР на одно дело составили 12 руб. 10 коп, то по ВАК ЭКОСО — 37 руб. 38 коп.; по ВАК СТО — 47 руб. 30 коп.; по АК ВСНХ — 110 руб. При этом оказалось, что дела, рассмотренные арбитражными комиссиями, мало чем отличаются от аналогичных дел, поступающих в общие суды, — это дела государственных органов, связанные с рыночными отношениями (купля-продажа, подряд-поставка, имущественный наем, заем и др.)¹.

Более того, преобладающая масса дел, рассматриваемых местными и центральными арбитражными комиссиями, по цене иска не превышает показатель народных судов — 1 тыс. руб. В 1927 г. у Московской арбитражной комиссии таких дел было 65%; у АК Ленинградской области — 60%; у ВАК ЭКОСО — 57,6%; у ВАК СТО — 53%. У Московского губсуда за тот же период по 70,5% дел цена иска составила от 1 тыс. до 5 тыс. руб.

В ходе обследования Народный комиссариат РКИ СССР не увидел четко выраженной линии арбитражных комиссий на творческое разрешение дел с позиции хозяйственной целесообразности, поскольку обнаружились значительные пробелы в гражданском законодательства, а также необходимость решать дела с учетом требований плановой дисциплины и интересов государства как единого собственника государственного имущества. Положение законодательства, позволяющее арбитражным комиссиям в своих решениях отходить от требований гражданского законодательства, применялось крайне редко. Как полагал В. Радус-Зенькевич, «плановое начало и регулирование, проникающие все более полно в содержание работы и отношения хозяйственных органов, не изменяют существа в подходе и методах разрешения арбитражных комиссий; эти методы остаются в основном методами правового регулирования. Самый договор, видоизменяемый под воздействием плановых моментов, сохраняет, однако, свой основной характер обязательства, оболочка рыночных отношений сохраняется, и договор является наичаистой формой осуществления плановости и регулирования»². Кроме того,

¹ См.: Радус-Зенькевич В. Арбитражные комиссии и система общего суда... С. 760—761.

² Там же. С. 763.

не было никакой связи арбитражных комиссий с учредившими их государственными органами.

Арбитражные комиссии не выполнили обещаний своих идеологов обеспечить создание нового хозяйственного права посредством формирования судебных прецедентов и их последующего обобщения. В ходе обследования Народным комиссариатом РКИ СССР было определено, что ВАК ЭКОСО не учитывала надлежащим образом ошибки, допущенные местными арбитражными комиссиями, не обобщала свою судебную практику. За время своего существования ВАК ЭКОСО не использовала этого материала для издания директивного или инструктивного письма, не дала общих указаний, за исключением указаний по вопросам административно-хозяйственных и процессуально-делопроизводственных. В работе ВАК СТО как надзорной инстанции в отношении ВАК ЭКОСО союзных республик не был организован систематический надзор посредством затребования и просмотра дел. Словом, творческая разработка теории и системы норм права, призванных регулировать экономические отношения государственных органов, которая выдавалась в качестве одного из основных аргументов в пользу арбитражных комиссий, не состоялась. Характерно, что и сотрудники арбитражных комиссий стали открешиваться от этой идеи и признавать ГК РСФСР в качестве главного источника для разрешения арбитражных дел.

Отрицая претензии арбитражных комиссий на особый вид советского правосудия, Народный комиссариат РКИ СССР считал возможным сохранить их как орган, обеспечивающий обязательное разрешение имущественных споров организационно-хозяйственного технического плана (распределение имущества между трестами и предприятиями, расчетное производство и др.) внутри руководящих оперативно-хозяйственных органов (ВСНХ, Центросоюза и др.)¹.

Два года потребовалось законодателю на изучение представленных Народным комиссариатом РКИ СССР материалов о деятельности арбитражных комиссий, в итоге он пришел к выводу о необходимости прекращения их работы. Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 3 января 1931 г. «Об упразднении арбитражных комиссий» предписывалось названные комиссии упразднить, а их дела передать в общие судебные учреждения. Подобная мера мотивировалась целями укрепления единства судебной системы СССР, поднятия хозяйственной дисциплины и повышения ответственности хозяйственных органов за свою работу. Н. В. Крыленко и остальные непримиримые оппоненты арбитражных комиссий могли праздновать

¹ См.: Радус-Зенькович В. Арбитражные комиссии и система общего суда... С. 764.

свою победу, но, как оказалось, победа не была полной. Через три месяца реванш взяли сторонники арбитражных комиссий, законодатель пошел на попятную, но, чтобы не терять лица, он признал необходимым учредить государственный арбитраж... при тех же органах, при которых действовали упраздненные арбитражные комиссии.

Положением о государственном арбитраже, утвержденным постановлением ЦИКа и СНК СССР от 3 мая 1931 г., предусматривалось учреждение государственного арбитража при СТО, ЭКОСО РСФСР и экономических совещаниях других республик, при советах народных комиссаров автономных республик, при краевых и областных исполкомах и при исполкомах автономных республик. Для общего руководства работой государственного арбитража вводились должности главного арбитра и его заместителей. Однако через 17 дней законодатель внес существенные уточнения по поводу круга органов, при которых находятся государственные арбитражи. Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 20 мая 1931 г. было признано необходимым данный орган советского правосудия образовывать при органах исполнительной власти: СНК СССР, советах народных комиссаров союзных и автономных республик, краевых и областных исполкомах и исполкомах автономных областей. Таким образом, история арбитражных комиссий была завершена практически одновременно с породившим их нэпом.

Глава 16. Земельные комиссии

Согласно Положению о судостроительстве 1922 г. земельные комиссии представляют собой разновидность специальных судов, которые призваны рассматривать земельные дела в порядке, закрепленном постановлением 3-й сессии ВЦИКа IX созыва от 24 мая 1922 г. «О порядке рассмотрения земельных споров». Этим актом учреждались волостные, уездные и губернские земельные комиссии. Высший контроль по спорным земельным делам и рассмотрение кассационных жалоб на решения губернских земельных комиссий возлагались на Особую коллегия высшего контроля по земельным спорам, создаваемую из представителей Наркомата земледелия и Наркомата юстиции.

Волостные земельные комиссии действовали при волостных исполкомах и состояли из председателя и двух членов. Председатель комиссии назначался решением волостного исполкома из числа его членов. Как правило, им назначалось самое компетентное на уровне волости лицо — председатель из членов волысполкома, заведующий земельным столом, а секретарем — сотрудник волысполкома. Члены

комиссии избирались волостным съездом Советов из числа жителей волости и должны были являть собой пример участия населения в управлении делами общества и государства. В таком же порядке дополнительно избирались два кандидата в члены волостной земельной комиссии, правомочные участвовать в ее работе на период отсутствия постоянных членов.

Иным был порядок формирования уездных и губернских земельных комиссий также в составе председателя и двух членов. Председатели комиссий и их заместители избирались соответственно уездными и губернскими исполкомами, а члены комиссий утверждались соответствующими исполкомами из числа должностных лиц, компетентных в земельных спорах: заведующих отделами землеустройства и народный судей.

Особая коллегия высшего контроля по земельным делам (ОКВК) состояла из председателя и двух членов. Председатель и один член комиссии назначались Наркоматом земледелия, другой член — Наркоматом юстиции.

В связи с тем, что во всех земельных комиссиях в качестве председательствующего или членов неизменно присутствовали должностные лица органов советского государства, нет никаких оснований видеть в них специальные суды. Квалификация земельных комиссий как судов в Положении о правосудии 1922 г., других законодательных и иных актах в лучшем случае стала следствием заблуждения законодателя. Наркомюст более точно охарактеризовал суть комиссий как административно-судебных органов¹. Однако и эта характеристика не в полной мере соответствует действительной природе земельных комиссий, которые все без какого бы то ни было исключения представляли собой квазисудебные органы, поскольку для них на первом месте находились не интересы правосудия, восстановления законности и справедливости, а интересы государства, проводимые через его чиновников, избранных или назначенных в состав комиссий.

Начиная с уездной комиссии, советское государство отказывает населению в праве принимать участие в рассмотрении земельных дел, передавая это право должностным лицам земельных органов и органов юстиции. Лишь на низовом уровне земельных комиссий допускается участие населения в осуществлении правосудия, но и эта мера мало что давала для защиты прав населения, поскольку председательствующим в волостной земельной комиссии мог быть только председатель из числа членов волисполкома, заведующий зе-

¹ См.: О земельных комиссиях и народном суде (Из доклада НКЮ и Верх. Суда, представленного совещанию по советскому строительству при Президиуме ВЦИК) // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 12. С. 303.

мельным столом. Участие членов суда из крестьян в судопроизводстве было чисто декоративным. Они появлялись в назначенные дни для участия в заседаниях при разборе дел, получая за это положенное вознаграждение, и, как правило, активного участия в разрешении дела не принимали, полагаясь на опыт и знания председательствующего¹.

Декретом ВЦИКа и СНК от 1 декабря 1924 г. «Об ускорении и упорядочении рассмотрения земельных споров» к ведению земельных комиссий были отнесены все спорные дела, возникающие при землеустройстве, а также все споры о правах на землепользование, как-то: групповое или индивидуальное землепользование; выделы земли из общества; общий и частные переделы земли; полное или частичное лишение пользователей находящейся в их пользовании земли в установленных законом случаях; изменение размеров, границ, местоположения и состава землепользования (землеустройство, мелиорация, дорожное строительство, отчуждение для государственных и общественных надобностей и т. д.); семейные разделы в части, касающейся раздела земли; другие споры по землепользованию. Кроме того, к ведению земельных комиссий было отнесено утверждение всех без изъятия проектов землеустройства.

В стране работали около 3 тыс. земельных комиссий всех уровней, и ежегодно они рассматривали до 500 тыс. дел². Таким образом, потребность землепользователей в защите их прав от незаконных посягательств данные органы формально удовлетворяли, однако правосудие далеко не всегда осуществлялось согласно требованиям законности, обоснованности и справедливости, было связано с большой волокитой, вынесением многих неправосудных решений, жалобами сторон, отменой решений и определений, не соответствующих закону.

Как и всякий квазисудебный орган, земельные комиссии имели ряд существенных недостатков, борьба с которыми и порождающими их причинами неизменно велась на всем протяжении истории данных комиссий как Наркомюстом, так и отдельными правоведами, научными и практическими работниками. К числу наиболее значимых недостатков относятся: 1) параллелизм в деятельности народных судов и земкомиссий; 2) волокита с рассмотрением дел; 3) низкое качество судопроизводства и принимаемых решений.

В связи с недостаточно четким определением подсудности по делам, связанным с арендой и использованием земли, рассматривае-

¹ См.: О земельных комиссиях и народном суде... С. 304.

² См.: Работа прокуратуры в деревне // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 40—41. С. 1057.

мым народными судами и земкомиссиями, на практике постоянно возникали ситуации, когда часть вопросов одного и того же юридического конфликта должна была рассматриваться судебными органами, тогда как другая — земельными. Так, согласно ст. 38 Земельного кодекса споры по договорам трудовой аренды были подсудны земкомиссиям, а дела о кабальности договоров трудовой аренды — народному суду. Вопрос о разделе двора с землей разрешался в земкомиссии, а выдел имущества без земли — в народном суде. Спор о пользовании лугом подведомствен земкомиссии, а иск о потраве этого же луга — народному суду. Земельная комиссия была правомочна рассматривать иск примака о разделе двора, но, если она приходила к выводу о несостоятельности иска, дело подлежало передаче в народный суд. Логика, которой руководствовался законодатель, определяя подсудность дел народным судам и земкомиссиям, была непонятной не только простым крестьянам, но и самим судьям. Поэтому весьма высок процент рассмотрения земкомиссиями неподсудных им дел, отсюда неизбежная волокита, связанная с передачей дел из земельных комиссий в суды, равно как и наоборот¹.

Земельным комиссиям на всем протяжении их деятельности не удалось сколько-нибудь существенно повысить качество рассмотрения дел, о чем свидетельствует значительный процент отмен их решений вышестоящими инстанциями. В частности, губернские земкомиссии, как правило, отменяли больше половины решений, рассмотренных ими в порядке кассации или надзора. Череповецкая губернская комиссия в 1926 г. рассмотрела 541 решение волостных земкомиссий и 63,8% решений отменила.

Характерно, что критический настрой губернских земкомиссий по поводу решений, рассматриваемых ими в порядке апелляции или кассации, не гарантировал высокого качества их собственных решений, которые отменялись ОКВК примерно в такой же пропорции. Например, за период с января по май 1927 г. ОКВК рассмотрела 1559 дел, поступивших из 60 областей, краев, автономных республик, из которых по 534 делам жалобы, протесты и представления оставлены без удовлетворения. По 1025 делам (65,75%) ОКВК отменила решения и определения, в том числе по 6,4% частично, 9% прекратила производством и по 7% приняла самостоятельное решение. Количество отмененных высшей инстанцией решений и определений земкомиссий намного превышает аналогичные показатели кассационной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР, которая, например, в 1926 г. отменила 41,1% решений по рассмотренным

¹ См.: О земельных комиссиях и народном суде... С. 305.

ею гражданским делам, частично изменила 2,2% и оставила в силе 56,7%¹.

Судебные ошибки земкомиссий имели своим истоком неправильное применение норм как материального, так и процессуального законодательства. Порой не соблюдались даже элементарные нормы земельного законодательства, в частности землепользователи безосновательно лишались земли, предоставленной на правах трудового землепользования; временно выбывшие члены двора лишались права на приходящуюся на их долю часть земли; выносились не основанные на законе решения по делам о семейно-имущественных разделах. Большая часть решений земкомиссий не имела надлежащего обоснования; вопреки требованиям гражданско-процессуального законодательства решения нередко выносились без вызова сторон, без допроса сторон и свидетелей об обстоятельствах дела, изучения иных доказательств. Более того, неспособность комиссий установить реальное положение дел признавалась основанием для отказа в рассмотрении дела.

Как свидетельствует Н. О. Лаговьер, в ходе прокурорских обследований деятельности земельных комиссий повсеместно констатировались такие недостатки, как плохое состояние делопроизводства, принятие неподсудных дел, вторжение в сферу компетенции других органов, разрешение дел при неполном составе суда, несоответствие содержания решений требованиям закона, несоблюдение норм процессуального законодательства в ходе судебного следствия и принятия решений, невыдержанность классовой линии, неявка членов земкомиссий на заседания, волокита в исполнении состоявшихся решений. Не удовлетворенные решениями земкомиссий стороны вынуждены были обращаться с жалобами в прокуратуру или вышестоящие судебные инстанции. В 1926 г. обжаловалось каждое четвертое решение уездных земкомиссий, при этом 43% жалоб губземкомиссиями были признаны обоснованными и повлекли за собой отмену незаконных решений².

Волостные и уездные земкомиссии не были способны обеспечить требуемый законодательством уровень законности и защиты земельных и иных имущественных прав трудового крестьянства, поскольку судьи не обладали необходимыми юридическими знаниями и навы-

¹ См.: *Дмитриев А.* Судебная практика Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам // *Еженедельник советской юстиции.* 1927. № 39. С. 1210—1212; № 40. С. 1238—1241.

² См.: *Лаговьер Н.* Задачи и методы работы прокуратуры по наблюдению за деятельностью земельных комиссий // *Еженедельник советской юстиции.* 1927. № 5. С. 124—125.

ками правоприменения на профессиональном уровне; у значительной части волостных земкомиссий не было даже текстов законов и иных нормативных актов по предмету их деятельности¹. Ясно, что в этих условиях без повышения юридической культуры судей качество судебных решений улучшить невозможно. В юридической литературе предлагались два пути укрепления законности в работе земкомиссий. Первый — повышение юридической грамотности членов земельных комиссий, а также их ответственности за порученное дело; второй — закрытие земельных комиссий с передачей подсудных им дел в народные суды.

Первое аргументированное предложение по упразднению земкомиссий было отражено в резолюциях V Всероссийского съезда деятелей юстиции (10—15 марта 1924 г.). В Докладе НКЮ и Верховного Суда, представленном совещанию по советскому строительству при Президиуме ВЦИКа (1925), содержался обоснованный вывод о том, что «земельные комиссии должны быть упразднены и что все вообще споры по землепользованию подлежат передаче в общую сеть народных судов. Что касается дел по землеустройству, которые требуют специальных приемов подготовки их и специальных сведений и являются в своей основе не судебными, а административными, то поэтому дела этого рода следует оставить всецело в ведении земельных органов с тем, чтобы могущие возникнуть в связи с землеустройством споры о праве на землю и другие споры, подлежащие разрешению в судебном порядке, подчинялись общеисковому процессу. Создание для них особых земельных комиссий излишне»².

Аргументированные предложения об упразднении земельных комиссий по мотивам их неспособности обеспечить надлежащий уровень законности в принимаемых решениях, а также действенную защиту прав трудового крестьянства высказывались в юридической литературе. Однако имелись публикации в защиту земельных комиссий, их сохранения. Особенно широкая дискуссия по этому вопросу развернулась на страницах «Еженедельника советской юстиции»³. Необходимость работы земкомиссий обосновывалась тяже-

¹ См.: А. С-в. К вопросу о специальных судах // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 7—8. С. 157.

² О земельных комиссиях и народном суде... С. 306.

³ См.: *Бранденбургский Я.* К вопросу о реформе земельных судов // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 24. С. 721—725; *Ерохов Я.* Нужно ликвидировать земельные комиссии // Там же. № 26. С. 794; *Морозов П.* Ликвидация зем. суда преждевременна // Там же. С. 794—795; *Хаданов.* Должны ли быть земельные комиссии // Там же. № 20. С. 595—596; *Дмитриев А.* Преобразование земельного суда // Там же. № 11. С. 309—312; и др. См. также: *Извеков И.* Земельный суд за 10 лет // Сельскохозяйственная жизнь. 1927. № 40; *Клеветов П.* О нарсудах и волземкомиссиях // Власть Советов. 1927. № 48.

лыми материальными условиями социалистического строительства, отсутствием квалифицированных народных судей и невозможно создать суд в каждой волости. Имеющиеся недочеты в деятельности земельных комиссий, полагали их сторонники, можно устранить запретом частой смены личного состава, улучшением материального положения комиссий и их сотрудников¹. В качестве одного из основных аргументов в пользу сохранения земкомиссий называлась их близость к населению. «Формируясь из местных крестьян, близко знающих все местные нужды и особенности, земельные комиссии, — полагал П. Подбельский, — влекут к себе население... ВЗК (волостные земкомиссии. — В. С.) пользуются достаточным авторитетом среди крестьян»².

Законодатель последовательно, без zigzagов и отступлений, проводил курс на сохранение земкомиссий, допуская лишь некоторые незначительные улучшения. В Положении о судеустройстве РСФСР, утвержденном постановлением 3-й сессии ВЦИК XII созыва от 19 ноября 1926 г., земсуды были сохранены в составе специальных судов с оговоркой, что их организация и деятельность определяются особыми узаконениями: подразумевалось единственное лапидарное постановление «О порядке рассмотрения земельных споров», принятое в 1922 г.

ВЦИК и СНК, видимо, под влиянием дискуссии о деятельности земкомиссий решились лишь на незначительную корректировку их подсудности. Постановлением от 23 июля 1927 г. «По докладу Народных Комиссаров Рабоче-Крестьянской Инспекции Союза ССР и РСФСР о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления» к ведению волостных земкомиссий были отнесены все возникающие в волости споры о правах на пользование землей отдельных лиц, дворов и земельных обществ. Рассмотрению уездных земкомиссий подлежали все земельные споры, возникающие по землеустройству; в связи с использованием государственных имуществами; споры по землепользованию, в которых одной из сторон является государственное или общественное учреждение; утверждение землеустроительных проектов и разрешение в кассационном порядке жалоб, приносимых на решения волостных земкомиссий.

Губернские земкомиссии, сохранив все свои прежние права кассационной инстанции, получили права Особой коллегии высшего контроля в отношении жалоб на решения волостных земкомиссий.

¹ См.: Хаданов. Указ. соч. С. 596.

² Подбельский П. За земельные комиссии // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 28. С. 860—861.

Тем самым был установлен твердый запрет на обращение населения, крестьян с жалобами в высший судебный орган по земельным делам; вопросы качества земельного правосудия становились проблемой сугубо местного, локального значения. Кроме того, участие судьи в рассмотрении земельных споров ограничивалось лишь спорами по землеустройству, рассматриваемыми земкомиссиями по первой инстанции.

В связи с принятием постановления ВЦИКа и СНК от 23 июля 1927 г. Я. Бранденбургский отмечал, что сторонники упразднения земельных комиссий ни на минуту, ни на йоту не изменили своего принципиального отношения к этому вопросу, но проводить дальнейшую дискуссию в таких условиях находят нецелесообразным. Последняя точка в ней поставлена названным законом ВЦИКа и СНК, и работникам юстиции не остается ничего иного, как самым добросовестным образом исполнять существующее законодательство. В то же время Я. Бранденбургский оптимистично заявил, что последующая рационализация деятельности советского аппарата «неизбежно натолкнет на необходимость рационализации и в области судебно-земельного дела, и это заставит, в конце концов, осуществить мысль, развитую большинством авторов во время последней дискуссии на страницах Еженедельника советской юстиции»¹.

Прогноз Бранденбургского сбился через три года. Постановлением ВЦИКа и СНК от 10 октября 1930 г. «Об упразднении земельных комиссий и Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам РСФСР и о порядке разрешения земельных споров» все дела по вопросам землепользования без каких бы то ни было исключений передавались сельским общественным судам и народным судам². Упразднение состоялось, однако, не по мотивам некачественной работы земкомиссий (уровень их работы вполне устраивал советское Правительство), а вследствие политической конъюнктуры, в связи с широкой коллективизацией сельского хозяйства, заметно сократившей сферу частного землепользования и сделавшей ненужными соответствующие специальные суды.

Отмена законодателем своих субъективных и малоэффективных решений из-за политической или экономической конъюнктуры, может быть, и позволяла ему сохранить свою репутацию «стойкого борца за права и интересы трудящихся» в глазах общества, но не реабилитировала его в исторической ретроспективе, в объектив-

¹ Бранденбургский Я. Судьба дискуссии о земельных комиссиях // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 37. С. 1138.

² См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. 1930. Отд. I. № 51. Ст. 623. С. 800—801.

ных оценках исследователей истории советского государства и права. На протяжении восьми с лишним лет ВЦИК совместно с СНК неизменно сохраняли неудачный, субъективный, противоречащий основным принципам демократического правосудия вариант судебной защиты прав землепользователей квазисудебным органом, состоящим преимущественно из должностных лиц, не обладающих даже минимальными юридическими знаниями и навыками. В результате сплошь и рядом принимались необоснованные, противоречащие действующему законодательству решения, грубо нарушающие права землепользователей, в том числе беднейшего крестьянства, составлявшего предмет особого внимания и заботы советского государства с первых дней его существования.

Революционный акт советского государства о передаче земли в руки непосредственных землепользователей, бесспорно, представлял собой меру огромной исторической важности, воплощение которой в жизнь требовало установления порядков, реально гарантирующих всем и каждому право на соответствующий земельный участок и твердую защиту этого права от незаконных посягательств со стороны других лиц, в том числе государства. Революция в сельском хозяйстве считалась завершенной лишь после того, как последний земледелец получил от государства в арендное пользование вожделенный земельный участок. Однако рутинная работа, связанная с процессом передачи землепользователям земли, советским Правительством была проведена не самым лучшим образом. Созданные им для защиты прав землепользователей земкомиссии, как показал опыт, объективно в силу сложившихся условий не могли быть результативными, надлежало выполнять свои функции, были заранее обречены на грубейшие нарушения законности, бюрократизм, волокиту, вынесение неправосудным органом неправосудных решений.

Во-первых, законодатель, учредив специальный судебный орган в виде земкомиссий, не закрепил сколько-нибудь полно и четко особый, специальный порядок их работы. Поступая традиционно, в духе декретов первых дней советской власти, ВЦИК не только не установил специальных норм для конституированных им органов правосудия, но и даже не определил четко, какими законами, иными источниками они должны руководствоваться. Имеются лишь мало что говорящие положения, согласно которым дела в земкомиссиях рассматриваются в порядке состязательного процесса, а члены земельных комиссий при отправлении ими судебных обязанностей пользуются правами народных судей. Кроме того, не были конкретно решены такие принципиально важные вопросы судопроизводства, как

подведомственность земельных дел народному суду и земкомиссиям, сбор, оценка доказательств, порядок их рассмотрения земкомиссиями и вынесения решений. Законодательная неопределенность по специальным вопросам судопроизводства земкомиссий на практике обернулась главным источником самых разных судебных ошибок.

Во-вторых, конструкция земкомиссий как органов правосудия не соответствовала основополагающим принципам организации и работы демократического суда, представляющего собой самостоятельную ветвь государственной власти, не зависящую от других ветвей власти и не связанную с интересами сторон и иных участников судебного процесса. Между тем земкомиссии учреждены при местных земельных органах, в них входят сотрудники (должностные лица землеустроительных отделов). Это, в свою очередь, как справедливо отмечал А. Стельмахович, приводит к тому, что по конкретным делам интересы административного усмотрения преобладают над судебным беспристрастием. На практике совмещение в одном лице администратора и судьи приводит к самым нежелательным последствиям: шоры «ведомственной юстиции» мешают правильному применению закона; сторона, пришедшая жаловаться на землеустроителя, застаёт его товарища по работе в составе суда¹. Этот порок земкомиссий невозможно устранить никакими их реорганизациями и усовершенствованиями. Позитивное придание суду независимости по данной категории дел состояло в закрытии земкомиссий и передаче всех земельных споров в народный суд.

В-третьих, члены волостных и уездных комиссий не обладали элементарными юридическими знаниями и по роду своей деятельности не имели большого интереса к юриспруденции. Участие в работе земкомиссий для них было дополнительной служебной нагрузкой, которую приходилось выполнять время от времени, поскольку большого потока дел на этом уровне не наблюдалось. Поэтому решения, принимаемые земкомиссиями, имели много ошибок: от неверного определения государственной пошлины и рассмотрения дел, не подведомственных комиссиям, до неправильного написания текста решений. Как свидетельствовал Наркомюст, в 1924 г. в большей части докладов (губсудов) отмечалось «очень плохое состояние работы низовых ячеек — волземкомиссий, отсутствие всякого надзора, контроля и инструктирования их со стороны уземкомиссий, отсутствие правильной постановки делопроизводства и т. п.»².

¹ См.: Стельмахович А. За ликвидацию земельных комиссий // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 20. С. 593.

² См.: Сводный отчет о деятельности губ- и облсудов за первое полугодие 1924 года. М., 1925. С. 53.

В-четвертых, волостные и уездные земкомиссии содержались за счет местного бюджета и в силу постоянного дефицита финансовых средств финансировались по остаточному принципу, порой не выделялись средства даже на проведение землеустроительных работ. У земкомиссий не только не было канцелярских принадлежностей, но и не на что было купить даже сборники законодательных актов, комментариев к ним и пособий. Получалась парадоксальная ситуация: дела рассматривали лица, не имеющие не только элементарных юридических знаний, но и необходимой справочной литературы. Шансы на вынесение правосудного решения в этих условиях были равны нулю, а его вынесение равносильно чуду.

В-пятых, недостаточные материальные условия работы неизбежно влекли за собой текучесть кадров. Сотрудники местных земельных органов уходили раньше, чем успевали усвоить элементарные правовые знания, необходимые для правильного разрешения земельных споров. Так, личный состав волостных земкомиссий Московской области в 1926 г. после выборов изменился больше чем наполовину: председатели комиссий — на 50%, заместители — на 52%, члены — на 70%. Соответственно «как общая, так и специальная подготовка работников ВЗК решительно недостаточна для правильного оправления возложенных на них обязанностей»¹.

Вследствие изложенных обстоятельств земкомиссии с самого начала были обречены на грубейшие нарушения законности. Призванные стать эффективным органом укрепления правопорядка в сфере земельных отношений земкомиссии на деле повсеместно порождали прямо противоположные результаты, признавая право неправомерным, оправдывая нарушителя или отказывая в защите нарушенного права по основаниям, не предусмотренным законом. Однако ВЦИК и СНК упорно, несмотря на негативные оценки в печати, критику со стороны Наркомата юстиции, на протяжении пяти лет сохраняли земкомиссии в начальном виде, без существенных корректировок и усовершенствований подсудности им дел, установленной Декретом ВЦИКа и СНК от 1 декабря 1924 г. Подобная позиция ВЦИКа и СНК свидетельствует о том, что уже в период нэпа советское государство в лице его центральных органов являло собой бюрократическое государство, культивирующее органы и порядки, которые «в целях защиты интересов трудящихся масс» грубейшим образом нарушали их права и свободы, искусственно создавали дополнительные препятствия на пути реализации субъективных прав в конкретных правоотношениях.

¹ *Стельмахович А.* Указ. соч. С. 593.

Глава 17. Трудовые сессии народных судов

Легализовав действие частных предприятий, советское государство сочло необходимым создать твердые юридические гарантии защиты прав трудящихся и эффективные процедуры успешного разрешения конфликтов в сфере труда и заработной платы. Особый упор был сделан на институты примирительного разбирательства: расценочно-конфликтные комиссии, примирительные камеры и третейские суды, организуемые на началах паритетного представительства сторон. Сторонам предоставлялась возможность самостоятельно выявить причины конфликта и согласовать способы его мирного разрешения. Вместе с тем государство изъявляло готовность содействовать разрешению трудовых конфликтов посредством их рассмотрения органами советского правосудия. Согласно Положению о судоустройстве РСФСР 1922 г. при каждом губернском суде были образованы специальные суды в виде трудовых сессий народных судов, действующие в том же порядке и по тем же правилам, что и народные суды. Основное отличие виделось в составе и подсудности дел.

Трудовые сессии действовали в составе постоянного народного судьи и двух постоянных членов суда, из которых одного избирал местный губпрофсовет, другого назначал местный губотдел труда. Народный судья, председательствующий на трудовых сессиях, должен был отвечать тем же требованиям, что и любой народный судья: 1) не быть опороченным по суду; 2) иметь право избирать и быть избранным в советы; 3) обладать как минимум двухгодичным стажем ответственной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профсоюзных или партийных рабочих организациях или трехгодичным стажем практической работы в органах советской юстиции, на должностях не ниже народного следователя. Специальных требований к членам трудовой сессии законодатель не устанавливал, полагаясь на разумность органов, направляющих своих сотрудников на такую ответственную и почетную работу, как правосудие.

Председательствующий и члены трудовых сессий избирались сроком на один год. Одновременно допускалась возможность перемещения председательствующего на другую должность в пределах губернии либо смещение с должности за совершение действий и поступков, «не совместимых с достоинством и назначением судебных деятелей», в порядке, предусмотренном Положением. Специальных предписаний по вопросам о возможности и основаниях досрочного отзыва членов трудовых сессий законодатель не устанавливал, предоставив это на усмотрение Наркомата труда, его местных органов и профсоюзов.

Подсудность дел трудовым сессиям определена ст. 2 Положения о судостроительстве и ст. 169 КЗоТа 1922 г. Несмотря на то что названные акты принимались одновременно на 4-й сессии ВЦИКа (октябрь—ноябрь 1922 г.), законодатель не сумел унифицировать их предписания по этому вопросу. Статьей 169 КЗоТа, принятого ВЦИКом 30 октября 1922 г., трудовые сессии уполномочивались рассматривать дела по всем без исключения фактам нарушения трудового законодательства и коллективных трудовых договоров — и по преступлениям, и по проступкам. Согласно ст. 132—134 УК РСФСР нарушение как индивидуальными нанимателями, так и должностными лицами государственных предприятий и учреждений КЗоТа РСФСР, иных нормативных правовых актов по вопросам труда и заработной платы, коллективных договоров каралось лишением свободы и штрафом. Кроме того, судебному разбирательству подлежали индивидуальные и групповые споры между нанимателями и рабочими (служащими) при том непереносимом условии, что соответствующие материалы ранее не направлялись в примирительные камеры.

Согласно ст. 2 Положения о судостроительстве РСФСР, принятого ВЦИКом 31 октября 1922 г., трудовые сессии должны были рассматривать только «дела о преступлениях по нарушению Кодекса законов о труде». Сложно сказать, какие причины побудили законодателя буквально на следующий день изменить свою позицию относительно подсудности трудовых сессий, ограничив ее рассмотрением уголовных дел. Скорее всего, была допущена законодательская ошибка, тем не менее именно она как последнее по времени волеизъявление законодателя подлежала непосредственной реализации, а соответствующие положения КЗоТа утрачивали регулятивное значение. Однако советское государство не считало нужным связывать себя правовыми принципами и трудовые сессии повсеместно с самого начала рассматривали как уголовные, так и гражданские дела. Законодательная ошибка была устранена лишь спустя четыре года с принятием ВЦИКом нового Положения о судостроительстве РСФСР от 19 ноября 1926 г.

Порядок кассационного обжалования приговоров и решений трудовой сессии был определен ст. 93 Положения следующим образом: «Кассационное обжалование приговоров трудовой сессии имеет место в обычном порядке в губернский суд, коему принадлежит ближайший надзор и наблюдение за деятельностью трудовых сессий нарсуда». Таким образом, по буквальному смыслу изложенной статьи разрешалось обжаловать только приговоры суда. Решения по трудовым спорам могли быть отменены, изменены лишь губернским судом в качестве

надзорной инстанции. Однако в ст. 92 Положения по этому поводу говорилось иначе: трудовые сессии народных судов действуют в том же порядке, что и народные суды. Соответственно решения трудовых сессий согласно ст. 235 ГПК РСФСР могли быть обжалованы в кассационном порядке в губернский суд. Практика пошла по пути, предписанному гражданским процессуальным законодательством, а законотворческая ошибка, как уже упоминалось, была исправлена спустя четыре года. Статья 36 Положения о судоустройстве РСФСР, принятого ВЦИКом 19 ноября 1926 г., закрепила действие трудовых сессий народного суда на общих основаниях с народными судами.

Советские правоведы единодушно усматривали в создании трудовых сессий очередную отеческую заботу партии и советского государства о трудящихся, об охране и защите их трудовых прав. Бесспорно, доля истины в этом есть. Ежегодно в РСФСР трудовые сессии рассматривали более 100 тыс. гражданских трудовых дел, причем их число год от года заметно увеличивалось. Так, Московская трудовая сессия рассмотрела в 1923 г. 4279 дел; в 1924 г. — 11 378; в 1925 — 20 342; за 10 месяцев 1926 г. — 20 264 дела. Следует также учитывать, что, по справедливому замечанию народного судьи Э. Андерсона, значение трудовой сессии не ограничивалось числом дел, показываемым статистикой, давало большой воспитательный эффект в отношении как работников, так и работодателей. В первые годы «встречалось большое количество исков, порожденных грубым невежеством отдельных администраторов либо их самодурством, головоуятипством. Сейчас, когда стали внимательнее подбирать администраторов и сами администраторы «подросли», эта категория исков значительно сократилась. В основном и целом наши администраторы трудовое законодательство усвоили, но продолжают еще очень часто “плавать” в таких вопросах, как увольнение, сверхурочные»¹.

Однако основной показатель рассмотрения трудовых дел — количество удовлетворенных исков в пользу рабочих — не был впечатляющим. В целом удовлетворялся полностью лишь каждый третий иск работников. В то же время процент удовлетворения исков о восстановлении на работе имел тенденцию к уменьшению. Если в 1926 г. было удовлетворено 34,5% таких исков, то в 1928 г. — лишь 28,4%, а показатель удовлетворения исков по делам об оплате сверхурочных и праздничных работ за тот же период снизился еще больше — с 30,3 до 22,6%². Как видим, народный суд по трудовым делам защищал по

¹ Андерсон Э. Трудовые сессии и обслуживание трудящихся // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 49. С. 1369.

² См.: Обухов В. Как работают трудовые сессии // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 19. С. 438.

преимуществу интересы государства от трудящихся, тогда как выделением трудовых споров из подсудности народных судов преследовались иные цели: создание твердых юридических гарантий защиты трудовых прав населения от произвола частного предпринимателя и бюрократических и необоснованных решений органов управления государственными предприятиями и учреждениями.

Предполагалось, что народный суд в составе судьи и двух заседателей из трудящихся не обладает достаточными профессиональными знаниями для надлежащего, базирующегося на законе и справедливости разрешения трудовых споров. Поэтому, мол, народных заседателей необходимо заменить на паритетных началах специалистами в области трудового права, состоящими на службе в Наркомате труда и его местных органах, и представителями профсоюзных органов, призванных защищать и охранять трудовые права рабочих и служащих. Народный судья, непосредственно заинтересованный в принятии законного и справедливого решения, будет стоять выше противоречивых интересов членов суда и искать компромиссное, но основанное на законе решение: 1) сурово карать работодателя, нарушающего трудовые права рабочих и служащих; 2) возмещать ущерб, причиненный работнику незаконными, произвольными решениями администрации, либо отказывать истцу, видящему нарушения своих прав в решениях, представляющих собой правомерную, основанную на законе реакцию администрации на допущенные им упущения в работе.

Однако на практике все оказалось намного прозаичней. Как правомерно признает А. Б. Иванов, «цели, которые преследовались при создании судебных органов по рассмотрению трудовых споров (максимальная доступность для трудящихся, упрощенный порядок судопроизводства, быстрота рассмотрения дел, а также вынесения и исполнения решений) так и не были достигнуты»¹. В числе главных недостатков трудовых сессий, препятствующих достижению поставленных целей, названы: меньшая профессиональность членов трудсессий, пришедших из профсоюзных организаций, чем у хозяйственников; слабость юридической защиты прав трудящихся; невнимательное (поверхностное) рассмотрение дел вследствие перегруженности и крайне тяжелых условий работы членов трудсессий; последнее по счету, но не по значению — волокита². Словом, советское

¹ *Иванов А. Б.* Судебный порядок разрешения трудовых споров в советском государстве в 20-е годы XX века: опыт правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 176.

² См.: *Жемчужникова М.* Недостатки существующей системы конфликтного разбирательства и меры к их устранению // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 17. С. 500.

государство не изобретало новых препятствий для трудовых сессий, оно просто поставило их в традиционные для всей судебной системы условия, характеризующиеся недостаточными материальными средствами, пробельным законодательством, отсутствием профессиональных юридических кадров, бюрократизмом и волокитой.

Трудовые дела из подсудности народных судов законодатель исключил не только и не столько во имя защиты трудовых прав рабочих и служащих, сколько в целях минимизации собственных расходов на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов управления государственными предприятиями и учреждениями. Законодатель прекрасно понимал, что народный суд, состоящий из рабочих и крестьян, будет выносить решения преимущественно в пользу истцов-рабочих, чем не преминут воспользоваться разного рода прогульщики, бракоделы и др., готовые урвать у государства незаработанные ими деньги, иные материальные ресурсы. Суд, по мнению идеологов советского права и государства, не мог рассматривать трудовые дела, не имея в своем составе представителя государства, способного защитить его материальные интересы, сократив до минимума число решений в пользу рабочих. Это обстоятельство имело первостепенное значение для создания трудовых сессий.

Вместе с тем после законодательного закрепления в составе суда постоянных представителей наркоматов труда в качестве профессиональных защитников трудовых прав рабочих и служащих идеологи сочли свою задачу выполненной и практически утратили интерес к мерам надлежащей защиты этих трудовых прав. Не был даже терминологически определен специальный суд по трудовым делам. В Положении о судопроизводстве 1922 г. названный суд обозначался терминами «особые трудовые сессии народных судов», «трудовые сессии народных судов», «трудовые сессии»; в Декрете СНК РСФСР об изменениях и дополнениях Положения 1922 г. — «особые сессии по трудовым делам»; в Основах судостроительства Союза ССР и союзных республик 1928 г. — «камеры народных судов по трудовым делам».

Одновременно законодатель стремился сэкономить деньги на членах суда, возложив на них обязанность осуществлять правосудие в качестве дополнительной нагрузки к их обязанностям по должностям, занимаемым ими ранее в Наркомате труда, его местных органах или в профессиональных союзах. Поэтому законодатель не установил прямого запрета на досрочную замену членов трудсессии по усмотрению направивших их органов, что на практике вылилось в постоянную чехарду с составом суда. В циркуляре от 16 января

1926 г. № 12 Наркомат юстиции констатировал, что профорганизации и исполкомы, на которые возложено командирование представителей профорганизаций и хозорганов в члены особых сессий народного суда по трудовым делам, не выделяют специальных лиц для указанной работы, а представляют взамен этого списки ряда лиц, которые должны исполнять обязанности членов означенных сессий по очереди. В результате нарушается единство состава особых сессий нарсуда по трудовым делам и создается весьма невыдержанная и несогласованная практика этих сессий¹. Защита государственных интересов также не была стабильной и во многом зависела от умения и навыков на время попавшего в состав суда трудового инспектора.

При рассмотрении трудовых дел обнаружились значительные пробелы трудового законодательства; действующие нормативные предписания в реальности порождали значительно больше вопросов, чем ответов. Как признавал председатель Особой сессии нарсуда по трудовым делам г. Москвы Э. Андерсон, «простота и доступность нашего трудового законодательства только кажущаяся. По поводу каждой из 192 статей Кодекса законов о труде возникают на практике сотни вопросов, которые и рабочими, и нанимателями зачастую понимаются по-разному. Эти разногласия в отношении трудового законодательства вовсе нельзя считать разрешенными томами нарком-трудовых разъяснений. Остается масса вопросов, ими не разрешенных, и трудсессиям приходится зачастую вносить сюда единообразие»². Однако далеко не каждый судья мог квалифицированно, со знанием дела формулировать основанные на праве судебные положения.

Практика трудовых сессий свидетельствует о недостаточном профессионализме судей, сказывавшемся негативно на результатах рассмотрения дел, законности и обоснованности принимаемых решений. Типичные судебные ошибки выражались, в частности, в распространении норм трудового права на гражданско-правовые отношения; разрешении споров на основании незарегистрированных или утративших силу за истечением срока договоров; отказах применять условия коллективных договоров к лицам, не состоящим в профсоюзах; разрешении исков о заработной плате согласно положениям, не предусмотренным действующим законодательством и трудовым договором. Например, отказ в иске мотивировался тем, что «удовлетво-

¹ См.: Циркуляр Наркомата юстиции от 16 января 1926 г. № 12 «О членах особых сессий народного суда по трудовым делам» // *Еженедельник советской юстиции*. 1926. № 4. С. 125.

² Андерсон Э. Указ. соч. С. 1369.

рение иска пагубно отразится на кооперативной организации и подорвет авторитет последней в глазах крестьянских масс»¹.

Еще один существенный недостаток порядка рассмотрения трудовых споров, указанных КЗоТе, состоял в судебной волоките, порождаемой возможностью неоднократно обжаловать принимаемые решения. По данным М. Маршева, один и тот же трудовой конфликт мог рассматриваться месяцами в разных, в том числе судебных, инстанциях 12, 15 и больше раз. Это весьма дорого обходились государству, поскольку в случае признания увольнения незаконным государственному предприятию, учреждению приходилось оплачивать работнику вынужденный прогул полностью со дня увольнения².

Более того, народные суды, трудовые сессии, действовавшие только при губернском суде, были малодоступны для трудящихся, проживающих в других городах и населенных пунктах губернии. Далеко не каждый мог позволить себе вояжи в губернский центр из-за отсутствия достаточных материальных средств. Однако закон никаких предписаний относительно организации и деятельности трудовых сессий в других городах, помимо губернского, не содержал. Весьма неблагополучно обстояло дело и с обеспечением юридической помощи рабочим в суде. Даже в Москве 60% истцов оставались без защиты, прибегали к помощи частных адвокатов либо пользовались услугами «ходатаев», инструктирующих, как вести дело³.

Несмотря на существенные недостатки деятельности трудовых сессий, Правительство, а также идеологи советского права и государства не спешили их исправлять, совершенствование шло «эволюционным путем», посредством устранения отдельных недочетов, без покушения на основы данного института. Советское государство, неустанно «заботящееся» о благополучии своего народа, в том числе трудящихся, в данном случае проявляло удивительную нерасторопность и медлительность. ВЦИК постановлением от 7 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Положения о судеустройстве РСФСР» наделил инспекторов местных отделов Наркомата труда правом поддерживать обвинение в суде и даже опротестовывать решения и приговоры, а Наркомат труда — правом судебного надзора по всем трудовым делам и опротестования приговоров, решений в Верховный Суд РСФСР. В то же время законодатель не счел возможным приблизить

¹ Волянский. Обзор практики народных и окружных судов Сибирского края по трудовым делам // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 42. С. 1305—1309.

² См.: Маршев М. Трудовые конфликты // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 49. С. 1371.

³ См.: Бухов М. Юридическая работа профсоюзов // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 49. С. 1373.

трудовые сессии к населению, предписав, что, если в уездах отсутствуют особые сессии по трудовым делам, последние рассматриваются народными судами в общем порядке.

Нерешительность законодателя в части расширения системы трудовых сессий была преодолена Наркоматом юстиции и Наркоматом труда. 23 марта 1923 г. Наркомюст своим нормативным актом «Об организации особых сессий Народного Суда по трудовым делам» предписал создавать трудовые сессии не только в губернских городах, но и в других крупных промышленных центрах. Потом Наркомюст пошел на поводу Наркомтруда и совместным циркуляром от 15 мая 1923 г. разрешил в местностях, где трудовые сессии не учреждены, дела, подсудные этим трудсессиям, рассматривать в народных судах в общем порядке. Инспектору по труду в этих случаях предоставляется право знакомиться с производством по делу, давать заключения по этим делам, поддерживать обвинение, получать копии приговоров и решений и других имеющихся в деле материалов, а также приносить кассационные жалобы в губсуд в установленный срок¹.

Хотя в данном случае имело место грубейшее посягательство на компетенцию ВЦИКа, он не стал делать из этого трагедию и закрепил в Положении о судостроительстве РСФСР от 19 ноября 1926 г. собственное видение данной проблемы в качестве общеобязательного. Согласно ст. 34 Положения особые сессии народного суда по трудовым вопросам могли образовываться в главных городах автономных республик, в центрах краевых и областных административно-территориальных объединений, областных, губернских и окружных городах и промышленных центрах согласно постановлению соответствующих судов. В то же время в уездах не допускалось создавать трудовые сессии народных судов, а трудовые дела в них подлежали рассмотрению судами в общем порядке.

Другая принципиальная новелла Положения состояла в замене члена суда, направляемого органами Наркомтруда, сотрудником хозяйственных органов, избираемого местным губисполкомом по представлению отделов местного хозяйства или советов народного хозяйства. При этом избираемые члены трудовых сессий должны были работать в суде постоянно, на общих основаниях с народными судьями, получая заработную плату из бюджета исполкомов местных Советов.

Замена инспекторов по труду сотрудниками хозяйственных органов в юридической литературе объяснялась загруженностью работ-

¹ См.: Циркуляр № 95 НКЮ и НКТ от 15 мая 1923 г. «О порядке рассмотрения дел в трудовых сессиях» // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 20. С. 478.

ников местных отделов Наркомтруда работой, что отражалось неблагоприятно на их судебной деятельности¹. Однако существовала и другая, более веская причина подобной меры. Инспекторы по труду не сумели оправдать доверие советского Правительства в качестве стойких защитников интересов государства. Будучи выходцами из рабочих, инспекторы слабо знали действующее законодательство и зачастую становились на сторону истцов, соглашаясь с решениями в их пользу. Представители хозяйственных органов, непосредственно заинтересованные в успешности государственных предприятий, позиционировались более стойкими борцами за государственные интересы, нежели их предшественники, и, как показывает статистика, процент решений суда, принимаемых с их участием в пользу ответчиков, несколько повысился.

Таким образом, ВЦИК за четыре года работы трудовых сессий с 1922 по 1926 г. не принимал эффективных мер по ликвидации пробелов материального и процессуального права по вопросам их деятельности, не создал дополнительных гарантий обеспечения юридической помощи рабочим и служащим по защите их трудовых прав, сохранил в неизменном виде такие негативные явления, как бюрократизм и волокита, допускаемые судами при разрешении трудовых конфликтов рабочих и служащих с их работодателями. Заметный «прорыв» был сделан ЦИКом СССР и СНК СССР, принявшими своим постановлением от 29 августа 1928 г. Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, которые в течение следующих трех лет постоянно совершенствовались, изменялись с учетом практики их применения и необходимости устранить возникающие при этом негативные процессы.

В развитие и совершенствование постановления от 29 августа 1928 г. ЦИК СССР и СНК СССР приняли еще семь нормативных правовых актов, что позволило ликвидировать значительную часть пробелов в законодательстве РСФСР и других союзных республик и обеспечить единообразие правового регулирования порядка разрешения трудовых конфликтов во всей стране. В то же время постановление предоставляло союзным республикам право дополнять общесоюзные установления предписаниями сообразно местным условиям и особенностям, а также принимать нормы по вопросам организации и деятельности трудовых сессий и порядка рассмотрения уголовных дел, связанных с нарушениями трудового законодательства.

¹ См.: Обухов В. Как работают трудовые сессии. С. 438.

Постановление от 29 августа 1928 г. определило перечень дел, рассматриваемых трудовыми сессиями, ограничив его тремя случаями: 1) конфликт, подлежащий обязательному рассмотрению в расценочно-конфликтной комиссии, не получил разрешения в этой комиссии; 2) работник обратился в трудовую сессию по делу о конфликте, не подлежащем обязательному рассмотрению в расценочно-конфликтных комиссиях; 3) решение расценочно-конфликтной комиссии было отменено органом труда в порядке надзора. Остальные трудовые конфликты надлежало разрешать органами примирительного-третейского разбирательства. Постановление также устанавливало конкретные сроки подачи в трудовую сессию заявлений о рассмотрении конфликтов, порядок исчисления этих сроков, а также порядок кассационного обжалования решений трудовых сессий и их рассмотрения краевым (областным) судом, главным судом автономной республики или межрайонным судом.

В целях борьбы с волокитой постановлением определялись достаточно короткие сроки рассмотрения дел в первой и второй инстанциях, а также неясные вопросы восстановления неправильно уволенных работников регламентировались в пользу работников. В частности, закреплялось право работника на получение вознаграждения за все время прогула, вызванного неисполнением со стороны нанимателя соответствующего решения расценочно-конфликтной комиссии или трудовой сессии, до момента фактического восстановления в должности или на работе.

Постановление, ликвидировав пробелы в республиканском законодательстве, ясно показало, что аналогичные нормы могли быть приняты без особого труда ВЦИКом и СНК РСФСР при их заинтересованности в надлежащем укреплении законности работы трудовых сессий и желании реально защитить трудовые права населения. Практика деятельности трудовых сессий убедительно свидетельствовала о значительных пробелах в существующем законодательстве и необходимости их восполнения. Однако Наркомат юстиции, ответственный за судебную политику, предметной подготовке соответствующих законопроектов предпочитал написание циркуляров с призывами к борьбе за законность в деле правосудия и обвинениями трудовых сессий в неумении обеспечить проведение жесткой классовой позиции в отношении нарушителей трудовых прав граждан.

Демократичные нормы союзного законодательства, к сожалению, на деле оказались не более чем цветами запоздалыми. К концу 1920-х г. нэп уступал место другой политике советского государства, ориентированной на создание в стране мощной индустрии, требую-

щей максимально полного и рационального использования трудовых ресурсов на стройках социализма и, соответственно, принятия эффективных мер по укреплению трудовой и производственной дисциплины. Романтизм рабочей демократии периода нэпа и использованные ею средства разрешения трудовых конфликтов утратили свое значение в связи с ликвидацией частных предприятий и принятием курса на ужесточение дисциплины на государственных предприятиях и в учреждениях, начало которому было положено постановлением СНК СССР от 6 марта 1929 г. «О мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях».

В постановлении от 6 марта 1929 г. отмечалось, что огромная задача социалистического переустройства всего народного хозяйства Советского Союза может быть решена только напряженными усилиями рабочих масс и при активном их участии во всей хозяйственной работе, поэтому СНК СССР считает необходимым сосредоточить в настоящее время исключительное внимание как хозяйственных органов, так и профессиональных организаций на вопросах трудовой дисциплины и призывает широкие массы рабочих оказать дружную поддержку всем мероприятиям, направленным к ее укреплению.

Постановление предусматривало практически две, но весьма жесткие антидемократические меры. Администрации государственных предприятий и учреждений предоставлялось право самостоятельно (без согласования с профсоюзными органами) налагать на работников за нарушение трудовой дисциплины все предусмотренные взыскания — вплоть до увольнения — и вводился запрет на судебную защиту незаконно уволенных работников. Решения расценочно-конфликтных комиссий по вопросам увольнения признавались окончательными и обжалованию не подлежали. Как видим, под флагом борьбы за укрепление трудовой дисциплины СНК СССР фактически предоставил администрации безграничные права в части увольнения как нарушителей трудовой дисциплины, так и неугодных администрации принципиальных работников, не желавших мириться с имеющимися на предприятиях недостатками и упущениями.

На сей раз Наркомат юстиции поступил оперативно и решительно: 15 марта 1929 г. он принял специальное циркулярное письмо № 33 «О задачах суда и прокуратуры в борьбе за укрепление трудовой дисциплины», призвав судебные и прокурорские органы проявлять твердость в борьбе как со злостными прогульщиками, хулиганами и вредителями на производстве, так и с административно-техническим персоналом предприятий, проявляющим слабость в отношении прогульщиков и нарушителей трудовой дисциплины.

Вопрос о защите трудовых прав граждан трудовыми сессиями ушел на второй план, а в печати появились предложения об упразднении трудовых сессий в связи с недостаточной их загруженностью, тогда как «мы напрягаем все усилия к выполнению вне срока пятилетки, когда мы не должны допускать никаких накладных расходов»¹. Однако фактическая дата прекращения деятельности трудовых сессий оставалась неясной. Постановление от 29 августа 1928 г. «Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов» официально было отменено лишь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1957 г., но трудовые сессии как специальные суды были закрыты намного раньше. Законом СССР от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» трудовые сессии исключались из состава специальных судов, что означало признание народного суда единственным и единым органом рассмотрения трудовых споров.

¹ Дивонин Г. Работа в трудсессии // Советская юстиция. 1930. № 11. С. 21.

Раздел VI

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ СУДЫ, ЛЕГАЛИЗОВАННЫЕ СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Глава 18. Органы примирительно-третейского разрешения трудовых конфликтов

В период нэпа советское государство всерьез и небезосновательно опасалось протестных выступлений рабочих, не согласных с его политикой, направленной на укрепление дисциплины труда, повышение требований к качеству производимой продукции, сохранение и дальнейшее снижение и без того недостаточно высокого уровня заработной платы. Так, в 1922 г. в стране состоялись 497 забастовок (в том числе в промышленности — 364, на транспорте и предприятиях связи — 92) с общим числом участников 186 297 человек¹. По данным информотдела ЦК ВКП(б), основными причинами протестных выступлений рабочих в годы нэпа были несвоевременная выплата заработной платы, а также повышение норм выработки, снижение расценок, сокращение штата, неприемлемые условия труда, недопустимое поведение администрации и проч. Недовольство рабочих заработной платой и нормами выработки справедливо объяснялось не только недостатками управления экономикой, но и периодически проводимыми кампаниями, связанными с повышением производительности труда, отношение к которым у рабочих во многих случаях было негативным².

Одно из рациональных средств снятия негативной реакции на хозяйственную политику периода нэпа и осуществления конкретных мер администрации предприятия и органов управления учреждениями партия и государство видели в законодательном закреплении эффективных механизмов рассмотрения и разрешения трудовых

¹ См.: Лобок Д. В. Роль профсоюзов в становлении системы социального партнерства в период нэпа, 1921—1925 гг. // Правоведение. 2006. № 6. С. 83.

² См.: Андреев А. Ю. Трудовые конфликты в период нэпа (По материалам сводок информотдела ЦК ВКП(б). URL: <http://istprof.ru/1062.html>.

конфликтов. Согласно ст. 168 КЗоТа РСФСР наряду с *принудительным порядком* разрешения трудовых конфликтов особыми сессиями народного суда действовал *третейско-примирительный*, практикуемый на паритетных началах расценочно-конфликтными комиссиями (РКК), примирительными камерами и третейскими судами. Выбор порядка защиты нарушенного трудового права, как правило, определялся усмотрением потерпевшего.

Первым законодательным актом по вопросам разрешения трудовых конфликтов был Декрет СНК от 18 июля 1922 г., утвердивший Положение о примирительных камерах и третейских судах. Положением предусматривалось создание при Наркомате труда и его местных органах (наркоматах труда автономных республик и отделах труда при губернских, уездных (до 1923 г.) исполкомах Советов) примирительных камер и третейских судов, правомочных рассматривать конфликты между администрацией предприятия и его работниками при заключении, выполнении и изменении коллективных договоров, а также иные конфликты в сфере трудовых отношений. В развитие изложенных предписаний Наркомат труда 3 ноября 1922 г. принял Положение о расценочно-конфликтных комиссиях. Последние штрихи в судебном порядке разрешения трудовых конфликтов были внесены Декретом СНК РСФСР от 23 марта 1923 г. «Положение о примирительных камерах и третейских судах», закрепившим новую редакцию Декрета СНК от 18 июня 1922 г. В результате получился достаточно сложный, но на первый взгляд вполне приемлемый механизм разрешения трудовых конфликтов.

Как отмечает М. Жемчужникова, двойная система конфликтного разбирательства — примирительно-третейская и судебная — наилучшим образом приспособлена для всестороннего обеспечения интересов трудящегося. В случае конфликта, возникшего вследствие нарушения прав работника, установленных законом или коллективным договором, к его услугам трудовая сессия — орган государственной власти, имеющий в своем распоряжении судебно-следственный аппарат. Если конфликт касается установления условий труда или вообще вопросов, не урегулированных законом и коллективным договором, работник может разрешаться в примирительной камере или третейском суде при ближайшем участии с правом решающего голоса профсоюзных организаций. И наконец, для разрешения мелких повседневных вопросов и споров существует РКК, в которой интересы работника защищает профсоюзная организация, имеющая равные права с нанимателем¹.

РКК была присуща весьма демократичная форма организации и деятельности. Комиссия формировалась из штатных работников

¹ См.: Жемчужникова М. Указ. соч. С. 499.

предприятия, учреждения на паритетных началах и состояла из равного числа представителей администрации предприятия, учреждения и местного, фабрично-заводского комитета профсоюзов. Число представителей с той и другой стороны оговаривалось в коллективном договоре либо устанавливалось соглашением сторон. На крупных предприятиях со многими цехами или относительно самостоятельными звеньями могли создаваться цеховые РКК, решения которых подлежали утверждению заводской РКК.

Основное назначение РКК сводилось к принятию согласованных решений по вопросам коллективного договора или тарифных соглашений, устраивающих в равной мере и работников, и администрацию предприятия, учреждения, а также к подготовке проекта правил внутреннего трудового распорядка. Кроме того, РКК должны были рассматривать заявления рабочих или местного комитета профсоюзов о проверке правильности расчетов по заработной плате как общей, так и отдельных лиц, разрешать конфликты, возникающие на почве толкования и исполнения коллективного договора и трудовых договоров.

Заседания РКК должны были проходить, как правило, открыто, не реже одного раза в неделю и в рабочее время. На период участия в заседаниях РКК за ее членами сохранялась заработная плата не ниже их среднего заработка. Для принятия решения значительной части вопросов, рассматриваемых РКК, требовалось простое большинство при любом числе ее членов с обеих сторон. Однако вопросы, решенные подобным образом, могли быть поставлены профсоюзным органом или администрацией предприятия на вторичное рассмотрение, и в этом случае решение принималось только соглашением сторон. Решения по конфликтам, связанным с разными трактовками тех или иных положений коллективного договора, практикой его реализации либо исполнения трудовых договоров, а также в процессе создания проекта правил внутреннего трудового распорядка, принимались исключительно соглашением сторон.

Решения РКК признавались обязательными для обеих сторон и обжалованию не подлежали. Для ликвидации конфликтов, по которым решение РКК не состоялось, профсоюзные органы могли обращаться в примирительную камеру. Решения РКК, признанные органами Наркомата труда недействительными вследствие несоответствия закону, направлялись в РКК для принятия нового, законного решения.

Согласно Положению о примирительных камерах и третейских судах, утвержденному 23 марта 1923 г. СНК РСФСР, примирительные

камеры учреждались Наркоматом труда или его местными органами при наличии согласованного заявления спорящих сторон. Примири- тельным камерам были подсудны споры по заключению, толкованию и изменению коллективных договоров или тарифных соглашений, а также споры, возникающие между сторонами по трудовому договору, но при наличии согласия сторон на передачу конфликта в примири- тельную камеру. Стороной, защищающей права рабочего, служащего, должен непременно выступать профсоюзный орган.

Примири- тельная камера состояла из председателя, назначаемого уполномоченным на это органом Народного комиссариата труда, и представителей сторон. Характерно, что председатель не имел ре- шающего голоса, его задача сводилась лишь к содействию в при- нятии сторонами примири- тельного согласованного решения и его подписанию. Достигнутое в примири- тельной камере соглашение, подписанное председателем и обеими сторонами, становилось для сторон обязательным. В Положении особо подчеркивалось, что при обнаружении примири- тельной камерой признаков уголовных дея- ний соответствующие материалы подлежали выделению и немедлен- ному направлению в суд.

Третейский суд должен был принять решение по всем спорам, по которым участники конфликта не смогли достичь согласия в РКК и в примири- тельной камере. По норме ст. 171 КЗоТа РСФСР назван- ный орган образовывался на основании записи, составленной Нар- коматом труда или его местными органами и подписанной сторо- нами с обязательством подчиниться решению суда. Для государ- ственных предприятий и учреждений третейский суд признавался обязательным, а его главная особенность заключалась в том, что не- способность сторон прийти к согласованному решению компен- сировалась волевым решением, принимаемым председателем третей- ского суда единолично с учетом интересов государства, предприя- тия и работников.

Суд состоял из председателя (суперарбитра), избираемого согла- шением сторон, а при отсутствии такового — Наркоматом труда или его местным органом, и равного числа представителей спорящих сторон. Решение принималось соглашением представителей сторон; если представители не приходили к консенсусу, то одним суперар- битром. Решение третейского суда являлось обязательным для сто- рон и подлежало добровольному исполнению обязанной стороной. В случае отказа нанимателей исполнять решение органы Наркомата труда передавали его в народный суд, который в течение суток де- лал надпись о приведении решения в исполнение в принудительном

порядке. Решение третейского суда, возлагавшего ту или иную обязанность на работников, проводилось в жизнь профессиональными союзами. Надзор за деятельностью РКК, примирительных камер и третейских судов осуществляли Наркомат труда, его местные органы и органы прокуратуры.

Органы примирительно-третейского правосудия в период нэпа пользовались большой популярностью у рабочих и служащих, видевших в них защитников своих прав, которые в период нэпа нередко нарушались как частными, так и государственными предприятиями, желавшими минимизировать свои материальные расходы на восстановление заводов и фабрик и производство продукции. Например, профсоюзы Москвы в 1925—1926 гг. в органы примирительно-третейского правосудия направили 5456 дел в защиту прав 466 804 трудящихся. По вопросам заключения и исполнения коллективных договоров состоялись 956 третейских судов, охвативших 329 443 трудящихся, и 4500 судов по иным вопросам реализации трудовых прав 137 361 граждан. За тот же период в примирительные камеры были направлены девять дел по коллективным договорам и 541 дело в защиту трудовых прав 6759 трудящихся¹. Всего же в РСФСР органы примирительно-третейского правосудия ежегодно рассматривали более 100 тыс. дел. Поводом для подачи заявления в РКК служили нарушения трудового закона по вопросам заработной платы (64% жалоб), увольнения (17% жалоб), охраны труда (10,3% жалоб)².

Бесспорно, деятельность органов примирительно-третейского правосудия, в первую очередь РКК, обладает определенными достоинствами, как-то: доступность для участников конфликта; быстрота и непосредственное рассмотрение дела; демократизм рассмотрения дела и принятия решения; знание членами РКК условий, породивших конфликт. Однако все эти достоинства имеют несомненную ценность при одном неперменном условии — вынесении обоснованного, правомерного и справедливого решения. РКК, как и всякий иной судебный орган, оправдывает свой статус в той мере, в какой она способна выносить правосудные решения. Все остальные блага и ценности меркнут на фоне неправосудных решений, в которых правым признается виноватый, ищущий защиты — правонарушителем. К сожалению, процент правосудных решений РКК, особенно первых пяти лет ее деятельности, был недостаточно высоким.

По итогам изучения практики РКК первых двух лет В. Бухов выявил девять причин (больных мест), препятствующих вынесению

¹ См.: *Маршев М.* Указ. соч. С. 1372.

² См.: *Радус-Зенькович В.* Борьба с волокитой в трудовых делах // *Еженедельник советской юстиции.* 1928. № 7. С. 197.

обоснованных и справедливых решений. Первое — протаскивание решений, оправдывающих правовой произвол администрации. «Пример: “Слушали заявление т. Иванова о восстановлении его в должности”. Постановили: “отказать”. Что можно вынести из такого протокола, какие мотивы легли в его основу? Это второе большое место в решениях РКК. Только 10—15% решений РКК отражают полностью все дело... Прием дел, не подведомственных РКК, — третье большое место. Вынесение решений заочно без вызова заинтересованных лиц — четвертое большое место. Вынесение решений по совершенно необследованным делам — пятое большое место. Например, “заявление заведующего пивной Моссельпрома № 77 о неисполнении распоряжений и о грубом обращении судомойки Нестеровой”. Постановили: “уволить”. Разбор дел, пролежавших в РКК несколько недель, — шестое. Допущение грубых нарушений трудового законодательства в решениях РКК — седьмое. Обход закона — применение имеющей формально-правильную видимость статьи ввиду невозможности действительно законно уволить — восьмое. Например, вместо увольнения ввиду преступления — увольнение по непригодности. Отсутствие паритета в решениях — девятое. Кто жалуется на решения РКК? Исключительно рабочие и служащие. Администрация в огромном, подавляющем большинстве случаев довольна решениями РКК. Значит, что те незаконные решения РКК, которые обжалованы и отменены, при которых присутствовали представители администрации, распоряжение которой дало начало конфликту, — угодны администрации»¹.

Выявленные В. Буховым недостатки сохранялись и в последующие годы². Иной результат был бы просто невозможен в той обстановке. Качественно совершенное правосудие достижимо при таких неперенных, но не выполнимых для РКК условиях, как: 1) достаточный профессионализм лиц, осуществляющих правосудие, наличие у них навыков сбора и оценки доказательств, юридической квалификации и подготовки оптимального решения; 2) развитое, не имеющее пробелов и противоречий законодательство; 3) обязанность администрации предприятий подчиняться законным требованиям профсоюзных органов. Даже при заключении коллективных договоров, по данным В. Д. Лобка, «администрация предприятий применяла полный набор методов, присущих рыночной эконо-

¹ Бухов В. Рассмотрение трудовых споров в расценочно-конфликтных комиссиях // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 32. С. 1074.

² См.: Камардин И. Н. Разбор конфликтов расценочно-конфликтными комиссиями на предприятиях Поволжья в период нэпа // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс: период. науч. изд. Т. 1. Пенза, 2013. № 11 (15). С. 31—36.

мике, для отстаивания своих интересов... В период перезаключения коллективных договоров в 1927 г. из 814 договоров, охватывающих 400 тыс. рабочих, на период завершения кампании было подписано только 533 договора, охватывающих 280 тыс. рабочих»¹.

Между тем ВЦИК и СНК на протяжении пяти лет не предпринимали даже мер к совершенствованию законодательства по вопросам организации и деятельности РКК, преодолению имеющихся в законодательстве пробелов, хотя это можно было сделать без особого труда посредством изучения и обобщения богатейшей судебной практики. В этих же негативных условиях работ действовали и остальные органы примирительно-третейского правосудия: примирительные камеры и третейские суды. Соответственно и они были не столько сражающимися за законность органами, сколько сражаемыми не зависящими от них реальными условиями.

Решающее значение в этих условиях имели способность и желание профсоюзных органов стойко и компетентно отстаивать права работников. Как отмечал Э. Андерсон, крупнейшие промышленные предприятия с тысячами рабочих за все время существования в Москве трудовой сессии ни разу в ней не фигурировали в качестве ответчиков, поскольку рабочие этих предприятий находили достаточную и авторитетную защиту справедливых своих интересов в самом предприятии в лице своих завкомов². Однако, как показала практика тех лет, далеко не все органы обладали этими качествами, определенная, а в ряде регионов и значительная их часть шла на поводу администрации предприятий и учреждений и придавала ее волевым решениям видимость законности и справедливости. По данным И. Н. Камардина, РКК Пензенского треста грубых сукон в I квартале 1927/28 г. рассмотрели 516 вопросов, из которых в пользу администрации были решены 59% дел, в пользу профсоюзов — 35%; за II квартал в пользу администрации решены 68,9%, в пользу профсоюзов — 19,4%. Аналогичным соотношением характеризовались решения РКК Завода имени Масленникова в Самаре, фабрики «Маяк революции» Пензенской губернии, Пензенского союза химиков, Саратовского союза металлистов. Однако РКК астраханских предприятий более успешно отстаивали права трудящихся. В 1926 г. они рассмотрели 5508 дел, из которых в пользу рабочих были решены 61,8%, в пользу нанимателя — 28,79%³.

Решительные меры по совершенствованию законодательства о третейско-примирительных органах были приняты после обсужде-

¹ Лобок В. Д. Указ. соч. С. 89.

² См.: Андерсон Э. Указ. соч. С. 1370.

³ См.: Камардин И. Н. Указ. соч. С. 34—35.

ния практики их действия в «Правде» и иных центральных органах печати и подготовки соответствующих предложений Наркоматом труда, ВЦСПС, РКИ, суть и необходимость принятия которых разъяснялись в объемной статье члена Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б) В. Радус-Зеньковича «Борьба с волокитой в трудовых делах», опубликованной в «Еженедельнике советской юстиции». Автор указал, что основной недостаток действующего порядка рассмотрения трудовых конфликтов заключается в параллелизме, множественности и перепутанности инстанций, известной произвольности в их использовании, возможности злоупотреблений, фактической неоконченности решений в каждой инстанции¹. Предложенные в статье меры по преодолению названных недостатков получили отражение в постановлении ЦИКа СССР и СНК СССР от 29 августа 1928 г. «Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов»².

Характерно, что Правилам был придан всеобщий характер, они должны были действовать единообразно на всей территории СССР, поскольку законодательным органам союзных республик не предоставлялось право принятия дополняющих и развивающих их актов. Лишь наркоматам труда союзных республик разрешалось издавать постановления, дополняющие положения Народного комиссариата труда Союза ССР о расценочно-конфликтных комиссиях, примирительных камерах и третейских судах применительно к местным условиям.

СНК СССР не устанавливал положений, определяющих цели Правил от 29 августа 1928 г., акт вообще не имеет преамбулы, в то же время их подчиненность задачам укрепления законности в сфере трудовых отношений очевидна и бесспорна. Правила, с одной стороны, конкретизировали порядок рассмотрения правовых конфликтов, с другой — содержали предписания, проводившие в жизнь политику советского государства на укрепление трудовой дисциплины, устранение таких недостатков республиканского законодательства и практики его применения, как пробельность, волокита, бюрократизм, либеральное отношение к должностным лицам предприятий и учреждений, грубо нарушающих трудовое законодательство и безосновательно посягающих на права рабочих и служащих.

Правила наделили РКК функциями правотворческого и судебного органа. К ее ведению были отнесены: во-первых, утверждение

¹ См.: Радус-Зенькович В. Борьба с волокитой в трудовых делах. С. 196.

² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением делами СНК СССР и СТО. Отд. I. 1928. № 56. Ст. 494, 495. С. 1085—1097.

норм выработки, сдельных расценок, разбивка работ и должностей по тарифным разрядам, установление нормального процента брака, форм испытания, проб и иных новых условий труда, а также разрешение иных вопросов, отнесенных к ее ведению законом или коллективным договором; во-вторых, разрешение всех конфликтов, возникающих между работниками и нанимателем при применении законов о труде, коллективных и трудовых договоров и правил внутреннего трудового распорядка. При этом РКК признавалась основной первичной и, как правило, единственной инстанцией рассмотрения значительной части коллективных и индивидуальных трудовых конфликтов, в том числе по поводу оплаты и условий труда, изменения трудового договора, увольнения по мотивам профессиональной непригодности и систематического неисполнения без уважительных причин трудовых обязанностей.

В целях борьбы с волокитой и бюрократизмом Правила устанавливали конкретные, достаточно короткие сроки подачи заявления на действия и решения администрации предприятий и учреждений, а также исключали возможность пересмотра решений РКК другими судебными инстанциями. Принимаемые соглашением сторон решения РКК приобретали обязательную силу сразу же после их подписания председателем и секретарем соответствующего заседания и подлежали незамедлительному исполнению. Допускалось перенесение дела из РКК в другую судебную инстанцию лишь в двух случаях: когда стороны не пришли к соглашению или решения РКК отменены органами труда в порядке надзора. Подобный порядок, ориентированный на защиту законности, в определенных случаях мог приводить к прямо противоположным результатам — исполнению неправоудного решения, в том числе оправданию незаконного увольнения работника.

Согласно циркулярному письму Наркомата юстиции от 15 марта 1929 г. № 33 «О задачах суда и прокуратуры в борьбе за укрепление трудовой дисциплины» судебным органам предписывалось не принимать к рассмотрению иски о восстановлении в должности после увольнения, связанного с нарушениями правил внутреннего трудового распорядка (п. «г» и «е» ст. 47 КЗоТ), во всех тех случаях, когда уволенный не обращался предварительно за разрешением конфликта в РКК или решением РКК увольнение признано правильным¹. Между тем решение, которым «увольнение признано правильным», может оказаться неправильным по существу из-за конформистской

¹ См.: Циркулярное письмо НКЮ № 33 // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 13. С. 304.

позиции профкома, не пожелавшего вступить в конфликт с администрацией предприятия, учреждения¹.

Соответственно Правила создавали реальную возможность принятия неправосудные решения, поощряющие и поддерживающие незаконные действия администрации предприятий и учреждений. По всей видимости, законодатель уже в то время придерживался известного принципа, согласно которому допускается применение ответственности к невиновным лицам во имя того, чтобы все виновные лица без какого бы то ни было исключения понесли заслуженное наказание, в том числе должностные лица, виновные в нарушениях трудовых прав рабочих и служащих. Правила обязывали профсоюзные органы сообщать в прокуратуру о выявленных в процессе работы РКК фактах незаконных действий нанимателя, содержащих в себе признаки преступной бесхозяйственности, корысти, произвола или вредительства, а также о нарушениях законов о труде.

ЦИК СССР и СНК СССР рассматривали примирительные камеры как особую инстанцию при местных органах Наркомата труда, разрешающую трудовые конфликты, если члены РКК не сумели принять согласованного решения по вопросам заключения, изменения, дополнения и толкования коллективных договоров либо установления новых условий труда. Примирительные камеры состояли из трех членов: председателя, назначенного соответствующим органом труда, и по одному уполномоченному от профкома и нанимателя, делегированных РКК, не сумевшей принять согласованного решения. Цель примирительной камеры состоит в том, чтобы помочь сторонам найти путь выработки согласованного решения и принять его. Председатель примирительной камеры не имел права голоса в принятии решения, его задача ограничивалась содействием принятию законного решения, удовлетворяющего конфликтующие стороны.

Правила не внесли существенных корректировок в порядок организации и деятельности третейских судов, закрепленный законодательством РСФСР. Предписывалось данный судебный орган создавать в составе уполномоченных представителей сторон конфликта (по одному от профсоюза и нанимателя) и председателя (суперарбитра), избираемого по соглашению сторон или назначаемого соответствующими органами труда по просьбе обеих сторон. Третейский суд был правомочен рассматривать дела, не получившие разрешения в РКК либо примирительной камере, и гарантировал принятие решения по соглашению сторон либо единолично председателем суда.

¹ См.: Петровский П. Внимание трудовой дисциплине // Советская юстиция. 1930. № 14. С. 12–14.

Правила предусматривали детальное регулирование отношений, связанных с надзором за деятельностью расценочно-конфликтных комиссий, примирительных камер и третейских судов, осуществляемое Народным комиссариатом труда Союза ССР, народными комиссариатами труда союзных республик и местными органами труда. Названные органы наделялись правом отменять решения расценочно-конфликтных комиссий, примирительных камер и третейских судов, в частности, в случаях: а) ухудшения условий труда по сравнению с закрепленными законом или коллективным договором; б) превышения максимальных норм, установленных законом или коллективным договором; в) нарушения правил организации и пределов компетенции расценочно-конфликтных комиссий, примирительных камер и третейских судов. При отмене решения расценочно-конфликтной комиссии орган труда направлял дело на новое рассмотрение в ту же расценочно-конфликтную комиссию или трудовую сессию народного суда. Постановления Наркомата труда по решениям органов третейско-примирительного разбирательства имели обязательное значение и могли быть пересмотрены лишь в исключительных случаях по протесту прокуратуры в связи с наличием в этих постановлениях норм, существенно нарушающих интересы государства или трудящихся.

Таким образом, Правила представляли собой первый законодательный акт, детально закрепивший основы правового регулирования отношений, связанных с разрешением трудовых конфликтов, и имели большое значение в деле укрепления законности в сфере производства материальных благ, в процессе перевода заводов и фабрик на социалистические рельсы. Реальному действию Правил ЦИК СССР и СНК СССР придавали решающее значение до 1931 г., о чем свидетельствуют внесенные ими последующие изменения и дополнения. Одновременно с принятием постановления СНК СССР от 6 марта 1929 г. «О мерах к укреплению трудовой дисциплины на государственных предприятиях» акцент с проблем защиты трудовых прав рабочих и служащих был перенесен на проблемы всемерного укрепления трудовой дисциплины, и на смену демократии в трудовых отношениях постепенно приходит авторитарный режим «завинчивания гаек».

Постановлением ЦИКа СССР, СНК СССР и ВЦСПС от 23 июня 1933 г. «Об объединении Народного комиссариата труда Союза ССР с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов» Наркомат труда СССР и соответственно наркоматы труда союзных республик, а также их местные органы были упразднены, а вместе с ними — находящиеся под их руководством примирительные камеры

и третейские суды. Затем, как уже говорилось, с принятием в 1938 г. Основ судостроительства Союза ССР перестали работать трудовые сессии. Лишь РКК продолжали действовать до очередной реформы законодательства в 1958—1964 гг.¹

Глава 19. Товарищеские, производственно-товарищеские суды

Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 27 августа 1928 г. «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях в государственных и общественных учреждениях» предписывалось в изъятие из общего порядка рассмотрения уголовных дел, установленного Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, организовать на фабрично-заводских предприятиях, а также в государственных и общественных учреждениях и на предприятиях товарищеские суды. К их подсудности были отнесены дела об обидах и оскорблениях, возникающих между лицами, работающими на этих предприятиях и в учреждениях.

Сразу же возникает вопрос: почему товарищеские суды, действующие на предприятиях и учреждениях, должны были рассматривать дела частного обвинения, напрямую не связанные с укреплением трудовой и производственной дисциплины? Ответ кроется в обстоятельствах, породивших инициативу создания подобных органов общественного правосудия. Инициатива исходила от Наркоматов РКИ СССР и РСФСР, которые в ходе проверки работы судов и иных органов юстиции в 1927 г. столкнулись, как им представлялось, с ситуацией нерационального расходования сил и средств народных судов на рассмотрение дел частного обвинения. Они сочли, что дела не имеют большой общественной опасности, их рассмотрение суд должен вести в том же порядке, что и любое уголовное дело, а не тратить практически впустую средства и время, да еще отвлекать трудящихся на участие в суде в качестве свидетелей, потерпевших, обвиняемых. Как отмечал В. Осипович, «все такие дела слишком дорого обходятся государству, а главное — трудящимся», которых вызывают в суд. При этом дела в народном суде «проходят по всем “правилам” Уголовно-процессуального кодекса, а иногда в процессе выступает обвинение, а больше всего защита, а отсюда все прелести волокиты, таскания дела из инстанции в инстанцию»².

¹ См.: Расценочно-конфликтная комиссия // Юридический словарь. М., 1953. С. 562—564.

² Осипович В. Товарищеские суды на фабрично-заводских предприятиях и в государственных и общественных предприятиях // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 16. С. 486.

С учетом изложенных обстоятельств Наркоматы РКИ СССР и РСФСР постановлением от 10 сентября 1927 г. предложили Наркомюсту взять на себя инициативу по организации третейских и товарищеских судов, способных разгрузить народные суды «от дел частного обвинения, возникающих главным образом на почве культурно-бытовых отсталых форм жизни трудящихся и нуждающихся не столько во вмешательстве судебного приговора, сколько в моральном воздействии ближайшей товарищеской среды»¹.

Наркомат юстиции весьма оперативно подготовил проект декрета о создании товарищеских судов на предприятиях и в учреждениях, признав целесообразным поручить им рассмотрение дел, связанных с нарушениями производственной дисциплины и правил внутреннего трудового распорядка. Однако против распространения подсудности товарищеским судам на дела, связанные с производственной деятельностью, резко выступили профсоюзные органы, усмотрев в этой акции покушения на свои права. Наркомюсту РСФСР пришлось привести подсудность дел товарищеским судам в полное соответствие рекомендациям Наркоматов РКИ СССР и РСФСР, предоставив им рассмотрение лишь дел частного обвинения, предусмотренных ст. 159 и 160 УК РСФСР: об оскорблениях, нанесенных словесно, письменно или действием, а также об оскорблениях, нанесенных в распространенных или публично выставленных произведениях печати или изображениях.

Товарищеский суд мог рассматривать дела при условии, что конфликт не связан с должностной или иной подчиненностью сторон по работе. Постановление устанавливало запрет на рассмотрение названным судом «преступлений, которые по закону влекут дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности», дел между подчиненными и вышестоящими должностными лицами учреждения, а также между рабочими и лицами административно-технического персонала на предприятиях по поводу отношений, непосредственно вытекающих из их работы в данном учреждении или на предприятии.

Согласно постановлению от 27 августа 1928 г. организация товарищеских судов возлагалась на губернские (окружные) суды с участием профсоюзных органов. Председатель и заседатели избирались на общих собраниях предприятия, учреждения сроком на шесть месяцев. Дела в товарищеском суде возбуждались по жалобе потерпевшего, находившего посягательства на собственное достоинство

¹ Постановление объединенного заседания коллегий Наркоматов РКИ СССР и РСФСР по теме плана Наркомата РКИ СССР, «Низовая сеть судебно-следственных органов и прокуратуры» // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 39. С. 1224.

в словах или действиях того, кто работал вместе с ним (на этом же предприятии, в учреждении). Разreshалось также принимать коллективные заявления трудящихся того же предприятия, на котором работало лицо, обвиняемое в оскорблении. Заявление надлежало рассмотреть в течение недели со дня его подачи. Заседания товарищеского суда предписывалось проводить публично и в нерабочее время.

Законодатель явно желал, чтобы товарищеские суды соблюдали каноны пролетарской демократии, свободной от излишних процессуальных процедур, выполняемых народными судами, и специально предписал: «Порядок разрешения дел в товарищеских судах должен быть наиболее простым». Тем не менее суд обязывался вызвать обвиняемого и заслушать его объяснения, принять меры к наиболее полному и всестороннему рассмотрению дела, а при наличии желания обвиняемого — предоставить ему последнее слово. В случае неявки обвиняемого или потерпевшего дело откладывалось, но на следующем заседании уже рассматривалось вне зависимости от явки сторон.

По итогам рассмотрения дела постановление выносилось большинством голосов состава суда в письменной форме и оглашалось публично, при этом оно признавалось окончательным и обжалованию не подлежало. Законодатель по-прежнему настолько верил в способность судей, наделенных «социалистическим правосознанием» безошибочно устанавливать истину по делу и выносить справедливое решение, что не считал целесообразным признавать факт привлечения к ответственности невиновного лица в качестве основания для пересмотра постановления. В жертву борьбе с судебной волокитой таким образом были принесены истинность по делу и право лица, публично и необоснованно признанного виновным в оскорблении, добиваться установления правды и восстановления своего доброго имени.

Ошибки, которые мог допустить товарищеский суд, по мнению законодателя, могли быть двоякого рода: ошибки, связанные с рассмотрением не подсудного ему дела либо с мерами, на принятие которых он не был уполномочен. Согласно же постановлению от 27 августа 1928 г. товарищеские суды упрековались на применение таких мер товарищеского воздействия, как предупреждение в устной форме; предупреждение с записью в протокол; общественное порицание с опубликованием или без опубликования в печати; штраф до 10 руб. в пользу какой-либо общественной организации (МОПР, Осоавиахим, «Друг детей» и т. п.). Ошибки товарищеских судов должна была выявлять прокуратура. Независимо от отсутствия жалобы прокуратура, обнаружив одну из названных ошибок, обя-

зывалась приостановить исполнение постановления товарищеского суда и передать дело на рассмотрение народного суда.

В течение полугода товарищеские суды были организованы на 27 фабриках и заводах Москвы, 10 предприятиях Московской губернии, 10 предприятиях Ленинграда, а также на ряде фабрик Ивано-Вознесенска¹. Наиболее активно действующий товарищеский суд «Трехгорки» рассмотрел 48 дел, а товарищеские суды фабрик имени Петра Алексеева и имени Калинина — соответственно 35 и 14 дел. Суды приняли следующие решения: 10 дел передано в народный суд как дела о хулиганстве и об алиментах, которые не могут рассматриваться товарищескими судами. По четырем делам обвиняемые были оправданы; 16 дел прекращены за примирением сторон; по 67 делам обвиняемые были признаны виновными и подвергнуты: по четырем делам — предупреждению, по 23 делам — выговору и общественному порицанию и по 40 делам — штрафу². Всего на конец 1929 г. по РСФСР (без автономных республик и областей) действовали 1437 товарищеских судов³.

Как показала практика, наконец-то законодатель в сфере юстиции нашел средство, устраивающее в равной мере всех: партию, государство, потерпевших и иных членов общества, за исключением, может быть, правонарушителей.

Партию товарищеские суды устраивали тем, что являли собой пример реального исполнения положения Программы о привлечении всего взрослого населения к правосудию и частичной замене системы наказаний мерами воспитательного характера. Общественные суды полностью устраивали советское государство тем, что, рассматривая мелкие, не представляющие большой общественной опасности дела частного обвинения, они заметно снимали нагрузку с народных судов, восполняли их функции на общественной и, самое главное, бесплатной основе. Помимо этого, общественные суды демонстрировали значительный воспитательный эффект. Негативная оценка судом неправомερных деяний осужденных и примененные меры общественно-государственного воздействия давали повод осужденным задуматься о социальном значении поступков, которым они, скорее всего, не уделяли большого внимания, полагая, что поступают «как все», не нарушая общественного порядка и не причиняя никакого вреда окружающим.

¹ См.: Москаленко Г. Задачи товарищеских судов // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 569.

² См.: Тимофеев. Как организуются товарищеские суды в Московской губернии // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 14. С. 307—308.

³ См.: Р-ге Д. Производственно-товарищеские суды // Советская юстиция. 1930. № 28. С. 3.

Общественные суды были позитивно восприняты и населением. В частности, в постановлении Президиума МГСПС от 30 мая 1929 г. «О товарищеских судах» отмечалось, что, несмотря на небольшой срок деятельности товарищеских судов, опыт их создания в общем себя оправдал, организация судов на предприятиях встретила одобрение со стороны рабочей массы и общественных организаций¹. В отличие от народных судов товарищеские суды были более доступны для трудящихся, поскольку функционировали по месту их работы и не требовали никаких денежных расходов, неизбежно возникающих при обращении в суд, а поданные заявления рассматривались без излишней волокиты. При этом принятые решения сразу же вступали в силу и подлежали незамедлительному исполнению.

Кроме того, товарищеские суды представляли собой своеобразные «увеселительные» мероприятия, которые рабочие охотно посещали не столько в воспитательных, сколько в развлекательных целях, видели в судебном разбирательстве некий театралный спектакль, поставленный по пьесе из реальной жизни. Более того, заседание суда допускалось лицезреть бесплатно и даже принять в нем непосредственное участие, выступив с собственными оценками сути конфликта, породивших его причин и облика сторон процесса.

Одновременно выявился один существенный недостаток. Установленная постановлением от 27 августа 1928 г. подсудность дел товарищеским судам оказалась весьма узкой и не охватывала большей части противоправных деяний, совершаемых в быту и на производстве, не имеющих большой общественной опасности. Однако, по мнению Тимофеева, товарищеские суды с самого начала рассматривали заявления по неподсудным им конфликтам не только в отношении лиц, «принадлежащих к числу рабочих и служащих одного и того же фабричного предприятия», но и лиц, живущих на территории фабрики, в общежитиях и казармах, хотя и не работающих на ней, и не только по делам, возникшим вследствие нанесения оскорбления, но и по делам о нанесении побоев и нарушении правил внутреннего распорядка по казарме и общежитию. «Например, гр-не Колбасины в общежитии на чердаке срезали веревки, развешенные для сушки белья; гр-ка Мухина стирала белье в коридоре общежития, несмотря на запрет, предписанный Правилами проживания в общежитиях; гр-н Резанцев, будучи в нетрезвом виде, врывался в комнаты своих соседей по общежитию, и т. д.»². Рассмотрение подобных дел товарищескими судами, по мнению автора, является вполне целесообраз-

¹ См.: Как работают в Москве товарищеские суды // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 571.

² Тимофеев. Указ. соч. С. 308.

ным, поскольку передача дел по факту совершения незначительных проступков на рассмотрение нарсуда себя не оправдывает.

Вопрос о расширении подсудности дел товарищеским судам был поставлен на Конференции председателей товарищеских судов Москвы, состоявшейся 31 мая 1929 г. В принятом решении признавалось необходимым расширить подсудность дел товарищеским судам и отнести к их ведению дела об обидах и оскорблениях, побоях, клевете, мелких кражах, дела по мелким гражданским искам ценой до 15 руб., дела о бытовых явлениях, которые находят осуждение в товарищеской среде (пьянстве, озорстве, картежной игре), а также дела о мелких нарушениях трудовой дисциплины. Кроме того, конференция высказалась за расширение сети товарищеских судов¹.

Другой заметный недостаток был обнаружен в работе самих товарищеских судов — стремление действовать подобно профессиональным судам: вести большие протоколы, рассылать повестки с сохранением копий, оглашать постановления «именем РСФСР», в постановлениях делать ссылки на статьи закона. Например, товарищеский суд, оправдывая привлеченное по делу лицо, пишет: оправдать на основании п. 5 ст. 4 УПК².

С учетом практики товарищеских судов, а также предложений по совершенствованию их деятельности ВЦИК и СНК РСФСР 30 декабря 1929 г. приняли новое постановление «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях»³. Основные новеллы касаются предписаний, закрепляющих новую, более широкую подсудность дел товарищеским судам по сравнению с ранее установленной законодательством. Прежде всего к ведению товарищеских судов были отнесены: 1) дела по обвинению в незначительных преступлениях — клевете, нанесении побоев без причинения телесных повреждений, краже на сумму не свыше 25 руб. у работников предприятия или учреждения, а также в общежитии, краже на сумму не выше 15 руб. имущества предприятия, учреждения; 2) нарушения трудовой дисциплины в виде опозданий на работу, прогулов, появления на работе в нетрезвом виде, небрежное обращение с машинами и др.; 3) гражданские иски на сумму не выше 25 руб., кроме исков об алиментах и исков, вытекающих из трудовых отношений; 4) мелкие

¹ См.: В. О. На конференции председателей товарищеских судов города Москвы // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 590.

² См.: *Кариш А.* Работа товарищеских судов // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 17. С. 378.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. 1930. Отд. I. № 4. Ст. 52. С. 62—64.

бытовые проступки (озорство, пьянство, нарушение правил проживания в общежитии, приучение взрослыми детей к потреблению алкоголя и т. п.).

Постановление упростило порядок организации на предприятии, в учреждении товарищеского суда. Если ранее для этого требовалось согласие Наркомюста и ВЦСПС, то по новому Положению нужно было заручиться лишь согласием главных судов автономных республик, отделений Верховного Суда РСФСР или краевых (областных) судов и соответствующих местных советов профсоюзов. Было разрешено также избирать председателя и членов суда как на общем собрании трудового коллектива предприятия, учреждения, так и на общезаводских конференциях. Несколько изменился состав мер товарищеского воздействия. Дополнительно появились две санкции: общественное порицание с опубликованием или без опубликования в стенной газете или в прессе; возложение обязанности возместить причиненный имущественный вред в размере не более 25 руб.

Деятельность товарищеских судов в 1930 г. осложнилась из-за решения XVI Съезда партии, согласно которому профсоюзы должны уделять первостепенное внимание внедрению профдисциплины, для чего по необходимости организовать производственные суды. Первоначально ВЦСПС подготовил проект положения ЦИКа СССР и СНК СССР о производственно-товарищеских судах, а затем передумал и решил самостоятельно учредить свой профсоюзный суд, поскольку товарищеские суды должны придерживаться порядка, утвержденного законодательными органами СССР, а производственные суды — Положения, утвержденного профсоюзами. В результате создавался ненужный параллелизм, на предприятиях должны были работать два разных суда, имеющих фактически одинаковую, в любом случае частично пересекающуюся, подсудность.

Чтобы доказать ненужность специальных профсоюзных судов, Наркомат юстиции и его местные органы ориентировали товарищеские суды на рассмотрение производственных дел в первоочередном порядке. Как отметила 17 сентября 1930 г. выступающая на расширенном совещании председателей товарищеских судов Москвы Ф. Е. Нюрина, сейчас товарищеские суды, переключившись с бытовых дел на вопросы производственного характера, по существу, ничем не отличаются от производственно-товарищеских судов, которые намерен создать ВЦСПС¹. Поэтому оптимальный вариант решения вопроса о судах на предприятиях, по мнению Ф. Е. Нюриной, состоял в разработке ВЦСПС и Наркоматом юстиции подробного

¹ См.: *Р-ре Д.* Указ. соч. С. 3.

руководства о деятельности производственно-товарищеских судов и методах руководства ими со стороны профсоюзных организаций и органов юстиции.

Однако дискуссия пошла по иному пути. В конечном счете не были приняты ни положение ВЦСПС о производственных судах, ни постановление ЦИКа СССР и СНК СССР о производственно-товарищеских судах. Нормативное регулирование состоялось лишь на уровне постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 20 февраля 1931 г. «О производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях»¹. Существующим производственно-товарищеским судам предписывалось обеспечить привлечение широких масс рабочих и служащих к решению трех взаимосвязанных задач: борьбе с нарушениями трудовой дисциплины; борьбе с дезорганизаторами производства и с теми, кто подрывает трудовую дисциплину; борьбе с бытовыми пережитками (пьянством и проч.).

Сообразно поставленным задачам было определена подсудность дел производственно-товарищеским судам. Им предписывалось в первоочередном порядке рассматривать дела, связанные с нарушениями трудовой и производственной дисциплины, в числе которых назывались, во-первых, прогулы, опоздания, появление на работе в нетрезвом виде, а также новый вид правонарушений — «переход из одного предприятия на другое без уважительных к тому причин»; во-вторых, систематическое небрежное отношение к социалистическому имуществу; в-третьих, допущение брака продукции сверх установленных норм. В целях борьбы со старым бытом товарищеские суды уполномочивались рассматривать дела, связанные с кражами личного имущества работников и хищениями имущества предприятий, учреждений на сумму не выше 50 руб., оскорблениями, клеветой и побоями. Разрешалось также рассматривать дела об имущественных спорах на сумму не более 50 руб.

Таким образом, Наркомат юстиции одержал верх в споре с ВЦСПС, не допустил создания на предприятиях, в учреждениях специальных профсоюзных судов, но эта победа привела к изменению подсудности дел товарищеским судам, возложению на них обязанности рассматривать дела производственной направленности в целях борьбы с нарушениями трудовой и производственной дисциплины. В результате первоначальное назначение судов как органов борьбы за социалистический быт, повышение культуры рабочих и служащих,

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. 1931. Отд. I. № 14. Ст. 160. С. 234—236.

находившее широкий отклик у трудящихся, ушло на второй план, стало менее важным. К тому же, по мнению коллегии Наркомата юстиции, изложенному в постановлении от 23 февраля 1932 г. «О работе товарищеских судов на заводе “Красный путиловец”», выявился еще один недостаток — попытки руководства диктовать и командовать, заранее предрешая выводы, к которым товарищеский суд должен прийти по результатам рассмотрения дела¹. Соответственно интерес рабочих к производственно-товарищеским судам, работа которых обретала все более формальный характер, для «галочки», также снизился. Как признает Г. С. Раусов, на заседаниях производственно-товарищеских судов присутствуют не более двух десятков рабочих, которые к тому же не проявляют высокой активности в рассмотрении дела².

По данным Наркомата юстиции, к началу 1932 г. в Республике были образованы более 20 тыс. производственно-товарищеских судов, из них 10% приходились на Москву. Названные суды Москвы в 1931 г. рассмотрели 14 680 дел, причем превалировали вопросы производственной дисциплины, в том числе о прогулах — 40% дел, о небрежном отношении к оборудованию — 9%, о браке — 6%. Лишь 31,5% дел были связаны с бытовыми проступками: хулиганством, пьянством, оскорблениями, кражами. К 92,5% осужденных применены карательные меры воздействия (штраф — 62% осужденных, постановка вопроса об увольнении с работы — 17%, об исключении из профсоюзов — 13% и др.), тогда как меры общественного воздействия (предупреждения и выговоры) — всего к 7,5% осужденных. Основной недостаток производственно-товарищеских судов состоял в недостаточном внимании к их работе местных организаций, прежде всего профорганизаций и органов юстиции³. Этот недостаток, к сожалению, был характерен для всех судов страны, более того, в регионах его действие даже усиливалось.

Как следует из приведенных данных, производственно-товарищеские суды Москвы в 1931 г. не показали высокой активности, рассмотрев семь дел на один суд. В других регионах этот показатель был еще ниже. Дело в том, что в системе органов управления предприятиями и учреждениями не оказалось органа, непосредственно отвечающего за результативность производственно-товарищеских судов и создание для них надлежащих условий. По признанию Н. Жукова,

¹ См.: О работе товарищеских судов на заводе «Красный путиловец»: постановление коллегии НКЮ от 23 февраля 1932 г. // Советская юстиция. 1932. № 6–7. С. 55.

² См.: Раусов Г. С. Мобилизовать внимание производственно-товарищеских судов на укрепление революционной законности // Советская юстиция. 1932. № 29. С. 11–12.

³ См.: Раусов Г. С. Указ. соч. С. 11–12.

общественность предприятия не интересовалась их работой. «Суд напрасно умоляет завком и ячейку заслушать отчет о его работе и безуспешно пытается заинтересовать в своем деле заводскую (стенную и многотиражную) печать»¹. Факты недооценки роли и значения производственно-товарищеских судов со стороны администрации, низовых парт-, профорганизаций и судебных работников констатировались в качестве существенного недостатка, негативно влияющего на работу судов в постановлении обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области «О состоянии работы производственно-товарищеских судов в области», а также в вышеназванном постановлении коллегии Наркомюста от 23 февраля 1932 г.²

К 1934 г. интерес к товарищеским судам утратил и их основатель — Наркомюст РСФСР. В «Советской юстиции» — печатном органе наркомата — к 1934 г. публикации по вопросам организации производственно-товарищеских судов были сведены к двум мелким заметкам, а Н. В. Крыленко, выступая 23 мая 1934 г. на сессии Института советского строительства и права Комакадемии с докладом о задачах органов юстиции в связи с решениями XVII Съезда партии, ни словом не обмолвился о значении названных судов в деле укрепления дисциплины труда. Ослабление интереса со стороны профсоюзных организаций и органов юстиции к производственно-товарищеским судам негативно сказалось на их активности, число судов, фактически бездействующих, заметно увеличилось, а качество принятых решений ухудшилось³.

Последняя попытка Наркомата юстиции СССР реанимировать производственно-товарищеские суды была предпринята на совещании 10 ноября 1937 г., на котором перед председателями ряда товарищеских судов Москвы с докладом выступил заместитель наркома Грановский, который отметил позитивные и негативные стороны деятельности производственно-товарищеских судов и пообещал участникам совещания ускорить подготовку проекта нового Положения названных судов⁴. Однако проект если и был подготовлен, не был принят законодателем в связи со сменой курса борьбы за трудовую и производственную дисциплину, закрепленного постановле-

¹ Жуков Н. Ликвидировать болезни в работе производственно-товарищеских судов // Советская юстиция. 1931. № 24. С. 26.

² См.: Обком ВКП(б) ЦЧО о состоянии работы производственно-товарищеских судов в области // Советская юстиция. 1932. № 25—26. С. 20.

³ См.: Лаговский Н. О роли прокурора в надзоре за законностью постановлений общественных и товарищеских судов // Социалистическая законность. 1938. № 4. С. 63—65; М. Д. Работа производственно-товарищеских судов // Советская юстиция. 1938. № 2—3. С. 56.

⁴ См.: М. Д. Указ. соч. С. 57.

нием СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по укреплению трудовой дисциплины», проведение которого было возложено на администрацию предприятий, учреждений¹.

В одиночку общественные суды, естественно, не сумели перебороть негативных тенденций в сфере трудовой и производственной дисциплины и через три-четыре года стали скорее достоянием истории, нежели реально и успешно функционирующим институтом борьбы за социалистическую законность. Они могли сохраняться лишь в сферах, руководство которыми поддерживало и инициировало их деятельность². Окончательный удар был нанесен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», установившим уголовную ответственность за прогулы и опоздания на работу. Лишенные своей главной цели производственно-товарищеские суды повсеместно были отменены, хотя постановление ВЦИКа и СНК РСФСР от 20 февраля 1931 г., утвердившее Положение о них, формально действовало еще 30 лет и официально отменено было лишь в 1961 г.

Глава 20. Сельские товарищеские суды

Факторы, обуславливавшие потребность крестьян в волостных судах дореволюционной России, существовали и в советский период (территориальная удаленность народного суда от места жительства, волокита, денежные расходы, неоднократные поездки в суд), в связи с чем Наркомюст РСФСР вынужден был вести поиск органа, который мог бы разрешать мелкие бытовые конфликты сельских жителей «у них дома», т. е. без обращения в народный суд. На заседании коллегии Наркомюста РСФСР 19 января 1928 г. было принято решение о создании в порядке эксперимента при сельских советах общественных судов двух видов: примирительных камер и третейских судов.

Раскрывая историю проведения эксперимента, О. Ю. Винниченко и О. И. Филонова показали, что в тот период коллегия наркомата не имела четких представлений о форме общественного суда, способного удовлетворить потребности сельских жителей в правосудии по простейшим бытовым делам, и в конечном счете остановилась на

¹ См.: Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР. 1938. № 301. 29 дек.

² В 1938 г., например, действовали более 50 товарищеских судов в Каспийском пароходстве, которые оказывали эффективную помощь в укреплении трудовой и производственной дисциплины. См.: Черняков. Производственно-товарищеские суды Каспия в борьбе за трудовую дисциплину // Советская юстиция. 1938. № 10. С. 15.

примирительных камерах при сельских советах. Циркуляром Наркомюста РСФСР от 4 января 1929 г. было решено в порядке эксперимента образовать на территории Уральской области около 40 примирительных камер при сельсоветах. В целом положительный опыт деятельности названных примирительных камер в 1930 г. свидетельствовал в пользу их применения в масштабах всей Республики¹.

Решение о тотальном внедрении примирительных камер на всей территории РСФСР все же не состоялось в связи с тем, что ЦИК СССР принял постановление от 29 сентября 1930 г. «Об организации сельских судов»², а в его развитие ВЦИК и СНК РСФСР вынуждены был 10 октября 1930 г. принять постановление «О сельских общественных судах»³. Однако различие между примирительными камерами и сельскими товарищескими судами носило по преимуществу терминологический характер. Порядок работы примирительных камер во многом совпал с законодательно закрепленными предписаниями, определившими статус и порядок деятельности сельских общественных судов.

Целесообразность создания сельских судов Президиум ЦИКа СССР мотивировал возможностью решить три взаимосвязанные задачи. Во-первых, приблизить суд к населению, сделать его доступным для жителей села и избавить их от необходимости по любому малозначительному поводу обращаться в районный народный суд. Во-вторых, разгрузить народные суды от значительной части мелких уголовных и гражданских дел, не требующих неопременного применения процедур уголовного и гражданско-процессуального законодательства. В-третьих, привлечь население к управлению делами общества, сформировать у него навыки успешного решения задач как минимум местного значения, поскольку сельские суды состояли из рядовых крестьян (бедняков или середняков). Имелась и четвертая задача, которую государство прямо не формулировало, но подспудно имело в виду, — осуществление судебной функции на бесплатной основе, позволяющее частично снизить бюджетные расходы на правосудие.

Постановление ЦИКа СССР от 29 сентября 1930 г. состояло из восьми статей, закрепляющих ведущие правоотношения в сфере организации и деятельности сельских судов, в том числе определяло:

¹ См.: Винниченко О. Ю., Филонова О. И. Модернизация судебной системы в период нэпа. Курган, 2013. С. 48—54.

² См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1930. Отд. I. № 51. Ст. 531. С. 995—996.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1930. Отд. I. № 51. Ст. 629. С. 807—809.

1) порядок формирования сельских судов; 2) подсудность им дел; 3) порядок возбуждения и рассмотрения судом уголовных или гражданских дел; 4) перечень взысканий и санкций, применяемых сельским судом к осужденным по уголовным делам; 5) порядок вступления постановления суда в силу и его исполнения.

Организация и работа сельских судов имели ту же правовую основу, что и у производственно-товарищеских судов: осуществление правосудия только представителями трудящихся, публичность и доступность правосудия, отсутствие формальных процессуальных процедур и волокиты, недопустимость обжалования постановлений суда, приоритет воспитательной функции перед карательной, судебный и прокурорский надзор за законностью решений народного суда.

Стремясь не допустить попадания в состав сельского суда «классово чуждых элементов», ЦИК СССР усложнил процесс формирования его состава. Председатель сельского суда и его заместитель должны были избираться, во-первых, только пленумом сельского (или соответствующего ему) Совета, во-вторых, из числа его членов, в-третьих, утверждаться районным исполнительным комитетом. Народных заседателей сельского суда надлежало избирать на общих собраниях граждан села, обладающих избирательными правами, и утверждать пленумом сельского совета. Председатель, его заместитель и народные заседатели сельского суда избирались на срок полномочий сельского совет, т. е. на один год.

Сельскому суду были подсудны уголовные, гражданские и трудовые дела. В области уголовного права суду предоставлялась возможность вести активную и плодотворную борьбу с нарушениями общественной безопасности и порядка, а также санитарно-гигиенических правил. Кроме того, суд должен был защищать жителей села от клеветы, оскорблений, нанесенных словесно, письменно или действием, и от побоев, не причинивших телесных повреждений. В порядке гражданского производства суду разрешалось рассматривать имущественные споры на сумму не выше 50 руб.; дела по искам об уплате алиментов, определенных на содержание детей, а также дела по разделу и спорам о праве на землю трудового пользования. Суд мог рассматривать простейшие алиментные дела, не связанные с установлением отцовства, и трудовые споры о заработной плате, об оплате сверхурочных работ и о спецодежде на сумму не более 25 руб. Закрепленная подобным образом подсудность дел сельским судам, как оказалось впоследствии, с одной стороны, была неточной, с другой — неполной и за два с небольшим года четыре раза подвергалась корректировке.

Неточной потому, что споры об оплате сверхурочных работ и спецодежде в деревне были делом неслыханным; работник-батрак должен был трудиться световой день от завтрака до ужина, а его спецодежда могла быть только личной одеждой: в чем пришел — в том и работай. Некорректность этой формулировки вскоре признал ЦИК СССР и дал ей иную редакцию: «трудовые споры на сумму не более 25 руб., возникающие между наемными работниками и нанимателями-трудящимися (единоличными трудовыми крестьянскими хозяйствами, кустарями и ремесленниками и т. п.), а также между общественными пастухами и нанимателями». Кроме того, ЦИК СССР переоценил возможности сельских судов в части рассмотрения исков об уплате алиментов на содержание детей; суды действовали не повсеместно и недостаточно оперативно, пришлось подобные дела, требовавшие быстрого решения, постановлением от 27 июля 1932 г. вновь передавать в народный суд.

Постановлением от 17 апреля 1932 г. ЦИК существенно расширил подсудность дел сельским общественным судам, возложив на них рассмотрение дел о мелких кражах, об имущественных спорах на сумму не выше 75 руб., о кражах и порче колхозного имущества, если ущерб, причиненный колхозу, не превышал 50 руб. Помимо прочего, жизнь создала новый вид правонарушений — невыполнение некоторыми бедняцко-середняцкими хозяйствами обязательств по государственным и общественным заданиям, применение ответственности за которое было возложено на сельские суды при наличии согласия сельского совета. К сожалению, ЦИК несколько поспешил с расширением подсудности дел сельским судам по поводу краж колхозного имущества. В связи с принятием постановления от 7 августа 1932 г., существенно усилившего уголовную ответственность за посяательства на государственное и кооперативное имущество, ЦИКу пришлось постановлением от 7 декабря 1932 г. исключать из подсудности сельским судам дел о краже и порче колхозного имущества на сумму, не превышающую 50 руб.

В отношении процессуальной формы деятельности сельских судов ЦИК СССР проявил необычайную уступчивость, не установив никаких особых требований к порядку рассмотрения дел. Согласно ст. 3 постановления от 29 сентября 1930 г. дела в сельском суде можно было возбуждать по устному или письменному заявлению как сторон, так и третьих лиц. Все судопроизводство должно организовываться в упрощенном порядке и освобождалось от каких бы то ни было сборов. Техническое обслуживание самого суда проводится аппаратом сельского совета.

Итак, суд волен вести процесс, как ему заблагорассудится, и никаких требований к конечным результатам. Любое решение признается правовым и потому окончательным, не подлежащим обжалованию, лишь бы дело рассматривалось согласно ст. 4 постановления в открытом заседании в составе председателя и двух народных заседателей сельского суда и не позднее 10 дней со дня поступления жалобы.

Что должен установить суд, какими действиями, каким образом он должен принимать решение, оглашать его публично или сообщать лишь заинтересованным сторонам, — в законе ни слова, хотя законодатель прекрасно знал, что суд в полном составе безграмотен не только юридически, но и даже на уровне начального образования. Тем не менее по результатам рассмотрения дела сельский суд обязан был принять постановление. К осужденным суд был правомочен применить одну из следующих мер общественного взыскания: 1) предупреждение; 2) общественное порицание с опубликованием или без опубликования в печати или с объявлением на сельском сходе; 3) денежный штраф не выше 10 руб., идущий на общие культурные мероприятия местного значения и на нужды отдельных местных общественных организаций; 4) принудительные работы на срок не более пяти дней.

Постановления сельского суда ЦИК СССР признавал окончательными, не подлежащими обжалованию и одновременно предоставлял народному суду и прокуратуре право отменять постановления в порядке судебного надзора, при этом не называя даже оснований, по которым окончательное решение суда могло быть отменено (ст. 7). Создается впечатление, что постановление от 29 сентября 1930 г. писал не профессиональный юрист, а один из будущих председателей сельского суда в порядке пробы пера.

Постановление ЦИКа от 29 сентября 1930 г. в сложное положение поставило ВЦИК и СНК РСФСР: каким же образом им нужно реагировать на него? Акт меньшей юридической силы не должен противоречить акту большей юридической силы, но соглашаться со всеми несообразными нормами тоже нельзя. В этих условиях законодательные органы РСФСР внесли свою лепту в разрушение законности, приняв постановление от 10 октября 1930 г. «О сельских общественных судах», которое практически во всех основных положениях не соответствовало предписаниям постановления ЦИК СССР от 29 сентября 1930 г.

Во-первых, ВЦИК и СНК РСФСР, отвергнув термин «сельский суд», использовали в постановлении термин «сельский обществен-

ный суд». Терминологическая замена правомерна, поскольку термин «сельский суд» дает иллюзорное представление о его принадлежности к государству в качестве органа сельсовета, пленум которого избирает председателя суда и его заместителя и утверждает сельских общественных судей. Кстати, ЦИК СССР исправил допущенную им неточность и в последующих постановлениях применил термин «сельский общественный суд».

Во-вторых, если ЦИК СССР определил статус членов суда как народных заседателей, то ВЦИК и СНК подняли их до уровня сельских общественных судей, что, по нашему мнению, также вполне правомерно. В общественном суде председательствующий отличается от членов суда лишь одним правом — вести суд, во всем остальном он равен им, в том числе не имеет профессиональных юридических знаний и на равных с членами суда участвует в оценке обстоятельств дела и принятии решения.

В-третьих, ВЦИК и СНК РСФСР вопреки предписаниям ЦИКА СССР не наделили прокурора правом отменять постановления сельского суда, а возложили на него лишь наблюдение за деятельностью сельских товарищеских судов.

В-четвертых, ВЦИК и СНК РСФСР установили два основания приостановления народным судом исполнения постановлений сельского общественного суда: существенное нарушение закона или интересов трудящихся. Следовательно, народный суд, приостанавливая исполнение постановления сельского товарищеского суда, действует не по собственному усмотрению, а сообразно установлениям закона, хотя вполне очевидно, что смысл терминов «существенное нарушение закона» и «существенное нарушение интересов трудящихся» для народного судьи мог быть недостаточно ясен и нуждался в конкретизации самим законодателем.

В-пятых, ВЦИК и СНК РСФСР ограничили свободу сельского суда в рассмотрении дел, предоставленную постановлением ЦИКА СССР. Согласно ст. 10 постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. сельский общественный суд обязан принять все меры к наиболее полному и всестороннему выяснению дела, в том числе вызвать к рассмотрению дела жалобщика, ответчика или совершившего проступок; заслушать их объяснения, в случае необходимости допросить свидетелей по делу и провести осмотр на месте.

В-шестых, ВЦИК и СНК РСФСР дополнительно закрепили порядок завершения дела за примирением сторон и в случаях, когда суд приходит к выводу о том, что рассматриваемое дело ему неподсудно, а также уточнили, какой орган правомочен обеспечивать

принудительное исполнение постановлений сельского товарищеского суда.

Постановление ВЦИКа и СНК от 10 октября 1930 г., в свою очередь, не было эталоном качественно совершенного закона, имело пробелы по ряду вопросов, значимых для общественного правосудия, а также недостаточно ясные предписания, создававшие лишние трудности в процессе толкования и применения этих предписаний. Так, п. 12 постановления требует от суда излагать свое постановление кратко и в письменной форме. Однако не ясно, какие вопросы в нем должны быть отражены, нужно ли излагать доказательства, на основании которых суд выносит решение, ссылаться на соответствующую норму права, приводить мотивы применения соответствующей санкции. Если же постановления суда составляются по произвольной форме, по усмотрению суда, то вполне возможны ситуации, когда в нем не окажется необходимых сведений о составе суда, фабуле дела, ходе судебного разбирательства и др.

Постановление сельского суда надлежит объявить участникам дела. Вновь возникает неясность в отношении того, в какой срок должно состояться объявление постановления — в день заседания или через определенный период времени; каким образом должно происходить объявление — публично или только для узкого круга участников дела; могут ли стороны рассчитывать на получение копии постановления. Постановления сельских судов признаются окончательными, но нет никаких пояснений по поводу того, каким образом стороны должны реагировать на неправоудное решение, вынесенное, например, вопреки полученным доказательствам, с использованием доказательств, не оглашенных в судебном заседании, без учета норм материального права, при проведении судебного заседания в неполном составе, при личной заинтересованности членов суда в исходе дела и т. д.

В тексте постановления от 10 октября 1930 г. обнаружились и терминологические погрешности, например использованы термин «профессиональные организации» (ст. 7) вместо термина «профсоюзные организации»; термин «жалобщик» (ст. 10) вместо термина «потерпевший» или «истец»; термин «отмена народным судом постановления сельского суда» (ст. 14) вместо термина «приостановление народным судом исполнения постановления сельского суда».

Однако в 1930-х гг. не принято было говорить о недостатках законов советского государства, на первый план неизменно выходили сведения об энтузиазме, с которым трудящиеся воспринимали «очередную заботу» партии о народе в форме законов и об их огромном

желаний воплотить все действующие предписания в жизнь. Согласно публикациям того времени большинство сельсоветов образовали соответствующие товарищеские суды и благодаря им сумели успешно решить определенную часть поставленных перед ними задач. С этих позиций заметный интерес представляет публикация В. Шалагинова «Опыт организованного смотра судов общественности», обобщающая практику деятельности в 1932 г. сельско-колхозных судов Восточно-Сибирского края¹. Силами 4818 активистов были обследованы 1286 общественных сельско-колхозных судов и было признано, что «сельские общественные суды, пережив полосу организационного оформления, выросли в авторитетную массовую организацию, охватив к 1 января 1932 г. 95,9% общего числа сельсоветов края». Все сельские суды в 1931 г. рассмотрели 13 864 дела, из них: связанных с неисполнением обязательств в ходе хозяйственно-политических кампаний (хлебозаготовок, лесозаготовок и др.) — 3702 дела; о клевете и оскорблениях — 2026 дел; о хулиганстве — 1768 дел; об имущественных спорах — 1330 дел; о нарушениях в сфере общественной безопасности — 820 дел. Таким образом, пишет автор, цифры весьма показательны, свидетельствуют о крутом повороте сельских общественных судов к вопросам социалистической реконструкции. Включенность судов в эту область нарастает с каждой кампанией².

В. Шалагинов отмечает, что в работе сельских общественных судов имеется еще много недочетов и недостатков, которые необходимо устранить, обеспечив принятие безупречных с точки зрения закона постановлений. В числе наиболее значимых недостатков сельских судов он называет непонимание ими своего «назначения как организации общественного воспитания и самодисциплины, в результате чего преимущественной мерой является не общественно-моральное воздействие, а меры принудительного характера»³ — 79,3% приговоров. Суды нередко разрешали неподсудные им дела, например об изнасиловании, крупных кражах (восьми возов сена, лошадей), нанесении тяжких телесных повреждений и др. и увлекались применением взысканий, предусмотренных УК РСФСР за совершение тяжких преступлений (лишение свободы, ссылка, конфискация имущества и др.). Штраф в ряде случаев применялся в суммах, намного превышающих размеры, установленные постановлением ЦИКа и СНК СССР от 29 сентября 1930 г.

¹ См.: *Шалагинов В.* Опыт организованного смотра судов общественности (Итоги месячника проверки сельско-колхозных судов Востсибкрая) // Советская юстиция. 1932. № 29. С. 2—5; № 30. С. 12—15.

² Там же. № 29. С. 2—4.

³ Там же. № 30. С. 13.

Судебный процесс сельские суды вели по образцу процессов в народных судах: появление суда приветствовалось «вставанием»; у свидетелей отбирались подписки в правдивости показаний; назначались общественные обвинители и общественные защитники; секретарь суда готовил текст приговора, копируя положения с приговора народного суда. За поступающие в суд заявления взыскивалась даже судебная пошлина. Имели место факты «совершенно недопустимого давления местных советов и райуполномоченных на сельскохозяйственные суды. Порой такое давление приобретает форму принуждения исполнять незаконные, неосновательные требования»¹. В то же время руководство деятельностью общественных судов проводилось лишь органами юстиции и «не было достаточным ни по существу (качественно), ни по объему (количественно)»².

Сведения об успехах и недостатках сельских товарищеских судов Восточно-Сибирского края оказались репрезентативными для названных органов общественного правосудия на всей территории Республики. Они характеризовали работу судов Подмосковья, Центрально-Черноземной области и других регионов³. Например, во второй половине 1931 г. в Центрально-Черноземной области действовали более 1600 сельских товарищеских судов, которые за первое полугодие рассмотрели 18 799 дел, и тем самым внесли существенный вклад «в укрепление и развитие новых идей, заложенных в политику и практику социалистического преобразования деревни»⁴. Упущения остаются теми же, что и в сельских судах Восточно-Сибирского края: увлечение применением штрафов, рассмотрение неподсудных дел, взимание пошлин за принятие заявлений, проявление ненужного формализма при рассмотрении дел и др. Недостаточное внимание со стороны органов юстиции и сельсоветов констатируется на всем протяжении работы сельских товарищеских судов и во всех регионах⁵.

Бесспорно, упрек в том, что органы юстиции не уделяли достаточного внимания работе сельских товарищеских судов, справедлив, од-

¹ Шалагинов В. Указ. соч. № 30. С. 15.

² Там же. С. 14.

³ См.: Донец И. О руководстве товарищескими и сельскими общественными судами на местах // Советская юстиция. 1931. № 15. С. 19; Он же. Работа сельских общественных судов, руководство ими и перестройка их работы // Советская юстиция. 1931. № 16. С. 27; Чертков. Как работают суды ЦЧО // Советская юстиция. 1931. № 11. С. 19—20; Розина. Сельские общественные суды в борьбе за реконструкцию сельского хозяйства // Советская юстиция. 1932. № 5. С. 6.

⁴ Чертков. Указ. соч. С. 19—20.

⁵ См.: Н. Действенное внимание подготовке и проведению перевыборов сельских общественных судов // Советская юстиция. 1935. № 4. С. 12.

нако, как уже говорилось, первичным источником недостатков в их деятельности являются постановления ЦИКа СССР от 29 сентября 1930 г. и постановление ВЦИКа и СНК РСФСР от 10 октября 1930 г., подготовленные со значительными пробелами и неточностями. Это заметно осложнило процесс их практического применения малограмотными судьями, которые вынуждены были в целях восполнения законодательных пробелов прибегать к правовой самостоятельности, принимать решения, плохо сочетающиеся с принципами законности.

Дата упразднения сельских товарищеских судов остается не установленной, поскольку их работа в 1930-х гг. официально не прекращалась. Эти суды «отмирали» по мере того, как сельсоветы утрачивали к ним интерес и не осуществляли их перевыборы, а Наркомюст перестал принимать конкретные меры по активизации деятельности сельских судов и ориентировать народные суды и прокуратуру на оказание им методической помощи.

Глава 21. Иные товарищеские суды

Товарищеские суды при жактах и домовых трестах

Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 7 марта 1927 г. «Об организации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам» при городских Советах, а в городах, имеющих районное деление, при районных Советах были образованы жилищно-примирительные комиссии «в целях освобождения судов от рассмотрения мелких жилищных конфликтов». Названные комиссии учреждались президиумами городских или районных Советов в составе представителей коммунального отдела, жилищной секции и союза жилищной кооперации. К их ведению относились споры по вопросам перепланировки комнат, пользования домовыми службами (сараями, погребами и др.), разверстки оплаты коммунальных услуг, порядок пользования домовладением и квартирами, а также вопросы выдачи домоуправлением справок и удостоверений по просьбам жильцов. Постановление не содержало процессуальных норм рассмотрения названных дел, но признавало постановления комиссий окончательными и не подлежащими обжалованию. Однако если органы прокуратуры в порядке надзора обнаруживали постановления, противоречащие действующим законам, применение таких постановлений подлежало приостановлению, а сами постановления — передаче в судебные органы на предмет их отмены.

С учетом практики примирительно-жилищных комиссий и выявленных недостатков законодательства ВЦИК и СНК РСФСР 1 июля

1929 г. приняли новое постановление «О примирительно-конфликтных комиссиях по жилищным делам», которым заметно расширили круг рассматриваемых названными комиссиями дел, предписали споры об их подсудности передавать в народные суды, а надзор за работой комиссий возложил на окружные и губернские суды, освободив от него прокуратуру.

В условиях, когда советская власть признала товарищеские суды наиболее эффективной формой рассмотрения малозначительных правовых конфликтов, не имеющих большой общественной опасности, и уже внедрила их на предприятиях, ВЦИК и СНК РСФСР решили распространить данную форму общественного правосудия на сферу жилищно-бытовых отношений. Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 30 июня 1931 г. «Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах и о ликвидации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам» предписывалось организовать товарищеские суды при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах (далее — жактах и домовых трестах) с числом жильцов в них не менее 100.

Реформа, как говорилось в постановлении, проводилась в целях «наибольшего привлечения общественной самодеятельности широких трудящихся масс к борьбе с бесхозяйственным отношением к пользованию жилищным фондом и к урегулированию жилищных конфликтов». Тем не менее эта цель не была главной для данного постановления. Напомним, что в постановлении ВЦИКа и СНК РСФСР от 7 марта 1927 г. цель учреждения примирительно-конфликтных комиссий формулировалась иначе: освобождение судов от рассмотрения мелких жилищных конфликтов. Эта же цель преследовалась и в действующем постановлении. Преследовалась и еще одна цель — освобождение местных Советов от расходов на содержание состоявших при них примирительно-конфликтных комиссий и снятия ответственности за их недостатки и недочеты. Местные Советы вообще устранялись от разбора конфликтов в жилищно-коммунальной сфере, поскольку непосредственное руководство работой товарищеских судов и надзор за ней возлагались на народные суды.

Товарищеские суды при жактах и домовых трестах организовывались на тех же принципах, что и производственно-товарищеские суды на предприятиях и в учреждениях: общественный порядок избрания, ведение судопроизводства по усмотрению товарищеского суда, не связанное формальными процедурами, публичность и бес-

платность рассмотрения дела, оперативность и доступность суда, окончательность и обязательность принятого постановления.

Товарищеские суды избирались на общих собраниях обладающих избирательным правом жильцов дома или жилищного объединения на один год в составе председателя, его заместителя и членов численностью 10—25 человек. Товарищеским судам были подсудны практически все бытовые конфликты, которые постоянно возникали между пользователями жилой площади в коллективном домовладении. Это, в частности, конфликты, связанные с порядком пользования жилой площадью лицами, проживающими в одной комнате, внутренним распорядком в квартире, в том числе с порядком содержания домашних животных, порядком топки печей в квартире и распределением расходов по этой топке. В подсудность товарищеских судов входил ряд и уголовных преступлений: оскорбления, клевета, побои без телесных повреждений, кражи на сумму не выше 50 руб. и, конечно же, мелкое хулиганство.

Дела возбуждались по устному или письменному заявлению как заинтересованного лица, так и общественных организаций. Рассмотрение товарищеским судом конфликта никакими формальными обстоятельствами не обуславливалось: суд вел процесс по своему усмотрению исходя из наличных обстоятельств, позволяющих уяснить суть дела и понять юридическую природу конфликта. Постановление по итогам дела надлежало излагать в письменной форме и публично объявлять участникам дела. Товарищескому суду дозволялось применять четыре меры общественного принуждения: предупреждение, общественное порицание, штраф не выше 10 руб., возложение обязанности возместить причиненный имущественный вред в размере не более 50 руб. Постановление товарищеского суда являлось окончательным и могло быть приостановлено исполнением лишь народным судом. Подобная мера применялась в случаях вынесения товарищеским судом постановления с превышением компетенции либо с существенным нарушением закона. В дальнейшем дело подлежало рассмотрению народным судом.

Общность законодательной основы товарищеских судов при жактах и товарищеских судов предприятий и учреждений влекла за собой одинаковые недостатки. Как отмечал Я. Янкелевич, «приходится наталкиваться, к сожалению, сплошь и рядом, на недочеты в методах работы товарищеских судов при жактах и домтрестах, мешающие правильному выполнению ими задач и даже извращающие во многих случаях важную, несомненно, идею, положенную в основа-

ние организации товарищеских судов»¹. В числе наиболее значимых недочетов он отмечает: волокиту; прием к производству дел, не под-судных товарищескому суду; рассмотрение дел неполным составом суда, необоснованно частое применение штрафов, принятие решений, не соответствующих законодательству; небрежное ведение делопроизводства товарищеских судов, в том числе «не ведутся протоколы судебных заседаний, решения выносятся устно и фиксируются впоследствии без надлежаще твердой формулировки и, что еще важнее, с изменением смысла объявленной публично при разборе дела резолютивной части»².

Упущения товарищеских судов негативно сказывались на их престиже: определенная, если не большая, часть жильцов ничего не знали о деятельности товарищеского суда и его полномочиях по разрешению конфликтов в сфере быта и жилищных правоотношений³. Еще один существенный недостаток товарищеских судов при жактах и домовых трестах состоял в отсутствии к ним внимания со стороны народных судов, иных органов юстиции. Работа товарищеских судов во многом зависела от заинтересованности в них органов управления жактами и домовыми трестами, от их желания и способности созвать общее собрание жильцов и создать необходимые условия для проведения судебных заседаний.

Лишенные внимания и помощи со стороны властных структур товарищеские суды в последующие пять лет если и изменились, то только в худшую сторону. Проведенное в Москве общественным активом обследование условий и результатов работы товарищеских судов при жактах, домовых трестах и на предприятиях показало, что в 1936 г. 15% жактов и домовых трестов не имели товарищеских судов, в 25% жактов и трестов товарищеские суды числились только на бумаге, не рассмотрели на одного дела. Никакого руководства товарищескими судами народные суды не вели, с ними не считались, игнорировали как жакты и домовые тресты, так и жилищные организации, в ведении которых они находились⁴.

Неудовлетворительное состояние дел с товарищескими судами в Москве убедительно свидетельствовало о том, что очередная благая мера советского государства потерпела фиаско и ее бесславное завер-

¹ Янкелевич Я. Товарищеские суды при жактах и домовых трестах // Советская юстиция. 1932. № 29. С. 13.

² Там же.

³ См.: Карпинский. Товарищеские суды в разукрупненных жактах // Советская юстиция. 1932. № 29. С. 14.

⁴ См.: Сытин. О товарищеских судах при жактах // Советская юстиция. 1937. № 17. С. 32.

шение было поставлено в повестку дня. Тем не менее дата самоликвидации товарищеских судов при жактах и домовых трестах остается открытой, поскольку она по изложенным причинам состоялась намного раньше даты официальной отмены Указом Президиума ВС РСФСР от 3 июля 1961 г. учредившего их постановления от 30 июня 1931 г.

Колхозные общественные суды

После завершения сплошной коллективизации сельского хозяйства законодательно конституированные сельские общественные суды не обеспечивали эффективной борьбы с нарушителями колхозной дисциплины и формирования новых, коллективистских отношений между членами колхоза. Суд при сельсовете находился вне колхозных коллективов и не всегда мог понимать возникающие в них конфликты и правильно реагировать на них. Поэтому ряд областных, краевых Советов сочли необходимым издать положение о товарищеских судах в колхозах соответствующего региона. В частности, подобные нормативные правовые акты были приняты в Нижне-Волжском крае, АССР Немцев Поволжья, в Северо-Кавказском крае, Центрально-Черноземной области, на Урале. Принятие положения во многом облегчалось наличием ряда общесоюзных законов и законов РСФСР по поводу товарищеских судов на предприятиях, в учреждениях, при сельсовете и др. Тем не менее возникли и некоторые расхождения.

Областной суд Центрально-Черноземной области счел нецелесообразным создавать товарищеские суды при колхозах, мотивируя это тем, что «постановления сельских судов по бытовым проступкам колхозников за проступки по нарушениям трудовой дисциплины и пр. будет не менее сильным, как и постановление товарищеских судов, так как участниками в составе сельского суда являются те же товарищи ближайшей среды»¹. Иную позицию занял Северо-Кавказский краевой суд, который на пленуме, посвященном изучению практики колхозных судов, признал их заслуги в деле укрепления нового быта. По мнению К. Венского, подобная позиция является правомерной и заслуживающей поддержки, поскольку костяк колхозного суда составляют бывшие батраки, бедняки, которые гарантируют «правильность классовой линии при проведении задач переделки психологии колхозников и единоличников», а также быстроту реагирования на выявленные правонарушения².

¹ Цит. по: *Венский К.* За товарищеские суды в колхозах // Советская юстиция. 1931. № 25. С. 16.

² Там же.

В 1930-е гг. партия и государство видели в колхозных судах орган эффективной борьбы с разного рода противоправными действиями колхозников и предписывали местным партийным и советским органам провести широкую кампанию по созданию таких судов. К концу первого полугодия 1931 г. в Северо-Кавказском крае действовали более 1700 колхозных судов; в Центрально-Черноземной области — 147; на Урале — более 1180. На 1 января 1932 г. в Республике функционировали 11 772 колхозных товарищеских суда, что составляло лишь 8,6% общего количества колхозов¹. В то же время, как следует из специальной сводки секретно-политического отдела ОГПУ «О недочетах в работе товарищеских судов в колхозах Центрально-Черноземной области» на 31 августа 1932 г. «по многим селам колхозные товарищеские суды числятся только формально, фактически не проводят никакой работы»².

В числе факторов, препятствующих успешности колхозных судов, превалировали те же факторы, что у производственно-товарищеских и иных общественных судов: юридическая безграмотность председателя и членов суда; решение не подсудных дел; избрание в состав суда «классово-чуждых элементов»; чрезмерное увлечение штрафными санкциями; недостаточное внимание со стороны народных судов; незаинтересованность председателя и правления колхоза в плодотворной деятельности суда.

При избрании членов колхозных судов приоритет отдавался «сельским пролетариям» — беднякам и середнякам, способным успешно проводить классовую политику советского государства, но зачастую не обладающим элементарной грамотностью, что негативно сказывалось в их оценках рассматриваемых дел и применяемых мерах. Как отмечалось в постановлении коллегии Наркомюста от 11 июня 1932 г., в ряде мест товарищеские колхозные суды злоупотребляют штрафами и принудительным исполнением общественных работ. Недопустима практика вычета по постановлению товарищеского суда трудодней.

В свою очередь, председатели и правления колхозов нередко ревниво относились к колхозным судам, видели в них опасного конкурента в борьбе за авторитет у населения и властные полномочия и не

¹ См.: Итоги работы колхозных судов по участию в реконструкции сельского хозяйства и выполнении сельхозкампаний: постановление коллегии НКЮ от 11 июня 1932 г. // Советская юстиция. 1932. № 19. С. 23.

² О недочетах в работе товарищеских судов в колхозах Центрально-Черноземной области на 31 августа 1932 г. // Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / Т. 3. 1930—1934 гг. Кн. 2: 1932—1934 гг. М., 2005. С. 191—192.

были заинтересованы в активной и успешной работе этих судов. Так, председатель одного из колхозов Уральской области в ответ на сетования председателя суда об отсутствии условий для работы сказал: «Я сам товарищеский суд, где дисциплина среди колхозников захраняет, так я сам сумею по-товарищески отругать». Председатели других колхозов также не видели пользы в колхозных судах, полагая, что «у нас и так дисциплина не особенно плохая, а где нужно, так и без товарищеского суда сумеем ее наладить»¹.

Далеко не все колхозные суды получали необходимую помощь со стороны народных судов в виде консультаций о материальном праве, которым нужно руководствоваться при разрешении конкретных дел, о том, какие дела не подсудны колхозным судам, каким образом следует вести процесс и др. Еще менее доступными для колхозных судов были работники областных и краевых Советов, равно как и местные партийные органы. Лишенные поддержки и опоры со стороны местных органов и органов управления колхозами общественные суды не имели шансов на длительное существование.

В известной мере закат деятельности колхозных товарищеских судов ускорило постановление ЦИКа и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», которым всякое, даже мелкое, хищение колхозного имущества признавалось тяжким преступлением, дела о хищениях колхозного имущества изымались из подсудности сельских общественных и колхозных товарищеских судов. Согласно секретной инструкции от 16 сентября 1932 г. «По применению постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.», подписанной Председателем Верховного Суда Союза ССР А. Винокуровым, прокурором этого же Суда П. Красиковым и заместителем председателя ОГПУ И. Акуловым, в ведении сельских общественных и колхозных товарищеских судов были оставлены лишь дела о преступлениях против личной собственности колхозников и единоличников².

ВЦИК игнорировал просьбу коллегии Наркомата юстиции ускорить законодательное оформление организации товарищеских судов в колхозах согласно постановлению от 11 июня 1932 г. и соответ-

¹ Багров П. Как работают товарищеские суды в колхозах // Советская юстиция. 1931. № 25. С. 15.

² См.: Инструкция по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 3: Конец 1930—1933. М., 2001. С. 477—479.

ствующего законодательного акта не принял. В примерном Уставе сельскохозяйственной артели, принятом II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденном СНК и ЦК ВКП (б) 17 февраля 1935 г., колхозный товарищеский суд не упоминается в числе органов управления колхозом. Соответственно в 1936 г. уже в юридической печати и выступлениях деятелей юстиции нет упоминания о колхозных судах как реально действующем институте колхозного быта.

Глава 22. Шариатские суды

В отличие от иных общественных судов шариатские суды были легализованы не узаконениями ВЦИК и СНК РСФСР, а распоряжениями автономных республик и автономных областей, коренное население которых исповедовало ислам. По замечанию О. Карклина, в 1923 г. в местностях Северного Кавказа продолжал существовать шариатский суд, который в селениях «является единственным судебным местом, а вовсе не от случая к случаю по отдельным делам для желающих — он составляет стройную единую систему судебных органов сверху до низу»¹. Следует, однако, учитывать, что каждая республика, область, допуская действие шариатских судов, предписывала им ряд требований, соблюдение которых признавала необходимым. Вследствие этого единые по духу и содержанию суды вынуждены были корректировать свои каноны применительно к условиям, поставленным советскими властями.

В период нэпа в Дагестане шариатские суды должны были подчиняться постановлению ЦИК ДАССР от 30 июля 1922 г., утвердившему Временное положение о шариатских судах в ДАССР. При этом действие шариатских судов законодатель априори признавал временным, не имеющим никаких перспектив на сохранение в будущем, по мере укрепления и развития основ социалистического общества.

Шариатские суды в Дагестане существовали наряду с народными судами около пяти лет, до середины 1927 г. При этом шариатские суды функционировали повсеместно, тогда как на всю Республику по состоянию на 21 марта 1921 г. приходились лишь три народных суда². Единая система шариатских судов включала в себя сельские, окружные и районные шариатские суды, которые содержались на

¹ Карклин О. Шариатские суды // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 13. С. 289.

² См.: Из доклада Наркомата юстиции ДАССР «О состоянии судостроительства и судопроизводства в Дагестане» (21 марта 1921 г.). URL: <https://kavkaznasledie.ru/?p=458>.

средства сельских обществ и округов, пожелавших их содержать, и Высший шариатский суд.

Сельский шариатский суд состоял из шариатского судьи, избранного сельским советом, и двух очередных народных заседателей. Одновременно сельсовет избирал запасного кандидата в шариатские судьи. Шариатские судьи избирались из числа политически благонадежных сроком на один год. Народными заседателями могли быть все трудящиеся, обладающие активным и пассивным избирательным правом, а также не опороченные по суду и не исключенные из обществ и профессиональных организаций.

Шариатский окружной или районный суд состоял из председателя, назначаемого окружным исполкомом, и двух очередных народных заседателей. Высший шариатский суд был образован при шариатском отделе Наркомюста Республики и состоял из председателя — знатока шариата, одновременно занимавшего должность заведующего шариатским отделом, и двух членов. При этом один из членов суда должен обладать хорошим знанием шариата, другой — быть представителем трудящихся.

Шариатским судам были подсудны гражданские дела между мусульманами. Сельские шариатские суды были правомочны рассматривать гражданские дела на сумму не выше 100 руб. золотом, а также охранительные бесспорные дела: о праве пользования в чужих угодьях и прочих правах участия частного лица, о восстановлении нарушенного владения, о выселении, о признании недействительным договора без требования присуждения денег и др. Для рассмотрения дела сельским шариатским судом достаточно было заявления истца, согласие ответчика не требовалось. Окружные или районные шариатские суды рассматривали гражданские дела с ценой иска выше 100 руб. золотом. Однако для этого требовалось согласие ответчика, иначе дело подлежало рассмотрению народным судом. Шариатские суды могли рассматривать дела о расторжении браков между мусульманами при наличии согласия жены. Временное положение от 30 июля 1922 г. не обязывало шариатские суды руководствоваться гражданским и гражданским процессуальным законодательством РСФСР, тем самым оно косвенно разрешало рассматривать гражданские дела по законам шариата.

Шариатским судам были подсудны уголовные дела о краже, присвоении имущества и мошенничестве на сумму до 100 руб. золотом, о нанесении легких телесных повреждений, об иных формах посягательств на личность и ее достоинство, а также дела о нарушениях правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок.

По общему правилу при рассмотрении уголовных дел шариатские суды должны были руководствоваться УК РСФСР и УПК РСФСР. Правила адата разрешалось использовать лишь в порядке исключения, когда наказание, установленное Уголовным кодексом, или порядок разбора дел, предписанный Уголовно-процессуальным кодексом, окажутся неприменимыми в силу местной специфики. Но эта норма противоречила требованию назначения судьей лица, знающего шариатские законы. Получился нонсенс: надлежало знать законы, используемые лишь в порядке исключения, тогда как знание советских законов, по преимуществу применяемых при рассмотрении уголовных дел, от судьи не требовалось. Понятно, что кади советские законы знал не лучше, чем Программу ВКП(б), и судопроизводство вел по шариатским законам.

Временное положение от 30 июля 1922 г. содержало специальную главу, посвященную доказательствам и их оценке. Доказательствами признавались свидетельские показания, письменные документы, экспертиза, осмотр на месте и присяга. Последняя представляла собой уступку шариатскому закону, поскольку советскими законами присяга запрещалась в качестве доказательства.

Свидетельские показания допускались наравне с письменными доказательствами, кроме случаев, когда закон обязывал участников правоотношений облекать достигнутые ими соглашения и действия в письменную форму. В процессе рассмотрения дела шариатский суд обязывался не полагаться на доказательства, представленные истцом, а самостоятельно выяснять все обстоятельства дела и расследовать отношения сторон, чтобы прийти на помощь неосведомленному о порядке ведения дела рабочему или крестьянину.

Порядок принятия шариатским судом решений Временным положением от 30 июля 1922 г. устанавливался только в части решений по гражданским делам, поскольку постановку приговора надлежало проводить в соответствии с УПК РСФСР. Решение шариатским судом принималось в совещательной комнате без присутствия посторонних людей и по большинству голосов. В решении указывались обстоятельства дела и мотивы (основания) решения, а само решение предписывалось излагать в совершенно точных выражениях, чтобы для его исполнения не прибавлялись никакие дополнительные указания или разъяснения и не возникали пререкания.

Решения сельских шариатских судов обжаловались посредством подачи апелляционной жалобы в окружной шариатский суд, а решения окружных, районных шариатских судов в качестве первой инстанции — в Высший шариатский суд. Решения окружных ша-

риатских судов по жалобам на решения сельских шариатских судов были окончательными. В Высший шариатский суд жалобы могли подаваться только в кассационном порядке. Решения же окружных или районных шариатских судов могли быть обжалованы в апелляционном порядке в Высший шариатский суд, решения которого признавались окончательными.

Кассационная инстанция отменяла решения в случаях: а) существенных нарушений или неправильного применения закона; б) нарушения существенных форм и правил судопроизводства; в) неправильного состава суда; г) явной несправедливости решения. В особых случаях решения шариатских судов при явной их незаконности или несправедливости разрешалось отменять коллегией Наркомюста в порядке надзора (контроля).

Как видим, создалась сложная и противоречивая ситуация. Шариатские суды состояли из специалистов, знающих каноны шариата, но осуществлять правосудие они должны были по преимуществу согласно советским законам. Судопроизводство по уголовным делам следовало вести по законам, принятым ВЦИКом РСФСР, а по гражданским делам — по предписаниям Временного положения от 30 июля 1922 г., принятого законодательными органами Дагестана.

Аналогичным был статус шариатских судов в Кабарде. В Кабардинской автономной области шариатские суды действовали в соответствии с Положением о судостроительстве в Кабардинской автономной области, утвержденным Облисполкомом 13 мая 1922 г. Особенность судебной системы Кабардинской АО состояла в том, что первичные звенья этой системы образовывались на уровне села. В мусульманских селениях должны были действовать сельские советско-шариатские суды, а в селах, состоящих из русских, — сельские суды. Основное различие между названными судами состояло лишь в составе суда. В сельские советско-шариатские суды общим собранием жителей села избирались судья и два заседателя, компетентные в сфере шариатского правосудия. Состав сельских судов (как судья, так и заседатели) тоже избирались общим собранием жителей села, но от них не требовалось знание шариата, они должны были обладать активным избирательным правом.

Образование судов на уровне сельских поселений представляло собой положительное явление, поскольку делало суд доступным для населения, освобождало его от обременительных поездок в другой населенный пункт, равно как и позволяло суду разрешать дела со знанием условий возникновения конфликтов, образа поведения конфликтующих сторон, уровня их авторитетности среди селян и др.

Однако имелась и обратная сторона медали — наличие родственных и дружеских связей членов суда со значительной частью жителей села, что в ряде случаев могло препятствовать вынесению достоверного и правомерного решения.

Положение от 13 мая 1922 г. исчерпывающим образом закрепило подсудность дел сельским судам, отнесло к их ведению всю совокупность малозначительных противоправных проступков, не представляющих большой общественной опасности, и ряд гражданских дел. В частности, судебной ответственности подвергался ряд деяний, связанных с потреблением алкоголя, в том числе распитие спиртных напитков в публичных местах, а также появление в публичном месте в состоянии явного опьянения, угрожающем безопасности и спокойствию граждан, и даже предоставление своего помещения для распития крепких спиртных напитков. Значительную часть противоправных деяний, подсудных сельским судам, составляли нарушения санитарно-гигиенических правил (засорение рек и колодезев, своз палого скота, мусора и нечистот в непредназначенное для этих целей место, неосторожное обращение с огнем и др.). Сельским судам были подсудны разного рода посягательства на права, здоровье, честь и достоинство личности: клевета, оскорбление, насилие без ран и побоев, насильственный увоз женщин, натравливание собаки и др. Рассматривались также имущественные иски на сумму до 50 тыс. руб. образца 1922 г.

Производство по делам в сельских судах согласно Положению от 13 мая 1922 г. надлежало вести в порядке, закрепленном Положением о народном суде РСФСР, утвержденным Декретом ВЦИКа от 21 октября 1920 г. Данное предписание действовало в равной мере в отношении как сельских судов, так и сельских советско-шариатских судов, что лишало последние права вести процесс по нормам шариата. Соответственно суды не ограничивались никакими формальными доказательствами и по своему усмотрению с учетом обстоятельств дела решали вопрос о допущении тех или иных доказательств. Как уже упоминалось, применение присяги в качестве доказательства запрещалось. Рассмотрение дела было публичным, судоговорение разрешалось на местном языке, а подготовка письменных документов — на арабском языке.

Приговор или решение по гражданскому делу предписывалось выносить по большинству голосов, в приговоре или решении надлежало точно указывать установленное судом событие, в также излагать сущность и подробное обоснование приговора или решения. Заинтересованные лица могли подать кассационную жалобу на при-

говор, решение в Областной народный суд в течение двух недель со дня их объявления.

Положение о судоустройстве в Кабардинской АО не определяло порядок формирования областного народного суда, отсылая к Положению о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. В то же время определялось, что областной народный суд должен состоять из народного судьи и двух заседателей, один из которых должен хорошо знать шариат, а другой — выступать представителем профсоюзной организации. Названный суд в качестве суда первой инстанции мог рассматривать все уголовные дела, за исключением дел, подсудных революционному трибуналу, споры об имущественных и личных правах, а также дела в порядке бесспорного производства, по которым требуется установление какого-либо факта или события.

Областной народный суд в качестве суда второй инстанции по итогам рассмотрения кассационных жалоб мог отменить приговоры и решения сельских судов, если признавал существенными нарушения или неправильным применение декретов, а также по мотивам неполноты следствия или явной несправедливости. При этом в постановлении об отмене приговора, решения требовалось указывать конкретно, в чем заключается неправильность применения закона, какие формы судопроизводства нарушены, в чем выразилась неполнота следствия или явная несправедливость. Указания Областного народного суда относительно отмены приговора, решения становились обязательными для сельского суда, пересматривающего дело.

Третьей судебной инстанцией согласно Положению о судоустройстве в Кабардинской АО выступал Совет народных судей, состоящий из председателя и двух постоянных членов, из которых один должен хорошо знать шариат. Совет народных судей надлежало избирать в соответствии с Положением о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. на съезде всех судей области, а избранные кандидатуры утверждал облисполком. Совет выступал в качестве кассационной инстанции по всем поступающим жалобам на решения Областного народного суда и сельских судов.

Характерно, что при рассмотрении жалоб Совет обязывался руководствоваться существующими законоположениями советской власти, а при отсутствии таковых — социалистическим правосознанием. Изложенное предписание, неоднократно повторяемое на уровне узаконений центральной советской власти, особых возражений не вызывало, однако в Кабардинской АО оно породило прецедент принятия решения неполным составом суда. Знаток шариата в любом случае социалистическим правосознанием не обладал и со-

ответственно участвовать в принятии решения, требующего социалистического правосознания, не мог. В лучшем случае решение должны были выносить два члена, а в худшем, что происходило чаще всего, оно вообще не могло приниматься за отсутствием у суда социалистического правосознания. Однако неспособность знатока шариата быть судьей в деле, требующем социалистического правосознания, законодатель щедро компенсировал тем, что возложил на знатока шариата контроль, инструктирование и даже дачу соответствующих распоряжений сельским судам, в которых судопроизводство велось на местном языке.

Попытка создать положение о судоустройстве Кабардинской АО посредством эклектичного заимствования предписаний Положения о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. применительно к особенностям правосудия автономной области ни к чему хорошему не привела. Приказом ЦИКа Кабардинской АО от 26 августа 1922 г. № 117 были упразднены сельские шариатские суды и организованы окружные в Баксанском, Урванском, Нальчикском и Мало-Кабардинском округах. Правосудие возлагалось на суд в составе одного судьи, знающего шариат. Кроме него в штат суда входили: добавочный судья — для разъездов; секретарь со знанием арабского языка; делопроизводитель, умеющий писать на русском языке, и сторож.

Реформа правосудия мотивировалась необходимостью экономить на расходах на правосудие и упорядочить судопроизводство. Между тем реальные мотивы были другими: шариатские судьи отказались вершить шариатский суд по канонам российского светского правосудия, противоречащего принципам и нормам шариата. Уж слишком далеко друг от друга отстояли эти два суда. Советский суд осуществлял правосудие в составе трех судей, а шариатский — одного, первый требовал принятия письменного мотивированного решения по итогам судопроизводства, второй вполне обходился устным, первый предусматривал подачу кассационной жалобы, второй признавал решения кади окончательным, первый прямо отрицал клятву как доказательство, второй ее признавал и т. д.¹

Разрешение на действие шариатских судов не означало их восстановления на веки вечные. Заведующий отделом юстиции исполкома Кабардинской АО (фамилия в публикуемом тексте не указана) 25 августа 1922 г., за день до подписания приказа о создании традиционных шариатских судов, в секретном письме в Наркомат юстиции РСФСР писал, что к искоренению шариатских судов «пришлось

¹ См.: Система судопроизводства по шариату // *Рахманов А. Р., Рахманов А. Р.* Исламское право. Ташкент, 2003. С. 364—371.

идти крайне осторожно и приказом № 61 эти Суды как бы узаконились, но одновременно ограничивалось их право на подсудность дел, а последовательным приказом № 57 эта подсудность была сокращена до минимума и, наконец, существующие сельские Суды (шариатские, ибо других сельских в Каб.-Балк. области нет) приказом № 11 вовсе упразднены, а взамен их, вместо 65 шарсудов, организуются 4 окружных шариатских суда»¹.

Таким образом, создание четырех шариатских судов подается как последняя, решающая стадия их разгрома, но автор сообщения забывает одну существенную деталь: 65 шарсудов должны были действовать в соответствии с Положением в измененной, адаптированной к советскому судопроизводству форме, а четыре окружных шариатских суда будут соблюдать каноны, установленные святыми источниками ислама, как в прошлые, досоветские времена. И еще одна деталь. Заведующий отделом юстиции пишет, что в селе иных судов, кроме шариатских, нет. Но если это так, тогда зачем нужно было в Положении о судостроительстве от 13 мая 1922 г. огородить и конституировать «сельские суды в селениях, населенных исключительно русскими»? Согласно логике из этих двух противоречащих друг другу суждений одно является ложным. Скорее всего, таковым является «секретное» утверждение заведующего отделом, поскольку ложность Положения о судостроительстве, объявленного во всеобщее сведение и для всеобщего пользования, представляется в высшей степени сомнительной.

Шариатские суды, по данным В. О. Бобровникова, сначала, в 1922 г., закрыли в Северной Осетии, где мусульмане составляли меньшинство населения; в 1924 г. — в Горской Республике; в январе 1925 г. — в Адыгее и Кабардино-Балкарии; в январе 1926 г. — в Ингушетии и Чечне; в апреле—октябре 1927 г. — в Дагестане².

Таким образом, шариатские суды у народов Кавказа, исповадовавших ислам, были легализованы советской властью на первой стадии нэпа. При этом законодательные акты, закрепившие порядок деятельности шариатских судов, предписывали осуществление судопроизводства по образу и подобию судопроизводства в народных судах, предусмотренного законодательством РСФСР. В результате шариатские суды были лишены части традиционных, присущих

¹ Сообщение заведующего отделом юстиции исполкома Кабардинской автономной области в НКЮ РСФСР от 25 августа 1922 г. // Судебная власть России. История. Документы: в 6 т. Т. V. С. 198—199.

² См.: Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 420—427. URL: <https://strana-oz.ru/2003/5/shariatskie-sudy-na-severnom-kavkaze>.

шариатскому правосудию процедур. Фактически под вывеской шариатских судов действовали ординарные народные суды с той лишь разницей, что, во-первых, их председателями могли избираться служители ислама, во-вторых, шариатским судам разрешалось применять материальные нормы шариата по вопросам уголовного и гражданского права. Соответственно шариатские суды, поступающие по советским процессуальным законам, правильнее было называть народными судами, руководимыми служителями ислама — имамами.

Наряду с шариатскими судами, соблюдающими советские законы, продолжали на полулегальных началах функционировать шариатские суды, в которых правосудие вершили имамы по канонам шариата. Работа таких судов во многом облегчалась тем, что гражданские и уголовные дела возбуждались по жалобе потерпевшего, который, будучи искренним мусульманином, не видел иного пути разрешения правового конфликта как посредством обращения к местному имаму. Характерно, что судебную деятельность имамы осуществляли даже после того, как советская власть официально упразднила шариатские суды, придерживавшиеся установленных ею законов. Как обоснованно утверждает И. Х. Сулаев, шариатские суды автоматически не исчезли после их официального закрытия, как это пытались представить власти. В 1933 г. в 23 районах Республики Дагестанский отдел ОГПУ зарегистрировал 636 кадиев. Из них 84 (13,2%) признались, что являются шариатскими судьями, а 552 (86,8%) заявили об отказе от службы из-за боязни репрессий¹.

Опыт шариатских судов как в форме народных судов, так и в их традиционной форме был в целом положительным. Народы, исповедовавшие ислам, позитивно оценивали шариатские суды, видели в них полезное средство разрешения правовых конфликтов и добровольно прибегали к их помощи. Благодаря тому, что шариатские суды практически не претерпевали революционных преобразований, правосудие вершили лица, имеющие профессиональное богословское образование и, как правило, большой опыт судейской работы, опирались на традиционные источники шариата, в принимаемых ими решениях и выносимых приговорах содержалось значительно меньше судебных ошибок по сравнению с решениями и приговорами народных судов, руководствующихся «социалистическим правосознанием» при наличии множественных пробелов в советском материальном и процессуальном праве. Кроме того, сохранение шариатских судов на начальных стадиях становления советского государства имело боль-

¹ См.: Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917—1991 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2010. С. 34.

шой политический резонанс, способствовало привлечению на сторону государства значительной части населения, увидевшего в этом акте очередное свидетельство намерений советской власти соблюдать интересы народа и подчиняться его воле.

Закрывая в массовом порядке шариатские суды, советская власть не была уверена в своей правоте и решила еще раз, с учетом пожеланий автономных республик и автономных областей, население которых исповедовало ислам, изучить вопрос о целесообразности принятия общесоюзного закона о мусульманской юстиции. Согласно исследованиям М. К. Теунова, в 1925—1926 гг. были подготовлены три различных варианта проекта об адатских и шариатских судах: в редакции СНК РСФСР, в редакции ЦИКа СССР и в редакции Совещания представителей автономных республик. Выработка окончательного варианта проекта была возложена на Комиссию законодательных предположений при СНК СССР, у которой, однако, возникли сомнения в целесообразности восстановления шариатских судов. Комиссия направила имеющиеся материалы заинтересованным органам, и, как оказалось, значительная их часть также не увидела оснований для возрождения шариатского судопроизводства в условиях, сложившихся во второй половине 1920-х гг. С учетом полученных отзывов Комиссия на заседании 20 августа 1927 г. объявила, что нецелесообразно издавать общесоюзный закон о шариатских судах¹. На сей раз вопрос о них в истории советского государства и правосудия был решен полностью и окончательно.

Глава 23. Туземные и кочевые общественные суды

Советскому государству наряду с шариатскими судами пришлось легализовать туземные суды для народов Севера, поскольку народный суд был недостаточно эффективным вследствие его значительной удаленности от местонахождения сторон, свидетелей и иных участников уголовного и гражданского судопроизводства, а также из-за сплошной неграмотности народов Севера, препятствующей их представителям занимать должности народных судей.

По данным Г. Завьялова, «территория 7 следственного участка Тобольского округа Уральской области, обслуживаемая участком, занимает 240 000 кв. верст с населением в 12 000 жителей: русских, остяков и частью самоедов. В состав территории входят сельсоветы Сургутского района: 1) Тундринский — в 70 верстах, 2) Сытоминский — в 120 верстах, 3) Локосовский — в 100 верстах, 4) Юган-

¹ См.: Теунов М. К. Шариатские суды в советской Кабардино-Балкарии: 1918—1928 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2007. С. 29—30.

ский — в 70 верстах от камеры. Зимой сама камера находится в гор. Сургуте, в центре указанных пунктов. Кроме того, ряд, населенных пунктов расположен по реке Югару — на расстоянии 750 вер. и реке Салыму — 500 вер. Отдельные населенные пункты реки Ваха и кочевья самоедов находятся на расстоянии, едва ли известном самому закоренелому, хорошо знающему местность туземному жителю. Кочевые самоеды, выезжающие из Пуры, двигаются на оленях до Сургута до двух месяцев»¹.

Решения Конференции туземных племен Полярного Севера (июль 1922 г.) о том, чтобы допустить местное население в состав народных судов, а также вести судопроизводство на национальных языках, оказались нереальными. Неграмотные туземцы не знали норм советского законодательства и не могли бы даже расписаться. Ввести судопроизводство на национальных языках было невозможно, так как письменность у финно-угорских народов отсутствовала².

В этих условиях оставался единственный вариант организации правосудия, доступного народностям Севера, — возложение правосудия на местные (туземные) органы управления, осуществляемого на языке соответствующей народности, по ее обычаям и в упрощенном порядке. Такой суд у народностей Севера существовал искони и продолжал существовать в советском государстве. В Сводном отчете о деятельности губернских и областных судов РСФСР за 1923 г. Наркомюст констатировал, что на окраинах Сибири по-прежнему действуют инородческие суды. Так, в Хабаровском уезде Приморской губернии обнаружен свой суд среди туземцев-«ороченов»; инородческий суд есть в тундрах Туруханского края и имеется суд «обычного права» в Ойротской автономной области³.

Пока в Наркомюсте размышляли, что делать с пережитками правосудия, местные органы власти решились на их официальное признание, временную легализацию. Президиум ЦИКа Бурято-Монгольской автономной республики 1 апреля 1925 г. принял Временное положение о Баунтовском туземном районе, которым возложил на родовой совет осуществление судебных функций по обычаям его племени. При этом подсудность дел родовому совету была тождественной подсудности дел народным судам. Решения, вынесенные туземными органами управления, вступали в законную силу, если

¹ Завьялов Г. Из быта судебных работников на Севере // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 4. С. 121.

² См.: Козинцев А. Я. Туземное правосудие на тобольском Севере в первой четверти XX века // Северный регион: наука, образование, культура. 2014. № 1. С. 17.

³ См.: Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за третью четверть 1923 г. // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 3—4. С. 83.

они не были обжалованы в народный суд. По жалобе заинтересованной стороны суд разрешал дело в общем порядке, не связывая себя решениями органов туземного управления¹.

Тобольский окружной исполком 5 февраля 1926 г. утвердил Временное положение об организации судебной части на северных окраинах Тобольского округа, которым возложил на органы туземного управления судебные функции по мелким уголовным и гражданским делам, при этом родовой совет играл роль первой, а туземный райисполком — второй судебной инстанции². На основании данного Положения Комитет Севера при Президиуме ВЦИКа 5 февраля 1926 г. утвердил Временное положение об организации судебной части на северных окраинах Тобольского округа, закрепив в нем особенности судопроизводства в туземных судах³.

Желая легализовать ценную, хотя и незаконную инициативу формирования туземных судов (вопросы судоустройства и судопроизводства входят в компетенцию высших представительных органов государства), Президиум ЦИКа СССР принял 1 июня 1927 г. постановление «О возложении судебных функций на туземные органы управления северных окраин». Этим актом ВЦИКу было предоставлено право возлагать судебные функции на туземные органы управления в северных регионах РСФСР, где в силу местных условий или кочевого образа жизни обитающих здесь народностей не представлялось возможным осуществлять общий судебный порядок. Подобная мера признавалась временной, на период сохранения обусловивших ее применение родоплеменных отношений и кочевого образа жизни народов Севера.

Реализуя предоставленное право, ВЦИК и СНК РСФСР совместным постановлением от 14 октября 1927 г. «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР» закрепили судебные функции за родовыми, тундровыми и островными Советами и районными туземными исполнительными комитетами.

Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР не предусматривалось создание специальных органов правосудия. В этом качестве по первой инстанции выступали «туземные органы управления», т. е. родо-

¹ См.: *Славин И.* Туземные суды на северных окраинах // *Еженедельник советской юстиции*. 1927. № 40. С. 1246—1247.

² См.: *Харючи Н. Н.* Правовые основы организации местного самоуправления в местах проживания коренных малочисленных народов Севера: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 64—65.

³ См.: *Кодинцев А. Я.* Туземное правосудие на тобольском Севере в первой четверти XX века. С. 17—18.

вые, тундровые и островные Советы (далее — родовые Советы), создаваемые и действующие согласно Временному положению об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР, утвержденному Декретом ВЦИКа и СНК РСФСР 25 октября 1926 г. Родовой Совет избирался родовым собранием в составе трех лиц сроком на один год и обладал правами юридического лица. Родовой Совет состоял из председателя, его заместителя и члена совета.

Законодатель не устанавливал специальных требований к составу суда и его правомочности. Презюмировалось, что общие положения о правомочности родового совета принимать решения автоматически распространяются на него как судебный орган. Однако в порядке исключения, когда среди кочующих находился лишь один член районного туземного исполкома, ему дозволялось осуществлять правосудие при условии избрания родовым собранием двух заседателей.

Родовым Советам были подсудны как гражданские, так и уголовные дела, возникающие в отношении лиц, проживающих в пределах их территориальной юрисдикции и принадлежащих к одному и тому же племени, кочующему сообществу. В тех случаях, когда стороны конфликта к принадлежали разным племенам (сообществам), подсудность определялась по местонахождению ответчика или обвиняемого. Дела рассматривались органом туземного управления, которому был подсуден ответчик или обвиняемый, при наличии соответствующего заявления, жалобы истца или потерпевшего. Органы туземного управления уполномочивались на рассмотрение наиболее простых, обыденных дел, которые неизменно возникали у племени, иного сообщества.

Словом, законодатель имел серьезные намерения создать хороший механизм судебной защиты прав коренных народов Севера, не способных по тем или иным объективным причинам обращаться непосредственно в народный суд. Однако эти благие намерения не были реализованы надлежащим образом, в том числе по вине законодателя. Во-первых, Декрет был подготовлен в традиционном для тех лет стиле, допускающем множественные пробелы и многочисленные неясности, что порождало проблемы на стадии реализации, воплощения норм права в конкретных правоотношениях. Во-вторых, законодатель не верил в способность органов туземного управления проводить судебную политику советского государства и поэтому демократический порядок деятельности туземных судов обставил запретами и обязанностями, которые свели демократизм местного правосудия к нулю. В конечном счете оказалось, что народный суд мог

любое решение туземного суда отменить по мотивам его несоответствия законодательству и принять собственное решение.

Согласно ст. 5 постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. туземным органам управления были подсудны все гражданские дела, проистекающие из брачных и семейных отношений, а также все дела имущественно-правового характера, независимо от цены иска. Это прежде всего дела о разделе семейного имущества, об удостоверении права на наследование, об истребовании имущества из чужого владения, о праве пользования пастбищными, рыболовными, охотничьими и другими угодьями. Одновременно из подсудности туземных судов исключались дела, так или иначе связанные с интересами государства.

Законодатель называл четыре основания неподсудности гражданских дел туземным органам управления: 1) нарушение интересов государства; 2) неправомерность действий должностных лиц, связанных с посягательствами на права членов племени, сообщества; 3) одна из сторон — государственное учреждение, предприятие, кооперативная организация или иное приравненное к ним учреждение или предприятие; 4) дела основаны на актах и договорах, удостоверенных в нотариальном порядке, а равно подлежащих в силу закона нотариальному удостоверению.

Таким образом, за пределами подсудности туземным органам управления оставались дела, разрешение которых основывалось на применении советского гражданского и иного законодательства, которого эти органы не знали и в силу своей традиционалистской правовой культуры знать не могли. Постановление ЦИКа СССР от 1 июня 1927 г. обязывало туземные суды осуществлять судопроизводство и правоприменение по местным обычаям, не противоречащим основным положениям советского законодательства. Следовательно, судебное решение могло не соответствовать конкретным предписаниям советского законодательства, но решение считалось законным и правомерным, если согласовывалось с основными положениями советского законодательства, т. е. защищало права трудящихся, малоимущих от посягательств на их права, личную свободу, имущество, жизнь и здоровье со стороны имущих слоев племени; недействительными признавались кабальные сделки, договоры и др., влекущие за собой лишение имущества, необходимого для проживания в суровых условиях Севера.

В перечень уголовных дел, рассматриваемых органами туземного управления, вошли традиционные бытовые преступления, сопряженные с посягательствами на личные права и свободы членов

племени, иного сообщества: оскорбление словами и действием, клевета, хулиганство, кража, покупка краденого, присвоение, мошенничество, вымогательство, ростовщичество, умышленное истребление или повреждение имущества.

Скорее всего, перечень был ориентировочным, в него не вошли такие распространенные в быту и запрещенные уголовным законом противоправные деяния, как самоуправство, нанесение легкого телесного повреждения, умышленное нанесение побоев, насильственное лишение свободы, а также деяния, не предусмотренные законодательством, но запрещенные обычаями (потрава, промысел в чужих угодьях, умыкание женщин, насильственное обращение в рабство, осквернение домашнего очага).

Законодатель предписывал туземным органам управления при вынесении приговоров применять к осужденным следующие меры: лишение свободы на срок до шести месяцев, принудительные работы на срок до одного года без содержания под стражей, конфискацию имущества, штраф, увольнение от должности, общественное порицание, возложение обязанности загладить вред. Одновременно запрещалось применять меры, сопряженные с мучительством, членовредительством, нанесением побоев, глумлением над личностью.

Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 14 октября 1927г. туземные органы управления обязывались рассматривать уголовные и гражданские дела публично, на языке или наречии соответствующей народности или племени. В то же время постановление не содержало правил, ориентированных на достижение истины по делу и вынесение справедливого и обоснованного решения, приговора. Предполагалось, что все эти вопросы определены обычным правом, следуя которому суд способен вынести правосудные решение, приговор. Причем от суда не требовались всестороннее уяснение обстоятельств дела, соблюдение прав обвиняемого и потерпевшего, непременно участие обвинителя и защитника, порядок принятия судом решения, а также ведение протокола судебного заседания и объективация принятого решения в письменной форме. Согласно ст. 10 постановления решения и приговоры (как общее правило) излагаются в письменной форме и заносятся в особую книгу судебных решений и приговоров. Однако по значительной части дел изложенное предписание не исполнялось вследствие неграмотности лиц, отправляющих правосудие. Решение суда существовало только в устной форме, что, однако, не лишало заинтересованные стороны права в двухмесячный срок обжаловать его в районный туземный исполнительный комитет.

Жалобу на приговор, решение надлежало подавать в устной или письменной форме в суд, вынесший обжалуемый акт. Жалоба записывалась в особую книгу судебных жалоб и препровождалась вместе с производством в двухнедельный срок в соответствующий районный туземный исполком. Законодатель не определял сроки рассмотрения жалоб на решения, приговоры, вынесенные родовыми Советами, равно как и не устанавливал основополагающие нормы относительно порядка рассмотрения жалоб районными туземными исполкомами. Все это отдавалось на откуп последним.

Согласно ст. 14 постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. обжалованные решения и приговоры туземный исполком мог пересматривать по существу в судебных заседаниях. Характерно, что в законе не приведены основания для пересмотра приговора, решения по существу, что исполкомам дозволено по их усмотрению решать вопрос о том, какое из обнаруженных ими нарушений является существенным, требующим пересмотра обжалованного судебного акта. Отменив решение, приговор родового Совета, районный туземный исполком обязан был от своего имени принять новое решение либо новый приговор.

Отсутствие законодательного регулирования порядка рассмотрения районными туземными исполкомами жалоб на решения, приговоры родового Совета, однако, не препятствовало восстановлению истины по делу и нарушенных прав потерпевшего или истца. Стороны процесса и другие заинтересованные лица могли подать жалобу в народный суд в двухмесячный срок со дня вынесения приговора, решения. Суд же рассматривал дело в общем порядке по первой инстанции в соответствии с УПК РСФСР или ГПК РСФСР. При этом в составе заседателей должны были участвовать один или два заседателя из числа коренных жителей.

Таким образом, законодатель закрепил право коренных жителей Севера на разрешение правовых конфликтов собственными силами и согласно нормам обычного права. Однако данный порядок действовал постольку, поскольку стороны конфликта и другие заинтересованные лица были удовлетворены решением, приговором, принятыми органами туземного управления. На этой стадии органы советской юстиции не вмешивались в ход судебного разбирательства. Даже начало процесса связывалось с подачей жалобы, заявления потерпевшим или истцом, которые обязаны были сами представлять суду доказательства виновности другой стороны. Ни прокурор, ни правоохранительные органы в судебной деятельности органов туземного управления не участвовали.

Картина коренным образом менялась при подаче в народный суд жалобы на решение, приговор районного туземного исполнительного комитета. К сожалению, законодатель не закрепил круг субъектов, наделенных правом подачи жалобы в народный суд. Кроме того, этот вопрос не был регламентирован ни УПК РСФСР, ни ГПК РСФСР. Лишь логически можно предположить, что этим правом наделялись стороны конфликта, а также лица, права которых так или иначе умалялись обжалуемым решением, приговором. Не была определена и форма подачи жалобы. Вместе с тем предписывалось жалобу подавать в исполком, который вынес обжалуемое решение, приговор. Жалобу вместе с делом надлежало направить в соответствующий народный суд в сроки по усмотрению исполкома. Законодатель на сей счет никаких указаний не предоставил и тем самым создал плодородную почву для узаконенной волокиты.

Народный суд не был связан решениями туземных органов управления и поступил сообразно уголовно-процессуальному или гражданскому процессуальному законодательству. Лишь по двум составам преступлений — оскорбление словами и действием, а также клевете жалобы могли рассматриваться непосредственно народным судом. Жалобы на приговоры по остальным преступлениям, подсудным туземным органам управления, подлежали первоначально дознанию, а дела по обвинению в деяниях, сопряженных с умышленным истреблением или повреждением имущества, — предварительному следствию. Как видим, вновь создавались тепличные условия для волокиты. Дело, которое туземные органы управления рассматривали как минимум в течение полугода, поступало в народный суд, все начиналось с самого начала — с дознания или предварительного следствия, а финальное решение народного суда виделось лишь в далекой и весьма неясной перспективе.

Законодатель, предоставив туземным органам управления широкую свободу в сфере правосудия, разрешив им применять обычаи, все же не был уверен в том, что названные органы будут проводить судебную политику, аутентичную судебной политике советского государства. Соответственно на народные суды и был возложен *надзор за судебной деятельностью туземных органов управления*. Согласно ст. 15 постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. народные суды наделялись правом истребования дел из родовых советов и туземных районных исполкомов и отмены приговоров и решений, не соответствующих основным положениям советской политики и прямым указаниям советских законов. Народный суд был правомочен также приостанавливать исполнение решений, приговоров с одновременным истребованием дела.

Нетрудно заметить, что ВЦИК и СНК РСФСР вошли в противоречие с ЦИКом СССР по вопросам оснований отмены приговоров и решений туземных органов управления. Как сказано выше, ЦИК СССР признавал необходимым отменять названные акты судебного правоприменения лишь в случае их несоответствия основным положениям советского законодательства, тогда как российский законодатель дал иную формулировку оснований отмены — *противоречие основным положениям советской судебной политики и прямым указаниям советских законов*.

Следуя изложенной формулировке, народный суд практически мог отменить любой приговор, решение туземных органов управления, поскольку правовые обычаи, созданные задолго до советского государства и в условиях царского режима, никак не могли соответствовать основным положениям советской судебной политики, тем более прямым указаниям советского законодательства. Это финальное законоположение под корень подрубило демократические нормы советского законодательства, ориентированные на вовлечение коренных народностей Севера в осуществление правосудия, укрепление правопорядка и на защиту прав населения. И отнюдь не случайно, как показала последующая практика, желающих судиться по «демократическим» законам советского государства было не столь уж много, коренные жители не спешили приобщаться к высокой культуре советского правосудия. Так, специальная северная экспедиция, изучавшая в течение полутора лет быт туземцев полуострова Ямал, признала работу туземных судов находящейся в зачаточном состоянии. Туземцы только присматривались к чуждому для них институту. По Ямальскому туземному суду в 1928 г. прошло всего 16 уголовных дел (кражи, клевета, побои) и шесть гражданских¹.

По данным А. Я. Кодинцева, в первом полугодии 1929 г. Крымский тузрайсуд (Кондино) рассмотрел всего 25 дел. За тот же период Тазовский туземный суд действовал более активно, рассмотрев дела о возмещении вреда, конфискации имущества, возврате захваченного имущества, возврате приданого, семейные дела и 28 дел о возврате калыма. Были рассмотрены уголовные дела по захватам, клевете, оскорблениям, кражам, побоям, поджогам, изнасилованиям. За изнасилование суд давал всего шесть месяцев принудительных работ или 11 руб. штрафа. Просматривая дела в порядке надзора, Тобольский окружной суд отменил значительную часть приговоров по мотивам превышения компетенции или несправедливости наказаний,

¹ См.: А. Б. Туземные суды и судебный вопрос у народностей северных окраин // Советская юстиция. 1930. № 10. С. 26.

что, в свою очередь, подрывало авторитет тузсудов. Сургутский райисполком на одном из своих заседаний, рассмотрев итоги деятельности туземных судов района, вынужден был констатировать их весьма низкую активность. Верхнепимский райтузсуд за полтора года рассмотрел три дела, а Балыкский родовой суд — пять дел, остальные суды фактически бездействовали¹.

Нежелание коренных народов Севера защищать свои права посредством правосудия, осуществляемого туземными органами управления, объяснялось тем, что народные суды и прокуратура не ведут эффективного надзора за работой туземных судов. Предоставленные сами себе последние «не могут работать лучше». В то же время судебно-прокурорская сеть не обеспечивает места необходимым числом работников, способных руководить работой туземных судов. Соответственно пока «мы не научим туземные суды судить, не можем требовать и правильных от них решений»².

По нашему мнению, суть дела обстоит прямо противоположным образом: чем больше советское государство в лице его прокурорско-судебных работников бесцеремонно вмешивалось в дела туземных судов, пытаясь научить их чуждому им правосудию, тем чаще они отторгались местным населением. Негативное отношение аборигенов Севера к государственным органам и должностным лицам царского, дореволюционного Правительства, формировавшееся на протяжении непосредственного и многовекового опыта, автоматически переносилось на органы и должностных лиц советского государства. Население не видело большой разницы между дореволюционным и советским государством, неизменно требовавшим от них лишь уплаты налога и не принимавшим мер по улучшению, облегчению их быта и жизнедеятельности. Поэтому и сугубо гуманную меру с позиции советского государства, — наделение местных органов управления судебными правами — они воспринимали как еще одну попытку покушения на их обычаи и традиции, желание заменить искони сложившиеся формы народного правосудия некими неясными процедурами, имеющими целью применение наказаний, по преимуществу не известных местным народам.

Трудно себе представить приговор племенного совета, которым виновное лицо приговаривалось бы к лишению свободы, например на срок до пяти месяцев. Приговорить-то можно, а дальше что делать? Строить тюрьму, а кто ее будет охранять, кормить и поить осужденного? Кочующее племя такую роскошь себе позволить не

¹ См.: *Кодинцев А. Я.* Туземное правосудие на тобольском Севере в первой четверти XX века. С. 20.

² *А. Б. Указ.* соч. С. 26.

может, лишних людей на подобную работу у него нет, как нет и должностных лиц, к которым можно применять такую кару, как увольнение от должности. Не менее проблематичным предстают и принудительные работы на срок до одного года без содержания под стражей. Какие могут быть общественные работы, если все общество состоит из частных собственников, занимающихся одной и той же работой: скотоводством, рыболовством или охотой. И отнюдь не случайно обычное право туземных народов знает в основном три меры: штраф, батрачество, приближенное к рабству, или телесное наказание.

Как обоснованно признает В. В. Наумкина, наиболее распространенными в обычном праве кочевых народов Восточной Сибири были имущественные санкции, которые носили компенсационный характер и были направлены на примирение сторон и поддержание мира. Телесные наказания применялись при экономической несостоятельности ответчика¹. В частности, в обычном праве бурят принцип талиона «око за око, зуб за зуб» уже не применялся, а вместо него устанавливалось материальное возмещение в виде «яалы» и «андзы» как плата за причинение морального, материального или физического вреда. При этом за «яалой» сохранялось локальное значение уголовного наказания, назначаемого только за хищение домашнего скота, являвшегося основным источником существования скотоводов-кочевников².

Иной была совокупность наказаний, применяемых судебными органами народов северных регионов Сибири. Тем не менее и она не совпадала с мерами наказания, закрепленными постановлением ВЦИКа и СНК от 14 октября 1927 г. За кражу могли наказывать розгами. За нанесенную обиду допускалось битье виновного по щекам и испрашивание им прощения с поклонами в ноги обиженному или оскорбленному. Применялась очистительная присяга на морде медведя или произнесение клятвы: «Если я виновен, то пусть меня съест зверь». Основной мерой наказания все же оставалась уплата той или иной денежной суммы в пользу потерпевшего³.

Таким образом, закрепление постановлением ВЦИКа и СНК от 14 октября 1927 г. чуждой народному сознанию системы мер наказания снижало общепреventивное действие наказания в глазах на-

¹ См.: *Наумкина В. В.* Обычное право народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 15—16.

² См.: *Шлыкова Е. С.* Обычное право бурят: историко-правовое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 7.

³ См.: *Давыденко Е. А.* Документ как ценность в философии и культуре народов ханты и манси. Нижневартовск, 2014. С. 46—47.

селения и сокращало круг лиц, желающих восстановить свои права посредством обращения в туземные органы управления. Кроме того, как показано ранее, названное постановление определяло перечень преступлений, не соответствующий совокупности преступных посягательств на права и имущество, совершаемых коренным населением Севера, установило порядок судопроизводства, который неизбежно порождал волокиту (затягивание решения до года) и не обеспечивало стабильности решений, вынесенных туземными органами самоуправления. Народный суд был правомочен отменить любое решение, приговор туземных органов управления по мотивам несоответствия прямым указаниям советских законов.

В связи с недостаточной эффективностью судебной деятельности туземных органов управления постановление ВЦИКа и СНК от 14 октября 1927 г. было признано утратившим силу. Положением о кочевых общественных судах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР, утвержденным постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 16 октября 1933 г., судопроизводство по уголовным и гражданским делам было возложено на кочевые общественные суды, образуемые при кочевых Советах. Как видим, в данном случае логика правосудия, основанного на народных обычаях, временно одержала верх над желанием советского государства судить аборигенов Севера по чуждым и непонятным им законам.

Создав общественные кочевые суды, законодатель вывел их за пределы системы общих судов, придал им статус ординарных производственно-товарищеских, сельских, колхозных общественных судов, решения которых по делам, отнесенных к их подсудности, признавались окончательными и обжалованию в народные суды и иные судебные инстанции не подлежали. Кочевые общественные суды образовывались и работали по тем же принципам, что и иные товарищеские суды, но с учетом местной специфики.

Учитывая неспособность беднейших слоев народов и племен Севера достойно противостоять решениям и действиям зажиточных слоев, законодатель установил дополнительные механизмы, обеспечивающие попадание в состав суда той части населения, которая поддерживает меры советского государства и готово проводить их в жизнь. Так, председателем суда и его заместителем могли состоять только члены кочевого Совета, избранные соответствующим советом и утвержденные райисполкомом. Члены суда избирались более демократическим путем.

Правом выдвигать кандидатов в члены кочевого общественного суда обладали собрания батрачества и бедноты, женские делегатские

собрания, местные профсоюзные организации и другие общественные организации, а также граждане, пользующиеся избирательными правами. Избрание членов судов проводилось на общем собрании граждан, проживающих на территории соответствующего кочевого Совета и пользующихся избирательными правами. При этом законодатель особенно подчеркивал, что в состав суда могли избираться только ударники, активные колхозники и батраки, а также передовые общественники из бедняков и середняков-единоличников. Председатель, его заместитель и члены суда избирались на год, но могли быть досрочно отозваны избирателями.

Создается впечатление, что законодатель плохо представлял себе условия и быт кочевых народов в начале 1930-х гг. Скорее всего, он рекомендовал избирать в состав суда несуществующих при кочевом образе жизни «ударников, активных колхозников», а также называл не известные им формы общественной самодеятельности в виде собраний местных профсоюзных организаций. Однако коллективизация на северных окраинах проводилась с заметным опозданием по сравнению с коллективизацией в остальных регионах страны. В сентябре 1932 г. ЦИК ВКП(б) вынес специальное постановление о недопустимости ускоренных темпов коллективизации в районах Севера и призвал сосредоточить внимание на первичных формах кооперации населения. До 1940 г. основной формой кооперации северных племен и народов были товарищества и артели¹. Соответственно неоткуда было взяться у кочевых народов и профсоюзным организациям.

Ориентируясь на суды в составе «ударников и активных колхозников, членов профсоюза», законодатель предписал им проводить четкую классовую политику, ориентированную на рассмотрение уголовных дел по фактам правонарушений, допущенных только «трудящимися (при условии, если преступления эти совершены не по сговору и не в целях срыва мероприятий партии и правительства)». Термин «трудящиеся» вновь употреблен всуе, поскольку у народностей Севера все взрослые мужчины, независимо от их имущественного положения, занимались производительным трудом (оленоводством, рыболовством, охотой и др.), следовательно, были трудящимися. Расслоение общества шло по имущественному положению, были зажиточные слои, пользовавшиеся наемным трудом, и малоимущие, работавшие по найму. В данном случае законодатель имел

¹ См.: Якубовская С. К вопросу о переходе народов Советского Севера к социализму, минуя капитализм // Вопросы истории. 1951. № 8. С. 80—88; Корчагин Ю. В. Трансформация традиционных культур: этнокультурное и социально-экономическое развитие народов Севера России в освещении западной историографии: учеб. пособие. СПб.; Петропавловск-Камчатский, 1997. С. 58—59.

в виду лиц, принадлежащих к зажиточным слоям общества и лишенных избирательных прав; названной категории населения согласно ст. 13 Положения запрещалось даже присутствовать на заседаниях кочевого общественного суда.

Бесспорно, отмеченные и иные неточности затрудняли понимание нормативных предписаний Положения от 16 октября 1933 г. и их применение на практике, но названный акт действовал в первоначальной редакции до отмены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 февраля 1959 г.

Подсудность кочевым товарищеским судам уголовных дел определялась с учетом особенностей быта северных народностей, частоты совершения противоправных деяний и степени их общественной опасности. К ведению таких судов были отнесены: 1) деяния, связанные с нарушением порядка охраны и использования природной среды — лесов, заповедников, нерестилищ, правил об охоте и звероловстве, а также предупреждающих эпизоотии; 2) посягательства на права личности, честь, здоровье, имущество — клевета, оскорбление, нанесение побоев, не причинивших тяжких телесных повреждений, кража, присвоение или порча чужого имущества при условии, что подобные действия совершены впервые, а размер причиненного ущерба не превышает 100 руб.; 3) лица, которые согласно обычаю удаляли роженицу из дома «в опасное для жизни и здоровья матери и ребенка место». Кроме того, кочевые общественные суды должны были рассматривать дела о невыполнении отдельными хозяйствами заключенных договоров по контрактации и самообязательств по государственным заданиям, если эти хозяйства не были привлечены за подобные деяния к судебной или административной ответственности.

Кочевые товарищеские суды наделялись полномочием рассматривать следующие категории гражданских дел: 1) имущественные споры на сумму не выше 100 руб.; 2) споры, связанные с использованием промысловых и прочих угодий; 3) трудовые споры на сумму не более 25 руб.

Поступившие в кочевой суд заявления согласно Положению надлежало рассматривать «немедленно по их поступлении» в открытом судебном заседании и на языке соответствующей народности. При этом предписывалось вызвать на судебное заседание заинтересованные стороны, заслушать их объяснения, допросить свидетелей и всесторонне выяснить дело. В качестве превентивной меры судам разрешалось применять общественное принуждение: предупреждение, общественное порицание, выговор, денежный штраф не выше

10 руб., принудительное исполнение общественной работы на срок не более пяти дней и возложение обязанности загладить причиненный имущественный вред в размере не более 100 руб. Постановления суда по итогам рассмотрения уголовного или гражданского дела признавались окончательными и обжалованию не подлежали.

Законодатель, видимо, сознательно умолчал о нормах, которыми надлежало руководствоваться при разрешении уголовных и гражданских дел. Было сложно применять законодательство в кочевых общественных судах из-за отсутствия текстов законов и специалистов, способных дать верное их толкование. В то же время законодатель не считал возможным официально инициировать на семнадцатом году советской власти применение местных обычаев. В этих условиях суд был волен самостоятельно избирать нормативный источник разрешения дела. Но в случае обнаружения в постановлении кочевого общественного суда нарушения закона или интересов трудящегося народный судья обязан был приостановить исполнение решения кочевого суда, принять к своему производству данное дело и рассмотреть его по существу и в соответствии с действующим законодательством.

Неполные, отрывочные данные об активности и итогах работы кочевых товарищеских судов не позволяют сделать достоверные выводы о ее эффективности, успехах и недостатках. В то же время было бы неверным представлять дело таким образом, что северные народности с благодарностью и без борьбы перешли на сторону советской власти, непременно и с большим удовольствием обращались в товарищеские суды за разрешением споров. Местное население оказывало сопротивление советской власти и ее порядкам. Известно восстание аборигенов Ямала в 1934 г., в ходе которого были распущены Нейтийский, Тамбейский и Тиутейский нацсоветы, блокирована связь окружных властей с североямальскими факториями. Аборигены требовали уравнивать в правах кулаков и бедняков, поскольку «мы все одинаковы», восстановить в правах кулаков и шаманов. Одновременно они выступали против Советов, отказывались исполнять советские законы и отдавать детей в школу на обучение¹.

Несмотря на имеющиеся трудности в организации и деятельности кочевых судов, в целом они были полезны в разрешении конфликтов между представителями северных народностей сообразно их обычаям, морали и условиям.

¹ См.: Мандалада. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мандалада>; Ларьков С. А., Романенко Ф. А. «Враги народа» за полярным кругом: сб. статей. М., 2010.

Раздел VII ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ

Глава 24. Адвокатура в РСФСР

После экспериментов, проведенных с организацией юридической помощи населению в годы гражданской войны, советское государство не нашло ничего лучшего, как вернуться к практике правовой защиты на принципах дореволюционной адвокатуры, лишь несколько приспособленной к условиям нэпа, одновременному существованию государственной и частной собственности на орудия и средства производства. Постановлением от 26 мая 1922 г. ВЦИК утвердил Положение об адвокатуре, состоящее из семи статей, которых едва хватило на то, чтобы определить принципы организации и деятельности коллегий защитников по уголовным и гражданским делам и предписать издание *особого положения* о подобных коллегиях. Однако ни органа, которому поручалось издание этого особого положения, ни дату его вступления в действие ВЦИК не устанавливал.

Вполне правомерно возникал вопрос: что мешало законодателю самому изложить новеллы этого положения, тем более что Конституцией вопросы судоустройства прямо отнесены к предметам ведения ВЦИК? «Анонимный» орган не заставил себя долго ждать, и через месяц с небольшим, 5 июля 1922 г., Наркомат юстиции издал Положение о коллегии защитников из 28 статей и трех приложений, которое не было помещено в основном источнике официального опубликования законодательных актов ВЦИКа и СНК «Собрании узаконений» и широкой юридической аудитории осталось неизвестным. Более того, между положениями ВЦИКа и Наркомюста обнаружилось существенное расхождение. Положение ВЦИК предусматривало образование коллегий защитников при *губернских отделах юстиции*, тогда как Положение Наркомюста — при *совнарсудах*.

Характеризуя созданную Наркомюстом коллизию, А. Тагер отмечал, что В. И. Ленин в 1918 г., редактируя текст Декрета о суде № 2, внес правку, согласно которой коллессию правозаступников признал целесообразным создавать не при судах, а при Советах. С ленинской

позицией ученый был солидарен полностью, поскольку «это было единственно правильное решение вопроса. Члены коллегий защитников при осуществлении кассационных прав обвиняемых всегда являются эвентуальными жалобщиками на постановления суда. Право жалобы осуществляется профессионально. При этих условиях вряд ли разумно было ставить членов коллегии защитников по отношению к тем органам, на постановление которых они призваны осуществлять право жалобы. Такого порядка не знает ни одна советская организация. Практика коллегий защитников на местах также убеждает в целесообразности организации коллегий защитников при исполкомах»¹.

Однако ВЦИК, несмотря на изложенное ленинское высказывание, неожиданно принял сторону Наркомюста и постановлением от 7 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Положения о судеустройстве РСФСР» подчинил коллегии защитников губернским судам. Кроме того, этим же актом Положение об адвокатуре ВЦИК инкорпорировал в Положение о судеустройстве РСФСР в качестве гл. IV. ЦИК СССР постановлением от 29 октября 1924 г. «Основы судеустройства Союза ССР и союзных республик» предписал, что коллегии защитников создаются на началах самопополнения под контролем губернских (областных) исполкомов. Итак, возникла новая коллизия между актами ЦИКа СССР и ВЦИКа.

Несмотря на конституционное требование соответствия республиканских законов общесоюзным и интересы дела, ВЦИК не стал приводить коллизионное предписание в соответствие общесоюзному законодательству. В новой редакции постановления ВЦИКа от 19 ноября 1926 г. «Положение о судеустройстве РСФСР» вопрос о подконтрольности коллегий защитников был закреплен сообразно наркомюстовскому варианту. Статья 80 Положения предусматривала создание коллегий защитников по уголовным и гражданским делам, действующих под руководством и надзором губернских судов. Соответственно ВЦИК не только не привел свои нормы в соответствие общесоюзным, но и своим усмотрением расширил формы судебного руководства коллегиями защитников. Если Основы судеустройства предписывают организацию контроля названных коллегий, то Положение о судеустройстве 1926 г. устанавливает еще и руководство ими.

Тем не менее почему-то ни Верховный Суд СССР, ни его прокурор не реагировали на явные коллизии в республиканском законодательстве. Коллизионная норма действовала до 1939 г., до даты

¹ Тагер А. С. О советской адвокатуре // Социалистическая законность. 1936. № 10. С. 13.

фактической утраты ею силы в связи с принятием постановления СНК РСФСР от 1 июля 1939 г. «Об утверждении Положения об управлениях Народного комиссариата юстиции РСФСР при краевых, областных Советах депутатов трудящихся». Названным актом функции общего руководства адвокатурой и юридическими консультациями были возложены на краевые, областные управления Наркомата юстиции РСФСР.

Таким образом, наиболее полное регулирование отношений, связанных с организацией и работой коллегий защитников в РСФСР в период нэпа, обеспечивалось двумя актами: Положением о судоустройстве РСФСР 1926 г. и Положением о коллегии защитников, принятым Наркомюстом РСФСР от 5 июля 1922 г.

Положение о судоустройстве РСФСР в редакции 1923 г., равно как и 1926 г., не определило ни цели, ни задачи коллегий защитников, поскольку значительная часть российских идеологов не были уверены в необходимости и полезности защиты в условиях пролетарского судопроизводства. Процесс становления коллегий защитников проходил в острой дискуссионной борьбе относительно: 1) целесообразности допуска адвокатов в суд; 2) органа, способного обеспечить эффективный контроль за деятельностью коллегий защитников; 3) возможности участия коммунистов в качестве членов коллегии защитников; 4) порядка оплаты труда защитников и размерах гонорара; 5) распределения совокупного гонорара коллегии между ее членами.

Многие российские идеологи не видели пользы от участия защитников в уголовном и гражданском процессе, полагая, что пролетарский суд, ориентированный на восстановление справедливости относительно трудящихся масс, способен самостоятельно и без подсказки адвокатов разобраться во всех перипетиях дела. Высказывались две основные претензии. Во-первых, адвокаты за большие гонорары готовы добиваться оправдания любого заведомого преступника и нередко достигают своей цели, пользуясь недостаточным профессионализмом советского суда. Во-вторых, адвокатура выступает легализованной организацией, пропагандирующей с трибуны суда явно антисоветские мысли.

«В подавляющем большинстве коллегии защитников в советской судебной системе, — писал Н. В. Крыленко, — представляют собой либо бесцветное пустое место в смысле реального советского строительства, либо ярко выраженный центр сосредоточения политической оппозиции, буржуазной интеллигенции»¹. В то же время за-

¹ Крыленко Н. В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Ч. 1: Основы судоустройства. 1927. М.; Л., 1927—1930. С. 125.

счита, по глубокому убеждению А. Сольца, «в большинстве своем носит характер частной защиты, является колоссальным бременем для населения, по-старому считает, что ни у прокурора, ни у суда оно защиты не найдет, защиту можно искать только у нанятого им защитника. От этого предрассудка можно отучить население только таким путем, когда его будет защищать сам суд»¹. Соответственно защита советскому суду не нужна, как не нужна и трудящимся массам, вынужденным в силу привычки нести обременительные расходы на то, что пролетарский судья может сделать бесплатно, руководствуясь материалами дела и законодательством.

Тем не менее законодатель все же признал целесообразным в условиях нэпа легализовать адвокатуру при условии установления жесткого контроля за социальным составом коллегий защитников, допуская в них лиц пролетарского происхождения, не имеющих юридического образования, в том числе членов ВКП(б). Согласно Положению Наркомюста (именно он, а не ВЦИК определил, кто достоин состоять в членах коллегии защитников): защитником по уголовным и гражданским делам может выступать лицо, имеющее практический стаж ответственной работы не менее двух лет в органах советской юстиции (судьи, следователи, члены коллегии отделов юстиции, консультанты и правозаступники).

Итак, вопреки логике Наркомюст ценит наличие практического опыта работы в органах советской юстиции больше, чем диплом о высшем юридическом образовании. Почему? Для того чтобы обеспечить приоритет в составе коллегий выходцев из трудящихся, ибо в условиях гражданской войны только они могли иметь стаж работы в органах советской юстиции более двух лет. В годы гражданской войны представителей бывших имущих классов, имеющих профессиональное юридическое образование, в эти органы не брали по мотивам отсутствия у них избирательного права. Однако, прекрасно понимая, что по этому критерию нужного контингента защитников набрать не удастся, Наркомюст вынужден был установить еще один критерий — успешное прохождение испытаний в особой комиссии, возглавляемой председателем совнарсуда или его заместителем.

Таким образом, лицо с дореволюционным юридическим образованием могло вступить в коллегию защитников по итогам успешной сдачи экзамена особой комиссии. Пройти эти испытания дипломированному юристу не представляло большой сложности. Вопросы были достаточно просты, чтобы не преграждать дорогу представителям трудящихся, пожелавшим освоить юриспруденцию на уровне

¹ Диспут о реформе УПК // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 4. С. 117.

профессиональной деятельности. Однако комиссия могла не пропустить бывшего юриста в советские адвокаты из-за его прошлой работы, мотивируя свой отказ тем, что он недостаточно хорошо знает советские законы. Кроме того, Наркомюст предписывал отказывать в приеме в коллегию защитников лицам, не обладающим избирательным правом либо исключенным из числа членов коллегии защитников какой бы то ни было губернии или области.

Для идеологов советского права была еще одна неясность: не умаляет ли высокого звания члена РКП(б) занятие адвокатской деятельностью? В газете «Правда» была даже развернута обстоятельная полемика по этому поводу, в связи с чем ЦК партии пришлось 2 ноября 1922 г. принять за подписью В. М. Молотова специальный циркуляр «О вступлении коммунистов в коллегию защитников». Циркуляром вхождение коммунистов в коллегию защитников было признано допустимым на том основании, что коллегия, будучи захваченной «целиком враждебными советской власти элементами, сможет представить собой угрозу для интересов рабочих масс при повседневном разрешении вопросов по имущественным спорам между рабочими и предпринимателями и между государственными предприятиями и частными лицами». Однако ЦК партии поставил ряд условий, которым должна удовлетворять деятельность коммуниста в составе коллегии защитников. В частности, вступление коммунистов в коллегию должно быть предварительно санкционировано местной парторганизацией (не ниже губкома) с обязательным отчетом коммунистической фракции коллегии перед губкомом.

Работающим в коллегии адвокатов коммунистам предписывалось быть защитниками интересов трудового населения, вести надзор за антисоветскими элементами и запрещалось следовать худшим образцам и обычаям дореволюционной адвокатуры, вести дела, направленные к защите интересов буржуазных элементов во всех их спорах против рабочих или государственных предприятий и учреждений, кооперативов трудящихся. Коммунисту было также «запрещено руководствоваться буржуазным принципом, что защитник не должен разбираться в том, кого он защищает, и принятие дела по защите явно контрреволюционных элементов или элементов нечистоплотных: взяточников, расхитителей государственного имущества, всякого рода насильников»¹.

Согласно Положению ВЦИКа члены коллегии первого состава утверждались президиумом губернского исполкома по представле-

¹ Циркуляр ЦК РКП(б) № 97 «О вступлении коммунистов в коллегию защитников»// Еженедельник советской юстиции. 1923. № 1. С. 24.

нию губернского суда. Однако законодатель не определил, при какой численности членов коллегии может быть избран ее президиум. Если учесть, что в соответствии с Положением Наркомюста президиум коллегии избирался в составе трех—семи человек, то для образования коллегии, действующей на началах самоуправления, необходимы как минимум пять членов, утвержденных президиумом губисполкома. В последующем прием в члены коллегии проводился ее президиумом, но с доведением об этом до сведения президиума губисполкома, обладающего правом отвода принятых членов.

В каждой губернии, области в течение 1923 г. была образована губернская коллегия защитников, которой управляли общее собрание членов коллегии и ее президиум, избираемые сроком на один год. Положение 1926 г. разрешило президиуму губернской коллегии защитников организовывать уездные бюро защитников. Члены бюро избирались общим собранием защитников уезда и на них возлагались руководство и контроль за исполнением защитниками уезда их обязанностей, а также организация юридических консультаций и ведения судебной защиты. При малочисленности защитников в уезде президиум коллегии мог назначить одного из защитников уполномоченным с возложением на него управленческих функций уездного бюро.

Полномочия общего собрания коллегии защитников и ее президиума наиболее полно были определены лишь Положением о судоустройстве РСФСР, принятым постановлением ВЦИКа от 19 ноября 1926 г. К ведению общих собраний коллегии защитников были отнесены такие вопросы, как: а) избрание президиума коллегии; б) обсуждение общих вопросов, касающихся выполнения членами коллегии лежащих на них обязанностей; в) установление общего плана организации консультаций для юридической помощи населению; г) установление размеров отчислений в фонд коллегии; д) заслушивание и утверждение отчетов президиума коллегии защитников и районных бюро.

На президиум коллегии защитников возлагались: а) прием новых членов в коллегия защитников; б) руководство исполнением членами коллегии их обязанностей, наблюдение и контроль за этой деятельностью; в) оказание юридической помощи населению путем организации юридических консультаций, ведения судебной защиты по назначению, а равно по заявлениям обращающихся в коллегия лиц — бесплатно или по таксе; г) рассмотрение дел о нарушении членами коллегии их профессиональных обязанностей; д) распоряжение денежными суммами, поступающими в фонд коллегии; е) представление отчета о работе коллегии в губернский суд.

Управление коллегией защитников не было демократичным в полном смысле этого слова потому, что, во-первых, как видим, большая часть полномочий принадлежала президиуму, а не общему собранию, во-вторых, копии протоколов общих собраний коллегии, а также отчеты президиума о работе коллегии нужно было направлять в губернский суд. Кроме того, президиум коллегии обязан был информировать президиум губисполкома о принятых в коллегию кандидатурах, поскольку президиум губисполкома обладал правом отвода вновь принятых членов коллегии в течение месяца со дня получения информации о произведенном приеме.

Рядом повинностей была обременена деятельность защитников. Согласно ст. 84 Положения 1926 г. всякий вступающий в коллегию должен был взять на себя обязательства по бесплатной защите в уголовных и гражданских делах по назначению президиума коллегии защитников, а также участвовать на общественных началах в организуемых президиумом коллегии консультациях, т. е. в оказании юридической помощи населению. Неисполнение этих обязанностей влекло за собой исключение из состава коллегии защитников. Заставляя защитников вести профессиональную деятельность на бесплатной основе, государство создавало видимость заботы о трудящихся массах, о создании условий для повышения их правовой грамотности, о доступности для них квалифицированной юридической помощи. В том, что эта забота осуществлялась не государственными служащими, а частными лицами и на бесплатной основе, государство не видело большой беды. Оно почему-то было уверено, что все сотрудники юстиции (и судьи, и прокуроры, и следователи) непременно обязаны участвовать в правовом просвещении населения и весьма активно на общественных началах пропагандировать советские законы.

Дифференцированный подход был использован в определении размеров гонорара защитников за участие в судебном процессе. Дореволюционный принцип, согласно которому вознаграждение определялось по соглашению защитника с заинтересованной стороной, действовал только в соглашениях с нэпманами, представителями частного капитала. Стоимость юридической защиты трудящихся масс государство ставило в прямую зависимость от их материального положения.

От уплаты вознаграждения защитникам по уголовным и гражданским делам освобождались лица, признанные народным судом неимущими. Расходы по делу (проезд, снятие копий и т. д.) коллегия защитников оплачивала из своего фонда. Для рабочих и советских слу-

жащих Положением Наркомюста от 1923 г. была установлена твердая такса оплаты услуг защитника. По гражданским делам заинтересованные лица должны были уплачивать защитникам вознаграждение в размере 5%: истец — с суммы, присужденной вступившим в законную силу решением, ответчик — с суммы, отказанной истцу. По уголовным делам вознаграждение уплачивалось в размере, определяемом органом, выдавшим ордер на ведение дела, в зависимости от размера и сложности дела. В любом случае сумма уплачиваемого вознаграждения не могла превышать 25 руб. золотом. Положение 1926 г. распространило таксу оплаты рабочими и советскими служащими услуг защитника на крестьян и кустарей, не пользующихся наемным трудом.

Таким образом, в части оплаты труда защитников государство выступало в роли ординарного эксплуататора, видевшего в борьбе с защитниками свое историческое предназначение и активно реализовавшего его в условиях нэпа. Фактически государство реанимировало крепостное право, при котором право индивида на доход от своего труда было сопряжено с обязанностью предоставить определенную часть своего труда бесплатно работодателю и, кроме того, нести по его указанию трудовую повинность без всякой надежды на материальное вознаграждение. Сколько слез пролили советские идеологи о несчастной доле крепостного крестьянина в дореволюционной России, а также его зависимости от «кулака-кровопийца» в условиях советского государства. Однако сами, попав во власть, тут же стали вводить порядки, которые только что признавали неправовыми, негуманными, нечеловеческими.

Неправовой характер крепостного права состоял не в том, что оно основывалось на отношениях помещика-крепостника и зависимого от него крестьянина, а в том, что крепостник-помещик посягал на естественное право товаропроизводителя и внеэкономическими мерами изымал в свою пользу часть результатов труда крестьянина. Столь же неправовыми были и законы советского государства, обязывающие адвоката, защитника работать бесплатно на государство и нести барщину по правовому просвещению населения. Но и это еще не все. Советское государство, несмотря на бесплатный в его благо труд защитников, никаких социальных льгот и привилегий для них не предусматривало. Защитники должны были по самой высокой ставке оплачивать стоимость жилья, за свой счет давать детям образование, пользоваться услугами здравоохранения и проч.

Понятно, что притеснения, чинимые советским государством защитникам, не усиливали их симпатий к советской власти и ее мерам, объективно вовлекали защитников в группу скептиков и оппозицио-

неров. Такса услуг защитников, установленная Наркомюстом, может быть, и действовала в Москве и Ленинграде, некоторых губернских центрах, но грубо игнорировалась защитниками в глубинке. В определенной мере этому способствовал сам законодатель, который, как уже говорилось, не удосужился поместить данные о стоимости услуг защитника в «Собрании узаконений» — основном источнике официального опубликования российского законодательства. Как отмечает И. Ростовский, «правило о бесплатной защите бедноты, ограничение оплаты по определенной таксе при обслуживании рабочих, служащих часто остаются на бумаге, а на деле адвокаты... строят свое благополучие на выжимании последних грошей с бедняцких слоев населения... Во многих письмах, идущих из деревни, много говорится об адвокатской жадности, об игнорировании интересов бедняцкого населения»¹.

В деятельности коллегий защитников существовал целый ряд иных организационных, управленческих, кадровых и материально-технических проблем, которые оставались нерешенными в 1936 г., когда партия и Правительство официально объявили о величайшей победе российского пролетариата, построении основ социалистического общества. А. С. Тагер, один из первых советских правоведов, обративший внимание на проблемы коллегий защитников, признал, что фактически советская адвокатура влачит жалкое существование, она лишена надлежащих помещений для приема населения и возможности пополнять свои ряды выпускниками юридических вузов².

Неувязка имеется даже на законодательном уровне. Отсутствует общесоюзный акт, закрепляющий положение об адвокатуре, несмотря на то, что такой акт прямо предусмотрен Основами законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. В РСФСР вопреки этому акту коллегии защитников организационно действовали не при исполкомах областных, краевых Советов, а при судах. Не способствовал активизации адвокатуры и порядок назначения в руководители коллегии работников, которые показали свою профессиональную непригодность в должности судьи, прокурора и даже следователя. В результате сотрудник, руководящий делами коллегии, сам никогда не выступал в процессах, не давал консультаций населению, т. е. плохо разбирался в том, чем он должен компетентно и со знанием дела руководить.

¹ Ростовский И. Адвокат-волочитчик // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 649—650.

² См.: Тагер А. Указ. соч. С. 12—18; См. также: Беляков Г. Роль защиты в советском суде // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 15. С. 330—331; Шмелев. Новые пути советской защиты // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 28. С. 642—643.

Для совершенствования деятельности коллегий защитников А. С. Тагер предлагал в первоочередном порядке создать в Наркомате юстиции СССР специальное управление по делам адвокатуры, подготавливать квалифицированных защитников в советских юридических вузах, учредить специальный всесоюзный институт по усовершенствованию работы членов советской адвокатуры, установить период подготовительного стажа, следующего за учебной подготовкой и предшествующего самостоятельной и полноправной деятельности в качестве защитника. Важным и необходимым условием организации защиты А. С. Тагер считал наличие у защитника отдельного кабинета. Однако советское государство следовать рациональным советам не спешило и на всякий случай автора негативных оценок советской адвокатуры в начале 1939 г. арестовало, а затем и расстреляло.

Глава 25. Следствие и дознание

Действиями органов следствия и дознания запускается механизм юридической ответственности в отношении лиц, совершивших деяния, запрещенные под страхом применения уголовного наказания, проводится следствие в целях установления в совершенных деяниях признаков преступления и изобличения виновности лиц, их совершивших. По мнению В. Бередулина, «правильно произведенное следствие не только дает суду полную и правильную картину дела, облегчает его задачу, но почти с уверенностью можно сказать, предпрещает дело... Все это достаточно ярко показывает, что роль следователя в уголовном процессе исключительно важна»¹.

Действительно, качественно проведенное следствие или дознание являются залогом успешной судебной деятельности и предоставляют суду все доказательства, необходимые для установления истины по делу, юридической природы совершенного деяния и вынесения правомерного, юридически обоснованного и справедливого приговора. Однако подобное идеальное взаимодействие на стадиях работы механизма уголовной ответственности в условиях нэпа было скорее редким исключением, нежели массовым явлением. Пандемия в виде недостаточного профессионализма юридических кадров и ненадлежащих условий их деятельности, которой были подвержены все органы советской юстиции, наиболее губительной была в сфере дознания и следствия, которыми занимались по преимуществу романтики, очарованные героикой борьбы с преступностью, но не имеющие надлежащего опыта работы.

¹ Бередулин В. Следственный аппарат и суд // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 50. С. 1210.

Органы следствия и дознания в начале нэпа (1922—1926 гг.) руководствовались Положением о судоустройстве РСФСР, утвержденным постановлением ВЦИКа от 11 ноября 1922 г., и УПК РСФСР 1922 г. (новая редакция от 15 февраля 1923 г.).

Согласно Положению от 1922 г. следственный аппарат не имел единого организационного начала, следователи состояли при судебных органах: народные следователи — при народных судах; старшие следователи — при губернских судах; следователи по важнейшим делам — при Верховном Суде РСФСР. Кроме того, следователи работали при Наркомюсте для проведения срочных расследований по важнейшим делам. Распределял следственные участки и назначал народных следователей губернский суд. Его определения о назначении народных следователей подлежали утверждению соответствующим губисполкомом, а затем и Наркомюстом. Более простым был порядок отстранения народных следователей от должности. Для этой процедуры было достаточно простого определения суда, выносимого по его инициативе либо по предложению губисполкома или Наркомюста. Старшие следователи назначались, перемещались и отстранялись от должности определениями губернских судов. Следователи по важнейшим делам назначались и освобождались от должности решениями органов, при которых они состояли.

На должность следователя мог претендовать гражданин, соответствующий трем требованиям. Во-первых, он должен обладать пассивным и активным избирательным правом. Во-вторых, иметь двухлетний стаж работы в органах советской юстиции на должностях не ниже секретаря народного суда. При отсутствии стажа кандидату в народные следователи надлежало выдержать испытание, проводимое специальной комиссией при губсуде. В-третьих, не иметь порочащих проступков, повлекших за собой судимость или исключение из состава общественных организаций, а также фактов нелояльного отношения к советской власти или причастности к антисоветским партиям в годы гражданской войны.

Положение о судоустройстве 1926 г. заметно сократило перечень порочащих обстоятельств, препятствующих занятию должности следователя. Перестало учитываться поведение индивида в годы гражданской войны, а после реабилитации и такие обстоятельства, как судимость и исключение из общественной организации за порочащие поступки. Итак, лицо, ранее судимое, совершившее корыстное или иное преступление, могло занять должность народного следователя и, обладая большой свободой действий, вести «активную борьбу» с нарушителями советских законов. Понятно, что либера-

лизм законодателя в этом вопросе был вынужденным, желающих занять должность народного следователя было немного из-за большого объема работы, низкой заработной платой и ненадлежащих условий труда.

Технический аппарат действующего в автономном режиме народного следователя состоял из двух штатных единиц: секретаря и рассыльного. Средства на содержание народных следователей и их канцелярий отпускались распоряжением губсуда по сметам из местных средств. Остальные следователи получали содержание из общегосударственных средств. Впоследствии законодатель признал штат народного следователя чрезмерно раздутым и Положением о судоустройстве 1926 г. должность рассыльного была упразднена.

В расследовании преступлений заметную роль играли органы дознания. Согласно ст. 103 УПК РСФСР 1923 г. на них возлагалось принятие мер к сохранению следов преступления и к задержанию подозреваемого по делам, подследственным народным следователям. Кроме того, органы дознания обладали правомочием по ряду несложных дел самостоятельно вести расследование и направлять уголовные дела в суд. Круг органов дознания был достаточно широк. В него входили: 1) органы милиции и уголовного розыска; 2) ОГПУ; 3) инспекции труда, а также сотрудники продовольственной, санитарной и других инспекций.

Данная статья заслуживает самого пристального внимания в том отношении, что УПК РСФСР никакого следственного аппарата в ОГПУ, в органах милиции и уголовном розыске не предусматривал. Дознание должны были вести оперативные работники. И это решение было окончательным. Общесоюзное законодательство, в частности постановление ЦИК и СНК СССР от 3 декабря 1930 г. «Об изменении Основ судоустройства Союза ССР и союзных республик ввиду ликвидации округов», решение вопроса о следственном аппарате передавало на уровень союзных республик.

Требования, предъявляемые к дознавателям в органах милиции и уголовного розыска, были намного мягче требований, предъявляемых к народным следователям. Дознание вели работники милиции, обладающие правомочием осуществлять властные действия по охране и защите правопорядка и, как все работники милиции, наделенные пассивным и активным избирательным правом и владеющие грамотой. В Положении о службе Рабоче-Крестьянской милиции, принятом Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 28 сентября 1925 г., уточнялось, что грамотность работника милиции должна быть не ниже требований программы трудовой школы первой сту-

пени (т. е. начального образования). Дискриминацию лиц, имевших судимость, не связанную с поражением в правах, в части приема на работу в органы милиции законодательство не устанавливало и таким образом не исключало их присутствие в составе органов дознания, призванных вести активную борьбу с преступностью.

Взаимодействие дознавателей и следователей не было стабильным и в течение первых 10 лет дважды менялось. Изначально согласно УПК 1922 и 1923 гг. по делу, подлежащему предварительному расследованию, орган дознания проводил лишь первичные меры, препятствующие уничтожению следов преступления и уклонению подозреваемых от следствия и суда, и передавал народному следователю весь материал дознания. Остальные действия следователь выполнял самостоятельно. По делам, где предварительное следствие было не обязательным, дознаватель в течение месяца самостоятельно проводил все необходимые действия и передавал дело в суд, если санкция по нему не превышала года лишения свободы. Если же санкция за преступление, установленное дознавателем, превышала год, дело направлялось прокурору для решения вопроса о его последующем направлении либо в суд, либо на доследование дознавателю, либо народному следователю для осуществления предварительного следствия.

Соответственно орган дознания и народный следователь были обособлены друг от друга и никаких совместных действий по расследуемым делам не планировали и не проводили. Подобная ситуация подвергалась обоснованной критике как результат недостаточной ясности в разграничении компетенции следственно-розыскных органов. Взамен предлагалась «такая организационная связь их между собой, чтобы они являлись в своей деятельности частями единого следственно-розыскного аппарата, построенного по принципу строгого и реального подчинения в своей деятельности одной части другой... и ясного функционального размежевания деятельности каждой»¹.

Предложение было реализовано постановлением ВЦИКа от 16 октября 1924 г. «О дополнениях и изменениях УПК РСФСР» в новелле, закрепляющей надзор следователя за делами, находящимися в производстве у органа дознания, функционирующего на территории участка следователя. При этом последний наделялся правом знакомиться с материалами дознания в любой момент и по любому делу, давать указания органам дознания и предлагать им провести те или

¹ Вышинский А. Я. Вопросы уголовного судебного процесса // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12—13. С. 299.

иные действия. Следователю поручалось даже разрешать жалобы на действия органов дознания.

Однако реформа не получила практического воплощения. В ходе проведенной Наркоматом РКИ СССР проверки карательной практики судов, прокуратуры и следствия в 1926—1927 гг. выяснилось, что «руководства следователем в отношении органов дознания фактически нет»¹. Подобный результат объективно был обусловлен тем, что реформа проводилась в чисто советском стиле, посредством возложения значительной трудовой нагрузки на следователей, но без выделения дополнительного штата сотрудников. Между тем обязанность прокурорского надзора за дознанием, возложенная на народного следователя, чуть ли не вдвое увеличивала его нагрузку, в то время как он и со своей-то непосредственной работой справлялся недостаточно успешно, имел «сильную заваль дел». Неважно расследовались должностные и хозяйственные преступления, сопряженные с разного рода ревизиями, экспертизами и т. д.² Кроме того, большая часть следователей, не владевшая профессиональными знаниями юриста, приступила к «очень сложной работе без теоретической, а в иных случаях и без достаточной практической к ней подготовки»³ и была предоставлена сама себе.

Похоже, что законодатель и сам плохо представлял себе, каким образом народный следователь станет осуществлять надзор за органами дознания и какие полномочия ему необходимы для надлежащего надзора. В постановлении ВЦИКа от 16 октября 1924 г. не были определены формы надзора, возложенного на народных следователей, их властные полномочия и обязанности, уровень обязательности указаний следователей органам дознания, порядок обжалования органами дознания указания следователей и др. Поэтому совершенно справедливо отмечал А. Эстрин, что очередной задачей законодателя являются конкретизация и уточнение действий со стороны следователя при осуществлении надзора за органами дознания, а также взаимоотношений между следователем и прокурором⁴. Однако законодатель предпочел к этой теме не возвращаться.

Не получившее надлежащего законодательного и кадрового обеспечения благое намерение поднять качество дознания за счет над-

¹ Зенькович В. Низовая сеть суда, следствия и прокуратуры. С. 1110.

² См.: Виноградов А. Проект изменения УПК и состояние следственного аппарата // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 37. С. 882.

³ Валицкий В. Меры к усовершенствованию производства предварительных следствий // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 23—24. С. 545.

⁴ См.: Эстрин А. Новый порядок наблюдения за дознанием // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 2. С. 25.

зора со стороны следователей не было воплощено на практике, фактически утратило силу одновременно со вступлением в действие. На эту тему в последующем ни законодатель, ни органы юстиции не принимали нормативных установлений, а органы печати не информировали о ходе и результатах надзора следователей над органами дознания. Даже в отчете Наркомата юстиции РСФСР VI Съезду судебных и следственных работников РСФСР, посвященном анализу основных актуальных направлений совершенствования работы органов следствия и правосудия, не приводились никакие сведения о практике надзора следователей над органами дознания и о перспективах его последующего развития¹.

Очередная реформа следствия была осуществлена постановлением ВЦИКа и СНК СССР от 3 сентября 1928 г. «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР 1926 г.» и выразилась в передаче народных следователей из подчинения судебных органов в ведение прокуратуры. Как отмечал нарком юстиции М. Н. Янсон, передача следствия «в полное распоряжение прокуратуры» имела целью реальное усиление судебно-следственного аппарата и устранение ряда недочетов следственной практики. На прокуратуру было возложено назначение на должности народных следователей и увольнение с последующим утверждением местными Советами². В дальнейшем прокурорский надзор был распространен и на органы дознания, но уже в новых исторических условиях, за пределами периода нэпа.

В период нэпа численность местных следственных органов в составе народных и старших следователей была около 1500 человек с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. В частности, на 1 июня 1925 г. в РСФСР насчитывались примерно 1400 народных следователей, из которых 292 происходили из рабочих, 627 — из крестьян, 481 — из служащих. Абсолютное большинство из них имели образование на уровне начальной школы и незначительный стаж работы в органах юстиции. В 1925 г. в среднем в месяц на одного народного следователя приходилось по 22 уголовных дела, тогда как, по данным Е. Тарновского, эта цифра не должна превышать 15 в месяц. Лишь при такой нагрузке «следователи будут иметь возможность с необходимой тщательностью, вниманием и добросовестностью выполнять возложенные на них обязанности... Эта цифра есть тот предел, к достижению которого должны стремиться следователи, про-

¹ См.: Янсон М. Н. Отчет Народного комиссариата юстиции РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 44—45. С. 1133—1137.

² Там же. С. 1136.

куратура и суд»¹. Циркуляром от 30 января 1929 г. Наркомат юстиции признал нормальной месячную нагрузку народных следователей для городских участков в 10 законченных дел; для сельских — 8 дел; для старших следователей — 4 дела. Однако фактическая нагрузка следователей редко совпадала с приведенными нормативами. Так, на 1 декабря 1925 г. в Сталинградской губернии на одного следователя в среднем приходилось по 45 незаконченных дел, в Забайкальской, Владимирской и Воронежской губерниях — соответственно по 42, 40 и 38 дел².

Созданный советским государством следственный аппарат в целом обеспечивал проведение в жизнь режима государственного принуждения в отношении лиц, совершавших деяния, запрещенные уголовным законодательством. Система советских органов государственного принуждения способствовала укреплению законности в стране, выступала в защиту общества от преступных посягательств на его права и интересы. Высокий процент привлеченных к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступных деяний, не только заметно снижал их противоправную активность, но и помогал формированию установки на правомерное поведение у другой, большей части населения, удерживал ее от желания вступить на преступный путь.

Однако следственный аппарат периода нэпа страдал хроническим недугом — не обеспечивал надлежащего качества следствия. Этот недостаток тенью сопровождал народных и старших следователей на протяжении всего периода нэпа, наиболее яркое свидетельство чему — процент дел, возвращенных прокурором и судом на доследование. В 1924 г. этот показатель для народных следователей равнялся 9,4%, а в 1925 г. — 10,4%. Не были примерными и старшие следователи, у которых возврат дел на доследование в 1924 г. составил 8,1%, а в 1925 г. — 6,9%³. Но это еще не все: 30—43% дел, направленных в суды с обвинительными заключениями, судами прекращались с оправданием обвиняемых⁴. Получалось, что усилия народных следователей чуть ли не наполовину были направлены на борьбу с «ветряными мельницами», правомерными действиями либо проступками.

Еще более разительны недочеты дознания, проводимого силами органов милиции, например: а) принятие к производству дел част-

¹ Т. Год работы следственного аппарата и стоящие перед ним очередные задачи // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 11. С. 324.

² Там же.

³ См.: Тарновский Е. Движение дел у старших и народных следователей за 1925 год // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 38. С. 1111.

⁴ См.: Зенькович В. Низовая сеть суда, следствия и прокуратуры. С. 1111.

ного обвинения, по которым закон не требует производства дознания; б) недостаточно четкое, а нередко и бессистемное ведение дознаний с нагромождением ненужных подробностей; в) отсутствие постановлений об избранной мере пресечения и несообщение об этом следователю; г) недостаточная обоснованность постановлений об избрании меры пресечения — заключение под стражу; д) принятие к производству дел, не содержащих состава преступления. В результате в первом полугодии 1926 г. 74,2% , а во втором — 73,1% всех дознаний, направленных народным следователям для производства расследования, было прекращено или возвращено для выполнения дополнительных действий¹. Была низкой раскрываемость преступлений, раскрывалось лишь каждое третье преступление из числа тех, по которым на момент регистрации заявления в милиции виновные лица не были известны.

Основные недостатки следствия, по авторитетному мнению А. Я. Вышинского, изложенному в тезисах доклада V Всероссийскому съезду деятелей советской юстиции, состоявшемуся 10—12 марта 1924 г., — это медлительность, односторонность, неполнота, недостаточно тщательный отбор материала, преобладание обстоятельств субъективного, а не объективного характера (объяснения подсудимых, а не свидетели, документы, экспертиза), наконец, отсутствие достаточной ясности в вопросе о том, что именно должно составлять предмет исследования в порядке предварительного следствия². В то же время материальные условия деятельности следователя никаких негативных оценок со стороны Вышинского не вызывали.

Не только Вышинский, но и другие идеологи советского права и правосудия большую часть неудач в работе следственных органов объясняли недостаточным профессионализмом следователей, неполнотой следствия, неумением проводить отдельные следственные действия и процедуры. Менее охотно они говорили об объективных причинах: остром дефиците кадров с высшим юридическим образованием; неимоверной нагрузке; отсутствии транспорта; об иных материальных условиях ведения следственной работы; несовершенстве законодательства; мизерной заработной плате. Отнюдь не случайно V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции, отражая убеждения его участников, признал «основной задачей процессуальной политики» создание наиболее экономичного процесса, практиче-

¹ См.: *Чернышов А.* Органы дознания и прокурорский надзор // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 27. С. 827. 1 См.: *Чернышов А.* Органы дознания и прокурорский надзор // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 27. С. 827.

² См.: *Вышинский А. Я.* Вопросы уголовного судебного процесса. С. 300.

ски легкого и наиболее обеспечивающего достижение материальной истины¹. Ни о повышении заработной платы народным следователям, ни об улучшении материальных условий их деятельности — ни слова, здесь царил полный порядок.

Между тем народные следователи на собственном опыте видели, что первоосновой их бед и недостатков в работе, как справедливо говорят марксисты, выступает материальное бытие. Нарследователь 2-го участка Торопецкого уезда Псковской губернии И. Федоров настолько обстоятельно описал эту сторону деятельности следователей, что трудно удержаться от соблазна привести это описание в авторском изложении. «Обслуживаю 8 волостей, около 50 000 населения, три поселка, 4 железнодорожных станции, площадь в радиусе около 100 верст. Оклад получаемого содержания 47 руб. 30 коп. в месяц, никаких сверхурочных, суточных и командировочных не дается. Оплата помещения канцелярии, отопление и освещение, как и наем подвод и приобретение железнодорожного билета при передвижении, производится из получаемого содержания, в конце месяца не остается денег на подметки. В повседневной жизни должен думать, как бы где что подешевле приобрести. Рассыльного и сторожа не имеется, самому приходится ходить на почту, подметать помещение, мыть полы, топить печи, ходить в лес за дровами, не говоря уже о том, что у такого работника может быть семья. Может ли в таких условиях следователь всецело отдаться делу? Конечно нет.

Мысли следователя должны быть направлены на дело даже и тогда, когда его рука не пишет. Для плодотворной работы и для удовлетворительного процента явки вызываемых необходимо выезжать на места, но не каждый следователь согласится на выезд тратить свои деньги или ходить пешком. Он вынужден вызывать к месту своего жительства за 50 и более верст, куда является от 15 до 30% всех вызываемых, ввиду дальности расстояния, с одной стороны, и неаккуратного вручения повесток волисполкомами, с другой стороны, так как повестки вручаются не непосредственно адресатам, а для доставления, и бывают случаи, что гражданин получил повестку, но далеко явиться не желает и скажет: не получил. Иди, ищи виновника. Найдешь ли?

... Привод тоже не достигает цели, так как единственный в волости милиционер, не желая совершить такой далекий маршрут, возвращает повестки с указанием “за поздним получением”.

Если все же следователь, не имея ни копейки в кармане, выберется каким-либо образом в отдаленные волости, ему предстоит про-

¹ См.: Резолюции V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. С. 306.

вести там несколько дней, то как он будет существовать, кто его пригласит обедать и ночевать? Зачастую бывает, что следователь должен воспользоваться любезным гостеприимством совершенно незнакомого лица, а разумеется, пригласить может, скорее всего, ожидающее каких-либо выгод от посещения следователя для себя и для своих знакомых, дела которых могут быть в производстве следователя. От этого могут быть нежелательные последствия как для самих следователей (не имеющих твердой воли, отражающей от соблазнов), так и для правосудия. Ввиду отсутствия средств я ждал выезда для вскрытия трупа судебно-медицинского эксперта, вызывал многократно, и в результате труп убитого в августе удалось вскрыть только в январе, и лишь тогда, когда разложившийся труп отправили за 80 верст к эксперту.

Могут ли при таких условиях выполняться пунктуально все требования, в особенности ст. 207 УПК? Конечно нет... Оплата делопроизводителей 8 руб. 10 коп в месяц не позволяет взять человека опытного, могущего работать самостоятельно, а приходится удовлетворяться случайными работниками-учениками. В течение года у меня сменилось 5 делопроизводителей, так как, если только человеку представится возможность получить большее жалование, то он переходит на другую службу. В общем, оплата труда следственных работников настолько мизерна, что и говорить стыдно, тогда как наряду с тобой какой-нибудь гражданин, занимающий в других учреждениях должность курьера, получает не ниже 50 рублей в месяц, а между обязанностями и ответственностью следователя и курьера разница большая... Продуктивность работы следователя может быть достигнута только тогда, когда будут устранены препятствия, вызывающие ненормальности: 1) когда следователь будет материально обеспечен, чтобы его мысли и время не были заняты в ущерб делу вопросами повседневного существования себя и семьи; 2) когда будут отпущены средства для беспрепятственного передвижения в любое время и место; 3) когда обслуживаемый район будет меньше или будет уменьшена подсудность губсуда»¹.

Как видим, желание советского государства экономить на следователях и следствии является первостепенной причиной волокиты и недостаточной эффективности.

Во-первых, лишенный надлежащих материальных средств следователь не способен вести работу оперативно и осуществлять в короткие сроки необходимые по делу следственные действия. В еще худ-

¹ Федоров И. Голос следователя // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 14. С. 322—323.

ших условиях находились дознаватели в составе милиции и уголовного розыска. Их заработная плата в среднем по РСФСР составляла 30—35 руб. в месяц, а в некоторых районах — до 18 руб., поэтому в органы милиции шли люди, которые по каким-либо обстоятельствам не нашли работу в другом месте. Текущая часть кадров в органах милиции составляла от 50 до 100% в год¹.

Во-вторых, значимая причина недостаточно высокого качества работы народных и старших следователей кроется в несовершенстве процессуального законодательства, в отсутствии в нем требований полноты, всесторонности и обоснованности как необходимых атрибутов приговора. УПК РСФСР 1923 и 1926 гг. не требовал полного и всестороннего выяснения обстоятельств дела, а лишь предписывал следователю двигаться в «сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела». Согласно же ст. 206 УПК РСФСР следователь вправе направлять дело для предания обвиняемого суду после того, как установлены: событие преступления; имя, отчество и фамилия виновного; судимость; классовая принадлежность и социальное положение; место, время и мотивы совершения преступления, если установить их было возможно. Как видим, о требованиях полноты и всесторонности в данном случае речь не идет. Зачем же тогда следователь, будучи сверхзанятым другими делами, станет искать сведения, которых законодатель не требует? Равным образом следователь не видит потребности собирать по делу необходимые доказательства в случаях признания обвиняемым своей вины, поскольку УПК разрешает суду ставить приговор на одних признательных показаниях подсудимого (ст. 282 УПК РСФСР). Зачем следователь будет собирать доказательства, которые суду, довольствующемуся признанием подсудимого, не нужны?

В-третьих, бесспорно, народные следователи также не безгрешны, допускали в уголовных делах ряд типичных ошибок, сопряженных с прямыми нарушениями закона. Это, в частности, отсутствие в постановлении об избрании меры пресечения мотивировки избранной меры; отсутствие необходимых по делу судебно-медицинских, трактологических, бухгалтерских и тому подобных экспертиз; неверная квалификация преступлений; отсутствие в обвинительном заключении строгой системы изложения доказательств, изобличающих обвиняемого; изложение обстоятельств, не имеющих значения для дела; произвольные, ни на чем не основанные утверждения следователя и др.²

¹ См.: Роднянский А. Работа органов дознания в 1927 г. // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 36—37. С. 991.

² См.: Т. Указ. соч. С. 325.

В-четвертых, абсолютное большинство сотрудников правоохранительных органов и суда не имели не только специального юридического, но и общего образования. В 1928 г. высшее образование имели 16,7% работников следствия, 11,5% работников прокуратуры и 5,9% судей. Среди сотрудников милиции лиц с высшим образованием не было, самые подкованные в юридическом плане закончили школу среднего начальствующего состава, но и таковых насчитывалось не более 1%.

Партия и советские идеологи односторонне понимали причины недостаточной эффективности деятельности органов следствия и дознания и все имеющиеся недостатки в этой сфере объясняли несовершенством законодательства, предусматривающего совершение ряда формальных, не влияющих на ход следствия процедур, и увлеченностью работников этими процедурами, а также формализмом. Поэтому последующие меры, принятые партией и Правительством, в том числе определенные XV Съездом ВКП(б), по совершенствованию борьбы советской юстиции с преступлениями, были ориентированы на устранение формализма, бюрократизма и волокиты, проявляемых органами следствия и дознания, так как материальные причины названных недостатков оставались практически теми же. Призывая органы юстиции выполнять исторические решения XV Съезда партии, нарком юстиции Д. И. Курский в качестве первоочередной задачи этих органов указал на ликвидацию элементов бюрократизма и волокиты в собственной организации и деятельности. При этом «работники юстиции, особенно прокуратуры, должны всемерно расширять свои связи с активом рабочих и крестьянских масс, как это необходимо в настоящее время»¹. Однако, как показал дальнейший опыт, органы юстиции, в том числе следствия и дознания, идя в направлении, предложенном партией и Правительством, не приближались к своим реальным задачам, а удалялись от их решения, взяв на вооружение методы произвола, внесудебного привлечения к уголовной ответственности и применения жестоких санкций, не соответствующих тяжести совершенного проступка.

Глава 26. Нотариат

Удовлетворение потребностей общества и государства в оформлении и засвидетельствовании сделок и актов, а также в удостоверении имеющих юридическое значение фактов была возложена в РСФСР, равно как и в других союзных республиках, на такой государствен-

¹ Курский Д. XV съезд ВКП(б) и органы юстиции // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 1. С. 1—2.

ный орган, как нотариат. В период гражданской войны и военного коммунизма, когда гражданско-правовые отношения не имели достаточно широкого распространения, функции нотариата выполняли местные органы исполнительной власти: отделы юстиции, записей актов гражданского состояния, земельные отделы и др. В период нэпа гражданско-правовые отношения вышли на первый план в связи с проводимой советским государством политикой восстановления народного хозяйства, удовлетворения потребностей населения в промышленных и сельскохозяйственных товарах. Широкое культивирование гражданско-правовых отношений, в свою очередь, поставило в повестку дня вопрос создания специального органа, призванного обеспечивать государственный контроль за законностью совершаемых договоров и пресечения попыток заключения кабальных и тому подобных сделок, противоречащих духу и букве советского законодательства. Осуществление такого контроля было возложено на государственный нотариат.

Советское государство, учреждая нотариат, связывало с ним первоначально весьма простую цель — придание соответствующим актам и договорам достоверного, бесспорного характера. Как было определено в ст. 1 Положения о государственном нотариате, утвержденного Декретом СНК РСФСР от 4 октября 1922 г., «для совершения действий, предусмотренных настоящим Положением». Между тем советское государство, проектируя Положение и перечень полномочий нотариата, мыслило по принципу «один пишем, два в уме держим». Советское Правительство ожидало достижения от нотариата двух «секретных» целей: противодействие реализации противоправных договоров, на которые были весьма горазды частные предприниматели, и получение коммерческих сведений о договорах и сделках, заключаемых частнопредпринимательским сектором российской экономики.

Решая задачи подтверждения достоверности юридически значимых фактов и договоров, советское государство ставило перед собой цель максимально упростить процедуры оказания нотариальных услуг. В частности, оно стремилось приблизить нотариальные услуги к потребителю, сделать их доступными для всех жителей страны, а также устранить почву для бюрократизма и волокиты, предусмотрев оптимальные демократические способы разрешения конфликтов между нотариусами и потребителями нотариальных услуг. Соответственно размеры оплаты нотариальных услуг устанавливались с учетом материальных возможностей всех слоев населения, в первую очередь беднейшего крестьянства и недостаточно обеспеченных городских жителей.

В РСФСР государственные нотариальные конторы, а иные не предусматривались согласно Положению о государственном нотариате, утвержденному Декретом СНК РСФСР от 4 октября 1922 г., были учреждены исполкомами местных Советов во всех городах без какого бы то ни было исключения. С разрешения Наркомюста нотариальные конторы могли открываться также в значительных сельских местностях, на узловых станциях, пристанях, временно — на ярмарках и в других местах. Там, где нотариальные конторы не были учреждены, большую часть их функций исполняли народные судьи. Надзор за деятельностью нотариальных контор был возложен на президиумы губсоветов судей (с января 1923 г. — губернских народных судов, поэтому далее указывается данный орган вопреки Положению, возлагающему соответствующие полномочия на президиумы губсудов, действовавших на момент принятия Положения). Общее руководство и надзор, в том числе издание нормативных правовых актов по вопросам организации и работы нотариальных контор, возлагались на Наркомюст РСФСР. Нотариальные конторы содержались за счет сборов за совершение нотариальных действий, а такса их оплаты устанавливалась СНК РСФСР.

Во главе нотариальных контор стояли нотариусы, назначаемые президиумами губсудов. Для занятия должности нотариуса требовалось соблюдать два требования: кандидат в нотариусы должен иметь пассивное и активное избирательное право и успешно пройти испытание на знание законодательства и основ нотариальной деятельности. Испытание проводила комиссия, назначенная президиумом совета народных судей, а программу испытаний составлял Наркомюст; она была единой на всей территории РСФСР. Кроме того, нотариусам запрещалось совмещать свою деятельность с работой в других советских, общественных и частных учреждениях и на предприятиях, а равно быть участниками торгово-промышленных предприятий.

У нотариальных контор был достаточно широкий круг действий, в том числе: а) совершение всякого рода актов, для которых законодательно установлен нотариальный порядок удостоверения; б) засвидетельствование договоров, заключаемых государственными и общественными учреждениями и предприятиями как между собой, так и с частными лицами и их объединениями, для которых законодательно установлен нотариальный порядок засвидетельствования; в) совершение и засвидетельствование по желанию сторон договоров, которые могут быть заключены и без участия нотариуса; г) совершение протестов векселей; д) засвидетельствование доверенно-

стей и копий со всякого рода документов и выписок из торговых книг, а также подлинности подписей; е) удостоверение по требованиям должностных лиц и учреждений, а также частных лиц бесспорных обстоятельств: времени предъявления документов, нахождения лица в определенном месте, представления объяснения, либо требования от одного лица к другому и т. п.; ж) выдача выписок и копий из нотариальных книг и реестров и т. д.; з) принятие на хранение представленных разными лицами документов.

При совершении или засвидетельствовании договоров нотариус обязан был особенно тщательно исследовать текст договоров на предмет соответствия законодательству, ибо нотариальное засвидетельствование договоров могло состояться лишь при полной уверенности нотариуса в том, что договор не содержит условий, противоречащих закону. В противном случае нотариус должен был заявить в устной форме о невозможности совершения нотариального действия. По требованию одной из сторон отказ надлежало давать в письменной форме с объяснением его причин и со ссылкой на соответствующие узаконения. Отказ в засвидетельствовании нотариусом договора влек за собой признание его недействительным и не подлежащим исполнению в конкретных правоотношениях.

Как видим, советское государство на передовой край борьбы с нэпманами выдвигало нотариусов, возлагая на них фактически сплошной контроль договоров на предмет степени их соответствия законодательству. Так, согласно Положению обязательному засвидетельствованию в нотариальных конторах подлежали: заключаемые частными лицами и их объединениями договоры об учреждении торговых и торгово-промышленных товариществ; о составлении третейских записей; доверенности на управление имуществом (торговые) и на ведение судебных и административных дел. Подобной процедуре надлежало подвергнуть также учредительные документы паевых товариществ и акционерных обществ. Исчерпывающий перечень договоров, подлежащих нотариальному засвидетельствованию, был закреплен в ГК РСФСР, принятом ВЦИКом 31 октября 1922 г.

Как уже говорилось, несоответствие договора в той или иной части законодательству служило единственным основанием для отказа в его засвидетельствовании, например в случаях сдачи государственным предприятием подряда частнику при отсутствии у последнего достаточных гарантий выполнения взятых на себя по договору обязательств; открытия государственными строительными предприятиями в целях покрытия своих убытков не свойственных им предприятий (вплоть до винных магазинов); попыток «нэпманов», не

выполнивших своих обязательств перед государством, при помощи договоров дарения уклониться от описи имущества по судебным решениям¹. Совершить и засвидетельствовать договоры или отказаться от выполнения этих процедур нотариусу нужно было в трехдневный срок после представления заинтересованными лицами надлежащих документов и внесения сборов.

В целях удостоверения совершенных нотариусом действий и снятия конфликтов, которые могут возникать по поводу правомерности тех или иных нотариальных действий и их соответствия требуемым законом процедурам, нотариальная контора обязана была фиксировать свои действия в письменной форме посредством ведения актовой книги, куда записывались акты, совершаемые в нотариальном порядке; реестра для занесения данных действий конторы (актах засвидетельствований, протестах, удостоверении обстоятельств); особого реестра актов протеста векселей и др.

На нотариуса возлагалась обязанность соблюдать тайну относительно актов и документов, находящихся у него на хранении, и всех порученных ему дел, за исключением случаев, указанных в законе. Несоблюдение этой тайны влекло за собой уголовную ответственность по ст. 117 УК РСФСР в виде лишения свободы сроком до года, принудительных работ или увольнения от должности. Но реально секрет нотариуса был не более чем секретом Полишинеля.

Согласно ст. 17 Положения от 4 октября 1926 г. нотариус обязан был информировать о содержании удостоверенной сделки широкий круг государственных органов, в том числе прокуратуру, судебные и следственные органы. Кроме того, сведения, подлежащие торговой регистрации, внесению в торговый реестр, надлежало сообщать органам торговой регистрации; сведения об опротестованных векселях — кредитным и другим учреждениям по указанию Наркомюста; копии нотариально удостоверенных актов дарения представлять финансовым органам. С разрешения председателей губернских и окружных судов нотариус обязывался выдавать справки иным правительственным органам, если эти сведения необходимы в государственных интересах. Таким образом, нотариальная тайна получалась однобокой, она защищала лишь коммерческие сведения от частных лиц, но любой государственный орган мог получить подобные сведения на основании одного уверения, что эти сведения нужны в государственных интересах.

Жалобы на отказ в совершении нотариальных действий либо на действия нотариусов надлежало подавать в президиум совета народ-

¹ См.: *Зацепина С. А.* «Обратив в бумажную массу...» (Очерки истории советского нотариата) // *Нотариальный вестник.* 1999. № 5—6.

ных судей в двухнедельный срок со дня отказа нотариуса в совершения действия, на которое приносится жалоба. Определения президиума совета народных судей являлись окончательными и могли быть обжалованы в порядке надзора в Наркомюст РСФСР.

Постановлением ВЦИКа от 7 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Положения о судоустройстве РСФСР» в Положение о нотариате было внесено дополнение — конкретизирован порядок управления нотариальными конторами. Надзор и контроль за деятельностью нотариальных контор был возложен на председателя губсуда, а также на состоящее при гражданском отделе губсуда нотариальное отделение. В компетенцию последнего входило проведение периодических обследований работы нотариальных контор, а также прием отчетов и сводок. Положение еще раз указывало на то, что нотариальные конторы и их отделения не могут претендовать на государственный бюджет и содержатся только за счет сборов, поступающих от совершения нотариальных действий. В то же время законодатель не считал нужным все доходы нотариальных контор оставлять в их непосредственном распоряжении и значительную часть этих средств обращал в доход государства.

Нотариальные конторы были учреждены не только в РСФСР, но и в других союзных республиках. Каждая республика создавала их с учетом местных условий и сообразно представлениям республиканских идеологов об оптимальном варианте нотариальных услуг, что, в свою очередь, породило ряд неувязок с оценками нотариальных действий, совершенных в одной республике, в других республиках. Прежде всего возникали неясности относительно законности нотариального акта, совершенного в другой республике¹. В целях снятия подобных неясностей было принято постановление ЦИКа и СНК СССР от 14 мая 1926 г. «Об основных принципах организации государственного нотариата», закрепившее ведущие принципы, основы организации и деятельности нотариальных учреждений союзных республик.

Порядок, установленный для назначения народных судей, ст. 3 постановления ЦИКа и СНК СССР от 14 мая 1926 г. был последовательно распространен на государственных нотариусов. Во всех республиках предписывалось назначать, перемещать и увольнять губернских и уездных государственных нотариусов исполкомами по представлению губсудов, что заметно повышало авторитет нотариата в глазах населения. Специальным предписанием устанавливалось,

¹ См.: *Трунев П.* Общесоюзный закон о нотариате // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 35. С. 1033—1034.

что государственные нотариусы и прочие сотрудники получают за свой труд вознаграждение только от государства, а средства на содержание государственных нотариальных органов обеспечиваются за счет сборов за нотариальные действия, составляющих специальные средства республиканских наркомюстов. В свою очередь, установление таксы оплаты нотариальных действий и оказываемых государственными нотариальными конторами технических услуг входило в компетенцию союзных республик.

Значимой была новелла, согласно которой деление нотариальных действий на нотариальное совершение и нотариальное засвидетельствование заменялось единым обозначением — термином «нотариальное удостоверение сделок», а также определялись объекты, подлежащие изучению в обязательном порядке. Обращалось внимание на необходимость особенно тщательно изучать наличие и подлинность подписей лиц, участвующих в сделке, а также правоспособность и дееспособность этих лиц.

Названные и иные новеллы постановления ЦИК и СНК СССР от 14 мая 1926 г. стали основой Положения о государственном нотариате РСФСР, утвержденного Декретом ВЦИКа и СНК РСФСР от 4 октября 1926 г., достаточно объемного законодательного акта, состоящего из 98 статей и систематизирующего общие и конкретные нормы об организации и деятельности государственного нотариата в Республике. Положение внесло заметный вклад в развитие законодательства по предмету регулирования тем, что дало системное закрепление общих правил работы нотариальных контор, а также особенностей выполнения отдельных нотариальных действий.

Особенно значимыми были предписания, определившие пределы изучения документов и сделок при совершении нотариальных действий. Было признано, что нотариус не должен оценивать выгоду или убыточность сделок для сторон, но обязан оказывать трудящимся активное содействие в ограждении их прав и законных интересов, разъясняя сущность принимаемых на себя обязательств и вытекающих из них последствий, чтобы юридическая неосведомленность, малограмотность и другие подобные обстоятельства не использовались им во вред. Этим предписанием законодатель превращал нотариуса из формального регистратора в активного пропагандиста советского права и в защитника прав и интересов трудящихся.

Следует признать, что Положение от 4 октября 1926 г. все же было неполным, поскольку не содержало предписаний относительно особенностей нотариальных действий, проводимых исполкомами местных Советов и регламентированных Декретом ВЦИКа и СНК РСФСР

от 15 июня 1925 г. «О засвидетельствовании волостными комитетами и сельскими Советами договоров и документов». С учетом новелл Положения от 4 октября ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление от 26 сентября 1927 г. «О нотариальных действиях волостных (районных) исполнительных комитетов и сельских Советов» и тем самым обеспечили достаточно полное и в основном беспробельное регулирование отношений в сфере государственного нотариата.

Другая заслуга советского государства видится в том, что оно успешно решило задачу обеспечения потребностей населения в документальном заверении достоверности документов, действий, договоров, создав широкую сеть органов, осуществляющих нотариальные функции. Наряду с нотариальными конторами в стране существовала широкая сеть, восполняемая из других органов: народных судов, уездных советов и сельсоветов, гарантирующая доступность нотариальных услуг для каждого испытывающего в них потребность, как правило, по его месту проживания. Однако проблемы профессионального кадрового состава, неизменно возникающие у всех органов юстиции, еще остро стояли в сфере нотариального обслуживания.

Во-первых, значительную часть нотариальных действий выполняли работники сельских, поселковых, уездных Советов не по основному роду занятий, а в порядке совместительства и при полном отсутствии профессиональных знаний. Как отмечал нотариус И. Максимов, низовые работники сельского нотариата на совещаниях нередко высказываются в том духе, что: «на нас по закону возложено исполнение нотариальных действий, мы это приветствуем, так как эти мероприятия направлены на пользу трудящихся и на укрепление революционной законности на селе, но одновременно заявляем, что мы не юристы и поголовное большинство нас — люди малограмотные, пришли управлять государством по выборам. Следить и ориентироваться в бумажном потоке законодательства по нотариату мы не в состоянии, не имеем сноровки юриста, да и не располагаем большим временем копаться в них. Наша просьба — дать нам не мертвый, а живой руководящий материал, чтобы каждый из нас в нужное время всегда мог найти в нем все необходимое»¹. Однако такое пособие, годное на все случаи нотариальной деятельности, не было подготовлено ни в 1920-х, ни в последующих годах, следовательно, и нотариальная деятельность в период нэпа оставалась на невысоком в качественном отношении уровне.

¹ Максимов И. Нужно два однородных закона заменить одним // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 35. С. 825.

Во-вторых, низовые нотариальные органы допускали ошибки, обусловленные неправильным толкованием и применением законов, а также технические ошибки из-за невнимательности. А. Сокольский обоснованно показал, что местные советы зачастую смешивают регистрацию сделки с засвидетельствованием, вследствие чего регистрация сделок, связанных с землепользованием (раздел крестьянских дворов, трудовая аренда земли, продажа внегородских строений и т. д.), оформляется как засвидетельствование со взиманием сборов и внесением соответствующих записей. В результате требуемая законом регистрация оказывается не проведенной, а выполненная вместо нее процедура законом не предусматривается. Кроме того, нередко осуществляется засвидетельствование документов: недействительных (подписки об отказе от права обращения к суду с иском об алиментах и т. п.); незаконных по своему содержанию (продажа строений вместе с земельным участком), а также неправильно исчисляются сборы, не ведется реестр для записи нотариальных действий или этот реестр не соответствует требуемой форме, заполняется настолько небрежно, что из записей ничего уяснить себе нельзя¹.

В-третьих, нотариальные конторы, равно как местные советы, при совершении нотариальных действий допускали бюрократизм и волокиту. В частности, нотариусы из-за технических дефектов в документах, засвидетельствованных райисполкомами и сельсоветами, заставляли обращающихся к ним приезжих крестьян возвращаться для исправления в документах ошибок, допущенных сельским нотариатом. Волокита во многих случаях вызвана неправильным и неравномерным распределением обязанностей, нецелесообразностью документооборота, отсутствием инициативы в рационализации работы, неприменением стандартных форм документов, штампов и т. д.²

В-четвертых, нотариусы придерживались двойных стандартов. Категорический запрет на регистрацию кабальных, противоречащих законодательству договоров, нарушающих права одной из сторон, применялся только в отношении частноправовых договоров. В то же время нотариусы неизменно регистрировали кабальные договоры местных советов, иных органов государства с частными лицами, несмотря на грубейшие нарушения законодательства со стороны государственных органов. В частности, нотариат Ставрополя весной 1927 г. зарегистрировал договор аренды земли, сторонами

¹ См.: Сокольский А. Нотариальные действия волисполкомов и сельсоветов // Ежедневник советской юстиции. 1926. № 36. С. 1038.

² См.: Сокольский А. Задачи нотариата // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 35. С. 823.

которого выступали Наркомат земледелия РСФСР и жители хуторов Винодельческого района. По этому договору государство никаких обязательств на себя не брало, тогда как на жителей возлагались 25 запретов и обязанностей, в том числе кабальных. Несмотря на то что договор вступал в силу со дня его подписания, т. е. 13 апреля 1927 г., крестьяне должны были заплатить задним числом за пользование землей с 1 сентября 1926 г. 226 руб. 80 коп. Хотя аренда завершалась 1 марта 1930 г., крестьянам предписывалось закончить уборку и молотьбу озимого зерна к 1 ноября 1930 г., уборку соломы и половы — до 1 декабря того же года. Оставшийся на участке неубранным урожай согласно договору подлежал безвозмездному изъятию в государственную казну¹. Коль скоро одной из сторон выступал Наркомат земледелия, то логично предположить, что аналогичные кабальные условия он навязывал всем арендаторам земли на территории Республики.

К сожалению, практика удостоверения договоров государственных органов, предприятий с юридическими и физическими лицами, содержащих кабальные условия для последних, получила широкое распространения в конце 1920-х гг. в связи с отказом от частнопредпринимательской деятельности и переходом к формированию основ социалистического общества. Нотариат из органа юстиции, призванного твердо стоять на защите прав, интересов управомоченных лиц, превратился в орган оправдания неправовых действий государственных органов и организаций, придания этим действиям видимости законности и правомерности.

¹ См.: Долгов А. В. Деятельность нотариата как института советской политической системы в 1920-е — в начале 1970-х гг. (на материалах Ставрополья). Гл. 2. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/dejatelnost-notariata-kak-instituta-sovetskoj-politicheskoy-sistemy-v-1920-e-v.html>.

Раздел VIII

НАРКОМАТ ЮСТИЦИИ РСФСР И СОВЕТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Глава 27. Наркомат юстиции РСФСР как орган управления российским правосудием

Принцип разделения властей обязывает органы исполнительной власти обеспечивать воплощение действующих законов в конкретных отношениях с некоторой их корректировкой в сторону большей демократии или автократии, судя по политическим пристрастиям Правительства, которые могут в той или иной части и не совпадать с политическим кредо законодателя. На долю органа исполнительной власти приходится определение и проведение ряда мер для успешного достижения целей и реализации предписаний закона на практике. Эффект от этих мер определяется четырьмя условиями: 1) знанием сложившегося положения в руководимой органом исполнительной власти системе; 2) знанием закономерностей функционирования и развития управляемой системы; 3) умением определить меры, которые нейтрализуют негативные факторы, препятствующие реальному достижению целей закона; 4) способностью воплотить намеченные меры в жизнь, исключить негативные факторы не на бумаге, в отчетах, а на деле.

К сожалению, в период нэпа Наркомюст по объективным и субъективным причинам не сумел в полном соответствии с названными условиями организовать управление судами и иными органами юстиции. Вынужденный подстраиваться под субъективные, конъюнктурные решения партии и Правительства, он чаще всего ограничивался полумерами в части снятия препятствий, мешающих эффективному действию системы советских судебных учреждений и иных органов юстиции. Причины неудач управления сферой юстиции руководство Наркомюста относило на счет недостаточно активной и неумелой работы местных органов и конкретных исполнителей и своими циркулярами надеялось направить их на путь истины, на принятие мер, обеспечивающих ожидаемые, позитивные результаты.

После того как Наркомюст в очередной раз издал циркуляр, в котором обвинил местных работников юстиции в волоките, формализме и оторванности от народных масс, плюс к этому руководитель управления прокуратуры Ф. Траскович в поддержку циркуляра разразился статьей «Необходимо встряхнуться»¹, с полемическими статьями в «Еженедельнике советской юстиции» выступили работники юстиции Алимов, Нехамкин, Дубровский, Витбаум.

Возмущение авторов вызвала попытка Ф. Трасковича обвинить местных прокуроров ни много ни мало в отрыве от масс, от советской общественности, в отсутствии чуткости к подаваемым жалобам, заявлениям, в бюрократизации аппарата, его замкнутости, чиновничьей психологии, верхоглядстве, формалистике и прочих «добродетелях» старого времени, а также в желании жить в согласии с местными властями. «Кое-где на местах, — писал Траскович, — вырабатывается тип прокурора “слушаюсь”, “это мы сумеем оформить” — это самый худший тип, тип подхалима и угодника, всегда готового к услугам и действующего под флагом якобы революционной целесообразности»².

Оппоненты Трасковича, в свою очередь, единодушно признали стиль управления Наркомюста бюрократическим и проиллюстрировали этот вывод конкретными примерами. По их мнению, основным способом взаимосвязи центра и местных органов юстиции были отчеты — снизу вверх и циркуляры — сверху вниз. «Можно с уверенностью и не ошибаясь сказать, — указывает Алимов, — что существовавший порядок отчетности есть мать всех прокурорских бюрократических уклонов, которые создали и создают у работников прокуратуры чиновничью психологию, бездушную формалистику и делают прокурора после составления отчета, и в особенности по получении хорошего замечания центральной прокуратуры по отчету, благодушным, самонадеянным и самоуверенным чиновником». Далее автор отмечает, что циркулярных директив было много, но «не было живого руководства, не было более тесного, близкого общения центральной прокуратуры с местами и что, издавая такого рода циркуляры, сами его подписавшие на этом успокаивались, не проверяли достигнутых таким циркуляром результатов и совершенно не следили за его точным и своевременным выполнением»³.

¹ Траскович Ф. Необходимо встряхнуться // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 27. С. 757.

² Там же. С. 757—758.

³ Алимов П. Встряхнуться необходимо всем // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 34. С. 926.

Обвинение Трасковичем местных прокуроров в желании поддаться под местную власть было отвергнуто Нехамкиным, Дубровским и Алимовым. Последний утверждал, что в этом виноваты не столько прокуроры, сколько бросившее их на произвол судьбы руководство Наркомюста. Алимов уверен, что с личным составом, «в особенности по линии прокуратуры, Наркомюст почти не сделал ничего. Назначение и смещение прокуроров центром в большинстве случаев остается только на бумаге. Все то, за что развернулась борьба при разрешении вопроса о прокуратуре на III Сессии ВЦИК в 1922 году — о порядке назначения прокуроров, свелось к нулю. И в этом вина исключительно центральной прокуратуры»¹. К аналогичному выводу пришли Нехамкин и Дубровский, полагая, что местный прокурор никогда не получал в центре крепкую и серьезную поддержку². Витбаум, как следует из статьи, из собственного общения с вышестоящими прокуратурами знает, что причины пренебрежительного отношения последних к подчиненным им прокуратурам «нужно искать в бюрократизме, верхоглядстве и высокомерии вышестоящих прокуратур»³.

Оторванность центрального органа исполнительной власти государства от его низовых звеньев, равно как и от интересов общества, представляет собой не более чем внешний симптом бюрократического стиля. Суть этого стиля состоит в том, что исполнительная власть недостаточно точно и полно учитывает закономерности управляемой ими сферы, наличные жизненные реалии, конкретные экономические, политические, культурные и иные существующие условия. Власть действует субъективно, методом проб и ошибок, зачастую принимая меры, противоречащие естественному ходу дел в управляемой сфере, и тем самым вместо того, чтобы создавать условия, облегчающие процесс реализации закономерностей, создает для него искусственные препятствия. В итоге принимаемые меры не дают ожидаемого результата, порождают новые проблемы, требующие дальнейших решительных мер. Однако исполнительная власть виновником неудач признает не саму себя, а чаще всего своих подчиненных, обвиняет их в неспособности действовать в нужном направлении, неумении или нежелании исполнять предписания этой власти.

Требования неукоснительного исполнения демократических институтов законодательства и судопроизводства, закрепленных нор-

¹ Алимов П. Указ. соч. С. 927.

² См.: Нехамкин Н., Дубровский М. Встряхнуться надо, но кому? // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 33. С. 902.

³ Витбаум. Кому и как необходимо встряхнуться // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 38/39. С. 1018.

мативными правовыми актами 1922—1923 гг., плохо координировались с представлениями руководителей партии и деятелей юстиции о советском суде, образец которого они по-прежнему видели в суде периода военного коммунизма, работавшем оперативно, без излишней волокиты, руководствовавшимся по преимуществу собственным правосознанием, творя при этом беззаконие.

Меры, принятые в первые годы нэпа в целях укрепления законности, защиты прав и свобод трудящихся масс, были восприняты из буржуазного правосудия в соответствии с прогнозом К. Маркса о необходимости применения в первые годы диктатуры пролетариата буржуазного права за неимением лучшего, что значительно осложнило судопроизводство. Благодаря введению дополнительных институтов защиты прав личности представилось возможным укреплять законность, освобождать от ответственности невиновных лиц. Около 80% дел, инициируемых органами милиции, прекращалось за отсутствием преступления, иного противоправного деяния. Однако этот позитивный показатель эффективности советского правосудия периода нэпа был воспринят партией и Правительством как крупнейший недостаток, свидетельствующий о формализме правосудия, порождающем волокиту, отвлечение массы трудящихся от работы в качестве участников процесса и потому подлежащий незамедлительному исправлению.

Отдельные ленинские идеи о формировании уголовного и гражданского права, как показано ранее, были преданы забвению. Частью с подачи партии, частью самостоятельно Н. В. Крыленко и Д. И. Курский пришли к выводу о том, что в дальнейшем вектор развития правосудия — это борьба с такими пережитками прошлого, как волокита, бюрократизм и поголовное увлечение судов формальными, мало что дающими для дела процедурами. Бюрократизм Наркомюста в данном случае состоял в том, что кипучая деятельность его центрального аппарата и местных органов строилась без учета закономерностей прогрессивного развития правосудия, была направлена в другую, прямо противоположную сторону — на упразднение ряда демократических институтов правосудия, на прокладывание широкой и прямой дороги для большого террора, повлекшего за собой грубейшие нарушения прав трудящихся и массовые репрессии.

Нарком юстиции Курский и его старший помощник Крыленко вели массированный обстрел циркулярами судебно-прокурорских учреждений: указывали, что и как им нужно делать, чтобы избавиться от дореволюционной скверны. В 1927—1928 гг. наркомат издал восемь нормативных актов по вопросам борьбы с негативными явлениями в системе правосудия. Это: 1) циркуляр от 27 июля 1927 г.

№ 141 «О борьбе с формально-бюрократическими уклонами в работе органов прокурорского надзора»; 2) инструктивное письмо от 13 ноября 1927 г. № 1 «О сети низовых судебных, следственных и исполнительных участков»; 3) инструктивное письмо от 13 ноября 1927 г. № 2 «О выездных сессиях губсудов и нарсудов»; 4) циркуляр от 9 ноября 1927 г. № 192 «О мероприятиях по ускорению и упрощению производства дел в судах»; 5) директивное письмо от 26 апреля 1928 г. «О работе органов расследования и надзора за ними»; 6) директивное письмо от 9 июня 1928 г. «О мероприятиях по борьбе с волокитой и бюрократизмом»; 7) циркуляр от 7 июня 1928 г. № 83 «О директивах по работе прокурорского надзора в связи с выявленными обследованиям ЦКК фактами злоупотреблений и болезненных явлений, имевших место в Смоленской и в некоторых других губерниях»; 8) директивное письмо Наркомюста и Верховного Суда РСФСР от 20 августа 1928 г. «О карательной политике».

Наиболее обстоятельно были выявлены виды волокиты и порождающие ее причины. Первоначально в циркуляре от 27 июля 1927 г. № 31 названы четыре недочета «в рассмотрении жалоб, с которыми неизбежно связана волокита». На первое место поставлено «несвоевременное рассмотрение поступившей жалобы соответствующим помпрокурора». Вторым источником волокиты выступала, конечно же, канцелярия, которая в отсутствие достаточного контроля за перепиской допускала «задержки исполнения резолюций по жалобам». Третьим значимым источником волокиты признавалась «недостаточная продуманность и недостаточность или полное отсутствие разработки плана предстоящих действий и распоряжений по жалобе и, как следствие этого, случаи нецелесообразного направления жалоб в органы, которые фактически не в состоянии справиться с задачей расследования той или иной жалобы, а равно случаи направления жалобы, хотя и в надлежащие органы, но без наметки конкретных моментов и границ расследования». В качестве последнего, четвертого, в перечне, но не в реальной жизни, выделен такой источник волокиты, как истребование лишних справок¹.

Спустя год Наркомюст понял, что перечень даже основных видов волокиты, данный им в 1927 г., оказался неполным. Поэтому в директивном письме от 9 июня 1928 г. наркомат вернулся к этому вопросу и выделил еще три вида судебной волокиты: а) несвоевременное назначение дел к слушанию; б) передача дел в другие органы без достаточной необходимости; в) медлительность в исполнении всту-

¹ См.: Циркуляр от 27 июля 1927 г. № 141 «О борьбе с формально-бюрократическими уклонами в работе органов прокурорского надзора» // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 31. С. 971.

пивших в законную силу приговоров и решений, причем в письме отмечалось, что именно это — одна «из коренных бед, являющихся результатом волокиты, приводящих к прямому подрыву доверия населения к суду»¹.

Попытки казуального описания форм волокиты в нормативных актах Наркомюста выглядят не более чем детской забавой — пересчитать песчинки на берегу водоема. Любая процедура, связанная с рассмотрением жалобы, заявления, представляет собой длящееся во времени действие, которое по вине исполнителя или по объективным причинам может не завершаться в установленные законом, иным актом сроки. Поэтому попытка описывать конкретные формы волокиты в органах юстиции является трудноисполнимой и к тому же бесполезной задачей. Для подателя-жалобщика не имеет значение, на какой стадии допущена волокита и кто в ней больше всего виновен. Для должностных лиц, в свою очередь, важны не столько формы описания волокиты, сколько ее дефиниция и меры дисциплинарной ответственности, применяемые к виновным в подобном деянии лицам.

Неспособность или нежелание Наркомюста дать легальную дефиницию понятия «волокита», а также установить конкретные меры ответственности виновных лиц — его серьезное упущение. Другое упущение наркомата в деле борьбы с волокитой заключалось в одностороннем подходе к конкретно-историческим условиям ее культивирования. Наркомат видел только один источник волокиты — нежелание сотрудника надлежащим образом выполнять служебные или трудовые обязанности. А потому неустанно в своих циркулярах и иных актах словно мантру твердил: «принимать все к тому, чтобы ни одно явление волокиты не оставалось безнаказанным», «не допускать медлительности и волокиты», «добиваться полного и правильного разрешения жалобы по существу и в кратчайший срок» и т. д. Нет ни одного намека на то, что жалоба может волокититься по объективным причинам, независимо от воли и желаний исполнителя. Между тем фактор объективности в период нэпа играл не менее значимую роль, нежели фактор субъективности.

Приведем еще одно свидетельство работника юстиции тех лет о том, насколько труден путь к своевременному рассмотрению жалоб и заявлений из-за отсутствия надлежащих материальных средств на доставку судебных повесток. Как пишет П. Коновалов, проблема состоит в том, что повестки в суд, направляемые через сельские со-

¹ Директивное письмо от 9 июня 1928 г. «О мероприятиях по борьбе с волокитой и бюрократизмом» // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 21. С. 635.

веты, вручаются несвоевременно. Вместе с тем на почтовую связь судебно-казачными письмами, гарантирующую своевременность получения адресатом повестки, у суда нет средств. «То, что отпускают, нельзя назвать средствами»¹. Но Наркомюст материальную сторону деятельности затрагивать не любит, он ее игнорирует и корень зла видит только в исполнителе.

Циркуляром Наркомюста от 27 июля 1927 г. предписывается краевым, областным и губернским прокурорам «в отношении каждой жалобы, поступающей в прокуратуру или поднадзорные ей органы, добиваться полного и правильного разрешения ее по существу в кратчайший срок», а также «продолжать и усилить систематическое разъяснение населению целесообразности при принесении жалоб в прокуратуру соблюдения инстанционной последовательности (участковая камера, губ. (обл., край.) прокуратура, Прокуратура Республики)». В заключение рекомендуется «не оставлять без реагирования ни одного случая волокиты или бюрократического формального отношения к жалобе, привлекая к дисциплинарной и уголовной ответственности». Аналогичные общие предписания и увещания солируют и в директивном письме Наркомюста от 9 июня 1928 г., которым всем губернским, областным, краевым судам и прокурорам предписывается «принять все меры к тому, чтобы ни одно явление волокиты и бюрократизма, разгильдяйства не осталось безнаказанным», «всеми мерами выявлять на рабочих и крестьянских собраниях случаи волокиты, разгильдяйства, преступного использования служебного положения, высокомерно-чванского отношения к рабочим и крестьянам».

А как быть с объективными причинами волокиты, обусловленными тем, что у органов юстиции нет транспорта, достаточных средств на экспертизу, почтовые и канцелярские расходы и даже на приобретение «Собрания узаконений», а порой и отсутствием надлежащего помещения для комфортной работы суда. Без принятия конкретных мер по устранению названных причин абстрактные предписания: «поднять дисциплину», «повысить ответственность» — представляют собой не более чем благие пожелания органа, заранее знающего об их неисполнимости.

Волокита редко существует «в одиночку», она, как правило, успешно «уживается» с другими, еще более опасными рудиментами — формализмом и бюрократией. И вполне правомерно Наркомюст в формализме действий органов следствия, прокуратуры и

¹ Коновалов П. О разгрузке суда // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 432.

суда видел большую опасность по сравнению с опасностью волокиты, а меры борьбы с ними сводил в единый комплекс в директивном письме от 9 июня 1928 г. «О мероприятиях по борьбе с волокитой и бюрократизмом». Прежде всего он предпринял попытку описать основные виды формализма, допускаемые в прокурорско-судебной работе, и даже некоторые из них проиллюстрировать на конкретных примерах.

Наибольший вред творческой судебно-следственной деятельности, по мнению Наркомюста, наносит формальный надзор за следствием и дознанием. Наиболее опасные виды формализма встречаются в суде: откладывание разбора дел по маловажным формальным моментам (в частности, из-за неосновательных отводов, вызова ненужных свидетелей); принятие к производству и назначение к слушанию в судебном заседании дел, по которым нет достаточно серьезных оснований для предания суду; вызов в суд всех свидетелей без детального обсуждения вопроса о возможности ограничить список свидетелей и другие подобные действия, слабо влияющие на конечные результаты судебного рассмотрения.

Наркомюст был уверен, что устранением формализма в судопроизводстве он сможет убить как минимум двух зайцев: уменьшить дефицит средств на транспортные, почтовые, канцелярские расходы, расходы на оплату услуг экспертов и снизить нагрузку на следователей и судей. Однако то, что на первый взгляд сулило заметный успех, на деле привело к минимальным результатам. Ибо только далекие от судебно-следственной практики руководители Наркомюста могли всерьез верить в побасенку о наличии в системе правосудия лишних, плохо связанных с конечным результатом процедур.

Вырабатываемая веками система судопроизводства, ориентированная на конечный правосудный результат, культивировала разумно необходимый минимум процедур, который позволял бы при любом стечении обстоятельств устанавливать истину по делу и одновременно реально гарантировать подсудимому право на защиту всеми законными способами. Любая процедура, изъятая из этого целостного процесса, открывала лазейку, а порой и целый проем для государственного произвола, умаления прав подсудимого и вынесения неправосудного приговора. Поэтому идея Наркомюста упростить судопроизводство не дала ожидаемого эффекта, упразднить удалось лишь по преимуществу частные варианты некоторых судебно-следственных процедур при сохранении традиционных и типичных форм судопроизводства.

Первоначально меры по упрощению судопроизводства были предписаны постановлением ВЦИКа и СНК от 26 марта 1928 г. по докла-

дам Наркомата юстиции и Наркомата внутренних дел о карательной политике и состоянии мест заключения. Законодатель устанавливал пять мер. Во-первых, ускорить назначение дел к слушанию посредством своевременного вручения повесток о явке в суд, отказа в переносе дел по маловажным формальным моментам. Во-вторых, ввести регламент судебного заседания, в частности ограничить прения сторон на суде. В-третьих, сократить сроки рассмотрения кассационных жалоб. В-четвертых, запретить отмену приговоров кассационными инстанциями по незначительным формальным основаниям, уделять больше внимания существу дела и усилить ревизионный момент в работе кассационных инстанций. В-пятых, не отрывать трудящихся от работы в качестве свидетелей по ничтожным поводам, для чего, в частности, расширить практику перенесения часов судебного заседания в возможных случаях на нерабочее время.

Резервы рационализации работы судебно-следственного аппарата и устранения волокиты законодатель далее увидел в таких мерах, как: 1) установление более тесной связи между органами милиции, уголовного розыска, ОГПУ и следственным аппаратом под единым контролем прокуратуры; 2) предъявление обвинения обвиняемому, совершившему несколько преступлений, лишь по наиболее важным из них без осложнения следствия разбором второстепенных моментов; 3) устранение множественности допросов одного и того же лица органами дознания и следствия; 4) принудительные вызовы иногородних лиц в органы следствия лишь в случаях крайней необходимости; 5) ограничение случаев передачи дел от одного следователя к другому.

Получив поддержку законодателя, Наркомюст по собственной инициативе дополнительно выискивал формальные процедуры, которые советскому правосудию навязали дореволюционные правоведы, не способные понять суть и содержание процесса построения социалистического общества. Большой шаг в этом направлении был сделан Третьим совещанием прокурорского надзора, проведенным под эгидой Наркомюста в марте 1928 г. и принявшим 26 апреля 1928 г. нужную ему резолюцию «О работе органов расследования и надзора за ними». Резолюция была утверждена коллегией Наркомюста. В разделе IV резолюции были определены 20 конкретных мер, призванных обеспечить «максимальное упрощение формы расследования и его рационализацию»¹.

Директивным письмом Наркомюста от 26 апреля 1928 г. предписывалось все намеченные меры по упрощению уголовного про-

¹ О работе органов расследования и надзора за ними // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 420—422.

цесса незамедлительно воплотить в жизнь, за исключением семи, «проведение которых предполагает предварительное внесение соответствующих изменений в действующее законодательство». Меры, которые, по мнению прокурорской общественности и коллегии Наркомюста, не противоречили законодательству и подлежали незамедлительному исполнению, посягали на права следователя по сбору и оценке доказательств, заметно ограничивали их. В частности, разрешалось проводить без согласия надзирающего прокурора действия, влекущие за собой расходование бюджетных средств: экспертизу по наиболее сложным хозяйственным делам, а также повторную экспертизу, вызов иногородних свидетелей из отдаленных местностей. Было решено по договоренности с Наркомздравом медицинскую экспертизу о тяжести телесных повреждений заменить выдачей лечащими врачами справки с детальными описаниями имеющих повреждений. Одновременно предписывалось не допускать множественности повторных допросов свидетелей, дабы не загромождать дела лишними материалами, не вести по делам частного обвинения никаких следственных действий, а при составлении обвинительных заключений «обратить особое внимание на сжатость» изложения обстоятельств дела.

Гора родила мышь, многообещающая реформа освобождения советского судопроизводства от искусственных процедур буржуазного правосудия, проведенная с помощью высоких организаций (ВЦИКа, СНК), а также широкой юридической общественности, на деле свелась к совокупности частных, малоэффективных мер, к тому же ухудшающих качество правосудия, например к подмене заключения судебного-медицинского эксперта о тяжести телесных повреждений справкой лечащего врача с описанием наличных травм и царапин, к постановке приговора по некачественно проведенной бухгалтерской экспертизе, даже без допроса главного по делу свидетеля, живущего в другом населенном пункте. К тому же ВЦИК и СНК не сочли целесообразным возводить в закон предложения, утвержденные коллегией наркомата 9 апреля 1928 г. и направленные в адрес ВЦИКа и СНК в качестве законодательной инициативы. Положения названного директивного письма ни полностью, ни частично не были закреплены в постановлении ВЦИКа и СНК РСФСР от 17 декабря 1928 г., равно как и в их постановлении от 29 октября 1929 г., внесших значительные изменения в УПК РСФСР.

Классовая политика Наркомюста и его руководителей основывалась на предписаниях советских законов, наделивших экономическими правами бывшие имущие классы России, но по-прежнему не

признававших их в качестве субъектов политических прав и свобод, предоставленных трудящимся. Политическая неполноценность нэпманов не позволяла видеть в них равноправных с трудящимися субъектов уголовного права и карательной политики в целом. Официально этот принцип карательной политики советского государства был закреплён в постановлении ВЦИКа и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. по докладам Наркомата юстиции и Наркомата внутренних дел о карательной политике и состоянии мест заключения¹.

Кроме того, Наркомюст наметил меры, связанные с формированием и проведением карательной политики, которые были закреплены резолюцией V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции от 15 марта 1924 г. «Карательная политика и укрепление в ней классового принципа», принятой по результатам обсуждения одноименного доклада Н. В. Крыленко 14 марта 1924 г. В классовом подходе докладчик видел необходимое условие правильной карательной политики. «Карательная политика пролетарского государства, — считал Крыленко, — должна строиться в первую очередь на неуклонном проведении классового начала. Это начало должно реально ощущаться во всех этапах, через которые проходит борьба с преступником, с момента совершения им преступления до момента отбывтия наказания». Суть же этого начала, по мнению Крыленко, заключается в том, чтобы «каждый конкретный шаг расценивать с точки зрения целей класса как такового, для которых и действует карательная система»².

Другими словами, Крыленко предлагает оценивать общественную опасность преступления и определять меру наказания виновному лицу, учитывая интересы социалистического строительства таким образом, чтобы обезопасить этот процесс от вредоносного влияния преступных деяний, совершаемых как врагами пролетарской революции, так и представителями рабочего класса. При этом к классовому врагу необходимо применять самые суровые меры, поскольку невозможно его перевоспитать, сделать активным участником социалистического строительства. Меры исправительно-трудового воздействия могут применяться лишь к представителям трудящихся масс, случайно оступившимся и способным к перевоспитанию, сознательному и добровольному переходу в ряды активных строителей социалистического общества.

¹ См.: Постановление ВЦИКа и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. по докладам Наркомата юстиции и Наркомата внутренних дел о карательной политике и состоянии мест заключения // Ежегодник советской юстиции. 1928. № 14. С. 419—420.

² Крыленко Н. В. Тезисы доклада «Карательная политика и укрепление в ней классового принципа» // Ежегодник советской юстиции. 1924. № 12—13. С. 300.

Все бы хорошо, но действующее законодательство опять-таки расходится с изложенными представлениями, не содержит оно специальных норм, культивирующих классовый принцип в интерпретации Крыленко. Соответственно, полагал он, нужно внести ряд корректировок в нормы материального и уголовно-процессуального права и в постановку пенитенциарно-карательного дела. Крайне необходимые корректировки, однако, «лежали под сукном» около четырех лет. В карательной политике законодатель выделил два направления: политику репрессий и исправительно-трудовую политику.

Суровые меры репрессий предписывалось применять исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов, рецидивистов (бандитов, поджигателей, конокрадов, растратчиков, взяточников и воров) в виде лишения свободы со строгим исполнением приговоров. Смягчение мер социальной защиты и досрочное освобождение этих категорий преступников разрешалось лишь в исключительных обстоятельствах и в условиях, твердо гарантирующих их социальную безопасность для общества.

Исправительно-трудовая политика должна была применяться в отношении социально неустойчивых элементов, совершивших преступление случайно (впервые или вследствие тяжелого стечения обстоятельств) и не представляющих большой социальной опасности. Для осужденных этой категории рекомендовалось кратковременные сроки лишения свободы заменять иными мерами социальной защиты: принудительными работами без содержания под стражей; устранением от должности и снятием с работы; запрещением выезда или высылкой из данной местности на срок; денежным штрафом или конфискацией части имущества. Устанавливая названные меры, советское государство преследовало сугубо воспитательные частнопредупредительные цели, желая привить осужденному установку на правомерное поведение, ориентировать его на необходимость и важность неукоснительного исполнения закона.

Увлечшись борьбой за внедрение классового подхода в карательной политике советского правосудия и пенитенциарной системе, руководители Наркомюста забыли о ряде иных значимых аспектов карательной политики, на что законодательные органы не преминули обратить их внимание. Во-первых, произошло существенное увеличение числа осужденных к лишению свободы на короткие сроки в ущерб иным мерам социальной защиты. Во-вторых, как оказалось, суды широко практиковали подмену оправдательных приговоров условным осуждением, не желая подводить следственные органы,

которые ошибочно пытались привлечь к уголовной ответственности невиновных лиц за правомерные действия. В-третьих, Наркомюст не обеспечил достаточного контроля за исполнением приговора.

Характерно, что Наркомат юстиции и Верховный Суд РСФСР в директивном письме от 20 августа 1928 г. «О карательной политике», принятом в развитие протокольного постановления ВЦИКа и СНК от 26 марта 1928 г., отреагировали лишь на два замечания: изжить практику необоснованного привлечения к уголовной ответственности и упорядочить систему мер назначения социальной защиты. Наркомат юстиции признал целесообразным не заниматься штокпой выявленных прорех в законодательстве и практике уголовной политики, а решить дело по-новому и кардинально. Он еще в предыдущие годы подготовил проект УПК с оригинальной моделью систематизации его норм и последовательно проведенным классовым подходом, который был рассмотрен коллегией Наркомюста 9 июня 1927 г. и в основном одобрен.

Обосновывая необходимость подобного героического шага, Наркомюст в своем постановлении «Тезисы о реформе УПК» отметил, что действующий УПК, будучи «сколком современного состязательного процесса», является источником всех бед, ошибок и перегибов карательной уголовной политики. «Классовый характер общественных отношений дал возможность буржуазной защите использовать предоставленные УПК формальные гарантии для избавления классовых противников революции от пролетарской репрессии, в особенности по делам хозяйственных преступлений, отчасти о должностных и по всем делам о контрреволюционных преступлениях. С другой стороны, формальные правоположения, установленные нынешним УПК, создали то, что расширение до безграничных пределов судебного следствия, осложнение его представлением документов и разного рода оправдывающих данных во время судебного заседания, широкое использование ничем не ограниченного права выступления в прениях и репликах, права опроса и передопроса свидетелей, ходатайства об отложении дела, назначении экспертизы сделались обычным явлением. В результате появились процессы, длящиеся по 2—3 недели, с десятками, если не сотнями, свидетелей и бесконечными речами. Процесс, долженствующий обеспечить краткую и быструю репрессию в отношении классовых врагов, превратился в свою противоположность — длинный, наполненный формализмом и крючкотворством процесс.

Одновременно, хотя и в другом направлении, выявились теневые стороны нынешнего процесса и в народном суде... Чрезвычай-

ные сложности и мелочность детализации процессуальных технических норм привела на деле к тому, что в лучшем случае эти нормы частично перестали соблюдаться. В большинстве же они воспитали в судьях и народных заседателях фетишистское преклонение перед буквой, отстраня на задний план импульсы непосредственного правотворчества, а иной раз и соображения просто здравого смысла, подсказывающего судьям и заседателям правильное по существу решение.

Одновременно сложность, многосторонность форм обжалования привели к тому, что судебная волокита по инстанциям является сейчас неизбежным следствием каждого более или менее сложного, а порой и пустякового дела. Благодаря этому процесс в народном суде, подобно процессу в губернском суде, также превратился в свою противоположность — процесс длинный, формальный и очень часто неясный и непонятный для широких трудящихся масс»¹. Такими вот идущими от души и перемешанными со слезами словами коллегия Наркомюста изложила широкому читателю причины, подвигшие проектировщиков на героический поступок — подготовку принципиально нового проекта УПК РСФСР. Но этим энтузиазм идеологов наркомата не ограничился.

Коллегия наркомата 24 мая 1928 г. заслушала доклад Крыленко «Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР», породивший брожение умов работников юстиции, невероятные слухи и кривотолки среди обывателей и осужденных. «От тезисов Крыленки дрожат у нас коленки» — так кратко и искренно передали свое самочувствие заключенные после того, как ознакомились с реформой уголовного права, предложенной прокурором Республики. И действительно, дрожать было от чего. Прокурор всерьез вознамерился упечь в места не столь отдаленные не только тех, кто совершил преступления, но и тех, кто по суду будет признан опасным для общества и государства. При этом срок пребывания в таких местах устанавливался до перевоспитания осужденного. А коль скоро чудеса бывают редко, то такое наказание превращало надежду многих осужденных когда-либо вернуться домой в несбыточную мечту.

Прокурор РСФСР был уверен в том, что УК РСФСР не обеспечивает реального достижения целей уголовной политики советского государства — безопасность общества от классовых врагов и перевоспитание трудящихся. Для борьбы с классовыми врагами он достаточно либерален, тогда как в отношении неустойчивых элементов из трудящихся, совершившим преступления, весьма суров. В общем

¹ Тезисы о реформе УПК. Постановление коллегии НК РСФСР. С. 1471—1473.

не нормативный акт пролетарского государства, а нечто непонятное, «ни богу свечка, ни черту кочерга».

Новаторство Крыленко состояло в трактовке основания применения мер социальной защиты. Он критиковал действующий УК РСФСР за то, что этот акт безосновательно сковывал волю государства, мешал вести эффективную борьбу прежде всего с социально опасными лицами, которые в любой момент могли совершить преступление. Однако до тех пор, пока они не проявили свою злую волю в конкретном деянии, карательные органы не могут применять к ним меры государственного принуждения. Поэтому идеолог признает необходимым исключить из уголовного законодательства все нормы, мешающие борьбе с преступностью, в той или иной мере защищающие социально опасных лиц, прежде всего нормы, сохранившие «остатки» понятия «вина» и ограничивающие преступное деяние социально опасным действием или бездействием.

Советское государство не может и не должно ждать, когда личность совершит социально опасное деяние, как того требует действующий УК РСФСР, чтобы привлечь ее к уголовной ответственности. *Социальная опасность лица, уверен Крыленко, может проявляться и в формально правомерном поведении.* Личность может быть опасна своими настроениями, оценками советского государства, его действий, может входить в группировки, которые не ориентированы на поддержку советской власти, формируют и распространяют чуждые ей взгляды, настроения, например ведут разгульный образ жизни, а то и вовсе нацелены на совершение противоправных деяний. Личность может представлять социальную опасность своим прошлым поведением, например бывшими связями с преступными сообществами, в том числе входить в запрещенные и расформированные советской властью политические партии.

Каждый, кого государство признает общественно опасным лицом, считает Крыленко, может быть *осужден и изъят из общества до совершения какого-либо общественно опасного деяния, для уголовной профилактики.* Ничего предосудительного в подобной ситуации Крыленко не видит, поскольку принцип сам по себе не нов, известен еще со времен французской революции: ты подозрителен, и этого достаточно для того, чтобы принять против тебя репрессивные меры¹.

Тем самым снимались элементарные гарантии защиты личности от произвола государства, от его намерений признать то или иное лицо преступником и применить меры социальной защиты. Госу-

¹ См.: Крыленко Н. В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // Ежемесячник советской юстиции. 1928. № 23. С. 664.

дарство в целях самозащиты должно было лишить защиты общество, всех его членов и из органа управления делами общества стать органом, господствующим над обществом, определяющим меру его свободы не только при помощи права, но и главным образом за счет полицейских мер, свободного усмотрения карательных органов.

Н. В. Крыленко ратовал за предоставление государству полной свободы в определении явлений, признаваемых преступными. Он не считал нужным даже закреплять в Кодексе исчерпывающий перечень составов деяний, совершение которых влечет за собой меры социальной защиты. Ему достаточно было назвать «по возможности наиболее исчерпывающий перечень преступлений», входящих в соответствующий раздел Кодекса. И что признает государство таковым, то и будет считаться основанием для признания соответствующего лица социально опасным. Последнее же слово в этом процессе реформатор оставляет за судьей.

Руководствуясь Уголовным кодексом, в котором дан лишь ориентировочный перечень оснований для признания лица социально опасным и перечень мер социальной защиты, судья по своему усмотрению станет решать, насколько деяние социально опасно и какой меры заслуживает правонарушитель. Крыленко значительно упрощал и процедуру применения конкретных мер к лицу, признанному социально опасным. Он считал, что «в отношении особо опасных действий реакцией должно быть установлено физическое уничтожение — расстрел, который должен быть декретирован как неизбежная мера самозащиты общества в условиях обостренной классовой борьбы»¹. С либеральной точкой зрения, предлагающей отменить смертную казнь, по мнению Крыленко, должно быть покончено. Хотя смертная казнь является временной мерой, тем не менее она все еще необходима и отказываться от нее пока нет оснований.

Лишение свободы на длительные сроки надлежало считать редким исключением из правила и рассматривать как особый акт милосердия государства к своим врагам. Приговоры, предусматривающие лишение свободы, полагал Крыленко, должны быть, как правило, без определенного срока, до полного исправления осужденного.

Реализация предложенных Крыленко мер в области уголовного права давала основания для перенесения слов «Оставь надежду всяк сюда входящий», помещенных у входа в ад, на советские судебные органы. Ибо они, действуя согласно собственному пониманию социально опасного для общества и государства, могли бы применять меры социальной защиты, которые делали невозможным возвра-

¹ Крыленко Н. В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР. С. 663.

шение осужденного к прежней жизни, навсегда оставляли бы его в кругу репрессированных лиц. Даже если человек полностью перевоспитался, перестал быть социально опасным, в чем нисколько не сомневаются судебные органы, то он все равно мог оставаться там, где отбывал наказание, поскольку суд мог признать *окружающую обстановку неблагоприятной для возвращения осужденного в место его прежнего проживания*.

Уделяя первостепенное внимание разработке столь одиозных законопроектов, Наркомюст еще больше утверждал себя в качестве бюрократического органа, действующего в отрыве от практических задач и потребностей юстиции. Во-первых, он неполно и неточно определял факторы, препятствующие эффективной работе судебных учреждений; во-вторых, игнорировал положения правовой науки о принципах организации и деятельности правосудия; в-третьих, довольствовался недостаточно результативными мерами, не позволяющими получить ожидаемые результаты; в-четвертых, встал на путь проектирования законопроектов «марксистского» развития уголовного, уголовно-процессуального права, заложивших основу законодательных мер террора, использованных в борьбе с кулаками на селе и врагами народа в городе в 1930-х гг.

В то же время условия у судебных учреждений и иных органов юстиции, равно как и качество их работы слабо эволюционировали в направлении, желательном с точки зрения интересов социалистического строительства. Наркомюст, ориентированный на революционное преобразование советского правосудия в целом, оторвался от реальной жизни, пустив решение значительной части текущих вопросов на самотек или на усмотрение местных губернских органов юстиции.

Глава 28. Основные перекосы бюрократического стиля деятельности Наркомата юстиции

Вопреки уверениям Наркомата юстиции о том, что все беды советского правосудия кроются в формализме процессуального законодательства, неизбежно порождающем волокиту, бюрократизм и многочисленные следственно-судебные ошибки, настоящими причинами некачественного советского правосудия выступали объективно: во-первых, непрофессионализм судейского корпуса и технических работников; во-вторых, отсутствие достаточных средств для проведения необходимых судебно-следственных действий; в-третьих, высокая служебная нагрузка; в-четвертых, низкая заработная плата.

Вопрос о непрофессионализме судейского корпуса руководство Наркомюста предпочитало не поднимать, оно верило в способность судей на высоком уровне осуществлять качественное правосудие, полагаясь на собственное, как уверяли идеологи того времени, социалистическое правосознание и классовое чутье труженика при разрешении правовых конфликтов между частными предпринимателями и наемными работниками. «Вполне откровенно, — уверял Я. Л. Берман, — мы и о нашем суде говорим, как о классовом суде, мыслим и строим его именно таким: и знаем, что “беспристрастие” в смысле полного отречения от своих классовых задач, отказа от использований суда как орудия классовой борьбы — в нем мы не будем иметь; и пока не достигнем конечных завоеваний нашей революции, не уничтожим классового общества и не хотим иметь»¹.

Профессиональным судейским кадрам, получившим юридическое образование до революции, партия и Правительство не доверяли по мотивам непринятия ими советской власти и проводимых ею мер, предпочитая непрофессиональных и полуграмотных представителей рабочих и крестьян. XV Съезд партии в своих резолюциях закрепил курс «на орабочивание» суда и прокуратуры, признав изгнание из них последних профессиональных специалистов радикальным средством лечения советского правосудия от волокиты и формализма. В свете этих резолюций партии нарком юстиции Д. И. Курский вынужден был заявить, что «уменьшение в 1926 г. рабочих за счет увеличения количества служащих среди низовых судебно-следственных работников должно быть признано не отвечающим задаче усиления классовой линии в деревне и в ближайшем году нужно добиться в этой области решительного перелома»².

Курс Наркомюста на формирование судейского корпуса из рабочих и крестьян без профессионального образования и даже без надлежащей общей культуры стал возможен благодаря бюрократическому подходу к данной проблеме, основанному на субъективных представлениях партии и руководства наркомата о возможности создать качественно совершенное социалистическое правосудие силами малограмотных представителей рабочих и крестьян. Успешным проведением подобной меры советское правосудие было отброшено далеко назад, во времена средневекового Московского государства, довольствовавшегося правосудием, отправляемым за неимением лучших полуграмотными лицами с церковным образованием.

¹ Берман Я. Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР. М., 1924. С. 49.

² Курский Д. И. XV съезд ВКП(б) и органы юстиции. С. 2.

Прогресс в правосудии, достигнутый к началу XX в., характеризовался признанием демократическими буржуазными государствами, в том числе Россией, того очевидного и бесспорного факта, что действительным правосудием, способным обеспечить идеал справедливого, равного и правового суда, может быть только суд с участием квалифицированных специалистов, имеющих профессиональное юридическое образование, достаточный опыт практической работы и обладающих репутацией высоконравственной личности, гражданина своей страны.

Правосудие включает в себя совокупность достаточно сложных эвристических задач, связанных с толкованием действующего законодательства, достоверным уяснением сути жизненных обстоятельств и деяний, образующих содержание юридического конфликта, логически верным осуществлением квалификации в целях установления юридической природы рассматриваемого дела, а затем — с принятием обоснованного, юридически правильного и справедливого решения. При этом судья не имеет права на ошибку ни на одной из стадий судебного процесса.

Только безошибочное рациональное познание гарантирует успех финальной стадии судебного процесса, однако и ее следует проводить безошибочно, используя достоверные данные, полученные на предшествующих стадиях судопроизводства. Если сапер может ошибаться лишь один раз в жизни, то судья не имеет и этого права, поскольку каждой его ошибкой умаляются права и интересы потерпевших от правонарушения и теряется вера в способность правосудия восстанавливать справедливость. Высокое предназначение правосудия как защитника права и справедливости было осознано еще в эпоху рабовладения, в том числе авторами Библии, которые отмечали, что судьи творят не суд человеческий, но суд Господа; и *Он* с ними в деле суда¹.

Способности человека достойно вершить правосудие не являются прирожденными; необходимые начальные знания, навыки и умения приобретаются в процессе обучения в специальном учебном заведении, в современный период — в высшем учебном заведении. Отнюдь не случайно Западная Европа уже в XVI в. покрылась сетью университетов, в составе которых непременно создавались юридические факультеты, а Александр I в начале XIX в. издал указ, согласно которому судебские и иные юридические должности могли занимать только лица, имеющие специальное юридическое образование. Программа же юридического факультета неизменно вклю-

¹ См.: Библия, Синодальный перевод. 2-я книга Паралипоменон 19:6.

чала в себя наряду с юридическими дисциплинами общеобразовательные: философию, историю, логику в целях формирования у будущих судей представлений о мире, обществе, их бытии и закономерностях развития, логически правильного мышления и даже навыков высоконравственного поведения. Ибо без установок на высоконравственную деятельность суд может превращаться только в свою противоположность — в шемакин суд, лишая общество и индивидов возможности защищать свои права и свободы.

Малограмотные выходцы из крестьян, рабочих и служащих, волей рока попавшие на должность судей, не были готовы ни по своим знаниям, ни тем более навыкам и умениям к судейской работе, их мышление, лишенное надлежащей теоретической подготовки, становилось в тупик при первой же процедуре, требующей четкого понимания сути соответствующего юридического института, его нормативного закрепления советским законодательством и юридической природы рассматриваемого конфликта. В результате ошибки допускались по элементарным судейским вопросам.

По итогам изучения составленных следственными органами в 1926 г. обвинительных заключений и постановлений о прекращении дел прокурор при наркомате Дергачев пришел к выводу: одна из ошибок заключается в том, что следователи не имеют четких представлений о признаках, отличающих преступное деяние от правомерного и малозначительного, не представляющего большой общественной опасности, и привлекают обвиняемых к ответственности без достаточных к тому оснований. В конечном счете истина по делу устанавливается в суде ценой волокиты, беспцельного таскания в суд свидетелей и иных причастных к делу лиц и вынесения оправдательных приговоров.

Другая распространенная ошибка следователей, по мнению Дергачева, обуславливается неумением составлять обвинительные заключения. Следователи не знают требований, которыми должен отвечать этот итоговый документ следствия, либо не обладают надлежащими навыками его подготовки. В обвинительных заключениях отсутствует полное и четкое изложение обстоятельств дела. Нередко нет даже точных данных, изобличающих обвиняемого в преступлении, в то же время в этих заключениях много общих мест, ненужного подробного пересказа показаний всех свидетелей, встречаются описания действий следователя и даже приводится его личное мнение по поводу правдоподобности тех или иных показаний участвующих в деле лиц. При этом формулировка обвинения не всегда совпадает с формулировкой, изложенной в резолютивной части. Так,

в описательной части обвинительного заключения констатируются хулиганство и сопротивление милиции без насилия, а в резолютивной части деяние квалифицируется уже как сопротивление власти с применением насилия.

Третья ошибка — неправильная квалификация преступлений, неумение отличить один состав преступления от другого. Большая часть ошибок приходится на квалификацию преступлений, связанных с сопротивлением власти, насилием и превышением власти. Из всего этого Дергачев делает обоснованный вывод о том, что основную причину неудовлетворительности качественной стороны следственной работы нужно искать несомненно в *недостаточной квалификации личного состава следственного аппарата*¹.

Эта же причина порождает многочисленные судебные ошибки, о чем свидетельствует, как говорилось ранее, большой процент отмененных кассационной и надзорной инстанциями приговоров и решений по гражданским делам. Однако следует учитывать, что на названных стадиях советского правосудия не ставилась задача полного и всестороннего изучения дел: предметом исследования по уголовным делам согласно ст. 413 УПК РСФСР выступали лишь четыре аспекта: недостаточность и неправильность проведенного следствия, существенное нарушение форм судопроизводства, нарушение или неправильное применение закона и явная несправедливость приговора. При более детальном изучении дел, в частности уровня и техники доказывания достоверности совершенного деяния и его общественной опасности, число ошибок, допущенных судами, могло заметно возрасти.

Таким образом, практика формирования судейского корпуса из малограмотных крестьян и рабочих стала возможной благодаря *бюрократическому, субъективному отношению* к данной проблеме руководства Наркомюста, ошибочно отдававшего приоритет классового подхода этим выходцам из рабочих и крестьян перед профессиональным юридическим образованием и пытавшегося укрепить в стране законность посредством суда, не способного провести эту самую законность в своих приговорах и решениях.

Несомненно, руководство Наркомюста не могло не понимать, что низкий профессиональный уровень судей и иных работников юстиции, пытающихся искоренить беззаконие, порождал болото судейского беззакония, которое можно было осушить единственным путем — введением профессионального обучения сотрудников юсти-

¹ См.: Дергачев. Итоги изучения качественной стороны обвинительных заключений // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1461—1465.

ции, в первую очередь судей. Однако, как оказалось впоследствии, в конце 1930-х гг., Наркомюст этим делом занимался плохо. Подобная оценка, данная Н. Горшениным в статье «Коренным образом улучшить подготовку кадров», мотивировалась «вредительством на важнейшем участке подготовки и переподготовки работников юстиции», последствия которого «остро чувствуются в таких решающих вопросах, как обеспечение учебных заведений профессорско-преподавательским составом и обеспечение учебной и научной литературой по вопросам государства и права»¹.

Вредительство, которое Н. Горшенин приписывает бывшему руководству Наркомюста СССР, отражает особенность политического мышления того времени, когда поиск вредителей составлял ведущее направление научной и практической работы советских юристов. В действительности Наркомюст СССР, возглавляемый Н. В. Крыленко, не занимался вредительством, но явно продолжал применять бюрократический подход к проблеме подготовки юридических кадров, исторически сложившийся в недрах Наркомюста РСФСР еще в период нэпа. Положение о Наркомате от 1923 г. не возлагало на него обязанности управлять учебными юридическими учреждениями в РСФСР, равно как и не предоставляло права по своей инициативе создавать юридические образовательные учреждения и подготавливать в них кадры юстиции. В компетенцию наркомата входило лишь участие в выработке программ и учебных планов юридических школ и правовых отделений факультетов общественных наук, а также создание краткосрочных курсов для судебных работников, в организации которых наркомат не показал большого усердия, возложив эту работу на областные, губернские исполкомы и за счет местных бюджетов.

Следуя презумпции способности судей из трудящихся масс выносить справедливые решения на основе социалистического правосознания и творческого применения классового подхода, руководство Наркомюста не выказывало ни в печати, ни в выступлениях особой озабоченности состоянием профессионального юридического образования в стране, отсутствием широкой сети высших юридических учебных заведений. Чуть раньше, в конце 1922 г., принимается решение об открытии областных юридических курсов, а при Наркомюсте годичных Высших юридических курсов (ВЮК), на которые в 1923 г. были приняты 83 слушателя. Наркомат признавал возможным удовлетворить свои потребности в квалифицирован-

¹ Горшенин Н. Коренным образом улучшить подготовку кадров // Советская юстиция. 1938. № 5. С. 24. В журнале неверно указан инициал К. П. (Константина Петровича) Горшенина, занимавшего в то время пост начальника управления учебными заведениями Наркомата юстиции СССР.

ных юридических кадрах посредством организации единственного в стране одногодичного юридического вуза — ВЮК и сети областных и губернских курсов. Этот подход нашел официальное выражение в решении V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции от 15 марта 1924 г. и решении коллегии Наркомюста «О ВЮК и правовых отделениях факультетов общественных наук» (апрель 1924 г.). В частности, коллегия сочла возможным потребности учреждений суда и иных органов юстиции в сотрудниках, получивших специальную юридическую подготовку, удовлетворять собственными силами. В постановлении было сказано: «Ввиду необходимости иметь классовый состав основных кадров судебных работников сохранить в Москве Высшие юридические курсы с тщательно подготовленным составом преподавателей и с обязательной службой курсантов по окончании курсов. Увеличить число курсантов не менее как до 100 человек. Не возражать против сохранения областных и губернских юридических курсов для инструктирования нарсудей и других местных работников юстиции. Для пополнения кадров квалифицированных техников — советских юристов (следователей, нотариусов, консультантов) считать достаточным существование трех правовых отделений факультетов общественных наук: в Москве, Саратове и Иркутске»¹.

Позиция Наркомюста была реализована Декретом СНК от 8 августа 1924 г., которым были закрыты факультеты общественных наук в Ленинградском, Ростовском и Саратовском университетах, а правовые отделения были сохранены в Московском, Иркутском и Средне-Азиатском университетах. Более того, позиция Наркомюста в части подготовки юридических кадров получила одобрение Президиума ВЦИКа. Циркуляром ВЦИКа от 23 июля 1925 г. Президиум ВЦИКа признал, что наиболее целесообразным средством подготовки судебных кадров предстает организация при каждом краевом, областном и губернском суде и соответствующих судах автономных республик краткосрочных юридических курсов для поднятия квалификации низовых судебно-следственных работников и для преподавания необходимых знаний в области советского права рабочим и крестьянам, выдвигаемым местными советскими, партийными и профессиональными организациями на судебную работу. Имея в виду, что надлежащее проведение в жизнь революционной законности зависит в большой мере от знания и понимания права низовыми работниками на местах, Президиум ВЦИКа рекомендует принять все необходимые меры к надлежащей организации губернских юридиче-

¹ О ВЮК и правовых отделениях факультетов общественных наук // Ежедельник советской юстиции. 1924. № 17. С. 402.

ских курсов в смысле достаточных на этот предмет ассигнований и снабжения другими материальными средствами¹.

В развитие тезиса, изложенного в акте, Наркомюст издал циркуляр от 6 октября 1925 г. №198 «Об организации краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке низовых работников юстиции», предложив названные курсы создавать на уровне губернских, областных, краевых исполкомов и за их счет. Роль наркомата в этом процессе свелась к формированию структуры программы курсов и в определении порядка деятельности курсов. Обучение на курсах ограничивалось тремя месяцами и завершалось испытанием слушателей по пройденным предметам, но в типичной для наркомата манере — ни порядок, ни форма испытания не были установлены.

Таким образом, неприятие буржуазной правовой науки Н. В. Крыленко и его единомышленники последовательно переносили на юридическое образование, полагая, что усвоение догмы буржуазного права советскими специалистами будет не приводить к марксистской теории права и опыту ее практического воплощения в системе советского права, а уводить от них. Поэтому вполне логично, что при таком подходе они видели выпускников факультетов общественных наук только в роли технических исполнителей. Классовое же воспитание тех, кто имеет ведущие юридические специальности, могут получить только в ВЮК и на краткосрочных областных, губернских юридических курсах.

Как видим, Наркомюст вновь мыслит односторонне, утверждая классовый подход в качестве гаранта качественного юридического образования, и признает второстепенными (повторим их еще раз) навыки толкования права, установления достоверности юридических фактов, квалификации и принятия справедливого и обоснованного решения. Лишь в обыденном сознании можно с легкостью необыкновенной решать самые запутанные дела, тонда как в действительном правоприменении без них не может обходиться ни один юрист, в том числе Крыленко. Выступавший на многих политических процессах в качестве «талантливового» государственного обвинителя, способного благодаря классовому подходу творить разного рода чудеса в политических оценках события, он, не владея в должной мере юридической правоприменительной техникой, допускал множество нарушений элементарных требований правоприменительной техники, ставящих под сомнение правомерность вынесенного по итогам процесса обвинительного приговора.

¹ См.: Циркуляр № ПУ 85/199 от 23 июля 1925 г. // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 38—39. С. 1267.

Избранные обвинительные речи Крыленко, изданные большими тиражами как образец талантливо произнесенного судебного обвинения, убедительно свидетельствуют и о другой стороне медали — о беспомощности его юридического мышления, которое в ряде случаев, подобно корове на льду, неуклюже скользит по поверхности факта и не способно проникнуть в его сущность и в итоге обеспечить вынесение достоверного, обоснованного и справедливого приговора.

В речах Крыленко весьма охотно и часто использовал следующие два приема оценки доказательств: обязанность доказывать невиновность подсудимого обвинитель перекладывал на самого подсудимого и признавал факт недостоверным по мотивам... его логической невозможности. Так, на процессе по Шахтинскому делу вредительскую деятельность инженера Чернокнижников Крыленко обосновал тем, что подсудимый сам сознался в порче турбины на Петропавловском руднике, следовательно, допускал и иные факты бесхозийственности. Крыленко спрашивает, что могло остановить вредительскую деятельность подсудимого. «Нравственный перелом? Из каких мотивов? По какому поводу? Говорят, Чернокнижников тяготился... Почему не тяготился, когда испортил Петропавловскую турбину?»¹. Коль скоро ответ на эти вопросы обвиняемый *дать не может*, значит, виновен и по другим фактам вредительства, в которых он просто не сознается.

В процессе по делу Союзного бюро меньшевиков Крыленко нужно было опровергнуть свидетельства зарубежной прессы о том, что признательные показания подсудимых даны под пыткой, т. е. с применением физического насилия. Чтобы дезавуировать эти «домыслы», государственный обвинитель на процессе должен был как минимум спросить подсудимых об их отношении к этим сведениям. Но такой «провокационный вопрос» мог дать и нежелательные результаты, поэтому нужные доказательства Крыленко добыл чисто логическим путем.

«Я думаю, — говорил он, — конечно, есть предел фантазии, есть предел бессмыслице, и должен быть предел неуважения со стороны Абрамовича к тем, кто его читает и кто его слушает. Ведь не полагает же он, что круглые идиоты слушают его, или же он полагает, что идиотов в Западной Европе столько, что найдется довольно таких, которые поверят всему этому, или же он полагает вообще, что только идиоты приходят слушать его сообщения»². Однако опровер-

¹ Экономическая революция в Донбассе. М., 1928. С. 221.

² Речь государственного обвинителя по процессу о контрреволюционной организации меньшевиков // Советская юстиция. 1931. № 7—8. С. 44.

жение фактов голословным уверением о том, что их не может быть в условиях советского государства, не имеет доказательственной силы, поскольку суть доказывания сводится к удостоверению невозможности существования соответствующих фактов в данном конкретном случае и относительно подсудимых в данном процессе. А их у государственного обвинителя нет и не могло быть, истина все же была на стороне зарубежных газет.

Итак, классовый подход, в котором Крыленко видел панацею от всех бед правоприменительной техники, не спасает его от ошибок, недозволительных даже для начинающего прокурора, действующего по канонам науки уголовного процессуального права. С одним классовым подходом и игнорированием принципов и норм уголовного процесса, как показал дальнейший ход развития советского правосудия, Наркомюст вкупе с партией и Правительством не утвердили подлинного права в сфере уголовной политики, но получили большой террор и массовые репрессии.

Таким образом, сфера юридического образования явилась жертвой бюрократического стиля управления Наркомюста. Субъективный подход руководителей наркомата к этой сфере выразился в непонимании значения классического юридического образования в деле подготовки квалифицированных юридических кадров, развале системы высшего юридического образования и культивировании сети областных, губернских курсов.

В конечном счете подобная политика привела к таким негативным последствиям, как сохранение вплоть до 1950-х гг. дефицита квалифицированных юридических кадров и некачественное правосудие, фактическое уничтожение высшего юридического образования в стране, профессорско-преподавательского состава вузов и прекращение научных исследований проблем советской правовой науки. Поэтому вполне правомерно задача ликвидации до конца «последствий вредительского крыленковского руководства в постановке правового образования» рассматривалась в качестве первоочередной для поднятия юридического образования на уровень, обеспечивающий образцовую работу судебно-прокурорских органов¹.

Еще одной жертвой бюрократического стиля управления Наркомата стали сотрудники судебных учреждений, прокуратуры и иных органов юстиции, не получавшие соответствующую их труду заработную плату, но вынужденные постоянно, изо дня в день выполнять сверхурочную работу за пределами установленного Консти-

¹ См.: Подготовка кадров — на уровень требований Сталинской Конституции // Советская юстиция. 1938. № 5. С. 23.

туцией восьмичасового рабочего дня. Как говорилось ранее, заработная плата в сфере юстиции заметно уступала заработной плате в исполкомах местных Советов и значительно отличалась от окладов в учреждениях, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Позицию Правительства и руководства Наркомюста по вопросу о размерах заработной платы высказал Н. В. Крыленко на V Всесоюзном съезде деятелей юстиции. В частности, он отметил, что на заработную плату 16 449 штатных единиц к 1 октября 1924 г. отпускается 339 412 руб. золотом, т. е. по 20 руб. 63 коп. на работника. Однако удалось добиться установления нормы в 50 руб. на единицу, но для этого требуется сокращение штата до 10 тыс. человек, на что имеется специальное постановление Совнаркома. В то же время, чтобы довести норму заработной платы на штатную единицу до 54 руб., нужно провести дальнейшее сокращение численности до 9 тыс. единиц. Съезд нашел предложения докладчика убедительными и проголосовал за сокращение штата губсудов и губпрокуратуры на 1300 человек¹. Повышение заработной платы за счет увеличения служебной нагрузки, таким образом, не является изобретением нынешнего российского руководства, подобная мера, оказывается, успешно применялась еще в первые годы советской власти.

Политику установления повышенной нагрузки на сотрудников юстиции переняли местные Советы, на бюджет которых были переведены народные суды, определив для них участки с обширной территорией. Если в конце 1922 г. в РСФСР имелось 3176 участков нарсудов, то к началу октября 1923 г. их количество уменьшилось на 20% (621 участок). Соответственно в среднем по Республике один участок обслуживал 32 572 человека, при этом на каждый участок приходилось 4—5 волостей². Зарботная плата судей составляла 32 руб. зол., секретаря — 19 и курьера — 5 руб. В ряде губерний народные суды были переведены на бюджет уездов, что заметно сказывалось на заработной плате в сторону ее уменьшения³. По данным Бранденбургского, приведенным в докладе на V Всероссийском съезде деятелей

¹ См.: *3-ев С. V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции* // Ежедневник советской юстиции. 1924. № 12—13. С. 286.

² В 1914 г. в России действовало судебных участков больше в 5 раз, нежели в РСФСР в 1924 г., — 10 980 участков. При этом каждый участок обслуживал менее одной волости. В результате если в РСФСР в 1924 г. на один участок приходится 1462 кв. версты, то в 1914 г. — 290 кв. верст. (См.: *Бранденбургский. V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. Доклад «Народный суд РСФСР, его нужды и очередные мероприятия для надлежавшей его постановки»* // Ежедневник советской юстиции. 1924. № 11. С. 260.)

³ См.: Сводный отчет о деятельности губернских и народных судов РСФСР за четвертую четверть 1923 г. С. 328—329.

юстиции, в подавляющем большинстве мест в связи с переводом на местный бюджет материальное положение нарсуда резко ухудшилось, особенно там, где нарсуд переведен на бюджет уезда. «Средний заработок народных судей в феврале 1924 г. равнялся 32 руб., средняя цифра на канцелярские и хозяйственные расходы — 10 руб. Против этого нужно возражать самым *решительным образом*, ибо здесь создаются такие взаимоотношения между нарсудом, уисполкомом и губисполкомом, из которых ни один народный суд не может выйти с честью». Реальный выход из этого положения докладчик видел в переводе нарсудов на государственный бюджет¹.

Однако в резолюциях Съезда желания действовать «решительным образом» заметно поубавилось. Было признано, что Наркомюсту следует лишь «стремиться к переводу народного суда на государственный бюджет или, по меньшей мере, добиться на ближайшее будущее специальной дотации, как на нарсуды по отдельным губерниям, где местный бюджет не может удовлетворить минимальных потребностей нарсуда, так и на организацию выездных сессий нарсудов. Вместе с тем Съезд считает совершенно недопустимой установившуюся практику перевода нарсуда на бюджет уисполкомов и даже волисполкомов, что противоречит статье 29-й Положения о судостроительстве и до чрезвычайности затрудняет работу нарсудов. Съезд поручает Наркомюсту провести решительную борьбу с этой практикой»².

Итак, согласие Съезда было дано только на решительные действия Наркомюста против решений губисполкомов о переводе народных судов на бюджет уисполкомов и волисполкомов, однако трудно сказать, к каким последствиям привела «решительность» на этом уровне. По крайней мере победные реляции по этому поводу официально не издавались. Известно лишь, что в конце 1924 г. из штатного расписания губсудов и губпрокуратур была изъята должность кучера, высокое губернское начальство должно было ходить пешком либо содержать кучера за счет кредитов, отпускаемых на оплату проезда работников по службе³. А народные суды были переведены на государственный бюджет не ранее 1938 г., но уже иными руководителями Наркомюста, без участия и Н. В. Крыленко, и Д. И. Курского.

При низкой заработной плате нагрузка судей была весьма высокой, от них требовалось оперативное рассмотрение всех уголовных и

¹ См.: *Бранденбургский*. V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. Доклад «Народный суд РСФСР, его нужды и очередные мероприятия для надлежащей его постановки». С. 260.

² Резолюции V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. С. 304.

³ См.: Циркуляр № 229. Об оплате труда кучеров за счет кредита по смете НКЮста // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 51. С. 1241.

гражданских дел, возникающих на территории участка, за исключением дел, отнесенных к подсудности губсудов. В среднем в течение октября—декабря 1923 г. народный судья рассматривал 44 уголовных дела и 11 гражданских дел. Из месячного бюджета рабочего времени народного судьи примерно шесть дней приходились на выполнение обязанностей по общественной линии и 18 дней — для непосредственной судейской работы, продолжающейся не менее 10 часов в день, при условии, что на одно дело затрачивалось не более полутора часов. На подготовку дела к рассмотрению отводилось полчаса, столько же на судебное следствие и 15—20 минут — на написание текста приговора или решения по гражданскому делу¹.

О каком качестве судопроизводства можно говорить, если для судебного следствия, судебных прений и последнего слова подсудимого уделяется полчаса, когда при нормальной работе за этот отрезок времени в лучшем случае можно было лишь установить наличие сторон, их представителей, свидетелей и экспертов либо заслушать показания одного свидетеля или подсудимого. Невозможно за 20 минут написать качественно совершенный приговор, отражающий всю совокупность вопросов, предписанных ст. 324 УПК РСФСР.

Большая служебная нагрузка при низкой заработной плате органично дополнялась недостаточными материальными ресурсами на проведение процессуальных действий привлеченными специалистами на платной основе. У судебно-следственных органов оказались четыре статьи таких расходов: командировки; доставка повесток о явке к следователю или в суд; проведение судебных и бухгалтерских экспертиз; канцелярские расходы. Они финансировались на равных нищенских основаниях, в чем честно признался Крыленко на V Всероссийском съезде деятелей юстиции. С хозяйственно-операционными расходами, сказал он, вопрос обстоит следующим образом. К октябрю 1923 г. сумма этих расходов выражалась цифрой 270 тыс. руб. в месяц. Перед январем произошло жесткое сокращение бюджета. 270 тыс. руб. были сведены до 170 тыс. руб., причем на путевое довольствие по выездным сессиям удалось получить 20% заработной платы. При таких жестких нормах органам юстиции придется существовать и впредь. Шансы улучшить материальное положение имели лишь народные суды, однако и они оказались эфемерными².

Наглядными иллюстрациями того, к чему приводило на практике подобное финансовое обеспечение, выступают многочисленные письма в редакцию журнала «Еженедельник советской юсти-

¹ См.: Кулюсов. За поднятие пропускной способности и качества работы в судах // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 34. С. 794.

² См.: 3-ев С. Указ. соч. С. 286.

ции». Одно из таких писем уже приводилось в гл. 25. Оно было от следователя И. Федорова из Псковской губернии: он объяснял, как затруднения в области материального и финансового обеспечения влияют на продуктивность его работы.

Аналогичные затруднения торпедируют успешную деятельность народного судьи. По образному выражению народного судьи И. Цвинева, судебный сотрудник представляет собой измученную работой клячу, которая, конечно, «везет» плохо и которую за это «охлаживают», что называется, в два кнута. Поэтому вполне правомерна высокая текучесть кадров. Мой участок, признается автор, «в течение 14 месяцев имел шесть нарсудей и, кажется, четырех или пять секретарей. Результаты налицо: завал дел, расстройство, неналаженность работы»¹. Технический персонал народного суда в целях экономии средств сводится нередко к одному секретарю, получающему нищенскую заработную плату в пределах 10 руб.

В период нэпа одной из причин волокиты выступала «безалаберность со вручением повесток о явке к суду и следствию». По данным прокурора Новгородской губернии Санина и председателя Новгородского губсуда, за шесть месяцев 1926 г. из-за невручения повесток и из-за отсутствия сведений об их вручении суды Новгородской губернии откладывали 1 раз 1926 дел; 2 раза — 677; 3 раза — 257 дел; свыше 3-х раз — 119 дел. Основная причина безалаберности состоит в том, что не отлажен механизм доставки повесток и получения судом достоверных сведений об их вручении адресатам. Широко практикуемый способ доставки повесток через волостные и сельские исполкомы приводит к тому, что «повестки либо вовсе не вручаются... либо за рюмку водки или просто по дружбе на повестке учиняется надпись о выбытии неизвестно куда вызываемого»². Между тем действенных мер для решения проблемы судебно-следственных повесток Наркомюст не принимает, для него этой проблемы как бы не существует.

Наркомюст не установил даже централизованного порядка снабжения народных судов официальными текстами законов, помещаемыми в «Собрании узаконений». «Еженедельник советской юстиции» как журнал, призванный оказывать методическую и консультационную помощь народным судьям и сотрудников иных органов юстиции, не считал возможным организовать подготовку и издание серии популярных брошюр по актуальным вопросам судебной прак-

¹ Цвинев И. Мысли и пожелания народного судьи // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 16. С. 374.

² Санин, Юров. На борьбу с волокитой и бюрократизмом в органах следствия и суда // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 16. С. 479.

тики, хотя потребность в них у полуграмотных, непрофессиональных судей была весьма высокой. В результате судьям приходилось разрешать дела на основании утративших силу законов или отдельных норм права, что являлось также источником волокиты, поскольку все такие судебные решения подлежали беспспорной отмене кассационной инстанцией¹.

Наркомюсту было неведомо понятие нормы предельно допустимой трудовой нагрузки на работника и вообще конституционное право работника на восьмичасовой рабочий день. Нормированием труда сотрудников юстиции Наркомюст совсем не занимался, презюмируя, что все дела, возникающие в пределах должностных обязанностей судей, следователей, прокуроров, они должны исполнять безоговорочно, на высоком уровне и как можно быстрее, без волокиты.

Кадровая политика наркомата мало чем отличалась от кулацкой. Понятие продолжительности трудового дня у наркомата было аналогично понятию у кулака-эксплуататора: следует работать ровно столько, сколько требуется для выполнения всей необходимой работы. Нужно трудиться 12 часов, значит, рабочий день продолжается 12 часов, нужно 16 часов — будь добр, отработай все 16 часов и, что характерно, без всяких претензий на дополнительную плату. Наркомат без зазрения совести взваливал на плечи судей, прокуроров, следователей любую дополнительную работу, потребность в которой возникала в головах его руководителей. Так, на начало 1928 г. народные судьи участвовали преимущественно в качестве председательствующих в комиссиях по взиманию ренты, промыслового и подоходного налога, в наблюдательной комиссии при губизоляторе, при труддоме правонарушителей-молодежи, в комиссии по делам несовершеннолетних, в земельной комиссии и др. Члены губсуда обязывались присутствовать в 18 комиссиях в течение 563 человеко-дней в году². Кроме того, судьи обязаны были вести правовую пропаганду, периодически отчитываться о своей работе перед населением, давать консультации по правовым вопросам исполкомам местных Советов, общественным объединениям и организациям и др.

Наркомюст в своих циркулярах и иных нормативных документах причины волокиты сводил к субъективным факторам, к ненадлежащей организации следователями и народными судьями их работы и игнорированию объективных причин, обусловленных недо-

¹ См.: Цвинев И. Указ. соч. С. 373.

² См.: Ш-н Г. Необходимо сократить количество представительств судебных работников во вневедомственных комиссиях и совещаниях // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 427—428.

статочным материальным финансированием судебных учреждений и иных органов юстиции, непомерно большим объемам служебной нагрузки. При этом большая служебная нагрузка выступала объективным фактором, инициировавшим некачественную работу суда, тогда как отсутствие необходимых материальных условий служило объективным источником и волокиты, и некачественной работы.

Односторонность и субъективизм управленческой деятельности Наркомюста выражалась в том, что он, обязывая судей и следователей неуклонно выполнять законы, инструктивные указания и циркуляры без надлежащего кадрового и материального обеспечения, тем самым порождал условия для массовых нарушений законности органами юстиции, вынужденными незаконными путями, посредством неисполнения необходимых процедур или заметного их упрощения добиваться результатов предписанных сверху. Наркомат, систематически не выполняющий свои функции органа управления, призванного обеспечивать в первую очередь надлежащие материальных условия органов и учреждений, был первым и основным источником нарушений законности в системе правосудия, против которых он фарисейски выступал в своих циркулярах и публичных заявлениях.

Кроме прочего, бюрократизм Наркомюста проявлялся в сфере организации и контроля. Если по вопросам материального обеспечения наркомат ответственность делил с Правительством, желавшим иметь дешевую юстицию, то неуспех в сфере организации и контроля лежал полностью на Наркомюсте без перевода на другие органы государственной власти. Согласно п. «в» ст. 3 Положения о Наркомате юстиции от 1 февраля 1923 г. на отдел судоустройства и надзора возлагались задачи проведения ревизии и инспектирования судебных учреждений, следственных органов, нотариата и судебных исполнителей, а также проектирование инструкций и циркуляров в разъяснение узаконений, действующих в сфере правосудия.

По смыслу комментируемого предписания контроль и надзор наркомата за системой органов юстиции имеет два уровня. Первый — выявление недостатков, ошибок, допускаемых судьями и иными работниками сферы правосудия вследствие недостаточного профессионализма, невнимательности, халатности и по иным причинам. Второй уровень — определение как субъективных, так и объективных причин ошибок и упущений, обнаруженных в ходе обследования. При этом анализ причин надлежало довести до оценки эффективности управленческих решений, инструкций, циркуляров, принимаемых наркоматом, а также губернскими судами, в целях

установления уровня результативности, плодотворности их воздействия на управляемую систему.

Выявление ошибок, недостатков и порождающих их причин в системе правосудия не было самоцелью ревизий, обследований, а служило лишь объективным свидетельством реального положения дел в системе органов юстиции и основанием для принятия научно обоснованных мер, в том числе издания инструкций, циркуляров по оптимизации системы в нужном направлении для решения поставленных партией и Правительством задач. В необходимых случаях информация об ошибках и недостатках системы должна была служить базой для подготовки предложений по совершенствованию законодательства.

В организации следовательской работы учреждений юстиции Наркомюст, однако, допустил существенную ошибку, ориентируя проверки главным образом на оценку результатов деятельности сотрудников органов юстиции и допущенных ими нарушений. Инструкция «О порядке производства ревизий нарсудов губернскими судами» от 9 мая 1924 г., утвержденная наркомом юстиции Д. И. Курским в циркуляре № 68¹, предписывала в качестве предмета обследования брать все аспекты работы суда (судебную, административно-хозяйственную деятельности и внутренний трудовой распорядок) и ориентировала ревизоров на выявление лишь реального состояния дел на обследуемом объекте.

Ревизоры обязывались изучать общие условия труда, судебную деятельность по уголовным и гражданским делам, нотариальную деятельность суда и работу канцелярии. Согласно инструкции следовало изучать материальное положение суда, его помещение и взаимоотношения нарсуда с уездными исполкомами, профсоюзами и обязательно устанавливать, пользуется ли суд авторитетом у народных масс. Предписывалось также выяснять, допущена ли волокита, определять уровень соблюдения норм материального и процессуального права. Итоги ревизии надлежало заслушать на заседании пленума губсуда и «по возможности в присутствии народного судьи обревизованного участка».

Инструкция по производству ревизии судебных мест от 9 мая 1924 г., утвержденная наркомом юстиции Д. И. Курским и преподанная циркуляром № 69², предназначалась для обследования деятель-

¹ См.: Циркуляр № 68. Инструкция «О порядке производства ревизий нарсудов губернскими судами» от 9 мая 1924 г. // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 19—20. С. 482—484.

² См.: Циркуляр № 69. Инструкция по производству ревизии судебных мест от 9 мая 1924 г. // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 19—20. С. 484—485.

ности губернских судов. Она ориентировала ревизоров на изучение правильности формирования личного состава губсуда, быстроты прохождения дел и нагрузки суда, вплоть до отдельных сотрудников, а также обследование деятельности административно-хозяйственной части суда. Инструкцией предписывалось особое внимание уделять организации и функционированию нотариата, судебных исполнителей, следственных органов, коллегий защитников с точки зрения правильности постановки работы и взаимоотношению губернского суда и народных судов. Однако эта инструкция, как и первая, не требовала непременно установления причин ошибок и недостатков, обнаруженных в ходе обследования.

Следуя требованиям названных инструкций, многочисленные ревизоры народных и губернских судов поставляли обширную и в целом достоверную информацию о состоянии дел на проверяемых объектах и о том, насколько полно, последовательно и плодотворно они следуют нормам и предписаниям закона и указаниям Наркомата юстиции. Однако полученные данные, не доведенные до выявления породивших их причин, не позволяли определить процессы и тенденции, присущие судебной практике и нуждающиеся в корректировке в сторону их усиления либо нейтрализации. Наркомюст лишился возможности узнать реальные запросы и потребности судебной практики во всей их полноте и многообразии и потому односторонне сводил их к субъективным причинам: неумению или нежеланию работников действовать в соответствии с требованиями законов.

Подготовленный согласно этой методе обширный материал, составленный по итогам ревизий Архангельского, Вологодского, Вятского и Ярославских губсудов и опубликованный в «Еженедельнике советской юстиции», содержал массу интересных эмпирических фактов и статистических данных по всем важнейшим направлениям деятельности народных и губернских судов, в том числе об инструкторско-ревизионной работе губернских судов, работе их уголовных и гражданских отделений, народных судов и коллегий защитников¹. Однако вся информация сводилась к констатации сущего без попытки объяснить полученные факты, породившие их причины. Соответственно и рекомендации по совершенствованию практики обследуемых судов практически отсутствуют. А это означает, что и коллегия Наркомюста, рассматривая итоги ревизии, в своем решении ничего, кроме общих фраз, дать не сможет. В этом плане показательной является резолюция 3-го совещания НКЮ РСФСР и

¹ См.: Еднерал И., Елоховский А. Указ. соч. С. 364—370.

НКЮ автономных советских социалистических республик, вынесенная по докладам НКЮ Казахской АССР, Татарской АССР, Башкирской АССР. В этой резолюции в качестве рекомендаций по совершенствованию деятельности комиссариатов даны общие пожелания типа «принятия мер к большему приближению главсуда к населению», «изжития имеющихся недостатков точным исполнением нормы судебно-следственных учреждений, указанных в постановлении Совнаркома»¹.

Вполне правомерно, что позитивные и негативные процессы и тенденции сферы правосудия периода нэпа были выявлены не Наркомюстом, а Наркоматом РКИ СССР и Наркоматом РКИ РСФСР, которые в 1926—1927 гг. провели *комплексную проверку* по теме плана Наркомата РКИ СССР «Низовая сеть судебно-следственных органов и прокуратуры» и выявили большую часть перекосов бюрократической политики в сфере юстиции. Общий вывод проверки неутешителен, поскольку «и суд и прокуратура недостаточно подтянуты под общий уровень запросов нашего строительства... в работе их резко бьют моменты недостаточной связанности с широкой общественностью, преобладают узко-аппаратные методы работы, больно дают себя знать проявления бюрократизма, волокиты, формального отношения»².

Постановлением объединенного заседания коллегий Наркоматов РКИ СССР и РКИ РСФСР от 10 сентября 1927 г. по теме плана НК РКИ СССР «Низовая сеть судебно-следственных органов и прокуратуры»³ были предусмотрены конкретные меры по совершенствованию судебной практики и проведению карательной политики, которые составили суть изменений, проведенных в конце 1920-х гг.: передача следствия в прокуратуру; расширение сети общественных судов в целях освобождения народных судов от мелких дел и частного обвинения; переориентация деятельности прокуратуры с общего надзора на судебный; лишение права пенитенциарных органов по своему усмотрению решать вопросы о досрочном освобождении осужденных к лишению свободы и др.

Названные и другие предложения органов РКИ ясно показали, что Наркомюст не в полной мере выполняет свои функции, по ряду ведущих направлений упустил контроль за системой юстиции и не принимал строгих мер к устранению негативных явлений и процессов. Наркомат признал замечания по обнаруженным недостат-

¹ Резолюция 3-го совещания НКЮ РСФСР и НКЮ автономных советских социалистических республик // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 25. С. 773—774.

² Радус-Зенькович В. Судебная система и прокуратура. С. 829.

³ Ежедневник советской юстиции. 1927. № 39. С. 1222—1224; № 40. С. 1255—1257.

кам справедливыми, предложения по совершенствованию судебной практики обоснованными. Решением коллегии Наркомюста большая часть предложений была рекомендована к проведению в жизнь¹.

В этих условиях претензии Наркомюста на лидирующую роль в сфере юстиции пошатнулись, и он, желая во что бы то ни стало взять реванш, направился по пути проектирования Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов, якобы «полностью» соответствующих марксистско-ленинской доктрине и освобожденных от устаревших норм дореволюционного законодательства². Но в эти честолюбивые планы безжалостно вмешался пресловутый бюрократизм и его неизменные качества: односторонность, левый уклон и незнание реальной жизни — в результате ничего стоящего не получилось, вновь гора родила мышь.

Проекты так и остались в архивах комитетов законотворческих органов, не понятые и не поддержанные законодателем по мотивам их несоответствия принципам законности советского государства периода нэпа и явной беззащитности личности перед его карательными органами. Наркомюст дискредитировал себя в глазах общественности и государства настолько, что партия решила на крайнюю меру — смену его руководителя. Д. И. Курский 16 января 1928 г. уступил свой пост М. Н. Янсону, даже не имевшему юридического образования, но зарекомендовавшему себя в Наркомате РКИ СССР как энергичный и инициативный работник.

Партия, видимо, поверила наркомату в том, что профессиональных юристов можно успешно замещать лицами без специального образования, и решила в порядке эксперимента назначить на пост первого юриста Республики человека с общим начальным образованием. Эксперимент оказался неудачным. Янсон через два с половиной года, в сентябре 1930 г., был переведен на пост заместителя председателя СНК РСФСР, а все последующие наркомы и министры юстиции РСФСР назначались только из лиц с высшим юридическим образованием.

Таким образом, Наркомюст, успешно стартовавший с реформ системы судебных учреждений и иных органов юстиции, принявший активное и решающее участие в формировании системы советского кодифицированного законодательства, в дальнейшем превратился в

¹ См.: Меры по проведению в жизнь предложений НК РКИ по обследованию низовой судебно-следственной сети // *Еженедельник советской юстиции*. 1928. № 2. С. 54.

² См.: Проект УПК РСФСР, принятый коллегией Наркомата юстиции // *Еженедельник советской юстиции*. 1928. № 46—47. С. 1180—1194; *Крыленко Н. В.* Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // *Еженедельник советской юстиции*. 1928. № 22. С. 641—643; № 23. С. 661—664.

ординарный бюрократический орган, оторвался от реальных жизненных потребностей и реализующих их процессов, принимал малоэффективные решения, не способные достойно противостоять действию негативных факторов в сфере юстиции, в итоге встал на путь авантюрного проектирования законов, использованных в качестве законодательной базы большого террора. В то же время следует признать, что отнюдь не все, что делал Наркомюст, было ненужным и вредным, как это пытаются показать современные критики советской истории.

Глава 29. Достоинства и недостатки советского правосудия периода нэпа

Советское правосудие периода нэпа представляло собой первую модель советского суда, который формировался сообразно непосредственной демократической природе государства рабочих и крестьян, выражал эту природу и был ориентирован на решение задач социалистического строительства. Правосудие диктатуры пролетариата ушло в прошлое вместе с эпохой, которую оно защищало от вооруженных нападков белогвардейцев при поддержке иностранных интервентов.

Законодателю за достаточно короткий срок, в течение 1922—1923 гг., удалось создать главные компоненты правовой системы периода нэпа: 1) подготовить и принять кодифицированные акты по основным отраслям советского права; 2) определить систему судебных органов, порядок их формирования и функционирования; 3) определить систему органов юстиции, наличие которых является необходимым условием успешного осуществления правосудия. В последующем, учитывая потребности судебной практики, советская власть провела еще три мероприятия исторического значения: 1) легализовала действие традиционных судов народностей Крайнего Севера и Северного Кавказа; 2) создала на демократических началах широкую сеть общественных судов для разрешения малозначительных дел, не требующих государственного вмешательства; 3) обеспечила пропаганду советского законодательства и порядка судебной защиты нарушенных прав личности.

Историческое значение сформированных советским государством систем правосудия и законодательства состоит в том, что впервые в истории человечества трудящиеся, эксплуатируемые массы, которые, по уверениям буржуазных идеологов, не были способны создать эффективную правовую систему, смогли применить буржуазное право и буржуазное правосудие к особенностям общества, строящего

социализм, и использовать эти право и правосудие, чтобы установить устойчивый правопорядок и вовлечь население в социалистическое строительство. Советские идеологи сумели отказаться от лозунгов левых коммунистов и анархистов, не видевших в праве и суде большого прока, в первоочередном порядке подготовили и приняли в 1922—1923 гг. Гражданский кодекс, Кодекс законов о труде, Земельный кодекс, Уголовный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве был принят 16 сентября 1918 г. и продолжал действовать в условиях нэпа.

Творческий потенциал советского законодателя наиболее ярко проявился при формулировании новелл, закрепляющих новый тип отношений в пролетарском обществе, основанных на принципах пролетарского равенства: отсутствие эксплуатации человека человеком и ориентация прежде всего на защиту личных прав и свобод от посягательства со стороны других лиц, а также гарантированность, реальность прав, предоставленных трудящимся массам со стороны государства. Вполне понятно, что в период нэпа советское государство, имея разрушенную экономику, не было способно обеспечивать надлежащим образом предоставленные права, но по мере укрепления экономики оно неизменно и неуклонно расширяло спектр личных прав, что реализовывалось за счет фондов общественного потребления. В частности, в период развитого социализма каждый член советского социалистического общества мог пользоваться на бесплатной основе такими благами, как образование, медицинское обслуживание, жилье, путевки в санатории и дома отдыха, пенсии по старости и инвалидности, пособия по болезни.

В 1917, 1922, 1923 гг. советское государство закрепило демократических прав трудящихся значительно больше, чем все остальные государства земного шара вместе взятые, при этом права и свободы охватывали все сферы жизнедеятельности индивида: право на труд и отдых, право частной собственности, владения и пользования землей; политические права и свободы; право на судебную защиту от посягательств со стороны других лиц и др. «Великий Октябрь произвел крупнейший переворот, революцию, в буквальном смысле слова, в области права, как и во всех других областях», — считал Я. Бранденбургский, один из первых комментаторов и историков советского права. «Новый строй общественных отношений, — писал он, — выковывался и выковывается пролетариатом сочетанием всех ведущих к цели мероприятий, среди которых далеко не последнее место принадлежит революционному праву. Как общие цели и задачи проле-

тариата в его политике не имеют ничего общего с политикой побежденного класса, так и содержание советского права должно резко отличаться от права низвергнутой буржуазии. Не может быть и речи о якобы буржуазном существе нашего права»¹.

Именно советское государство первым или одним из первых конституционно или законодательно:

1) закрепило экономические основы государства трудящихся, исключаящие эксплуатацию человека человеком и предусматривающие отмену частной собственности на землю и передачу земельного фонда трудящимся безо всякого выкупа; объявило национальным достоянием все леса, недра и воды общегосударственного значения, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия, а также декларировало переход всех банков, фабрик и заводов, средств производства и транспорта в собственность государства;

2) наделило трудящихся пассивным и активным избирательным правом, свободой выражения мнений, в том числе с использованием материальных и технических средств, издания газет, брошюр, иной печатной продукции; правом на объединения в общественные организации, полное, всестороннее и бесплатное образование и обязанностью трудиться, поскольку «не трудящийся да не ест!». При этом, что особенно важно, равенство прав признается за всеми гражданами, независимо от расовой и национальной принадлежности, но при условии, что предоставленные права и свободы не должны быть использованы в ущерб интересам социалистической революции;

3) впервые в истории классового общества установило полное равноправие супругов, выразившееся в том, что изменение места жительства одним из супругов не влечет за собой обязанности другого супруга следовать за ним. Любой нуждающийся супруг имел право на получение материального содержания от другого супруга, способного оказывать такую помощь. При вступлении в брак с гражданином другой страны женщина сохраняла гражданство РСФСР. Перемена гражданства могла последовать только по желанию невесты. Все эти положения резко расходились с действовавшим в то время буржуазным законодательством, закреплявшим обязанности жены следовать за своим мужем, равно как и лица женского пола при вступлении в брак с иностранцем следовать гражданству своего мужа;

4) признало равноправие детей, родившихся в зарегистрированном браке и вне брака. Осуществление родительских прав ставилось в прямую зависимость от интересов детей. Родительские права осу-

¹ *Бранденбургский Я.* Советское законодательство на грани второго десятилетия диктатуры пролетариата // *Еженедельник советской юстиции.* 1927. № 43. С. 1336.

ществляются исключительно в интересах детей и при неправомерной их реализации суд может лишить родителей этих прав. Одновременно устанавливалась и встречная обязанность детей содержать своих нетрудоспособных и нуждающихся родителей;

5) гарантировало крестьянам и всем гражданам РСФСР без различия пола, вероисповедания и национальности право на получение земли в трудовое пользование и самостоятельно, по своему усмотрению на решение вопроса о форме землепользования — обрабатывать землю в составе земельного общества либо единолично. Право на землю, предоставленную в трудовое пользование, действовало бессрочно и прекращалось только по основаниям, установленным законом. Это, в частности, добровольный отказ от земли всех членов двора, выморочность двора, прекращение двором ведения самостоятельного хозяйства, переселение двора в другое место;

6) закрепило восьмичасовую продолжительность рабочего дня. Для лиц возраста от 16 до 18 лет, лиц, занятых на подземных работах, а также умственным или конторским трудом, устанавливался шестичасовой рабочий день. При работе в ночное время продолжительность рабочего дня сокращалась на один час. Сверхурочные работы допускались лишь в особых, исключительных случаях и подлежали дополнительному вознаграждению. При этом КЗоТ ограничивал общее время всех сверхурочных работ 120 часами в год и 4 часами в течение двух дней подряд;

7) установило систему социального страхования за счет страховых взносов предприятий, организаций, учреждений, пользующихся наемным трудом. Запрещалось страховые взносы вычитать из заработной платы работников. Подобная мера стала возможной благодаря укреплению финансово-хозяйственного положения предприятий, их способности получать достаточные средства не только для производственной деятельности, но и для возмещения затрат, связанных с выплатами лицам, лишенным необходимых материальных средств по не зависящим от них обстоятельствам;

8) охватило социальным страхованием: а) оказание лечебной помощи, б) выдачу пособий при временной утрате трудоспособности, в) выдачу дополнительных пособий на кормление ребенка, предметы ухода за ним, г) выдачу пособия по безработице, д) выдачу пособия по инвалидности, е) выдачу пособия членам семьи умершего или безвестно отсутствующего работника. Социальной помощи в таком виде в то время не знало ни одно буржуазное государство

В полном соответствии с канонами права советское государство придавало большое значение реальному действию установленных им

прав и свобод личности, иных субъектов права и конституировало правосудие в качестве полезного средства охраны и защиты этих прав и свобод. Как показано ранее, предусматривалось построение правосудия на таких демократических принципах, как доступность, равноправие, публичность, привлечение трудящихся к отправлению правосудия, осуществление правосудия на языках населения, преобладающего в данной местности. Демократические принципы советского правосудия органично дополнялись широкой подсудностью ему дел, призванной обеспечить законность прежде всего в сфере частного права.

Согласно наказу IX Всероссийского съезда Советов «О хозяйственной работе», опубликованному 30 ноября 1921 г., на нарсуды возлагалась обязанность строго наблюдать за частными торговцами и предпринимателями, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но при этом строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов Республики и воспитывая широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового их участия в надзоре за соблюдением законности. Кроме того, от судов требовалось обращать большее внимание на судебное преследование бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности в целях повышения ответственности виновных лиц, а также привлечения внимания трудящихся к этому важнейшему вопросу.

Законодатель прекрасно понимал, что суд из трудящихся не всегда сможет верно разобраться в сути конфликта, связанного с несением воинской службы, хозяйственного, трудового или земельного спора, признал необходимым создать особые суды с участием специалистов по подсудности, ориентированной на определенный вид частноправовых или публично-правовых дел. Благодаря арбитражным, примирительным, земельным комиссиям, а также военным трибуналам стало возможным повысить качество принимаемых ими решений, хотя и ценой отхода от принципов формирования и работы ординарного народного суда, а также заметно снизить нагрузку и без того заваленных делами народных судов.

Советское государство в стремлении создать образцовый советский социалистический правопорядок не могло оставлять без должной государственной и общественной реакции противоправные, но незначительные с точки зрения общественной опасности деяния. В то же время оно не имело обоснованной концепции формирования общественных судов; к ним привела логика борьбы с экономическими, политическими и иными проблемами становления основ со-

ветского социалистического общества. Первые общественные суды возникли в сфере трудовых отношений в качестве средства разрешения конфликтов, неизбежно возникающих при заключении и исполнении коллективных договоров между органами управлениями предприятиями, учреждениями и профсоюзами.

Коллективно-договорная форма регулирования трудовых отношений, закрепленная КЗоТом 1922 г., позволяла отступать от действующих законов в сторону улучшения условий в тарифной части договора, по вопросам приема и увольнения, ученичества и др.¹ Демократический характер процесса заключения договора необходимо предполагал аналогичные способы разрешения возникающих разногласий, которые должны предшествовать обращению заинтересованных сторон в суд. В качестве таковых, как уже говорилось, предназначались три органа: расчетно-тарифные комиссии на предприятиях, в учреждениях; примирительные камеры и третейские суды под руководством Наркомата труда и его местных органов. Благодаря названным органам удавалось справляться со значительной частью трудовых конфликтов. Обращение в народный суд допускалось лишь по спорам, не связанным с заключением и исполнением трудовых договоров.

Позитивные результаты функционирования общественных судов в сфере трудового права сподвигли партию и Правительство на расширение сферы их применения. Можно выделить еще четыре вида негосударственных, но легализованных законодателем в период нэпа судов в качестве альтернативы народному суду. Это: 1) традиционные правовые системы, существовавшие в дореволюционный период; 2) общественные суды в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ); 3) товарищеские (производственные) суды на предприятиях, в учреждениях и колхозах; 4) сельские суды.

Как показано ранее, традиционные правовые нормы разрешалось использовать туземным органам управления малых народов Крайнего Севера и Дальнего Востока согласно постановлению ВЦИКа и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР». Применению подлежали обычаи, не противоречащие советским законам. Подобная мера государства обосновывалась тем, что руководствоваться общим судебным порядком не представлялось возможным вследствие малочисленности населенных пунктов и их значительной удаленности один от другого. Традиционные

¹ См.: *Левиант Ф. М., Паишков А. И.* Трудовое право — регулятор меры труда // 40 лет советского права. Т. 1. Л., 1957. С. 317.

нормы шариата применяли народности Северного Кавказа, исповедующие ислам, по решению местных органов власти, ВЦИК в этой ситуации стойко хранил нейтралитет, не запрещал подобную судебную практику, но и не санкционировал ее.

Некоторые дела решали суды в сфере ЖКХ, которое в силу специфики того времени (острый дефицит жилья, проживание большей части городского населения в коммунальных квартирах, плохое обеспечение водой, электроэнергией, топливом) порождало многочисленные конфликты как между соседями по квартире, так и между жильцами и домоуправителями. Чтобы разгрузить народные суды, заваленные жилищными делами, которые по большей части не стоили «выеденного яйца», постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 7 марта 1927 г. «Об организации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам» все жилищные дела были переданы на рассмотрение примирительно-конфликтных комиссий, действующих при местных Советах.

Для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел законодательными актами РСФСР были образованы товарищеские суды на фабрично-заводских предприятиях, а также в государственных и общественных учреждениях. Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 29 сентября 1930 г. «Об организации сельских судов» в аналогичных целях рекомендовалось образовывать сельские суды в деревнях, селах, иных сельских населенных пунктах.

Создание столь широкой сети общественных и традиционных судов, легализованных советским государством, составляет одну из примечательных и демократических черт правосудия периода нэпа, свидетельствующую о большом потенциале подобных судов в деле укрепления законности и разрешения правовых конфликтов. Во-первых, благодаря общественным судам удалось разгрузить народные суды от массы незначительных уголовных и гражданских дел. Во-вторых, учредить для населения орган общественного правосудия, правомочный и способный своевременно гасить бытовые конфликты до того, как они дорастут до уровня дел, рассматриваемых народным судом. В-третьих, общественный суд предоставлял потерпевшему возможность защитить свое нарушенное право посредством публичного признания общественным судом виновности лица, действовавшего противоправно, и возложения на него обязанности нести юридическую ответственность. В-четвертых, общественные суды представляют собой прообраз суда социалистического общества, который состоит не из официальных чиновников государства, а из членов общества, работает на общественных началах и применяет меры общественного воздействия.

Отсутствие товарищеских судов на уровне муниципальных органов, по нашему мнению, составляет один из заметных недостатков существующей системы правосудия, односторонне ориентированной на государственный, официальный суд, лишаящей общество права рассматривать свои незначительные конфликты самостоятельно, используя общественный суд, легализованный законодателем.

С организацией суда как единой системы, состоящей из трех иерархически взаимосвязанных элементов (народные суды — губернские суды — Верховный Суд СССР), возникла потребность в юридических учреждениях, принимающих непосредственное участие в судебном процессе в качестве государственного обвинителя и защитника подсудимого. Согласно теории судопроизводства участие в судебном процессе прокурора и защитника в качестве его сторон рассматривается как дополнительная и твердая гарантия установления истины по делу и вынесения правосудного приговора. Действие органов прокуратуры и коллегий защитников было конституировано законодательными актами ВЦИКа в мае 1922 г., хотя партия и Правительство больших надежд с их работой в сфере правосудия не связывали. Первоначально основное назначение прокуратуры виделось по преимуществу в осуществлении общего надзора за законностью деятельности наркоматов, иных органов, организаций и учреждений; поддержание в суде обвинения допускалось в качестве факультатива и в случаях, предусмотренных законом. Участие защитников в судебном процессе зависело главным образом от желания подсудимого, однако в случаях, прямо установленных законом, участие защитника в процессе признавалось обязательным.

Несомненным прогрессивным начинанием советского государства в сфере права и правосудия следует признать придание правовой пропаганде статуса необходимого условия успешного правоприменения и вообще реализации права в конкретных правоотношениях. Приверженцы позитивистской доктрины, очарованные общеобязательностью закона, забывают простую истину: закон сам по себе не более чем, по словам Л. И. Петражицкого, клочок бумаги с нанесенными на него буквами, а его реальная жизнь обеспечивается индивидом, действиями и решениями которого закон воплощается в конкретных правоотношениях. Поэтому буржуазное государство не придает большого значения пропаганде права как ведущего направления своей работы, полагая, что знание закона — личное дело индивида. Советское государство, вынужденное проводить свою политику через трудящиеся массы и посредством их организации, с первых дней своего существования осознало важность и необходимость

правовой пропаганды среди населения. Эта идея получила дальнейшую поддержку и практическую реализацию в условиях нэпа.

Постановлением Агитпропотдела ЦК ВКП(б) «О популяризации советского законодательства» было признано, что массовая пропаганда советского законодательства имеет исключительное значение. Посредством правовой пропаганды преследовалось достижение трех целей: правовое просвещение, ориентированное на разъяснение сути и содержания советских законов; воспитание правомерного поведения; повышение творческой активности населения в управлении делами общества и государства.

В первую очередь надлежало пропагандировать советские законы для усвоения населением основ политики советской власти в отношении разных слоев населения, разъяснения трудовых, земельных, налоговых и прочих преимуществ и льгот, предоставляемых законом бедняцким слоям крестьянства, а также важности борьбы с пережитками беззакония и произвола, взяточничеством и хищениями, хулиганством. Это направление правовой пропаганды имело большую практическую ценность, поскольку советские законы периода нэпа меняли устоявшиеся веками предписания дореволюционного Правительства в пользу трудящихся и каждый должен был знать свои права и льготы, чтобы своевременно и правильно воспользоваться ими, а также не совершать запрещенных советской властью деяний и оперативно исполнять обязанности. Основными пропагандистами советского права выступали судьи, прокуроры, защитники, учителя, заведующие сельскими избами-читальнями. Так, сотрудники прокуратуры в 1926 г. прочли 13 171 доклад на сельских сходах, заседаниях сельских уездных Советов, а в 1927 г. — 16 837 докладов¹.

В целях правового воспитания населения практиковались выездные показательные судебные процессы в селах, на заводах и фабриках, привлечение населения к участию в процессах в качестве общественных защитников или общественных обвинителей, обсуждение судебных очерков, опубликованных в газетах и журналах, иных средствах массовой информации. Одной из значимых целей правовой пропаганды признавалось вовлечение трудящихся масс: в управление делами общества посредством их вовлечения в обсуждение законопроектов, затрагивающих интересы широких слоев населения; в обсуждение отчетов народных судей и прокуроров об их работе по укреплению законности и правопорядка; в деятельность общественных судов и иных организаций по охране общественного порядка. Таким образом, правовая пропаганда не ограничивалась од-

¹ См.: Драгунский И. Работа прокуратуры в деревне в 1927 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 51—52. С. 1283.

ним просвещением и воспитанием, а имела своей конечной целью организовать активное участие трудящихся в охране общественного порядка, деятельности прокуратуры, милиции, иных правоохранительных органов.

По достоинству оценив положительные стороны советского правосудия, мы, однако, не можем так же, как советские исследователи-правоведы, утверждать, что это было действительное правосудие, соответствующее марксистской доктрине, обеспечивающее надлежащее качественно совершенное правосудие и высокий в демократическом отношении процессуальный уровень. В условиях нэпа советское правосудие, будучи частью государственного механизма, приводимого в движение российским пролетариатом, находящимся на начальной стадии своего развития, имело ряд существенных недостатков, определенных крайне неблагоприятными конкретно-историческими условиями, характеризующимися экономической разрухой, порожденной гражданской войной и нестабильным политическим режимом.

Позитивные качества советского правосудия находились на достаточно низком для социалистического государства уровне и подлежали эволюционному развитию посредством проведения последовательной и рациональной политики по совершенствованию и развитию его лучших демократических процедур, порядков при одновременном вовлечении в сферу судоустройства профессиональных юридических кадров.

В системе качеств советского правосудия, которые, бесспорно, следует занести в число деструктивных, негативных (соответствующих вопросу: что в нем было плохого?), следует в первую очередь отметить (о чем уже не раз говорилось) низкий, «средневековый» уровень профессионализма контингента советских судей и ненадлежащие материальные условия их деятельности. Вполне обоснованно отказывая дореволюционным юристам-профессионалам в доступе к советскому правосудию, партия и Правительство не имели иного варианта, как отдать правосудие в руки трудящихся, не имеющих не только специального юридического, но и надлежащего общего образования, полагаясь на их классовое чутье и социалистическое правосознание.

Понимая безысходность этой меры, государство должно было предпринять самые решительные, энергичные шаги для подготовки высококвалифицированных юридических кадров, однако этого не произошло. Более 10 лет проблеме юридического образования в стране не придавалось большого значения, партия и Правительство с подачи Наркомюста пренаивно пытались решить данную проблему, организовав сеть краткосрочных областных, губернских кур-

сов, ориентированных на отшлифовку у судебных кадров классового подхода и повышения уровня социалистического правосознания. В итоге этап отправления правосудия неквалифицированными кадрами искусственно затянулся более чем на 40 лет. Субъективизм в решении проблемы подготовки квалифицированных юридических кадров и осуществление правосудия лицами, не имеющими специального юридического образования, на протяжении 40 с лишним лет составляет основную особенность советского правосудия, отвечающую на вопрос о том, что в нем было плохого.

Второе «плохо» советского правосудия выражалось, конечно же, в ненадлежащих материальных условиях его осуществления. Вынужденные поддерживать режим строжайшей экономии бюджетных средств, партия и Правительство все же недооценивали роль суда и юстиции в целом в деле формирования основ социалистического общества, пытались экономить на нем в пользу скорейшего развития промышленной индустрии и иных сфер народного хозяйства СССР.

Современному россиянину невозможно представить себе обстановку, в которой жила советская Россия периода нэпа: при сплошной неграмотности, с сохой в сельском хозяйстве и преимущественно ручным трудом в промышленности, лишенная комфортных средств передвижения (даже гужевого транспорта), средств связи, без удобной городской инфраструктуры и благоустроенного быта. Все это напрямую негативно сказывалось на правосудии, существовавшем в архитяжелых условиях: сотрудники работали в помещениях с печным отоплением, при плохо налаженной почтовой связи и отсутствии сети квалифицированных экспертных организаций.

Достижения криминалистики, заметно повышающие способность следствия и суда устанавливать истину по делу, средства, облегчающие техническую сторону судебной деятельности, в период нэпа не были доступны советским судьям. Как уже упоминалось, для них нерешенными оставались самые простые проблемы: доставка судебных повесток адресатам и оперативное проведение судебной экспертизы. Советское государство отказывало судебным следственным работникам в транспорте, что ставило их возможность передвигаться по территории участка ниже возможностей средневекового судьи, обладавшего личным транспортом — конем или конным экипажем. Отсутствие элементарных материальных условий судебной деятельности служило мощным источником волокиты и иных упущений, которые, как отмечалось ранее, Наркомюст неправомерно списывал на субъективный фактор, на неумение или нежелание сотрудников судебных учреждений исполнять свои служебные обязанности.

Бесспорно, в семье не без урода: определенная часть судебно-следственных кадров не выказывала надлежащего прилежания. Однако не ими определялись суть и содержание всей объемной работы в сфере правосудия, которая была проделана в период нэпа, в отсутствие минимальных материальных условий. Поэтому современный исследователь, давая оценку правосудия того времени, должен не брюзжать, что все обстояло плохо, было не так, как ему видится с нынешней колокольни, а в первую очередь отдать должное самоотверженности, самоотдаче наших прадедов и дедов, сумевших не только выстоять в этих тяжелейших условиях, но и заложить основы современного демократического, соответствующего международно-правовым стандартам правосудия.

Третье «плохо» — бюрократическая политика Наркомюста, не способного понять ни специфику периода нэпа, негативно влияющую на советское правосудие, ни способы реформирования нэповского суда в социалистический суд нового исторического типа, органично сочетающий в себе широкий демократизм советского общества с применением всех самых современных и рациональных средств, приемов, привнесенных научно-техническим прогрессом. Наркомат, к сожалению, зараженный «детской болезнью левизны», пошел своей, прямо противоположной научно-техническому прогрессу дорогой. Это было четвертое, *самое тяжкое «плохо»*, которое могла породить советская реальность.

Демократические институты правосудия, обоснованные всем ходом многовековой истории правосудия и правовой наукой в качестве необходимых гарантий вынесения совершенных правосудных приговоров и иных судебных решений, а также защиты личности от необоснованных посягательств на ее права со стороны правоохранительных органов государства, партия и Правительство подвергли «секуляризации» по мотивам их формальной природы и чуждости советскому демократическому суду. В результате как право, так и советский суд не в полной мере соответствовали сути и содержанию общественных отношений периода становления социалистического общества, и их потенциал не был до конца использован в деле формирования и развития реальных отношений.

Наиболее значимым отказ от этих отношений стал в двух отраслях советского права: уголовном и уголовно-процессуальном. Несмотря на то что проекты Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов готовились с участием квалифицированных юристов, верных принципам и идеалам великой реформы суда и правосудия 1864 г., демократический потенциал дореволюционного законодательства

им не удалось полностью воплотить в советском праве. В число руководителей рабочих групп проектантов входили Н. В. Крыленко и его единомышленники, разделявшие левые взгляды социологической теории уголовного права на природу преступления и уголовного правосудия и сумевшие частично протащить свои представления в УК РСФСР и УПК РСФСР. Как хвастливо заявлял Крыленко, ему удалось «ухудшить» уголовный процесс с точки зрения либеральных принципов со все большим проведением идеи ограничения формально-правовых гарантий¹.

Творцы Уголовного кодекса не были до конца последовательными в толковании преступления как основания уголовной ответственности. С одной стороны, признавалось, что наказанию подлежат действия, совершенные умышленно или по неосторожности. С другой стороны, преступлением считается всякое действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью, т. е. независимо от вины преступника и без учета какой бы то ни было связи с ней. Более того, как показали последующие события, ни законодательные, ни правоохранительные органы не придерживались ни той, ни другой трактовки преступления, а продолжали свой прежний курс на привлечение к уголовной ответственности по одним мотивам социальной опасности отдельных социальных слоев и лиц. Так, 10 августа 1922 г. ВЦИК разрешил особой комиссии при Наркомате внутренних дел высылать в административном порядке в определенные местности или за границу лиц, причастных к совершению контрреволюционных преступлений. Кроме того, 16 октября 1922 г. ВЦИК предоставил этой же комиссии право высылать и заключать в исправительно-трудовой лагерь сроком до трех лет деятелей антисоветских политических партий и лиц, дважды судившихся за опасные преступления.

Другое существенное противоречие Уголовного кодекса видится в том, что он устанавливал исчерпывающим образом составы деяний, которые признаются преступными, и одновременно допускал применение аналогии. При отсутствии в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений наказание или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части этого Кодекса.

Вновь авторы УК РСФСР идут на поводу у юристов-практиков. Законодательное закрепление составов преступлений должно было положить конец произволу судебных органов, которые на протяжении четырех с лишним лет, руководствуясь революционным право-

¹ См.: *Крыленко Н. В.* Суд и право в СССР... С. 16.

сознанием, проявляли завидную изобретательность в трактовке составов преступлений и назначении мер наказания. Судьи ставились в строго определенные рамки: преступным считалось то, что прямо запрещает УК РСФСР. Но законодателя никак не устраивал такой исход, и он предоставил судьям возможность не только применять уголовное право, но и творить его, руководствуясь принципом аналогии, признавать преступным любое деяние, которое революционное правосознание, озаренное классовой ненавистью, было способно усмотреть в поведении социально опасной личности, принадлежащей к имущим слоям общества.

В результате аналогии уголовного права включался самый реакционный механизм уголовной ответственности, когда индивид подвергался наказанию не за виновное противоправное деяние, которое он совершил умышленно или по неосторожности, а деяние, которое согласно закону считается правомерным или юридически нейтральным и потому не запрещено под страхом уголовного наказания. Функции законодателя берет на себя судья и по своему усмотрению корректирует закон, признает преступным деяние, которое на момент его совершения таковым не считалось, и тем самым принимая неправосудное решение, покушается на свободу личности, т. е. сам творит преступление.

Оказалась нереальной и еще одна прогрессивная норма УК РСФСР, согласно которой право налагать наказание предоставляется только судебным органам. Как уже говорилось, через три с половиной месяца после вступления УК РСФСР в силу ВЦИК предоставил ГПУ право внесудебной расправы, вплоть до расстрела, в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях.

Составители УПК РСФСР также не были до конца последовательными в стремлении оградить личность от произвола государства. В частности, не было закреплено такое важнейшее право личности, как презумпция невиновности, в соответствии с которой никто не может быть призван виновным в совершении преступления до тех пор, пока его виновность не доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в силу приговором суда. Противоречиво закреплялся и принцип, согласно которому совершение преступления является единственным основанием уголовной ответственности.

УПК РСФСР предписывал прекращать уголовное преследование за отсутствием в действиях состава преступления и тем самым признавал преступление единственным основанием уголовной ответственности. Одновременно судам запрещалось останавливать реше-

ние дела под предлогом отсутствия, неполноты, неясности или противоречия закону. Данная норма ориентировала суд на применение аналогии, предусмотренной УПК РСФСР, и этим полностью перечеркивала вышеизложенный принцип. Ибо аналогия допускала возможность привлечения к уголовной ответственности и при отсутствии законодательно установленного состава преступления. Суду достаточно было констатировать в деянии опасность для основ советского строя.

Неправовые нормы УК РСФСР и УПК РСФСР, к сожалению, получили дальнейшее развитие. Существует пословица: ложка дегтя испортит бочку меда. Это справедливо для сферы советского права и правосудия, для которого впоследствии решающее значение имели не демократические нормы советского права, составлявшие его большую и, несомненно, ценную часть, а левые взгляды Н. В. Крыленко и его единомышленников. Первоначально эти взгляды неизменно воплощались в жизнь в виде бюрократических циркуляров и инструктивных указаний, направленных на сокращение практики применения судебными органами демократических норм УК РСФСР и УПК РСФСР, а затем выразились в решениях XV Съезда партии, ставших прологом к возврату «красного террора» в форме «большого террора».

Дознаватели и следователи с «неполным начальным образованием» проявляли удивительную неспособность правильно с точки зрения требований и критериев уголовного закона отличить правомерное и юридически безразличное поведение от общественно опасных деяний и допускали множество ошибок, возбуждая и расследуя уголовные дела по факту деяний, не имеющих общественной опасности. Суды вынуждены были исправлять подобного рода ошибки прекращением уголовного преследования невиновных лиц. Однако правомерную практику исправления судебными органами ошибок дознавателей и следователей партия и Правительство восприняли как свидетельство негодности формальных процедур и действий уголовно-процессуального закона, препятствующих успешной борьбе советского государства с преступностью.

XV Съезд партии, состоявшийся в конце 1927 г., допустил грубую стратегическую ошибку, неверно определив пути развития права, правосудия и укрепления в стране законности. Вместо того чтобы совершенствовать юридическое образование, готовить квалифицированные юридические кадры, признал необходимым в духе левых представлений максимально упростить правосудие, убрать из него формальные судебные процедуры и полезные институты защиты прав личности, подсудимого, вернуться к практике широкого судебного усмотрения. Чтобы не допустить в судебной практике гнилого либерализма в отношении классовых врагов, было решено пол-

ностью «оработчить» судебные кадры, удалив из суда последних до-революционных специалистов с юридическим образованием.

Проекты УК РСФСР и УПК РСФСР, подготовленные Наркомюстом в развитие решений XV Съезда партии, основывались на идеях социологической теории уголовного права и прямо противоречили демократическим марксистским взглядам на природу преступления и наказания, а также не соответствовали сути советского общества, ставящего своей первоочередной целью перевоспитание правонарушителей, вовлечение их в общее дело построения социализма. Тем не менее проекты были поддержаны значительной частью партийных и юридических деятелей, в соответствии с обыденным правосознанием которых идеал советского права — это по-прежнему нормы и практика периода военного коммунизма, а усмотрение судьи, базирующееся на классовом правосознании, есть альфа и омега правомерности и справедливого советского правосудия.

Хотя у ВЦИКа хватило ума после долгих дискуссий и обсуждений отказать Наркомюсту в принятии его «новаторских законодательных инициатив», саму по себе идею возврата к практике террора партия вкупе с Правительством признавала заслуживающей внимания и не снимала с повестки дня в ожидании нужной ситуации, которая не заставила себя долго ждать. Практика сплошной коллективизации сельского хозяйства, которая проводилась якобы по инициативе и при непосредственном участии беднейших и середняцких слоев населения, смогла быть успешной только тогда, когда пришлось репрессировать миллионную массу кулаков, руководствуясь действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Только неприкрытый и самый разнузданный террор со стороны народных масс в отношении последних классовых врагов советского государства позволил ему снискать лавры победителя в этой борьбе.

Таким образом, из искры способно возгораться пламя не только свободы и демократии, но и самой жестокой диктатуры, массовых репрессий: все дело в том, кто разжигает пламя на глазах изумленного общества, не способного остановить поджигателей. В сталинском большом терроре виновны не только партия и Правительство, но и общество, не способное противостоять подобной политике и готовое покорно ждать своей очереди на заклание, предоставляя свободу действий узурпатору вместо того, чтобы реализовать свое право на защиту своей свободы от посягательств «захватчика». Исследованию генезиса законодательства, легализовавшего массовые репрессии, а также деформировавшего советское правосудие, посвящены следующие разделы книги.

Раздел IX

СИСТЕМА СОВЕТСКИХ СУДОВ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА

Глава 30. Конституционные основы Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик

Конституция СССР 1936 г. была первым законом советского государства, закрепившим равенство граждан СССР во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, лишенным ленинско-крыленковско-сталинской риторики классовой борьбы и воспроизведшим демократические принципы буржуазного правосудия в качестве конституционных основ советского правосудия.

В докладе на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов Союза ССР «О проекте Конституции СССР», произнесенном 25 ноября 1936 г., И. В. Сталин официально признал, что одна из основных особенностей проектируемой Конституции СССР состоит в том, что ею констатируется отсутствие в обществе антагонистических классов и наличие двух дружественных друг другу классов рабочих и крестьян, что именно эти классы стоят у государственной власти, а все граждане СССР имеют равные права. Для проекта новой Конституции, говорил Сталин, «не существует активных или пассивных граждан, для него все граждане активны. Он не признает разницы в правах между мужчинами и женщинами, “оседлыми” и “неоседлыми”, имущими и неимущими, образованными и необразованными. Для него все граждане равны в своих правах... личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе»¹.

Таким образом, на конец 1936 г. официально на уровне секретаря партии и Основного закона страны было признано, что ведущая причина, порождавшая конфликт в обществе и инициировавшая клас-

¹ Сталин И. В. О проекте Конституции СССР. Доклад на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 517.

совую борьбу с первых дней советского государства, ликвидирована. Общество состоит из двух дружественных классов: рабочих и крестьян, а также советской интеллигенции, которая «является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового, бесклассового социалистического общества»¹. Конституция официально объявила о начале демократии, тогда как фактическая практика была направлена в прямо противоположную сторону — на террор и насилие, проявившиеся через полгода после принятия Основного закона страны.

Прекращение классовой борьбы существенно демократизировало все сферы общества, в том числе законодательство, правовую политику, правоохранительную, правозащитную деятельность государства и его ведущий компонент — *правосудие*. Конституция СССР открывала широкую дорогу демократическим институтам, обоснованным буржуазной правовой наукой и формально признаваемым буржуазным законодательством, но ранее не действовавшим в условиях диктатуры российского пролетариата, о чем свидетельствует гл. IX «Суд и прокуратура». Конституция СССР наконец закрепила главный принцип Программы РКП(б) о выборности судей только трудящимися на уровне народных судей и народных заседателей. При этом избрание судей осуществлялось на самой широкой демократической основе, посредством всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании.

Статья 112 Конституции СССР утвердила независимость судей от любых внешних влияний и подчинение только закону, а ст. 111 Конституции СССР гарантировала право обвиняемого на защиту. Важнейшую гарантию доступности правосудия всем гражданам СССР закрепила ст. 110 Конституции СССР, предусматривающая обязательное ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с приглашением переводчика для лиц, не владеющих этим языком. В целом, по словам Прокурора СССР А. Я. Вышинского, Конституция СССР «положила в основание нашего суда великие принципы социалистического демократизма, которые выражаются в такой законченной и отчетливой форме в принципах выборности, гласности, равенства сторон в суде, права на защиту, права на представление всех доказательств»².

Конституционные новеллы, революционизировавшие отношения в сфере правосудия, потребовали коренного пересмотра Основ

¹ Сталин И. В. О проекте Конституции СССР. С. 512.

² Вышинский А. Я. Итоги Второй сессии Верховного Совета СССР // Социалистическая законность. 1936. № 9. С. 16.

судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г., которые были приняты применительно к условиям нэпа, естественно, без учета гигантских изменений в обществе, и не соответствовали содержанию новых социалистических общественных отношений. К тому же существенные изменения претерпела доктрина относительно правомочия союзных республик регулировать работу органов правосудия.

Предоставленное Конституцией СССР 1924 г. союзным республикам право самостоятельно определять организационную структуру республиканских судов, утверждать положения о них, а также иметь собственные уголовный, гражданский и процессуальные кодексы заметно осложнило разрешение уголовных и гражданских дел, затрагивающих интересы двух и более союзных республик, либо разрешения споров между союзными республиками. Уже в период проектирования Конституции СССР 1936 г. у готовивших ее членов комиссии сформировалось устойчивое мнение о том, что вопросы судостроительства, судопроизводства, подготовки и принятия уголовного и гражданского кодексов следует передать в ведение Союза ССР. Соответствующее положение было закреплено в ст. 14 проекта Конституции, а затем принято VIII Чрезвычайным Всесоюзным съездом Советов Союза ССР. Законодательство о судостроительстве и судопроизводстве было отнесено к *предметам ведения Союза ССР* с возложением на Верховный Суд СССР ведения надзора за судебной деятельностью всех судебных органов — от народных судов до верховных судов союзных республик.

Фундаментальная идея о единстве советского правосудия была воплощена и развита в Законе о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, принятом Верховным Советом СССР 16 августа 1938 г. (далее — Закон о судостроительстве СССР). Однако Закон закрепил лишь основы единства правосудия. Полная нормативная база предполагает развитый массив законодательства, в который согласно ст. 5 Закона о судостроительстве СССР входят общесоюзные уголовное, гражданское и процессуальное законодательство. Но это дело далекой перспективы, как оказалось, в условиях СССР вообще не реализовавшейся. В качестве же первого шага в этом направлении был принят Закон о судостроительстве СССР. Как наиважнейший акт, учреждающий основы единого и равного суда на общесоюзном и союзно-республиканском уровнях, он был ориентирован на утверждение главных скреп судебной системы, определяющих и обеспечивающих ее единство: 1) элементного состава системы; 2) подсудности и функций каждого из этих элементов; 3) правомочий судебных

органов и судей; 4) форм их деятельности; 5) юридически значимых результатов.

Закон о судостроительстве СССР внес коренные изменения в порядок образования и работу судебных органов в условиях победившего социализма на базе положений Конституции СССР, в соответствии с ними, в их развитие и конкретизацию. Прежде всего была дана новая редакция формулировки целей правосудия. Законодатель поставил перед правосудием победившего социализма три цели: 1) защита общественного и государственного устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, а также прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР, конституциями союзных и автономных республик, прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций; 2) обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР; 3) воспитание граждан СССР в духе преданности Родине и делу социализма, точного и неуклонного исполнения советских законов.

Таким образом, *принципиальное отличие* суда в условиях победившего социализма от суда периода диктатуры пролетариата состояло в том, что он из органа по преимуществу карательного превращался в орган, в котором кара, наказание имеют своей конечной целью перевоспитание правонарушителей и воспитание всех слоев общества (как должностных лиц, так и рядовых граждан), всего населения в духе уважения и неукоснительного соблюдения законов. Подобная формулировка целей правосудия является *правомерной*. Она логически вытекает из задач социалистического построения общества и обуславливается ими. Более того, в тот период в ряде передовых пенитенциарных учреждений проводились успешные эксперименты с перевоспитанием бывших маргиналов в законопослушных граждан.

Тем не менее идея предназначения суда как воспитателя в общем и целом оказалась фарисейской и несостоятельной в конкретно-исторических условиях советского общества 1930-х гг. и карательной политики партии и государства. Суд объективно не был способен выполнять функции воспитателя населения в духе законности, повышения его правовой культуры, поскольку не обладал нужными качествами даже на элементарном уровне. Какое уважение к закону, государству могло возникнуть у гражданина, который видел, что народные суды ютятся в мало приспособленных для работы помещениях либо вовсе не имеют их, допускают волокиту, сплошь и рядом

нарушают законы, принимая необоснованные, несправедливые или не базирующиеся на законе решения и приговоры?

Характерно, что в Законе о судостроительстве СССР не названы конкретные средства реализации судом высокой миссии воспитателя широких народных масс. В то же время проводимая партией и советским государством в 1937—1938 гг. политика большого террора в форме ежовщины менее всего преследовала цели воспитания, являя собой сплошь и рядом примеры бесправия и беззащитности гражданина перед карательными органами, пыток и иных форм насилия во время следствия и примеры полного бесправия заключенных при отбывании наказания в местах лишения свободы. Народ считал действия суда, как и иных карательных органов, государственным произволом, от которого нет никакой защиты, и не обретал желаемого партией и государством правосознания активного строителя социализма. Предписания по поводу воспитательной роли правосудия оставались по преимуществу *основанием для высокопарных заявлений* деятелей партии и советского государства о высокой социальной миссии суда как средства вовлечения широких народных масс в управление делами государства, эффективной защиты прав и свобод граждан и результативного карательного органа для лиц, посягающих на устои и порядки советского общества.

Даже Прокурор СССР А. Я. Вышинский, по долгу службы досконально знающий о грубейших нарушениях законности, которые творятся в следственных органах НКВД, разного рода тройках и иных квазисудебных органах, а также в специальных и общих судах, не моргнув глазом, уверял депутатов Верховного Совета СССР в том, что «в СССР процветают социалистический порядок, социалистическая дисциплина, социалистические законы», а «советский суд — единственный в мире подлинно народный суд, суд подлинной демократии»¹.

Законодатель не считал нужным менять сложившуюся в период нэпа систему судебных органов и ограничился лишь совершенствованием ее иерархических связей. Их структурный ряд традиционно включал в себя шесть элементов: 1) Верховный Суд СССР; 2) верховные суды союзных республик; 3) суды автономных республик; 4) краевые, областные окружные суды и суды автономных областей; 5) специальные суды СССР, создаваемые по постановлению Верховного Совета СССР; 6) народные суды. По мнению А. Яцковой, эта система может быть разделена на два вида: суды СССР (Верховный Суд, военные

¹ Вышинский А. Я. Речь на Второй сессии Верховного Совета СССР первого созыва // Социалистическая законность. 1938. № 9. С. 42—43.

трибуналы, линейные суды железнодорожного и водного транспорта) и суды союзных республик (верховные суды союзных республик, областные и равные им суды, народные и равные им суды)¹.

Однако подобная классификация судов, предусмотренная Основами судостроительства Союза ССР и союзных республик 1924 г., не соответствует Закону о судостроительстве СССР; представленная им система судебных органов, как уже говорилось, является единой (без выделения ее компонентов в дополнительные классы). Эту особенность системы судебных органов член комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР Ф. В. Шагимарданов обосновывал следующим образом: «Суд в СССР, единый для всех граждан нашей страны, обеспечивает действительное равенство перед законом.... Далее, единство советского суда выражается в том, что все суды без исключения руководствуются единым и обязательным для всех уголовным, гражданским и процессуальным законодательством Союза ССР. Наконец, единство суда выражается также и в том, что надзор за работой всех судов осуществляется единым верховным органом — Верховным Судом Союза ССР»².

Деление судебных органов на общесоюзные и республиканские предусматривалось Конституцией СССР 1924 г. Предмет ведения Союза ССР в области правосудия ограничивался учреждением Верховного Суда СССР и установлением основ судостроительства и судопроизводства, гражданского и уголовного законодательства, в соответствии с которыми каждая союзная республика регулировала отношения в сфере правосудия, а также принимала Уголовный и Гражданский кодексы, а в их развитие — иные нормативные правовые акты. С учетом конституционных установлений ст. 2 Основ судостроительства Союза ССР и союзных республик устанавливалась единая система судебных учреждений союзных республик в составе народных судов, губернских (или соответствующих им) судов и верховного суда (в автономных республиках — главного и автономного судов). В связи с ликвидацией округов постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 декабря 1930 г. к судебным органам союзных республик были отнесены народный суд и верховный суд. Краевые, областные и приравненные к ним суды организовывались в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик и относились к числу союзно-республиканских органов.

¹ См.: Яикова А. История советского суда // Отечественные записки. 2003. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/iackov.html>.

² Шагимарданов Ф. В. Со доклад члена комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР // Социалистическая законность. 1936. № 9. С. 29.

Наиболее значимые изменения в системе судебных органов связаны с упразднением функций, звеньев, институтов, процедур судебной системы, которые партия и Правительство признали лишними, плодящими формализм и волокиту, но не способными повысить сколько-нибудь существенно качество судебных решений и приговоров.

Органы правосудия были освобождены от всех управленческих функций, переданных в ведение Наркомата юстиции СССР и, по мнению председателя Верховного Суда РСФСР А. П. Солодилова, чуждых суду. Законодатель правомерно освободил работников суда от управленческих функций с тем, чтобы они могли отдать свои силы на непосредственную судебную работу¹. Кроме того, Законом о судеустройстве СССР 1938 г. упразднялись: 1) специальные коллегии; 2) президиумы краевых, областных судов, верховных судов автономных республик, союзных республик и Верховного Суда СССР; 3) пленумы всех судов, за исключением Пленума Верховного Суда СССР.

Прежде всего были упразднены специальные судебные коллегии, созданные постановлением ЦИКа СССР от 10 июля 1934 г. в областных и приравненных к ним судах, в судах автономных республик, верховных судах союзных республик и Верховном Суде СССР в целях рассмотрения уголовных дел, расследованных НКВД и его местными органами. Специальные суды принимали к рассмотрению уголовные дела при том неременном условии, что расследование по делу было проведено в строгом соответствии с УПК соответствующей союзной республики. В период большого террора подобное требование специальных судов выглядело в глазах партии, Правительства, сотрудников НКВД не более чем благоглупостью. Зачем совершать сложные действия по разоблачению опасных государственных преступников, когда для их осуждения тройкой или ОСО достаточно выбить из них признательные показания. Законодатель также счел дальнейшую работу специальных судов обременительной для государственного бюджета, увидел в ней источник волокиты и формализма и потому счел за благо упразднить их. Так, Закон, утверждающий «суд подлинной демократии», устранил практически единственную судебную коллегию судов общей юрисдикции, обязанную рассматривать дела по государственным преступлениям в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Столь же «успешно» была решена задача борьбы с волокитой в сфере правосудия. В этих целях, как ранее говорилось, упраздня-

¹ См.: Солодилов А. П. Речь на заседании Совета национальностей Верховного Совета СССР 15 августа 1938 г. // Социалистическая законность. 1938. № 9. С. 61.

лись такие лишние, по мнению партии и Правительства, инстанции правосудия, как президиумы и пленумы краевых, областных судов, а также верховных судов союзных и автономных республик. Обосновывая целесообразность подобной меры на Сессии Верховного Совета СССР, нарком юстиции СССР Н. М. Рычков говорил: «Таким образом, вместо многочисленных инстанций, имевших право надзора за судебной деятельностью судебных органов союзной республики, право пересмотра приговоров и решений проект оставляет только за Верховным Судом союзной республики и Верховным судом СССР. Такой порядок пересмотра приговоров и решений, вступивших в законную силу, устранил волокиту и поднимет авторитет судебного решения»¹. Полностью поддерживал упразднение президиумов и пленумов судебных органов Прокурор СССР А. Я. Вышинский, а позитивное значение этой меры он видел в том, что она «воспитывает уважение к судебным решениям, воспитывает более осторожное отношение к приговорам и решениям судов»².

Спора нет, благодаря подобной мере упрощается процесс вступления судебного решения, приговора в силу, устраняется волокита. Однако нельзя не признать, что из-за этой меры заметно уменьшается возможность исправить допущенные судебные ошибки. Упразднив пленумы и президиумы краевых и равных им иных судов, верховных судов союзных и автономных республик, законодатель создал искусственное и труднопреодолимое препятствие на пути к обоснованному, законному и справедливому правосудию. Председатель Верховного Суда СССР, Прокурор СССР, председатели верховных судов и прокуроры союзных республик при всем их желании не могли восполнить и сотой доли объемной работы упраздненных пленумов и президиумов по выявлению и устранению судебных ошибок и восстановлению нарушенных прав граждан. Таким образом, правомерному желанию законодателя покончить с волокитой в судах был принесен в жертву другой, более значимый критерий судебной деятельности — законность и справедливость судебных решений и приговоров.

Не на пользу делу пошло сокращение полномочий Пленума Верховного Суда СССР, закрепленных Декретом ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. «Положение о Верховном Суде СССР». За Пленумом сохранялись две функции: рассмотрение протестов на приговоры и решения судебных органов, разработка руководящих указаний по вопросам судебной практики. Пленум, в частности, лишился такого

¹ Рычков Н. М. О проекте Положения о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик // Социалистическая законность. 1938. № 9. С. 27.

² Вышинский А. Я. Итоги Второй сессии Верховного Совета СССР. С. 11.

значимого с точки зрения законности и качества законодательства правомочия, как конституционный надзор за нормативными правовыми актами центральных органов исполнительной власти СССР, законами и иными актами союзных республик.

Таким образом, Закон о судостроительстве СССР представляет собой первый и единственный закон, в котором получили воплощение мечты делегатов XV Съезда партии о советском суде как суде скором, лишенном волокиты и формализма. В нем также явственно просматривается общая сталинская линия на централизацию всех ветвей власти. Конституция СССР закрепила единую вертикаль судебной власти от Верховного Суда СССР до народных судов включительно, что выразилось в наличии единого законодательства о судостроительстве, а в перспективе — и о судопроизводстве. Основанный на этих принципах Закон возложил на Верховный Суд СССР надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик, установил единое руководство судебной практикой со стороны Верховного Суда СССР и его Пленума, предоставил председателю Верховного Суда СССР и Прокурору СССР право истребовать любое дело из любого суда СССР и внести по этому делу протест.

В то же время названные и иные организационные изменения, инициированные Законом о судостроительстве СССР, не привели к заметному повышению качества судопроизводства, равно как и к укреплению законности в сфере правосудия. В нем нет ни единой меры, ориентированной на противодействие таким хроническим болезням советского правосудия, как недостаточная материальная обеспеченность судов, отсутствие у их значительной части даже надлежащих помещений, низкий профессиональный уровень судебного корпуса. Наоборот, в Законе о судостроительстве СССР не были сформулированы элементарные требования к кандидатам на судебские должности, закрепленные Основами судостроительства Союза ССР и союзных республик 1924 г., и к судебской должности допускались любые граждане, пользующиеся избирательными правами.

Меры Конституции СССР и Закона о судостроительстве СССР, направленные на совершенствование системы судов общей юрисдикции как органов защиты прав советских граждан от разного рода посягательств, повышение качества судебных приговоров, решений и определений, бесспорно, носили прогрессивный характер и представляли собой первую реальную попытку отрешиться от реакционных установок партии и Правительства на всемерное упрощение судопроизводства, на отказ судов от «формальных» норм процессу-

ального законодательства, на привлечение граждан к ответственности по мотивам их социальной опасности. Однако это направление совершенствования правосудия не было тотальным и всеобщим.

Одновременно с демократизацией народных судов в условиях страшной секретности партия и Правительство проводили массовый террор и многочисленные расстрелы ни в чем не повинных людей. Словом, демократизация правосудия, осуществляемая партией и Правительством, была по преимуществу пропагандистской мерой, скрывающей от широкой общественности грубейшие нарушения законности, пытки и расстрелы на основании решений органов чрезвычайного правосудия, принимаемых в упрощенном порядке, в том числе в отсутствие подсудимого.

Закон о судостроительстве СССР не содержал предписаний, ограничивающих террор со стороны квазисудебных органов, о них вообще не упоминается. Соответственно не устранялись грубейшие нарушения законности, чинимые в тот период органами НКВД, не ликвидировалась практика расстрелов невиновных лиц на основании решений троек и ОСО при НКВД. Не желая умалять общий демократический настрой Закона о судостроительстве СССР признанием незаконного квазисудебного правосудия, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление от 17 ноября 1938 г., пытались создать видимость решительного искоренения атакизма красного террора в условиях социалистического общества.

В конечном счете противостояние двух противоречащих одна другой тенденций в сфере правосудия завершилось в пользу террора. В середине 1940 г. на суды была возложена обязанность проводить государственный террор в отношении нарушителей трудовой и производственной дисциплины. Для Политбюро ЦК партии и Правительства стала очевидной неизбежность войны, поэтому в целях создания дополнительных материальных ресурсов для армии и мирного населения нужно было заметно интенсифицировать производственный процесс, существенно сократив трудовые потери, обусловленные переходом работников с одного предприятия на другое и прогулами. Руководители партии и Правительства понимали, что с подобными явлениями пустыми уговорами и выговорами враз не покончить, железную дисциплину труда можно обеспечить лишь чрезвычайными мерами — распространением террора на сферу трудовых отношений. Поэтому 26 июня 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих служащих с предприятий и учреждений».

Специфика Указа состояла в том, что он закреплял явно неправовые меры, распространял уголовно-правовые санкции, применяемые за совершение преступлений, на сферу дисциплинарных проступков, за которые искони ничего большего, чем увольнение с работы не назначалось. Советское демократическое, любящее свой народ государство вновь поступило вопреки своей сути, установив, что рабочие и служащие по решению суда подлежат: 1) тюремному заключению на срок от двух до четырех месяцев за самовольный уход с работы; 2) исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев с удержанием из заработной платы до 25% за прогул без уважительной причины. Уголовную ответственность должны нести также руководители предприятий и учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятий и из учреждений, и лиц, виновных в прогулах без уважительных причин.

Следует учитывать, что согласно ст. 26 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, утвержденных СНК СССР 18 января 1941 г., прогулом признавались случаи отсутствия на работе более 20 минут без уважительных причин. Опоздания менее 20 минут приравнивались к прогулу, если они произошли 3 раза в течение месяца или 4 раза в течение двух месяцев подряд. Понятие прогула было уточнено в приказе наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 22 июля 1940 г. № 84/133. Трудящимся разъяснялось, что прогулом по советским законам считается также опоздание без уважительных причин более чем на 20 минут после обеденного перерыва или самовольный уход с работы ранее чем на 20 минут до обеденного перерыва или до окончания рабочего дня.

Криминализация дисциплинарных проступков рабочих и служащих представляла собой разновидность сталинского террора, поскольку наряду с усилением ответственности государство упрощало порядок ее применения, делало беззащитным индивида перед судом, лишало его всех или большей части гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей» названные дела надлежало рассматривать народными судами единолично, без участия народных заседателей. Не требовалось даже проводить дознание.

Постановлением СНК СССР от 21 августа 1940 г. № 1502 предписывалось выносить приговоры в упрощенном порядке, по материалам, направляемым в суд руководителями предприятий, учреж-

дений: 1) выпискам из приказа, устанавливающего факт прогула по неуважительной причине или самовольного ухода; 2) справкам о дисциплинарных взысканиях, ранее примененных к правонарушителю, и о месте жительства. В данном случае СНК СССР вновь нарушил Конституцию СССР, приняв нормы по вопросам уголовного процесса, отнесенным к компетенции Верховного Совета СССР. Создалась видимость упразднения таких необходимых для всякого уголовного дела институтов, как дознание или предварительное следствие, с возложением их проведения на руководителя предприятия, учреждения, который, во-первых, плохо или совсем не разбирался в вопросах дознания по уголовным делам, во-вторых, был лицом, заинтересованным в деле. Между тем ведущий принцип уголовного права категорически запрещает ведение уголовного дела и его рассмотрение в суде лицами, так или иначе причастными к противоправному деянию или к правонарушителю.

Завинчивание гаек было продолжено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство». За совершение любого из названных деяний предусматривалось как минимум тюремное заключение сроком на один год. Для применения уголовной санкции не имели значения размеры кражи, карался сам факт посягательства на государственную собственность. Одновременно законодатель признал целесообразным дела о самовольном уходе с предприятий и из учреждений, а также о прогулах рассматривать в упрощенном порядке народным судом единолично, без участия народных заседателей.

Предписание существенно усилило установленную ст. 162 УК РСФСР ответственность за мелкую кражу, совершенную рабочим или служащим впервые в пределах своего предприятия. Согласно уголовному закону подобная кража считалась дисциплинарным проступком, влекущим за собой ответственность по особой, установленной Наркоматом труда табели. В ст. 74 УК РСФСР вообще отсутствовала ответственность за мелкое хулиганство.

Таким образом, демократизм советского правосудия, его ориентация на укрепление социалистической законности, провозглашенные Законом о судостроительстве СССР, не смогли достойно противостоять общей тенденции сталинского террора, основанного на грубейшем нарушении прав советских граждан. В преддверье грозных событий Великой Отечественной войны Политбюро ЦК партии и Правительство коренным образом в очередной раз изменили судебную политику, поставив во главу угла работу судов общей юрисдикции и про-

ведение террора в сфере трудовых отношений, желая максимально полно использовать трудовые ресурсы страны в целях интенсификации общественного производства. Демократический настрой Закона о судеустройстве СССР и закрепленные им демократические институты правосудия реально воплотились в жизнь лишь спустя 20 лет после смерти И. В. Сталина, в новых исторических условиях, при новом курсе партии на демократизацию всех сфер советского государства и общества и при новых, более совершенных советских законах.

Глава 31. Народные суды

Будучи первичным элементом пятиуровневой системы советских судов, народные суды были максимально приближены к населению. Они действовали в каждом районе, городе, а в городах и районах с большим населением создавался ряд самостоятельных участковых судов. Народные суды рассматривали большую часть уголовных и гражданских дел, подсудных судам общей юрисдикции.

Статьей 21 Закона о судеустройстве СССР к подсудности народных судов отнесены уголовные дела: 1) *о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства граждан* (убийство, нанесение телесных повреждений, проведение незаконных аборт, незаконное лишение свободы, изнасилование, злостный неплатеж алиментов, оскорбление, хулиганство, клевета); 2) *об имущественных преступлениях* (разбой, грабеж, кража, мошенничество, вымогательство); 3) *о служебных преступлениях должностных лиц* (злоупотребление властью, превышение власти или бездействие, растрата, бесхозяйственность, подлог и др.); 4) *о преступлениях против порядка управления* (злостный неплатеж установленных законом налогов и сборов, отказ от выполнения государственных поставок и повинностей, уклонение от призыва на военную службу и от обязанностей военной службы и др.). Львиную долю гражданских дел, рассматриваемых народными судами, составляли иски об имуществе, уплате алиментов, о наследстве, трудовые споры и другие дела, предусмотренные законодательством.

Народный суд рассматривал уголовные и гражданские дела в составе народного судьи и двух народных заседателей. Закон предъявлял одинаковые требования как к профессиональным судьям, так и к народным заседателям: ими могли быть избраны граждане СССР, пользующиеся избирательным правом, т. е. достигшие 18-летнего возраста. Советское государство в очередной раз продемонстрировало всему миру широкий народный демократизм — как говорил Н. М. Рычков, «достигается невиданная до сих пор демократизация

народного суда»¹. Государство по-прежнему верило в свою идеологию первых дней советской власти: с судебной должностью способен справиться любой представитель трудящихся без специального юридического образования и даже без опыта судейской работы, был бы человек порядочный.

Следует, однако, напомнить, что подобный демократизм советского правосудия был вынужденным. Дореволюционные юристы крайне неохотно шли на работу в органы советской юстиции, а подготовка собственных юридических кадров в конце 1930-х гг. была поставлена все еще неудовлетворительно. Как было признано на 55-м Пленуме Верховного Суда СССР (23—29 июля 1938 г.), низкое качество работы судебных органов, большой процент судебного брака являются главным образом результатом отсутствия у основной массы судебных работников специальной юридической подготовки, а иногда и низкого уровня общеполитической грамотности. В то же время законодатель твердо верил в разум партийных, общественных организаций и трудовых коллективов, в их способность выдвинуть из своей среды кандидатами в судьи лиц, которые смогут «политически правильно и юридически грамотно применять в судебном процессе, в приговоре, определении или решении законы своего государства»².

Основы механизма формирования судейского корпуса и контингента народных заседателей Закон о судостроительстве СССР закрепил следующим образом. Избрание народных судей и народных заседателей гражданами района надлежало проводить на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Правом выдвижения кандидатов в народные судьи и народные заседатели обладали коммунистические партийные организации, профессиональные союзы, кооперативы, организации молодежи, культурные общества, а также собрания рабочих и служащих, военнослужащих и собрания колхозников. Конкретные правила регистрации кандидатов и опубликования списков кандидатов в народные судьи и народные заседатели, а также сроки и порядок их выборов предписывалось определять в специальных положениях о выборах судей и народных заседателей, утверждаемых верховными советами союзных республик.

Для торжества советской демократии в сфере правосудия оставался один шаг — верховным советам союзных республик нужно было принять такие положения, но, увы, как водится, до них не дошли руки. Проект положения, составленный наркомом юсти-

¹ Рычков Н. М. Указ. соч. С. 25.

² Антонов-Саратовский В. П. Советский суд в свете новой Конституции // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 39.

ции СССР Н. В. Крыленко в 1937 г., из-за его ареста был отложен в сторону как вредительский проект, подготовленный врагом народа. Проект положения, разработанный Н. М. Рычковым, в 1938 г. действующим наркомом юстиции СССР, также не был воплощен в законе в связи с началом Великой Отечественной войны. Лишь 25 сентября 1948 г. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил Положение о выборах народных судов РСФСР. Аналогичные положения были приняты и другими союзными республиками. Первые выборы народных судей проводились с 19 декабря 1948 г. по 20 февраля 1949 г., спустя 30 лет после Великой Октябрьской социалистической революции и 12 лет — после закрепления Конституцией СССР. Словом, партия и Правительство не проявили особого усердия в деле передачи узурпированного ими под разными предлогами права избирать народные суды его действительному обладателю — народу.

Чтобы преодолеть отношение граждан к исполнению обязанностей народного заседателя как обременительной мере, влекущей за собой невыгодные материальные последствия в виде утраты части заработка или невозможности своевременно проводить сельскохозяйственные работы, законодатель счет необходимым конкретизировать права народных заседателей и предусмотреть необходимые материальные гарантии.

Согласно Закону о судостроительстве СССР народных заседателей можно было призывать к исполнению их обязанностей в судах в порядке очередности по списку не более чем на 10 дней в году. Во время исполнения своих обязанностей в суде народные заседатели пользуются всеми правами судьи, в том числе правом на выражение особого мнения в случаях несогласия с решением или приговором суда. Процессуальный закон допускал ситуацию вынесения решения или приговора сообразно позиции, занятой народными заседателями, и вопреки мнению народного судьи. Оставшись в меньшинстве, народный судья вынужден был излагать свою позицию в особом мнении.

За народными заседателями из числа рабочих и служащих на все время исполнения ими обязанностей в суде сохранялась их заработная плата. В то же время законодатель уклонился от установления порядка оплаты расходов, связанных с исполнением обязанностей в суде колхозниками, предоставив решение этого вопроса союзным республикам.

В ст. 27 и 28 Закона о судостроительстве СССР указан ряд прав народных судов и народных судей относительно поступивших в суд дел, жалоб и заявлений.

Статья 27 наделяет народный суд правом до рассмотрения дела в судебном заседании: 1) утверждать представленное прокурором обвинительное заключение, а при несогласии с ним возвратить дело прокурору на исследование либо прекратить его; 2) решать вопрос о заключении обвиняемого под стражу или об освобождении его из-под стражи; 3) выносить решение об обязательном участии при рассмотрении дела защитника и прокурора.

Согласно ст. 28 Закона о судостроительстве СССР судья правомочен: 1) по поступившим жалобам и заявлениям выносить постановления о возбуждении уголовного преследования либо об отказе в этом; 2) направлять заявления или жалобы следственным органам для расследования; 3) назначать дела к слушанию; 4) делать распоряжения о вызове в суд обвиняемых, свидетелей, экспертов и об извещении истцов и ответчиков о времени рассмотрения дела. Кроме того, народный судья председательствует в заседаниях народного суда.

Раскрывая значение изложенных прав, нарком юстиции СССР Н. М. Рычков отметил, что они «дают народному суду полную возможность серьезно и критически подходить к разрешению вопроса о предании обвиняемого суду и необходимости содержания его под стражей. Эти права налагают на народный суд большую и серьезную ответственность»¹.

Комментарий первого юриста страны все же мало что проясняет. Вряд ли найдутся в УПК РСФСР и других законах предписания, которые препятствовали бы серьезному и критическому подходу к соответствующим вопросам уголовного процесса и не возлагали бы на суд или иной орган большую и серьезную ответственность. Ответ же на вопрос, *почему* именно эти нормы законодатель счел необходимым сформулировать в качестве основополагающих на уровне народного суда, кроется в системном толковании ст. 27 и 28 данного Закона вместе со ст. 4, 6, 23—30 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, определявшими порядок и основания подготовки и принятия судебными органами приговоров, а также иных документов, принимаемых судами на стадиях кассации и надзора.

За период мирного строительства социализма, начиная с 1921 г., партии и Правительству не удалось сколько-нибудь заметно повысить качество правосудия, его способность принимать законные, обоснованные, справедливые решения и приговоры. По данным Перлова, начальника управления судебных органов Наркомюста РСФСР, за последние пять лет качество работы народных судов по-

¹ Рычков Н. М. Указ. соч. С. 25.

чти не улучшается. В 1936 г. было оставлено в силе 58,7% приговоров и 52,6% решений, за восемь месяцев 1940 г. — 61,5% приговоров и 50,1% решений¹.

Этому в первую очередь препятствовали, о чем уже говорилось, три идущих с первых дней советской власти фактора: непрофессионализм судейского корпуса, ненадлежащие санитарно-гигиенические условия деятельности судов, обреченных зачастую ютиться в непригодных для работы помещениях, и большая служебная нагрузка.

На 1 января 1937 г. в РСФСР из 4616 судей 2202 не имели никакой юридической подготовки, даже в объеме юридических курсов: в Белоруссии из 311 — 206; в Грузии из 239 — 170; в Узбекистане из 409 — 305; на Украине из 1264 — 735. В то же время мерам повышения юридической квалификации народных судей Наркомюст не уделяет заметного внимания. В 1936 г. план переподготовки судей по РСФСР был выполнен на 30%, в Азербайджанской, Таджикской ССР переподготовкой не занимались. В Армении и Белоруссии вместо шестимесячных курсов проводились трехмесячные². В 1938 г. недостаточное внимание органов юстиции к повышению квалификации юридических кадров списывалось на вредительскую деятельность Крыленко, который вслед за Лениным полагал, что осуществлять правосудие способен любой не опороченный трудящийся, как мужчина, так и женщина.

На уровень профессиональной подготовки народных судей негативно влияла большая текучесть кадров. В 1939 г. из системы правосудия в РСФСР ушли 1284 народных судьи и 2277 судебных исполнителей. При этом 36 народных судей уволены за нарушение трудовой дисциплины и 40 — за нарушение закона³. Одна из причин текучести кадров народных судей заключалась в их большой нагрузке. При ежемесячной норме 40 дел на отдельных участках народных судов ежемесячное поступление дел превышает норму в 3—4 раза⁴.

Если театр начинается с вешалки, то суд — с помещения. Для нормальной организации народному суду требуется как минимум шесть помещений (кабинет судьи, комната для канцелярии, зал для судебных заседаний, совещательная комната, помещения для сви-

¹ См.: Совещание актива НКЮ РСФСР // Советская юстиция. 1940. № 23—24. С. 10.

² См.: *Склярский*. Подготовка и переподготовка судей // Советская юстиция. 1937. № 8. С. 10—11.

³ См.: *Бакшеев, Никиточкин*. К итогам совещания февральского актива НКЮ РСФСР // Советская юстиция. 1940. № 6. С. 20.

⁴ См.: *Бурштейн, Шимелевич*. Московскому городскому суду необходимо перестроить свою работу // Советская юстиция. 1938. № 13. С. 23.

детелей и для содержания на период судебного заседания подсудимых, взятых под стражу до суда), а также соответствующая мебель (столы, стулья, шкафы и др.). Однако далеко не все народные суды даже в Москве работали в надлежащих условиях. Так, каждый посетитель народного суда 9-го участка Киевского района должен был сначала пройти через кухню и уборную жильцов этого дома; зал судебных заседаний народного суда на Миусской площади находился в бывшей уборной, сохраняющей остатки сантехнического оборудования. Помещение народного суда Краснопресненского района, наоборот, не имело туалета ни для сотрудников, ни для посетителей, а в народном суде на Новинском бульваре судьи проникали в совещательную комнату через пробитую в стене дыру, закрываемую на период совещания листом фанеры¹.

В целом по стране стандартное для народных судов помещение имеет небольшую площадь, комнаты тесные, темные, прокуренные, одна из них зачастую служит и залом судебных заседаний; столы покосившиеся, стулья колченогие; всегда грязно, зимой холод, летом духота. Из-за недостаточности средств на административно-хозяйственные расходы народные суды не могут содержать уборщицу². Большая служебная нагрузка на секретарей народных судов сочетается с отсутствием надлежащего служебного помещения и низкой заработной платой. Как уже упоминалось, в народных судах нет текстов законов, служебного транспорта, а почта не обеспечивает своевременной доставки повесток, на что указывают Шимхович и другие авторы³.

Неспособность партии и Правительства обеспечить хорошие условия для судов породила повсеместную практику лакировки действительности, бесконечных уверений в прессе, на разного рода активках и совещаниях в том, что «коммунистическая партия и Советская власть создали все условия для большой государственной работы народного судьи»⁴, и остается дело за самым малым, стоит лишь мобилизовать «все наши силы, нашу энергию, инициативу и почин для того, чтобы добиться образцовой работы всей судебной системы,

¹ См.: *Красов С.* Нетерпимое положение с помещениями народных судов г. Москвы // Советская юстиция. 1938. № 6. С. 36.

² См.: *Алексеев.* Суды должны получить хорошие помещения // Советская юстиция. 1937. № 19. С. 38; Местные работники юстиции о своих нуждах, интересах, потребностях // Советская юстиция. 1935. № 23. С. 15.

³ См.: *Шимхович.* Улучшить условия работы секретарей народных судов // Советская юстиция. 1938. № 1—3. С. 73; *Сонкин.* Один из недостатков в работе народного суда // Советская юстиция. 1938. № 2—3. С. 73—74; *Красов А.* Народный судья без помещения // Советская юстиция. 1938. № 16. С. 34—35.

⁴ *Кищенко А.* Социалистическое соревнование в народном суде // Советская юстиция. 1938. № 20—21. С. 6.

как того требует большевистская партия, глава нашего Правительства товарищ Молотов и наш дорогой и любимый вожьд и учитель товарищ Сталин»¹.

Чтобы приукрасить судебную деятельность и условия судебного бытия, законодательным предписаниям придавали видимость реальности, публично оповещали о достижениях, которых на самом деле не было, оправдывали имеющиеся недостатки и нарушения закона субъективными факторами и вредительством бывшего наркома юстиции СССР Крыленко и его соратников, или неумением, или нежеланием народных судей добросовестно исполнять служебные обязанности. С учетом этого обстоятельства сплошь и рядом публиковались призывы «качественно улучшить», «поднять» и «обеспечить», «решительно покончить с имеющимися недостатками».

В то время как народные судьи полностью зависели от председателей избиравших их исполкомов местных Советов, нарком юстиции СССР Рычков и заместитель председателя ЦК Профсоюза работников суда и прокуратуры Шершаков уверяли об обратном. «Народные судьи и народные заседатели, — писали они, — избираются всем народом на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании»². Между тем обещанные выборы народных судей впервые были проведены лишь в 1948 г., через целых 12 лет после конституционного закрепления порядка избрания. В ходе выборов народные судьи вынуждены были выслушивать от председателей исполкомов местных Советов чванливые, но вполне реальные угрозы: «Не будешь выполнять мои указания — сниму с работы и поставлю своих людей»³.

В числе перспективных направлений совершенствования деятельности народных судей в 1938 г. — начале 1941 г. культивировались три направления: отчеты народных судей перед населением, социалистическое соревнование работников судебных органов низового звена и профессиональная подготовка юридических кадров.

Закон о судопроизводстве СССР установил во всесоюзном масштабе практику отчетов народных судей о своей работе и работе народного суда перед населением. Отчеты народных судов были инициированы специальной директивой Наркомюста СССР, принятой в июне 1937 г., которая в духе того времени не была опубликована в журнале «Советская юстиция». Получалось, что документ, начавший кампанию связи суда с населением, был все же скрыт как от ее

¹ Рычков, Шершаков. Выше зная социалистического соревнования судебных работников // Советская юстиция. 1938. № 20—21. С. 5.

² Там же. С. 4.

³ Алексеев. Указ. соч. С. 38.

организаторов, так и от участников. Но подобное мероприятие признавалось не только мощным средством связи и общения с трудящимися, но и важнейшей формой контроля работы народных судов снизу¹. Считалось, что благодаря критике населения представится возможность сделать правильный вывод о работе каждого судебного участка, вскрыть политические и деловые качества каждого народного судьи и определить его дальнейшую пригодность к почетной и ответственной работе советского судьи².

Однако в целом ожидаемый эффект от отчетов не был получен. Зачастую большую часть времени отчетов занимали рассуждения судей о политическом положении в СССР и за рубежом, об истории развития буржуазного и советского суда, основных положениях Конституции СССР, тогда как собственно отчет о работе составлял не более 5—10 минут. Далеко не везде наблюдался интерес населения к отчетам судей. Имели место попытки судей поручить оглашение отчетов народным заседателям. Население шло слушать отчеты лишь под нажимом администрации учреждения или представителей местных властей. В результате «без надлежащей организации» отчеты срывались, вместо ожидаемых 100—200 слушателей приходили единицы. Как правило, заинтересованный диалог между судьями и населением не происходил.

Пользуясь случаем, население стремилось выяснить интересующие его вопросы: об алиментах, о работе судебных исполнителей, волоките — с рассмотрением жалоб и заявлений. Вносились предложения почаще организовывать «показательные процессы». Критиковали судей за слабую связь с общественностью, за отсутствие массово-разъяснительной работы, за плохое руководство общественными судами и всем судебным активом, тогда как вопросы собственно судебной практики, качества судебных решений и приговоров, неведомые большей части населения, редко затрагивались в ходе отчетов³. Поскольку выборы судей в довоенный период не были проведены, интерес к отчетности судей перед населением вскоре сошел на нет. Так, в первой половине 1940 г. из 4837 народных судей РСФСР выступили с отчетами перед населением лишь 1719 (35,5%), а во второй половине и того меньше — 842 (17,4%).

¹ См.: *Буканов В.* Закон о судеустройстве и выборы народных судей // Советская юстиция. 1938. № 18. С. 14.

² См.: *Каплин.* Ликвидация последствий вредительства в судебных органах Кировской области // Советская юстиция. 1938. № 8. С. 38—39.

³ См.: *Соколов, Менделеева, Шкляревский, Краснов, Волков.* Работу народных судей под контроль трудящихся // Советская юстиция. 1937. № 20; *Зубков.* Отчеты судей // Советская юстиция. 1937. № 20. С. 29—31; *Львов Е., Черничкин В.* Как и за что рабочие и колхозники критиковали народных судей // Советская юстиция. 1937. № 18. С. 33—35.

Мерой, инициированной низами и поддержанной руководством Наркомюста СССР, явилось социалистическое соревнование, развернувшееся между народными судьями, а также между иными работниками народных судов и даже между народными судами отдельных областей, краев. Например, было объявлено социалистическое соревнование между Московским и Ленинградским областными судами. Соревнование работников правосудия имело те же цели, что и социалистическое соревнование в сфере производства материальных благ, в том числе: интенсификация труда; повышение качества его результатов; активизация общественной деятельности; оказание помощи отстающим; борьба с волокитой¹. Инициатива социалистического соревнования судейских работников, исходившая от народных судей, в частности от народного судьи 9-го участка Ростокинского района Москвы Кищенко, была поддержана наркомом юстиции Рычковым и ЦК профсоюза работников суда и прокуратуры.

Несмотря на сходность целей социалистического соревнования рабочих и народных судей, соревнование последних имело одну негативную особенность — сложность выявления полученных результатов и определения победителей. Если оценка количества и качества труда рабочего не вызывает особых затруднений, поскольку охватывается производственным циклом, то подсчет итогов деятельности народных судей требует дополнительных усилий комиссий, специально созданных для проверки того, все ли намеченное выполнено и насколько качественно. Большого желания создавать подобные комиссии у наркоматов юстиции не было, и масштабное соревнование на уровне республик не состоялось. В лучшем случае оно сохранялось между отдельными народными судами до 1941 г.

Уклонился от участия в социалистическом соревновании даже Наркомюст РСФСР, который не пошел дальше обращения наркома с призывом развернуть в органах юстиции социалистическое соревнование, направляя его на повседневное, систематическое улучшение качества работы судов. Хотя редакция «Советской юстиции» призывала Наркомюст всерьез заняться социалистическим соревнованием, призыв не был услышан, ожидаемое оживление в этом деле так и не произошло².

Наиболее успешной оказалась деятельность Наркомюста по развитию юридических образовательных учреждений и повышению квалификации работников юстиции, в том числе судей. В 1938 г. в

¹ См.: Социалистическое соревнование в судах Московской области // Советская юстиция. 1938. № 18. С. 36—37.

² См.: Социалистическое соревнование в Наркомате юстиции РСФСР не в счете // Советская юстиция. 1940. № 2. С. 23—24.

СССР функционировали девять юридических институтов, Всесоюзная правовая академия, Всесоюзный юридический заочный институт и четыре юридических факультета университетов, ежегодно выпускавшие 700—800 специалистов-юристов, что явно недостаточно для удовлетворения потребностей сферы правосудия в квалифицированных судебных кадрах. Резкому увеличению приема до 9—10 тыс. человек препятствовали такого рода обстоятельства, как отсутствие учебных площадей, общежитий, высокопрофессиональных преподавателей; не было учебников. Однако не все руководители органов юстиции понимали значение учебы, сопряженной с повышением квалификации, и не создавали необходимых условий для занятий. Так, нарком юстиции РСФСР Дмитриев запрещал работникам областных судов брать учебный отпуск для участия в учебных сессиях¹.

Дефицит юридических кадров частично восполняли юридические школы наркомюстов союзных республик со сроком обучения один-два года. Основной недостаток юридических школ состоял в отсутствии квалифицированных преподавательских кадров. Занятия вели по преимуществу практические работники, не имеющие свободного времени для занятий и не обладающие достаточно высоким уровнем теоретических знаний. Кроме того, не было специальных учебников для юридических школ. Тем не менее школы пользовались большой популярностью у населения. Так, в 1938 г. на 200 мест в правовых школах Украинской ССР было подано свыше 3 тыс. заявлений. Как видим, коренной перелом в сознании партии и Правительства, который произошел во второй половине 1930-х гг. в отношении к юридическому образованию и его значению в деле повышения квалификации юридических, в том числе судебных, кадров, сыграл позитивную роль в формировании юридической правовой надстройки советского социалистического общества и совершенствовании юридических кадров.

В стране *создавались реальные предпосылки* для подготовки профессиональных кадров в сфере юстиции как необходимой основы последующего повышения качества работы органов правосудия. Однако с началом Великой Отечественной войны это позитивное направление советского правосудия максимально сузилось до принятия постановления ЦК партии от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране».

Сохранявшийся непрофессионализм судей неизбежно плодил в массовом порядке судебные ошибки, вызываемые неправильным,

¹ См.: Горшенин К. Важнейшая работа Наркомюста // Советская юстиция. 1938. № 8. С. 10—12.

субъективным толкованием и применением народными судьями материального и процессуального законодательства. Обзор судебной практики, проведенный судебной коллегией по уголовным делам в 1939 г., свидетельствовал о том, что курс советского государства на повышение и укрепление законности в сфере правосудия пока что не получил широкого распространения в деятельности народных судов, «в ряде судов до сих пор не изжито “упрощенство” и связанное с ним нарушение процессуальных законов»¹.

В числе наиболее распространенных грубейших нарушений законности, допускаемых народными судами, судебная коллегия Верховного Суда СССР отметила следующие: 1) обвиняемому не вручается копия обвинительного заключения либо вручается с нарушением установленного срока; 2) отклоня ходатайства сторон о вызове новых свидетелей или истребования новых документов, народные суды в нарушение ст. 253 УПК не выносят никаких определений по поводу заявленных ходатайств, либо приводят ненадлежащие мотивы «ввиду того, что свидетели ничего существенного не скажут»; 3) суды приговаривают подсудимого за преступления, в которых он не обвинялся на стадии предварительного следствия; 4) происходят незаконный отказ в назначении защитника или незаконное освобождение защитника от возложенных на него обязанностей; 5) приговор обосновывается доказательствами, не проверенными в ходе судебного заседания; 6) в протоколе судебного заседания не отражается суть показаний свидетелей, протоколы в ряде случаев подписываются только секретарем либо вовсе никем не подписываются².

Названные и иные судебные ошибки в конечном счете, по мнению К. П. Горшенина, «приводят к нетерпимым случаям необоснованного придания суду и осуждения граждан за такие маловажные проступки, за которые они должны отвечать в порядке административного или общественного воздействия, а иногда и при отсутствии в их действиях какого-либо проступка»³. В 1939 г. показатель отмены опротестованных и обжалованных приговоров и решений народных судов доходил до 50%, а в Марийской АССР, Челябинской области, Чечено-Ингушской АССР и других регионах намного превысил и этот критический уровень отмен. В соответствии с Законом о судостроительстве СССР первоочередная задача выявления и отмены приговоров, решений и определений народных судов по протестам про-

¹ О нарушении уголовно-процессуальных законов (Обзор судебной практики) // Советская юстиция. 1940. № 8. С. 39.

² Там же. № 8. С. 39—43; № 9. С. 39—40.

³ Горшенин К. За высокое качество работы судов // Советская юстиция. 1940. № 8. С. 1.

куроров и жалобам, заявлениям сторон была возложена на краевые, областные, окружные суды, а также на суды автономных областей.

В целом же дело повышения качества правосудия на уровне народных судов осталось незавершенным в связи со сменой правовой политики государства во второй половине 1940 г., ориентированной на неукоснительное проведение террора в отношении нарушителей трудовой дисциплины, прогульщиков и летунов, любителей менять место работы в поисках высокого заработка. Такая политика была инициирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.

В силу определенного правосознания народные судьи, традиционно не видевшие в летунах и прогульщиках опасных преступников, на первых порах пытались саботировать Указ и приговаривать нарушителей трудовой дисциплины к более мягким мерам наказания по сравнению с мерами, предписанными законом. «В течение всего июля в судебной практике РСФСР (и не только РСФСР) имели место многочисленные случаи проявления гнилого либерализма, мелкобуржуазной сентиментальности и благодушия к злым дезорганизаторам, к летунам и прогульщикам... В третьей декаде июля еще больше вырос процент либеральных приговоров (до трех месяцев исправительно-трудовых работ осуждено было 53,4% из общего числа осужденных); процент дел, рассмотренных с нарушением срока, достиг двенадцати»¹.

Срочными административными мерами, принятыми Наркомюстом СССР и Наркомюстом РСФСР, Верховным Судом СССР, иными руководящими органами юстиции, частично удалось повысить карательный эффект приговоров, вынесенных народными судами, но он по-прежнему не был стопроцентным. Как отмечалось в докладе заместителя наркома юстиции РСФСР Бережной на совещании актива наркомата в октябре 1940 г., «некоторые судьи еще либеральничают с прогульщиками, продолжая применять преимущественно минимальные меры наказания и даже выносить оправдательные приговоры»². Борьба руководящих органов юстиции за точное выполнение народными судьями террористических установок в сфере трудовых отношений свидетельствует об одном примечательном факте: народные судьи в отношении права и прав трудящихся занимали более принципиальную позицию по сравнению с

¹ НКЮ и судебные органы РСФСР в борьбе за проведение в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. // Советская юстиция. 1940. № 14. С. 2.

² Совещание актива НКЮ РСФСР // Советская юстиция. 1940. № 23—24. С. 8.

позицией руководящих работников региональных партийных органов, руководителей местных органов НКВД и прокуроров, входивших в состав троек, без зазрения совести подписывавших решения о применении высшей меры наказания, даже не увидев обвиняемых и не выслушав их пояснений. В данном вопросе народные судьи были на голову выше и сотрудников НКВД, выбивавших под пытками признательные показания у невиновных граждан, и квазисудебных органов, отдававших их на заклание.

Глава 32. Краевой, областной, окружной суды. Суды автономных областей и автономных республик

В соответствии со ст. 108 Конституции СССР среднее звено системы советского правосудия составляли краевые, областные, окружные суды (суды национальных и административных округов) и суды автономных областей (далее — краевые и иные приравненные к ним суды). Всего в СССР в 1939 г. действовали шесть краевых и 85 областных судов, 22 суда автономных республик, восемь судов автономных областей и восемь судов национальных округов. Кроме того, в ряде областей и краев были суды административных округов. Округ представлял собой административно-территориальную единицу в составе области, края, включающую несколько районов, объединенных окружным Советом депутатов трудящихся и соответствующими окружными органами исполнительной и судебной власти. Например, в составе Орджоникидзевского края был образован Кизлярский округ, объединяющий пять районов; в Омскую область входили два округа: Карский (девять районов) и Тобольский (шесть районов).

Краевые и иные приравненные к ним суды осуществляли правосудие по первой инстанции, а также выступали кассационной инстанцией в отношении приговоров, решений и определений, вынесенных народными судами.

Согласно ст. 32 Закона о судеустройстве СССР краевые и иные приравненные к ним суды по первой инстанции рассматривали отнесенные к их ведению уголовные дела о контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против государственного управления, о хищениях социалистической собственности, об особо важных должностных и хозяйственных преступлениях, а также гражданские дела по спорам между государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями. Эти же суды в качестве второй инстанции рассматривали жалобы сто-

рон и протесты прокуроров на приговоры, решения и определения народных судов.

Краевые и иные приравненные к ним суды состояли из председателя, членов суда и народных заседателей. Названные лица избирались соответствующим краевым, областным, окружным Советом депутатов трудящихся или Советом депутатов трудящихся автономной области сроком на пять лет. Весьма характерно, что для кандидатов на должность судьи краевых и иных приравненных к ним судов и для лиц, привлекаемых к исполнению обязанностей народного заседателя этих судов, закон не устанавливал имущественных или других дополнительных требований, кроме общих, — только 18-летний возраст и наличие избирательного права. Критерии настолько широкие, что допускали избрание на должность судей судов среднего звена лиц, не обладающих надлежащим жизненным опытом, нужным уровнем социалистического правосознания, и даже бывших судимых.

Достоинство подобного порядка формирования судейского корпуса и списка народных заседателей нарком юстиции СССР Н. М. Рычков видел в том, что «полное устранение каких-либо ограничительных условий для занятия должности судьи соответствует последовательно проводимому принципу выборности судей. Сами избиратели должны решить вопрос о том, доверяют ли они выполнение ответственных функций судьи, имеет ли этот кандидат в их глазах авторитет и так далее»¹. В закрепленном Законом о судостроительстве СССР порядке избрания судей М. В. Кожевников также видит глубокий демократизм советского законодательства, дополняемый принципом подотчетности судей избирателям и правом избирателей отзывать избранного ими судью до срока².

Демократизм, ориентированный на вовлечение населения в управление делами общества и пролетарского государства, бесспорно, является основополагающим принципом советского строя. Однако его применение оказывается полезным там, где население привлекается к решению вопросов, в которых оно разбирается, и способно со знанием дела принять компетентное решение. Законодательное дозволение занимать должность судьи краевых и иных приравненных к ним судов, призванных осуществлять функции кассационной инстанции в отношении приговоров, решений и определений народных судов, ничего, кроме вреда, принести не могло. Ни один человек, будь он семи пядей во лбу, не обладающий профессио-

¹ Рычков Н. М. Указ. соч. С. 7.

² См.: Кожевников М. В. История советского суда. С. 296.

нальными юридическими знаниями и навыками судейской работы, не способен безошибочно отделять правосудные приговоры и решения народных судов от ошибочных, сопряженных с нарушениями материального или процессуального законодательства и принципа социальной справедливости.

Вся предшествовавшая практика отправления правосудия полуграмотными представителями трудящихся масс периодов становления советского государства и нэпа, бесспорно, показала несостоятельность представления идеологов советского государства о возможности существования чисто народного, непрофессионального правосудия и продемонстрировала необходимость формирования сети юридических учебных заведений, которые удовлетворяют потребность в специалистах с высшим юридическим образованием. Начиная с 1930-х гг., Наркомюст РСФСР, а затем и Наркомюст СССР вынуждены были выделить задачи подготовки профессиональных юристов в качестве ведущего направления своей деятельности. Тем не менее в Законе о судостроительстве СССР вновь воспроизводился отвергнутый жизнью принцип и демонстрировался глубокий демократизм советского правосудия там, где его по определению нет и быть не могло.

Псевдodemократическим предстает и принцип отчетности судей перед населением. Хотя М. В. Кожевников признал названный принцип необходимым компонентом демократизма советского правосудия, это не совсем верно. Во-первых, принцип не имеет всеобщего характера и относится только к народным судьям. Члены вышестоящих судебных органов в народ не ходили ни по предписаниям закона, ни по зову сердца, собственному добровольному желанию. Во-вторых, как уже говорилось, отчетность народных судей считалась важнейшим мероприятием предвыборной кампании, между тем установленные Законом выборы народных судей состоялись лишь спустя 10 лет после его принятия. В-третьих, отчеты рассматривались народными судьями и населением не как торжество советской демократии, а как очередная обязанность бюрократического аппарата советского государства, не сулящая ничего, кроме скуки и пустого времяпровождения. Народные судьи не стремились, да и не могли быть откровенными перед своими потенциальными избирателями, тогда как последних менее всего волновали проблемы качества правосудия. Статья 29 Закона, закрепляющая отчетность народных судей, фактически утратила силу в начале 1940-х гг., задолго до отмены Закона в целом.

Краевой суд и иные приравненные к нему суды состояли из двух судебных коллегий: по уголовным и по гражданским делам. Судеб-

ная коллегия по уголовным делам предназначалась для рассмотрения по первой инстанции уголовных дел, подсудных этим судам, а также для рассмотрения в качестве кассационной инстанции жалоб и протестов на приговоры и определения народных судов. К подсудности названных судов относились наиболее опасные преступления, судебное расследование которых требует достаточно высокого профессионализма судей, в том числе уголовные дела о контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против государственного управления, о хищениях социалистической собственности, об особо важных должностных и хозяйственных преступлениях.

Судебная коллегия по гражданским делам, в свою очередь, должна была рассматривать по первой инстанции гражданские дела, подсудные краевым и иным приравненным к ним судам, а в качестве второй инстанции — жалобы и протесты на решения и определения народных судов. Согласно ст. 23 УПК РСФСР к подсудности краевых и иных приравненных к ним судов относились дела по искам, цена которых превышает 500 руб. золотом, по искам к государственным органам или должностным лицам либо по искам, предъявленным уездному исполкому или городскому Совету уездного города, а также по искам, вытекающим из договора товарищества, из авторского права на промышленное изобретение, товарные фабричные знаки, модели и фирмы.

Коллегиями руководил председатель суда, избираемый соответствующими Советами депутатов трудящихся. Кроме того, в его обязанности входили: председательствование в судебных заседаниях (или он назначал для председательствования в судебных заседаниях члена суда); назначение дела к слушанию; распоряжение вызывать в суд обвиняемых, свидетелей, экспертов; извещение истцов и ответчиков о времени рассмотрения дела.

Судебные коллегии краевых и иных приравненных к ним судов рассматривали уголовные и гражданские дела в составе председательствующего — председателя или члена суда и двоих народных заседателей, обладающих равными с председателем правами, а жалобы и протесты на приговоры, решения и определения народных судов — в составе троих членов соответствующего суда. Спецколлегии краевых и иных приравненных к ним судов, занимавшиеся делами по линии НКВД, были упразднены, а все такие дела подлежали направлению в судебные коллегии по уголовным делам.

В связи с тем, что согласно Конституции СССР 1936 г. и Закону о судостроительстве СССР судебное управление входило в компетен-

цию Наркомюста СССР и наркомюстов союзных и автономных республик, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 апреля 1939 г. «Об образовании управлений Наркомата юстиции РСФСР при краевых и областных Советах депутатов трудящихся» краевые и иные приравненные к ним суды были окончательно освобождены от функций судебного управления. Эти функции были переданы вновь образованным управлениям Наркомюста РСФСР в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 1 июня 1939 г. Аналогичные управления учреждались при областных Советах Украинской ССР, Белорусской ССР, Казахской ССР и Узбекской ССР. В свою очередь, местные управления юстиции были лишены всех полномочий, сопряженных с вмешательством в деятельность судебных органов по осуществлению правосудия.

Закон о судостроительстве СССР 1938 г. суды национальных и территориальных округов уравнивал в правах с краевыми, областными судами, в состав которых они входили. Ранее согласно постановлению ВЦИКа и СНК РСФСР от 10 апреля 1936 г. «О судебных органах в округах» суд административного округа действовал как постоянная судебная-кассационная сессия краевого (областного) суда. К ведению названного органа было отнесено рассмотрение в порядке кассации дел, решенных народными судами соответствующего округа. Окружной суд мог также рассматривать в качестве суда первой инстанции дела, подсудные краевым (областным) судам, но это право не было абсолютным. Краевой (областной) суд был управомочен изъять любое дело из ведения сессии и принять его к своему рассмотрению. Кассационной и надзорной инстанцией для дел, разрешенных сессией в качестве суда первой инстанции, являлся Верховный Суд РСФСР.

С принятием Закона о судостроительстве СССР утрачивали силу предписания постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 10 марта 1933 г. «Об органах юстиции в национальных округах и районах северных окраин РСФСР», определяющие ряд особенностей организации и деятельности судов национальных округов. Закон о судостроительстве СССР не предусматривал никаких специальных прав для названных судов. Судам национальных округов были подсудны те же уголовные и гражданские дела по первой и надзорной инстанциям, что и краевым (областным) судам. В отношении дел, рассмотренных судами национальных округов по первой инстанции, кассационной и надзорной инстанциями выступали верховные суды союзных республик.

Верховный суд автономной республики в составе председателя, его заместителей, членов суда и народных заседателей избирался вер-

ховным советом этой республики сроком на пять лет. Подсудность дел названным судам и порядок работы судебных коллегий по уголовным и гражданским делам по первой и надзорной инстанции устанавливались на том же уровне, что и для краевых, иных приравненных к ним судов. Согласно ст. 40 Закона о судостроительстве СССР верховный суд автономной республики рассматривает отнесенные законом к его ведению уголовные дела о контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против государственного управления, о хищениях социалистической собственности, об особо важных должностных и хозяйственных преступлениях, а также отнесенные законом к его ведению гражданские дела по спорам между государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями. Кроме того, верховный суд автономной республики выступает в качестве кассационной инстанции, рассматривающей жалобы и протесты на приговоры, решения и определения народных судов.

Особенность судов среднего звена по Закону о судостроительстве СССР состоит в том, что все они без исключения, вплоть до верховных судов автономных республик, лишены права осуществлять надзор за судебной деятельностью народных судов. Подобная функция является чрезвычайной и реализуется только верховными судами союзных республик и Верховным Судом СССР.

Обобщая итоги годовой деятельности реформированных органов советского правосудия в соответствии с Законом о судостроительстве СССР, председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков отметил, что краевые и приравненные к ним суды «обязаны своими определениями по делам вскрывать ошибки народных судов как в области применения уголовного закона, так и в области соблюдения процессуальных норм, обеспечивающих правильное рассмотрение дела, законность и обоснованность судебного приговора или решения»¹.

Высказывание примечательно в двух отношениях. Во-первых, оно конкретизирует принцип социалистической законности применительно к предмету деятельности советского правосудия. Голяков правомерно обращает внимание на то, что защита судом законности может быть успешной, если ее защитники сами будут оставаться в рамках законности, соотнося свои действия с требованиями как материального, так и процессуального закона. Во-вторых, подобное толкование законности качественно отличается от крыленковской

¹ Голяков И. Т. Укрепление законности — важнейшая задача социалистического правосудия // Советская юстиция. 1940. № 16. С. 1.

концепции, утверждавшей приоритет правильности решения дела по существу перед его обоснованностью и соблюдением процессуальной формы и получившей закрепление в ст. 286 УПК РСФСР, согласно которой личное признание обвиняемым своей вины делало ненужным и бессмысленным дальнейшее ведение судебного следствия.

Отстаивая традиционное понимание законности судебной деятельности, доведенной до признания необходимости соблюдать нормы процессуального права, Голяков писал: «Оставляя нередко в силе приговоры народных судов, вынесенные с грубым нарушением закона, вышестоящие суды по существу не помогают судьям улучшить свою работу и создают у последних уверенность в том, что нарушения процессуальных законов не имеют существенного значения для дела»¹.

Между тем, по мнению автора, нарушение судом процессуальной формы характеризуется такими тяжкими последствиями, как неполное установление всех обстоятельств дела, неизбежная односторонность в оценке обстоятельств дела и неминуемые судебные ошибки, влекущие за собой грубейшие нарушения законности. «Фактические обстоятельства дела вырываются из всей обстановки, а сама личность преступника превращается в некую абстракцию, в преступника вообще. На практике это приводит чаще всего к излишней суровости наказания, связанной с тенденциозной оценкой личности виновного»².

К сожалению, как свидетельствовал нарком юстиции СССР К. Горшенин, «среди работников верховных, краевых и областных судов в иных местах гуляет “теория”, смысл которой в том, что эти суды якобы не имеют никакого отношения к борьбе за повышение качества работы народных судов. В ряде судов практика рассмотрения жалоб и протестов на приговоры народных судов не обобщается, судам не дается указаний по поводу допущенных ими ошибок и методов их исправления»³. Более того, в процессе борьбы за качество судебного правосудия краевые и иные приравненные к ним суды в качестве надзорной инстанции в отношении приговоров, решений и определений народных судов сами допускали судебные ошибки, принимая постановления, не соответствующие нормам материального или процессуального права. По свидетельству

¹ Голяков И. Т. Укрепление законности — важнейшая задача социалистического правосудия. С. 1.

² Голяков И. Т. Некоторые вопросы науки и судебной практики в решениях Пленума Верховного Суда СССР // Советская юстиция. 1940. № 5. С. 5.

³ Горшенин К. За высокое качество работы судов. С. 3.

председателя Верховного Суда РСФСР А. Т. Рубичева, суды второй инстанции «не всегда правильно ориентируют своими определениями народные суды, плохо проверяют материалы судебных дел. Верховный Суд РСФСР отменил приговоры и прекратил за отсутствием состава преступлений 17% поступивших к нему дел по Указу от 26 июня»¹.

Недостаточный профессионализм значительной части судей, участвующих в кассационной оценке приговоров, решений, определенных народных судов, неизбежно сказывался в ситуациях, требующих творческого понимания и применения главнейших положений теории уголовного или гражданского права: понятие и формы вины, выявление причинной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями; соотношение тяжести совершенного преступления и меры наказания. В результате допущенные судебные ошибки неумолимо ставили крест на судейской карьере индивида и вынуждали его к добровольному освобождению судейской должности. В 1939 г., в частности, из краевых и иных приравненных к ним судов выбыли 26 председателей, 55 заместителей председателей, 365 членов суда и 15 членов окружных судов².

Первостепенный интерес руководящих органов суда, Наркомюста СССР и прокуратуры СССР к проблеме повышения качества судебных решений продержался чуть больше года, а затем на первый план вышла борьба за укрепление трудовой дисциплины на государственных предприятиях и применение суровых уголовно-правовых санкций к прогульщикам, летунам, несунам и хулиганам в соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и от 10 июля 1940 г. Постановлением совещания актива Наркомюста РСФСР (сентябрь 1940 г.) предписывалось *поставить в центр всей деятельности* Наркомюста РСФСР, НКЮ АССР, управлений Наркомюста и судов работу по рассмотрению дел о нарушениях указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня, от 10 июля и от 10 августа 1940 г. При этом подчеркивалось, что вся практическая деятельность по устранению имеющихся в работе судов недостатков должна протекать при точном и своевременном выполнении соответствующих приказов народных комиссаров юстиции СССР и РСФСР, вскрывающих недостатки работы судов и давших конкретные указания для их устранения³.

¹ Совещание актива НКЮ РСФСР. С. 11.

² См.: Бакшеев, Никиточкин. К итогам совещания февральского актива НКЮ РСФСР // Советская юстиция. 1940. № 6. С. 20.

³ См.: Постановление совещания актива Народного комиссариата юстиции РСФСР // Советская юстиция. 1940. № 23—24. С. 15.

Глава 33. Верховный Суд РСФСР

Согласно ст. 109 Конституции РСФСР Верховный Суд РСФСР является высшим судебным органом союзной республики, избираемым Верховным Советом союзной республики сроком на пять лет, и состоит из председателя, заместителей председателя, членов Суда и народных заседателей, призываемых к участию в рассмотрении судебных дел.

Председатель Верховного Суда РСФСР осуществлял общее и текущее руководство работой Суда, в том числе председательствовал в судебных заседаниях коллегий или назначал для председательствования одного из членов суда, назначал дела к слушанию, давал распоряжения о вызове в Суд обвиняемых, свидетелей, экспертов и извещал о времени рассмотрения дел истцов и ответчиков. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1940 г. обладал правом налагать на членов Верховного Суда РСФСР дисциплинарные взыскания в виде замечаний и выговоров. В то же время председатель Верховного Суда РСФСР не был правомочен применять выговор с предупреждением об инициировании отзыва с должности судьи. Подобную меру мог принять только нарком юстиции СССР, а председатель Верховного Суда союзной республики должен был готовить соответствующее представление. Он также был лишен права рассматривать какие-либо жалобы судей других судов Республики на взыскания, примененные наркомом юстиции РСФСР.

В январе 1939 г. председателем Верховного Суда РСФСР был избран Анатолий Тимофеевич Рубичев, ранее занимавший пост председателя Рязанского областного суда. Он 4 мая 1945 г. был назначен первым заместителем народного комиссара юстиции СССР, но, видимо, не в полной мере соответствовал занимаемой должности и с марта 1946 по август 1948 г. занимал должность заместителя министра юстиции СССР, а 15 марта 1957 г. был вновь избран председателем Верховного Суда РСФСР, находился на этом посту до июля 1962 г. и покинул его с уходом на пенсию по состоянию здоровья.

Статья 109 Конституции РСФСР возлагала на Верховный Суд РСФСР лишь функцию надзора за судебной деятельностью всех судебных органов РСФСР, органов автономных республик и областей. Закон о судостроительстве СССР дополнительно закреплял еще две функции: рассмотрение дел по первой инстанции и осуществление кассации в отношении краевых и иных приравненных к ним судов. Исполнение функций было возложено на судебную коллегия по уголовным делам и судебную коллегия по гражданским делам. Ранее существовавшие Президиум и Пленум Верховного Суда

РСФСР упразднились как ненужные составляющие судебного процесса, плодящие волокиту и затягивающие принятие окончательных решений по рассматриваемым делам.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР по первой инстанции в соответствии со ст. 449 УПК РСФСР была правомочна рассматривать весьма объемный перечень уголовных дел. В редакции, действовавшей с 1938 г. до отмены Кодекса в 1961 г., перечень включал следующие положения (приводится с незначительными сокращениями):

а) дела исключительной важности, переданные на рассмотрение судебной коллегии постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета или пленума Верховного Суда, а равно предложенные к рассмотрению в судебной коллегии прокурором Республики и начальником Государственного Политического Управления Народного Комиссариата Внутренних Дел;

б) дела по обвинению в преступлениях по должности членов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Народных Комиссаров, членов коллегии Народных Комиссаров, членов Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства, членов коллегий Верховного Суда, помощников прокурора Республики, членов коллегии Государственного Политического Управления Народного Комиссариата Внутренних Дел;

в) дела по обвинению в преступлениях по должности губернских прокуроров и их помощников, членов президиума губернского исполнительного комитета, заведующих отделами, председателей и заместителей председателей губернских судов, причем все означенные в сем пункте дела могут быть приняты судебной коллегией к своему рассмотрению или же переданы ею в какой-либо другой губернский суд в зависимости от важности дела.

Бесспорно, к 1938 г. этот перечень частично устарел, поскольку сохранил наименования должностей, измененных Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией РСФСР 1937 г. Однако Верховный Совет РСФСР не счел нужным менять ни данную статью, ни другие устаревшие статьи УПК РСФСР, поскольку Верховный Совет СССР планировал в самое ближайшее время принять уголовно-процессуальное законодательство на общесоюзном уровне. Кроме того, все руководящие работники государственного аппарата Республики, независимо от того, какое преступление им инкриминировалось, в ходе следствия под пыткой сознавались в совершении того или иного опасного государственного преступления, и потому дела в отношении них подлежали рассмотрению военной коллегией Верховного Суда СССР.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР по уголовным делам в качестве кассационной инстанции рассматривала жалобы и протесты на приговоры краевых, областных и иных судов Республики по делам, рассмотренным по первой инстанции. Судебному надзору Верховного Совета РСФСР по уголовным делам подлежали приговоры народных судов, а также судебных органов автономных республик, краев, областей и округов, входящих в РСФСР. Соответственно приговоры, постановления специальных и чрезвычайных судов, действующих на территории РСФСР, не были подведомственны Верховному Суду РСФСР, поскольку либо не подлежали кассационному и надзорному контролю (тройки, ОСО), либо в этом качестве для них выступал Верховный Суд СССР.

Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по гражданским делам согласно ст. 24 ГПК РСФСР были подсудны дела по искам к народным комиссариатам или приравненным к ним центральным учреждениям и к губернским исполнительным комитетам в целом (а не к их отделам и управлениям). В то же время Верховный Суд был правомочен передавать отдельные дела или категории дел на рассмотрение краевого или иного приравненного к нему суда в зависимости от местонахождения сторон и от других обстоятельств. В качестве кассационной и надзорной инстанций судебная коллегия по гражданским делам рассматривала жалобы и протесты на решения и определения краевых и других судов РСФСР.

Надзор Верховного Суда РСФСР за судебной деятельностью судов Республики осуществлялся по двум направлениям: 1) рассмотрение в судебных заседаниях жалоб и протестов по делам, решенным судами союзной республики; 2) рассмотрение протестов Прокурора СССР, прокурора союзной республики, председателя Верховного Суда СССР, председателя Верховного Суда союзной республики на приговоры, решения и определения, вступившие в законную силу.

Судебные коллегии Верховного Суда РСФСР по первой инстанции работали в составе председательствующего и двух народных заседателей. Председательствующим выступал либо непосредственно председатель Верховного Суда, либо по его назначению один из членов Верховного Суда РСФСР. Жалобы и протесты на приговоры, решения и определения краевых, областных и других судов союзной республики рассматривались в составе трех членов Верховного Суда. Подобным составом рассматривались дела в порядке как кассации, так и надзора.

Ограничение компетенции Верховного Суда РСФСР чисто судебной деятельностью, связанной с рассмотрением уголовных и граж-

данских дел, заметно уменьшило его возможность воздействовать на процессы совершенствования судебной практики народных судов, краевых и иных приравненных к ним судов. Напомним, что Положение о судостроительстве РСФСР 1926 г. позиционировало Верховный Суд РСФСР в качестве органа, принимающего непосредственное и результативное участие в совершенствовании российского законодательства, применяемого судами РСФСР. Названный орган был правомочен, во-первых, толковать материальное и процессуальное законодательство по вопросам судебной практики, имеющим общеобязательный характер; во-вторых, издавать циркуляры по вопросам организации деятельности судебных органов; в-третьих, разрабатывать предложения по совершенствованию законодательства и давать заключения на законопроекты.

Активное и широкое участие Верховного Суда РСФСР в законотворческой деятельности осложнялось, однако, тем, что он был включен в состав Наркомюста РСФСР и вынужден был заниматься по преимуществу вопросами управления правосудием. По данным Р. С. Абдуллина, члены Верховного Суда РСФСР принимали участие в ревизиях (плановых и внеплановых) и проверках главных судов автономных республик, краевых, областных и окружных судов. Результаты проведенных проверок выносились на обсуждение Пленума и Президиума. Только за первые полгода работы Пленум Верховного Суда РСФСР рассмотрел 50 вопросов, связанных с совершенствованием судебной практики¹. Тем не менее обобщение судебной практики и подготовка рекомендаций по ее совершенствованию составляли ведущее направление работы Верховного Суда РСФСР. Согласно Календарно-тематическому плану на 1935 г. предусматривалось изучение Судом практики применения актуальных законов о террористических актах и контрреволюционных выступлениях, о бандитизме, хулиганстве, хищениях общественной и социалистической собственности и др.²

Закон о судостроительстве СССР 1938 г. предоставлял Верховному Суду РСФСР полную самостоятельность, освобождал его от занятия проблемами судебного управления, что создавало благоприятные условия для сосредоточения внимания Суда на анализе судебной практики и ее дальнейшем развитии, а также на внесении предложений по совершенствованию материального и процессуального законодательства. Потребность в подобных материалах была осо-

¹ См.: *Абдуллин Р. С.* Судебное управление в Российской Федерации (1917—1990 гг.). М., 2014. С. 189—190.

² См.: Календарно-тематический план Верховного Суда РСФСР на 1935 г. // Советская юстиция. 1935. № 5. С. 24—25.

бенно актуальной по двум причинам: 1) в связи с подготовкой общесоюзных кодексов: уголовного, гражданского и процессуальных; 2) из-за отсутствия ясности по поводу того, какие нормы процессуального законодательства союзных республик утратили силу в связи с конституционным и законодательным закреплением демократических принципов правосудия, отсутствовавших в действующем законодательстве: ответственность за вину; полнота и обоснованность приговора, решения или определения суда, основания их отмены в кассационном или надзорном порядке.

Верховный Суд РСФСР, лишенный права толковать законы, изучать и обобщать материалы судебной практики, минимизировал свое участие в работе руководящих органов юстиции по приданию единообразия судебной практике и повышению качества судопроизводства. Председатель Верховного Суда РСФСР А. Т. Рубичев заметно уступал А. Я. Вышинскому, И. Т. Голякову, К. П. Горшенину в части публикации статей, докладов по актуальным вопросам юридической науки и судебной практики в «Советской юстиции», других юридических изданиях. Весьма редкими были сообщения о деятельности Верховного Суда РСФСР по тем или иным актуальным вопросам судебной практики. Гораздо чаще в печати помещались критические замечания. Так, сотрудников Верховного Суда РСФСР обвиняли в бездушии, нежелании приостановить исполнение приговора в отношении матери, имеющей грудного ребенка, при сомнении в ее виновности в инкриминируемой растрате¹. Названный Суд критиковался за «недопустимую волокиту, подрывающую высокий авторитет Верховного судебного органа Республики»². Был опубликован ряд материалов о неправильных решениях судебных коллегий Верховного Суда РСФСР, отмененных Верховным Судом СССР. Чаще всего судебные коллегии подвергались критике за либерализм карательной политики, судебные ошибки и недостаточный учет ряда доктринальных положений правовой науки и принципов советского права. В частности, Наркомат юстиции РСФСР признал, что в первой половине 1940 г. «многие народные суды допускают при рассмотрении уголовных дел совершенно недопустимый либерализм, применяя недопустимо мягкие меры наказания»³. В унисон с ними, по мнению наркомата, действуют судебные коллегии Верховного Суда РСФСР,

¹ См.: *Либерман А. М.* Поразительное бездушие // Советская юстиция. 1940. № 3. С. 32.

² Волокита в Верховном Суде РСФСР // Социалистическая законность. 1939. № 5. С. 81.

³ В Народном комиссариате юстиции РСФСР // Советская юстиция. 1940. № 19—20. С. 6—7.

которые в ряде случаев безосновательно снижают меры наказания при сохранении квалификации и необоснованно переквалифицируют на иные статьи УК РСФСР. Подобное обвинение выглядит достаточно серьезным на фоне общей карательной политики партии и Правительства, ориентированной на ужесточение наказания по всем составам преступлений, в первую очередь преступлений, совершаемых нарушителями трудовой дисциплины, хулиганами и расхитителями имущества предприятий, учреждений.

Верховный Суд СССР неоднократно отменял определения судебной коллегии Верховного Суда РСФСР на основании неправильной мотивировки принятого решения. Так, судебная коллегия Верховного Суда СССР своим определением от 26 июля 1940 г. отменила определение судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 20 января 1940 г. из-за того, что мотив Верховного Суда РСФСР не может быть положен в основу смягчения наказания осужденным. Снижение наказания объяснялось тем, что хищение рыбы в колхозе вошло в систему в связи с отсутствием наблюдения со стороны Рыбколхозсоюза. Судебная коллегия Верховного Суда СССР правомерно признала, что подобный мотив не смягчает, а, наоборот, отягощает вину осужденных¹.

Определением судебной коллегии Верховного Суда СССР от 2 августа 1940 г. была признана несостоятельность мотивировки решения судебной коллегии Верховного Суда РСФСР о снижении осужденному наказания с семи до четырех лет на том основании, что банковский счет плательщика был арестован. Получается, что всякий неаккуратный плательщик, счет которого арестован, свободен от исполнения закона и может безнаказанно обманывать Государственный банк. Мотивированное подобным образом определение судебной коллегии Верховного Суда РСФСР было отменено как неправильное².

Отмечая недостаточный учет положений правовой науки в правоприменительной деятельности судов, И. Т. Голяков признавал, что «еще нередко плоха ориентировка наших судей в важнейших категориях уголовного и гражданского права и процесса. Эта слабая ориентировка очень часто приводит к тому, что категории вины, соучастия, вменяемости или невменяемости применяются в полном противоречии с наукой и законом»³. Подобный недостаток в полной мере присущ определениям судебных коллегий Верховного Суда РСФСР,

¹ См.: В Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР // Советская юстиция. 1940. № 21. С. 41.

² Там же. С. 44.

³ Голяков И. Т. Некоторые вопросы науки судебной практики в решениях Пленума Верховного Суда СССР // Советская юстиция. 1940. № 4. С. 2.

которые не всегда соответствовали устоявшимся положениям правовой науки, вступали в противоречие с ними, что, в свою очередь, влекло за собой отмену определения¹.

Ошибки, присущие определениям судебных коллегий Верховного Суда РСФСР, свидетельствовали о том, что проблема профессионализма судейских кадров не была решена даже на уровне высшего суда Республики, что в конце 1930-х гг. у социалистического правосознания судей оставались еще рудименты советского правосудия периода гражданской войны, когда вина не признавалась необходимым условием ответственности, мера наказания избиралась без учета тяжести содеянного, оценка доказательств признавалась прерогативой народного суда, а для применения наказания было достаточно одного признания осужденного.

Несмотря на отдельные ошибки в толковании законов и оценке приговоров, решений и определений, Верховный Суд РСФСР обладал большими потенциальными возможностями в выявлении типичных судебных ошибок и установлении правоположений, закрепляющих верные, основанные на законе правоприменительные решения. В любом случае высший судебный орган РСФСР, непосредственно рассматривающий массу уголовных и гражданских дел, разрешаемых судами РСФСР, более глубоко и профессионально понимал проблему качества судопроизводства, причины судебных ошибок и то, каковы пути их устранения, нежели нарком юстиции РСФСР, на которого были возложены функции изучения и обобщения судебной практики. Подобный субъективизм заметно осложнил процесс выработки руководящих указаний во вопросам судебной практики.

Наркомюст РСФСР изучал судебную практику исходя из своих субъективных представлений об актуальности анализа соответствующей категории дел, не имея полного и системного представления о недостатках судебной практики, которое сложилось у членов Верховного Суда РСФСР. Соответственно при обобщении судебной практики Наркомюст мог пройти мимо отдельных особенно значимых ее моментов, дать неточные оценки и недостаточно обоснованные решения. Кроме того, выводы и предложения Наркомюста РСФСР основательно корректировались Наркомюстом СССР, поскольку от его имени направлялись в Верховный Суд СССР. Последний, в свою очередь, выносил на Пленум вопросы, руководствуясь собственными интересами. В частности, из 12 постановлений Пле-

¹ См.: *Лившиц*. Вопросы теории уголовного права в практике Верховного Суда РСФСР // Советская юстиция. 1940. № 15. С. 14–16.

нума Верховного Суда СССР, опубликованных в журнале «Советская юстиция» за 1940 г., лишь четыре принимались по инициативе Наркомюста СССР и по материалам, представленным им.

Весьма негативно на процессе совершенствования гражданского, уголовного и процессуального законодательства РСФСР сказалось лишение Верховного Суда РСФСР правомочия входить с законодательными инициативами в Верховный Совет РСФСР. Прежде всего в соответствии с Конституцией СССР и Законом о судостроительстве СССР не был приведен УПК РСФСР. В неизменности сохранялись нормы, прямо противоречащие демократическим нормам общесоюзного законодательства, что на практике явилось дополнительным источником судебных ошибок. Судьи стремились добросовестно выполнять предписания УПК РСФСР, в том числе те, которые уже признаны недействующими общесоюзным законодательством, не зная об их реальном статусе.

Трудно сказать, сколько времени продержалась бы эта несообразная конструкция, запрещающая Верховному Суду РСФСР принимать непосредственное участие в законотворчестве и оптимизации судебной практики, выработке единой линии в работе судов РСФСР. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала процесс реформирования советской судебной системы, но и после победоносного окончания войны партия и Правительство не выказывали особенного беспокойства по поводу имеющихся перекосов в системе советского правосудия. Тем не менее первый Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР» от 27 октября 1960 г., утвердивший демократические основы правосудия в Республике, наделил Верховный Суд РСФСР правом законодательной инициативы и правом давать руководящие разъяснения по вопросам применения судами РСФСР законодательства при рассмотрении гражданских и уголовных дел.

Глава 34. Верховный Суд СССР

В соответствии со ст. 104 и 105 Конституции СССР Верховный Суд СССР является высшим судебным органом и избирается Верховным Советом СССР сроком на пять лет. На Второй сессии Верховного Совета СССР одновременно с принятием Закона о судостроительстве СССР был избран Верховный Суд СССР в составе председателя, 45 членов и 20 народных заседателей.

Председателем Верховного Совета СССР был избран Иван Терентьевич Голяков, ранее (с 31 января 1938 г.) состоявший прокурором РСФСР, а с марта 1933 г. — членом военной коллегии Верховного Суда СССР. Он заменил Александра Николаевича Винокурова,

возглавлявшего Верховный Суд СССР с февраля 1924 г. Заместителем председателя Верховного Суда назначался А. П. Солодилов, занимавший ранее пост председателя Верховного Суда РСФСР; председателем судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР — П. А. Камерон, ранее состоявший членом военной коллегии Верховного Суда СССР; председателем судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР — А. А. Романова; председателем военной коллегии Верховного Суда СССР — В. В. Ульрих, занимавший бессменно свой пост с 1926 г.

Верховный Суд СССР выполнял четыре функции: 1) рассматривал отнесенные к его подсудности уголовные и гражданские дела в качестве суда первой инстанции; 2) рассматривал в кассационном порядке жалобы и протесты по делам, рассмотренным военными трибуналами, линейными судами железнодорожного и водного транспорта; 3) рассматривал в порядке надзора протесты Прокурора СССР и председателя Верховного Суда СССР на приговоры, решения и определения всех судов, вошедшие в законную силу; 4) давал руководящие указания по вопросам судебной практики на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР в порядке надзора судебным делам.

В соответствии со ст. 65 Закона о судеустройстве СССР Верховный Суд СССР действовал в составе: а) судебной коллегии по уголовным делам; б) судебной коллегии по гражданским делам; в) военной коллегии; г) железнодорожной коллегии; д) водно-транспортной коллегии. Кроме того, председателем Верховного Суда СССР не реже одного раза в два месяца созывался Пленум Верховного Суда СССР для рассмотрения протестов на приговоры, решения и определения коллегий Верховного Суда СССР, вносимые председателем Верховного Суда СССР или Прокурором СССР, а также для руководящих указаний по вопросам судебной практики. Таким образом, Верховный Суд СССР лишился образованных ранее в особом порядке структурных органов: специальной коллегии, судебно-надзорной коллегии и специального судебного присутствия по уголовным и гражданским делам.

Согласно ст. 66, 68 Закона о судеустройстве СССР судебная коллегия Верховного Суда СССР по уголовным делам в составе председателя или члена Верховного Суда СССР и двоих народных заседателей наделялась правомочием рассматривать по первой инстанции уголовные дела, отнесенные к ее ведению. Однако законодательство не содержало норм, определяющих подсудность дел названной коллегии. УПК союзных республик не могли содержать норм о компе-

тенции общесоюзных органов. Предполагалось, что соответствующая норма будет установлена Уголовно-процессуальным кодексом СССР, который Верховный Совет СССР планировал принять в самый короткий срок — вслед за Законом о судостроительстве СССР. Реально коллегия занималась тем, что рассматривала протесты на приговоры и определения верховных судов союзных республик.

Аналогичная ситуация сложилась и с судебной коллегией Верховного Суда СССР по гражданским делам: ее ведущим полномочием стало рассмотрение гражданских дел, отнесенных законом к ее ведению. Между тем Положение о Верховном Суде СССР и прокуратуре Верховного Суда СССР 1929 г., содержащее соответствующие предписания, было признано утратившим силу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 г., а Гражданский процессуальный кодекс СССР не был принят. Тем самым судебная коллегия Верховного Суда СССР по гражданским делам выступала лишь в качестве надзорной инстанции, рассматривающей в составе трех членов Верховного Суда СССР протесты на решения и определения верховных судов союзных республик.

В составе Верховного Суда СССР действовали его железнодорожная и водно-транспортная коллегии, призванные рассматривать дела о преступлениях, отнесенных законом к их ведению, а также протесты и жалобы, приносимые на приговоры и определения линейных судов железнодорожного и водного транспорта. Поскольку подсудность дел названным коллегиям не была определена законодательно, их основная деятельность сводилась к выполнению функций кассационной и надзорной инстанций. Согласно Закону о судостроительстве СССР железнодорожная и водно-транспортная коллегии Верховного Суда СССР должны были рассматривать дела в составе председательствующего — председателя или члена соответствующей коллегии и двух народных заседателей. Протесты и жалобы, приносимые на приговоры и определения линейных судов железнодорожного и водного транспорта, рассматривались в составе трех членов соответствующей коллегии Верховного Суда СССР.

Судебные коллегии Верховного Суда СССР взяли курс на выявление судебных ошибок, связанных с нарушением принципов материального и процессуального права, которые в начале 1930-х гг. прежнее руководство органов юстиции оправдывало бескомпромиссной борьбой с юридическим формализмом, доходящей до кретинизма, упрощенным подходом к основаниям юридической ответственности и обоснованности вины подсудимого, считая, что допустимы нарушения в некоторых процессуальных действиях и даже несоблю-

дение отдельных требований материального закона. В своих определениях судебные коллегии не ограничивались только указанием выявленных судебных ошибок, но обоснованно показывали, в чем и как ошиблись судебные органы и почему в каждой конкретной ситуации нужно принимать решение, рекомендованное коллегией.

Как показывает анализ определений судебных коллегий, типичные ошибки судебных органов, принимающих решения по первой или кассационной инстанции, выражаются в несоответствии наказания тяжести совершенного преступления, необоснованном оправдании или обвинении осужденных, грубых нарушениях процессуального законодательства, неправильной квалификации, неполноте проведенного следствия. Судебные коллегии устанавливали ошибки кассационных инстанций: необоснованные решения о направлении дела на доследование; неправильная квалификация; необоснованное оправдание осужденного или требование более сурового наказания по сравнению с вынесенным судом первой инстанции. Так, судебная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор народного суда Ошского участка Киргизской ССР в отношении прораба П. Л. Батраева, приговоренного к 10 годам лишения свободы за незаконное расходование более 57 тыс. руб. в ходе ремонта арыка. Однако судебная коллегия признала, что в действиях осужденного нет состава преступления, поскольку деньги осужденный израсходовал в соответствии с законом. Ошибка народного суда состояла в том, что он не изучил внимательно нормативы денежных расходов на гидротехнические сооружения.

Судебная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор народного суда Zubovo-Полянского района Мордовской АССР от 15 мая 1938 г., которым В. Н. Кузнецов был осужден к одному году исправительно-трудовых работ, несмотря на отсутствие в деле доказательств, изобличающих его в присвоении или растрате недостающего экстракта, хранившегося на складе. Приговор был вынесен на том основании, что осужденный не сумел доказать своей непричастности к недостатке экстракта. Тем самым суд, по признанию судебной коллегии Верховного Суда СССР, совершенно извратил положение обвиняемого по советскому законодательству, возложив на него доказывание вины, тогда как этим должны заниматься следственные органы¹. В свою очередь, значительная часть судебных ошибок, выявляемых судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда СССР, сводится к принятию не основанных на законах реше-

¹ См.: В Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР // Советская юстиция. 1940. № 11. С. 40.

ний, вынесенных судьями единолично, без участия народных заседателей¹ либо без достоверных доказательств. Например, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР отменила все судебные решения, вынесенные по иску Ромашовой к Прачкину о признании его отцом ее ребенка и о взыскании средств на его существование на том основании, что решения принимались безо всяких доказательств, в том числе без допроса свидетелей, без выписки из книги записей актов гражданского состояния о рождении ребенка².

Как свидетельствуют определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, нарушения законности допускаются даже при рассмотрении таких на первый взгляд достаточно простых дел, как дела о клевете. Недочеты по этой категории дел выражаются в неосновательном осуждении за клевету, поверхностном и неполном исследовании дел и нарушении процессуальных норм. Происходят случаи, когда суды проявляют к клеветникам ничем не оправданную снисходительность, оставляя их безнаказанными, или ослабляют приговор чрезмерно мягким наказанием³.

Деятельность коллегий по уголовным и гражданским делам, железнодорожной и водно-транспортной коллегий Верховного Суда СССР по выявлению и отмене судебных ошибок имела особое значение как для укрепления законности в сфере правосудия, повышения правовой культуры и ответственности народных судей за результаты их деятельности, так и для оптимизации законодательства посредством выявления пробелов, противоречий, иных его недочетов. Кроме того, правоположения, сформулированные названными коллегиями, могли широко использоваться в деле совершенствования материального и процессуального законодательства. Опираясь на материалы судебной практики, советские правоведы вели интенсивную разработку проектов общесоюзных кодексов, успешной подготовке которых помешала Великая Отечественная война. Весьма низкий потенциал этих коллегий как судов первой инстанции с лихвой компенсировала военная коллегия Верховного Суда СССР.

Подсудность дел военной коллегии определена ст. 2 постановления ЦИКа СССР от 10 июля 1934 г. «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Наркоматом внутренних дел и его местными органами». К ведению военной коллегии были отнесены дела об из-

¹ См.: В Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР // Советская юстиция. 1940. № 2. С. 46—47.

² См.: В Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР // Советская юстиция. 1940. № 6. С. 41.

³ Там же. № 12. С. 35.

мене Родине, о шпионаже, терроре, взрывах и поджогах, иных видах диверсий, указанных в ст. 6, 8, 9 Положения о государственных преступлениях, расследованных центральным аппаратом НКВД. Дела, расследованные местными органами НКВД, подлежали направлению в трибуналы округов. Военная коллегия Верховного Суда СССР выступала также в качестве кассационной и надзорной инстанций, рассматривая протесты и жалобы на приговоры и определения военных трибуналов.

Военная коллегия Верховного Суда СССР рассматривала уголовные дела, а также протесты и жалобы на приговоры и определения военных трибуналов в составе трех членов, один из которых назначался председательствующим. В то же время Закон о судостроительстве СССР допускал возможность рассмотрения уголовных дел коллегией в ином составе: председательствующего — председателя или члена коллегии и двух народных заседателей.

Военной коллегии Верховного Суда СССР были чужды демократические положения Конституции СССР и Закона о судостроительстве СССР, ориентирующие суды на укрепление законности в сфере правосудия, на полное и всестороннее исследование обстоятельств по делу и обоснованность приговора, которые так настойчиво, хотя и тщетно, внедряли в практику народных судов высшие судебные инстанции. Постановления ЦИКа СССР от 1 декабря 1934 и от 14 сентября 1937 г., предписывающие упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел о террористических актах и террористических организациях, о контрреволюционном вредительстве и диверсиях, не были включены в перечень нормативных правовых актов ЦИКа и СНК СССР, утративших силу в связи с принятием Закона о судостроительстве СССР, утвержденных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 г. Они продолжали действовать не только формально, но и фактически, применяться военной коллегией Верховного Суда СССР практически в каждом рассмотренном ею деле. Кроме того, и это самое главное, упрощения, практикуемые военной коллегией, далеко отходили от предписаний постановлений ЦИКа СССР от 1 декабря 1934 г. и от 14 сентября 1937 г.

Упрощения, закрепленные постановлениями от 1 декабря 1934 г. и от 14 сентября 1937 г., отобрали у обвиняемого часть его прав (предписывались ускоренное следствие, лишение права на кассационное обжалование, слушание дела без участия сторон и т. д.), гарантированных уголовно-процессуальным законодательством. Однако они никак не посягали на сами процессы судебного следствия, выявления и оценки доказательств, не отменяли принципов полноты, все-

сторонности, непосредственного исследования доказательств, обоснованности инкриминируемых деяний. Неукоснительно соблюдая уголовно-процессуальное законодательство (а иного и не может быть на уровне коллегий высшего органа страны), военная коллегия должна выслушать свидетелей, ознакомиться с вещественными доказательствами, заключениями экспертов и др.; она должна служить образцом, «мастер-классом» для народных судей, определяя, как нужно профессионально и качественно вести процесс и обеспечивать вынесение правосудных решений.

Но, увы, любой, даже самый «затрапезный» народный суд по части судебного следствия мог служить для военной коллегии образцом того, как нужно его вести. Военная коллегия как минимум после 1 декабря 1934 г. следствие свела к заслушиванию только показаний подсудимого. Не было сделано исключение и для бывшего наркома юстиции СССР, ярого сторонника упрощенного судопроизводства Н. В. Крыленко; 28 июля 1938 г. ему вручили копию обвинительного заключения, а на 29 июля назначили заседание военной коллегии в составе В. В. Ульриха, И. Т. Никитченко и А. Д. Горячева, которое длилось около 20 минут. Как свидетельствует протокол судебного заседания из 19 строк, подсудимый вину свою признал и показания, данные на следствии, подкрепил. Просил только учесть 25-летнюю революционную деятельность. На этом судебное следствие закончилось. После непродолжительного отсутствия членов коллегии Ульрих зачитал приговор, согласно которому осужденному назначалась высшая мера наказания. По этому же сценарию рассматривались все другие уголовные дела.

Упрощенный порядок рассмотрения военной коллегией уголовных дел позволил ей достичь воистину рекордных результатов в годы большого террора — за период с 1 ноября 1936 г. по 30 ноября 1938 г. приговорить к высшей мере наказания 31 456 осужденных и 6857 — к лишению свободы¹.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в записке в Президиум ЦК КПСС от 1 августа 1955 г. об исключении из партии бывших членов военной коллегии Верховного Суда СССР констатировал, что «члены военной коллегии не проявляли заботы о том, чтобы объективно и всесторонне исследовать и проверить обвинения, несмотря на то, что многие обвиняемые на суде отвергали их как вымышленные следствием. В судебных заседаниях каждое дело заканчивалось в течение 10—15 минут, и такая ничем не вызванная торопливость

¹ См.: Справки о количестве осужденных военной коллегией Верховного Суда СССР в 1934—1955 гг. URL: <https://go.mail.ru/search?gp=900400&fm=1&rf=171633&q>.

приводила к формальному рассмотрению дел. Свидетели судом, как правило, не опрашивались, и права обвиняемых на защиту грубо попирались. По многим делам допускались и такие нарушения закона о судопроизводстве: до рассмотрения дела члены военной коллегии заранее писали приговоры, а после суда лишь проставляли в них меру наказания. Имели место факты, когда приговоры военной коллегии выносились заочно¹.

Удивительными предстают не только методы утверждения социалистической законности высшим судебным органом страны, но и реакция новых руководителей: Н. М. Рычкова (Наркомюст СССР), И. Т. Голякова (Верховный Суд СССР), а также «матерого» Прокурора СССР А. Я. Вышинского. В 1938—1939 гг. они постоянно клеймили позором народных судей за допущенные ими судебные ошибки, ни словом не обмолвившись ни в печати, ни на разного рода совещаниях о членах военной коллегии Верховного Суда, допускавших в делах о государственных преступлениях грубейшие нарушения закона, с которыми они должны были бороться.

Таким образом, руководители сталинской юстиции за право находиться на руководящем посту вынуждены были платить высокую цену — заниматься двурушничеством. С одной стороны, публично вести активную борьбу за торжество социалистической законности на уровне судов общей юрисдикции, уверять общество в высоком гуманистическом и демократическом потенциале советского права, с другой — сохранять «нейтралитет» в отношении практики применения пыток следственными органами НКВД, поддерживать, даже принимать то или иное участие в квазисудебной деятельности военной коллегии Верховного Суда СССР и ОСО при НКВД СССР.

Организация и планирование работы коллегий возлагались на председателя Верховного Суда СССР. Он же наделялся, во-первых, правом принимать на себя председательствование по любому делу, находящемуся на рассмотрении любой коллегии Верховного Суда СССР, во-вторых, правомочием истребовать любое дело из любого суда СССР или союзных республик и внести по этому делу свой протест в соответствующую коллегию или на Пленум Верховного Суда СССР.

Пленум Верховного Суда СССР состоял из председателя Верховного Суда СССР, его заместителей и всех членов Верховного Суда СССР. В работе Пленума участие Прокурора СССР признавалось обязательным, а участие наркома юстиции СССР — факультатив-

¹ См.: Об исключении из партии бывших членов военной коллегии Верховного Суда СССР. Записка КПК при ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС от 1 августа 1955 г. URL <https://history.wikireading.ru/276497>.

ным. Заседания Пленума Верховного Суда СССР созываются не реже одного раза в два месяца. Первый Пленум Верховного Суда СССР нового состава, избранного Верховным Советом СССР, проходил с 25 по 31 декабря 1938 г. Были рассмотрены вопросы судебной практики по делам о спекуляции и об оплате вынужденных прогулов, а также ряд протестов на приговоры и решения по некоторым делам. Председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков на открытии Пленума был решителен и оптимистичен, поскольку, по его мнению, «все условия созданы для того, чтобы советский народ работал образцово. Все сделано для того, чтобы в кратчайший срок ликвидировать последствия вредительства в области советского правосудия, где враги советского народа пытались дискредитировать советский суд, подорвать его авторитет в глазах трудящихся»¹.

Преисполненный честолюбивых надежд перевести суды общей юрисдикции в русло твердой законности, покончить с крыленковским юридическим нигилизмом, привить судьям установки на неукоснительное применение материального и процессуального права Голяков взял в этом направлении достаточно резвый старт, опубликовав ряд статей по актуальным вопросам российского правосудия с конкретными предложениями по поводу того, как действовать дальше. Пленум Верховного Суда СССР принял ряд заслуживающих внимания постановлений.

Постановлением от 31 декабря 1938 г. Пленум Верховного Суда СССР признал, что суды в ряде случаев неправильно применяют ст. 58-7, 58-9 и 58-14 УК РСФСР. Нанесение вреда экономике страны посредством разрушения и подрыва государственной промышленности, разрушения железнодорожных путей или использование религиозных преступлений лишь в тех случаях, когда обстоятельствами дела установлено, что подсудимый действовал в контрреволюционных целях. Иное толкование данных статей, приведенное в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР от 2 января 1928 г., не соответствует их смыслу и признается утратившим силу. Как видим, постановлением предпринимается смелая по тем временам попытка противостоять сталинскому террору, уменьшить вал необоснованных приговоров за совершение контрреволюционных преступлений хотя бы на уровне судов общей юрисдикции.

Постановлением Пленума от 25 февраля 1940 г. отменялось постановление 51-го Пленума Верховного Суда СССР от 28 июня 1935 г. в части возложения надзора за деятельностью производственно-това-

¹ Первый Пленум Верховного Суда СССР первого состава // Социалистическая законность. 1939. № 2. С. 74.

рических судов на железнодорожном и водном транспорте на председателей линейных и водно-транспортных судов. Постановлению было придано всеобщее значение, от курирования производственно-общественными судами отказалась большая часть народных, краевые и иных приравненных к ним судов. Один из старейших институтов советского правосудия прекратил свое существование на два десятилетия.

В решениях Пленума Верховного Суда СССР без большого труда можно выявить проводимый Голяковым курс на преодоление у судей негативного отношения к процессуальному и материальному законодательству, привитого Крыленко, посредством пропаганды теоретических положений науки уголовного, гражданского и процессуального права при помощи четких и запоминающихся формулировок, выведенных в качестве итога, результата анализа Пленумом конкретных дел. Например, Пленум Верховного Суда СССР делам, рассмотренным 3 марта 1940 г., предпослал следующие заголовки: 1) «Вывод о виновности должен быть основан на тщательном исследовании всех данных, уличающих и оправдывающих обвиняемого, и не может находиться в противоречии с материалами дела»; 2) «При отсутствии причинной связи между действиями подсудимого и наступившими последствиями, а также в тех случаях, когда подсудимый по не зависящим от него обстоятельствам не мог предвидеть последствия своих действий, эти последствия, как бы тяжелы они ни были, не могут быть поставлены в вину подсудимому»; 3) «Подсудимый не может отвечать за последствия своих законных действий, наступивших по не зависящим от него обстоятельствам». Дела, рассмотренные Пленумом Верховного Совета СССР 13 апреля 1940 г., имели следующие заголовки: 1) «Обвиняемый не может нести ответственность за последствия, которые он не мог предвидеть вследствие действий второго обвиняемого»; 2) «Обвинение не может быть основано на противоречивых показаниях лица, заинтересованного в исходе дела» и т. д.

Подобные афористичные заголовки публиковались в журнале «Советская юстиция» и служили полезным средством повышения квалификации народных судей, обретения ими правильного подхода к решению сложных вопросов теории уголовного права в процессе осмысления юридической природы исследуемых фактов и их квалификации. Однако подобный «юридический всеобуч» Пленума Верховного Суда СССР, как и в целом кампания по демократизации советского правосудия, просуществовали сравнительно недолго из-за негативного отношения Вышинского к претензиям

Голякова на роль идеолога для советских судей, постановки перед судами общей юрисдикции задач, сопряженных с проведением сталинского террора в сфере трудового права и условиями военного времени 1941—1945 гг.

Методы успешного устранения Крыленко, использованные Вышинским в борьбе за лидерство в области юридической науки и практики, были применены в отношении Голякова. Первый юридический идеолог сталинского режима не хотел никого видеть рядом с собой и поэтому поспешил дать публикациям председателя Верховного Суда СССР отрицательную оценку, обвинив автора: во-первых, в неспособности правильно уяснить себе марксистско-ленинское понимание права в интерпретации Вышинского; во-вторых, в неумении подготовить научно обоснованный комментарий к постановлению ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г.; в-третьих, в призывах разрабатывать проблемы, уже решенные правовой наукой и практикой. Вышинский был уверен в том, что «нельзя согласиться с т. Голяковым, считающим неразрешенными такие вопросы, как проблема доказательств, проблема состязательности, вопросы предания суду, исполнения приговоров», осуществляющим подмену теоретического вопроса об аналогии в праве вопросами практического извращения аналогии судами и ставящим вопрос о необходимости разработки принципа демократического централизма, «исчерпывающе разработанной теорией нашего партийного строительства»¹.

Однако юридической общественности страны не пришлось быть свидетелем полемики двух идеологов в борьбе за истинную ленинско-сталинскую теорию права. События на фронте теории и практики круто повернулись в другую сторону, в сторону обоснования указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., от 10 июля 1940 г. и от 10 августа 1940 г., которыми сталинский террор был распространен на сферу трудовых отношений в связи с задачами перевода экономики страны практически на военное положение в целях создания необходимых ресурсов на период неизбежной войны с фашистской Германией. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 15 августа 1940 г. «О недостатках судебной практики по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений и о прогулах без уважительных причин» судам общей юрисдикции было дано категоричное предписание «строго выполнять Указ от 26 июня 1940 г.», применяя уголовно-правовые санкции к нарушителям трудовой дисциплины, не допускать ника-

¹ Вышинский А. Я. XVIII Съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Социалистическая законность. 1939. № 6. С. 6, 18—26.

ких поблажек снижением названных мер наказания, «другими, более мягкими мерами наказания».

Коль скоро обоснование необходимости решительного проведения сталинского террора судами общей юрисдикции и проблемы демократизации советского правосудия, сопряженные с укреплением законности, между собой плохо совместимы, то последним пришлось уступить дорогу первым до лучших времен, наступивших лишь в конце 1950-х гг. с началом хрущевской оттепели.

Глава 35. Военные трибуналы

Начиная с 1928 г. постепенно, посредством ряда мер, принятых ЦИКом и СНК СССР, военные трибуналы были возвращены в систему чрезвычайных органов, имеющих своей первостепенной целью борьбу с особо опасными для армии, флота и государства преступлениями в порядке упрощенного судопроизводства. Эволюция законодательства шла по трем направлениям: 1) расширение подсудности трибуналам дел по ряду особо опасных преступлений, совершенных гражданскими лицами; 2) упрощение порядка рассмотрения военными трибуналами уголовных дел; 3) отмена ряда правовых гарантий осужденных на защиту от незаконных действий органов юстиции на стадии кассации.

Первой ласточкой в расширении подсудности военным трибуналам гражданских лиц стало постановление ЦИКа и СНК СССР от 23 мая 1928 г., согласно которому суду военного трибунала подлежали лица, не состоящие на воинской службе, собиравшие и передававшие сведения военного характера другому государству. Спустя год постановлением ЦИКа и СНК СССР от 7 июня 1929 г. подсудность дел военным трибуналам заметно расширилась — их юрисдикция была распространена на граждан, состоящих в особых образующих в военное время командах для обслуживания тыла и фронта и совершивших террористический акт либо контрреволюционный саботаж, бандитизм и ряд других опасных государственных преступлений. В соответствии с постановлением ЦИКа и СНК СССР от 18 сентября 1930 г. «совершенные кем бы то ни было», в том числе гражданскими лицами, бандитские действия, а также похищение из мест расположения воинских частей оружия и боеприпасов, не находившихся под охраной или особым наблюдением, переходили в подсудность военных трибуналов.

Итоговым актом в части расширения подсудности дел военным трибуналам в отношении гражданских лиц явилось постановление ЦИКа СССР от 10 июля 1934 г. «О рассмотрении дел о преступле-

ниях, расследуемых Наркоматом внутренних дел СССР и его местными органами», которым дела об измене Родине, о шпионаже, терроре, взрывах и поджогах, об иных видах диверсий, расследуемые Наркоматом внутренних дел СССР и его местными органами, подлежали рассмотрению военной коллегией Верховного Суда СССР либо военными трибуналами округов. Вскоре, буквально через пять месяцев, постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О внесении изменений в действующие Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» было введено упрощенное судопроизводство при рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти. Поскольку все такие дела подлежали рассмотрению военными трибуналами, соответственно эти трибуналы и получали право на упрощенное судопроизводство, а именно: следствие по таким делам заканчивать в срок не более 10 дней; дело слушать без участия сторон, а кассационного обжалования приговоров, как и ходатайств о помиловании, не допускать; самое главное — приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно после его вынесения¹.

Таким образом, все встало на свои места. В 1934 г. военные трибуналы не только вернули, но и заметно приумножили свои права чрезвычайного судебного органа, закрепленные приказом Реввоенсовета от 4 мая 1920 г. «О введении в действие “Положения о революционных военных трибуналах”». Если суду революционных военных трибуналов подлежали дела обо всех гражданах, обвиняемых в бандитизме, то военные трибуналы были правомочны рассматривать дела по обвинению гражданских лиц в терроризме, измене Родине, взрывах и поджогах, иных видах диверсий и ряде других преступлений. Согласно приказу Реввоенсовета осужденные реввоен трибуналом были лишены права на апелляционное и кассационное обжалование приговора, но они обладали правом на получение копии приговора в течение 24 часов, а приговор подлежал приведению в исполнение через 48 часов со времени извещения компетентных органов о вынесенном приговоре и при отсутствии их решения о приостановлении приговора. Постановление ВЦИКа от 1 декабря 1934 г. отменило подобного рода гарантии осужденным по обвинению в совершении террористических актов и предписывало расстреливать их немедленно после вынесения приговора.

К 1934 г. окончательно определилась подсудность дел военным трибуналам. Наиболее полное решение по этому вопросу содержа-

¹ См.: Загорский Г. И. Из истории военных трибуналов // Бюллетень УВТ МЮ и ВК СССР. 1979. № 1; Кобликов А. С. Подсудность уголовных дел военным трибуналам. М., 1965.

лось в постановлении ЦИКа и СНК СССР от 18 сентября 1930 г.: была дана итоговая редакция, соединившая в себе все ранее принятые решения по этому вопросу за прошедшие четыре года. Основное отличие этих предписаний от начальной редакции ст. 8 Положения от 20 августа 1926 г. состояло в том, что военные трибуналы должны были рассматривать дела, совершенные гражданскими лицами («кем бы то ни было») по достаточно объемному перечню составов преступлений.

Суду военного трибунала подлежали все дела по обвинению: 1) военнослужащих в воинских преступлениях; 2) военнослужащих, лиц, призванных на военные сборы, а также граждан, состоящих в особях, образуемых в военное время командах по обслуживанию тыла и фронта, — в преступлениях, определенных положениями о государственных преступлениях, в должностных и имущественных преступлениях, предусмотренных соответствующими статьями УК РСФСР (присвоение денег или иных ценностей, получение взятки, служебный подлог и др.). Кроме того, данному судебному учреждению были подсудны дела по обвинению гражданских лиц, независимо от их отношения к воинской службе, в *бандитизме, похищении из мест расположения воинских частей оружия и боеприпасов, совершении шпионских действий в пользу другого государства*, в иных преступлениях, угрожающих мощи Красной Армии. Одновременно сохранялось предписание об уголовной ответственности по суду военного трибунала всех лиц, совершивших преступления в местностях, в которых не действуют общие суды.

Впоследствии изложенная редакция нормы о подсудности дел военным трибуналам была дополнена еще тремя предписаниями, предусматривающими подсудность военным трибуналам дел в отношении оперативно-строевого и административно-хозяйственного состава милиции, начальствующего состава гражданского воздушного флота, а также начальствующего, технического и летно-подъемного состава Управления воздушной службы Главного управления Северного морского пути.

Сообразно изменениям подсудности была скорректирована система военных трибуналов и органов, уполномоченных рассматривать дела в порядке кассации. Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 26 октября 1929 г. упразднялись военные трибуналы дивизий вследствие отсутствия достаточного числа уголовных дел. Для осуществления правосудия в дивизиях и корпусах предусматривалось создать отделы военных трибуналов округов и корпусов. Кроме того, военные трибуналы округов, фронтов, отдельных армий были на-

делены правами кассационной инстанции в отношении приговоров военных трибуналов корпусов или отделов военных трибуналов округов и корпусов.

Таким образом, законодатель посредством ряда отдельных изменений, корректировок вернул военные трибуналы в число органов, правомочных в чрезвычайном порядке вести активную и эффективную борьбу за укрепление законности в Красной Армии, т. е. с наиболее опасными государственными преступлениями, совершаемыми всеми лицами, независимо от их отношения к воинской службе. Военным трибуналам разрешалось часть дел рассматривать в упрощенном порядке, существовавшем в период гражданской войны и применявшемся только к врагам советской власти.

На 1936—1938 гг. приходится пик славы военной коллегии Верховного Суда СССР, успешно проводшей ряд процессов над особо опасными для общества и советского государства матерыми шпионами, изменниками Родине и террористами, в числе которых, как ни странно, оказались многие соратники В. И. Ленина по революционной деятельности, по Великой Октябрьской социалистической революции и по укреплению советского государства. Это процессы: по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра (19—24 августа 1936 г.); по делу антисоветского троцкистского центра (23—30 января 1937 г.); по делу антисоветского правотроцкистского блока (2—13 марта 1938 г.), завершившиеся вынесением обвинительных приговоров в отношении Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Н. Н. Крестинского, Г. Л. Пятакова, К. Б. Радека, Л. П. Серебрякова, Н. И. Муралова и других партийных и государственных деятелей с применением к ним высшей меры наказания.

Не менее «успешно», как было ранее показано на примере суда над Н. В. Крыленко, военная коллегия Верховного Суда СССР рассматривала одиночные дела по обвинению бывших соратников В. И. Ленина в упрощенном порядке, успевая завершить процесс с объявлением приговора за 15—20 минут.

Как уже говорилось, в ранее действовавшем законодательстве четко и последовательно военные трибуналы выделялись из системы судов общей юрисдикции в качестве результативного средства борьбы российского пролетариата с классовыми врагами, которое в той или иной части отходило от демократических принципов советского правосудия, допускало применение суровой репрессии к невинно осужденным по мотивам их социальной опасности. Авторы Закона о судеустройстве 1938 г., наоборот, пытаются представить во-

енные трибуналы как специальные суды, отличающиеся от судов общей юрисдикции лишь сферой деятельности. В основу организационного строения системы военных трибуналов заложены те же институты, что и у остальных форм советского правосудия.

Система военных трибуналов имеет двухуровневую структуру.

Первый уровень образуют военные трибуналы при армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях; второй — воентрибуналы при военных округах, фронтах и флотах. Правом на правосудие по первой инстанции обладают все военные трибуналы без какого бы то ни было исключения в пределах предоставленной им подведомственности. Кроме того, воентрибуналы второго уровня рассматривают жалобы и протесты на приговоры по делам, рассмотренным воентрибуналами армий, корпусов, иных воинских соединений и военизированных учреждений. Жалобы и протесты на приговоры по делам, рассмотренным военными трибуналами второго уровня, военная коллегия Верховного Суда СССР рассматривала в качестве кассационной инстанции. Одновременно коллегия по первой инстанции рассматривала дела, отнесенные к ее ведению постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 сентября 1926 г. «Об изменении редакции ст. 56 Наказа Верховному Суду СССР».

Военные трибуналы, равно как и военная коллегия Верховного Суда СССР, рассматривали уголовные дела в том же составе, что и суды общей юрисдикции: председательствовал на процессе постоянный профессиональный судья (председатель или член трибунала), а два других членов суда были народными заседателями. Народные заседатели военных трибуналов избирались краевыми и областными Советами депутатов трудящихся и верховными советами автономных республик. Лишь в порядке исключения, в целях сохранения военной или иной государственной тайны закон разрешал рассматривать дела в составе трех членов военного трибунала.

В состав военной коллегии Верховного Суда СССР, рассматривающей дела по первой инстанции, входили председательствующий — председатель или член коллегии и два народных заседателя. В составе трех членов коллегии рассматривали протесты и жалобы на приговоры и определения военных трибуналов, а также отдельные категории уголовных дел — в порядке исключения и в случаях, прямо предусмотренных законом. Народных заседателей коллегии избирал Верховный Совет СССР.

В Законе о судостроительстве СССР 1938 г. не сформулированы предписания, закрепляющие особый, упрощенный порядок рассмотрения военными трибуналами и военной коллегией Верховного Суда

СССР уголовных дел, а также жалоб и протестов. Тем самым формально (по смыслу закона) в сфере военной юстиции действовали все демократические нормы и принципы уголовного процесса, прописанные в Конституции СССР и Законе о судостроительстве СССР 1938 г. В результате создавалось впечатление, что все органы военной юстиции действуют на началах единого и равного для всех суда, единого и обязательного для всех судов уголовного и процессуального законодательства СССР, что разбирательство дел открытое, а каждый обвиняемый имеет право на защиту.

Руководствуясь указанными принципами, советские правоведы не видели существенных расхождений между судами общей юрисдикции и специальными судами, в том числе военными трибуналами, и полагали, что специальные суды руководствуются общим для всех судов материальным и процессуальным законодательством и подчиняются общему для всех судов надзору Верховного Суда СССР¹. Однако формальная общность, провозглашенная законом, не всегда гарантирует реальную, фактическую общность.

Стремясь придать военным трибуналам видимость общего с другими судами, законодатель сознательно умолчал о трех существенных обстоятельствах, опровергающих эту общность: 1) о функционировании особого трибунала при Наркомате внутренних дел; 2) об упрощенном и ускоренном порядке рассмотрения военными трибуналами определенных категорий уголовных дел; 3) об отсутствии у осужденных права на подачу кассационной жалобы по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного судопроизводства.

Несмотря на то что военные трибуналы НКВД были образованы в соответствии с приказом НКВД СССР, Прокурора СССР и Верховного Суда СССР от 7 октября 1934 г. «О реорганизации военных трибуналов и военных прокуратур пограничной и внутренней охраны», в Законе о судостроительстве СССР они не упоминаются. Соответственно по законам СССР трибуналы НКВД не существуют, но в конце 1930-х гг. в СССР 76 таких трибуналов состояли при краевых, областных республиканских, окружных войсках НКВД, исправительно-трудовых лагерях и специальных стройках НКВД СССР. Трибуналы действовали на основании ведомственных актов и вопреки ст. 102 Конституции СССР, предусматривающей создание специальных судов не иначе, как в соответствии с постановлениями Верховного Совета СССР².

¹ См.: *Кожеевников М. В.* История советского суда. С. 323.

² См.: *Обухов В. В.* Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Историко-правовое исследование); автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 11—12.

Вполне понятно, что незаконным трибуналам, действующим в незаконном порядке, могли доверять рассмотрение «наиболее ответственных, но некачественно расследованных» дел об опасных государственных преступлениях сотрудников органов внутренних дел, государственной безопасности, уголовно-исправительной системы, конвойных, пограничных, внутренних войск и других войсковых формирований НКВД, а также граждан, не состоящих на службе в органах НКВД. Однако решительность, с которой ЦК партии и Правительство в 1938 г. упразднили тройки при НКВД, была чисто идеологической, показательной, поскольку большую часть их дел наследовали трибуналы НКВД¹.

Незаконный, не соответствующий Конституции СССР и принципам Закона о судопроизводстве СССР, упрощенный и ускоренный порядок широко применялся военными трибуналами в соответствии с постановлением ЦИКа СССР от 1 декабря 1934 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». По всем канонам законодательной техники более поздний Закон о судостроительстве СССР 1938 г., закрепивший принцип единства уголовно-процессуального законодательства СССР, право обвиняемого на защиту и обжалование приговора, отменял противоречащее ему ранее принятое постановление ЦИКа СССР от 1 августа 1934 г.

Следовательно, законодатель, считавший необходимым сохранить действие названного постановления, должен был об этом прямо сказать в Законе о судостроительстве СССР. Отсутствие подобного предписания и в свете направленности воли законодателя на утверждение демократических принципов советского правосудия создает видимость того, что в СССР с практикой рассмотрения уголовных дел в упрощенном порядке покончено полностью. Однако в реальности все обстояло с точностью до наоборот. В 1937—1938 гг. дела в упрощенном порядке рассматривали не только военные трибуналы, но и военная коллегия Верховного Суда СССР. В таком порядке коллегия рассмотрела более 45 тыс. дел с учетом санкций обвиняемым, предписанных Политбюро ЦК партии по так называемым расстрельным спискам, составленным органами НКВД. Широкое распространение подобной практики признали нарком юстиции СССР Н. М. Рычков, Прокурор СССР М. И. Панкратьев и председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков в письме И. В. Сталину и В. М. Молотову от 3 декабря 1939 г.: «Военной Коллегией Верховного Суда СССР, особенно в течение 1937 и 1938 годов, рассмотрено в качестве суда первой ин-

¹ См.: *Обухов В. В.* Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Историко-правовое исследование).

станции большое количество судебных дел о контрреволюционных преступлениях. Дела эти рассматривались в упрощенном порядке и, как правило, без вызова свидетелей»¹. В годы Великой Отечественной войны упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел доминировал во всех специальных судах.

Примером еще одного существенного противоречия между Конституцией СССР и законодательством о правосудии могут служить постановления ЦИКа СССР от 1 декабря 1934 и от 14 сентября 1937 г., которыми вопреки ст. 111 Конституции СССР, гарантирующей обвиняемому право на защиту, запрещалось пользоваться услугами защитника, а также подавать кассационную жалобу на приговор. Закон о судостроительстве СССР 1938 г. в общем виде утверждает неизбежность права обвиняемого на защиту. В то же время противоречащие ему нормы названных постановлений не были признаны утратившими силу и продолжали действовать на всем протяжении сталинского режима.

О нормах уголовно-процессуального законодательства, закрепляющих сталинский террор вопреки Конституции СССР, были осведомлены советские ученые, руководители партии и органов советской юстиции, но все они предпочитали на сей счет хранить глубокомысленное молчание, публично поддерживая и одобряя режим сталинского террора, практику массовидных нарушений прав обвиняемых и осужденных. Так, главный инквизитор страны советов В. В. Ульрих, вынужденный постоянно закрывать глаза на все недостатки и ошибки следственных органов НКВД и приговаривать невиновных людей к высшей мере наказания, в статье «Военная юстиция» отметил в судебно-следственной практике только позитивное и всепобеждающее начало. Автор подчеркивал, какую сложную и ответственную задачу решают органы НКВД под руководством Н. И. Ежова по ликвидации контрреволюционных гнезд троцкистско-бухаринской агентуры фашизма, и заверял партию в готовности работников юстиции приложить все силы и способности, чтобы оправдать высокое доверие партии рассматривать дела о наиболее опасных контрреволюционных преступлениях².

Таким образом, основным источником грубейших нарушений законности в сфере военной юстиции были не столько ее кадры, сколько действующие законы и установки партии и Правительства в области карательной политики, противоречащие Конституции СССР и курсу на последовательную демократизацию основных сфер

¹ Цит. по: Военная коллегия Верховного Суда СССР. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

² См.: Ульрих В. Военная юстиция // Советская юстиция. 1938. № 4. С. 4.

общества, в том числе правосудия. Трагедия партии и Сталина как ее вождя состояла в том, что утверждение в советском обществе демократии и режима законности они связывали и с уничтожением или изоляцией от общества «плохих» людей, к которым они относили всех не согласных с личным курсом Сталина. В результате большая часть творческих сил общества, способных определить реальные пути социалистического строительства без масштабных репрессий, оказалась в числе оппонентов Сталина и была репрессирована. Сталинское окружение, наученное горьким опытом его оппонентов, было способно лишь поддакивать вождю партии и проводить его субъективные решения в жизнь.

Военные трибуналы в силу специфики подсудных им дел оказались одним из полезных средств проведения сталинской репрессивной политики во имя победы социализма, но методами отнюдь не социалистическими, сопряженными с массовым насилием и уничтожением миллионов ни в чем не повинных людей. Как показала последующая практика, военные трибуналы не сумели удовлетворить всех потребностей ЦК партии и советского государства в карательных мерах, поэтому дополнительно к военным трибуналам создавались органы чрезвычайного правосудия. Первый опыт их организации и работы пришелся на период сплошной коллективизации и уничтожения кулака как класса.

Глава 36. Транспортные суды

По справедливому мнению Д. Н. Шкларевского, создание транспортных судов в первой половине 1930-х гг. предопределялось тем, что «транспорт перестал удовлетворять потребностям экономики и поставил под угрозу срыва выполнение пятилетних планов развития страны»¹. В этих условиях ЦК партии и Правительство признали чрезвычайные меры государственного принуждения, связанные с применением самых суровых уголовно-правовых санкций вплоть до расстрела, в качестве *эффективного средства* наведения порядка на главных транспортных путях страны.

В РСФСР железнодорожные линейные суды были образованы согласно постановлению ЦИКа и СНК СССР от 27 ноября 1930 г. «О железнодорожных линейных судах» при краевых, областных судах в городах, по местонахождению дирекции железных дорог. Законодатель поставил цели усилить борьбу с преступлениями, угрожаю-

¹ Шкларевский Д. Н. О некоторых причинах создания органов транспортной юстиции в СССР в 30-е гг. XX в. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65322-nekotorykh-prichinakh-sozdaniya-organov-transportnoj-yusticii-sssr>.

щими нормальной работе транспорта, приблизить разбор дел об этих преступлениях к месту их совершения и ускорить производство по этим делам, а также привлечь внимание широкой пролетарской общественности к борьбе с преступлениями на транспорте.

Вновь созданным судам были подсудны дела обо всех преступлениях на железнодорожном транспорте независимо от того, совершены они его работниками или гражданами, не состоящими в трудовых отношениях с органами, предприятиями, организациями системы Наркомата путей сообщения. Среди них наибольшую опасность представляли пять категорий дел: а) о злом нарушении работниками транспорта трудовой дисциплины; б) о нарушении и невыполнении правил движения, повлекших за собой повреждение или уничтожение подвижного состава, пути и путевых сооружений или несчастные случаи с людьми, либо не имевших названных последствий, но представлявших собой непосредственную угрозу безопасности движения; в) о бездействии работников транспорта, вызвавшем скопление на местах выгрузки порожняка, а также простой вагонов и удержание в парках лишних вагонов; г) о недоброкачественном ремонте и выпуске в эксплуатацию недоброкачественно отремонтированных паровозов, вагонов, цистерн и иного транспортного оборудования; д) все дела о контрреволюционных преступлениях, связанных с работой железнодорожного транспорта.

Расследование названных категорий дел в РСФСР поручалось специальным следователям в составе краевой (областной) прокуратуры. Железнодорожные линейные суды действовали в составе одного постоянного судьи — председателя и двух народных заседателей из числа работников транспорта. Председатель суда назначался из состава соответствующего краевого (областного) суда. Списки народных заседателей из работников транспорта утверждались краевыми (областными) исполнительными комитетами. В Верховном Суде СССР образовывалась судебная коллегия по транспортным делам в составе четырех человек: председателя и трех членов, персонально назначаемых Президиумом ЦИК СССР. На коллегия возлагались функции руководства и кассационно-ревизионного надзора по делам, подсудным железнодорожным линейным судам.

Усиление борьбы с транспортными преступлениями предписывалось проводить в типичном для того времени режиме — посредством сокращения сроков расследования транспортных преступлений «в самом срочном порядке», максимум в течение 10 дней. Суду вменялось в обязанность рассмотреть дело не позднее пяти дней по окончании расследования. И лишь в исключительных случаях — при

затруднительности получения необходимых данных, вызова свидетелей из отдаленных мест и т. п. — эти сроки разрешалось продлить, но не более чем на пять дней.

ЦК партии и Правительство суть борьбы видели в том, чтобы как можно быстрее приговорить правонарушителей к длительным срокам лишения свободы либо к высшей мере наказания, чтобы другим было неповадно совершать подобные противоправные деяния. Соответственно, судебные заседания железнодорожных линейных судов требовалось проводить возможно ближе к месту совершения преступления: в железнодорожных мастерских, депо, рабочих клубах и т. д. с привлечением на заседание широкой рабочей ответственности. Более того, в судебном заседании наряду с участием государственных обвинителей требовалось непременно участие общественных обвинителей из числа работников транспорта. Приглашение общественных защитников, как видим, по таким делам не предусматривалось, а лица, исполняющие роль общественного защитника по своей воле, заслуживали в лучшем случае общественного осуждения за непонимание курса партии на борьбу с преступностью на железнодорожном транспорте.

Законодатель менее всего думал о том, что процесс установления истины по делу, связанному с транспортными, в данном случае железнодорожными, средствами требует проведения сложных технических экспертиз, как правило, не укладывающихся в сроки, установленные постановлением. Законодатель явно отдавал предпочтение суду скорому, но необоснованному. Не отводя времени на экспертизы, он заметно упрощал ситуацию, презюмируя: виновник транспортной аварии настолько очевиден, что проведение специальных технических экспертиз — это пустая трата времени и государственных средств. Однако практика свидетельствовала об обратном: только техническая экспертиза могла дать достоверный ответ на вопрос о том, является виновником аварии человек или она вызвана вышедшими из строя техническими средствами.

Опыт первых месяцев работы следствия по транспортным делам показал нереальность установленных сроков. Так, по Московско-Курской и Московско-Казанской железным дорогам за три месяца после принятия постановления от ноября 1930 г. следственные органы из 170 находившихся в производстве уголовных дел закончили в срок до 10 дней лишь 13% дел; до месяца — 49%; свыше месяца — 38%. Суды, в свою очередь, также лишь половину дел успевали рассматривать в установленные сроки. Показательные судебные процессы нередко превращались в фарс, поскольку помещения, как правило, предоставлялись неотапливаемые. Составу суда приходилось делать

частые перерывы, чтобы побегать и согреться, писать же приговор приходилось опухшими от холода руками¹.

Ускоренное рассмотрение дела все же предполагалось проводить с соблюдением всех процедур, установленных уголовно-процессуальным законодательством, и предоставлением гарантий защиты прав обвиняемых и подсудимых, в частности права пользоваться услугами защитника, знакомиться с материалами дела, принимать активное участие в судебном следствии и обжаловать приговор в коллегию по транспортным делам в Верховный Суд СССР. Жалобу надлежало не позднее 72 часов с момента объявления приговора подать в суд, вынесший приговор. Законодатель по-прежнему спешил завершить дело побыстрее и срок подачи жалобы определял не с момента вручения осужденному копии приговора, а сразу после его объявления в суде. Но не всякий человек на слух способен полно и точно уяснить суть приговора и в стрессовом состоянии выделить обстоятельства, подлежащие обжалованию, да еще если приговор, по мнению осужденного, необоснованный и несправедливый.

Жалобу осужденного коллегия по транспортным делам Верховного Суда СССР обязывалась рассмотреть не позднее пяти дней со дня поступления жалобы, которая больших шансов на пересмотр дела не давала. Во-первых, приговор согласно ст. 437 УПК РСФСР мог быть отменен только в случае признания явного несоответствия назначенного наказания деянию осужденного. Во-вторых, определения коллегии признавались окончательными, не подлежащими обжалованию. Однако за председателем Верховного Суда СССР и прокурором РСФСР сохранялось право внести протест на Пленум Верховного Суда СССР в течение 24 часов с момента вынесения определения коллегии.

Почти трехлетний опыт работы железнодорожных линейных судов показал, что их распределение по наркоматам союзных республик не обеспечивает единство судебной политики, которую хотел видеть законодатель, принимая постановление ЦИКа и СНК СССР от 27 ноября 1930 г. Поэтому постановлением ЦИКа и СНК СССР от 27 августа 1933 г. железнодорожные линейные суды были переданы из системы наркомюстов союзных республик в систему Верховного Суда СССР по транспортной коллегии. На нее же была возложена обязанность подбора судебных кадров для этих судов.

Реанимирование специальных судов на железной дороге вплотную поставило задачу возвращения подобных им судов и на речной

¹ См.: *Склярский И.* Линейные суды при Московском областном суде за работой // Советская юстиция. 1931. № 17. С. 14—16.

транспорт. Так, циркуляром Наркомюста от 17 июля 1931 г. № 79 давалось указание выделить в районах речного транспорта специальные судебные камеры для заслушивания возникающих дел об авариях. Данная мера, по мнению Раусова, «выдвигает на очередь обсуждение вопроса об уточнении обязанностей судебных камер речного транспорта или организации специальных судов по типу линейных судов на железнодорожном транспорте»¹. Этот вопрос возник с самого начала деятельности прокуратур речного транспорта.

Поставленный практикой вопрос был положительно разрешен постановлением ЦИКа и СНК СССР от 7 июня 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры». Примечательная особенность данного акта состояла в том, что в нем отсутствовали экстремистские предписания постановления ЦИКа и СНК от 27 ноября 1930 г., законодатель отказался от установления сокращенных сроков следствия и судебного рассмотрения уголовных дел, а также поставил конкретные и реально достижимые цели деятельности судов на водном транспорте. Образование этих судов согласно постановлению ЦИКа и СНК СССР от 7 июня 1934 г. было вызвано необходимостью борьбы с нарушениями социалистической законности, охраны социалистической собственности и укрепления дисциплины на водном транспорте.

Как видим, образование новых специальных судов связано с целями, традиционными для судов общей юрисдикции: они также должны действовать во имя торжества законности, обеспечения сохранности социалистической собственности и укрепления трудовой дисциплины. В чем же тогда состоял смысл судебной реформы? Законодатель преследовал две задачи, с которыми суды общей юрисдикции хронически не справлялись на должном уровне — это выполнение сложных технических экспертиз причин аварий на водном транспорте для установления вины лиц, причастных к авариям, и потребность в усилении карательной политики в отношении нарушителей трудовой и производственной дисциплины на водном транспорте, применении к ним более строгих мер по сравнению с санкциями, предусмотренными для работников промышленных или строительных предприятий.

Планировалось образование судов разной подчиненности на водном транспорте. Суды Черноморского и Каспийского морских бассейнов, а также Верхне-Волжского, Средне-Волжского, Нижне-Волжского речных бассейнов подчинялись непосредственно Верхов-

¹ Раусов. Речной транспорт и задачи органов юстиции // Советская юстиция. 1931. № 28. С. 15.

ному Суду СССР. В свою очередь, суды названных бассейнов имели в своем подчинении участковые водные транспортные суды. Суды остальных водных бассейнов Российской Федерации входили в судебную систему РСФСР и подчинялись Верховному Суду РСФСР.

Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 7 июня 1934 г. предписывалось формирование водной транспортной коллегии в составе Верховного Суда СССР, а постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 10 октября 1934 г. — соответствующей коллегии в составе Верховного Суда РСФСР. Водные транспортные суды морских и речных бассейнов, подчиненные Верховному Суду РСФСР, могли иметь в своем подчинении участковые водные транспортные суды.

Члены водной транспортной коллегии Верховного Суда РСФСР утверждались Президиумом ВЦИКа, а члены соответствующей коллегии Верховного Суда СССР назначались ЦИКом СССР. В постановлении ЦИКа и СНК СССР от 7 июня 1934 г. нет нормативных указаний о составе водных транспортных судов, рассматривающих дела по первой инстанции. Презюмировалось, что эти вопросы разрешаются по аналогии со ст. 2 постановления ЦИКа и СНК СССР от 27 ноября 1930 г.: суды по первой инстанции действуют в составе председателя (постоянного судьи), выделяемого из состава областного или краевого суда, и двоих народных заседателей из числа работников водного транспорта, избираемых облкрайисполкомами. Например, Леноблисполком в 1935 г. избрал 227 народных заседателей судов на водном транспорте: 45% — члены КПСС; 71% — рабочие.

Подсудность дел судам на водном транспорте определялась по тем же принципам, что и подсудность железнодорожным линейным судам. Суды на водном транспорте привлекали к ответственности в первоочередном порядке нарушителей трудовой и производственной дисциплины, в частности, по следующим составам преступлений: нарушение правил судоходства и судовождения; недоброкачественный ремонт флота; нарушение правил содержания пути; невыполнение распоряжений; уход с поста; действия, повлекшие за собой простой судов или срыв установленных планов перевозки. Эти же суды рассматривали должностные, хозяйственные преступления работников водного транспорта и, кроме того, дела в отношении лиц, не состоящих в трудовых отношениях с органами и предприятиями водного транспорта. Ответственность этих лиц наступала за нарушения обязательных постановлений, действующих на транспорте и подлежащих уголовной ответственности, а также за совершение государственных преступлений и преступлений против порядка управления, нарушающих нормальную работу водного транспорта.

Постановление ЦИКа и СНК СССР от 7 июня 1934 г. не предоставляло судам на водном транспорте никаких льгот в части упрощения порядка рассмотрения уголовных дел. От этих судов требовалось неукоснительное соблюдение всех норм УПК РСФСР и вынесение качественно совершенных приговоров, соответствующих принципам обоснованности, правомерности и справедливости. Между тем железнодорожные линейные, как и водные транспортные, суды не сумели показать судам общей юрисдикции яркий образец советского правосудия, способного вести борьбу за укрепление законности методами законности, устанавливая истину по делу, вину обвиняемых и применяя ответственность сообразно тяжести вреда, причиненного общественным отношениям. Качество судебной деятельности судов на транспорте характеризовалось практически теми же показателями, что и судов общей юрисдикции.

Железнодорожные линейные суды, по данным А. Киселева, страдали теми же недостатками, что и суды общей юрисдикции. «Судебные заседания проводятся из рук вон плохо — слишком наспех, без допроса обвиняемых и свидетелей по основным пунктам предъявленного обвинения, самотеком, без всякого руководства председательствующего судьи. Качество протоколов судебных заседаний и приговоров не стоит на должной высоте: они все еще нередко излагаются неграмотно, неряшливо, небрежно... Суды нарушают процессуальный закон, незаконно ограничивают права обвиняемых на защиту, гарантированные Конституцией, не понимая всей важности соблюдения принципа состязательности процесса»¹.

Карательная политика водных транспортных судов также не в полной мере соответствовала курсу партии на укрепление дисциплины среди работников водного транспорта, выполнение плана перевозки грузов, снижение количества аварий, совершаемых по халатности, и нарушений трудовой дисциплины. Суды в ряде случаев применяли мягкие меры наказания, недооценивали социальную опасность обвиняемых и выносили в ряде случаев необоснованные оправдательные приговоры. При назначении меры наказания суды исходили из сумм причиненного ущерба и не учитывали степень опасности нарушений трудовой дисциплины. По-прежнему не были изжиты случаи неосновательного, безвиновного осуждения работников водного транспорта².

¹ Киселев А. Основные недостатки в работе железнодорожных транспортных судов // Советская юстиция. 1938. № 10. С. 11.

² См.: Гринберг Я. Недостатки работы и задачи водно-транспортных судов // Советская юстиция. 1938. № 10. С. 11—12; Г. Дела об авариях на водном транспорте // Советская юстиция. 1938. № 10. С. 13—14.

Критические замечания высказывались также в адрес транспортной коллегии Верховного Суда СССР, где «большевистское повседневное руководство» работой железнодорожных судов подменено бюрократизмом, чванством, зазнайством, поощрением подхалимства¹. Руководитель коллегии Ю. Ю. Межин был арестован 21 сентября 1937 г., 25 ноября 1937 г. обвинен военной коллегией Верховного Суда СССР во вредительстве, участии в антисоветской террористической организации правых и приговорен к высшей мере наказания.

Закон о судостроительстве СССР 27 ноября 1938 г. внес некоторые корректировки в организацию и деятельность транспортных судов. Во-первых, было унифицировано их наименование. В соответствии со ст. 102 Конституции СССР железнодорожные линейные суды стали именоваться линейными судами железнодорожного транспорта, а водные транспортные суды — линейными судами водного транспорта. Во-вторых, названные суды действовали в качестве судов первой инстанции, и для всех них без исключения кассационной инстанцией стали соответственно железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР или воднотранспортная коллегия Верховного Суда СССР. В-третьих, Закон о судостроительстве СССР конкретизировал правовой статус председателя линейного суда железнодорожного или водного транспорта. Согласно ст. 62 председатели данных судов наделялись правом председательствовать в судебных заседаниях или назначать для такого председательствования членов линейных судов. Кроме того, они были правомочны назначать дела к слушанию и давать распоряжения о вызове в суд обвиняемых, свидетелей и экспертов. В-четвертых, в РСФСР народные заседатели линейных судов железнодорожного и водного транспорта избирались краевыми и областными Советами депутатов трудящихся либо верховными советами автономных республик.

Статья 60 Закона о судостроительстве СССР определяла подсудность дел линейным судам железнодорожного и водного транспорта недостаточно четко. В статье говорилось о том, что к их ведению относятся дела о преступлениях, направленных на подрыв трудовой дисциплины на транспорте, и о других преступлениях, нарушающих нормальную работу транспорта. Но каких именно? Из текста Закона ответ на этот вопрос найти невозможно. В Законе о судостроительстве СССР остается неясность и с подсудностью дел железнодорожной и воднотранспортной коллегиям Верховного Суда СССР, которые согласно ст. 71 Закона рассматривают дела о преступлениях, отнесен-

¹ См.: *Менделеева В.* Необходимо срочное вмешательство // Советская юстиция. 1937. № 7. С. 18—19.

ных законом к их ведению. Перечня же дел, отнесенных к подсудности транспортным коллегиям Верховного Суда СССР, законодатель так и не составил, допустив явную ошибку. Он в ст. 71 Закона использовал традиционную фразу «рассматривают дела о преступлениях, отнесенных законом к их ведению», но не учел того, что специальные законодательные указания на сей счет не даны.

Основная функция железнодорожной и воднотранспортной коллегий Верховного Суда СССР была сведена к рассмотрению протестов и жалоб, приносимых на приговоры и определения линейных судов железнодорожного и водного транспорта и рассматриваемых тремя членами соответствующей коллегии Верховного Суда СССР.

В 1939 г. в системе специальных судов существовали 34 линейных железнодорожных суда и 22 суда на водном транспорте. В августе 1938 г. Верховный Совет СССР избрал железнодорожную коллегию Верховного Суда СССР в составе девяти судей (председатель коллегии — И. М. Зарянов) и воднотранспортную коллегию Верховного Суда СССР в составе четырех судей (председатель коллегии — Б. И. Иевлев). Одновременно были избраны народные заседатели. С 1939 г. транспортными трибуналами управлял Наркомюст СССР¹.

Глава 37. Наркоматы юстиции СССР и РСФСР как органы управления системой советского правосудия

Концепция обособления *правосудия* как судебной деятельности, связанной с разрешением уголовных и гражданских дел, от *организационной (управленческой) работы*, ориентированной на создание необходимых материальных, кадровых и иных условий для этой деятельности, была последовательно реализована в Конституции СССР 1936 г. и ряде законодательных актов, принятых в развитие ее положений. В Конституции СССР было признано, что правосудие в СССР осуществляется только судебными органами, а их высшим органом выступает Верховный Суд СССР. Вторая часть концепции о том, что Наркомат юстиции призван лишь создавать условия для судебной деятельности, не вмешиваясь в ее процесс, внедрялась в сознание руководителей партии и Правительства и непосредственную практику не сразу, а зигзагообразным и более длинным путем.

Утвержденное на третий день действия новой, сталинской Конституции постановлением ЦИКа и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. Положение о Народном комиссариате юстиции СССР заметно убавило бывшее величие Наркомата юстиции РСФСР, уполномоченного

¹ См.: Кодицнев А. Я. Органы транспортной юстиции СССР в 30-е годы XX в. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/21265-organy-transportnoj-yusticii-sssr-gody-veka>.

проводить единую судебную политику и осуществлять надзор за законностью действий органов власти, хозяйственных органов и общественных организаций. Сначала, при создании Прокуратуры СССР в 1933 г., наркомат лишился права надзора за законностью в Республике, а с образованием союзно-республиканского Наркомата юстиции СССР — права на реализацию единой судебной политики.

На Наркомюст СССР возлагалось решение шести задач в области правосудия: 1) наблюдение за применением судами Положения о судостроительстве, Уголовного, Гражданского и процессуальных кодексов; 2) обобщение практики применения названного законодательства и разработка изменений и дополнений к ним; 3) наблюдение за применением судами советских законов и направление судам общих указаний в целях обеспечения правильности и единообразия судебной практики; 4) руководство организацией судебной системы, организацией выборов судей; 5) организационно-хозяйственное обслуживание судов на всей территории Союза ССР; 6) проведение ревизий и инструктирование судебных учреждений.

Итак, наркомат, лишенный права формирования единой судебной политики, оставался все же активно действующим субъектом этого процесса. Он должен был изучать практику применения общесоюзного законодательства о судостроительстве, уголовного, гражданского и процессуальных кодексов, которые планировалось принять на уровне законов Союза ССР, т. е. во всесоюзном масштабе, во всех союзных республиках, что для него было явно непосильной задачей. Для этого требовался значительный штат квалифицированных научных и практических сотрудников, а их было явно недостаточно как в наркомате, так и в подведомственном ему Всесоюзном институте юридических наук. В результате подготовленные наркоматом проекты названных общесоюзных законов не пошли далее кабинетов комитетов Верховного Совета СССР. Поэтому вторая задача наркомата — внесение изменений и дополнений в общесоюзные кодексы — не была выполнена за отсутствием кодексов.

Третья задача наркомата была реальной, проблема обеспечения правильности и единообразия судебной практики, опять-таки во всесоюзном масштабе, во всех союзных республиках весьма остро стояла в конце 1930-х гг., но, во-первых, наркомат по этой части фактически дублировал деятельность Верховного Суда СССР, во-вторых, у него, как уже говорилось, не было достаточных профессиональных кадров. В результате наркомат на этом поприще не снискал лавров. Из 137 приказов и инструкций Наркомюста СССР, опубликованных в журнале «Советская юстиция» в 1937 г., лишь четыре акта

посвящены проблемам толкования и применения судами союзных республик норм по преимуществу уголовного законодательства.

Основное внимание в правотворческой и исполнительной деятельности наркомат уделял вопросам организации судебной системы, в этом непосредственно нуждались судебные органы, правоприменительная работа которых была сопряжена с созданием надлежащих материальных, кадровых, организационных и иных условий. Положение о Наркомате юстиции СССР не содержало конкретных указаний, касающихся того, что законодатель понимает под организацией судебной деятельности, чем эта деятельность отличается от вопросов судебного управления, а также от организационно-хозяйственного обслуживания судов на всей территории Союза ССР. Создается впечатление, что руководители наркомата сами недостаточно четко представляли себе, чем одно отличается от другого.

Ведущие направления *работы управления судебных органов* определены в тех же формулировках, что и задачи наркомата в целом, а перечень организационных вопросов судебной системы, решаемых управлением, дан на уровне примеров и не охватывает главных проблем. Согласно Положению управление судебных органов призвано *подготавливать выборы судей, выдвижение кандидатов, структуру, сеть, штаты и т. д.* Однако разве эти вопросы составляют суть организационной деятельности судебных органов? Выборы судей за 20 лет советской власти не проводились ни разу, тогда как вопросы служебной нагрузки судей, планирования их работы, обеспечения надлежащих материальных условий, приема населения, устранения волокиты и бюрократизма стояли весьма остро с первых лет советской власти, но законодатель их даже не упоминает, а скрывает под буквами «т. д.». Кроме того, если суть деятельности управления судебных органов сводится к подготовке выборов, то чем тогда занимаются его ревизионно-инструкторский сектор, секторы специальных судов и судебной статистики?

Положение о Наркомате юстиции СССР имело еще один существенный недостаток — претензии наркомата на обособленное управление судебной сферой в автономном и независимом от судов режиме реально действовали на уровне его центрального аппарата и наркомюстов союзных республик, тогда как в краях, областях, автономных областях и автономных округах создание территориальных, местных отделов юстиции Положением не предусматривалось. Получилась парадоксальная с точки зрения теории управления ситуация. Наркомюст СССР выделялся затем, чтобы правосудие, процессуальную деятельность судов отделить от процессов управления,

обеспечения надлежащих условий для процессуальной работы. Однако на уровне регионов функции управления должны были осуществляться те же самые краевые и приравненные к ним суды, которые Закон о судостроительстве СССР освободил от этих обязанностей.

Чтобы свести концы с концами, Наркомюст приказом от 23 сентября 1938 г. предписал наркомам РСФСР, Украины, Белоруссии, Казахстана и Узбекистана командировать своих представителей в области и края, возложив на них решение текущих организационных вопросов правосудия, в том числе подготовки кадров судебных сотрудников, ремонта помещений народных судов, контроля за деятельностью судебных исполнителей и организации судебной статистики¹.

Отмеченным и иным недостаткам Положения нарком юстиции СССР Н. В. Крыленко не придавал большого значения, его устремления были направлены на отпор судебным органам в их посягательстве на права наркомата. Крыленко был уверен в том, что Верховный Суд значительную часть своей работы по изучению и обобщению судебной практики должен вести лишь по согласованию с наркоматом. В частности, Верховный Суд обязан: 1) сообщать наркомату «о всех обнаруженных при рассмотрении конкретных дел существенных недочетах в работе судов»; 2) согласовывать действия по обследованию судебной работы на местах и даже вызов судей с мест в Верховный Суд СССР; 3) представлять свои руководящие указания общего плана в наркомат. Мы, говорил Крыленко на 56-м Пленуме Верховного Суда СССР 16 декабря 1938 г., против того, чтобы Верховный Суд СССР давал руководящие указания не в связи с конкретным делом. «Этого права закон ему не предоставляет. Он должен обязательно представить проект таких указаний в связи с конкретным делом на утверждение Народного комиссара юстиции СССР. Народный комиссар юстиции даст в этом случае руководящие указания судам в соответствии с Положением об НКЮ от 8 декабря 1938 г.»².

Далее на Пленуме случилась совсем невозможная вещь: Н. В. Крыленко поддержал его непримиримый оппонент — А. Я. Вышинский, признавший правомерность претензий Наркомата юстиции СССР на приоритет перед Верховным Судом СССР на том основании, что «НКЮ является единым руководящим центром по отношению к судебной периферии»³. В этой ситуации председа-

¹ См.: Приказ от 23 сентября 1938 г. № 78 (без заголовка) // Советская юстиция. 1938. № 20—21. С. 78—79.

² Крыленко Н. В. Сталинская Конституция и задачи судебных органов // Советская юстиция. 1937. № 5. С. 13.

³ 56-й Пленум Верховного Суда Союза ССР // Советская юстиция. 1937. № 2. С. 3.

тель Верховного Суда СССР А. Н. Винокуров не считал нужным пререкаться с ними, и Пленум признал в постановлении, что надзорная работа высшего судебного органа страны должна строиться на началах, предложенных Крыленко: истребование Верховным Судом СССР групп уголовных или гражданских дел в целях обобщения судебной практики возможно по согласованию с народным комиссаром юстиции СССР.

Однако добровольная уступка Верховным Судом СССР части своих полномочий в сфере изучения и обобщения судебной практики мало чем помогла Наркомюсту СССР. На сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся 12—13 января 1938 г., нарком юстиции СССР Крыленко был обвинен в неумении перестроить работу Наркомата в соответствии с требованиями Конституции СССР, ненадлежащем руководстве ходом отчета народных судей перед населением и не был переизбран.

Н. М. Рычков, новый нарком юстиции СССР, будучи менее честолюбивым и не столь теоретически подкованным, как Крыленко, не смог отстоять руководящую роль наркомата в части изучения и обобщения судебной практики и полностью уступил эту роль Верховному Суду СССР.

Согласно новому Положению о Наркомате юстиции СССР от 15 июня 1939 г. все наоборот: дача руководящих разъяснений по вопросам применения общесоюзного законодательства становилась прерогативой Верховного Суда СССР. Наркомюст по итогам изучения и обобщения судебной практики должен был ставить перед Пленумом Верховного Суда СССР вопрос о направлении судам руководящих указаний в порядке ст. 75 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Ставить-то он мог, но согласно названной статье Пленум Верховного Суда СССР не был правомочен рассматривать подобные обращения. Его полномочия в части руководящих указаний по вопросам судебной практики ограничивались делами, рассмотренными самим Пленумом.

Наркомюст СССР был также уполномочен: 1) обеспечивать организацию специальных судов; 2) рассматривать расположение и штаты судебных органов; 3) проверять путем ревизий деятельность судов и правильность применения ими законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел, направляя неправильно разрешенные дела председателю Верховного Суда СССР или председателям верховных судов союзных республик для рассмотрения вопроса об опротестовании приговоров, решений и определений; 4) издавать приказы и инструкции по организации работы судов и ее улучше-

нию; 5) применять в отношении судебных работников меры поощрения и на основании Положения о дисциплинарной ответственности судей входить в соответствующие Советы депутатов трудящихся с представлениями о наложении на судей дисциплинарных взысканий; 6) разрабатывать вопросы организации и проведения выборов народных судов в соответствии с положениями о выборах народных судей и народных заседателей; 7) руководить подготовкой проведения отчетов народных судей перед избирателями.

Таким образом, основные полномочия Наркомюста в сфере правосудия по преимуществу заключались в проведении комплексной кадровой политики. Это установление штатов судебных органов, формирование контингента судей, надзор за их деятельностью и даже стимулирование труда судей при помощи мер поощрения и наказания. Одновременно из Положения исчезло упоминание о ведущей функции наркомата, которая в прежнем Положении обозначалась как «руководство организацией судебной системы и разработка путей ее дальнейшего совершенствования». На наркомат возлагались лишь обязанности ремонтировать и строить судебные помещения. Получается, что с наркомата снималась такая первостепенная обязанность, как научная организация труда, связанная с определением нормативов труда, внедрением прогрессивных методов и технических средств работы, оценкой качества правосудия, а также с созданием надлежащих санитарно-гигиенических условий для сотрудников судов.

Примечательно, что с Наркомата юстиции была снята обязанность общего руководства и надзора за деятельностью производственно-товарищеских и сельских общественных судов. Иницируемая В. И. Лениным с первых лет советской власти практика вовлечения населения в осуществление правосудия по незначительным проступкам и гражданским деликтам в условиях сталинского диктата была признана ненужной и потому упразднена.

Как отмечал А. Я. Козинцев, Наркомат юстиции СССР согласно Положению 1939 г. «становится органом власти, осуществляющим судебную политику... Не имея прямых полномочий на проведение судебной политики, нарком юстиции использовал право издавать “руководящие указания” и не стеснялся издавать указы, уточняющие, изменяющие и создающие процессуальные нормы. Так, в 1939 году НКЮ СССР издал 10 секретных приказов по судебной политике (из 39), в 1940 году — 12. В 1940 году из 197 общих приказов 46 содержали прямые указания судам по порядку проведения процесса и по применению тех или иных норм. Как правило, принима-

лись приказы по порядку рассмотрения отдельных категорий дел: трудовым преступлениям, делам о растратах и хищениях, о спекуляции, о кражах личной собственности, о преступлениях среди несовершеннолетних и т. д.»¹. А. Я. Козинцев прав в том, что Наркомат юстиции СССР в предвоенные годы вел интенсивную работу по принятию «руководящих указаний» по актуальным вопросам судебной практики. Но следует учитывать два обстоятельства.

Во-первых, подобной деятельностью данный орган занимался вопреки законодательству, поскольку ни Закон о судостроительстве СССР, ни Положение о Наркомате юстиции подобной обязанности на него не возлагали. Занился же наркомат правотворчеством не от хорошей жизни, а потому, что Верховный Суд СССР, ограниченный ст. 75 Закона о судостроительстве СССР, не мог оперативно вносить нужные корректировки в правоприменительную практику судебных органов, его деятельность в этом направлении не была достаточно активной.

Во-вторых, незаконную практику издания Наркомюстом руководящих указаний по вопросам судебной практики нельзя понимать как формирование правовой политики. К этому процессу был причастен в первую очередь ЦК партии, а со стороны государства — Верховный Совет СССР и СНК СССР. Наркомюст действовал в статусе органа, проводящего правовую политику и в лучшем случае способного издавать нормативные акты в целях активизации работы судебных органов по реализации правовой политики, но в пределах своей компетенции. Тот факт, что Наркомюст восстанавливал законность противоправными методами, свидетельствует лишь о небрежении существующими законами, которое в предвоенный период было тотальным и считалось само собой разумеющимся делом.

В качестве примера можно привести приказ наркома юстиции СССР, наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР от 6 сентября 1940 г. № 111/786/2001 «О порядке направления в суды и судебном рассмотрении дел о хулиганстве», содержащий процессуальные нормы, грубейшим образом противоречащие уголовно-процессуальному законодательству. Приказ отменял проведение дознания по делам о хулиганстве, если правонарушителя задержали на месте преступления органы милиции. При задержании предписывалось составлять краткий протокол с указанием данных о свидетелях и немедленно направлять правонарушителя и протокол в народный суд. Народные судьи обязывались рассматривать дело немедленно, но в любом случае не позднее двух дней с момента поступления прото-

¹ Козинцев А. Я. Наркомат юстиции СССР как орган судебного управления накануне и в годы Великой Отечественной войны. URL: http://pravorggu.ru/2008_12/kodintsev__11.shtml#_ednref2.

кола в суд. Приговоры надлежало приводить в исполнение незамедлительно и независимо от обжалования их осужденными. Получается, что не законодатель, а органы исполнительной власти вместе с прокурором (!) преспокойно перечеркнули закон и по своему разумению установили упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел о хулиганстве. Ведущие борцы за социалистическую законность в советском государстве без всяких колебаний сами нарушили закон.

В Российской Федерации прямым проводником линии Наркомюста СССР в сфере правосудия стал одноименный Наркомат РСФСР. Положением «О Народном комиссариате юстиции РСФСР», утвержденным постановлением СНК РСФСР от 11 ноября 1939 г. № 646, на этот наркомат в части правосудия возлагалось руководство народными комиссариатами юстиции автономных советских социалистических республик, входящих в состав РСФСР, и управлениями Народного комиссариата юстиции РСФСР при областных и краевых Советах депутатов трудящихся, а также ему вменялись в обязанность организация судов РСФСР, контроль за состоянием работы судебных органов и направление руководящих указаний по ее улучшению.

Несмотря на масштабность задач совершенствования судебной системы, Наркомат юстиции не страдал от переизбытка кадров. Его центральный аппарат состоял из 164 сотрудников, значительная часть которых плохо приживалась на работе. Из них в 1939 г. уволились 105 человек (64%), в том числе были уволены 25 сотрудников за прогул. По этим же мотивам было применено дисциплинарное взыскание к 46 сотрудникам. Основной причиной текучести кадров признавалось недостаточно внимательное отношение к подбору и закреплению кадров. Получается сапожник без сапог. Наркомат, главная задача которого — работа с судебскими кадрами в масштабах Республики, не был способен сформировать устойчивый и дисциплинированный коллектив на уровне центрального аппарата.

Вполне закономерно, что незначительный по численности и недостаточно дисциплинированный аппарат Наркомюста РСФСР хронически не справлялся с намеченными планами. Как показали результаты проверки, проведенной правительственной комиссией СНК РСФСР, в первом полугодии 1939 г. из 16 запланированных тем судебной практики не была изучена ни одна. В первом полугодии 1939 г. предпринято 111 выездов в региональные органы юстиции и суды для ревизий и проверок, из них 40 плановых, а 71 — вне плана. Каждая пятая проверка проводилась в четырех городах: Ленинграде, Свердловске, Курске и Орле. Но не выполнялись проверки в таких

«проблемных регионах», как Якутская АССР, Коми АССР, Еврейская автономная область¹.

На протяжении двух лет нарком юстиции не мог сформировать коллегию и преимущественно созывал оперативные совещания, которых в 1939 г. состоялось более 90. Однако на совещаниях конкретные решения не принимались, проекты приказов по итогам совещания готовила группа сотрудников и, как правило, недостаточно оперативно. Не уделялось достаточного внимания таким актуальным вопросам судебной практики, как борьба судов с растратами и хищениями, со спекуляцией и борьба за укрепление трудовой дисциплины, на которую ориентировали решения ЦК партии и советского Правительства.

Назначенный в январе 1940 г. новый нарком юстиции РСФСР К. П. Горшенин призвал Наркомюст РСФСР и его местные органы работать «как образцовый советский аппарат, а суды — являть собой пример организованности и государственной дисциплины»². Под руководством Горшенина наркомат заметно активизировал руководство судами РСФСР, действуя так же, как общесоюзный наркомат: изучая и обобщая судебную практику, в первую очередь карательную, в отношении летунов, прогульщиков, расхитителей имущества предприятий и в отношении мелких хулиганов. Программные установки по этому поводу содержали приказ наркома юстиции РСФСР от 10 июня 1940 г. и постановление совещания актива Наркомюста РСФСР, закрепившие перечень мер для повышения качества судебной работы, а также для активизации борьбы за социалистическую законность, совершенствования карательной политики судов в сторону ужесточения санкций.

В целом же рекомендации Наркомата юстиции были достаточно традиционными, ими предписывалось, что нужно делать для повышения качества судебных решений, усиления борьбы с правонарушителями и активизации отчетности судей перед населением: «принять меры к повышению качества судебной работы», «поставить изучение судебной практики» «немедленно покончить с антигосударственной практикой ряда судов в борьбе с преступностью», «ставить вопрос о персональной ответственности судей, допускающих либерализм в отношении к преступникам».

Как обоснованно полагал А. Я. Кодинцев, в конце 1930-х гг. в результате увеличения административно-политических ресурсов управления обществом в ущерб правовым произошло ослабление по-

¹ См.: Бакшеев, Никиточкин. Указ. соч. С. 20—21.

² Горшенин К. П. За высокое качество работы судов. С. 5.

зиций Наркомюста РСФСР в государственной власти¹. Руководимый К. П. Горшениным наркомат в 1940—1943 гг. вполне отвечал потребностям Правительства РСФСР и Наркомюста СССР, не подвергался их разгромным критическим оценкам; чехарда с наркоматами юстиции была окончена. К. П. Горшенин, проработавший в этой должности более трех лет, в 1943 г. был назначен на высокий пост Прокурора СССР.

Недостающее низовое звено Наркомюста РСФСР в краях и областях было «выковано» в соответствии с Положением об управлениях Наркомата юстиции РСФСР при краевых и областных Советах депутатов трудящихся, утвержденным постановлением СНК РСФСР от 1 июня 1939 г. Эти управления должны были прежде всего контролировать соблюдение народными судами процессуального и материального законодательства и обнаруживать судебные ошибки. На управления Наркомюста РСФСР при краевых и областных Советах были возложены обязанности выявления потребностей регионов в судебных кадрах, подготовки выборов новых судей вместо выбывших, общее руководство деятельностью адвокатуры и организации работы нотариальных контор. Управления могли проводить ревизии народных судов с разрешения Наркомюста РСФСР или Наркомюста СССР.

Таким образом, попытка партии и Правительства провести последовательное разграничение судопроизводственной и исполнительной властей в сфере правосудия в конце 1930-х гг. привела к организационному обособлению системы судов общей юрисдикции от органов управления ими: Наркомюста СССР, Наркомюста РСФСР, управлений Наркомюста РСФСР при краевых и областных Советах депутатов трудящихся. Тем не менее формальное обособление судов от органов управления юстицией нередко нарушалось: Наркомюстом СССР и Наркомюстом РСФСР судам давались указания по процессуальным вопросам их работы. Проблема гармонизации деятельности судов и органов управления юстицией утратила свою актуальность на периоды Великой Отечественной войны, существования сталинского режима и до 1958 г. более не ставилась.

¹ См.: *Кодищев А. Я.* Структура и компетенция центрального аппарата Наркомата юстиции РСФСР в 1929—1936 гг. URL: <http://docplayer.ru/33515865-Struktura-i-kompetenciya-centralnogo-apparata-narkomata-yusticii-rsfsr-v-gg.html>.

Раздел X

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРАВОСУДИЕ ПЕРИОДА ПОСТРОЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА (1930—1940)

Глава 38. Понятие и виды чрезвычайного правосудия

Попытка авторов Закона о судостроительстве СССР 1938 г. представить систему советских судов как единое целое формальна и не соответствует действительности. За пределами Закона оказались, во-первых, совокупность органов Наркомата внутренних дел, осуществляющих судебные функции и играющих значимую роль в борьбе с врагами советского государства, — это Особое совещание Наркомата внутренних дел, разного рода тройки и двойки, во-вторых, органы арбитража, образованные в 1931 г. При этом правосудие названные органы вершили не в строгом соответствии с процессуальным законодательством, а чаще всего вопреки ему, в упрощенном порядке. Общие и специальные суды также вынуждены были время от времени разрешать дела по исключительным нормам, не согласующимся с конституционными основами советского правосудия, например рассматривать дела в упрощенном порядке или применять санкции, не базирующиеся на принципах и доктрине уголовного права.

Получается, что единого правосудия в СССР в конце 1930-х гг. не существовало, как не было его и раньше. Общее и специальное правосудие вынуждено было функционировать наряду с самозванцем — чрезвычайным правосудием, не соответствующим ни Конституции СССР, ни Закону о судостроительстве СССР. С точки зрения принципов и догмы права такая ситуация является неправомерной и невозможной. Но лидеры партии и Правительства такой юридической тонкости не придавали большого значения, им важнее было иметь действенные органы, способные защитить советскую власть от «полчища» шпионов, диверсантов, вредителей и других врагов народа. По утверждению И. В. Сталина, по мере продвижения СССР по пути социалистического строительства классовая борьба будет только уси-

ливаться. Поэтому пришлось «разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас будто бы все более и более будет затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится все более ручным»¹.

Термин «право на чрезвычайное правосудие» российские специалисты нередко используют в качестве синонима термина «внесудебные полномочия» органов НКВД. По нашему мнению, синонимии у данных терминов нет. Термин «внесудебные полномочия», т. е. полномочия, не связанные с судом, охватывает собой все многообразие властных прав законодательных и исполнительных органов, не связанных с правосудием. Соответственно, все полномочия органов НКВД по предмету его деятельности (розыск преступников, охрана порядка и др.) являются внесудебными. Между тем термин «право на чрезвычайное правосудие» утверждает обратное — то, что орган обладает судебными полномочиями, хотя по своей сути он не мог и не должен был ими обладать, для него эти полномочия как бы мнимые, ненастоящие, т. е. квазисудебные. Следовательно, право на чрезвычайное правосудие является по своей сути правом на квазисудебное правосудие, а чрезвычайное правосудие предстает квазисудебным правосудием.

Действительное правосудие должно быть качественно совершенным во всех своих компонентах, условиях осуществления и в конечных результатах. В первую очередь оно должно опираться на эффективное материальное и процессуальное законодательство, соответствующее требованиям законодательной техники и положениям правовой доктрины.

Материальное законодательство, не соответствующее сути и содержанию регулируемых им отношений, дезориентирует суды при попытках понять юридическую природу рассматриваемых ими дел и навязывает решения, плохо согласуемые с существующими реалиями, защищает и охраняет порядки, сопряженные с посягательствами на права и законные интересы граждан и иных субъектов. В результате суды не формируют в обществе замиренную среду, как это требуется согласно непосредственной сути реализуемой ими государственной власти, но, наоборот, своими решениями закрепляют законодательный произвол на уровне конкретных правоотношений и помимо своей воли выступают источником новых социально-правовых конфликтов.

Процессуальное законодательство, в свою очередь, призвано закреплять оптимальную процессуальную форму правосудия.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 14. С. 166.

Ибо только такой способ деятельности, как обоснованно полагает Т. Г. Морщакова, «способствует достижению целей правосудия — установлению истины по каждому делу и назначению обвиняемому справедливого наказания (освобождению от наказания), охране прав и законных интересов личности, воспитательному воздействию процесса или граждан, возмещению ущерба, причиненного преступлением, принятию мер для устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений»¹.

Всякое отступление от действительного права, как материального, так и процессуального, какими бы благовидными предложениями политической или экономической конъюнктуры оно ни оправдывалось, имеет своим конечным результатом чрезвычайное, исключительное правосудие, не сообразное со своей действительной природой и способное порождать порой более вредоносные последствия, нежели негативные социальные результаты, задачами устранения которых были вызваны законодательные отступления. Как саркастически отмечал К. Маркс, «в Средние века католическое духовенство, в силу своего мрачного взгляда на человеческую природу, который оно, благодаря своему влиянию, внесло в уголовное законодательство, создало больше преступлений, чем отпустило грехов»².

Не стало исключением и советское законодательство, из которого ЦИК и СНК СССР в целях борьбы с формализмом и волокитой, утверждения правосудия, скорого, единого и социально полезного, выбрасывали, вырезали без всякого сожаления наиболее эффективные институты процессуального законодательства, а также сознательно принимали предписания права, не согласующиеся с сущностью и содержанием уголовного права. Особенность чрезвычайного правосудия советского государства состояла в том, что оно создавалось исключительно в целях репрессирования членов советского общества, состоящих в оппозиции к советской власти и проводимым ею мерам. О другой стороне правосудия как органе защиты личности от необоснованных посягательств со стороны других лиц и органов государства партия и Правительство практически не вспоминали, видели в нем атавизм гнилого либерализма, охотно отдав правоохранительным органам на закланье несколько миллионов советских граждан.

Основным же средством результативной борьбы с врагами народа, вплоть до их физического уничтожения, полагал Сталин, должны стать органы чрезвычайного правосудия, показавшие свою высокую

¹ Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 32.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 516.

эффективность в годы гражданской войны. В 1930-х гг. Сталин и его окружение формировали чрезвычайное правосудие посредством: 1) установления уголовно-правовых санкций, не соответствующих общественной опасности совершенных деяний и иным принципам уголовного права; 2) внедрения упрощенного судопроизводства по отдельным составам преступлений; 3) передачи некоторых функций правосудия правоприменительным органам НКВД.

В течение 1930-х гг. ЦК партии и Правительство не единожды завышали санкцию уголовно-правовых норм, желая удержать широкие трудящиеся массы от искушения посягать на государственные и общественные блага и заставить каждого работника свято соблюдать трудовую и производственную дисциплину, целиком посвятив себя делу строительства социалистического общества и его защиты от нападения со стороны фашистской Германии. Так, законом «о трех колосках», написанным самим Сталиным и принятым ЦИКом и СНК СССР 7 августа 1932 г., рекомендовалось за хищение колхозного и кооперативного имущества применять расстрел с конфискацией всего имущества, и лишь при смягчающих обстоятельствах можно было применять лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и от 25 декабря 1941 г. вводилась уголовная ответственность за совершение рабочими дисциплинарных проступков — прогулов и самовольного ухода с предприятия.

Чрезвычайность правосудия, связанного с применением названных законов, выражалась в том, что суд вынужден был применять меру, несообразную с тяжестью содеянного, например давать 10 лет за сбор колосков на убранном колхозном поле. Ровно на такой же срок по ст. 136 УК РСФСР приговаривался виновный в убийстве при отягчающих обстоятельствах. Чрезвычайной была уголовная ответственность за дисциплинарные проступки. Сначала суды не видели большой опасности в подобного рода противоправных деяниях и пытались использовать санкции ниже низшего предела. Партия, Верховный Суд СССР и Наркомюст усмотрели в подобной практике гнилой либерализм и под страхом привлечения самих судей к уголовной ответственности за саботаж решений партии и Правительства заставили их применять наказания по полной, как того требовал закон. Положено 10 лет — получай все 10, положен расстрел — значит расстрел.

Вместе с тем следует учитывать, что чрезвычайная жестокость санкций, в которой партия и Правительство видели несомненную пользу, в реальности приносила большой социальный вред тем, что

лишала колхоз, предприятие, семью работника одного из кормильцев, что весьма негативно сказывалось на материальном положении детей, их воспитании, обучении и отношении к советской власти. Рушился нормальный уклад жизни осужденного, который по окончании срока чаще всего становился изгоем, вливался в среду потенциальных преступников. В конечном счете, как показала история, атмосфера товарищества, коллективизма и сотрудничества, во имя которой советская власть приговаривала индивидов на длительные сроки за малозначительные преступления, не способна сформироваться там, где заметная часть общества находилась в местах лишения свободы и получила твердую установку на неприятие советской власти.

Чрезвычайный характер носит правосудие общих и специальных судов, осуществляемое в упрощенном режиме, который, в частности, устанавливался УПК РСФСР в виде правомочий суда прекращать судебное следствие по своему усмотрению, не допускать на процесс защитника подсудимого, а также сообразно постановлению ЦИКа СССР от 1 декабря 1934 г. слушать дело в упрощенном порядке без участия сторон и без разрешения кассационного обжалования приговоров. Широкое применение советскими судами упрощенного уголовного процесса убедительнее всего показало его полную беспомощность в установлении истины по делу, определении вины подсудимого и вынесении справедливого приговора. Желание ускорить и упростить судопроизводство на деле обернулось самыми позорными для суда последствиями — массовым осуждением невиновных лиц, искалечившим их судьбы и разрушившим их надежды быть достойными гражданами своей страны, иметь хорошую профессию, устроенный быт и семью.

Чрезвычайное правосудие общих и специальных судов было исключительным. Оно осуществлялось на основании актов ЦИКа СССР, устанавливающих особый режим для той или иной части общественных отношений в порядке исключения из материального и процессуального законодательства. Иным было чрезвычайное правосудие НКВД. В качестве органа исполнительной власти НКВД согласно ст. 102 Конституции СССР ни при каких условиях не мог выполнять функции правосудия, тем не менее осуществлял их и даже был бесспорным лидером по части использования карательных мер в отношении осужденных по мотивам социальной опасности. Следовательно, это правосудие было квазисудебным, а его правовыми основаниями выступали как законы СССР, так и секретные постановления Политбюро ЦК партии.

Легально в соответствии с постановлением ЦИКа и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. действовало Особое совещание при Народном Комиссариате внутренних дел СССР, правомочное применять к лицам, признаваемым общественно опасными, такие меры наказания, как ссылка, высылка, заключение в исправительные лагеря на срок до пяти лет. Помимо ОСО при НКВД СССР согласно секретным постановлениям Политбюро ЦК партии работали тройки, двойки в качестве квазисудебных органов для репрессирования лиц по мотивам их социальной опасности либо совершения деяний, сопряженных с посягательствами на устои общества и государства. В 1930-х гг. советское государство использовало четыре формы нелегального чрезвычайного правосудия: 1) тройки в период раскулачивания; 2) тройки при местных органах милиции; 3) тройки НКВД СССР; 4) двойка НКВД и Прокуратуры СССР.

Квазисудебное правосудие, осуществляемое органами НКВД, было пародией на правосудие, ибо решение о наказании принималось в отсутствие подсудимого, нередко не по материалам дела, а на основании краткой справки, составленной следователем; решение нельзя было обжаловать, а о высшей мере наказания даже не объявляли осужденным — свою судьбу они узнавали лишь по прибытии на место казни. Не способное выявить истину по делу и достоверно определить вину подсудимого квазисудебное правосудие служило не более чем дымовой завесой, прикрывающей грубейший акт беззакония, надругательства над элементарными правами человека из-за неизвестного и невидимого ему судилища, претендующего на обоснованное и справедливое судебное решение.

В сфере гражданского права чрезвычайными органами правосудия выступали органы арбитража, которые в процессе принятия экономически целесообразных решений были правомочны отходить от норм процессуального и материального права. «Формально находясь в системе исполнительной власти, государственный арбитраж воплощал в себе не разделение властей, а, напротив, соединение в одном органе трех властей, поскольку одновременно выполнял и функции правотворчества, и функции органа, разрешающего хозяйственные споры, и также функции контрольно-управленческие»¹. Вследствие такой чрезвычайности органы арбитража Законом о судостроительстве СССР 1938 г. были оставлены за пределами системы советского правосудия. В то же время органы арбитража, как и ОСО, действовали легально на основании ряда законов ЦИКа и СНК СССР, помещенных в источниках официального опубликования.

¹ Яковлев В. Ф., Семигин Г. Ю. Экономическое правосудие в России: в 4 т. Т. 3. М., 2005. С. 13.

Таким образом, чрезвычайное правосудие в 1930-х гг. представляло собой *деятельность, во-первых, общих и специальных судов, а также органов НКВД по рассмотрению уголовных дел в упрощенном порядке либо с применением суровых санкций за малозначительные проступки или по мотивам социальной опасности осужденного, во-вторых, органов арбитража, рассматривающих хозяйственные споры не в строгом соответствии с нормами гражданского процесса. Чрезвычайное правосудие осуществлялось в трех формах: 1) исключительной, устанавливаемой законодательными актами Союза ССР для общих и специальных судов; 2) квазисудебной легальной деятельности ОСО и органов арбитража; 3) квазисудебной нелегальной деятельности троек и двоек НКВД СССР, созданных согласно секретным документам ЦК партии и приказам наркома внутренних дел СССР.*

Чрезвычайное правосудие в сфере уголовного процесса имело своим основанием следующие принципы: 1) возможность и допустимость репрессии по мотивам социальной опасности для общества и государства индивидов или отдельных социальных слоев; 2) упрощенный порядок установления социальной опасности репрессируемых лиц; 3) наличие квазисудебного органа, придающего государственному произволу видимость правосудия; 4) упрощенный порядок рассмотрения дел; 5) отсутствие у осужденных права обжаловать вынесенные в отношении них решение, приговор.

Принцип уголовного права, признающий общественную опасность деяния единственным основанием привлечения к уголовной ответственности, заметно снижал эффективность и масштабы карательной политики советского государства, требовал значительных усилий для доказывания самого факта совершения преступления и постоянно, начиная с XV Съезда партии, подвергался критике. На период раскулачивания партия и государство решились отойти от этого принципа, ибо его выполнение сделало бы невозможным задуманную ликвидацию кулака как класса в установленные кратчайшие сроки.

Прямо противоположный, запрещенный правом принцип привлечения к ответственности по мотивам социальной опасности лица полностью развязывал руки партии и государству, позволял им успешно выполнять поставленную задачу терроризирования населения. Удар наносился стремительно и неожиданно для кулаков, что позволило конфисковать большую часть их имущества и передать в колхозы, за минусом разворованного и присвоенного местными органами и лицами, проводящими раскулачивание. При этом жители села — бедняцкие и кулацкие слои населения — полностью солида-

ризировались с государством в том, что именно таким и должен быть путь ускоренной и коренной коллективизации сельского хозяйства. Не было протестных выступлений против раскулачивания и со стороны рабочих.

Учитывая подобные результаты, партия уверовала в то, что в период мирного строительства социализма она вопреки утверждению Ленина вправе под флагом решительного наступления на врагов советской власти, ведущих антисоветскую деятельность, устанавливать чрезвычайный режим и привлекать антисоветские элементы к уголовной и иной ответственности в массовом порядке по мотивам их социальной опасности и без индивидуализации совершенных ими противоправных деяний.

В то же время, принимая чрезвычайные меры, партия и государство хотели выглядеть в глазах советского народа и зарубежной общественности справедливыми и неукоснительно действующими в отношении своих врагов в рамках законности. Мол, принимаемые ими жестокие меры являются таковыми не по произволу правоприменителей, а в соответствии с тяжестью совершенных преступлений. Однако ни партия, ни государство не желали оставаться в рамках законности, да и объективно не могли из-за массовидности проводимых чрезвычайных мер, сложного порядка следственных процедур и упрощенного судебного рассмотрения уголовных дел, к тому же не дающего никаких гарантий того, что каждый социально опасный индивид будет непременно осужден, а невинный оправдан.

Нерешаемая проблема была решена за счет прав злодея-кулака. Предварительное расследование в целях сбора доказательств его социальной опасности подменялось решением общего собрания колхозников либо собрания сельских бедняков и середняков. Но, как выяснилось впоследствии, общественная оценка проблемы «кто есть кто» на селе оказалась во многом субъективной и чуть было не поставившей под удар честь партии и государства. Уже очень много было допущено ошибок. Положение спасла статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», поставившая на место зарвавшихся местных головотяпов.

Учитывая этот негативный опыт, государство больше не привлекало общественность к сбору и оценке доказательств социальной опасности антисоветских элементов, поручив проведение подобной процедуры следователям органов НКВД, но с оговоркой, что процесс ведется в упрощенном порядке. Коль скоро оговорка была секретной, доступной только узкому кругу причастных к операции должностных лиц, то у широкой общественности должно было соз-

даться твердое, хотя и иллюзорное, впечатление, что расследование ведется в полном соответствии с требованиями уголовного законодательства.

Раскулачивание показало высокую с точки зрения интересов государства эффективность тройки в качестве правосудного органа, хотя и не способного и неправомочного осуществлять подобную деятельность исходя из необходимости соблюдать закон и интересы подсудимых.

Во-первых, тройка состояла из должностных лиц, менее всего пригодных вершить правосудие. Полномочный представитель ОГПУ как руководитель тройки был непосредственно заинтересован в обвинительном уклоне: чем больше он вынесет обвинительных приговоров, тем выше результаты его работы. Представители советской и партийной власти также были непосредственно заинтересованы в обвинительном уклоне, обеспечивающем «очистку» региона от социально опасных элементов.

Во-вторых, образованная постановлением Политбюро ЦК партии от 30 января 1930 г. временная тройка была нелегитимна, поскольку не была конституирована постановлением ЦИКа СССР. Политбюро ЦК партии предоставило ОГПУ право на время раскулачивания «переправлять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел полномочному представителю ОГПУ в областях», а ЦИК СССР это право не санкционировал. В демократических государствах это означало бы, что никакие тройки невозможны.

В условиях советского государства, наоборот, действительным было лишь то, что сказала партия, и, соответственно, тройки действовали, приговаривали даже к расстрелу, не имея на то никакого права. По элементарным принципам права приведение в исполнение приговора незаконной тройки к высшей мере наказания есть ординарное убийство, влекущее за собой уголовную ответственность как лиц, принявших решение, так и лиц, его реализовавших. Но на деле никто из незаконных троек не был привлечен к ответственности за незаконную судебную деятельность и вынесенные приговоры. Более того, порядок образования и работы троек полностью учитывался в период большого террора в 1937—1938 гг. при создании троек НКВД СССР, вершивших правосудие, не будучи законодательно учрежденными.

Основной недостаток подобного порядка рассмотрения дел — высокий уровень правоприменительных ошибок, связанных как с квалификацией деяния, так и с обоснованием достоверности принятого решения, был настолько очевиден, что партия и государство не ре-

шались говорить о нем в открытой печати и помещать в источниках официального опубликования тексты нормативных правовых актов, «узаконивающих» подобный произвол.

Вопросы достоверности, обоснованности никогда не имели большой ценности в глазах партии и Правительства, которые неизменно отдавали приоритет суровой карательной политике. Они, бесспорно, рисковали своей репутацией, могли прослыть в глазах населения страны и зарубежной общественности авторитарными и даже террористическими, тем не менее от принципа упрощенного рассмотрения дел квазисудебными органами отказаться не могли. Лишь в порядке слабой самозащиты партия и государство скрывали суть и результаты упрощенного правосудия под грифами «Особо секретно», создавая очередной секрет Полишинеля. Нельзя скрыть то, что государство культивирует в массовом порядке, действуя против всего населения или отдельных его слоев.

Раскулачивание показало необходимость сохранить в числе основных принципов чрезвычайного правосудия принцип отказа осужденным в праве на обжалование приговоров, вынесенных квазисудебными органами. Один раз в своей практике партия проявила слабость в связи с официальным признанием ею множественности ошибок, допущенных при раскулачивании, и попробовала было выяснить реальное положение дел, но ничего, кроме конфуза, не получилось. В частности, окружные подкомиссии Северного края в апреле 1930 г., рассмотрев 23 360 жалоб раскулаченных и высланных в данный край, пришли к выводу, что число неправильно раскулаченных составляет 10%, а сомнительных — 12,3%¹. Выходит, каждого четвертого нужно возвращать, да еще возмещать конфискованное имущество. Так никаких денег не напасешься!

Значит, если партия позволяет квазисудебным органам принимать решения в упрощенном порядке, то не нужно устанавливать процедуры, дезавуирующие эти решения. Кассационные, надзорные и тому подобные инстанции, оперируя теми же документами, которыми располагал квазисудебный орган, достичь истины не смогут. В лучшем случае они способны установить недостаточность данных для справедливого и законного решения дела и предложить все начать с начала, со стадии расследования, а этот вывод известен и без дополнительных судебных инстанций. Отказ осужденному в жалобе на решение квазисудебного органа есть логическое следствие

¹ См.: Докладная записка комиссии ЦК ВКП(б) по проверке заявлений крестьян, неправильно высланных в Северный край, в Политбюро с приложением протокола комиссии № 2 от 23 апреля 1930 г. от 8 мая 1930 г. // Проект «Исторические Материалы». Архив ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 252. Л. 1—5, 8—10.

из этого априори неправосудного решения, которое на сталинском пути построения социалистического общества имеет заметно большее значение для государства, нежели законность и права осужденных, вместе взятые.

В истории советского чрезвычайного правосудия раскулачивание явилось его первой стадией, позволившей убедиться в «плодотворности» такого правосудия в мирное время, а также определить условия и средства его применения. Вторая стадия чрезвычайного правосудия приходится на 1935 г., а ее начало связано с принятием инструкции тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях паспортного режима, утвержденной приказом наркома внутренних дел от 27 мая 1935 г. № 00192.

Инструкцией предписывалось образование в союзных республиках, краях и областях тройки в составе наркома внутренних дел союзной республики, начальника УНКВД края, области и двух членов из числа сотрудников названных органов НКВД. Тройки обязывались заседать с участием республиканского или регионального прокурора. К подсудности троек были отнесены дела нарушителей паспортного режима, не имеющих постоянного места жительства, прописки и др. Решения о высылке репрессируемых или о помещении их в лагеря НКВД на срок до пяти лет принимались тройками, но подлежали утверждению ОСО при НКВД СССР.

Новая стадия сталинского массового террора приходится на 1937—1938 гг. Объект государственного террора на этой стадии — широкий социальный пласт населения, не принимающего активного участия в строительстве социализма, ведущего по преимуществу маргинальный образ жизни и потому опровергающего один из постулатов новой Конституции СССР 1936 г. о наличии в стране социальной гармонии, создаваемой двумя дружественными классами — рабочими и крестьянами и особым слоем — советской интеллигенцией. Поэтому партия признала необходимым привести социальный состав населения в соответствие с конституционными положениями, репрессировав всех тех, кто не подпадает под ее каноны.

Соответственно, основанием для массовых репрессий на этот раз становится не только и не столько ведение антисоветской деятельности, совершение разного рода противоправных деяний, приносящих вред делу социалистического строительства, сколько неверие советской власти в благонадежность индивида, поскольку он имеет потенциальную способность при первом удобном случае выступить против мероприятий партии и Правительства. Все индивиды, которым

было отказано в признании их благонадежными в отношении к советской власти, постановлением Политбюро ЦК партии от 2 июля 1937 г. были признаны социально опасными. В эту категорию попали даже жены осужденных изменников Родине и членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций.

Постановлением Политбюро ЦК партии от 2 июля 1937 г. все подобного рода индивиды подлежали немедленному репрессированию, вплоть до расстрела наиболее активных из них, ведущих антисоветскую деятельность. Менее активных, но все же потенциально опасных предписывалось по указанию НКВД лишать свободы на длительные сроки либо высылать в места не столь отдаленные. Проведение массовых репрессий поручалось Наркомату внутренних дел СССР, а принятие решения о репрессировании конкретных лиц — специально созданным внесудебным органам — тройкам НКВД СССР в составе наркома республиканского НКВД, начальника управления или областного отдела НКВД, представителя крайкома или обкома партии и региональной прокуратуры.

Большой террор прекратился постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., упразднившим всякого рода квазисудебные органы, запретившим массовые репрессии и предписавшим повысить качество следствия.

На 1940 г. и первую половину 1941 г. приходится новый этап сталинского террора, обретшего новые, ранее не практикуемые формы. Первая форма террора — выселение бывших имущих классов и иных антисоветских элементов с территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Литвы, Латвии, Эстонии в районы Сибири, Казахстана и другие регионы азиатской части СССР. Традиционно переселенцев загоняли в товарные вагоны, не приспособленные для перевозки людей, их не снабжали ни питанием, ни даже водой. Негостеприимными оказались и места нового обитания спецпереселенцев. Как правило они были лишены приемлемых санитарно-гигиенических условий, пригодного жилья, не хватало продуктов. Вторая форма террора вводилась Указом ПВС СССР от 26 июня 1940 г., установившим уголовную ответственность за прогул и самовольное оставление без разрешения руководителя предприятия, учреждения, места работы. Впоследствии был принят еще ряд указов ПВС СССР, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение трудовой дисциплины.

Таким образом, начиная с раскулачивания массовидный террор прочно вошел в арсенал средств осуществления правовой политики советского государства, а чрезвычайное правосудие вопреки Консти-

туции СССР и Закону о судостроительстве СССР 1938 г. оказалось полезной формой, действующей на равных с легальным правосудием советского государства.

Глава 39. Исключительное правосудие общих и специальных судов

Устойчивый курс Политбюро ЦК партии и советского Правительства на ужесточение репрессивной политики в отношении лиц, которые находились в оппозиции к избираемым мерам социалистического строительства, проявился в замене институтов советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, закрепляющих твердые гарантии защиты прав подсудимого, реакционными нормами права, давно отмененными в промышленно развитых странах Западной Европы. Характерно, что в число оппозиционеров попала большая часть членов «ленинской гвардии», не в полной мере согласных со сталинским планом ускоренного развития социалистического общества, влекущим за собой возложение дополнительных обременений на трудящихся.

И. В. Сталин и его окружение, не обладавшие способностью В. И. Ленина демократическими методами убеждать колеблющихся в правильности избранных мер, стали широко культивировать меры государственного принуждения, отменяя демократические институты защиты прав личности от необоснованных посягательств со стороны государственных органов. В жертву волюнтаристскому ускоренному курсу социалистического строительства пришлось принести не только социальные права трудящихся, но и их права на защиту жизни и здоровья, а также все гарантии судебной защиты от необоснованного государственного принуждения. Процесс *легального изъятия демократических институтов* из уголовного и уголовно-процессуального законодательства, низведения трудящихся из положения господствующего класса до положения рабов, лишенных даже права на выбор места работы, осуществлялся постепенно, спонтанно в период с 1929 по 1940 г.

В историографии сталинского террора основополагающее внимание уделяется практике террора, чинимого в период раскулачивания и ежовщины, тогда как деятельность Политбюро ЦК партии, ЦИКа СССР и СНК СССР по легализации террора, его закреплению в законодательстве исследуется менее интенсивно. Однако это направление было достаточно плодотворным и в первой половине 1930-х гг. выразилось в принятии ЦИКом СССР постановления от 21 ноября 1929 г., ЦИКом и СНК СССР постановления от 7 августа

1932 г., ЦИКом СССР постановления от 8 июня 1934 г., ЦИКом и СНК СССР постановления от 1 декабря 1934 г. Именно этими актами был заложен прочный фундамент чрезвычайной деятельности общих и специальных судов, продолжавшейся более четверти века.

Серию драконовских законов советского государства открывает постановление ЦИКа СССР от 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР». Отказ должностного лица вернуться в пределы Союза ССР ЦИК предписал *рассматривать как перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену*. А с «изменниками» Родине разговор короткий: лица, отказывающиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона, что влечет за собой: а) конфискацию всего имущества; б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности.

Одним росчерком пера законодатель совершил чудо, превратив простых невозвращенцев в изменников Родине, искусственно расширив круг лиц, подлежащих уголовной ответственности по данному основанию при его фактическом отсутствии. Отождествление нетождественного на бумаге — в нормативном акте — не означает того, что все без какого бы то ни было исключения лица, оставшиеся за рубежом, неизбежно вольются в ряды контрреволюционеров, станут врагами народа. Соответственно, кары, установленной для изменников Родине, заслуживают те, кто реально совершил подобные действия. Распространение этой кары на лиц, не желавших вернуться в СССР, означало применение объективной ответственности по мотивам социальной опасности лица, что явно противоречило принципам уголовного права, признававшего правомерной лишь ответственность за совершение запрещенного законом виновного деяния.

Постановление не соответствует и принципам уголовного процесса. Невозвращенца судят заочно, а при его обнаружении не предоставляют возможности ознакомиться с вынесенным приговором, принести жалобу либо просить о помиловании. Органы ОГПУ должны были приводить приговор в исполнение на основании имеющегося у них списка через 24 часа после удостоверения личности осужденного. Кроме того, постановление никак не соответствовало еще одному основополагающему принципу права — новеллам была придана обратная сила. Вне закона объявлялись все должностные лица, отказавшиеся приехать в СССР до даты принятия данного постановления.

Курс на расширение сталинского террора в отношении изменников Родины был продолжен постановлением ЦИКа СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо опасных преступлений против порядка управления) статьями об измене Родине». В постановлении указывалось, что в случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-то способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от пяти до 10 лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

Кара в виде расстрела с конфискацией имущества была не в новинку. К ней вроде бы уже привыкли. Принципиальной новизной характеризовалась норма о применении уголовных мер к совершеннолетним членам семьи военнослужащего — изменника Родине, проживавших с ним совместно или находившихся на его иждивении на момент совершения преступления.

Как разъяснили теоретики уголовного права, политический смысл этого положения «заключается в усилении общепревентивного действия уголовного закона для предупреждения такого тягчайшего преступления, как совершаемый военнослужащим переход или перелет за границу, в результате которого сам виновный не может быть подвергнут наказанию. Угроза применения репрессии в отношении членов его семьи может остановить его от совершения изменнических действий»¹.

Отсутствие уголовной статистики не позволяет нам судить о том, насколько была оправданной такая чрезвычайная мера и какую роль она сыграла в предотвращении случаев измены Родине. Но ее крайне негативное воздействие на состояние законности, личной неприкосновенности граждан — это факт и без подтверждения официальной статистикой.

ЦИК СССР раскопал на свалке истории и реанимировал отживший и отвергнутый законодателями демократических государств, в том числе советским законодателем, крайне реакционный уголовный институт объективного вменения, т. е. привлечения к уголовной ответственности без вины, и тем самым нарушил ст. 6 Основных

¹ Уголовное право. Особенная часть / под ред. А. А. Герцензона, А. А. Пионтковского. М., 1939. С. 59.

начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, согласно которой меры социальной защиты могли применяться лишь к лицам, действовавшим умышленно или неосторожно, т. е. виновно. Постановление ЦИКа от 8 июня 1934 г., как видим, устанавливало ответственность без вины.

Если члены семей военнослужащих — изменников Родине не донесли компетентным органам о готовящемся преступлении, а тем паче помогали преступникам, то они должны отвечать за это по уголовному законодательству. И лишь в тех случаях, когда поведение членов семей было полностью правомерным и не подпадало ни под одну статью УК, надлежало применять ст. 4-1 постановления ЦИКа СССР от 8 июня 1934 г. Ответственность наступала за чужую вину при наличии фактов совместного проживания с преступником или нахождения на его иждивении.

Несмотря на то что ст. 4-1 постановления ЦИКа СССР от 8 июня 1934 г. противоречила ст. 6 Основных начал уголовного законодательства, она не только не была отменена, но и получила повсеместное и даже более широкое применение, чем первоначально предполагал законодатель. По этой статье стали привлекать и членов семей гражданских лиц, осужденных за измену Родине и другие контрреволюционные преступления.

Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий и укреплении общественной (социалистической) собственности» государственный террор распространялся на колхозников и иных жителей села. Имущество колхозов и кооперативов, урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. д. постановлением приравнивались к имуществу государственному, соответственно была заметно усилена охрана этого имущества от расхищения. Напомним, что за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества устанавливалась единственная мера — расстрел с конфискацией всего имущества осужденного. Лишь при смягчающих обстоятельствах разрешалось назначать лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

Примечательно, что постановление было принято по просьбе рабочих и служащих (по крайней мере так утверждалось в его преамбуле), а его автором был сам Сталин. Великий вождь придавал большое значение этому акту, объявив его «основой революционной законности» в стране и обязав каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника не только соблюдать, но и проводить данный акт в жизнь, активно бороться с любыми посягательствами на социалистическую собственность.

Итак, согласно традиционным воззрениям, принятым в уголовном праве, законодатель снова превратил «пороса в карася», отождествляя нетождественное. Хищения колхозного имущества возводились в ранг контрреволюционных преступлений не потому, что они являлись таковыми по своей сути, по степени общественной опасности, а потому, что этого захотел сам товарищ Сталин. Равным образом и люди, покушающиеся на общественную собственность, не являются врагами народа, но, как сказано в постановлении, «должны быть рассматриваемы» в качестве таковых. Соответственно, и меры социальной защиты — расстрел с конфискацией имущества — не соответствовали тяжести совершаемых преступлений.

Но автор постановления, т. е. закона, думал иначе. Лицо, покушающееся на социалистическую собственность — экономическую основу государства, является социально опасным по направленности своей воли, своим правовым установкам. Опасность лица видится не в том, какой оно причинило вред общественной или государственной собственности, а в том, что оно склонно причинять вред государству, обращать его имущество в личную собственность.

Поэтому государство в целях профилактики, обеспечения сохранности социалистической собственности правомочно применить к такому лицу самые строгие превентивные меры, не связывая их с размером и стоимостью похищенного. Лицо опасно для государства не только тем, что оно совершило кражу, но и прежде всего тем, что оно ориентировано на подрыв устоев советского общества и государства путем совершения краж.

Свою позицию ЦИК и СНК СССР мотивировали тем, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) служит основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и людей, покушающихся на общественную собственность, следует считать врагами народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества представляет собой первейшую обязанность органов советской власти. При этом запрещалось амнистировать преступников, осужденных по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества. Полное понимание и поддержку закон нашел у Прокурора СССР А. Я. Вышинского, который уверял, что данный акт «вовсе не являлся и не является исключительным, так как в нем синтезируются все основные принципы нашего советского уголовного законодательства, так как в нем концентрируются все основные принципы и свойства нашей уголовно-судебной политики»¹.

¹ Вышинский А. Я. Трехлетие закона от 7 августа 1932г. «Об охране общественной (социалистической) собственности» // За социалистическую законность. 1935. № 9. С. 2.

А. Я. Вышинский прав в том, что в законе концентрируются принципы и свойства уголовно-судебной политики партии, но он перехватывает через край, утверждая, что закон соответствует принципам уголовного права. Вор всегда был вором, ординарным уголовным преступником, вошедшим в конфликт с обществом и государством во имя собственного живота, благополучия и из прочих низменных побуждений. Гений И. В. Сталина в том и состоял, что он обыкновенного советского воришку поднял до уровня политического преступника, пособника вредителей, классовых врагов.

Как видим, вновь серьезное государственное мероприятие, чреватое многочисленными жертвами, проводится без серьезного научного анализа степени сохранности социалистической собственности в колхозах и на предприятиях, причин, понуждающих колхозников и рабочих разворовывать общественное или государственное имущество. Все однозначно и напрямую приписывается проискам классовых врагов, которые «используют частнособственнические привычки колхозников», чтобы организовать расхищение общественного имущества и тем самым поколебать основу советского строя — общественную собственность. А если все это так, то советское государство не может смотреть сквозь пальцы на действия трудящихся, предавших светлые идеалы социализма и, по существу, вставших в ряды классовых врагов, начав растаскивать то, что с таким трудом и лишениями было снесено в общую государственную или коллективную собственность.

Значит, у государства появилось право относиться к ренегатам из трудящихся так же сурово, как к классовым врагам, с той лишь разницей, что отщепенцы из трудящихся стали называться врагами народа. Советская власть упорно настаивала на буквальном следовании этому закону и сурово осуждала попытки судей давать наказание ниже пределов, предусмотренных постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., за сбор на колхозных полях оставшихся колосков, кражу нескольких килограммов зерна, муки, иные мелкие хищения.

Репрессия, не соответствующая тяжести содеянного, не дала ожидаемых советской властью результатов. С хищениями в колхозах и кооперации не было покончено. Да и что могли сделать уголовные меры, если значительная часть причин подобных деяний носила экономический характер — колхозникам просто нечего было есть.

Насильственное объединение в колхозы не дало обещанного благополучия крестьянам. Непримируемая борьба советской власти с кулачеством фактически завершилась тем, что кулака-единолич-

ника заменил кулак-государство. Теперь не часть, а все поголовно сельское население попало в государственную кабалу. Произведенные колхозами продукты подчистую изымались в государственные закрома.

Лишенные необходимых средств к существованию колхозники совершали хищения и тем самым незаконно, хотя и справедливо, обращали в личное потребление произведенные ими продукты, которые отнимало у них государство по закону, но несправедливо. Стремление советской власти отстоять свое право на сельскохозяйственные продукты, укрепить и развить колхозы при помощи суровых уголовных санкций без надлежащего решения экономических проблем и обеспечения сельских тружеников необходимыми средствами существования приводило к прямо противоположному результату — дальнейшему обнищанию и запустению деревни. Суровые и повсеместные репрессии лишали колхозы необходимых им работников, крестьянских детей — их родителей, превращали честных тружеников в преступников, интенсивно пополняя ими преступное сообщество.

Законодатель внес заметные корректировки в уголовный процесс, который, по его мнению, во многом оставался сложным, формальным и не в полной мере отвечающим задачам борьбы с контрреволюционерами и иными врагами народа. Поэтому мысль о его реконструкции витала в воздухе. И вот, наконец, терпение законодателя иссякло: 1 декабря 1934 г. убит С. М. Киров. Задержанный убийца назвал соучастников. Все было настолько «очевидным», что решили судить всех террористов в упрощенном порядке. В этих целях 1 декабря 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик».

Постановлением предусматривались следующие упрощения: 1) следствие завершать в срок, не превышающий 10 дней; 2) обвинительное заключение вручать обвиняемым за сутки до рассмотрения дела в суде, а дела слушать без участия сторон; 3) не допускать ни кассационного обжалования приговоров, ни подачи ходатайств о помиловании; 4) приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение сразу по вынесении приговора.

Таким образом, государство отказывало лицам, обвиняемым в совершении террористических актов, в праве на какую бы то ни было защиту. Их судьба целиком находилась во власти судебного органа: что положит, то и будет. Не предусматривались никакие гарантии отмены или изменения незаконных приговоров. Прокурор и защит-

ник в процессе не участвуют, следовательно, не могут способствовать исправлению судебных ошибок, которые могли быть и, как известно ныне, были весьма распространенными. Сам обвиняемый также лишился возможности защищаться должным образом. Следствие проводилось в ускоренном темпе, хотя за 10 дней практически невозможно выявить все обстоятельства такого сложного преступления, как террористический акт.

Срок ознакомления обвиняемого с обвинительным заключением и подготовки к защите на суде сократился с трех суток до одних. Жалобы на вынесенный приговор не допускались. Опротестование приговора в надзорном порядке было делом бесперспективным и поэтому бесполезным. Ибо приговор — высшая мера наказания — приводился в исполнение немедленно, независимо от того, обоснован он или нет. Как говорится, расстреляли человека — и концы в воду.

Реакционный характер постановления ЦИКа и СНК СССР от 1 декабря 1934 г. бесспорен. Но оно действовало без изменений более 20 лет и настолько импонировало законодательным органам, что упрощенный порядок судопроизводства был установлен и по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях (ст. 58-7 и 59-9 УК РСФСР) постановлением ЦИКа СССР от 14 сентября 1937 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик».

Таким образом, в форме общесоюзных законов по вопросам государственного террора руководящие органы партии пытались легализовать антиправовую политику в целях уничтожения слоя социально опасных для советской власти лиц посредством расширения антиправовых оснований уголовных репрессий и упрощения процедуры их применения. В результате законодательные нормы представляли собой *голый, субъективный произвол законодателя, повлекший за собой массовые репрессии в отношении лиц, не совершавших никаких противоправных деяний против советской власти и даже не помышлявших о них.*

Советское уголовно-процессуальное законодательство, лишенное многих институтов защиты прав обвиняемых и подсудимых, в 1940 г. вновь подверглось корректировке в сторону упрощения. Постановлением СНК ССР от 17 августа 1940 г. № 1486-578сс, одобренным постановлением Политбюро ЦК партии от 19 августа 1940 г. «Об изменниках родине», предписывалось всемерно ускорить процесс рассмотрения уголовных дел в отношении изменников Родине, в том числе расследование преступлений проводить в срок, установленный для расследования дел о терроризме, т. е. в течение 10 дней. В свою оче-

редь, переданные в военные трибуналы дела надлежало рассматривать в течение 48 часов со дня их получения. При этом военная коллегия Верховного Суда СССР обязывалась решения по приговорам военных трибуналов выносить незамедлительно и одновременно принимать решения о *привлечении к уголовной ответственности членов семей изменников Родины*, а копии этих решений направлять в НКВД для исполнения.

Постановление СНК СССР от 17 августа 1940 г. было дополнено постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 декабря 1940 г. «О привлечении к ответственности изменников Родины и членов их семей», в котором *имелись две существенные коллизии*. СНК СССР предписал применять к членам семей изменников Родины конфискацию всех принадлежащих им построек, сельскохозяйственного инвентаря и домашнего скота, тогда как законодатель такой санкции не ввел. И самое главное: ответственность устанавливалась в отношении не только членов семьи военнослужащего — изменника Родины, как предусмотрено постановлением ЦИКа СССР, но и членов семей *гражданских лиц*, перешедших нелегально в другую страну. Согласно Конституции СССР коллизии должны разрешаться в пользу законодателя, противоречащие его воле указания СНК СССР не действуют. Однако партия и советское Правительство отказали в действии Конституции и названному постановлению ЦИКа СССР.

Окончательное закрепощение рабочих и служащих произошло с принятием Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Указом устанавливалось «крепостное право», запрещавшее самовольный уход с предприятия и из учреждения или переход с одного предприятия на другое и из одного учреждения в другое без разрешения руководителя предприятия, учреждения. В свою очередь, разрешение на увольнение или переход на другую работу могло быть дано лишь по уважительным причинам, прямо перечисленным в Указе.

Самовольный уход с работы или прогул влек за собой уголовную ответственность. За прогул без уважительной причины рабочие и служащие предприятий и учреждений по приговору суда подвергались исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. Следует учитывать, что по советскому законодательству прогулом признавалось опоздание на работу более чем на 20 минут. Работника, опоздавшего на работу на большее время, суд приговаривал к исправительным работам в лю-

бом случае, в том числе за опоздание, допущенное по обстоятельствам, не зависящим от работника¹.

За самовольный уход с предприятий и из учреждений Указ предусматривал тюремное заключение на срок от двух до четырех месяцев. Эта же мера применялась к инженерам, служащим, квалифицированным рабочим, отказавшимся от переезда на другое предприятие по указанию соответствующего наркомата СССР, а также к врачам и иным медицинским работникам, отказавшимся следовать в медицинское учреждение по распоряжению наркома здравоохранения СССР.

Таким образом, партия и Правительство осуществили новый поворот в политике государственного террора — перенесли внимание с социально опасных элементов, с которыми боролись больше 10 лет, на классы, искони составлявшие социальную основу советского государства: рабочих и крестьян-колхозников. В обществе не осталось ни одного социального слоя, способного служить эталоном правомерного поведения, ориентированного на успешное решение задач социалистического строительства, кроме узкого круга членов ГКО. Логика террора, первоначально примененного к врагам народа, неизбежно и вполне объяснимо направила его на тех, с чьей деятельностью напрямую связывались исход неумолимо приближающейся войны и дальнейший прогресс в построении социалистического общества.

В этих новых условиях социально опасными становились уже не враги народа, а представители самого народа, не понявшие значения трудовой дисциплины и не готовые работать с тем напряжением сил и с той энергичностью, каких требовали партия и Правительство. Поэтому руководители государства не видели пользы в традиционных демократических институтах трудового права — стимулировании высокопроизводительного труда, равно как и в методах общественного воздействия на нарушителей трудовой дисциплины, и перешли на методы государственного террора. В этих целях дисциплинарная ответственность, наиболее суровой санкцией которой традиционно признается увольнение с работы по инициативе работодателя, была поднята до уровня уголовной ответственности.

Распространив государственный террор на сферу трудовых, производственных отношений, партия и Правительство окончательно

¹ Согласно ст. 26 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, утвержденных СНК СССР 18 января 1941 г., прогулом признавались случаи отсутствия на работе более 20 минут без уважительных причин. Опоздания менее чем на 20 минут приравнивались к прогулу, если они имели место три раза в течение месяца или четыре раза в течение двух месяцев подряд.

расписались в своем бессилии, неумении и нежелании строить новое общество методами социалистической демократии, вовлекающими население в этот процесс и усиливающими его активность в трудовой и управленческой деятельности. Угрозой государственного террора партия и Правительство, как оказалось, смогли обеспечить должный уровень трудовой дисциплины, но они не получили и не могли получить всеобщего уважения к себе и социалистическому строю, возводимому средневековыми методами, под принуждением и с наделением гегемона ролью простого статиста и исполнителя чуждой ему господской воли — воли вождей партии.

Введение исключительных норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства так или иначе негативно сказалось на функционировании всех компонентов системы общих и специальных судов, вынужденных в точном соответствии с требованиями исключительных законов отступать от общих демократических принципов и норм советского законодательства. Народным судам надлежало применять суровые санкции к лицам, посягающим на колхозное и иное кооперативное имущество, а с 1940 г. повсеместно привлекать к уголовной ответственности прогульщиков, а также лиц, самовольно ушедших с предприятия, из учреждения. Военная коллегия Верховного Суда СССР и военные трибуналы округов по подсудности в упрощенном порядке рассматривали дела об измене Родине, о терроре и контрреволюционном вредительстве. Эти же составы преступлений, совершенных на железнодорожном или водном транспорте, рассматривались транспортной и водной коллегиями Верховного Суда СССР, линейными железнодорожными и водными судами.

Далеко не все суды готовы были следовать субъективным установлениям карательной политики партии и Правительства. В частности, народные суды на первых порах не понимали всей мудрости партии, требующей 10 лет лишения свободы независимо от стоимости похищенного, и допускали многочисленные отступления от назначения наказания, предписанного законом. В некоторых регионах эти отступления доходили до 90%. На январском Пленуме ЦК партии (1933 г.), после осуждения И. В. Сталиным подобной политики, удельный вес числа осужденных за хищения колхозной собственности составил до 80%¹. Применение суровых репрессий заметно облегчалось благодаря упрощенному порядку рассмотрения уголовных дел о терроре, контрреволюционном вредительстве и измене Родине.

¹ См.: Шляпочников А. Охрана общественной (социалистической) собственности // За социалистическую законность. 1935. № 1. С. 14.

Исключительные законы в сфере правосудия культивировали таким образом особую форму уголовного процесса, которая вошла в противоречие с Основами судостроительства Союза ССР и союзных республик 1924 г., а затем и с Законом о судостроительстве СССР 1938 г., но продолжала действовать на всем протяжении периода сталинского террора.

Глава 40. Квазисудебные органы раскулачивания периода сплошной коллективизации сельского хозяйства

Уничтожение кулачества как класса партия и Правительство не доверили судам общей юрисдикции, правомерно полагая, что правосудие по действующему уголовно-процессуальному законодательству будет достаточно сложным, волокитным, связанным с проведением предварительного следствия, с обращением в кассационную и надзорную инстанции, необходимо сопряженным с возвратом дел на новое рассмотрение по первой инстанции. За этот период кулак сумеет распродать свое имущество и раствориться в городе, на заводе или на стройке. Между тем советская власть имела особый интерес к имуществу кулака. Раскулачиванием она хотела убить двух зайцев: ликвидировать кулачество как класс, а имущество бывших кулаков передать в неделимый фонд колхозов, поскольку взносов бедняков и даже середняков было бы недостаточно для успешного ведения колхозного хозяйства. Само же государство особых трат на создаваемые колхозы не планировало.

В силу изложенных обстоятельств раскулачивание и конфискация имущества должны быть одномоментными и внезапными, что возможно лишь по решению специально созданного квазисудебного органа в упрощенном порядке, в отсутствие раскулачиваемых и даже надлежащих документов о том, что репрессируемый имеет статус кулака. Порядок ликвидации последнего эксплуататорского класса в СССР был закреплен совершенно секретным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

Партия признала, что раскулачивание следует проводить по инициативе крестьян, но с непосредственным участием общесоюзных органов государства. В отношении кулаков, подразделенных на три категории, предписывалось принять следующие меры: а) первую категорию, состоящую из контрреволюционного кулацкого актива, немедленно ликвидировать посредством высшей меры репрессии или заключения в концлагеря; б) вторую категорию, состоящую из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, выслать в отдаленные

местности Союза ССР или в пределах данного края в его отдаленные районы; в) всех остальных кулаков, образующих третью категорию, поселить на участках за пределами колхозных хозяйств, но в регионе их проживания.

Местом высылки кулаков второй категории и членов их семей, а также семей первой категории были определены необжитые и малообжитые местности Северного края — 70 тыс. семейств; Сибири — 50 тыс. семейств; Урала — 20—25 тыс. семейств; Казахстана — 20—25 тыс. Одновременно в районах высылки предписывалось создать условия для использования высылаемых на сельскохозяйственных работах или промыслах.

Репрессивные меры в отношении первой и второй категорий кулаков надлежало проводить силами ОГПУ в течение ближайших четырех месяцев (февраль—май): направить в концлагеря около 60 тыс. кулаков и подвергнуть выселению в отдаленные районы 150 тыс. кулаков. В этих целях приказом ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/21 требовалось в кратчайший срок закончить ликвидацию всех действующих контрреволюционных организаций, группировок, банд и активных контрреволюционных одиночек и обеспечить быстрое проведение следствия по всем таким делам. Для срочного рассмотрения дел и применения уголовно-правовых санкций к кулакам первой категории предусматривалось создать чрезвычайный судебный орган — тройки в составе полномочного представителя ОГПУ в области, крае, представителей партии и прокуратуры¹.

Тройки рассматривали дела в традиционном для «чекистского правосудия» порядке: в отсутствие подсудимого, без адвоката и прокурора, по материалам, которыми располагал уполномоченный ОГПУ. Всего в стране в течение 1930 г. тройки осудили намного больше, чем планировалось, — свыше 280 тыс. кулаков.

Списки кулацких хозяйств, отнесенных ко второй категории, составляли райисполкомы на основании решений собраний колхозников, батрацко-бедняцких собраний. В этих целях в районе, расположенном в местах сплошной коллективизации, создавались районные тройки, состоявшие из первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и представителя ГПУ. Районные тройки учреждались для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков, отнесенных ко второй категории, и их семей. На практике подобные тройки осуществляли также юрисдикционные функции, в их обязанности входило утверждение списков кулаков, составлен-

¹ См.: Приказ Объединенного государственного политического управления от 2 февраля 1930 г. // Судебная власть в России. История. Документы. Т. V. М., 2003. С. 338.

ных собраниями колхозников или батрацко-бедняцкими собраниями¹. Порядок расселения остальных кулацких хозяйств (третья категория) устанавливали окружные исполкомы.

Решение о признании домохозяйства кулацким и о последующей конфискации его имущества также принималось не по закону, не народным судом, а чрезвычайным, открытым на период раскулачивания общественно-государственным органом. Общественный компонент этого органа — собрание колхозников либо батрацко-крестьянское собрание — должен был выполнить функции следственных органов и принять обоснованные решения о том, какие конкретно в их селе, деревне хозяйства являются действительно кулацкими. Считалось, что народу виднее, кто у них в селе кулак.

Между тем в постановлении ЦК партии, как и в законодательстве, критерии отнесения хозяйства к кулацкому не были сформулированы, что подготовило благоприятную почву для субъективных оценок и решений. В свою очередь, ошибочное решение собрания колхозников или батрацко-бедняцкого собрания влекло за собой непоправимые последствия для семей, признанных кулацкими: раскулачивание хозяйства, арест членов семьи и лишение права обжаловать принятое решение. Государственный компонент чрезвычайного органа также не имел достаточных данных для установления истины. Списки собраний хотя и подлежали утверждению окружными исполкомами, но эта процедура носила чисто формальный характер. Списки направлялись в названные инстанции без материалов, подтверждающих правомерность принятых решений.

Таким образом, чрезвычайный орган, обязанный четко отделить кулацкие домохозяйства от иных, был заведомо поставлен в условия, когда возможны многие ошибочные и субъективные решения. В аналогичных условиях проводилась конфискация кулацкого имущества. Постановлением партии предписывалось конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы, оставив им лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов. Денежные средства высылаемых также подлежали конфискации с оставлением в руках кулака

¹ См.: *Мусаев В. И.* Коллективизация и раскулачивание в Ленинградской области (1930-е гг.). URL: <https://secrethistory.su/1339-kollektivizaciya-i-raskulachivanie-v-leningradskoy-oblasti-1930-e-gg.html>; *Семущкин Д. А.* Раскулачивание крестьянства в период коллективизации (на примере Хвастовичского района Калужской области). URL: <https://school-science.ru/5/5/33851>.

некоторой минимальной суммы (до 500 руб. на семью) для проезда и устройства на месте.

Конфискацию имущества кулаков проводили особоуполномоченные райисполкомов с обязательным участием представителей сельсовета, председателей колхозов, батрацко-бедняцких групп. При этом требовалось составлять точную опись и оценку конфискуемого имущества с возложением на сельсоветы ответственности за полную сохранность конфискованного. Средства производства и имущество кулаков надлежало передать в колхозы в качестве взноса бедняков и батраков.

Ненадлежащим образом установленный центром порядок проведения коллективизации и раскулачивания былкратно усилен произволом организаторов колхозного движения и соответствующих комиссий. Повсеместно колхозы организовались не по инициативе самих крестьян, а приехавшими из района специальными комиссиями, имевшими целью не подвести партию и обеспечить перевыполнение предписанного ею процента коллективизированных крестьянских хозяйств.

Члены комиссий по организации колхозов, как и крестьяне, не имели и не знали нормативных актов, определяющих порядок их деятельности, из-за секретности этих актов и вынуждены были решать поставленные задачи, руководствуясь собственным правосознанием, нормами морали и собственным пониманием правовых пределов своего усмотрения. Коль скоро вступление в колхоз для крестьян было делом новым и весьма неясным по своим последствиям, они проявляли заметную осторожность и нерешительность в этом вопросе, хотели отложить его решение на более поздний срок. Подобная осторожность крестьян вызывала негативную реакцию приехавшей комиссии, вынужденной переходить от уговоров к психическому и даже физическому принуждению. Не вступившим в колхоз угрожали выселением на Север, «угостить белыми медведями», конфискацией имущества, направляли в органы милиции по мотивам ведения антиколхозной агитации и т. д. В ряде регионов лица, отказывающиеся вступать в колхоз, привлекались к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию против колхозов¹.

Как следует из записки начальника СОУ ОГПУ Е. Г. Евдокимова И. В. Сталину от 2 марта 1930 г. «О перегибах при коллективизации и раскулачивании», члены комиссий совершали недопустимое с точки зрения права физическое и психическое насилие над крестьянами,

¹ См.: Гуревич Я. Работа судебных органов ЦЧО по весенней посевной кампании // Советская юстиция. 1930. № 16. С. 13—15.

глумились над ними, заставляли совершать унижающие их честь и достоинство действия. В частности, в записке говорится о том, что в поселке Березниговатском (Херсонский округ) раскулачивание проводилось без составления описи. Часть изъятого имущества расхищена. Бригада, руководимая секретарем местной ячейки КП(б)У Бутенко, раздела дочь одного кулака и начала душить отца. У двоих середняков имущество также забрано без описи, одного из них раздели, его же 12-летнюю дочь оставили в одной рубашке. У 17-летней дочери кулака бригадники сняли панталоны. Одного кулака босым выгнали на улицу без шапки и в нижнем белье. Одну середнячку вместе с ребенком раздели и выбросили на улицу. Просьба матери отдать само-
тканое полотно, чтобы накрыть грудного ребенка, была отклонена¹.

Практически не ограниченные законом члены комиссий по раскулачиванию ориентировались на призывы партии и местной советской власти покончить с кулаком как классом, лишить его имущества, поступать с ним как с ярым врагом советской власти и крестьянства. Сформированный в воображении членов комиссий образ кулака, не заслуживающего никакой пощады, переводился на уровень конкретных решений и действий, в которых нет и тени гуманности, сочувствия. Члены комиссий не только глумятся над раскулаченными, но и не разрешают им забрать положенное по закону имущество и даже насилуют кулацких жен и дочерей.

Подобные действия явно не соответствуют закону. Согласно УК РСФСР конфискация — это мера уголовного наказания, применяемая к осужденным за конкретные преступления. ЦИК и СНК СССР разрешили применять конфискацию к лицам и членам их семей, которые не совершали никаких преступлений, действовали правомерно в соответствии с установленными советской властью законами и иными нормативными правовыми актами. И по этому признаку раскулачивание скорее напоминает экспроприацию в отношении помещиков и капиталистов, проведенную пролетариатом России. Но раскулачивание существенно отличается от экспроприации.

Во-первых, рабочий класс и его партия никогда не считали нужным лишать мелкую буржуазию ее собственности. Во-вторых, если экспроприация собственности помещиков и капиталистов оправдывалась изменением способа производства, нетрудовым получением богатства и отменой законов, которые закрепляли частную собственность на средства производства, то имущество кулаков советскими законами признавалось правомерным.

¹ См.: Евдокимов Е. Г. О перегибах при коллективизации и раскулачивании // URL: <https://istmat.info/node/45232>.

Гарантированные ГК РСФСР правомочия собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в полной мере распространялись на кулаков и защищались от нарушений всем законодательством, в том числе Уголовным кодексом. Как и у крестьянина-бедняка, у кулака нельзя было открыто или тайно похищать имущество. Советская власть разрешила и способы обогащения кулака: аренда земли, наем батраков, сдача в аренду живого и мертвого инвентаря и др.

Было бы неправильным полагать, что собственность кулаков основана только на нетрудовых доходах. Как уже говорилось, большинство семей кулаков принимали непосредственное участие в сельскохозяйственных работах, занимались выращиванием скота и уходом за ним. Если же кулак допускал нарушение законодательства, государство имело право применять и активно применяло к нему предусмотренные законом меры государственного принуждения, в том числе конфискацию имущества.

Признавая раскулачивание в качестве необходимой меры, государство грубо нарушало свои ранее принятые законы, аннулировало данные кулаку права и тем самым еще раз убеждало население в том, что советское государство в любой момент может отменить свои законы и будет наказывать за действия, которые еще вчера считались правомерными. Раскулачивание не имеет аналогов в системе узаконенных способов лишения собственника его имущества и представляет собой не что иное, как произвол и государственный террор.

В числе других значительных нарушений законодательства при раскулачивании можно назвать: 1) привлечение к юридической ответственности крестьян не за совершенные правонарушения, а по мотивам их ложно понятой социальной опасности для колхозного движения; 2) создание квазисудебных органов для применения мер государственного принуждения к лицам, признанным кулаками; 3) лишение лиц, признаваемых кулаками, права на юридическую защиту и кассационное обжалование; 4) ссылка на неопределенный срок; 5) ссылка в труднодоступные районы Сибири, Дальнего Востока и Казахстана.

Политбюро ЦК партии сочло возможным применить государственное принуждение в массовом порядке к целому слою населения — кулакам, в том числе к членам их семей, независимо от отношения к советской власти и действующему законодательству. Основанием карательных мер признавался один-единственный признак — уровень благосостояния крестьянского хозяйства. Чем больший достаток имела семья, тем, по мнению партии и совет-

ской власти, большую опасность она представляла для государства и колхозного строительства. Именно 3—5% наиболее обеспеченных крестьянских хозяйств предписывалось совершенно секретным постановлением ЦК партии от 30 января 1930 г. выселить в кратчайший период до начала посевной кампании 1930 г.

Однако этот ультрареволюционный подход отвергается наукой уголовного права, обоснованно признается неправовым, неизбежно влекущим за собой необоснованное наказание правомерно поступающих лиц.

Не соответствовало действующему закону решение Политбюро ЦК ВКП(б) о применении репрессий к кулакам и членам их семей в силу того, что они являются потенциальными врагами колхозного движения и могут причинить ему вред. Ибо основанием ответственности выступают либо факторы, не зависящие от человека (родство), либо разрешенная государством деятельность, позволившая бедняку или середняку попасть в разряд кулаков. Но ст. 6 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливала общий принцип: уголовная ответственность может наступать только при наличии вины, *за умышленные или неосторожные действия*. Следовательно, по советскому законодательству к кулаку нельзя применять никаких мер государственного принуждения до тех пор, пока он действует правомерно и не нарушает законов.

Ссылка раскулаченных назначалась без указания ее срока. Произвол государства в отношении кулака усиливался еще и тем, что ему категорически запрещалось вступить в колхоз и собственным поведением доказать свою лояльность к советской власти и ее мероприятиям по коллективизации сельского хозяйства. И. В. Сталин был категорически против принятия кулаков в колхозы, о чем неоднократно говорил в своих речах.

Чтобы оправдать произвол в отношении кулака, его огульно обвиняли во всех смертных грехах и ошибках, допущенных в ходе коллективизации. Кулацкой агитацией объяснялось нежелание сдавать хлеб государству по низким ценам, своевременно уплачивать налог, вступать в колхозы, исполнять трудовую повинность. Низкая дисциплина труда в колхозе, нехозяйственное отношение к инвентарю и оборудованию — все это было, по мнению партийных и советских работников, результатом кулацких происков. И даже грубейшие нарушения закона при раскулачивании нередко списывали на самих кулаков.

Историческое значение успешно завершенной операции по ликвидации кулачества как особого социального слоя посредством

физического уничтожения одних и депортации других имело два аспекта. Первый из них — обеспечение безопасной работы колхозов как основной формы перехода крестьян на социалистические рельсы. С уничтожением кулачества село на какое-то время становилось социально однородным, жило без эксцессов, порожденных, как полагали партия и государство, явными и непримиримыми врагами колхозного движения. Второй значимый аспект раскулачивания характеризовался тем, что И. В. Сталин и Политбюро ЦК партии государственный террор из чрезвычайной меры перевели в *статус постоянно используемого эффективного способа* осуществления правоохранительной, правозащитной деятельности государства. *С момента начала раскулачивания до смерти И. В. Сталина советское государство уже не мыслило своего существования без массового террора в целях утверждения советского строя и уничтожения его особо опасных врагов.*

Учитывая практику раскулачивания, позитивные и негативные стороны данного процесса, партия и государство определили стратегию и тактику государственного террора, а также условия и порядок его результативного действия. Сталин и его окружение отдавали себе отчет в том, что государственный террор в демократическом обществе, на звание которого претендовал советский строй, заметно снижает его авторитет в глазах населения и зарубежной общественности. Поэтому стратегическая задача партии и Правительства — сплошной обман, вуалирование реальных целей террора и антиправовых, противозаконных способов его проведения.

Первоначально посредством пропаганды и агитации ставилась задача убедить население страны и общественность зарубежных стран в том, что террористическая операция советского государства является ответной реакцией на особо опасные антисоветские действия лиц, подлежащих государственной репрессии. Затем в упрощенном и засекреченном порядке требовалось вести террористическую операцию до полного уничтожения соответствующего социального слоя, в понимании партии и государства особо опасного для судеб социализма. В период операции и по ее завершении следовало настойчиво убеждать общественность страны и зарубежных стран в том, что репрессии проводились хотя и по упрощенной процедуре, но при условии неуклонного соблюдения закона и прав осужденных.

Раскулачивание имело решающее значение в том смысле, что оно установило основы государственного террора, позволило определить перечень требований, которым он непременно должен соответствовать.

Таким образом, успешное завершение раскулачивания Сталин, его окружение и советское Правительство признали бесспорным и ценным достижением, утвердившим их намерение (вопреки мнению Ленина) использовать государственный террор в условиях мирного строительства социализма для скорейшего искоренения социально опасных элементов и повышения темпов социалистического строительства.

Глава 41. Нелегальные органы квазисудебного чрезвычайного правосудия: двойки и тройки

Тройки при полномочном представительстве ОГПУ в период раскулачивания настолько позитивно зарекомендовали себя в качестве квазисудебного органа массового террора, успешно воздавшего кулакам по заслугам, что к созданию подобных органов в период с 1933 по 1938 г. ЦК партии и Правительство прибегали не единожды. Первые тройки были образованы в соответствии с циркуляром ОГПУ от 13 августа 1933 г. № 96 «О порядке применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения». Тройки в составе сотрудников аппарата полномочного представительства ОГПУ уполномочивались рассматривать дела, касающиеся нарушителей паспортного режима, с правом направлять виновных лиц в спецпоселки, трудпоселки или лагеря на срок до трех лет. После учреждения Наркомата внутренних дел и вхождения в его состав ОГПУ деятельность троек была прекращена, а право рассмотрения подсудных им дел вновь перешло к ОСО.

Приказом НКВД СССР от 27 мая 1935 г. № 00192 милицейские тройки были организованы в краях, областях, союзных и автономных республиках для рассмотрения дел в отношении нарушителей паспортного режима, уголовных и деклассированных элементов. Решения принимались с участием представителя региональной прокуратуры. Если прокурор был согласен с решением тройки, то оно подлежало незамедлительному исполнению, а протокол заседания тройки направлялся на утверждение ОСО. Дело, по которому прокурор не был согласен с решением тройки, направлялось на рассмотрение ОСО. Тройке разрешалось применять наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Постановлениями от 28 июня, от 2 и от 31 июля 1937 г. Политбюро ЦК партии был введен новый вид тройки НКВД СССР — политическая тройка, уполномоченная применять к социально опасным элементам репрессии вплоть до высшей меры наказания. В качестве судей назначались нарком республиканского НКВД или начальник

управления Наркомата внутренних дел СССР (УНКВД) области, края, представители партийных и советских органов. Допускалось присутствие регионального (республиканского, краевого, областного) прокурора. Презюмировалось, что самые авторитетные люди региона с большим партийным стажем не способны на фальсификацию и вынесение неправосудных приговоров.

В соответствии с приказом наркома внутренних дел Н. И. Ежова от 30 июля 1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» (далее — Приказ № 00447) к подсудности политических троек НКВД СССР были отнесены дела групп (категорий) населения, не согласных с политикой партии и ведущих антисоветскую деятельность. Это: 1) бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания, бежавшие из лагерей или трудпоселков либо скрывшиеся от раскулачивания; 2) бывшие кулаки и иные социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения; 3) члены антисоветских партий (эсеры, муссаватисты и др.), бывшие белогвардейцы, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, эмигранты, скрывшиеся от репрессий либо бежавшие из мест заключения; 4) наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований. Политическим тройкам были подсудны также дела в отношении уголовников (грабителей, воров-рецидивистов, контрабандистов-профессионалов, скотоконокрадов), ведущих преступную деятельность.

Законодатель, составляя этот перечень, преследовал две цели. Первая — выведение из предмета уголовного и уголовно-процессуального законодательства весьма значительного круга государственных преступлений, указанных в Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления) от 25 февраля 1927 г. и уголовных кодексах союзных республик. Вторая — заметное упрощение карательной деятельности органов НКВД, прежде всего их освобождение от обязанности сбора доказательств, необходимых для постановки обоснованного и справедливого приговора. Кровно заинтересованная в скорейшем уничтожении социально опасных элементов партия сочла возможным принести в жертву этой цели права и свободы советских граждан, а для определенной их части — жизнь.

Негативная сторона подобного порядка судопроизводства характеризовалась тем, что она лишала обвиняемых и подсудимых практически всех прав и свобод, гарантированных уголовно-процессуальным законом. Перечень наказаний для лиц, привлекаемых к ответственности согласно Приказу № 00447, сужался до трех санкций: высшая мера наказания, лишение свободы с помещением в исправительно-трудовые лагеря и лишение свободы с содержанием в тюрьме. При этом уголовное дело должно было рассматриваться в упрощенном порядке, в отсутствие подсудимого, а обвинительный приговор признавался окончательным и не подлежал обжалованию.

Подтверждение оперативным работником достоверности компрометирующих материалов давало основание для ареста подозреваемого лица. Для получения санкции не требовалось персональное постановление прокурора. Санкцию давали нарком внутренних дел, начальник управления или областного отдела НКВД по спискам, представленным начальником оперативной группы. То есть процесс получения санкции был формальным, поскольку по краткому описанию сути антисоветских деяний, совершенных конкретным лицом, которое упоминалось в списке, невозможно достоверно решить вопрос о его аресте.

На основании утвержденного списка лиц, подлежащих аресту, начальник оперативной группы проводит арест, который непременно сочетался с обыском по месту работы и месту жительства. Приказом № 00447 предписывалось проводить обыск самым тщательным образом, чтобы обнаружить оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционную литературу, драгоценные металлы в монетах, слитках и изделиях, а также иностранную валюту, множительные приборы и переписку.

Предполагалось, что обнаружение названных предметов может служить бесспорным свидетельством наличия у их владельца как минимум враждебного отношения к советской власти. Однако это было отнюдь не всегда так. Например, при обыске кабинета Н. И. Ежова изыали три пистолета, 115 книг и брошюр контрреволюционных авторов, врагов народа, в том числе белоэмигрантские книги на русском и иностранных языках, изданные за рубежом, и три бутылки пшеничной водки. Тем не менее их владелец, соратник И. В. Сталина, стойкий борец за советскую власть, никогда не был антисоветским элементом, несмотря даже на имеющийся в отношении него обвинительный приговор.

Как следует из перечня материалов, обязательному включению в дело, направляемое в тройку НКВД СССР, подлежит учетно-агентурный материал, который служит основным источником доказательств вины подсудимого. Высокий уровень достоверности агентурных данных, каковым его считали сотрудники НКВД, в действительности таковым не являлся. В правовой науке и практике оперативно-следственной работы эти данные признаются не более чем сигналом, который нуждается в тщательной проверке и обосновании. Помимо того, что донос может быть дефектным по источникам получения, он нередко использовался для сведения личных счетов, получения жилья или должности, которые занимал арестованный, достижения иных корыстных целей.

Некритическое отношение сотрудников НКВД к доносам осведомителей, анонимным письмам, кроме прочего, было обусловлено обстановкой того времени. Н. И. Ежов в Приказе № 00447 никаких рекомендаций относительно пыток не давал, предпочел не поднимать этот весьма деликатный вопрос, вновь относил на усмотрение исполнителя неправовое следственное действие. Как показала практика, сотрудники НКВД «по своему усмотрению», как правило, достигали нужного результата — обвиняемые признавались в инкриминируемых им преступлениях.

Порой истязания продолжались долгое время. Так, Е. Г. Евдокимов, бывший первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии, около пяти месяцев, несмотря на систематические истязания, не давал признательных показаний. В марте 1939 г. по настоянию врачей, измученный пытками, больной, он был помещен в тюремную больницу. Через месяц покинул больницу с твердым намерением не сдаваться и не брать на себя с подсказки следователей не совершенные им преступления. Но не смог вынести продолжавшихся истязаний и начиная с 13 апреля 1939 г. стал давать «признательные» показания. Военачальник, герой гражданской войны В. И. Блюхер умер в тюремной камере от пыток. Наряду с битьем применялись и другие порожденные «творческим воображением» следователей пытки, которые так красочно описал А. И. Солженицын¹.

Таким образом, истоки грубейших нарушений законности на стадии расследования антисоциальной направленности действий виновного были заложены в постановлении Политбюро ЦК партии и Приказе № 00447, закрепивших упрощенный порядок рассмотрения дел. По этой же до минимума упрощенной схеме проводились заседания троек НКВД СССР. В приказе наркома вопросам судопро-

¹ См.: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Владивосток, 1990. С. 84—123.

изводства были отведены целых пять пунктов, которые в основном посвящены укреплению законности деятельности троек. Во-первых, республиканским, краевым или областным прокурорам, не входившим в состав троек, разрешалось присутствовать на их заседаниях. Во-вторых, допускалась возможность рассмотрения тройкой дел не только «в пункте расположения соответствующих НКВД, УНКВД или областных отделений НКВД», но и по местонахождению оперативных секторов. В-третьих, в отличие от ВЧК и местных ЧК, рассматривавших дела по спискам, скопом, согласно Приказу № 00447 тройки обязаны были рассматривать представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также в отдельности на каждую подлежащую выселению семью.

Более того, Приказ № 00447 разрешал тройкам в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного не соглашаться с обвинительным заключением и лиц, намеченных к репрессированию по второй категории, относить к первой категории и, наоборот, лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, — ко второй. Однако это «демократичное» предписание породило ряд вопросов, ответов на которые в Приказе № 00447 нет.

Прежде всего возникает вопрос: располагают ли тройки другими полномочиями в отношении обвинительного заключения, например, могли они вынести оправдательный приговор или вернуть дело на дополнительное расследование? Для общих судов такие решения возможны, ибо суть правосудия состоит не в том, чтобы бездумно вотиловать любые уголовные дела, независимо от обоснованности инкриминируемых обвиняемым деяний и степени их общественной опасности. Согласно п. «д» ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик уголовное дело на любой стадии уголовного процесса может быть прекращено при отсутствии признаков общественной опасности в действиях, приписываемых обвиняемому. Распространяется ли эта норма на усеченное правосудие троек? Если да, то почему об этом не сказано в Приказе № 00447? Если нет, то каким образом должна поступать тройка, пришедшая к выводу о том, что подсудимые не представляют опасности для общества?

На этом «демократизм» работы троек завершается. В отличие от уголовного законодательства, требующего ведения протокола судебного заседания, отражающего все действия суда, Приказ № 00447 предписывает тройкам вести протоколы своих заседаний и фиксировать в них вынесенные приговоры в отношении каждого осужденного даже без мотивировки вынесенного решения. При этом про-

токол заседания тройки предстает единственным документом, в соответствии с которым обеспечивалось реальное исполнение приговора. В этих целях протокол направлялся начальнику оперативной группы. Однако, как уже говорилось, осужденным протокол заседания тройки в лучшем случае лишь сообщался и непосредственно в руки осужденным не передавался. Партия и нарком внутренних дел в этом не видели смысла, поскольку приговор тройки обжалованию не подлежал.

Начиная со второй половины 1937 г. в СССР был организован еще один квазисудебный орган — двойка — для рассмотрения материалов об иностранцах, проживающих на территории СССР и обвиняемых в ведении антисоветской, контрреволюционной деятельности. Двойки образовывались на региональном и общесоюзном уровнях. На региональном уровне в состав двойки входили наркомы внутренних дел республики, начальники УНКВД области или края и соответствующие региональные прокуроры. На общесоюзном уровне действовала двойка в составе наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР.

Согласно оперативному приказу наркома внутренних дел СССР от 11 августа 1937 г. № 00485 в стране в 1937—1938 гг. проводились широкомасштабные репрессии в отношении иностранцев, проживающих на территории СССР: немцев, поляков, греков, финнов и др. В зависимости от активности участия в контрреволюционной, антисоветской деятельности арестованные подразделялись на две категории: к первой относились обвиняемые в диверсионных, вредительских и тому подобных опасных деяниях и подлежащие расстрелу; ко второй — все остальные, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря сроком от пяти до 10 лет.

Обвиняемых распределяли по категориям региональными двойками по материалам, добытым следствием. Фактически двойка вершила правосудие, выносила решение о применении конкретной санкции к обвиняемым согласно тяжести совершенных ими деяний. Однако решение принималось не в соответствии с процессуальным законодательством и даже не в упрощенном порядке, как предписывалось постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., а самым карикатурным способом — по краткому изложению следователем материалов дела и агентурных данных, характеризующих степень виновности арестованного. Решения двойки в форме списков осужденных, отнесенных к первой и второй категориям, и имеющих к ним материалов направлялись в НКВД СССР на утверждение вышестоящей, общесоюзной двойке. Вполне понятно, что нар-

ком внутренних дел СССР и Прокурор СССР к полученным материалам относились формально, скорее всего подписывали списки, не особенно вникая в суть дел осужденных. Так, 29 декабря 1937 г. они подписали приговоры 920 осужденным.

Центральная двойка явно не справлялась с потоком поступающих дел, волокитила процесс принятия окончательного решения, поэтому постановлением Политбюро ЦК партии от 15 сентября 1938 г. региональные двойки реорганизовывались в тройки с правом принятия окончательного решения по рассматриваемым делам. В состав особых троек в краях, областях, союзных и автономных республиках входили первый секретарь обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК нацкомпартий, начальник соответствующего управления НКВД и прокурор. Тройки стали временным органом, им надлежало рассмотреть оставшиеся следственные дела на арестованных по контрреволюционному национальному контингенту до 1 августа 1938 г. Тройкам разрешалось возвращать дела на доследование и выносить решения об освобождении обвиняемых из-под стражи, если в делах нет достаточных доказательств.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» самым решительным образом упраздняло судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, равно как и тройки при областных, краевых и республиканских управлениях органов милиции. Порочная квазисудебная практика на уровне региональных и республиканских органов Наркомата внутренних дел становилась достоянием истории. ЦК партии и СНК СССР признали необходимым все дела в точном соответствии с законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР.

В постановлении содержится общая оценка работы карательных органов по борьбе с врагами советской власти, отмечаются определенные достижения и конкретные недостатки. В числе последних выявлены слабая агентурная работа и упрощенный порядок расследования. Следователи ограничиваются тем, что получают признание обвиняемым его вины и совершенно не заботятся о подтверждении этого признания документальными данными (показаниями свидетелей, актами экспертизы, вещественными доказательствами и проч.). Далее в постановлении выделены четыре причины названных ошибок: 1) потеря чекистами вкуса к агентурным мероприятиям, играющим в их работе исключительно важную роль; 2) глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования; 3) примирительное

отношение к выявленным нарушениям революционной законности прокуратуры: она не только не устраняет их, но и фактически узаконивает; 4) наличие в органах НКВД и прокуратуры — как в центре, так и на местах — врагов народа, которые умело пользуются безответственным отношением к следственному производству и грубо нарушают установленные законом процессуальные правила.

Какими бы впечатляющими ни были проделки врагов народа в органах государственного принуждения, все же невольно возникает вопрос: способна ли чекистская организация надлежащим образом выполнять свои функции, если она даже не отличает *врага народа от его подлинных защитников* в таком простейшем деле, как подбор и расстановка кадров? Понятно, что составители постановления использовали тезис о врагах народа в чекистских организациях не от хорошей жизни, им нужно было *реабилитировать произвол Политбюро ЦК партии*, которое, как показано ранее, встало на неконституционный путь присвоения законодательной власти, *своими неконституционными актами инициировало террор в форме ежовщины*, утвердило порядок его применения в самом общем виде и со значительными проблемами.

Желание Политбюро ЦК партии придать тройкам НКВД СССР статус авторитетного судебного органа на деле давало широкую дорогу для самых разных фальсификаций со стороны органов НКВД на стадии оформления дела. Высокоавторитетные судьи, задавленные по основной работе громадьем планов строительства социализма, рассматривали свое участие в тройке как дополнительную и обременительную нагрузку, относились к ней формально и иначе относиться не могли. Во-первых, они не были профессиональными юристами, во-вторых, при упрощенном судопроизводстве (без судебного следствия) не имели возможности самостоятельно проверить и оценить добытые по делу доказательства и вынуждены были утверждать сплошь и рядом фальсифицированные материалы работников НКВД.

Создание Политбюро ЦК партии квазисудебных троек НКВД СССР, способных служить лишь фиговым листком для грубейших нарушений законности, противоречило ст. 102 Конституции СССР. Как уже говорилось, Конституция гарантировала, что в СССР возможны лишь закрепленная Конституцией система общих судов и специальные суды, формируемые постановлениями Верховного Совета СССР. В данном случае квазисудебный орган учреждался непосредственно актами Политбюро ЦК партии, которое вновь выступало законодателем, принимало нормативные установления по

вопросам, отнесенным непосредственно к предмету ведения законодательного органа СССР, следовательно, подменяло этот орган. Не обладая профессиональными юридическими знаниями, члены Политбюро путали божий дар с яичницей, предписывали тройкам применять уголовно-правовые санкции — высшую меру наказания и расстрел — «в порядке административного проведения ими дел».

Между тем дела по фактам совершения преступлений, требующих уголовно-правовых санкций, можно было возбуждать и рассматривать только в порядке уголовного судопроизводства, как того требовала ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. Политбюро ЦК партии не сочло нужным руководствоваться действующим законом и вопреки ему разрешило тройкам НКВД рассматривать в упрощенном административном порядке уголовные дела об антисоветской деятельности социально опасных элементов. Тем самым оно вышло за пределы своих полномочий, выступило в роли законодателя и, самое главное, подготовило реальные условия для грубейших нарушений законности, прав подсудимых при разрешении дел тройками НКВД СССР и вынесении приговора.

Наделив квазисудебный орган — тройки НКВД СССР — правом применять такие суровые санкции, как лишение свободы и высшая мера наказания, Политбюро нарушало одну из основных гарантий защиты личности от произвола государства, закрепленную п. 9 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: никто не может быть лишен свободы иначе, как в случаях и порядке, указанных в законе. Кроме того, порядок применения репрессий, установленный приказом наркома внутренних сил, напрямую противоречит п. 2 названных Основ, согласно которому судопроизводство по уголовным делам определяется Основами уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальным законодательством союзных республик. Все последующие акты совершенствования существующего уголовно-процессуального законодательства должны оформляться изменяющими, дополняющими, отменяющими его законами. Соответственно, не допускается принятие каких бы то ни было иных дополнительных актов, закрепляющих другие формы уголовного судопроизводства, действующих наряду с формами, установленными Основами уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальным кодексом союзной республики, и помимо этих форм.

Административный порядок рассмотрения дел применяется по факту совершения противоправных и незначительных по степени

общественной опасности деяний. При этом субъект и факт совершения правонарушения достоверно установлены и зафиксированы в протоколе, составленном компетентным должностным лицом. Органу, рассматривающему дело об административном правонарушении, нет необходимости в самостоятельных следственных действиях для непосредственного установления событий и состава совершенного правонарушения. Необходимые сведения как о субъекте административного правонарушения (фамилия, имя, иные данные о физическом лице, наименование и адрес нахождения юридического лица), так и о составе совершенного противоправного деяния содержатся в протоколе.

Принципиально иным предстает порядок рассмотрения судом уголовных дел. Согласно ст. 23 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, изученных в судебном заседании. Имеющиеся доказательства судьи оценивают по своему внутреннему убеждению исходя из всех обстоятельств дела в их совокупности. Принцип непосредственного рассмотрения судом имеющихся по делу доказательств является одной из главных и твердых гарантий вынесения обоснованных и справедливых приговоров по делу. Как правильно отмечал В. К. Случевский, началом непосредственности устанавливается «господствующий в процессе метод исследования собранного по делу фактического материала, благодаря которому открывается для судьи возможность проверить своими чувствами достоинства и недостатки выяснившихся по делу доказательств»¹.

Правовая наука и юридическая практика пока не располагают иными, *более совершенными способами получения достоверных доказательств и установления истины по делу*. Политбюро ЦК партии, ориентированное на скорейшее уничтожение всех социально опасных элементов, отдает на закланье карательным органам советских граждан, лишив их даже урезанных советскими законами гарантий неприкосновенности личности и защиты от незаконного правосудия тем, что отменяет само правосудие.

Полное и достоверное выяснение обстоятельств преступления на стадии предварительного следствия ограничивается агентурно-оперативными материалами и протоколом допроса обвиняемого; тройка, принимающая решение по делу, не видит даже подсудимого, не допускает к участию в деле защитника, довольствуется только названными материалами предварительного следствия. Как упомина-

¹ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство — судопроизводство. СПб., 1913. С. 53.

лось ранее, принятое по делу решение не подлежит обжалованию. В условиях, не допускающих и не требующих достижения истины по делу, вынесение неправосудных приговоров и привлечение лиц, не совершавших инкриминируемых им деяний, превращается в правило, тогда как вынесение обоснованных приговоров становится редким исключением.

Конечно, Политбюро, желая как можно быстрее покончить с социально опасными элементами, решение об упрощении судопроизводства принимало, преследуя свои интересы, но оно не учло того существенного обстоятельства, что решение неосуществимо с точки зрения действительного права. Во имя удобного для партии порядка решение Политбюро нанесло существенный вред делу социалистического строительства, заметно сократив число его сторонников, подвергнув одних необоснованному массовому террору вплоть до применения высшей меры наказания и отняв у других веру в социализм и его потенциальные возможности.

Еще одним образцом грубейшей подмены Политбюро ЦК партии Верховного Совета СССР явилось постановление, благословлявшее следственные органы НКВД на физическое насилие и пытки в отношении обвиняемых, совершивших особо опасные государственные, контрреволюционные преступления, изданное ориентировочно в середине июля 1937 г. Это означало возврат к средневековой инквизиции, повсеместно осужденной и отмененной буржуазными государствами. Документальные свидетельства принятия постановления, порочащего Политбюро из-за санкционирования средневековых методов расследования преступления, как говорилось ранее, были уничтожены. Однако его реальность Сталин признал в телеграмме, разосланной в январе 1939 г. всем региональным руководителям ВКП(б) и НКВД, о применении пыток: «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП... ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»¹.

Действуя в своем интересе, выдаваемом за всеобщий интерес, Политбюро ЦК партии явилось начальным и основным источником

¹ Цит. по.: Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937—1938. Краткая хроника. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2007HrBT.htm>.

самых разных нарушений законности в период массового террора. Пользуясь полной беспринципностью законодателя, его неспособностью защитить свои права от неконституционных посягательств со стороны партии, Политбюро смело брало на себя его функции и принимало предписания, грубо противоречащие действующему законодательству. Отменив нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, закрепляющие твердые гарантии защиты личности от незаконных посягательств со стороны правоохранительных и судебных органов, партия создала питательную почву для злоупотреблений, имевших место в ходе большого террора.

Глава 42. Легальные органы квазисудебного правосудия

Два чрезвычайных органа действовали легитимно, положения о них были закреплены законодательно и помещены в источниках официального опубликования. Это Особое совещание при НКВД СССР и арбитраж.

ОСО при НКВД СССР

Постановлением ЦИКа СССР «Об образовании общесоюзного НКВД» от 10 июля 1934 г. было учреждено Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР, а Положение о нем было утверждено постановлением ЦИКа и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. «Об Особом совещании при НКВД СССР» (далее — Положение об ОСО). Следует признать, что это весьма своеобразный орган, правовой статус которого в отношении органов советского правосудия законодатель официально не закрепил. Тот факт, что Положение об ОСО помещено в источнике официального опубликования — «Собрании законов СССР», свидетельствует о его признании конституционным и легальным органом, осуществляющим юрисдикционную деятельность, сопряженную с применением юридической ответственности к индивидам. В то же время ОСО не входило в систему органов советского правосудия, исчерпывающим образом определенную в ст. 102 Конституцией СССР 1936 г.

Частично ситуацию проясняет п. 8 постановления ЦИКа СССР от 10 июля 1934 г. «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел», согласно которому ОСО создается как орган, наделенный правом применять в *административном порядке* высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылку за пределы Союза ССР. Суть такого порядка согласно Положению об ОСО состояла в применении государственного принуждения к категории правонарушителей, которые ранее

входили в число троцкистско-зиновьевских, иных оппозиционных и преступных групп, питали устойчивую неприязнь к советской власти, поддерживали связи с другими социально опасными элементами и готовы были в любой удобный момент принять участие в преступной антисоветской деятельности.

Словом, это был слой социально опасных элементов, о существовании которых органы НКВД знали, но привлечь к уголовной ответственности по закону не могли из-за отсутствия в поведении таких лиц признаков противоправных действий. Получалась, с точки зрения ЦК партии и Правительства, нелепость: чтобы привлечь к ответственности заведомо опасное для советской власти, государства лицо, нужно терпеливо выжидать, когда это лицо совершит конкретное преступление, причинит реальный вред. Выход в данной тупиковой ситуации нашелся: нужно заимствовать опыт борьбы царского Правительства с революционными силами посредством ссылки наиболее активных участников революционного движения в отдаленные от центра места Сибири.

Решение о ссылке в царское время принимало Особое совещание при Министерстве внутренних дел в упрощенном порядке без участия репресслируемых и на основании материалов, представленных оперативно-следственными службами. Если этот институт в дореволюционной России давал неплохие результаты, то почему бы его не ввести в СССР в превентивных целях против социально опасных для советской власти элементов? Созданное при НКВД СССР Особое совещание и должно было выполнять подобные функции. Оно не ставило задачу дублировать органы правосудия, применяющие уголовную ответственность за конкретные уголовные преступления или за подготовку к ним, у него был свой контингент репресслируемых — это лица, известные органам НКВД как негативно относящиеся к советской власти и готовые в любой момент выступить против ее мероприятий.

Согласно Положению об ОСО этот орган наделялся правом применять к лицам, *признаваемым общественно опасными*, четыре вида санкций: а) ссылку на срок пять лет под гласный надзор в местности, список которых установлен наркомом внутренних дел Союза ССР; б) высылку на срок до пяти лет под гласный надзор с запрещением проживать в столицах, крупных городах и промышленных центрах Союза ССР; в) заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет; г) высылку за пределы Союза ССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными. ОСО выступало не только карательным органом. Оно было правомочно применять

поощрительные меры к сосланным или заключенным, за примерное поведение сокращать сроки их пребывания в ссылке или исправительно-трудовом лагере и даже освобождать от дальнейшего применения санкции.

В состав ОСО входили: председатель — нарком внутренних дел СССР, члены — ответственные работники наркомата, в том числе заместители наркома, уполномоченный Наркомата внутренних дел Союза ССР по РСФСР, начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции и нарком внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло рассматриваемое дело. Решение ОСО о ссылке и заключении в исправительно-трудовой лагерь было весьма кратким. В нем указывались фамилия, имя и отчество, дата и место рождения осужденного, основание применения принятых мер, район, а также срок ссылки или заключения в лагерь.

Признавалось обязательным присутствие на заседаниях Прокурора Союза ССР или его заместителя, от позиции которых зависела дальнейшая судьба дела. Представитель прокуратуры как полноправный участник заседания ОСО мог высказывать свою позицию по любому рассматриваемому делу, пояснять, в чем он видит неполное соответствие предлагаемого решения требованиям закона, однако он не принимал участия в голосовании по принимаемым решениям. Решение ОСО, по которому у представителя прокуратуры не было возражений, признавалось принятым и обращалось к исполнению. Если же представитель прокуратуры не соглашался с решением, то он опротестовывал это решение в Президиум ЦИК СССР.

Постановление, как видим, было достаточно конкретным, чтобы организовать работу ОСО, но недостаточно конкретным, пробельным в части регулирования процессуальных вопросов и защиты личности от произвольных действий органов НКВД. По справедливому замечанию А. И. Анучина, «ссылка и высылка в советский период на протяжении длительного времени характеризовались отсутствием детально разработанной законодательно-нормативной базы. Это подчеркивает изначально репрессивную направленность данных институтов, которые фактически действовали вне нормального правового поля. Нормативные правовые акты очерчивали общие контуры функционирования этой системы, в рамках которой репрессивные органы обладали полной свободой действий. Органы ГПУ—ОГПУ—НКВД ориентировались не на скрупулезное соблюдение правовых норм при исполнении ссылки и высылки, а на исполнение воли партийно-государственного руководства. Через них власть направляла карательную политику в сфере реализации

ссылки и высылки в нужное ей русло конспиративным внеправовым способом»¹.

Справедливости ради следует отметить, что в литературе содержатся иные, позитивные оценки работы ОСО. Так, по убеждению Ю. И. Мухина, данный орган был законным и полезным, хотя и вспомогательным органом судебной карательной системы. От обычных судов ОСО отличалось тем, что «не было никаких особых совещаний при областях и республиках, оно было одно, и его председателем всегда был министр (нарком) внутренних дел»². По нашему мнению, у ОСО все же было больше недостатков, чем достоинств, а его возникновение и деятельность стали возможны в условиях сталинского террора в качестве одного из полезных органов, обеспечивающих применение репрессий к правомерно действующим лицам на основании лишь голого подозрения карательных органов государства. При повороте курса на демократизацию советского общества ОСО упразднялось одним из первых среди карательных органов.

ОСО обладало всеми признаками чрезвычайного органа, поскольку, во-первых, основанием применяемых им репрессий выступали мотивы социальной опасности индивидов, во-вторых, использовался упрощенный порядок установления социальной опасности лиц, подлежащих репрессии, в-третьих, дело рассматривалось ОСО в упрощенном порядке; в-четвертых, у осужденных отсутствовало право обжалования вынесенного в отношении них решения.

В довоенный период (1934—1940 гг.) ОСО репрессировало более 160 тыс. человек. Согласно докладной записке С. Н. Круглова и Р. А. Руденко Н. С. Хрущеву от 8 декабря 1953 г. ОСО осудил в 1934 г. 1003 человека, в 1935 г. — 29 452, в 1936 г. — 18 969, в 1937 г. — 17 911, в 1938 г. — 45 768, в 1939 г. — 13 021, в 1940 г. — 42 912 человек³. Все лица, репрессированные по мотивам их социальной опасности, понесли наказание не только безвиновно, но и незаконно, вопреки принципам права и Конституции СССР.

Репрессируемый по мотивам социальной опасности официально ведет себя правомерно до тех пор, пока правоохранительные органы не получают сведения о его противоправных действиях либо агентур-

¹ Анушин А. И. Правовое регулирование ссылки и высылки в Советском государстве, 1917 — 1991 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мытищи, 2010. С. 11.

² Мухин Ю. И. Положение «Об Особом совещании при Народном комиссариате внутренних дел». URL: <https://public.wikireading.ru/48914>.

³ См.: Круглов С. Н., Руденко Р. А. О пересмотре дел осужденных Особым совещанием. Докладная записка Н. С. Хрущеву от 8 декабря 1953 г. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55696>.

ные данные, но не могут уличить лицо в совершении правонарушений. Либо данные недостоверны, либо правонарушитель слишком хитер. Подобная модель взаимоотношений личности и государства была законодательно закреплена ст. 6 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. Уголовное преследование нельзя возбудить, а возбужденное не может быть продолжено и подлежит прекращению на любой стадии процесса при отсутствии признаков общественной опасности деяний в действиях, приписываемых обвиняемому.

До тех пор пока социальная опасность лица, существующая лишь в идеальной форме, в воображении сотрудников НКВД, на практике не объективирована в конкретных действиях, дозволение законодателя привлекать индивидов к уголовной и иной ответственности представляет собой явный произвол, не соотносящийся не только с принципами права, но и с собственными ранее изданными правовыми предписаниями. Фактически ЦИК и СНК СССР отдают граждан своей страны на заклание правоохранительным органам. Законодатель не только позволяет приписывать несуществующие деяния репрессируемым, но и отказывает репрессируемым в праве присутствовать на собственном процессе и опровергать возводимый на них поклеп. В поисках врагов народа и их разоблачении «славные чекисты» живут в собственном воображаемом мире, но реальная ответственность возлагается на конкретных и чаще всего добропорядочных граждан. Если, по мнению Ю. И. Мухина, подобная ситуация полностью вкладывается в рамки законности, то что же тогда представляют собой ее нарушения?

От административных мер, применяемых ОСО, не был застрахован ни один рабочий, ни один колхозник и ни один служащий. Ибо назначались они не за конкретные правонарушения, а в тех случаях, когда ОСО признавало, что лицо опасно для общества. Критериев же, по которым можно отличить социально опасную личность от порядочного, законопослушного гражданина, законодатель не установил. Такие критерии создало ОСО в процессе работы, наказывая в административном порядке за антисоветскую агитацию, контрреволюционную и антисоветскую деятельность, шпионаж, троцкизм и другие неблагоприятные, с точки зрения советского государства и сотрудников НКВД, реализующих эту точку зрения, деяния.

Попасть под эти широкие и весьма расплывчатые стандарты было очень легко, а оправдаться невозможно. Ибо подозреваемого могли не тревожить и ни о чем не спрашивать. Все решал оперативный работник НКВД. Положим, в особый отдел НКВД поступил сигнал — анонимка, донесение агента или донос доброжелателя. Работник

НКВД проводил небольшую проверку. Коль скоро он был заинтересован в том, чтобы выловить как можно больше врагов народа, то чаще всего приходил к выводу о достоверности сигнала. Затем следовало заключение о социальной опасности лица и мерах, которые целесообразно к нему применить. Эти документы подписывал нарком внутренних дел союзной республики или начальник УНКВД края, области, после чего документы поступали в центральный аппарат НКВД на рассмотрение ОСО, где судьба репресслируемых решалась в их отсутствие. Совещание вершило судьбы людей заочно, утверждая поданные списки. Соответственно, и принятое решение по конкретному лицу не оформлялось отдельным документом, как, например, приговор суда, а представляло собой выписку из общего решения. Из выписки можно было узнать лишь вид и сроки наказания, место его отбывания, т. е. самое необходимое. За что конкретно наказан человек, в выписке не указывалось. Да и все равно это было бы лишним, поскольку решение ОСО обжалованию не подлежало.

Таким образом, согласно Положению 1934 г. ОСО — это чрезвычайный квазисудебный орган при НКВД СССР, призванный осуществлять карательные функции в отношении лиц, известных органам НКВД как ненадежные, социально опасные, способные в любой момент перейти к активным действиям против советской власти. Однако в статусе квазисудебного органа ОСО существовало недолго. По мере усиления большого террора ЦК партии и Правительство с учетом простоты и надежности карательных мер, применяемых ОСО, заметно расширили подсудность ему дел за счет передачи части дел от судебных или квазисудебных органов.

Постановлением Политбюро ЦК партии от 8 апреля 1937 г. ОСО предоставлено право лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, заключать в тюрьму на срок от пяти до восьми лет. Приказом наркома внутренних дел СССР от 15 августа 1937 г. № 00486 на ОСО возлагалась обязанность проводить с 1 августа 1936 г. репрессии в отношении жен изменников родины — членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям. В соответствии с постановлением СНК и ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» в подсудность ОСО передавались дела о преступлениях, доказательства по которым в силу оперативных соображений не могли быть оглашены в судебных заседаниях. Наделенное правом рассматривать конкретные уголовные дела по фактам совершенных противоправных деяний ОСО вопреки

Положению о нем превратилось в *ординарный чрезвычайный квазисудебный орган, призванный заменить упраздненные тройки и двойки*.

Курс на расширение подсудности дел ОСО продолжило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 декабря 1940 г. «О привлечении к ответственности изменников Родины и членов их семей». Постановлением предписывалось применять к членам семей изменников Родины конфискацию всех принадлежащих им построек, сельскохозяйственного инвентаря и домашнего скота. И самое главное — ответственность устанавливалась, как уже упоминалось, не только *для членов семьи военнослужащего — изменника Родины*, что предусмотрено постановлением ЦИКа СССР, *но и членов семей гражданских лиц*, перешедших нелегально в другую страну. Как уверял нарком внутренних дел в докладной записке товарищу Сталину, на новых границах Союза ССР (западные области Белоруссии и Украины, граница с Румынией, Прибалтийские советские республики) жители Союза ССР уходят за границу как одиночками, так и группами, а административные меры, принимаемые к нарушителям государственной границы, не дают должного эффекта.

Соответственно, для борьбы со столь дерзкими нарушителями советских законов нет иного средства, как установить уголовную ответственность для членов семей изменников Родины (не только военнослужащих), бежавших за границу. В инструкции «О порядке ссылки в отдаленные северные районы СССР членов семей изменников Родины, бежавших или перелетевших за границу», утвержденной приказом Л. П. Берии от 10 декабря 1940 г., содержатся первичные нормы в области уголовного и уголовно-процессуального права, которые был правомочен устанавливать только законодатель. Во-первых, это список членов семьи изменника Родины, подлежащих ссылке: отец, мать, жена, дети и даже братья и сестры — при условии, что они проживали с изменником или находились на его иждивении. Во-вторых, норма, согласно которой осужденных к ссылке берут под стражу местные органы НКВД немедленно по объявлении им решения ОСО при НКВД СССР и направляют в ссылку под конвоем, причем им запрещено добираться до назначенного места самостоятельно. Несовершеннолетние дети ссылаемых следуют вместе со взрослыми членами семьи. В-третьих, список вещей, которые разрешается высылаемым брать с собой в минимально необходимом количестве.

Характерно, что законодатель на сей раз поддержал не все новеллы постановления ЦК партии и Правительства от 7 декабря 1940 г. и инструкции Наркомата внутренних дел. Голому произволу

государства Указом ПВС СССР от 23 декабря 1940 г. «О предоставлении Особому совещанию при народном комиссаре внутренних дел Союза ССР права применять конфискацию имущества» была придана видимость правовой меры. Во-первых, ПВС СССР предоставил ОСО право применять полную или частичную конфискацию имущества, лично принадлежащего осужденному. Во-вторых, конфискацию разрешалось проводить у осужденных по всем делам, рассматриваемым ОСО (о спекуляции, контрабанде, контрреволюционных преступлениях изменников Родины и др.), но при неперемennom условии, что имущество было приобретено осужденным незаконным путем или в преступных целях.

Указ был принят по инициативе Берии, поддержанной постановлением Политбюро ЦК партии от 21 декабря 1940 г. Необходимость конфискации имущества у осужденных ОСО нарком внутренних дел мотивировал тем, что по делам, рассматриваемым названным органом, у осужденных зачастую выявляются крупные денежные суммы, ценности и имущество, полученные спекуляцией, контрабандой, хищением и другими незаконными путями. Названные ценности, приобретенные незаконным путем, не могут быть возвращены владельцам или членам их семей, в то же время ОСО не правомочно их конфисковывать в доход государства. Поэтому, полагал Берия, целесообразно предоставить ОСО при НКВД СССР право конфисковывать имущество лиц, осужденных к заключению в исправительно-трудовые лагеря, ссылке и высылке.

Как видим, предложение наркома внутренних дел не вызвало особых возражений ни у Политбюро ЦК партии, ни у ПВС СССР, между тем оно не могло не вызвать таковые. Установление оснований нахождения того или иного имущества у подсудимого невозможно без выслушивания судом его пояснений. Решение этого вопроса на материалах следствия, представленных в ОСО, как мы помним, в урезанном виде, значительно повышало риск вынесения неправоудного приговора как в части основного наказания, так и в части дополнительного в виде конфискации. Получается, что невиновно осужденный ОСО не только временно лишался свободы, но и утрачивал нажитое ранее имущество, а после отбытия наказания реальной и фактически единственной перспективой для него была перспектива пополнить ряды изгоев, социально не обеспеченных лиц и сообразно квалификации государства социально опасных, криминализированных элементов.

Учитывая изложенные и иные обстоятельства, ПВС СССР не полностью согласился с постановлением ЦК партии и СНК СССР от 7 декабря 1940 г. «О конфискации имущества членов семьи осуж-

денных изменников Родине». Указ заметно ограничил применение конфискации по делам контрреволюционеров (к ним относилась и измена Родине) даже в отношении самих изменников. Конфискация их имущества допускалась в случаях, когда имущество было нажито «незаконным путем или было использовано в преступных целях». Имущество, нажитое законным путем, следовательно, конфискации не подлежало. А о конфискации имущества членов семьи вообще не могло быть речи из-за отсутствия для такой санкции правовых оснований.

С принятием Указа ПВС СССР от 23 декабря 1940 г. противоречащие ему предписания постановления ЦК партии и СНК СССР от 7 декабря 1940 г. утрачивали силу и постановление подлежало приведению в соответствие законодательному акту. Но коль скоро Указ предназначался для служебного пользования, в открытой печати не публиковался, как и противоречащее ему постановление от 7 декабря 1940 г., Правительство позволило себе не согласиться с волей законодателя и продолжило в массовом порядке практику конфискации имущества членов семей изменников Родине. Словом, решительная борьба с нарушителями Государственной границы велась незаконными средствами, в том числе неправомерным посягательством на их законно приобретенное имущество.

Следовательно, ОСО, созданное в 1934 г. как *специальный* квазисудебный орган для рассмотрения особой категории дел в отношении лиц, признаваемых органами НКВД социально опасными, за шесть лет названными постановлениями ЦК партии, Правительства и ПВС СССР было превращено в *ординарный* орган квазисудебного правосудия, разрешающий дела по конкретным преступлениям с применением к осужденным таких наказаний, как ссылка, высылка, лишение свободы и конфискация.

Реформа ОСО, несмотря на то, что проводилась с согласия партийных и государственных органов СССР и в рамках их компетенции, все же является незаконной, не соответствующей даже каучковым рамкам советской законности. Во-первых, ОСО ни при каких условиях не могло наделяться правомочием рассматривать уголовные дела. По Закону о судостроительстве СССР 1938 г. все дела подобного рода могли рассматривать только общие и специальные суды. Во-вторых, рассмотрение уголовных дел могло проводиться в строгом соответствии с УПК РСФСР, аналогичными законами других союзных республик до принятия единого общесоюзного законодательства. Между тем ОСО продолжало рассматривать уголовные дела в прежнем упрощенном порядке, который практиковали тройки

НКВД СССР и который был сурово осужден постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». При этом тройки были упразднены, а ОСО осталось в качестве их преемника.

Получается, что твердое намерение Политбюро ЦК партии и Правительства строго придерживаться закона в сфере уголовного судопроизводства, выразившееся в упразднении троек, было не более чем игрой на публику, мало что менявшей в реальности. Негодная, незаконная форма правосудия не упразднялась, а передавалась в ведение легально действующего ОСО и продолжала применяться под прикрытием этого органа. Именно за способность осуществлять упрощенное, карикатурное правосудие, позволяющее расправляться с неудобными лицами, партия и Правительство особенно ценили ОСО в системе чрезвычайных органов советского правосудия.

Государственные и ведомственные арбитражи

Чрезвычайное правосудие в сфере гражданского права проводилось органами арбитража. В период создания мощной промышленности (1930—1940 гг.), требовавшей всемерного укрепления хозяйственного расчета, плановой и договорной дисциплины, на государственных предприятиях и в организациях на повестку дня был поставлен вопрос о совершенствовании порядка рассмотрения хозяйственных споров между государственными предприятиями и организациями. В этих целях в начале 1930-х гг. были образованы *государственные и ведомственные арбитражи*. В то же время реформа концептуально не была определена надлежащим образом. Законодатель трижды в течение года менял свои представления о месте государственных арбитражей в системе органов советской власти.

Первоначально постановлением ЦИКа и СНК СССР от 4 марта 1931 г. предписывалось упразднить арбитражные комиссии и направлять дела в общие суды. Постановлением реализовывалась ленинская идея о единстве народного суда, закрепленная в Программе партии 1918 г., которую никак не удавалось воплотить в жизнь. Поэтому советское Правительство сочло нужным сделать решительный шаг — передать хозяйственные споры в подсудность судов общей юрисдикции «согласно законодательству союзных республик».

Благое намерение было дезавуировано Положением о государственном арбитраже, принятым ЦИКом и СНК СССР 3 мая 1931 г. Законодатель нашел, что суды общей юрисдикции не справятся с делами подобного рода, и качество правосудия предпочел его единству.

Положением предписывалось учредить *государственный арбитраж* при центральных и местных органах исполнительной власти. Создаваемый орган призван был укреплять хозяйственный расчет, договорную и плановую дисциплины в народном хозяйстве посредством разрешения имущественных споров между учреждениями, предприятиями и организациями обобщественного сектора.

Однако сторонники единства правосудия все же не оставили своего желания воплотить программное положение партии в жизнь и при подготовке проекта нового Положения о судостроительстве Союза ССР и союзных республик предприняли попытку подчинить государственный арбитраж Верховному Суду СССР, обязать его исполнять по вопросам судебной практики разъяснения данного Суда, а также верховных судов союзных республик. Одновременно предлагалось включить государственного арбитра при СНК СССР в состав Пленума Верховного Суда СССР, а государственных арбитров при СНК союзных республик — в состав президиумов верховных судов союзных республик¹. Однако и эта попытка не увенчалась успехом.

Закон о судостроительстве СССР 1938 г. никаких предписаний о государственном арбитраже не содержал, отнес его наряду с ОСО при НКВД СССР к числу чрезвычайных квазисудебных органов, не подчиняющихся действующему процессуальному законодательству Союза ССР и союзных республик. На всем протяжении сталинского режима государственный арбитраж представлял собой совокупность судебных учреждений, не имеющих единого организационного органа, в том числе по вопросам арбитражной практики.

Постановление ЦИКа и СНК СССР от 3 мая 1931 г. в течение года подвергалось ряду существенных корректировок, в том числе относительно органа, при котором должен работать государственный арбитраж. Согласно постановлению данный орган учреждался на общесоюзном уровне при СТО, а на уровне союзных республик — при экономических советах (совещаниях), в автономных республиках — при советах народных комиссаров. На местном уровне государственный арбитраж создавался при краевых и областных исполкомах и при исполкомах автономных областей. Через две с половиной недели законодатель еще раз изменил свою позицию и счел целесообразным постановлением от 20 мая 1931 г. учредить государственные арбитражи при СНК СССР, СНК союзных республик, краевых, областных исполкомах и исполкомах автономных областей.

¹ См.: *Винокуров А. К вопросу о новом положении о судостроительстве Союза ССР и союзных республик // За социалистическую законность. 1935. № 1. С. 36.*

Орган государственной власти, при котором работал соответствующий арбитраж, назначал главного арбитра, его заместителей и государственных арбитров.

Подсудности государственных арбитражей подлежали все споры между учреждениями, предприятиями и организациями «общественного сектора», т. е. между государственными предприятиями, между ними и общественными или кооперативными организациями по заключенным договорам и сделкам, в том числе по всем имущественным спорам. Искключение из этого правила составляли: споры, рассматриваемые судами общей юрисдикции (споры, в которых Государственный банк являлся одной из сторон в деле, вытекающие из договоров железнодорожной перевозки или договоров о пользовании коммунальными услугами); споры по налогам и иным платежам, взыскиваемым в бесспорном порядке; споры между органами одного и того же ведомства, состоящими на общегосударственном или местном бюджете, рассматриваемые ведомственными арбитражами, и др.

Подведомственность между органами арбитража распределялась следующим образом. Госарбитраж при СНК СССР был правомочен рассматривать споры на сумму не ниже 25 тыс. руб. при условии, что одной из сторон является учреждение, предприятие или организация общесоюзного значения либо спор ведется между учреждениями, предприятиями и организациями разных союзных республик. Главными арбитрами состояли: в 1931—1933 гг. Василий Владимирович Шмидт, профессиональный революционер, входивший в Правительство РСФСР; в 1933—1939 гг. — Филипп Исаевич Голошекин, профессиональный революционер, занимавший ряд видных государственно-партийных постов. Ни Шмидт, ни Голошекин не имели юридического образования и опыта работы в органах юстиции.

Госарбитраж при СНК союзной республики рассматривал споры на сумму не менее 10 тыс. руб. между учреждениями, предприятиями, организациями разных краев, областей и автономных республик, действующих в составе соответствующей союзной республики, а также споры, в которых одна из сторон — предприятие, учреждение или организация республиканского значения. Кроме того, госарбитраж союзной республики обязан был рассматривать споры по поручению Госарбитража при СНК СССР. Госарбитражи при СНК автономных республик, при краевых, областных исполкомах и при исполкомах автономных областей рассматривали все остальные споры, подсудные государственному арбитражу, но не подведомственные органам госарбитража при вышестоящих органах

исполнительной власти. Могли также рассматривать иные дела по поручению Госарбитража при СНК СССР или госарбитражей СНК соответствующей союзной республики.

Органы арбитража не состояли между собой в иерархической связи, подчиненности, не предусматривалось издание Госарбитражем при СНК СССР руководящих указаний по материалам судебной практики, равно как и не предполагался пересмотр решений в кассационном порядке. Постановлением СНК СССР от 8 декабря 1931 г. «О мерах по укреплению работы Государственного арбитража» на Госарбитраж при СНК СССР возлагалась обязанность инструктировать арбитражи при СНК союзных республик и ведомствах Союза ССР, а также периодически, не реже двух раз в год, созывать совещания республиканских, местных и ведомственных арбитражей и проводить обследование их деятельности.

Первоначально Положением о государственном арбитраже от 31 мая 1931 г. не предусматривалось образование ведомственных арбитражей, предполагалось, что споры между предприятиями, учреждениями системы одного и того же наркомата будут разрешаться в административном порядке. Однако наркоматы сочли целесообразным создавать собственные арбитражи, достоинства которых перед административным порядком виделись в том, что судебный порядок создавал более благоприятные условия для установления причин, поводов, содержания споров и, соответственно, для принятия с учетом всех обстоятельств, выявленных в ходе арбитражного рассмотрения, решения, оптимального с точки зрения интересов общества, государства и сторон спора.

Первые ведомственные арбитражи были открыты в ВСНХ СССР, ВСНХ союзных республик, а затем и в других наркоматах. Порядок организации и деятельности ведомственных арбитражей в РСФСР определялся постановлением СНК РСФСР от 26 апреля 1935 г. «Положение о ведомственном арбитраже СНК РСФСР». Ведомственные арбитражи разрешалось учреждать по распоряжению наркомов и начальников управлений в наркоматах РСФСР и автономных республик, а также в управлениях, состоящих при СНК РСФСР или СНК автономных республик. Ведомственные арбитражи могли создаваться в краевых, областных и городских отделах (управлениях) согласно постановлению краевого, областного исполкома Советов. В автономных республиках арбитражи в отделах городских исполкомов работали с разрешения СНК автономной республики. Подготовка и издание правил производства дел в ведомственных арбитражах, действующих в РСФСР при центральных и местных органах

исполнительной власти, возлагались на главного государственного арбитра при СНК РСФСР.

Общее руководство деятельностью государственного или ведомственного арбитражей осуществляли главный арбитр и его заместители, наделенные широкими полномочиями. В частности, главный арбитр распределял дела между арбитрами, давал им указания по конкретным делам, пересматривал решения арбитров в порядке надзора с отменой решения полностью или частично, передачей дела на новое рассмотрение тому же или другому арбитру либо с изменением решения без передачи дела на новое рассмотрение. Кроме того, государственным главным арбитрам постановлением СНК СССР от 8 декабря 1931 г. предоставлялось право возбуждать дела по собственной инициативе, а также налагать на руководителей хозяйственных органов и главных бухгалтеров денежные взыскания в пределах месячного оклада за нарушения договорной дисциплины, вызываемые запущенностью бухгалтерского учета, неправильной организацией отчетности и т. д. Государственные арбитры, в свою очередь, обязывались информировать вышестоящие органы, прокуратуру, Рабкрин обо всех выявленных серьезных нарушениях договорной и плановой дисциплины и об иных недочетах в работе учреждений, предприятий и организаций.

На ведомственных главных арбитров могли возлагаться и иные обязанности. Так, в соответствии с Положением об арбитраже потребительской кооперации от 28 июня 1939 г. главный арбитр при Президиуме Центросоюза должен давать обязательные указания и разъяснения по вопросам арбитражной практики, а также организации и деятельности арбитража, проводить ревизии работы арбитражей потребсоюзов и требовать от них представления необходимых материалов и объяснений, подготавливать кадры арбитров и др.

Дела разрешались государственным арбитром и ответственными представителями сторон (руководителями предприятий, учреждений или организаций, или их заместителями, или членами правления). По особенно сложным делам главный арбитр мог ввести в состав арбитража дополнительно двух арбитров. Дела, в которых ответчиком выступало учреждение, состоящее на государственном или местном бюджете, рассматривались с обязательным участием представителя соответствующего финансового органа. Отсутствие представителей сторон на арбитраже не признавалось обстоятельством, препятствующим рассмотрению дела. Арбитру предоставлялось право разрешить дело без участия сторон.

Рассмотрение дела основывалось на принципах и нормах гражданского процесса, но не ограничивалось только ими. Требования

гражданского процесса имели обязательную силу для установления и оценки доказательств по арбитражному делу, поскольку иных способов и нормативов в деле формирования доказательственной базы гражданский процесс не знает. Поступая по канонам гражданского права и процесса, арбитраж подготавливает решение сообразно действующему законодательству, которое может быть формально верным, но не всегда справедливым. Такое решение вполне устраивает частных лиц, но не соответствует интересам государственных организаций, предприятий.

Установлением истины и определением прав и обязанностей сторон по рассматриваемому делу арбитраж не достигает своей конечной цели, а лишь подходит к ней. Ибо от него требуется идти дальше, принять с позиции экономической целесообразности решение, которое соответствовало бы интересам как истца, так и ответчика, минимизировало ущерб от данного спора, понесенный государством. Законодатель в п. 9 и 10 Положения о государственном арбитраже от 3 мая 1931 г. прямо предписывает госарбитражу при разрешении споров руководствоваться не только законами и распоряжениями центральных и местных органов власти, но и общими началами экономической политики Союза ССР, требовавшей хозяйственного расчета, плановой и договорной дисциплины, а также повышения материальной ответственности хозяйственных органов и персональной ответственности хозяйственников за невыполнение или ненадлежащее выполнение договоров и сделок.

Обязанность органов арбитража принимать решения с позиции экономической целесообразности означает, что их задачи правоприменителя надлежало органично дополнить задачей органов управления — разумно разрешать конфликт без ущерба для государства либо с минимизацией неизбежных потерь. Как видим, юридический аспект правоприменительной деятельности арбитража непосредственно связывался с управленческим, «с задачей укрепления хозяйственного расчета, практического осуществления действительного финансового контроля за ходом выполнения планов производства и обращения товаров и накопления в общественном секторе, а также внедрения договоров в практику взаимоотношений хозорганов»¹.

Таким образом, успешно работающий государственный арбитр должен овладеть экономическим мышлением, умением принимать решения, в которых юридическая правильность органично сочета-

¹ Ганеев В. П. Сущность арбитражной формы защиты права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. С. 7.

ется с экономической полезностью. Но и эти редко встречающиеся в одном человеке качества ЦИК и СНК СССР сочли для арбитра недостаточными, обязав центральные органы арбитража писать разного рода инструкции для нижестоящих, дабы восполнить пробелы, которые законодатель собственными силами ликвидировать не может. В данном случае ЦИК и СНК рассуждали как пушкинский поп, желавший иметь работника, который был бы одновременно «повар, коных и плотник», да при этом стоил сравнительно недорого. Ибо назначать арбитрам высокую заработную плату Правительство не собиралось.

Вполне понятно, что столь высокие требования к органам арбитража в реальной жизни выполнялись не в полной мере, а решения, принимаемые по конкретным делам, в своей массе содержали судебные ошибки. Госарбитраж при СНК СССР циркуляром от 6 марта 1934 г. вынужден был признать, что «во многих случаях решения арбитров исходят не из постановлений правительства и условий договора, а из произвольных соображений... Изложение обстоятельств дела и решение нечетко и не всегда грамотно: во многих случаях решения носят формальный характер, без разбора существа дела и хозяйственных взаимоотношений; замечается пренебрежение к мелким делам. Очень слаба связь арбитров с руководящими советскими и партийными органами. Нет внимания к кадрам аппарата арбитража вплоть до того, что в них встречаются классово чуждые элементы. Сами арбитры и работники аппарата не всегда знают советские законы и постановления партии. Директивы партии и правительства не получают своевременного отражения в работе арбитража»¹.

Значительная часть отмеченных в циркуляре ошибок была указана спустя пять лет в резолюции актива Госарбитража при СНК СССР от 29 декабря 1939 г. «Об улучшении работы Госарбитража»². По-прежнему нет развернутых мотивировок решений, ссылок на законы, постановления Правительства, условия договора. Имеет место разноречивость в судебной практике; нередко по однотипным делам разные арбитры выносили неодинаковые решения. Арбитры все еще допускают волокиту, «не ставят вопросов перед правительством», «не направляют соответствующих сигнализаций», «не проводят обобщений арбитражной практики».

¹ Миль М. В. Деятельность государственного арбитража СССР в довоенный период // Вопросы современной юриспруденции: сб. статей по материалам XXI международной научной-практической конференции. Новосибирск, 2013.

² См.: Об улучшении работы Госарбитража. Резолюция актива Госарбитража при СНК СССР от 29 декабря 1939 г. // Экономическое правосудие в России: в 4 т. Т. 3. М., 2005. С. 327—329.

Первую и основную причину ошибок арбитражной практики актив Госарбитража видел в недостаточности профессионализма государственных арбитров, в неудовлетворительном подборе работников. Бесспорно, подобная причина существует, но, во-первых, она не единственная, во-вторых, не главная.

Вторая значимая причина неспособности Госарбитража выполнять на высоком уровне вменяемые ему задачи, по справедливому замечанию М. В. Милля, кроется в конкретно-исторических условиях тоталитарной советской системы, возложившей на арбитраж выполнение трех качественно разных функций: судебной, административной и правотворческой¹. Далеко не всякий квалифицированный юрист способен на профессиональном уровне выполнять названные функции механизма правового регулирования. Поэтому вполне обоснованно в условиях Российской Федерации была отвергнута модель советского государственного арбитража и был создан арбитражный суд, ориентированный только на осуществление правосудия.

Третья важная причина судебных ошибок органов арбитража заключалась в том, что не было качественно совершенного арбитражного процессуального законодательства. Вся история правосудия убедительно показывает, что правоприменитель ни при каких условиях не может вместо законодателя собственными силами создать качественно совершенный процессуальный закон. Прогресс процессуального законодательства в том и состоял, что европейские континентальные государства, не довольствуясь отдельными абстрактными предписаниями и нормами обычного права, в XIX в. создали объемные кодексы, обеспечивающие системное и детальное регулирование процессуальных отношений в сфере правосудия. Советское государство, желавшее идти своей дорогой, вопреки прогрессу и практическому опыту, несмотря на все понукания, окрики и репрессии, так и не смогло сколько-нибудь улучшить качество правосудия до создания всех кодифицированных актов в этой сфере в начале 1960-х гг.

Таким образом, в силу названных и других объективных причин существенного улучшения качества судебной арбитражной практики в условиях советского государства в 1930-х гг. не произошло и не могло произойти от одних призывов укрепить арбитраж «политически проверенными, высококвалифицированными кадрами», «обратить особое внимание на выявление недостатков», «добиться резкого повышения качества решений».

¹ См.: Милль М. В. Указ. соч.

Глава 43. Победоносные реляции о достижениях сталинского террора и действительность

Основные, наиболее значимые достижения партии, общества и государства в процессе построения основ социализма изложены И. В. Сталиным 10 марта 1939 г. в отчетном докладе «О работе ЦК ВКП(б)» на XVIII Съезде партии. Вполне понятно, что о терроре как важнейшем направлении деятельности партии докладчик ничего не сказал, однако позитивные результаты, достигнутые благодаря террору, назвал с превеликим удовольствием. В их числе он указал: 1) обеспечение полной победы генеральной линии партии; 2) дальнейшее упрочение советского строя; 3) укрепление социалистического сельского хозяйства и гибель единоличного хозяйства; 4) обеспечение однородности и внутреннего единства тыла и фронта Советской армии.

Правильность и успех линии партии Сталин обосновал прежде всего тем, что к концу 1930-х гг. партии, государству и народу удалось утвердить социалистическую систему во всем народном хозяйстве, как в промышленности, так и в земледелии, что, в свою очередь, позволило уничтожить в стране нищету и безработицу и обеспечить подъем материального и культурного положения народа. Плодотворная линия партии пользуется исключительной поддержкой советского народа, что еще раз убедительно продемонстрировали в декабре 1937 г. выборы в Верховный Совет СССР, в которых за блок коммунистов и беспартийных голосовали 98,6% избирателей.

Далее Сталин признал, что «перед лицом этих грандиозных достижений противники генеральной линии нашей партии, разные там “левые” и “правые” течения, всякие там троцкистско-пятаковские и бухаринско-рыковские перерожденцы оказались вынужденными смяться в комок, спрятать свои затасканные “платформы” и уйти в подполье. Не имея мужества покориться воле народа, они предпочли слиться с меньшевиками, эсерами, фашистами, пойти в услужение к иностранной разведке, наняться в шпионы и обязаться помогать врагам Советского Союза расчленив нашу страну и восстановить в ней капиталистическое рабство». Соответственно, партия вынуждена была очистить свои ряды от врагов народа и перерожденцев, стать «еще более единой в своей политической и организационной работе... еще более сплоченной вокруг своего Центрального Комитета»¹.

¹ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII Съезде партии «О работе ЦК ВКП(б)» // Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 592.

Хотя Сталин не упоминал террор в качестве эффективного средства превращения ленинских соратников в «троцкистско-бухаринскую кучку шпионов, убийц и вредителей», это явствовало из изложенного. Какая же еще сила могла заставить лидеров партии, профессиональных революционеров, обеспечивших победу Октябрьской революции и отстоявших советскую власть в ходе гражданской войны, добровольно и публично признать себя не просто оппозиционерами сталинской линии, а закоренелыми шпионами иностранных разведок? Столь же успешно террор способствовал упрочению советского строя, при котором «рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества»¹.

В докладе Сталин с удовлетворением отметил, что в советском обществе в отличие от любого капиталистического общества нет антагонистических, враждебных классов. Успех весьма показательный, но куда же делись бывшие имущие классы России, оставшиеся в стране Советов? За 22 года советской власти естественным путем покинуть землю страны Советов они не могли, равно как и перевоспитаться, стать примерными гражданами СССР. Во-первых, в подобную эволюцию бывших имущих классов не верил вождь партии Сталин, убеждая всех в том, что таких чудес не было и быть не может. Во-вторых, советская власть сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить бывшие имущие классы к участию в строительстве социализма, лишила их политических и ряда социально-экономических прав.

Ответ на подобную загадку дал Сталин, чистосердечно заявив, что «эксплуататорские классы ликвидированы». Напомним, что за два года до этого, в 1937 г., загадка еще не была разгадана, и в Приказе № 00447 наркома внутренних дел в числе социально опасных элементов, подлежащих уничтожению, указаны представители бывших имущих классов: члены антисоветских партий, бывшие «белые», кулаки, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий либо бежавшие из мест заключения. Кроме того, гибель единоличных, то бишь кулацких, хозяйств стала возможной также благодаря террору, насильственно уничтожившему, «распылившему» последний эксплуататорский класс России — кулаков.

И. В. Сталин не афишировал успехи и заслуги террора в Красной Армии, он лишь вскользь обмолвился в докладе о том, что в 1937 г. были приговорены к расстрелу «Тухачевский, Якир, Уборевич и дру-

¹ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII Съезде партии «О работе ЦК ВКП(б)». С. 589.

гие изверги» из числа видных руководителей РККА. Подобная мера, полагал докладчик, не только не «разложила» армию, наоборот, она способствовала ее единению с народом, что было особенно важным в период, предшествующий Второй мировой войне. И вообще, в понимании Сталина террор никоим образом не препятствовал укреплению морально-политического единства советского общества и полной демократизации политической жизни страны. Ибо «никто не смеет оспаривать, что наша Конституция является наиболее демократической в мире, а результаты выборов в Верховный Совет СССР, равно как и в Верховные Советы союзных республик, — наиболее показательными»¹.

Учитывая незримые, но явственно осознаваемые всеми членами партии и народом в целом, заслуги террора в деле успешного строительства социализма, Сталин призвал «укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа». Особенно результативным и масштабным был террор в годы Великой Отечественной войны. Мобилизующая сила призыва «За Родину, за Сталина!» была не только и не столько в имени Сталина, сколько в тотальном терроре, который неумолимо карал всякого ослушника, не выполнявшего установленных партией и государством обязанностей и не соблюдал запретов.

Вне сомнения, от большого террора выиграл его вдохновитель и организатор — Сталин. Во-первых, ему удалось ликвидировать всех реальных претендентов на роль руководителя партии, доказав по суду их виновность в совершении опасных государственных преступлений, связанных с готовностью уступить часть территории страны за помощь в захвате государственной власти. Во-вторых, была уничтожена большая часть соратников Ленина, видевших в политике Сталина заметный отход от ленинского пути построения социалистического общества и реально способных образовать в партии самостоятельную фракцию. В-третьих, отстранены от руководящих постов в партии лица, к которым у Сталина не было большого доверия. В-четвертых, руководитель партии получил абсолютную, безграничную власть для управления делами партии, государства и общества, позволяющую ему единолично определять и проводить курс на социалистическое строительство в СССР. В-пятых, Сталину удалось сохранить в тайне от народа свое руководство террором и личное участие в нем.

Благодаря большому террору Сталин исполнил мечту всей своей политической жизни — стать полновластным руководителем

¹ *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII Съезде партии «О работе ЦК ВКП(б)». С. 575.

страны — и партийным, и государственным. Более того, он заложил надежные основы своего полновластия на длительный период. Он полностью устранил лидеров партии, способных с ним конкурировать на равных в качестве идеологов и руководителей партии, и даже реальные условия для их появления в будущем, запретив под страхом изгнания из партии и применения уголовной репрессии подвергать не только критике, но и сомнению на уровне бытовых разговоров его доктрину и методы построения социалистического общества. Одновременно он создал «карманное» Политбюро ЦК партии, где значительная часть вопросов даже не обсуждалась. Члены Политбюро готовы были голосовать за предложения Сталина заочно или, не глядя, проставлять свои подписи на проекте постановления.

В конечном счете Сталин оказался не пустопорожним мечтателем, социализм все же в СССР построил, пусть не идеальный, местами кособокий, как теперь говорят, «казарменный». Тем не менее это было первое в мире государство, способное, как показала Великая Отечественная война, на равных конкурировать с развитыми капиталистическими странами и даже вынести социалистический строй за пределы страны, в ряд зарубежных государств, образовав социалистический лагерь. В целом же, по нашему мнению, советский строй от большого террора, как убедительно показывает современная история, скорее потерял, нежели выиграл.

«Карманные» Политбюро, ЦК и другие органы партии заметно облегчили жизнь Сталина тем, что все его начинания, предлагаемые меры, в том числе недостаточно продуманные, нуждающиеся в товарищеской, но основательной критике и в последующей доработке, его окружением воспринимались в качестве последнего слова марксизма-ленинизма, образца творческого мышления, требующего незамедлительного претворения в жизнь. Любая аудитория сопровождала его выступления непременно «громкими», «громкими и продолжительными» аплодисментами и даже «овациями». Начиная со Сталина, на Политбюро влиял непререкаемый авторитет первого лица партии. Хор льстецов, подхалимов и аллилуйщиков славил мудрость указующего, а команда энергичных администраторов обеспечивала проведение линии партии.

В результате вместо того, чтобы придерживаться единой целенаправленной политики, Коммунистическая партия СССР кидалась из стороны в сторону сообразно указаниям каждого нового руководителя до тех пор, пока не развалила страну, а вместе с ней и самое себя. Подтвердилась истина: любая партия может быть успешной до тех пор, пока она исповедует демократические принципы уча-

ствия всех ее членов в формировании и проведении линии партии в жизнь. Начало утверждения авторитарного режима партии как действительного политического органа означает ее превращение в разновидность бюрократической средневековой организации, где мудрость ведущего является единственным источником, определяющим курс и характер работы этой организации.

Большой террор ясно показал неспособность всех ветвей советской власти надлежащим образом выполнять возложенные на них Конституцией СССР обязанности по управлению делами общества, обеспечению прав и свобод советских граждан. Противозаконность постановлений Политбюро ЦК партии и наркома внутренних дел по вопросам террора была настолько очевидной, что принятие Президиумом ЦИКа СССР соответствующего постановления зависело только от созыва его членов. Но Президиум ЦИКа не нашел в себе сил и мужества решиться на такой шаг. Ничего не сделал в этом направлении Верховный Суд СССР. Прокурор Верховного Суда СССР, равно как и Прокурор СССР, тоже счел за благо отмолчаться, несмотря на то что действующие общесоюзные законы прямо обязывали их вносить протесты на правовые акты наркоматов СССР, противоречащие действующим законам.

Уголовное правосудие при сталинском режиме превратилось в свою противоположность, в процесс, прикрывающий произвол оперативно-следственных органов, способных выбить признание в любом самом тяжком преступлении даже у коммунистов, из которых, по образному выражению поэта, можно было «делать гвозди». Упрощенное судопроизводство в отсутствие подсудимого из исключения превратилось в основную форму правосудия. В течение 1930-х гг. в чрезвычайном порядке было осуждено практически столько, сколько общими и специальными судами, и приговорено к расстрелу более 770 тыс. осужденных, как ныне достоверно установлено, на основании фальсифицированных следствием данных. Характерно, что правосудие оказалось единственной ветвью власти советского государства, сумевшей освободиться от сталинского наследия в течение пяти лет после смерти диктатора.

Мнимыми были сведения Сталина об успехах сельского хозяйства. На деле коллективизация и раскулачивание привели к значительному сокращению производительных сил сельского хозяйства и тягловой силы, некачественному проведению технологических процедур в полеводстве и животноводстве, соответственно, к весьма низким производственным показателям и даже неспособности собрать выращенный урожай. По данным Наркомата РКИ СССР, в 1931 г. при уборке

было потеряно более 15 млн тонн (около 20% валового сбора) зерновых; в 1932 г. потери оказались еще большими¹. В результате, как отмечалось в заявлении Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 апреля 2008 г. «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР», на территории Поволжья, Центрально-Черноземной области, Северного Кавказа, Урала, Крыма, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии «от голода и болезней, связанных с недоеданием» в 1932—1933 гг. погибло около 7 млн человек, причиной чему стали «репрессивные меры для обеспечения хлебозаготовок», значительно усугубившие тяжелые последствия неурожая 1932 г.²

Коллективная форма хозяйствования оставила советского «счастливого» колхозника в статусе дореволюционного крепостного крестьянина: во-первых, лишила его права по своему усмотрению решать, где ему работать, какую профессию выбрать и где жить; во-вторых, изъела в пользу государства значительную часть доходов от трудовой деятельности; в-третьих, установила повышенную ответственность за кражу колхозного имущества, независимо от ее размеров и мотивов совершения; в-четвертых, незаконно физически уничтожила особый социальный слой крестьянства, охватываемый понятием «кулак».

Все насильственные меры, при помощи которых Сталин и его окружение осуществили всеобщую коллективизацию сельского хозяйства, повлекшие за собой физическое уничтожение значительной части производителей сельскохозяйственной продукции, представлял собой государственный массовый террор, который противоречил действующим советским законам и никакого отношения к социалистическому строю не имел.

Потери руководящих кадров в Красной Армии в мирное время, в годы большого террора, намного превосходили потери военачальников в период ведения военных действий. Репрессиям подверглась большая часть высшего командного состава РККА: заместители наркома обороны СССР, командующие войсками военных округов (флотов), их заместители, командиры корпусов, дивизий, бригад. По данным О. Ф. Сувенирова, из 767 военачальников высшего командного состава РККА репрессированы 503, из них приговорены к расстрелу 412. Из 91 военачальника, осужденного к лишению свободы, из мест заключения вернулись 59³. Значительные жертвы понес офи-

¹ См.: Журавлев. Голод 1932—1933 гг. в деревне: причины, реальные и мнимые. URL: <http://expert.ru/expert/2012/01/golod-1932-1933-godov-prichinyi-realnyie-i-mnimyie/>.

² См.: URL: <http://docs.cntd.ru/document/902095032>.

³ См.: Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М., 1998. С. 315.

церский состав РККА. В 1937 г. уволены 18 558 человек (13,1% численности командно-начальствующего и политического состава), из них арестованы 4474 человека¹.

Увольнение из рядов Красной Армии многих кадровых офицеров самым негативным образом сказалось на ее способности достойно противостоять вооруженной интервенции других стран. Число военачальников с высшим профессиональным образованием в начале 1941 г. составляло 7% всего командного состава. По убеждению генерала армии А. В. Горбатова, одна из главных причин неудач в начале Великой Отечественной войны — отсутствие в РККА многих опытных командиров, репрессированных в период большого террора².

Советское общество в отличие от лидера партии не могло похвастаться никакими позитивными приобретениями в результате большого террора, в том числе установлением социального единства. Наоборот, общество ощутило серьезные негативные последствия. Во-первых, были значительные жертвы — казненные или заключенные в тюрьмы и лагеря. Во-вторых, деформации подверглись традиционные семейные отношения. В-третьих, в стране повсеместно укоренились недоверие, страх, доноительство, происходило грубое вторжение в личную жизнь граждан.

Согласно данным, полученным А. Рогинским из официальной статистики органов ОГПУ—НКВД, в 1930—1940 гг. привлечены к уголовной ответственности 3 486 235 лиц. Из них 771 228 (45,2%) приговорены к высшей мере наказания. Фактически было расстреляно население крупного города, или 54 дивизии (табл. 5)³.

Из общего числа осужденных в 1937 г. 46,8% составляли крестьяне, включая бывших кулаков, единоличников и колхозников. Получается, что большой террор, задуманный как средство борьбы с антисоветчиками, на деле вылился в репрессии против крестьянства, которое в силу своей недостаточной грамотности было наиболее аполитичным, но в антисоветчиков их неизбежно превращали условия быта: тяжелый труд в колхозе и нищенская плата за него, большие налоги на единоличников и патологическая нелюбовь советской власти к кулакам.

В ходе большого террора значительно деформировались семейные отношения, традиционно существовавшие между родителями и детьми, суть которых сводилась к материальному обеспечению де-

¹ См.: Рязельфейд А. Правда о репрессиях и «невинных жертвах». URL: <http://www.qwas.ru/russia/kprf/Pravda-o-repressijah-i-nevinnyh-zhertvah>.

² См.: Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1980.

³ См.: Рогинский А. Масштаб советского тееппора. URL: https://kompromatl.org/articles/86780-masshtab_sovetskogo_terrora.

Таблица 5

Сведения о репрессиях в 1930—1940 гг., человек

Год	Осуждено ОГПУ — НКВД	Дела переданы в суд и прокуратуру	Приговорено к высшей мере наказания
1930	20 809	118 704	2095
1931	21 652	97 254	9876
1932	14 119	185 172	2728
1933	238 944	298 961	2154
1934	78 999	229 312	2486
1935	43 665	228 369	1229
1936	25 523	143 679	1118
1937	667 789	123 502	344 248
1938	539 573	135 931	378 830
1939	17 381	134 430	2601
1940	65 192	57 250	23 863
Итого	1 733 646	1 752 589	771 228

тей, их воспитанию и образованию. Как уже упоминалось, с арестом одного из родителей заметно снижался уровень материального благосостояния других членов семьи, потерявших единственный или основной источник материального обеспечения. Кроме того, члены семей арестованных по обвинению в антисоветских преступлениях, как правило, подлежали увольнению со службы, а детям отказывали в получении профессионального образования. Обеспокоенное борьбой с врагами народа государство не придавало большого значения укреплению семьи и созданию необходимых материальных условий для подрастающего поколения. Лишенные материальной помощи со стороны родителей и возможности продолжить образование дети арестованных врагов народа вынуждены были вливаться в криминальную, в лучшем случае маргинальную, среду. Рушились и устои крестьянской семьи в связи с раскулачиванием, длительным лишением свободы родителей за мелкие кражи колхозного имущества. Катастрофическая нищета побуждала подрастающее поколение ехать на стройки народного хозяйства, пойти на завод или фабрику.

Государству предоставлялось право использовать труд заключенных на стройках Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, одним словом, там, «куда Макар телят не гонял». Как первоначально представлялось, это труд если не бесплатный, то весьма дешевый.

Привлечение в названные регионы рабочей силы на добровольных началах было весьма дорогостоящим мероприятием из-за отсутствия надлежащей бытовой инфраструктуры, затруднений с завозом продуктов питания, необходимости платить деньги в повышенных размерах работнику в суровых северных условиях.

Первым шагом на пути использования труда заключенных явилось постановление СНК СССР от 11 июля 1929 г., предусматривавшее расширение существующих и организацию новых исправительно-трудовых лагерей на территории Ухты и в других отдаленных районах для их колонизации и эксплуатации природных богатств при помощи труда осужденных. Во второй половине 1930-х гг. заключенные участвовали во всех ведущих стройках социализма.

Как оказалось, оптимизм по поводу труда заключенных был несколько преувеличенным из-за его низкой производительности и высокой себестоимости. Одна из основных причин крылась в недостаточно калорийном для интенсивной физической работы питании заключенных, отсутствии теплой одежды для работы зимой в Сибири и на Крайнем Севере, несоблюдении техники безопасности и элементарных санитарно-гигиенических норм на производстве и в быту. Так, норма питания в 2000 калорий была рассчитана для заключенных, не занимающихся трудовой деятельностью, а тем более тяжелым физическим трудом. Однако улучшать условия работы и быта заключенных государство не торопилось.

Согласно демократическим представлениям буржуазного права осужденный к лишению свободы, временно или пожизненно, лишается лишь одного права — свободы нахождения в обществе. Государство в целях защиты общественного и правового порядка вынуждено изолировать злостных его нарушителей в специально отведенных пенитенциарных учреждениях с сохранением за осужденными всех иных прав человека: права на жизнь и здоровье, права на нормальные бытовые условия не ниже условий, практикуемых для граждан страны.

Осужденные в СССР были полностью бесправными, администрация лагерей распоряжалась по своему усмотрению ими, их трудом, жизнью и здоровьем вплоть до применения смертной казни и мер, не предусмотренных действующим исправительно-трудовым законодательством. Современная отечественная литература содержит детальное описание труда, быта осужденных и показывает их полную зависимость от администрации исправительного учреждения. Значительная часть произведений принадлежит лицам, ощутившим на себе порядки исправительно-трудового учреждения. «Лагерь, — пи-

сал А. И. Солженицын, — были неповторимо выгодны покорностью рабского труда и его дешевизной — нет, даже не дешевизной, а бесплатностью, потому что за покупку античного раба все же платили деньги, а за покупку лагерника никто не платил». Но «не было самокупаемости на Архипелаге — и никогда ее не будет»¹.

Следует признать, что положение раба-заключенного отличалось от положения раба при рабовладельческом строе лишь тем, что древний раб принадлежал частным лицам, а при передовом прогрессивном строе — государству. Раб по древнеримскому праву был говорящим орудием и, как всякое орудие, находился в воле хозяина, своей воли не имел. Раб довольствовался лишь тем, чем наделял его хозяин, любое его благодеяние рассматривал как особую милость, должен был исполнять любую работу, порученную хозяином, и в той мере, в какой хозяин пожелает. Словом, права раба определялись не законом, а хозяйственной целесообразностью, как ее понимал хозяин, желанием господина получить от раба максимально возможную прибыль.

Советское государство своим полным небрежением правами и условиями быта и работы заключенных низвело их до уровня государственного раба и, соответственно, ввело рабский труд при социализме. Заключенный, как и раб, имел право лишь на бытовые условия, которые ему создавало руководство исправительного учреждения, и обязан был работать в мере, определяемой тем же руководством, по плановым заданиям исправительного учреждения. Законодательное нормирование труда заключенных ограничивалось установлением для них минимального рабочего времени. Как и раб, заключенный не имел права на отпуск и даже на безопасные условия труда.

Тяжелые условия рабского труда задавались не только экономической, но и политической целесообразностью. Лишение свободы для социально опасных элементов было не более, чем отложенной во времени высшей мерой наказания с той лишь разницей, что данная санкция применялась не по приговору тройки, а «естественным путем»: тяжелый физический труд, плохие бытовые условия и хроническое недоедание. Об ориентированности партии и государства на такой результат свидетельствует установленный для всех заключенных по политическим преступлениям наряду с осужденными за умышленные убийства, разбой, бандитизм и другие особо опасные преступления строгий режим, предусматривающий использование их труда преимущественно на тяжелых физических работах с приме-

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. Владивосток, 1991. С. 456—457.

нением наиболее строгих мер наказания за отказ от работы и за нарушения лагерного режима.

Положение заключенных несколько улучшилось лишь перед началом Великой Отечественной войны: Л. П. Берия направил в Совет Министров письмо с просьбой увеличить нормы снабжения заключенных продовольствием и одеждой в целях повышения производительности их труда. Нарком по-прежнему не видел большой беды в грубейших нарушениях прав заключенных. Необходимость улучшить условия содержания заключенных он мотивировал *необходимостью повысить производительность труда* в связи с тем, что общий режим подготовки к грядущей войне требует рационального использования трудовых резервов всей страны даже путем такой нерациональной меры, как повышения финансовых расходов.

Таким образом, большой террор, оставивший шрам на лице истории советского государства, был осуществлен посредством «*микропутча*», организованного Сталиным и другими членами Политбюро ЦК партии. Суть «микропутча» состояла в том, что Политбюро ЦК партии и нарком внутренних дел подменили ЦИК СССР, приняв вместо него законы, противоречащие Конституции СССР, уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. Проведенные на основании незаконных актов репрессии в отношении более чем 3 млн человек, из которых 45% были расстреляны, представляют собой *убийства*, а виновные в подобных действиях чрезвычайные квазисудебные органы предстают ординарными *убийцами*, подлежащими в настоящее время суду истории; их деяния следует оценить по справедливости. Незавидной была судьба осужденных к лишению свободы и превращенных в *государственных рабов*, вынужденных заниматься тяжелым физическим трудом при грубейших нарушениях техники безопасности, проживать в плохих бытовых условиях и иметь весьма скудное, не соответствующее нормам питание.

Раздел XI

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ЮСТИЦИИ ПЕРИОДА ПОСТРОЕНИЯ ОСНОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава 44. Прокурорский надзор за правосудием, следствием и дознанием

Подлинно революционной мерой, завершившей процесс формирования прокуратуры на уровне общесоюзных органов советского государства, явилось учреждение Прокуратуры Союза ССР постановлением ЦИКа и СНК СССР от 20 июня 1933 г. «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР». Орган был образован в целях укрепления социалистической законности и должной охраны общественной собственности по Союзу ССР от покушений противообщественных элементов. За достижение названных целей отвечал Прокурор СССР, правомочный осуществлять: а) надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР, союзных республик и местных органов власти Конституции и постановлениям Правительства Союза ССР; б) наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями союзных республик с правом истребования любого дела, находящегося в любой стадии производства, опротестования приговоров и решений судов в вышестоящие судебные инстанции и приостановления их исполнения; в) возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанциях на территории Союза ССР; г) надзор на основании особого положения за законностью и правильностью действий ОГПУ, милиции, уголовного розыска и исправительно-трудовых учреждений; д) общее руководство деятельностью прокуратур союзных республик.

Таким образом, первоначально Прокуратура СССР создавалась по принципу союзно-республиканского органа, осуществляющего руководство через прокуратуры союзных республик, находящиеся в составе республиканских наркоматов юстиции. Прокурор СССР управомочен лишь на общее руководство республиканскими про-

куратурами. Процесс формирования прокуратуры как единого общесоюзного органа завершился принятием постановлений ЦИКа и СНК СССР от 7 апреля 1936 г. и от 20 июля 1936 г., предусматривающих выделение из системы наркомюстов союзных и автономных республик органов прокуратуры и следствия с их подчинением непосредственно Прокурору СССР.

Конституция СССР 1936 г. закрепила за Прокурором СССР высший надзор за законностью, осуществляемый через систему подчиненных непосредственно ему республиканских, краевых, областных прокуроров, прокуроров автономных республик и автономных областей, а также окружных, районных и городских прокуроров. Возложенная постановлением ЦИКа и СНК СССР от 20 июня 1933 г. на Прокуратуру СССР обязанность охраны общественной собственности была с нее снята как временная и не в полной мере ей присущая.

Судебный надзор, будучи ведущим направлением деятельности прокуратуры, сводился к наблюдению за законностью действий и решений судебных учреждений союзных республик с правом опротестовывать приговоры и решения судов, предъявлять иски по гражданским делам, возбуждать уголовное преследование и поддерживать обвинение во всех судебных инстанциях, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. В частности, в соответствии со ст. 381 УПК РСФСР областные, краевые и иные приравненные к ним суды были правомочны отказывать прокурору в участии в судебном заседании. Согласно постановлению ЦИКа СССР от 1 декабря 1934 г. дела о террористических организациях и террористических актах также слушались без участия прокурора и защиты.

Из 10 отделов Прокуратуры СССР, ориентированных на борьбу с нарушениями закона, шесть были задействованы в сфере судебного надзора. Это Главная военная прокуратура; Главная прокуратура железнодорожного транспорта; Главная прокуратура водного транспорта; уголовно-судебный; гражданско-судебный и следственный отделы. Постановлением СНК СССР от 31 октября 1939 г. в составе центрального аппарата Прокуратуры СССР организована Главная прокуратура Военно-Морского Флота.

Сложность борьбы за укрепление законности в сфере правосудия в период сталинского террора состояла в том, что основное направление *карательной политики партии и Правительства* имело иной, прямо противоположный курс на массовые репрессии, сопровождающиеся пытками и иными грубейшими нарушениями прав личности и действующего законодательства. Всемерное укрепление законности у прокуратуры не получалось, ведущая установка в ее

борьбе с правонарушениями прямо противоречила линии партии и Наркомата внутренних дел — репрессировать антисоветских элементов. Неукоснительное соблюдение закона оставалось уделом лишь общих и специальных судов, рассматривающих в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством традиционные дела уголовников, совершавших кражи, грабежи, хулиганство и иные аналогичные преступления. Но и здесь не все было ладно.

Руководство Наркомюста РСФСР, в первую очередь Н. В. Крыленко, не видело большой пользы от участия прокурора в суде и ориентировало его по преимуществу на общий надзор, выявление правонарушений у местных органов власти, в сфере хозяйственной деятельности предприятий, учреждений, колхозов. Даже проводились прокурорские кампании в периоды сева зерновых и хлебоуборки. Так, циркуляром Наркомюста от 17 июня 1931 г. № 65 «О задачах прокуратуры в уборочную кампанию» предписывалось вести решительную борьбу с простоями уборочных машин, предлагалось обращать особое внимание на организацию ремонта сельскохозяйственного инвентаря, а также способствовать «воссозданию животноводства и его реорганизации на социалистических началах». Издавались циркуляры, требующие от прокуратуры оказывать содействие рыбной путине, лесозаготовкам и лесосплаву, работе речного транспорта, организации рабочего снабжения, индивидуальному огородничеству, борьбе с задолженностью по заработной плате, развитию кролиководства и т. д.

Местные (районные) прокуроры шли еще дальше и пытались лично контролировать уровень соблюдения хозяйствующими субъектами технических норм: насколько качественно проводятся пахота, сев, как осуществляется уход за животными и др. Об одном из прокуроров рассказывал Крыленко: «Выступает районный прокурор, спрашиваю его: почему вы не следите в судах за правильностью вынесения приговоров... Он говорит: приговоры выносят судьи, а я за ними не могу следить. А почему? Нет времени. Что же вы делаете? Я езжу по колхозам. А что вы там делаете? Я смотрю, как содержится рабочий скот, какой упитанности скот. Говорю: это дело хорошее. Как же вы это делаете? Я смотрю в конюшни, хорошо ли ухаживают за скотом, хорошо ли поят, кормят скот, каковы конюхи и т. д. Я дальше спрашиваю: может быть, вы смотрите, как запрягают лошадей, какую сбрую одевают и т. д.? Как же, — говорит, — смотрю»¹.

Ориентированные на надзор за законностью в хозяйственной сфере, прокуроры оказались неготовыми выполнять надзор в фор-

¹ Крыленко Н. В. Задачи органов юстиции // Советская юстиция. 1935. № 13. С. 5.

мах непосредственного участия «в судебном разбирательстве, принесения протестов и участия в работе судебных коллегий по рассмотрению протестов и жалоб на приговоры судов», как того требовал приказ Прокурора СССР от 15 октября 1938 г. № 1550. По данным, приведенным в приказе Прокурора СССР от 27 апреля 1939 г. «По судебным делам», прокуроры и их помощники традиционно уклонялись от участия в уголовных процессах в качестве государственных обвинителей. Так, в IV квартале 1938 г. прокуроры поддерживали обвинение в РСФСР по 18,4% дел от числа дел, направленных в суд; в Казахской ССР — 16,6%; в Грузинской ССР — 8,9%; в Узбекской ССР — 7,7%; в Туркменской ССР — 4,9%. Недостаточно удовлетворительным оставалось и качество приносимых прокуратурой протестов. В IV квартале 1938 г. каждый четвертый протест прокуратуры был отклонен судебными органами страны. В то же время значительная часть неправильных приговоров судов органы прокуратуры не опротестовывали¹.

Даже в конце 1930-х гг. местные прокуратуры не обладали достаточным профессионализмом в деле руководства предварительным следствием и эффективного надзора за законностью в сфере правосудия. Сражаясь за законность, неукоснительное соблюдение материального и процессуального законодательства, прокуроры сами допускали заметные отступления от требований закона, не в полной мере использовали предоставленные им полномочия по руководству следствием и дознанием, оставляли без должного реагирования ошибки, допущенные судебными органами. Словом, в борьбе за законность прокуратура проигрывала часть сражений не потому, что противник был силен и коварен, а вследствие нерационального использования собственных ресурсов и полномочий.

Действительное правосудие имеет своим истоком качественно проведенное следствие. «Борьба за высокое качество судебного процесса, за правильность судебного решения или судебного приговора, за подлинное социалистическое правосудие, — считал А. Я. Вышинский, — должна начинаться с предварительного следствия, решающего, как правило, судьбу всего процесса. Поэтому полное и квалифицированное предварительное расследование, улучшение следствия является одной из основных задач всей прокурорской работы»². Однако реально практика упорно отказывалась следовать этим полезным советам и увещаниям.

¹ См.: *Вышинский А. Я.* О судебной работе по уголовным делам // Социалистическая законность. 1939. № 6. С. 116.

² *Вышинский А. Я.* Задачи советской прокуратуры // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 1.

Методы и средства, которыми процессуальный закон вооружал прокурора как профессионального, внимательного и строгого руководителя следствия и дознания, оставались невостребованными. Прокурор зачастую стремился минимизировать свою руководящую роль на стадии предварительного следствия и дознания, поскольку не знал норм материального и процессуального права и ограничивался резолюцией о возбуждении дела или о необходимости завершить следствие к такому-то сроку. Так, проверяющим работу следственного аппарата Прокуратуры Азербайджанской ССР за месяц не удалось «найти хотя бы несколько дел, по которым было бы видно, что следователь получил от прокурора исчерпывающие, конкретные указания о ведении следствия, о методах и способах раскрытия преступления, о необходимых, упущенных следователем следственных действиях и др.»¹.

Органы дознания милиции и вовсе оставались вне прокурорского внимания. «Прокуроры даже не интересуются тем, сколько дел и каких имеется у милиции. Последняя обычно на свой страх и риск ведет расследование, иногда запутывает дела, а затем передает их прокуратуре»². Прокурор, не вникая в суть дел, передавал их следователю или направлял в суд. Соответственно, в суд попадали дела по малозначительным преступлениям либо имеющие большой общественный резонанс, но содержащие ряд следственных ошибок, которые суд исправить не мог. В данной ситуации суд либо выносил обвинительные приговоры, не желая ссориться с коллегами из милиции и прокуратуры, либо часть дел прекращал по мотивам малозначительности, а другую, значительную часть возвращал на доследование.

Областные, краевые, республиканские прокуратуры самоустралились от руководства низовыми следственными органами, не оказывали им эффективной методической помощи, не проводили учебных семинаров в целях обобщения, передачи опыта раскрытия преступлений и обоснования вины обвиняемых, даже не осуществляли строгого контроля за выполнением спущенных сверху директивных указаний. Народные следователи годами не видели представителей вышестоящих прокуратур, общаясь с ними посредством служебной переписки. «Верхи» давали директивные указания, а «низы» должны были оперативно информировать «верхи» о том, что сделано в соответствии с их указаниями и насколько полезными они стали.

Результативность такого «бумажного» руководства оказывалась по преимуществу нулевой, что, в частности, произошло с изданным

¹ Тадевосян В., Чернов В. Больше внимания следователю и качеству расследования // За социалистическую законность. 1935. № 12. С. 29—30.

² Там же. С. 30.

Прокуратурой Туркменской ССР циркуляром от 14 мая 1935 г. о необходимости активизировать борьбу с хищениями и растратами. Циркуляр не возымел никакого воздействия на умы народных следователей и районных прокуроров. Пришлось республиканской Прокуратуре провести два оперативных совещания (3 и 11 июня), но реальные сдвиги в части исполнения циркуляра не наметились. Прокуратура вынуждена была вновь взяться за перо и придать новому циркуляру более грозный вид, требуя мобилизовать низовой актив на борьбу с хищениями и растратами, а о проделанной работе представить сведения в республиканскую Прокуратуру к 15 августа 1935 г. И что же? К концу сентября из 21 районной прокуратуры лишь девять представили требуемые отчеты.

Н. Русанов, вынесший данный казус на страницы журнала «За социалистическую законность», основную причину упорного нежелания исполнять циркуляр видел в том, что «предоставленные сами себе, лишенные всякого живого инструктажа, всякой практической помощи со стороны Прокуратуры Республики и, кроме того, приученные к снисходительному отношению Республиканской прокуратуры, райпрокуроры в подавляющем большинстве не выполнили ее предложений»¹.

Местные прокуроры недостаточно активно и ненадлежащим образом исполняли свои обязанности в сфере правосудия, редко присутствовали на предварительных заседаниях судов и нечасто поддерживали государственное обвинение на процессах. По наблюдению прокурора Украинской ССР Яченина, районные прокуроры боятся выступать в суде, поскольку недостаточно хорошо владеют навыками публичного выступления². Так, в 1937 г. каждое третье уголовное дело рассматривалось без участия прокуроров в подготовительном и судебном заседаниях³.

В свою очередь, участие прокуроров на процессах не всегда было полезным и результативным. «Мы, — заявлял А. Я. Вышинский, — нередко имеем прямо неприличное отношение прокурора к суду, когда прокурор позволяет себе проявлять пренебрежительное отношение к суду. В одном случае, когда судья не удовлетворил ходатайство прокурора, последний демонстративно ушел из зала заседания. Нередко заседание суда ведется в недопустимо фамильярных тонах,

¹ Русанов Н. О бумажном руководстве // За социалистическую законность. 1935. № 12. С. 32—33.

² См.: Прения по докладу А. Я. Вышинского // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 28.

³ См.: Вышинский А. Я. Доклад на Всесоюзном прокурорском заседании 21 мая 1938 г. // За социалистическую законность. 1938. № 6. С. 10.

пересыпается неумным остроумием, рассчитанным на дешевый успех»¹. Прокуроры сплошь и рядом «берут неправильный тон, так сказать, покрикивания на подсудимого, иногда и на защитника»². Небрежение прокуроров участием в судебном процессе приводило к тому, что неправосудные приговоры находились вне их поля зрения, не опротестовывались, оставаясь в силе, и меры государственного принуждения применялись к невиновным гражданам либо, наоборот, освобождались от ответственности антисоветские элементы.

Недостаточно активно прокуроры пользовались правом протеста на приговор или решение суда — опротестовывались далеко не каждый неправосудный приговор и не каждое неправосудное решение. Большую часть дел кассационные инстанции рассматривали по жалобам осужденных или потерпевших, при этом процент отмены и изменения приговоров был достаточно высоким. По данным В. Лебединского, Московский областной суд в III квартале 1938 г. в кассационном порядке отменил и изменил 55% приговоров народных судов, тогда как районные прокуроры принесли всего 185 кассационных протестов³.

А. Я. Вышинский в период нахождения на посту Прокурора СССР (1935—1939 гг.) придавал большое значение нижестоящим звеньям прокуратуры, обучению следователей и прокуроров профессиональным передовым методам работы. Вышинский обстоятельно раскрыл тесную взаимосвязь всех звеньев, стадий судебно-следственной работы и необходимость высокой профессиональности лиц, участвующих в ней. Справедливо критикуя бывшее руководство Наркомюста РСФСР за недооценку принципа законности и публичные призывы при известных условиях «откладывать» законы в сторону, Вышинский последовательно проводил курс на формирование профессиональных навыков и знаний, большевистской стойкости и выдержки у сотрудников прокуратуры. В этих целях Вышинский проводил разного рода общесоюзные, республиканские и региональные совещания, организовывал кратковременные курсы повышения квалификации. Журнал «Социалистическая законность», издаваемый под редакцией Вышинского, превратился в источник пропаганды передового опыта следственно-прокурорской работы, основ теории права и в трибуну для обмена мнениями по актуальным вопросам теории и практики прокурорского надзора.

¹ Вышинский А. Я. Речь т. Сталина 4 мая и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 8.

² Вышинский А. Я. Нановые рельсы // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 52.

³ См.: Лебединский В. Перестройка работы органов прокуратуры // Социалистическая законность. 1939. № 12. С. 133.

К сожалению, новый Прокурор СССР (1939—1940 гг.) М. И. Панкратьев не сумел продолжить применять меры своего предшественника, направленные на повышение профессионализма прокурорско-следственных работников. С принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1940 г., установившего уголовную ответственность за дисциплинарные проступки, на второй план ушла и проблема качества прокурорско-следственной работы. Основной акцент был сделан на борьбе с либерализмом народных судей, упорно не желавших применять уголовные санкции к нарушителям норм трудового права. В условиях начавшейся 22 июня 1941 г. войны партия и Правительство переориентировали прокуратуру на обеспечение исполнения законов военного времени, которые по своей жестокости и основаниям применения носили террористический характер, как и чрезвычайные законы в отношении антисоветских элементов.

Принципиально иной была роль прокуратуры в надзоре за проведением террористических мероприятий органами НКВД в соответствии с постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах» и от 31 июля 1937 г., утвердившим проект оперативного приказа НКВД СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Все следственно-судебные процедуры, связанные с поиском, изобличением антисоветских элементов и применением к ним наказания, проводились органами НКВД без участия прокуратуры. Даже санкции на арест давали наркомы союзных республик, не имеющих областного деления, начальники областного, краевого управления или отдела НКВД СССР. Прокурору дозволялось лишь появиться в финальной части, на заседании тройки в качестве блюстителя закона, призванного удостоверить своей подписью законность решения тройки.

Органы НКВД, ничем не сдерживаемые, развернулись по полной, репрессировав за год с небольшим более 1,5 млн человек, из которых свыше 600 тыс. осужденных были приговорены к высшей мере наказания. Репрессии остановило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», а надзор прокуратуры был распространен на оперативно-следственные органы НКВД. Одновременно упразднялись все квазисудебные органы, за исключением ОСО. Поднятая на щит прокуратура, однако, не смогла заключить террор НКВД в рамки советской законности. А. Я. Вышинский и Л. П. Берия принципиально разошлись в понимании того, какими путями, методами и сред-

ствами могут и должны взаимодействовать органы НКВД и Прокуратура СССР на сугубо правовой основе.

Предписания об устранении недостатков в деятельности следственно-прокурорских работников излагались в проекте приказа А. Я. Вышинского, направленном 26 ноября 1938 г. И. В. Сталину и В. М. Молотову. В проекте подчеркивалось, что право прокуроров давать санкции на арест является их исключительным правом, закрепленным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 г. Небрежение этим правом имело временный и незаконный характер, предписанный пресловутым Приказом № 00447 Н. И. Ежова. Далее Вышинский отмечал, что, решая вопрос об избрании меры в виде ареста, следователь должен руководствоваться ст. 147 и 158 УПК РСФСР и соответствующими им статьями УПК других союзных республик, определяющими условия, при которых допускается заключение под стражу в качестве меры пресечения. Прокурор, в свою очередь, решая вопрос о санкции на арест, должен требовать от органов НКВД представления мотивированных постановлений с точным указанием обстоятельств, изобличающих данное лицо в совершении преступления, и оснований, вызывающих необходимость ареста. Причем подход должен быть строго индивидуальным в каждом конкретном случае. С учетом изложенных требований запрещалось давать санкции на аресты по телефону, по справкам и иным не предусмотренным действующим законодательством указаниям и документам.

А. Я. Вышинский определил главные болевые точки следствия, которым следует уделить первостепенное внимание. Первейшей задачей прокурорского надзора он признавал обеспечение объективности следствия, которая в период ежовщины нарушалась повсеместно, поскольку партия, кроме прочего, выдала индульгенцию на пытки. Подобная практика продолжалась и после принятия постановления от 17 ноября 1938 г., ибо чекисты не представляли себе, каким образом можно выполнить требования ст. 111 и 112 УПК РСФСР о полноте, всесторонности и объективности следствия относительно преступлений, признанных под пыткой и никогда не существовавших в действительности.

Логика чекистов проста и вполне понятна. Требование неукоснительного соблюдения объективности следствия необходимо повлекло бы за собой свертывание любой борьбы с социально опасными элементами, в лучшем случае сведение полноводного потока уголовных дел по контрреволюционным преступлениям к слабому и мутному ручейку дел по обвинению реальных преступников. Нужно

было не только выявить, арестовать их, но и доказать их вину. *Разве этого требуют партия и лично товарищ Сталин, непрерывно напоминая об обострении классовой борьбы в период успешного строительства социализма?*

А. Я. Вышинский прекрасно понимал логику чекистов и ни минуты не сомневался в том, что, издавая данный приказ, он выступает в роли Дон Кихота, борющегося с ветряными мельницами, что никто не позволит прокурору препятствовать эффективной борьбе с врагами народа из-за таких пустяковых формальностей, как требования закона. Приказ готовился с одной-единственной целью — избежать фарисейского упрека в самоустранении прокуратуры от надзора за органами следствия. Документ интересен еще и тем, что в нем детально прописаны требования закона, которым должны удовлетворять законченные следственные дела, и то, каким образом с точки зрения этого закона должен действовать прокурор в случаях неполноты следствия и иных ошибок, допущенных следователем.

Прокурор СССР указывал, что требования к прокурорскому надзору за качеством следствия едины для дел, направляемых на рассмотрение суда, и для дел, направляемых на рассмотрение ОСО при НКВД СССР. Уголовно-процессуальное законодательство не знает норм, позволяющих следователям проводить сбор и анализ доказательств в упрощенном режиме по делам, направляемым в ОСО. Наоборот, на следователя ложится дополнительная ответственность за качество следствия по этой категории дел с учетом неспособности ОСО проводить полный анализ добытых по делу доказательств.

Л. П. Берия также не терял времени и, в свою очередь, подготовил указания от 26 ноября 1938 г. «О порядке исполнения постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.», в которых предложил иную модель взаимодействия с прокуратурами. Берия признал необходимым дела, по которым решения троек и ОСО не были приведены в исполнение до 17 ноября 1938 г., вернуть на доследование в соответствующие органы НКВД. Берия отменил как Приказ № 00447, так и основанную на нем практику продления наказания осужденным, находящимся в ссылке или лагерях.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. Берия обязал органы НКВД дела, как правило, направлять через прокурора на рассмотрение суда. В ОСО при НКВД СССР надлежало направлять дела в порядке исключения при наличии условий, препятствующих их передаче в суд. Это могут быть опасность расшифровки ценного агента или невозможность в су-

дебном порядке использовать доказательства, изобличающие арестованного, в то время как его виновность несомненна. Характерно, что формулировка противоречила ст. 23 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, предписывающей суд основывать приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании.

Получается, что Берия, взявший на себя почетную обязанность покончить с нарушениями закона в наркомате, заранее подготавливал лазейку для его нарушения, использования ОСО в целях вынесения заведомо неправосудных решений, в обход действующего законодательства. Кроме того, вопреки УПК РСФСР Берия определил порядок получения санкции на арест и установил требования к следственным делам, находящимся в производстве органов НКВД.

Согласно указаниям Берии сотрудники наркомата, конечно, не могли обходить прокурора и обязывались согласовывать с ним проводимые аресты. Но санкции на аресты все же должны были давать не прокуроры, а начальники соответствующих управлений или наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик. При этом аресты без предварительной санкции вышестоящих органов НКВД допускались лишь в исключительных случаях, когда имелось опасение, что подозреваемый скроется или станет замечать следы своего преступления.

Берия и Вышинский 4 марта 1940 г. представили на рассмотрение Сталину проект решения ЦК ВКП(б) «Об устранении имеющихся недостатков в отношении порядка согласования арестов, а также освобождения из-под стражи органами суда, НКВД и прокуратуры лиц, арестованных по делам НКВД». Проект запрещал прокуратурам освобождать из-под стражи лиц, арестованных по делам, переданным прокуратурам из органов НКВД, без предварительного уведомления НКВД об этом. Судебные органы, в свою очередь, обязывались во всех случаях вынесения ими оправдательных приговоров и освобождения из-под стражи обвиняемых по делам, переданным им из органов НКВД, немедленно сообщать о вынесенных приговорах органам НКВД.

Проект, содержащий изложенные и иные предписания, не соответствующие действующему законодательству, на сей раз не был поддержан ЦК партии. Партии и Правительству в связи с началом Второй мировой войны и вхождением в состав СССР Молдавии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии уже было не до экспериментов с социалистическим законодательством. Карательная деятельность НКВД вернулась на круги своя, его

органы использовали драгоценные методы террора, любовно взращенные «врагом народа», шпионом четырех иностранных государств Н. И. Ежовым.

Таким образом, правомерно предпринятая попытка придать правовой характер борьбе партии и государства с социально опасными элементами, поднять качество следствия не привела к ожидаемым результатам. Два года борьбы А. Я. Вышинского с Л. П. Берией за решение этих вопросов убедительно показали полную несовместимость террора с действующим уголовно-процессуальным законом. Партия оказалась на распутье: нужно было либо избирать законность и полное прекращение террора, либо дать широкую дорогу террору, временно поставив «бронепоезд закона» на запасные пути. Партия и СНК СССР избрали второй вариант, соответствующий сталинской доктрине ведения борьбы с остатками классов, активизирующихся по мере достижения успехов социалистического строительства в СССР. Прокуратуре не оставалось ничего иного, как печально наблюдать, а не надзирать за «художествами» органов НКВД и весь пыл проявлять, сражаясь с общими судами, следователями и органами дознания.

Глава 45. Следствие и дознание

Курс на расширение и ужесточение репрессий составляет особо значимую и знаковую черту карательной политики советского государства 1930-х гг. Единый процесс расследования преступлений, установленный УПК, был решениями партии и Наркомата внутренних дел неправомочно разделен на две формы: традиционно легитимную и квазиследственную. Первую должны были применять органы дознания и народные следователи в процессе расследования бытовых преступлений типа ординарных краж, грабежей, хулиганства, иных посягательств на государственную и частную собственность, жизнь и здоровье личности и др. Вторая форма использовалась в отношении врагов народа, посягающих на устои советского общества, государства и экономики.

Все следственные действия и акты должностных лиц НКВД СССР были нелегитимными, не соответствующими ни общесоюзному, ни республиканскому законодательству. Как уже говорилось, решение вопросов об учреждении следственных органов постановлением ЦИКа и СНК СССР от 3 декабря 1930 г. передавалось на уровень республиканского законодательства. Статья 97 УПК РСФСР (в редакции постановления ВЦИКа и СНК РСФСР от 20 июля 1935 г.) наделяла органы Главного управления государственной безопасности

НКВД СССР статусом органов дознания. Соответственно, расследование НКВД политических преступлений могло проводиться только на уровне дознания; следствия в данном случае не могло быть, как говорится, по определению. Между тем ст. 108 УПК РСФСР предписывала, чтобы все такие дела расследовали органы предварительного следствия.

ВЦИК таким образом полномочия ОГПУ, а затем и НКВД по расследованию политических, контрреволюционных преступлений ограничил дознанием, т. е. первичными следственными действиями. Названные дела надлежало расследовать органам предварительного следствия, которых, как видим, ОГПУ и НКВД не имели. Сообразно закону политические преступления должны расследовать следователи прокуратуры. Однако Политбюро ЦК партии и нарком внутренних дел Н. И. Ежов прекрасно понимали, что с народными и им подобными следователями, зараженными юридическим формализмом и «цепляющимися» за каждую «букву» закона, оперативный и результативный террор не получится, и решились на очередное преступление. Своими актами вопреки конституционным и законодательным положениям Политбюро ЦК партии и Ежов отдали органам НКВД следствие, причем расследование состояло в личном признании обвиняемым своей вины, данным под пыткой. *Ведомственное следствие, установленное неконституционным путем и не соответствующее требованиям уголовно-процессуального законодательства, обрело квазиследственный характер.*

В 1936 г. вся страна проклинала ближайших соратников В. И. Ленина — Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, под пытками признавших на следствии и на судебном процессе в том, что они подготавливали убийство С. М. Кирова, а также террористические акты против И. В. Сталина и его окружения. Но, как оказалось впоследствии, добровольные признания добыты под пытками; к тому же Сталин обещал сохранить обвиняемым жизнь. Однако никаких конкретных данных о террористической деятельности Каменева и Зиновьева в деле не оказалось, и в 1988 г. они были полностью реабилитированы.

Деятельность органов дознания, обязанных следовать УПК РСФСР, не претерпела сколько-нибудь значимых изменений. В связи с совершенствованием системы органов государственной власти постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 20 июня 1935 г. «Об изменении ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» был уточнен перечень органов, правомочных осуществлять дознание. Наряду с органами милиции и уголовного розыска дознанием занимались органы Главного управления государственной безопасности, Глав-

ного пожарного управления пожарной охраны НКВД СССР, а также финансовой, санитарной, технической, торговой инспекций и инспекции труда. В Красной Армии и на Военно-Морском Флоте дознание вели командиры воинских частей и военных учреждений.

В 1930-х гг. существенным образом реформируется структура органов предварительного следствия. Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 17 декабря 1933 г. «Положение о прокуратуре СССР» введена должность следователей по важнейшим делам при Прокуратуре СССР, действующих по полномочию Прокурора СССР на территории всей страны. Постановлением ЦИКа и СНК СССР от 20 июля 1936 г. «Об образовании Наркомата юстиции СССР» предусматривается выделение из наркоматов союзных и автономных республик органов прокуратуры и следствия с их переподчинением непосредственно Прокурору СССР. Общее руководство и контроль за предварительным следствием возлагаются на следственный отдел в составе Прокуратуры СССР. Одновременно следственные отделы были образованы в прокуратурах союзных и автономных республик, а также в краевых и областных прокуратурах. Следователи входили также в состав районных прокуратур.

Ведомственным следствием решил обзавестись Л. П. Берия, возглавивший Наркомат внутренних дел. Его приказом от 22 декабря 1938 г. в составе управления государственной безопасности была организована следственная часть, которую возглавил Б. З. Кобулов — один из верных соратников Берии. Приказом НКВД СССР от 27 августа 1939 г. в отделах уголовного розыска и отделах по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) управлений милиции республик, краев, областей и дорожных отделов милиции были созданы следственные группы. Но и эта мера не придала квазиследствию НКВД законный характер, поскольку для этого нужно было внести соответствующие изменения в ст. 22 УПК РСФСР и ст. 15-1 Основ судостроительства Союза ССР и союзных республик. Однако ни ВЦИК, ни ЦИК СССР подобных изменений в законодательство не внесли.

Интересно, что подследственность дел органам предварительного следствия, определенная постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 г., сохранялась без официальных изменений до отмены кодекса, без учета дифференциации следственных органов, произошедшей в 1930-х гг. Пробел в законодательстве был восполнен приказом Прокуратуры СССР от 4 января 1938 г. «Разграничение обязанностей по ведению следственных дел между органами милиции, следователями и ведомственными инспекциями». При-

каз не был ординарным актом, принятым в развитие ст. 108 УПК РСФСР, а содержал ряд противоречащих ему предписаний. Блюститель закона также не удержался от соблазна поставить ведомственные акты выше действующего закона и переложил на следователей милиции определенную часть дел, отнесенных к подследственности прокуратуры.

Вопреки норме ст. 106 УПК РСФСР, предписывающей материалы дознания по делам, подследственным прокуратуре, передавать незамедлительно, не дожидаясь месячного срока, А. Я. Вышинский предписал милиции заканчивать все возбужденные ею дела, в том числе по составам преступлений, подведомственным прокуратуре. Прокурор СССР особо подчеркнул, что дела, законченные органами милиции и передаваемые в прокуратуру, не должны направляться следователям для повторного проведения действий.

А. Я. Вышинский установил особый порядок направления в суд дел, завершаемых ведомственными инспекциями (налоговой, санитарной, технической, торговой и др.). Все такие дела надлежало передавать прокурору, который определял их дальнейшую судьбу: направлял в суд, либо следователю для ведения предварительного следствия, либо возвращал со своими указаниями ведомственной инспекции, либо прекращал дело.

Корректировке была повергнута ст. 108 УПК РСФСР. Приказом Прокурора СССР в подведомственность органов милиции были переданы дела о хищениях социалистической собственности и вредительстве, бандитизме, грабежах, разбое, убийствах и о ряде других преступлений. Следователи прокуратуры сосредоточились на преследовании нарушителей нормативных правовых актов партии и Правительства: принятых в целях защиты социалистической и коллективной собственности от хищений (Закон от 7 августа 1932 г.); касающихся выпуска некачественной и некомплектной продукции (Закон от 8 декабря 1933 г.); об обворовывании потребителя и обмане советского государства (Закон 25 июля 1934 г.).

Корректировка республиканского законодательства приказом Прокурора СССР носила явно неконституционный характер. Законодательство о судостроительстве и судопроизводстве Конституцией СССР 1936 г. было отнесено к ведению Союза ССР. Соответственно, принятие норм первичного правового регулирования по вопросам подследственности относилось к компетенции Верховного Совета СССР и могло осуществляться только в форме закона. Прокурор СССР был правомочен лишь конкретизировать, дополнять нормы общесоюзного закона без права подмены и замены законодателя.

Из сказанного можно заключить, что к концу 1930-х гг. система органов дознания и следствия по уголовным делам согласно нормам уголовно-процессуального законодательства дифференцировалась таким образом: 1) органы дознания, расследующие наиболее простые, массовидные деяния на грани административного проступка и малозначительного преступления; 2) квазиследственные органы НКВД СССР, имеющие в своей подведомственности дела, в расследовании которых принимали непосредственное участие уголовный розыск и ОБХСС; 3) следователи прокуратуры, ориентированные на борьбу с преступлениями, посягающими на основы социалистической экономики и препятствующими успешному решению задач партии и государства в промышленности и сельском хозяйстве.

Нужно учитывать, что органы следствия вели производство не по всем подследственным им делам. Согласно приказу Прокурора СССР от 4 января 1938 г. запрещалось расследование «по всем мелким делам и незначительным правонарушениям, когда характер совершенного правонарушения не вызывал сомнения». Все такие дела предписывалось рассматривать в суде на основании протоколов милиции или жалоб и заявлений граждан.

Меры, связанные с расширением, укреплением и дифференциацией следственного аппарата, в целом сыграли позитивную роль как в борьбе с преступностью в стране, так и в поиске оптимальных организационных форм ведения такой борьбы. Однако ахиллесовой пятой следствия традиционно оставалось его низкое качество. По признанию Прокурора СССР М. Панкратьева, около 20% следственных дел прекращались как неосновательно возбужденные. Большой процент дел возвращался к доследованию судами; кроме того, сроки расследования дел являлись «недопустимо длительными». Подобные факты свидетельствуют о том, что районные прокуроры не включились «в работу по руководству» следствием¹. Такие же показатели характерны для следствия Прокуратуры Киргизской ССР. За 10 месяцев 1939 г. было прекращено 20,2% законченных дел, 8,2% возвращены судом на доследование; 15,2% дел расследовались больше двух месяцев².

Следователи не надлежащим образом выполняли свою первоственную обязанность — неукоснительно следовать требованиям уголовно-процессуального законодательства. Не получив легального разрешения упрощать процесс расследования преступлений, следователи прокуратуры и милиции по своему усмотрению все же не про-

¹ См.: *Панкратьев М.* Назревшие вопросы следствия // Социалистическая законность. 1939. № 8—9. С. 13—14.

² См.: *Александров Г.* О работе по следствию прокуратуры Киргизской ССР // Социалистическая законность. 1940. № 1. С. 48.

водили ряд обязательных действий либо проводили их без соблюдения некоторых процедур, требуемых законом. В целом в их работе доминировал так называемый обвинительный уклон «при оценке доказательств, неосновательное возбуждение дел, искусственное создание улики путем “натаскивания” и подбора доказательств, без серьезной критической проверки»¹. Наиболее распространенные (типичные) отступления следователей от требований закона допускались в указанных далее случаях.

Во-первых, следственные действия выполнялись без возбуждения уголовного дела, в процессе доследственной проверки материалов. Районные прокуроры и следователи могли месяцами вести следствие, не возбуждая уголовное дело, допрашивать свидетелей, проводить экспертизы, предъявлять обвинение и даже осуществлять арест. Подобная практика подкупала следователей тем, что позволяла создавать видимость отсутствия прекращенных дел, если в результате проверки не оказывалось оснований для возбуждения уголовного дела, а при его возбуждении — видимость быстроты проведения следствия².

Во-вторых, достаточно распространена практика нарушения ст. 106 УПК РСФСР, выражающаяся в завершении дела с направлением в суд органами дознания по делам, требующим проведения предварительного следствия³.

В-третьих, отдельные следственные действия были непрофессиональными и формальными. Это, например, протоколы осмотра места происшествия, которые нередко не составлялись либо составлялись со слов потерпевшего и не фиксировали важные для следствия места совершения преступления. Значительными предстают ошибки в квалификации, обусловленные тем, что прокуроры и следователи не утруждали себя анализом собранных доказательств и требованиями соответствующей статьи УК РСФСР. Из-за отсутствия судебно-медицинских экспертов в сельских регионах трупы вскрывают «лечащие» врачи, а их заключения изобилуют самыми разнообразными ошибками, которые позднее нельзя исправить и, соответственно, восстановить настоящую судебно-медицинскую картину преступления⁴.

¹ Громов В. Уголовно-судебные доказательства и следственная практика // Социалистическая законность. 1939. № 8—9. С. 40.

² См.: Балабанович. О доследственной проверке // Социалистическая законность. 1939. № 6. С. 80.

³ См.: Плахоников. Покончить с нарушениями процессуальных норм // Социалистическая законность. 1939. № 7. С. 70.

⁴ См.: Чанай. Об осмотре места происшествия // Социалистическая законность. 1939. № 8. С. 85—86; Виноградов М. О качестве следствия // Социалистическая закон-

В-четвертых, в делах встречаются разного рода ошибки, порожденные тем, что следователи и прокуроры небрежны и невнимательны либо не знают соответствующих требований уголовно-процессуального законодательства. Как отмечается в приказе Прокурора СССР от 21 апреля 1939 г. «О руководстве следствием в райпрокуратурах», многие прокуроры совершенно не проверяют дела, находящиеся в производстве как следователей прокуратуры, так и органов милиции, или же проводят такую проверку формально, не составляя при этом актов или не давая следователям необходимых указаний. В делах встречаются протоколы допроса, в которых имеются подписи обвиняемых о том, что они предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний. Нередки случаи, когда следователь забывал сам подписать протокол допроса свидетелей или обвиняемых.

Основными причинами следственных ошибок выступают те же, что и в сфере правосудия: недостаточно высокий профессионализм следователей; недофинансирование деятельности следственных органов; нехватка транспорта, средств связи и криминалистической техники, необходимой для успешного выявления и фиксации следов преступления. Некачественно проведенное следствие, в свою очередь, давало питательную почву для судебных ошибок. Не желая вступить в конфликт со следственными органами, суды нередко выносили обвинительные приговоры без достаточного обоснования вины осужденных, при отсутствии состава или события преступления, неверно квалифицировали преступные деяния и др.

Принципиально иное влияние следственные ошибки органов НКВД оказывали на решения квазисудебных органов, выносимые в отсутствие подсудимого, без судебного следствия и поиска истины по рассматриваемым делам. Все отмеченные и иные грубейшие упущения в работе следователей прокуратуры и милиции являются детскими шалостями на фоне воистину преступных действий органов управления госбезопасности, совершенных в целях выявления антисоветских элементов и доказывания их вины. В 1930-х гг. квазиследствие проводилось в трех формах: общественно-государственной, ежовщины и бериевщины.

Общественно-государственная форма расследования применялась в период сплошной коллективизации сельского хозяйства для составления списков домохозяйств, подлежащих раскулачиванию. Функция следственных органов — установить юридические факты,

ность. 1939. № 6. С. 77—78; Бундиряков П. Необходимо наладить судебно-медицинскую экспертизу в районах // Социалистическая законность. 1939. № 7. С. 84—85.

необходимые для государственной репрессии в отношении конкретных лиц, — постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» делегировалась государственно-общественным органам в составе собраний колхозников или батрацко-бедняцких собраний. Средства производства и имущество домохозяйств, признанных кулацкими, предписывалось конфисковывать незамедлительно, сразу после составления списков раскулачиваемых, особо уполномоченными райисполкомов с обязательным участием представителей сельского Совета, председателей колхозов и членов батрацко-бедняцких групп.

Государственно-общественные органы со своими обязанностями справились лишь в части оперативного выполнения контрольных цифр о подлежащих раскулачиванию домохозяйствах. В точно установленные сроки составляли списки раскулачиваемых и конфисковывали их имущество. Однако, как оказалось впоследствии, значительная часть раскулаченных близко не подпадала под критерии кулацких хозяйств, была раскулачена всуе, безо всяких к тому оснований. Удостоверившись в неспособности общественных организаций принимать обоснованные решения о репрессировании тех или иных слоев населения, партия и Правительство в период сталинского террора подобных экспериментов больше не проводили, доверив это архиответственное дело только органам НКВД, поручив им же регулировать процессуальную деятельность следователей и дознавателей.

Первый опыт организации и работы квазиследственных органов в составе НКВД пришелся на 1937 г. в связи с реализацией постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах». Нарком внутренних дел Ежов, презрев УПК РСФСР и выраженную в нем волю законодателя, своим Приказом № 00447 упростил следственные процедуры до минимума. Тем не менее Приказ № 00447 был утвержден, но не СНК СССР, как того требовала Конституция СССР, а постановлением Политбюро ЦК партии от 31 июля 1937 г.

Из множества следственных действий и методик, предназначенных для добывания достоверных сведений о реальных событиях, Ежов регламентировал две: получение санкции на арест; обыск. Отдельно упоминаются еще две процедуры: допрос обвиняемого и составление краткого обвинительного заключения. Никаких осмотров мест преступления, никакого изучения вещественных доказательств, никаких допросов свидетелей и очных ставок, никаких криминалистических и иных экспертиз. Названные процедуры в делах по обвинению антисоветских элементов полностью воспол-

нялись агентурными данными, которым в Приказе № 00447 уделялось первостепенное внимание. С них начинается процесс расследования, по ним же и выносится обвинительный приговор. Проблема качества следствия усугубляется тем, что в управлении государственной безопасности НКВД СССР до 1939 г. специальное подразделение следователей не существовало. Оперативные сотрудники совмещали оперативную работу со следственной и относились к ней по преимуществу негативно, как к обузе.

Начало следствия связывалось с получением на конкретного гражданина компрометирующих данных от агентов, добровольных осведомителей или анонимных заявителей. Для возбуждения дела решающее значение имел не источник информации, а сама информация о том, что конкретное лицо настроено враждебно в отношении советской власти, дает те или иные отрицательные ее оценки или, что еще хуже, занимается вредительством, иным образом посягает на устои советского общества и государства. Для получения санкции на арест не требовалось персональное постановление прокурора. Санкцию давал нарком внутренних дел, начальник управления или областного отдела НКВД. Процесс получения санкции был формальным, поскольку санкция давалась по составленному следователем краткому описанию сути антисоветских деяний, совершенных конкретным лицом.

Политбюро, разрешив органам внутренних дел самостоятельно проводить аресты, нарушило ст. 127 Конституции СССР, гарантирующую неприкосновенность личности и допускающую арест граждан лишь по постановлению суда или с санкции прокурора. Игнорируя конституционный принцип «никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора», Политбюро скорее всего не доверяло прокуратуре, опасаясь, что она может заметно осложнить процесс ареста, требовать от следователей НКВД выполнения норм уголовно-процессуального законодательства и тем самым «смазать» необходимую при репрессии оперативность и неотвратимость наказания.

Агентурные данные и добровольные доносы граждан сотрудники НКВД считали авторитетными свидетельствами, имеющими безусловную достоверность. Благодаря им создавалась видимость правовой основы для привлечения граждан к ответственности в качестве антисоветских элементов, одновременно оправдывалась репрессивная политика карательных органов как правомерная реакция на сигналы населения. Дело оставалось за малым — получить под пытками «добровольное» признание обвиняемым действий, которых он не совершал.

Как следует из телеграммы И. В. Сталина секретарям национальных компартий, обкомов, крайкомов партии, разосланной в 1939 г., пытки были разрешены ЦК партии в 1937 г. особо секретным постановлением. «Славные чекисты» в этом деликатном вопросе в полной мере оправдали надежды партии. Ранее упоминалось, что наиболее распространенным способом пыток, практикуемым сотрудниками НКВД, было битье кулаками, палками, плетками, но битье продолжительное, до признания обвиняемым своей вины, сочиненной следователями. Порой истязания продолжались значительное время.

Практика расследования политических преступлений в соответствии с упрощенным процессом, закрепленным Приказом № 00447, имеющая своим основанием пытку, а также квазисудебную процедуру принятия тройкой решения о наказании, в исторической и юридической литературе была обозначена термином «ежовщина». В тот период уголовно-процессуальные законы формально действовали, ибо законодатель не отменял их, равно как и не приостанавливал их действие временно, на период ежовщины. Ореол законности грубейшим ее нарушениям со стороны чекистов придало постановление Политбюро ЦК партии от 31 июля 1937 г., которым был одобрен *Приказ № 00447 наркома внутренних дел: чекистам была выдана индульгенция на применение пыток, бездоказательное обвинение любого попавшего в казематы НКВД в совершении опасных преступлений и даже причинение смерти обвиняемым в процессе пытки*. За период с середины 1937 г. по ноябрь 1938 г. были репрессированы более 1,5 млн человек, из них более 600 тыс. приговорены к высшей мере наказания.

Ежовщина была прекращена постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которым практика фальсификации уголовных дел в ходе ежовщины была признана делом рук врагов народа, пробравшихся в органы НКВД. Постановлением осуждался глубоко укоренившийся порочный порядок расследования, при котором, как правило, «следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и пр.)... Протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения»¹.

¹ Сталин И. В., Молотов В. М. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. // Соч. Т. 14. С. 284.

Постановлением были «ликвидированы тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР», а органы НКВД лишены права осуществлять аресты в особом порядке, без санкции прокурора. При этом устанавливалась персональная ответственность прокурорского работника за каждый неправильно проведенный арест, а на органы НКВД возлагалась обязанность представлять мотивированные постановления и все обосновывающие необходимость ареста материалы. Кроме того, и это самое главное, постановление обязывало органы НКВД в ходе следствия в точности соблюдать все требования уголовно-процессуальных кодексов. Особое внимание обращалось на необходимость: а) заканчивать расследование в сроки, установленные законом; б) проводить допросы арестованных не позже 24 часов после их ареста; в) документы, переписку и другие предметы, отбираемые при обыске, опечатывать немедленно на месте обыска.

Таким образом, постановление СНК и ЦК партии формально покончило с большим террором, запретив упрощенное правосудие как на уровне предварительного следствия, так и на уровне квазисудебных органов и повысив ответственность работников НКВД СССР и прокуратуры за нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Попытка действовать в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством заметно снизила эффективность борьбы органов НКВД с антисоветскими элементами, создала не присущий карательной политике советского государства микроклимат, образно названный «бериевская оттепель».

В период «оттепели» проводились такие позитивные меры, как «чистка» контингента сотрудников, претворявших ежовщину в жизнь, частичная реабилитация невиновно осужденных и некоторое ослабление карательной политики государства. Между тем, по мнению В. Н. Уйманова и других исследователей, «бериевская оттепель» таковой на практике не стала. Партийно-советское руководство не прекращало осуществлять политику преследования всех инакомыслящих и неугодных, продолжая арестовывать их за «контрреволюцию»¹. Не произошло заметного повышения качества следственной работы в квазиследственных органах НКВД СССР. Не помогли ни сотрудники, переведенные Л. П. Берией из Грузии, ни аресты и расстрелы значительной части соратников Н. И. Ежова как врагов народа, ни новый набор следователей из числа коммунистов и членов ВЛКСМ.

¹ См.: Уйманов В. Н. Была ли «бериевская оттепель» в СССР? (К вопросу о реабилитации жертв репрессий) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 39—45. См. также: Толстой И. Мифы и репутации. 1939-й год: была ли бериевская оттепель? URL: <https://www.svoboda.org/a/1829934.html>.

Восьмимесячные усилия следователей НКВД и Прокуратуры СССР повысить качество следствия, как это вытекает из циркуляра НКВД СССР, Прокуратуры СССР и Наркомюста СССР от 25 июля 1939 г. «О следственной работе», не увенчались не только значимыми, но и сколько-нибудь заметными успехами. В процессе следствия, отмечалось в циркуляре, органы НКВД не всегда принимают необходимые меры к всестороннему и полному расследованию дел, что нередко влечет за собой их возвращение Прокуратурой и судами на доследование, которое зачастую достигает 50 и более процентов от поступивших дел, а в Челябинской области возврат достигает все 100%. Следственные органы НКВД никак не могут отделаться от прежней привычки все следствие сводить к выбитым под пыткой показаниям обвиняемых, не способны найти двух-трех человек, готовых хотя бы ложно подтвердить показания обвиняемого и тем самым обеспечить требуемую УПК полноту и всесторонность доказательств по делу.

Получается, что Л. П. Берия, сменивший Н. И. Ежова на посту наркома внутренних дел, не исполняет своего обещания повысить качество следствия, несмотря на то что все враги народа, путавшие следствие, выявлены, разоблачены и расстреляны. Либо не тех врагов расстреляли, либо дело вовсе не в них, а в чем-то другом, например в необоснованных требованиях партии бороться с несуществующими врагами, низком профессионализме следователей, пришедших по рекомендации партии или комсомола от станка или трактора.

Партия оказалась на распутье, нужен был какой-то один вариант борьбы: либо избирать законность и полную ликвидацию столь действенного средства борьбы с врагами народа, как террор, либо дать широкую дорогу террору, временно отказавшись соблюдать требования закона. Партия и СНК СССР предпочли второй вариант, соответствующий сталинской доктрине необходимости активной борьбы с остатками классов, противостояние которых советской власти усиливается по мере успешного социалистического строительства в СССР.

Новый виток террора был связан с ликвидацией социально опасных элементов на отошедших в 1939 г. к СССР территориях, на которых действовали ординарные буржуазные отношения и их носители, в первую очередь имущие классы, а также представители бывшей полиции, жандармерии, суда, военнослужащих, чиновничества, ничего, кроме враждебности, к советской власти не испытывавшие. Их наличие не предусматривалось в Конституции СССР, провозгласившей Союз ССР социалистическим государством рабочих и крестьян и принадлежность государственной власти трудящимся в лице Советов депутатов трудящихся.

Пришлось реанимировать ежовщину, ибо иного способа, позволяющего оперативно и без лишних хлопот расправиться с явными врагами советской власти, партия и СНК СССР не знали. Террор как неправовое явление не мог обеспечиваться сугубо правовыми средствами.

Во-первых, ни один подозреваемый, будучи в здравом уме, не станет добровольно оговаривать себя, признавать себя виновным в особо опасных, контрреволюционных преступлениях, которых он не совершал и даже не помышлял о них. Только под пыткой, чтобы избежать дальнейших физических страданий, он мог подписываться под всеми преступлениями, которые порождает буйная фантазия следователя.

Во-вторых, невозможно выявить доказательства преступлений, в которых сознался обвиняемый, но которых реально не совершал. Нет ни свидетелей, ни документов, ни вредоносных результатов противоправного деяния. Прокурорский надзор за следствием никак не способствовал сбору доказательственной базы по делу и даже, наоборот, препятствовал ему тем, что критически относился к фактам фальсификации следственными органами доказательств и мог препятствовать их возведению на уровень действительных доказательств.

В-третьих, изжить факты нарушений законности сотрудников НКВД на стадии предварительного расследования можно было, реализуя принципиальную и последовательную позицию судебных органов посредством вынесения оправдательных приговоров по мотивам отсутствия состава преступления в действиях подсудимого и путем возврата в следственные органы дел, по которым вина подсудимого не была обоснована достоверными доказательствами. Однако в этом судебным органам было отказано самым решительным образом. Директива наркома юстиции СССР и Верховного Суда СССР от 15 декабря 1938 г., предписывавшая судам, как правило, не принимать к своему производству дела, по которым выводы обвинения строятся исключительно на собственных признаниях обвиняемых, не подкрепленных никакими другими доказательствами, и возвращать такие дела на доследование, *была опротестована Прокуратурой СССР в СНК и отменена*. Судебная система вернулась к прежней практике периода ежовщины, признавая фальсифицированные дела за качественно расследованные, и выносила по таким делам обвинительные приговоры.

В ходе специальных операций в 1940—1941 гг. на территориях, присоединенных к СССР, Л. П. Берия, слепо копируя своего предше-

ственника Н. И. Ежова, совершал те же нарушения закона, за которые последний был расстрелян. Более 300 тыс. человек, не имеющих никакого отношения к политике и активным выступлениям против советской власти, безо всякого суда и следствия, на основании только одного факта проживания с лицами, ведущими антисоветскую деятельность, и вопреки Указу ПВС СССР от 23 декабря 1940 г. были лишены недвижимости, домашнего скота, иного имущества и отправлены в мало пригодные для проживания северные районы СССР и Казахстан при отсутствии надлежащих материальных средств.

В ссылку отправились женщины, имеющие малолетних детей, малолетние и несовершеннолетние дети, старики и инвалиды, социальная опасность которых для советского государства была весьма сомнительной, тогда как сам факт переселения трагически сказался на их биографиях, превратил из членов обеспеченных семей в изгоев, лишенных элементарных бытовых условий. Полагаем, что и Сталин, и Берия, и остальные руководящие работники партии и Правительства прекрасно осознавали, что значительная, если не большая, часть переселяемых по возрасту, состоянию здоровья не готова к активным антисоветским выступлениям. В то же время подобная мера позволила государству: во-первых, привлечь дополнительные финансы на цели социалистического строительства; во-вторых, помочь формируемым колхозам, обычно бедным, как церковная крыса, кое-каким инвентарем, домашним скотом или птицей; в третьих, попытаться с помощью ссыльных переселенцев освоить новые, малообжитые территории.

В течение 1939—1940 гг. террор в отношении антисоветских элементов продолжился. В упрощенном порядке и с применением пытки проводилось следствие органами НКВД. По-прежнему в 1938—1940 гг. военная коллегия Верховного Суда СССР без участия сторон и свидетелей осудила более 28 тыс. человек. ОСО при НКВД СССР, традиционно разрешавшее дела в отсутствие обвиняемых, осудило к лишению свободы более 100 тыс. человек.

Таким образом, в предвоенные годы (1939—1941 гг.) Берия полностью отстранился от романтического намерения следовать курсу на законность, предписанному постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., и предстал основным после Сталина проводником государственного террора как при депортации населения с территорий, отошедших к СССР в 1939 г., так и при проведении следствия в отношении антисоветских элементов, и при их последующем репрессировании. В результате большой террор в форме ежовщины вышел на новый, более высокий уровень развития, перерос во *всеобщий тотальный террор в форме бериевщины*, который кратно усилился в годы Великой Отечественной войны.

Глава 46. Адвокатура

Одно из примечательных достижений советской юридической доктрины и практики 1930-х гг. состояло в официальном признании адвокатуры как органа эффективной защиты прав граждан и иных субъектов права. Представление партии и Правительства о ней как рудименте буржуазного правосудия, образовании, суть которого сводится к оказанию помощи богатым избежать заслуженного наказания и потому абсолютно не нужном советскому правосудию, показало свою полную несостоятельность. Окончательно споры о достоинствах и недостатках советской адвокатуры были сняты после того, как ст. 111 Конституции СССР 1936 г. закрепила право обвиняемых на защиту, немыслимую без участия специалиста в области правосудия, обязавшегося по соглашению с обвиняемым защищать его права от необоснованных посягательств со стороны государственного обвинителя или суда.

В формулировке Конституции СССР право на защиту было всеобщим, распространялось на всех обвиняемых общими и специальными судами без какого бы то ни было исключения, а ранее принятые общесоюзные и республиканские нормы, ограничивающие участие защитника в уголовном процессе, утрачивали силу. Это, во-первых, п. 3 постановления ЦИКа СССР от 1 декабря 1934 г., дозволявший судебным органам рассматривать дела о террористических актах и организациях в упрощенном порядке и без участия сторон; во-вторых, ст. 381 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик, закрепляющие право областных, краевых судов по своему усмотрению решать вопрос о допуске на процесс государственного обвинителя и защитника.

Однако формально специальными актами названные предписания не были отменены и продолжали действовать до завершения сталинского террора. Конституционное право на защиту, таким образом, фактически реализовалось лишь в районных судах при рассмотрении традиционных уголовных дел в отношении хулиганов, взяточников, воров, мошенников и даже убийц. Тем не менее это был большой массив дел, требовавший совершенствования организационных форм работы защитников. Реформы проводились согласно Положению о коллективах членов коллегии защитников, утвержденному коллегией Наркомюста РСФСР от 27 февраля 1932 г., и опять-таки с нарушением конституционных норм.

Коллегия Наркомюста РСФСР ничтоже сумняшеся приняла предписания, противоречащие ст. 80—90 Положения о судостроительстве РСФСР, утвержденного постановлением ВЦИКа от 19 ноя-

бря 1926 г. И никто: ни ВЦИК, ни СНК РСФСР, ни Политбюро ЦК партии — не считал нужным поставить зарвавшийся Наркомат на место, сделали вид, что никакой трагедии нет. Ведомственные нормы отменяли установления законодателя и на протяжении семи лет действовали вопреки им.

Положение о судоустройстве 1926 г. предусматривало создание в пределах области, края единой коллегии защитников, работающих под руководством и надзором областных, краевых судов. Нормативно-правовое регулирование деятельности коллегий было возложено на Наркомюст РСФСР. ВЦИК, равно как и Наркомюст РСФСР, не определил ни место адвокатуры в системе органов юстиции, в первую очередь в отношении к суду, ни цели, преследуемые ею в правовом регулировании. В Положении о коллективах членов коллегии защитников были названы четыре функции данных учреждений юстиции: 1) оказание юридической помощи населению; 2) обслуживание государственных учреждений и предприятий, кооперативных и общественных организаций; 3) ведение пропаганды советского права; 4) подготовка практикантов, выдвинутых общественными организациями, для дальнейшей работы в коллективах.

Коллегия защитников действовала на территории края, области и автономной республики. Оперативное управление работой коллегии осуществлялось президиумом, избираемым общим собранием членов коллегии. В уездных городах по постановлению Президиума коллегии разрешалось создавать уездное бюро защитников, члены которого избирались общим собранием защитников соответствующего уезда. Иной предстает структура первичных звеньев коллегии защитников, предписанной Положением Наркомата юстиции СССР 1932 г.

Первичные звенья областных (краевых) коллегий защитников — коллективы адвокатов, организуемые в районных и межрайонных масштабах, а также в городах, не входящих в состав районов, из числа членов коллегии защитников (ЧКЗ), работающих в соответствующем районе или ряде районов. Деятельность коллективов ЧКЗ строилась на сугубо демократических началах, сообразно принципам добровольности, самоуправления и самофинансирования, равномерного распределения нагрузки между ЧКЗ, отчислений части гонорара на содержание ... законности, ведения активной деятельности по пропаганде советского законодательства. Делами коллектива ЧКЗ управляли общее собрание, бюро и ревизионная комиссия.

Решение о приеме в ЧКЗ принималось бюро коллектива по заявлению гражданина, который согласно п. 81 Положения о судоустройстве РСФСР 1926 г. должен был обладать избирательными правами,

иметь двухлетний стаж работы в органах советской юстиции на должностях не ниже следователя либо успешно выдержать вступительное испытание. Никаких требований к профессиональному образованию поступающего, а также по поводу вступительных взносов или иных материальных обременений ни законодатель, ни Наркомюст не предусматривали. Член коллектива мог выбыть из него по собственному желанию либо согласно постановлению президиума коллегии за совершение дисциплинарного проступка, не совместимого с членством в данной организации.

Член коллектива: 1) имел равные со всеми права на оказание юридических услуг посредством предоставления юридических советов в устной и письменной формах, составления разного рода деловых бумаг, жалоб и заявлений а также ведения судебных и административных дел; 2) получал право на заработную плату сообразно качеству и количеству своего труда; 3) наделялся правом участвовать в управлении делами организации, в том числе в формировании руководящих органов коллектива, а также правом быть избранным в состав этих органов и правом непосредственно обращаться в президиум коллегии по вопросам защиты своих прав, профессиональной чести и личного достоинства, выявления недостатков в деятельности коллегии или коллектива.

Положение Наркомата юстиции особенно детально регулировало оплату труда, но без строгого учета соответствующих предписаний ст. 89 Положения о судостроительстве РСФСР 1926 г. ВЦИК наделил народные суды правом вообще освобождать неимущих от уплаты вознаграждения защитникам как по уголовным, так и по гражданским делам. По таксе, установленной Наркоматом юстиции, услуги защитника оплачивали рабочие и служащие, а также крестьяне и кустари, не пользующиеся наемным трудом, и иные лица, которым защитник был назначен судом. В остальных случаях размер вознаграждения определялся защитником по соглашению с заказчиком услуги. Но у Наркомюста на сей счет было свое мнение. Свою обязанность установить размеры вознаграждений он возложил на областные, краевые президиумы коллегий защитников. Одновременно своей властью предписал оказывать юридическую помощь бесплатно не только неимущим, но и лицам с небольшим заработком.

В числе ведущих обязанностей ЧКЗ, закрепленных Положением о судостроительстве РСФСР, можно выделить обязанность не брать сверх таксы, не состоять на государственной службе, обеспечивать качественное обслуживание граждан, вести пропаганду советского законодательства среди населения, а также обязанность поднимать уровень политических и профессиональных знаний практикантов. Первостепенной признавалась обязанность защитников регулярно

вносить в фонд коллегии определенное процентное отчисление — примерно в пределах 30% с суммы вознаграждения. В свою очередь, каждый член коллегии мог претендовать на сохранение среднего заработка на время очередного или по болезни отпуска, призыва в Красную Армию, на сборы.

Положением Наркомата юстиции устанавливалась дисциплинарная ответственность ЧКЗ за неисполнение общественно-правовых и профессиональных обязанностей. Невольно возникает вопрос: почему вдруг защитник, действующий на сугубо добровольной основе, не может отказаться от поручения бюро коллектива оказать услугу конкретному лицу, в чем здесь состоит его вина? Не берется один — возьмется другой. Еще более сомнительным представляется возложение ответственности за отказ исполнять общественные поручения. Оказывается, Наркомат установил юридическую ответственность значительно шире, чем это предусмотрено ст. 84 Положения о судоустройстве РСФСР 1926 г.

Законодатель определил ответственность не за любой отказ от работы, а лишь за отказ от бесплатной защиты по уголовным и гражданским делам или за неучастие в организованных президиумом коллегии защитников консультациях для населения также на бесплатных началах. В данном случае логичность дисциплинарной ответственности очевидна. Государство, не желая оплачивать защитникам ни один из указанных видов услуг, сочло возможным за предоставление права работать в составе коллегии и получать устойчивое вознаграждение обязать ЧКЗ часть работ выполнять бесплатно и безропотно под страхом исключения из состава ЧКЗ.

На практике чаще всего применялся порядок дисциплинарной ответственности, установленный Наркомюстом. В редких случаях в порядке исключения использовали и законодательные нормы. Например, президиум областной коллегии защитников Ивановской промышленной области не признал дисциплинарным проступком «самовольное оставление работы и смену жительства» защитником В. И. Веселовским. Решение президиум мотивировал тем, что ЧКЗ — это «лица кооперативной организации, имеющие право вступать и выбывать из коллегии на добровольных началах»¹.

Новый этап в истории советской адвокатуры обусловлен образованием в 1936 г. Наркомата юстиции СССР и возложением на него функций общего руководства деятельностью коллегий защитников и надзора за ней, а также функций предоставления юридической по-

¹ Олейник И. И. Правовое положение и состав коллегии защитников Ивановской промышленной области в конце 1920-х — начале 1930-х гг. URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/13198>.

мощи населению. Так были созданы необходимые организационные предпосылки для формирования единой законодательной базы данного важнейшего института советской юстиции и выработки результатов средств, методов защиты прав и свобод советских граждан. В 1937 г. отделом судебной защиты и юридической помощи населению Наркомюста СССР с участием членов Московской коллегии защитников был подготовлен проект нового Положения об адвокатуре, содержащий ряд новелл, устраняющих недостатки, присущие действующему Положению о коллективах членов коллегии защитников 1932 г.

Прежде всего в проекте было признано, что термин «защитник», посредством которого идеологи советского права надеялись отгородиться от одиозной практики дореволюционных адвокатов, выполнил свою роль и в новых условиях социалистического общества целесообразно возвращаться к традиционному устоявшемуся термину «адвокат». Возврат обусловлен тем, что ЧКЗ не только защищают обвиняемых в суде, но и ведут широкую консультационную деятельность, готовят по просьбам граждан, организаций тексты разнообразных юридических документов.

По свидетельству М. Кожевникова, в проекте приведен детальный перечень прав и обязанностей адвоката. Предпринимается попытка противостоять произволу судей, не допускающих адвокатов на процесс, закрепив право последних «выступать по поручению и по доверенности, выданным истцами и ответчиками, по любому делу, находящемуся на рассмотрении судебных учреждений, кроме тех случаев, когда недопущение сторон точно определено в законе». Одновременно проект запрещает адвокату отказываться от защиты подсудимого «независимо от тяжести и обстановки совершенного преступления и характера преступления и преступника»¹.

В проекте впервые в советском законодательстве в качестве основного критерия занятия адвокатской деятельностью признано наличие высшего или среднего юридического образования, а также установлен запрет на принятие в состав адвокатуры лиц, имеющих судимость или опороченных постановлением какой-либо общественной организации. Для приема в состав коллегии требуются следующие документы: 1) рекомендации двух адвокатов; 2) отзывы общественных организаций об общественной или политической работе; 3) патент на право занятия адвокатской практикой, выдаваемый наркомом юстиции союзной республики.

¹ Кожевников М. Проект нового положения об адвокатуре // Советская юстиция. 1937. № 15. С. 15.

В отличие от действующего Положения 1932 г. проект закреплял право адвоката на вознаграждение за любую работу, проделанную им по поручению совета адвокатуры, и обязанность адвоката отчислять средства на расходы коллектива и совета в пределах 30% заработка. За совершение адвокатами разного рода проступков, за недостойное поведение и недобросовестность в работе проектом предусматривались меры взыскания, вплоть до лишения права заниматься адвокатской деятельностью в течение года. По решению наркома юстиции республики адвокат мог лишаться права заниматься адвокатской деятельностью¹.

Практика применения Положения о коллективах членов коллегии защитников 1932 г. и проект Положения, подготовленный отделом Наркомюста СССР, публично обсуждались на страницах журнала «Советская юстиция» в 1937—1938 гг., и был высказан ряд предложений по совершенствованию законодательства об адвокатуре. Особое внимание уделялось такому фундаментальному вопросу, не получившему отражения в действующих нормативных правовых актах, как социальная сущность адвокатуры и оказываемой ею юридической помощи². Было признано, что основная трудность в деятельности защитника состоит в том, что необходимо «сочетать защиту интересов своего клиента с охраной интересов государства, но не превращаться в обвинителя своего подзащитного»³. Аналогичное воззрение на природу защиты в уголовном процессе высказал М. Равич, полагая, что «советская защита — представитель государства, действующий по его поручению и в его интересах. Она помогает суду правдиво, выявляя перед ним все, имеющееся в деле, в пользу подсудимого, не нарушая долга правды и ни в коем случае не переходя в обвинение подсудимого»⁴.

Понимание адвокатуры как представителя государства имеет своим основанием ведущий принцип советских идеологов, согласно которому только государство является реальным защитником прав советских граждан. Адвокатура выступает лишь организацией, помогающей государству воплотить этот принцип в жизнь в отноше-

¹ См.: *Кожевников М.* Проект нового положения об адвокатуре. С. 16—17.

² См.: *Либерман А.* К проекту положения об адвокатуре // Советская юстиция. 1937. № 23. С. 33—34; *Ривкин М.* Организационные вопросы советской прокуратуры // Советская юстиция. 1938. № 14. С. 17—19; *Л.* Больные вопросы адвокатуры // Советская юстиция. 1938. № 14. С. 16—17; *Раскольников В.* Советский защитник // Советская юстиция. 1938. № 16. С. 27; *Казначеев.* Коллективы защитников или юридические консультации // Советская юстиция. 1938. № 17. С. 30—31; *Кизнер.* Мысли о советской адвокатуре // Советская юстиция. 1935. № 26. С. 16—17.

³ *Либерман А.* О функциях защитников в советском суде // Социалистическая законность. 1938. № 12. С. 67.

⁴ *Равич М.* Советская защита // Советская юстиция. 1937. № 7. С. 32.

нии такого особого социального слоя людей, как подсудимые, которые большей частью действительно совершили преступление и являются врагами советской власти.

Бесспорно, государство заинтересовано в установлении истины по делу и справедливом наказании виновных лиц, а адвокатура, ориентированная на защиту личности от незаконного осуждения, оказывает государству заметную помощь в установлении и исправлении судебных ошибок. Однако сам по себе факт такой помощи не свидетельствует об адвокатуре как представителе государства. Колхозы, например, играют важнейшую роль в решении такой государственной задачи, как обеспечение населения продуктами питания, но никто на этом основании не признает колхозы представителями государства. Согласно Примерному уставу сельхозартели (1935 г.) колхоз представляет собой коллективное общественное хозяйство, а его собственность — форма, существующая наряду с государственной.

Основанием отграничения органов государства от общественных организаций служит источник финансирования их работы. Общественные организации функционируют за счет средств, которые добывают сами, адвокатура — за счет оплаты ее услуг населением. Она выступает действительным представителем населения, но никак не государства. Поэтому оно за свой счет содержит систему правоохранительных органов и требует от них установления истины по каждому факту выявленного преступления. Соответственно, государство в услугах и помощи адвокатов не нуждается. Миф об адвокатуре как представителе государства был сочинен затем, чтобы оправдать тотальный контроль над ней государства, искренне не желающего, чтобы адвокаты публично в суде говорили правду об ужасах и зверствах сталинского террора.

Учитывая критику проекта, иные предложения по совершенствованию законодательства об адвокатуре и ее практику, 9 августа 1939 г. СНК СССР утвердил в условиях сталинского террора новое и последнее Положение об адвокатуре СССР.

С принятием Положения завершился поиск места адвокатуры в системе органов советской, сталинской юстиции, а также более полно и демократично по сравнению с предшествующими нормативными правовыми актами были определены ее ведущие институты. Во-первых, за адвокатурой закрепляется ее реальная функция оказания юридической помощи населению. Не свойственные ей функции пропаганды советских законов и наставничество упраздняются. Во-вторых, меняется ее руководитель со стороны государства: вместо судебных органов — Наркомат юстиции СССР и входя-

шие в его систему наркомюсты союзных и автономных республик, а также управления юстиции при областных и краевых советах депутатов трудящихся. В-третьих, сокращается перечень обслуживаемых субъектов за счет удаления из него государственных предприятий, учреждений, организаций. В-четвертых, коллегии адвокатов справедливо признаются добровольными организациями и наделяются правами юридического лица.

Положением об адвокатуре 1939 г. упрощаются структура коллегии и орган управления ею. Коллегия представляет собой единую организацию лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, действующую на территории края, области, иных административно-территориальных единиц, а также союзных республик, не имеющих областного деления. Ее органами управления выступают общее собрание членов коллегии адвокатов и избираемый им орган оперативного управления — президиумом коллегии. Для организации работы членов коллегии адвокатов в районных центрах и городах области, края, республики создаются юридические консультации. Состав и местонахождение юридических консультаций устанавливаются президиумом коллегии адвокатов в соответствии с планом, утверждаемым Наркомюстом союзной (автономной) республики. Юридической консультацией руководит заведующий, назначаемый президиумом коллегии адвокатов.

Примечательной особенностью Положения 1939 г. является признание юридического образования в качестве первостепенного критерия, которому должно удовлетворять лицо, желающее заниматься адвокатской деятельностью. Согласно ст. 6 Положения членами коллегии адвокатов могли состоять лица, имеющие высшее юридическое образование либо окончившие юридические школы и имеющие стаж практической работы не менее одного года в качестве судей, прокуроров, следователей и юрисконсультов. Допускалось принятие в коллегию лиц, не имеющих юридического образования, но проработавших не менее трех лет в судейско-прокурорских должностях, следователями или юрисконсультантами. В коллегии адвокатов не могли состоять лица, лишенные избирательных прав, имеющие судимость или находящиеся под следствием и судом.

Положением 1939 г. расширен перечень санкций в отношении нарушителей трудовой дисциплины и установлены основания применения дисциплинарной ответственности к виновным лицам. За недобросовестное исполнение членами коллегии адвокатов своих обязанностей, нарушение таксы и другие проступки президиум коллегии адвокатов правомочен назначать такие дисциплинарные взыскания, как замечание, выговор, строгий выговор, отстранение от

работы адвоката на срок до шести месяцев. Допускалось исключение из состава коллегии адвокатов лиц за совершение преступления, установленного приговором суда, либо за проступки, порочащие звание советского адвоката, либо за нарушение правил внутреннего трудового распорядка коллегии адвокатов.

Несмотря на отмеченные и иные достоинства Положения 1939 г., следует все же признать, что оно по-прежнему не полностью регулировало отношения в сфере организации и деятельности адвокатуры и осталось пробельным. В частности, в нем не прописаны принципы организации и деятельности адвокатуры, нормы, закрепляющие трудовые права и обязанности адвокатов, порядок распределения нагрузки, оплаты труда, в том числе в случаях участия в процессе по требованию суда, размеры отчислений в фонды коллегии, нормы об ответственности адвокатов за ненадлежащее исполнение защиты. Не были определены порядок расследования дисциплинарных проступков и применения взысканий, ответственность и права нарушителя трудовой дисциплины и др. Практика подготовки кратких и пробельных нормативных правовых актов в сфере судостроительства, порожденная особыми условиями первых лет советской власти и сохраненная до конца 1930-х гг., когда советская правовая система уже сформировалась достаточно полно, выглядела анахронизмом, который требовалось оперативно устранить.

Положение заметно активизировало деятельность советских адвокатов. По данным Наркомюста СССР, за восемь месяцев 1939 г. общее число адвокатов в СССР увеличилось на 2683 человека, в том числе с высшим образованием — на 752. В 1938 г. адвокаты оказали юридическую помощь 3 млн человек, а в 1939 г. — свыше 3,5 млн. Они провели в 1938 г. 58 тыс. лекций и бесед с населением; в 1939 г. — свыше 100 тыс.¹ Всего же в 1939 г. в стране насчитывалось около 8 тыс. адвокатов, а в 1941 г. — более 10 тыс.

Глава 47. Нотариат

В 1930-е гг. правовое регулирование нотариальной деятельности в РСФСР претерпело заметные изменения. В первом полугодии 1930 г. были приняты два основополагающих нормативных акта: Перечень документов, по которым взыскание производится на основании исполнительных записей нотариальных органов, утвержденный постановлением СНК РСФСР от 21 мая 1930 г., и Положение о Государственном нотариате РСФСР, утвержденное постановлением ВЦИКа

¹ См.: *Смирнов В. Н.* Адвокатура и адвокатская деятельность. URL: https://lib.sale/advokatura_besplatno/deyatelnost-advokaturyi-predvoennyye-godyi-29503.html.

и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г. Так завершилась развернувшаяся в юридической литературе и прессе дискуссия о целесообразности сохранения нотариата в условиях диктата обобщенного, государственного сектора экономики. Вопрос окончательно был решен в пользу нотариата.

Предложения об упразднении нотариата в конце 1920-х гг. мотивировались тем, что частный сектор, для обслуживания интересов которого создавались нотариальные конторы, заметно поредел и имеет очевидную тенденцию к полному отмиранию, тогда как большая часть договоров государственных органов с кооперативными и профсоюзными организациями освобождена от нотариального удостоверения. С учетом этого обстоятельства предлагалось нотариат упразднить, «а функции его разбросать по другим учреждениям, а еще лучше освободиться совсем от нотариального удостоверения документов». Причина в том, что в условиях диктата обобщественного сектора экономики необходимость в дополнительном контроле соответствия положений договоров требованиям закона отпадает, коль скоро документ исходит от такого же государственного учреждения, как сама нотариальная контора¹.

Жизнь опровергала аргументы, приводимые в пользу упразднения нотариата. Во-первых, госучреждения того времени не только легко нарушали формы типовых договоров, рекомендованных ВСНХ, но и приносили в жертву так называемой хозяйственной целесообразности требования права и законности². Во-вторых, как оказалось, нотариальные конторы выполняли большой объем работ, связанный с совершением исполнительных надписей по бесспорным обязательствам, проверкой доказательств, выдачей залоговых обязательств и др. С учетом большого количества нотариальных действий, ежегодно совершаемых в стране, возложение их на другой государственный орган все равно потребовало бы создания новых штатных должностей³.

Положение о Государственном нотариате РСФСР от 20 июля 1930 г. определило задачи нотариата в реконструктивный период советского общества и государства, а также уточнило и дополнило перечень его функций. Положение учреждало нотариат в качестве органа защиты прав и интересов государства, предприятий, учреждений, а также трудящихся посредством удостоверения законности сделок и свидетельствующих документов, отказывая в этой процедуре всем кабальным сделкам, совершаемым в обход закона или с иными нару-

¹ См.: *Линицкий А.* Нужен ли нотариат? // Советская юстиция. 1931. № 14. С. 24—25.

² Там же. С. 24.

³ См.: *Романенко О.* Нужны ли нотариальные конторы? // Советская юстиция. 1931. № 14. С. 26.

шениями требований действующего законодательства. Из генеральной задачи нотариальных органов вытекали две логически связанные с ней обязанности: 1) оказывать трудящимся активное содействие в ограждении их прав и законных интересов, чтобы их юридическая неосведомленность и малограмотность не могли быть использованы им во вред; 2) инструктировать районные и соответствующие им исполкомы по выполнению ими нотариальных действий.

Следовательно, нотариат как орган юстиции, борющийся за укрепление законности и правопорядка, не конкурировал ни с судом, ни с прокуратурой, имея только ему присущий набор методов, основанных на реализации элементарных властных полномочий, — это мотивированный отказ удостоверить сделки, иные документы, положения которых не соответствуют требованиям закона. В отличие от прокуратуры органы нотариата не были правомочны опротестовывать незаконные документы, а в отличие от суда не обладали правом их отменять, признавать недействительными, ничтожными.

Представляется несостоятельным мнение российских правоведов о нотариате как разновидности правоприменительного органа. Суть правоприменительного органа состоит в принятии специального акта, конкретизирующего права и обязанности субъектов какого-либо правоотношения и имеющего общеобязательное значение. Нотариат не принимает таких актов, он не обязывает лицо, представившее не основанные на законе договор, сделку, привести их в соответствие закону. Властное решение нотариуса в первую очередь обращено к самому себе: он отказывается удостоверить незаконную сделку или засвидетельствовать достоверность сомнительного документа, события. Дальнейшие действия участников сделки, события, владельцев документов, которым отказано в нотариальном удостоверении, лежат за пределами профессиональных интересов и полномочий нотариуса.

В числе особенно значимых новелл Положения о Государственном нотариате РСФСР 1930 г. можно выделить нормы, закрепившие порядок удостоверения неоплаты чека, обеспечения доказательств, выдачи свидетельства о признании гражданина безвестно отсутствующим и безвестно отсутствующего умершим.

Недостаточное финансирование предприятий, организаций, учреждений в 1930-х гг. одним из своих негативных следствий имело неспособность обязанной стороны разного рода сделок своевременно оплачивать предъявленные ей чеки. Поэтому у чекодержателя довольно часто возникала потребность обратиться в орган, способный удостоверить факт несвоевременной оплаты чека. Возложение

на органы нотариата обязанности удостоверять факты неоплаты чек — стало разумной мерой, снимающей всякие споры по этому вопросу между участниками конкретных правоотношений. Весьма своевременной и полезной оказалась функция нотариальных органов, связанная с обеспечением по просьбе заинтересованных лиц доказательств при наличии реальной опасности того, что их представление впоследствии окажется невозможным или затруднительным. При этом нотариальный орган наделялся правом проводить такие следственные действия, как допрос свидетелей, осмотр на месте и проведение экспертизы.

Глава XVII «Выдача свидетельств о признании гражданина безвестно отсутствующим и безвестно отсутствующего умершим» Положения наделяет нотариат новой и достаточно значимой функцией в области гражданского права — устанавливать факты безвестного отсутствия физических лиц и выдавать свидетельства об этом, а также свидетельства о признании безвестно отсутствующего умершим. Однако право было предоставлено с грубейшими нарушениями законодательной техники. Нормы Положения о государственном нотариате РСФСР фактически дублируют предписания Приложения 1 к ГК РСФСР 1922 г. и возлагают на нотариальные органы полномочия суда. Получилась коллизия, которую законодатель не считал нужным разрешить: какой орган все же правомочен признавать лицо безвестно отсутствующим, а безвестно отсутствующего умершим — суд или нотариальный орган? В обширный перечень актов ВЦИКа и СНК РСФСР, признанных утратившими силу в связи с введением в действие Положения о государственном нотариате РСФСР от 20 июля 1930 г., соответствующие статьи ГК РСФСР помещены не были.

Другой недостаток Положения состоял в сохранении децентрализованного управления системой нотариальных органов, возложенного на губернские и, соответственно, заменившие их краевые, областные суды, и в отсутствии предписания, обязывающего создать нотариальную контору в каждом районном центре. Этот пробел из-за дозволения (ст. 3 Положения о государственном нотариате РСФСР от 4 октября 1926 г.) возлагать нотариальные функции на исполкомы местных Советов и сельсоветы при условии отсутствия в городах и поселках нотариальных контор создал правовую базу для закрытия нотариальных контор там, где они имелись, и передачи их функций исполкомам местных Советов и сельсоветам.

Положение имеет еще один существенный недостаток — в нем нет отсылки к постановлению ЦИКа и СНК СССР от 14 мая 1926 г. «Об основных принципах организации государственного нотариата», нормам которого он должен соответствовать, и к Положению о су-

доустройстве РСФСР 1926 г., установившему принципы и нормы организации деятельности нотариальных органов в РСФСР. Тем самым системная и особенно значимая связь между названными актами оказалась неведомой лицам, не владеющим профессиональным знанием законодательства о нотариате.

Применение Положения о государственном нотариате натолкнулось на все недостатки, присущие работе судов и других органов советской юстиции: отсутствие профессиональных кадров; низкая заработная плата сотрудников; ненадлежащие условия труда; недостаточность финансирования; чрезмерная загруженность работой. Кроме прочего, у нотариальных органов не было единого центра организации нотариата и управления.

Кадровый состав не обладающего высоким престижем в глазах партии и Правительства нотариата формировался по остаточному принципу с точки зрения материального обеспечения и уровня заработной платы. Если ведущие отрасли советской юстиции — суд и прокуратура — могли мечтать о высоком профессионализме своих кадров, то нотариат об этом и мечтать не мог, поскольку на подобную «непривлекательную», и к тому же малооплачиваемую работу соглашались лишь «непроходные» в другие государственные органы личности либо те, кто не имел профессионального образования.

Сегодня нужно обладать большой фантазией, представляя себе нищенские условия, в которых приходилось работать советскому нотариусу. Чтобы получить достоверные сведения по этому вопросу, А. И. Долгов провел историко-правовое исследование деятельности нотариальных контор Ставрополя. Оказалось, что в сентябре 1931 г. Ставропольская нотариальная контора не знала, из каких источников и по какому бюджету будет выплачиваться заработная плата сотрудникам конторы. Никаких сведений местным нотариусам не могли дать ни городской финансовый отдел, ни горсовет. Содержание контор было очень жалким. Нотариусы находились в самых убогих помещениях, где, по существу, принимать граждан было невозможно. В крупных городах нотариусы, независимо от их числа, размещались в одной комнате. Технических работников не хватало, порой один секретарь обслуживал нескольких нотариусов. Недостаточно было мебели, не говоря уже о пишущих машинках, запасе бумаги. Все это создавало неудобства и очереди из клиентов.

Еще менее устроенной предстает нотариальная деятельность сельских и поселковых Советов, осуществляемая зачастую малограмотными работниками, не способными отличить кабальную сделку от правомерной и даже понять, какие документы и сделки они правомочны удостоверять лично, а какие подлежат заверению непосред-

ственно нотариусом. Восточно-Сибирский краевой суд, обобщив практику нотариальной деятельности сельсоветов, выявил такие факты грубейших нарушений законодательства, как нотариальное удостоверение договоров продажи строений без предоставления продавцом необходимых документов; продажа недвижимости лицами, не владеющими ею на правах собственности; удостоверение трудовых договоров, которые не нуждаются в таком удостоверении. Сельсоветы не способны даже правильно определить размер нотариальной пошлины, по шести райисполкомам оказались недовзысканными 600 руб. госпошлины¹.

Проведенное под эгидой Верховного Совета СССР обследование практики исполкомовских нотариатов выявило и вовсе безотрадную картину всеобщего тотального беззакония. Оказалось, что во многих районных и городских Советах не было даже специально закрепленного работника. Один день за нотариальным столом сидел сотрудник загса, другой день — юрисконсульт, затем его сменял секретарь финотдела и т. д. Соответственно, «никто собственно этой работой не руководит и никто ее не контролирует»². Такой временный работник, совершенно не представляя себе своих прав и обязанностей, становился на путь грубого произвола, творил сплошное беззаконие.

В одних случаях временные нотариусы, «как оказывается, удовлетворяют “на всякий случай” любую просьбу, адресованную к ним. В других случаях, наоборот, они также “на всякий случай” отказывают во всем, что от них, как от нотариусов, требуют. И можно привести целые вереницы районов по Ленинградской области, по Западносибирскому краю и по другим местам, где нотариальные столы не выполняют ни одного нотариального действия по причине, которая в некотором авторитетном документе так и сформулирована — “Из-за боязни впасть в ошибку”... Более решительные и отважные товарищи этой системы воздержания не придерживаются и, по возможности, функционируют»³, совершая мыслимые и немыслимые нарушения закона.

Несмотря на такие вопиющие недостатки «исполкомовского нотариата» был взят курс на закрытие нотариальных контор по мотивам их убыточности. Циркуляром Наркомюста РСФСР от 22 апреля 1930 г. «О сокращении сети нотариальных контор в районах сплошной коллективизации» предписывалось районные нотариальные

¹ См.: Восточно-Сибирский краевой суд о недостатках нотариальной работы рисков и сельсоветов // Советская юстиция. 1932. № 20. С. 27.

² Свердлов Г. Что есть нотариус? // Советская юстиция. 1935. № 30. С. 14—16.

³ Там же. С. 15.

конторы, как общее правило, закрыть. Разрешалось оставлять нотариальные конторы, «которые в достаточной степени загружены». Вполне понятно, что данный оценочный термин не конкретизировался — не разъяснялось, что же следует понимать под достаточной степенью загруженности. Поэтому исполнительные органы, прекрасно понимая настрой центра, сочли целесообразным закрывать все конторы подряд. По данным С. Климова, на 1 января 1937 г. во всей стране сохранились лишь 122 нотариальные конторы, из них 74 — в РСФСР¹.

Курс на восстановление сети нотариальных контор был закреплен постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 10 июля 1936 г. «О реорганизации нотариальных органов». Суть реформы свелась к изъятию функции нотариального обслуживания из ведения местных исполкомов, передаче в ведение судов и открытию по желанию местных органов власти нотариальных контор. Аналогичные решения приняты остальные союзные республики.

В конце 1938 г. в СССР существовали 532 нотариальные конторы и 2139 нотариальных столов в судах. В 426 судах совершение нотариальных действий было возложено на народных судей. Однако в стране оставалось еще 290 районов, не охваченных нотариальным обслуживанием. Нотариальные обязанности исполняли 2355 работников, из которых высшее юридическое образование имели 2,5%, среднее — 42,5%, низшее — 55%. В первом полугодии 1938 г. были совершены 2 850 254 нотариальных действия, тогда как за тот же период 1937 г. — 1 856 969. Условия работы нотариальных органов по-прежнему оставались неудовлетворительными. Позитивно удалось решить лишь вопрос повышения заработной платы нотариусов².

Развал нотариата в первой половине 1930-х гг. в прессе тех лет обычно приписывался вредительству Н. В. Крыленко и его окружения, что не соответствует действительности. Как ныне установлено достоверно, вредительства со стороны партийца с дореволюционным стажем, соратника В. И. Ленина, не было, имелась лишь определенная недооценка роли нотариата в реконструктивный период, требовавший максимального напряжения сил и внимания к завершению борьбы с остатками классовых врагов, укреплению законности в сельском хозяйстве и промышленности. Развал стал возможен под воздействием трех факторов. Во-первых, постановлением ЦИКа и СНК СССР от 14 мая 1926 г. «Об основных принципах организации государственного нотариата» было закреплено децентрализованное управление нотариатом на уровне местных органов, но не дано пря-

¹ См.: *Климов С.* Нотариат в СССР // Советская юстиция. 1938. № 23—24. С. 42—44.

² Там же. С. 44.

мое указание об образовании нотариальной конторы в каждом районном центре. Во-вторых, при максимальном использовании сил и материальных ресурсов на развитие промышленности у Правительства не было ни желания, ни достаточных средств для создания развитой сети нотариальных органов по всей стране. В-третьих, наркоматы выполняли функции нотариата в отношении предприятий, организаций, входящих в их систему. Потребности в нотариате испытывало по преимуществу население, тогда как государство традиционно учитывало их в последнюю очередь.

Вопрос о необходимости организации нотариата как централизованной системы с единым центром управления был поднят Верховным Судом СССР, подготовившим в конце 1934 г. проект Положения о государственном нотариате, общее руководство которым предлагалось возложить на Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик. Во главе республиканских, краевых, областных нотариальных органов предлагалось поставить старших нотариусов, осуществляющих оперативное руководство деятельностью подведомственных им нотариальных контор, а также контроль за этими конторами¹. Отправленный в Президиум ЦИКа проект положения не нашел понимания и поддержки у законодателя.

Следующая мера, позволившая реанимировать нотариат как систему органов юстиции, была предпринята в конце 1936 г. Положением о Наркомате юстиции СССР, утвержденным постановлением ЦИКа и СНК СССР от 8 декабря 1936 г., на наркомат возлагалась функция общего руководства работой нотариата и надзора за ней, а в структуре наркомата предусматривалось образование отдела нотариата. В числе несомненных достижений отдела можно отметить не только меры, принятые для формирования системы нотариата в стране, но и подготовку проекта Положения о государственном нотариате СССР. Этот проект в конце 1938 г. был направлен в СНК СССР, да там и остался. Правительство не спешило форсировать принятие проекта — накануне войны нашлись более важные дела. Кстати, последующие правители тоже не горели желанием укрепить законность в нотариальной сфере. Первый общесоюзный Закон «О государственном нотариате» был принят Верховным Советом СССР лишь 19 июля 1973 г. Долгие 35 лет ему пришлось ждать своей очереди к законодателю, уступая место другим, более важным делам, что еще раз свидетельствует об «искреннем» желании партии и Правительства действовать во благо человека и во имя его интересов.

¹ См.: *Виокуров А. К вопросу о новом Положении о судостроительстве Союза ССР и союзных республик // За социалистическую законность. 1935. № 1. С. 38.*

Раздел XII

СУД И ПРАВОСУДИЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Глава 48. Сталинский террор в военное время

В период Великой Отечественной войны, потребовавшей максимального напряжения производительных сил, энергии и материальных ресурсов, партия и советское Правительство использовали террор в качестве всеобщего правового средства активизации советского народа на успешное решение экономических, политических и оборонных задач. Террор принял тотальный характер, прочно вошел в быт и жизнь всех членов советского общества от рядовых колхозников, рабочих и служащих до лиц, занимающих высшие командные посты Красной Армии и членов советского Правительства. Даже такие самые незначительные по меркам мирного времени упущения, как опоздание на работу или уход с нее без разрешения, влекли уголовную ответственность.

Хотя И. В. Сталин в Обращении назвал народ товарищами, братьями и сестрами, своими друзьями, он был уверен, что значительная часть «его друзей» — это скрытые дезорганизаторы тыла, дезертиры, паникеры, распространители слухов, террористы, шпионы и диверсанты, с которыми одними увещеваниями, не применяя государственное принуждение в форме организованного тотального террора, победы не достигнуть. В течение 1940—1941 гг. было временно отменено большинство (если не все) демократических институтов, гарантирующих трудящимся свободу воли в рамках законодательно установленного политико-правового режима, в том числе конституционный порядок формирования и деятельности центральных органов законодательной и исполнительной власти.

В период Великой Отечественной войны постановлением ПВС СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г. «Об образовании Государственного комитета обороны» и Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил на-

родов СССР для проведения отпора врагу» конституционно установленные органы государственной власти были ограничены полностью или частично в их полномочиях.

Вся полнота государственной власти передавалась в руки Государственного комитета обороны (ГКО) в составе пяти членов Политбюро ЦК партии, одновременно занимавших командные посты в СНК СССР (за исключением Г. М. Маленкова): И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова и Л. П. Берии. Все партийные, советские, комсомольские и военные органы, равно как и граждане, обязывались беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО. Данный акт таким образом легализовал государственный переворот — завладение государственной властью узким составом партийно-государственных функционеров, определивших себя в качестве ГКО и возложивших на конституционные органы власти обязанность неукоснительно подчиняться указаниям самозванного, неконституционного органа. В 1941—1943 гг. в 60 городах власть местных Советов была передана в руки местных советов обороны, объединивших гражданскую и военную власти. Фактически единоличным руководителем в стране стал Сталин, занявший высшие руководящие должности в ЦК партии, ГКО и Ставке Главнокомандующего.

Были нарушены конституционные нормы о периодичности проведения сессий Верховного Совета СССР. За четыре года войны он собирался всего три раза: в июне 1942 г., в январе — феврале 1944 г. и в апреле 1945 г. — для утверждения государственного бюджета и ратификации международных договоров. В то же время законодательствование как исключительная компетенция Верховного Совета СССР полностью перешло в ведение его Президиума, осуществлявшего вопреки конституционным предписаниям регулирование в таких значимых сферах общества, как введение новых налогов на население; применение уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины; увеличение продолжительности рабочей смены. Видимо, «родная» партия и Правительство не были уверены в том, что Верховный Совет СССР проголосует за немалые обременения, которые возлагались на народ в преддверии и в период войны. А обременения действительно были установлены в духе лучших традиций Средневековья.

Прежде всего Указом ПВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли предоставлялось право устанавливать обязательные

сверхурочные работы продолжительностью до трех часов в день. Поскольку это право использовалось весьма широко и активно, фактически рабочий день в годы войны составлял не менее 11 часов. Кроме того, Указ отменил предоставление очередных и дополнительных отпусков с их заменой денежной компенсацией. С апреля 1942 г. компенсации за отпуск отменялись до окончания войны. Отменялось и право всех работников на увольнение по собственному желанию. Указом ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. на положение мобилизованных переводились все рабочие и служащие предприятий и учреждений, работающих на оборону и оборонную промышленность.

В соответствии с Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» в местностях, объявленных на военном положении, разрешалось привлекать граждан в порядке трудовой повинности к выполнению оборонных работ, охране путей сообщения, тушению пожаров. На возведение оборонительных сооружений летом и осенью 1941 г. были направлены около 10 млн человек. В порядке трудовой повинности указами ПВС СССР от 13 декабря 1942 г. и от 13 апреля 1942 г. разрешалось привлекать трудоспособное население городов для работы на производстве и в строительстве, а также в колхозах, совхозах и на машинно-тракторных станциях на срок не более двух месяцев с продолжительностью рабочего дня не более 11 часов. Лица, привлекаемые к трудовой повинности, могли быть использованы не только по месту их постоянного проживания, но и в других местностях. Всего в 1942—1944 гг. в колхозы были мобилизованы более 10 млн человек, которые выработали более 1 млрд трудодней.

В годы войны подростки в возрасте от 14 до 16 лет подлежали мобилизации на учебу в заведения трудовых резервов: ремесленные и железнодорожные училища и фабрично-заводские школы. В 1941—1943 гг. проведены 18 мобилизаций, по которым призваны в училища и школы 2,8 млн юношей и девушек. Учащиеся получали бесплатное питание, одежду, обеспечивались общежитиями. Сроки обучения были сокращены за счет теоретических занятий. В 1942 г. 78% учащихся проходили профессиональную подготовку непосредственно в цехах предприятий. В 1942—1945 гг. в учебных мастерских училищ и школ произведены 26 млн деталей боевого вооружения.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. обязательный минимум трудодней увеличивался в 1,5 раза. Обязательный минимум трудодней должны были вырабатывать не только взрослые члены колхозов, но и их дети начиная с 12 лет. Для подростков устанавливался обязательный минимум — 50 трудодней. Благодаря данному постановлению на работу в колхозы и совхозы

тыловых районов в 1941—1944 гг. были вовлечены дополнительно около 2,5 млн человек, в том числе 707 тыс. женщин, 1,526 тыс. подростков и 220 тыс. престарелых и больных.

С началом войны были повышены ставки подоходного налога, а также введены налоги на нужды жилищного и культурного строительства, на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР, военный налог. Кроме того, в принудительном порядке распространялись облигации государственного займа, тем самым государство отказывалось выплачивать работникам ежемесячную заработную плату на срок 15—20 лет. Так советский гражданин лишился права не только на самостоятельное определение своей жизнедеятельности, но и первооснов своего бытия: жизни, здоровья, надлежащих условий бытия и работы. В результате в стране был создан режим казарменного социализма.

Партия и государство понимали, что значительная часть населения без восторга воспримет возложенные на нее трудовые обязанности, оплачиваемые по мизерным расценкам и с непомерно высокими налоговыми вычетами из заработной платы. Поэтому Сталин и его соратники не видели иного способа заставить население надлежащим образом выполнять возложенные на него обязанности, как распространить государственный террор на сферу трудовых отношений. Большой террор, следовательно, приобретал новое, более «высокое качество», становился тотальным, всеобщим.

С тотальным террором связывалось решение двух фундаментальных задач: 1) интенсифицировать производительность труда до уровня, способного обеспечить в полной мере потребности Красной Армии в вооружении, боеприпасах и др.; 2) создать прочный тыл, способный нести все возложенные на население тяготы беспрекословно и даже без права на обсуждение невзгод своего быта и результатов руководства партии и Правительства, их ошибок и успехов на фронтах войны и труда. Вторая задача по своему значению мало чем уступала первой.

Свобода слова в демократическом государстве является первостепенным условием реализации права народа на смену любого правительства, чего искренне и не без оснований опасался Сталин. Поэтому 4 мая 1945 г. на торжественном приеме в Кремле по случаю победы Советского Союза над гитлеровской Германией он признал, что у народа имелись все основания послать свое Правительство прочь за все ошибки, допущенные в первые годы войны. Но этого не произошло, поскольку «народ верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Герма-

нии». Однако вождь партии все же не признал главного — того, что вера в Правительство была сохранена не только и не столько в силу «ясного ума, стойкого характера и терпения» народа, сколько под воздействием тотального террора, пресекающего любую попытку, любое желание человека трезво оценить ситуацию на фронте или в тылу и вслух высказать эту оценку.

Всеобщность террора в годы Великой Отечественной войны выразилась в таких формах, как: 1) криминализация дисциплинарных проступков и применение уголовной ответственности за уклонение от трудовых обязанностей или ненадлежащее их исполнение; 2) расширение подсудности дел военным трибуналам и иным специальным судам; 3) использование пытки в качестве основного средства получения доказательств, достаточных для применения уголовных или иных мер государственного принуждения; 4) наделение командного состава Красной Армии правомочием по своему усмотрению применять меры уголовной ответственности вплоть до высшей меры наказания; 5) расширение сферы упрощенного судопроизводства по уголовным делам; 6) учреждение новых органов борьбы с контрреволюционными преступлениями; 7) депортация народов в качестве меры коллективной ответственности за добровольное сотрудничество их представителей с немецкими властями в период временной оккупации территории СССР; 8) содержание депортированных в условиях, не соответствующих элементарным санитарно-гигиеническим нормам и требованиям.

Указом ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» рабочие и служащие военных заводов, иных предприятий объявлялись мобилизованными на период войны, и за самовольный уход с предприятия устанавливалась уголовная ответственность как за дезертирство, — лишение свободы на срок от пяти до восьми лет в виде тюремного заключения. При этом уголовные дела подлежали рассмотрению военными трибуналами.

Применение тюремного заключения законодатель мотивировал тем, что задача увеличения производства продукции на предприятиях военной промышленности требует безусловного закрепления рабочих и служащих на данных предприятиях. Но это лишь отговорка, поскольку санкция впоследствии была распространена на текстильную, нефтяную, бумажную промышленность, другие отрасли народного хозяйства — даже на вольнонаемный состав рабочих и служащих исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР.

Указом ПВС СССР от 29 сентября 1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих и служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» работников предприятий и учреждений близких к фронту районов перевели на положение мобилизованных и закрепили за предприятиями, на которых они трудились. Поэтому самовольный уход таких работников законодатель признавался дезертирством, караемым тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет.

В тот же период указами ПВС СССР устанавливалась уголовная ответственность: 1) учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО — за самовольный уход из училища; исключение из него за нарушение учебной дисциплины; 2) трактористов и комбайнеров, состоящих в штате МТС, — за самовольный уход с работы и за прогулы без уважительных причин; 3) руководителей предприятий, учреждений — за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятия, из учреждения либо совершении прогулов без уважительных причин. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. предусматривалась уголовная ответственность трудоспособных колхозников, не выработавших без уважительных причин обязательного минимума трудодней. Кроме того, за уклонение от мобилизации в промышленность и строительство определялась уголовная ответственность в виде исправительных работ на срок до одного года, а за уклонение от сельскохозяйственных работ — до шести месяцев.

Задача, связанная с максимальным ограничением свободы слова, также потребовала принятия дополнительных уголовно-правовых санкций с учетом особенностей военного времени. Статья 59-6 УК РСФСР запрещала ведение антисоветской пропаганды и агитации и дополнялась запретом на распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу у населения. Согласно Указу ПВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, вызывающих тревогу среди населения» за названные деяния полагалось тюремное заключение на срок от двух до пяти лет, назначаемое приговором военного трибунала. Один из основных источников слухов — радиоприемники, которые ловили разные каналы: и официальные советские, и немецкие, дезинформирующие население.

Постановлением СНК СССР от 26 июня 1941 г. «О сдаче населением радиоприемников и передающих устройств» население обязывалось в пятидневный срок сдать радиоприемники и иные передающие устройства органам Наркомата связи. Необходимость акции мо-

тивировалась тем, что в военное время вражеские элементы могут использовать радиоприемники и радиопередатчики во вред советской власти. Лица, виновные в невыполнении данных предписаний, подлежали привлечению к уголовной ответственности по законам военного времени. Конкретную санкцию Правительство не установило, поскольку регулирование вопросов уголовного права входит в компетенцию Верховного Совета СССР и ПВС СССР. Законодатель же специального указа по этому поводу не принял, что согласно Конституции СССР означало отсутствие уголовной ответственности. Но военные трибуналы слушание гражданами несданного радиоприемника квалифицировали по ст. 59-6 УК РСФСР и выносили обвинительные приговоры¹.

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 19 апреля 1943 г. определил, что фашистские захватчики, совершившие зверства в отношении военнопленных и мирного населения, подлежат смертной казни через повешение либо ссылке на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

Как видим, вопреки Конституции СССР Правительство наделило органы и должностных лиц правом по их усмотрению, минуя органы правосудия и закрепленные законом процедуры, применять меры государственного принуждения вплоть до высшей меры наказания, не связывая своих решений с виной правонарушителя, тяжестью совершенного преступления и даже отказывая обвиняемому в праве выслушать его пояснения по поводу инкриминируемых ему деяний. Объясняли это тем, что судьба Родины и интересы государства в период широкомасштабной военной агрессии оправдывают жестокость и субъективность поступков карательных органов при назначении смертной казни и депортации целых народов по мотивам их социальной опасности для интересов социалистического строительства. В результате, как уже упоминалось, *большой террор* в форме ежовщины вышел на новый, более высокий уровень развития, перерос во *всеобщий тотальный террор в форме бериевщины*.

Глава 49. Военные трибуналы в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны система советского правосудия имела необычное строение — ее ведущим компонентом выступали не суды общей юрисдикции, а военные трибуналы, в ведение которых была передана значительная часть уголовных дел, изъя-

¹ См.: Приговор Бровкову Александру Ивановичу, обвиняемому по ст. 59, п. 6 УК РСФСР // Судебная власть России. Т. V. М., 2003. С. 506—507.

тых из подсудности судов общей юрисдикции¹. Но был ли ведущий орган советского правосудия образцовым, примерным с точки зрения качества его деятельности? М. В. Кожевников, как и другие советские правоведы, был уверен в том, что военные трибуналы провели «большую работу по борьбе со шпионами, диверсантами, вредителями, нарушителями революционного порядка, расхитителями общественной социалистической собственности, ворами, мошенниками, прогульщиками, летунами, в борьбе с воинскими преступлениями, они провели огромную работу по укреплению рядов Красной Армии и Военно-Морского Флота»². Дополнительные достоинства работы трибуналов автор видел в обеспечении быстрого применения уголовной репрессии по делам о наиболее опасных преступлениях.

Вообще-то восхищение быстротой реагирования военных трибуналов на совершенные преступления — это комплимент сомнительного свойства, типа похвалы певцу за громкое пение. Искони основные достоинства правосудия кроются в обоснованности, законности и справедливости. Однако эти качества если и были присущи военным трибуналам, то не в массовом порядке. Более того, все как один органы военного правосудия периода Великой Отечественной войны образованы не в полном соответствии с требованиями Конституции СССР и не были действительными.

В Положении о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, утвержденном приказом ПВС СССР от 22 июня 1941 г., воспроизведена структура военных трибуналов, закрепленная ст. 57 Закона о судостроительстве СССР. В ней выделены четыре вида военных трибуналов: 1) при военных округах, фронтах и морских флотах; 2) при армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях; 3) военные трибуналы железных дорог, преобразованные из линейных судов железнодорожного транспорта; 4) военные трибуналы водных путей сообщения, преобразованные из линейных судов водного транспорта.

Между тем состав системы военных трибуналов названными компонентами не исчерпывался. Дополнительно были образованы еще три вида военных трибуналов: 1) военные трибуналы войск НКВД, в том числе областей (республик), округов, лагерей, дивизий, бригад, железных дорог, водных бассейнов, охраны тыла фронтов, охраны тыла армий, гарнизонов, Дальстроя, управлений строительства;

¹ См.: Папков С. А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945) // Красноярское общество «Мемориал». URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2000Papkov.htm>.

² Кожевников М. В. История советского суда. С. 348—353.

2) военно-полевые суды, созданные в соответствии с Указом ПВС СССР от 19 апреля 1943 г.; 3) военные трибуналы на базе судов общей юрисдикции в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий¹.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны действовали семь видов военных трибуналов, имеющих разный правовой статус. Военные трибуналы РККА и ВМФ, учрежденные по Закону о судостроительстве СССР, полностью легитимны. Военные трибуналы, созданные на базе специальных транспортных судов и судов общей юрисдикции, легитимны по своей начальной ипостаси, что закреплено Верховным Советом СССР, но в статусе военных трибуналов нелегитимны, поскольку этот статус был придан ПВС СССР, который законодательными функциями не обладал. Военные трибуналы войск НКВД СССР являются квазисудебными органами, ибо их право на осуществление правосудия не признавали ни законодатель, ни его представитель — ПВС СССР. В этом же качестве работали и военно-полевые суды, не предусмотренные Законом о судостроительстве СССР; ПВС СССР не мог придать законность основанию военных трибуналов, образованных согласно его указам, но вопреки требованиям Конституции СССР.

Получается, что все приговоры военных трибуналов войск НКВД и военно-полевых судов, образованных неконституционным путем, недействительны, незаконны. Более сложным представляется вопрос о природе приговоров военных трибуналов, созданных на основе специальных судов и судов общей юрисдикции. Закон о судостроительстве СССР конституирует их в качестве органов правосудия, но не наделяет правом рассматривать дела, подсудные военным трибуналам. Изменить подсудность мог только Верховный Совет СССР. Поэтому приговоры транспортных судов и судов общей юрисдикции по подсудности дел военным трибуналам являются недействительными как акты, принятые органами, не уполномоченными на это Законом о судостроительстве СССР.

Только военные трибуналы РККА и ВМФ, признанные в этом статусе Верховным Советом СССР, могли выносить действительные, базирующиеся на законе приговоры. Однако и их приговоры недействительны, хотя и по другому основанию. Председатели и члены названных военных трибуналов вопреки предписаниям ст. 105 Конституции СССР не избирались Верховным Советом СССР, а по-прежнему назначались Наркомюстом СССР по согласованию с

¹ См.: *Кодищев А. Я.* Реорганизация органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoc/33498-reorganizaciya-organov-voennoj-yusticii-gody-velikoj-otechestvennoj>.

соответствующими органами РККА и ВМФ. Словом, имела место новая коллизия: в легитимных военных трибуналах правосудие было доверено не уполномоченным на это лицам. В силу этого ни один из вынесенных ими приговоров не дотягивал до уровня действительных, удовлетворяющих требованиям советской законности правоприменительных актов.

Функционирование системы военного правосудия, организованной не в полном соответствии с Законом о судоустройстве СССР и потому не способной на действительное правосудие, не стало результатом вредительства антисоветских элементов, как было принято считать в тот период. Виновные в подобной ситуации лица, начиная с И. В. Сталина и заканчивая наркомом юстиции М. Н. Рычковым, в очередной раз продемонстрировали полное небрежение общепринятыми в демократическом государстве принципами организации и действия правосудия. Они не признавали суд в его ведущей роли как органа защиты прав и свобод личности. Для них суд был средством расправы над неугодными лицами, неукоснительного исполнения населением возложенных на него обязанностей, придания видимости законности актам расправы, физического уничтожения социально опасных элементов без судебного и законного обоснования их вины и общественной опасности. Поэтому антиконституционный произвол в формировании органов военного правосудия никак не влиял на его конечные результаты, суды были скорыми, но, как видим, незаконными и весьма редко справедливыми.

По данным А. Я. Кодинцева, к началу войны в СССР существовали около 300 военных трибуналов, в которых состояли 766 постоянных судей, а в марте 1942 г. — 1121 военный трибунал и 3735 судей.

Судопроизводство в них осуществлялось в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством союзных республик, за изъятием, предусмотренным Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий.

Во-первых, Положением была расширена подсудность дел военным трибуналам. Часть уголовных дел передавалась в обязательном порядке, а часть — в факультативном. В перечень обязательных вошли дела, рассматриваемые народными судами: о разбое; умышленных убийствах; незаконных покупке, продаже, хранении и хищении оружия, а также дела о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи. К ведению трибуналов относились все преступления, указанные в Законе от 7 августа 1932 г. «Об охране общественной (социалистической) собственности», а также дела о

террористических организациях и террористических актах против работников советской власти, по которым постановлением ЦИКа СССР от 1 декабря 1934 г. был установлен упрощенный порядок судебного рассмотрения.

Военным властям в факультативном порядке разрешалось передавать на рассмотрение военных трибуналов дела по любому преступлению, определенному УК РСФСР, соответствующими актами иных союзных республик, если это признано целесообразным по обстоятельствам военного времени. И наоборот, передача военным командованием дел, подсудных военному трибуналу, на рассмотрение судов общей юрисдикции не допускалась.

Во-вторых, военным трибуналам предписывалось рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения подсудимому обвинительного заключения, не дожидаясь трехдневного срока, установленного ст. 392 УПК РСФСР.

В-третьих, партия и Правительство решили возродить опыт гражданской войны и расширить права военного командования по надзору за приговорами военных трибуналов. Положением от 22 июня 1941 г. командующие фронтами, армиями, округами, флотами и флотилиями были уполномочены приостанавливать исполнение приговора к высшей мере наказания с одновременным сообщением по телеграфу председателю военной коллегии Верховного Суда Союза ССР и Главному военному прокурору Красной Армии или Главному прокурору Военно-Морского Флота Союза ССР своего мнения по этому делу. По действовавшему ранее законодательству подобное право принадлежало только военным советам. Приостановление исполнения приговора свидетельствовало о том, что военное командование не видит оснований для «расстрельного» приговора, и это его мнение должна учитывать военная коллегия Верховного Суда СССР, принимая окончательное решение по делу.

Однако право военного командования приостанавливать приговоры не удовлетворило их претензий на участие в работе надзорной инстанции по «расстрельным» приговорам. Военным командирам хотелось самим принимать окончательные решения по приговорам, мотивируя свою позицию тем, что центральный судебный орган плохо знал реальное положение дел на местах и меру воинской справедливости, проявляемую в районе боевых действий. Понятно, что ПВС СССР не мог отказать боевым генералам в такой «пустяковине».

Указ ПВС СССР от 27 июня 1941 г. разрешил военным советам фронтов в исключительных случаях, связанных с развертыванием военных действий, утверждать приговоры военных трибуналов к

высшей мере наказания с немедленным приведением этих приговоров в исполнение. Подобным решением порождалась еще одна коллизия в уголовно-процессуальном законодательстве — нарушалось предоставленное ст. 441 УПК РСФСР право военной коллегии Верховного Суда СССР отменять или изменять «расстрельный» приговор. Утверждая приговор, военный совет мог не заметить существенных нарушений, допущенных военным трибуналом, и обратиться к исполнению заведомо неправосудный приговор. Так в очередной раз в угоду военной целесообразности были принесены в жертву права осужденных.

Однако Указ от 27 июня 1941 г. не породил мир в воинском командовании. На сей раз в числе обиженных оказались военные советы армий и командиров корпусов, они тоже хотели внести свой вклад в расправу над нарушителями воинской дисциплины. Пришлось ПВС СССР принимать новый Указ от 13 июля 1941 г., уполномочивающий командиров корпусов и военные советы армий «в исключительных случаях» утверждать приговоры к высшей мере наказания с немедленным их приведением в исполнение. И вновь обнаружилась масса обиженных и недовольных, теперь уже из числа командиров и комиссаров дивизий. Третий Указ от 8 сентября 1941 г. поставил точку в этом деле, предоставив им соответствующее право «в исключительных случаях» и «с немедленным приведением приговора в исполнение».

В названных указах усматривается одна несообразность — право утверждения приговоров предоставлено командирам и комиссарам дивизий, тогда как командующий фронтом им не обладает, приговоры военных трибуналов фронта могли утверждаться лишь военным советом фронта. Почему? Разгадка кроется в подведомственности военных трибуналов, установленной Положением от 22 июня 1941 г.: 1) военным трибуналам при дивизиях были подсудны дела о преступлениях, совершенных рядовыми и младшим командным составом до командира роты включительно; 2) военным трибуналам при корпусах — до командира батальона включительно; 3) военным трибуналам при армиях (флотилиях) — до помощника командира полка включительно и ему соответствующих лиц; 4) военным трибуналам при военных округах, фронтах и флотах — до командира отдельной бригады включительно.

Командиры и комиссары дивизии получили право утверждать «расстрельные» приговоры в отношении рядовых солдат, сержантов и младшего офицерского состава, поскольку воинской дисциплине придавалось большее значение, нежели судебной ошибке. Во имя за-

крепления у солдат установки на неукоснительное исполнение приказов командира ПВС СССР считал за благо упразднить предписанную УПК РСФСР процедуру рассмотрения «расстрельных» приговоров в надзорном порядке в отношении солдат и сержантов. Тем самым ПВС СССР отменил гарантированное УПК РСФСР право осужденных на рассмотрение приговора кассационной коллегией Верховного Суда СССР. В то же время ПВС СССР не считал возможным ограничить права осужденных из числа старшего офицерского состава. Право утверждать в отношении них приговор предоставлялось только коллегиальному органу — военному совету фронта, флотилии, флота. Устанавливая разные процедуры рассмотрения «расстрельных» приговоров в надзорном порядке для рядовых и старшего офицерского состава, ПВС СССР нарушил ведущий принцип советского правосудия — принцип единого и равного для всех суда, закрепленный ст. 5 Закона о судостроительстве СССР.

Таким образом, следуя общей линии партии и Правительства на тотальное усиление террора, ПВС СССР внес корректировки в уголовно-процессуальное законодательство, отменив ряд предписаний, принятых в защиту подсудимых и осужденных, чем не замедлили воспользоваться военные власти и военные трибуналы. В частности, право военного командования утверждать «расстрельные» приговоры из меры исключительной перешло в правило, которое получило настолько широкие масштабы, что нарком юстиции СССР и Прокурор СССР вынуждены были осудить подобные действия директивой от 14 января 1943 г. В директиве отмечалось, что многие военные прокуроры и председатели военных трибуналов исключительность превратили в правило и обращаются за утверждением приговора к командованию дивизий, корпусов, военным советам армий и фронтов даже в тех случаях, когда осужденный находился вне части, в тюрьме, прифронтовом или тыловом районе и когда, следовательно, немедленное исполнение приговора невозможно.

Вместе с тем, по справедливому замечанию Н. А. Петухова, «в период Великой Отечественной войны основные принципы осуществления советского правосудия — устность, непосредственность и гласность процесса — в военных трибуналах действующей армии не претерпели сколько-нибудь существенных ограничений. Каковы бы ни были условия боевой обстановки и связанные с этим трудности организации судебных процессов, военные трибуналы не допускали рассмотрения дел в отсутствие обвиняемого. То же самое следует сказать и по поводу вызова в суд свидетелей, и лишь наличие непреодолимых препятствий, вызываемых боевой обстановкой, вынуждало

военные трибуналы идти на ограничение принципа непосредственности. В таких случаях военные трибуналы знакомили подсудимых с показаниями отсутствующих свидетелей, разъясняя их суть. Судебные процессы, как правило, проводились открытые, в присутствии личного состава»¹.

В российской юридической литературе содержатся также обоснованные критические оценки обвинительных приговоров военных трибуналов, вынесенных сообразно фальсифицированным материалам следствия и дознания. Большую ценность представляют воспоминания работников военных трибуналов о том, в каких условиях и какими кадрами вершилось «высокое» правосудие над «особо опасными» врагами советского государства. В публикации М. Делаграмматика, работавшего во время войны секретарем военного трибунала, приводятся не только воистину курьезные примеры измены Родине и шпионажа, совершенных обвиняемыми, «изобличенными» сотрудниками особых отделов НКВД, но и одна из основных причин многочисленных фальсификаций уголовных дел. Автор пишет, что «однажды один подвыпивший особист пожаловался: “Арестов мало. Работы не видно”, — в этом признании, пожалуй, заключался главный двигатель их деятельности. Для того чтобы “работа была видна”, нужно было рапортовать требовательному начальству, ставящему контрольные задания, о блестящих успехах, нужно было постоянно находить и арестовывать врагов, разоблачать шпионов, террористов, антисоветчиков, передавать их дела в трибуналы. А находить настоящих преступников непросто, особенно при наличии куриных мозгов у бериевских шерлок холмсов. Вот почему дела о государственных преступлениях приходилось фабриковать, формировать и фальсифицировать»².

Существенные замечания в адрес военных трибуналов высказывали Наркомат юстиции СССР и Прокуратура СССР. Нарком юстиции СССР в Указаниях от 19 февраля 1943 г. упрекал военные трибуналы в серьезных недочетах, допущенных по делам осужденных за измену Родине и переход на службу к немецко-фашистским оккупантам. Значительная часть судебных ошибок была связана с неправильной квалификацией деяний осужденных. С одной стороны, военные трибуналы осуждали граждан за действия, в которых отсутствовал состав преступления, с другой — выносили оправдательные приговоры лишь на основании показаний самих обвиняемых, не вызывая свидетелей и не исследуя иные доказательства. Однако

¹ Петухов Н. А. Указ. соч. С. 224—225.

² Делаграмматик М. Военные трибуналы за работой // Новый мир. 1997. № 6.

военные трибуналы нередко приговаривали к высшей мере наказания лиц, социальная опасность которых не требовала обязательного применения такой меры и, наоборот, осуждали изменников Родине к лишению свободы в случаях, когда по обстоятельствам дела следовало назначить расстрел.

В Справке Главного управления военных трибуналов Наркомата юстиции СССР от апреля 1943 г. отмечен неудовлетворительный уровень качества предварительного следствия, выражающийся в немалых нарушениях процессуальных норм и недостаточной доказанности преступной деятельности обвиняемых. Нередки случаи привлечения к ответственности по формальным признакам — по факту нахождения на службе или на работе у оккупантов. В результате практиковалось незаконное и необоснованное утверждение приговоров к высшей мере наказания командованием соединений, хотя исключительных обстоятельств для утверждения не было.

Но, несмотря на отмеченные и иные недочеты, качество правосудия в военных трибуналах было на голову выше качества правосудия в квазисудебных органах ОСО и военных трибуналах при НКВД СССР. Непосредственное общение трибунала с подсудимым, свидетелями, изучение вещественных доказательств заметно снизили процент неправосудных приговоров к высшей мере наказания и лишению свободы на длительные сроки. В 1941—1946 гг. наблюдался высокий процент уголовных дел, прекращенных военными трибуналами из-за отсутствия состава преступления или по другим реабилитирующим обстоятельствам. Одновременно с повышением требований к качеству судебного следствия военные трибуналы в разы сократили число приговоров с применением высшей меры наказания. В 1937 г. 40% приговоров, вынесенных тройками, — расстрел; в 1938 г. этот показатель равнялся 60%, а военные трибуналы уменьшили число приговоров к высшей мере наказания в пять раз. В 1943 г. лишь 13% приговоров предусматривали расстрел, в 1944 г. — 13,2%, в 1945 — 9%, в 1946 — 3%¹.

Таким образом, достойные показатели судебной деятельности были достигнуты безо всяких специальных кампаний и предписаний со стороны партии и Правительства, поскольку основная часть уголовных дел рассматривалась в соответствии с требованиями уголовного законодательства. Благодаря судебному следствию военным трибуналам без особого труда удалось выявить и отсеять значительную часть глупости, несообразности, которую неизбежно рождали следствие и дознание, основанные на пытках. Главный урок пози-

¹ См.: *Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937—1938. Краткая хроника.*

тивной деятельности трибуналов: только судебное следствие может гарантировать достаточное качество правосудия, создать надлежащие условия для воцарения в обществе законности и устойчивого правопорядка — не был ни замечен, ни поддержан ни партией, ни руководящими органами юстиции, ни наукой и по настоящее время остается малоизученным.

Глава 50. Общие суды

Во всех звеньях системы общих судов — от народных до Верховного Суда СССР — нужно было существенным образом менять правоприменительную, судебную практику вследствие: 1) изменения подсудности по уголовным делам; 2) сталинского террора в трудовой сфере; 3) реализации новелл уголовного права, связанных с несоблюдением законов военного времени; 4) рассмотрения большого массива дел, связанных с восстановлением права собственности, утраченного в силу чрезвычайных обстоятельств военного времени.

С введением военного положения Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г. подсудность дел общим судам, установленная УПК РСФСР, сохранилась неизменной в местностях, работавших в традиционном режиме мирного времени. В местностях, объявленных на военном положении, как уже говорилось, подсудность дел общим судам была заметно урезана в пользу военных трибуналов, подкупавших партию и Правительство оперативным рассмотрением уголовных дел, применением повышенных санкций, отсутствием кассационной и надзорной инстанций, за исключением дел, приговоры по которым предусматривали высшую меру наказания. Благодаря названным мерам курс на ужесточение уголовных санкций оказывался более эффективным, нежели в практике общих судов. Но сокращение подсудности дел общим судам было временным и с отменой военного положения она восстанавливалась в прежнем объеме, предусмотренном УПК РСФСР.

Рассмотрение уголовных дел традиционно составляло ведущее направление деятельности народных судов. Таковым оно было и в военное время с той лишь разницей, что основной объем дел приходился не на преступления, определенные УК РСФСР, а на преступления, поименованные в указах ПВС СССР 1940—1943 гг. в целях повышения производительности труда в промышленности, на стройках, в колхозах и иных сферах трудовой деятельности. Как уже говорилось, сталинский террор в отношении социально опасных элементов логически завершился его распространением на все слои населения, которые искони признавались господствующим классом

или его союзником. Уголовной ответственности подлежали рабочие, колхозники, служащие: 1) за прогул без уважительных причин — исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев с удержанием из заработной платы до 25%; 2) за самовольный уход с работы — тюремному заключению на срок до двух месяцев. Устанавливалась также уголовная ответственность директоров предприятий и учреждений «за уклонение от предания суду» рабочих и служащих, совершивших названные противоправные деяния.

Партия и Правительство не могли оставить без внимания проблемы повышения производительности труда в сельском хозяйстве, где, по их мнению, таились многие неиспользованные резервы. Постановлением СНК СССР от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» устанавливался минимум трудодней, дифференцированный применительно к особенностям отдельных регионов, который обязан был выработать каждый колхозник в течение года. Невыработка минимума трудодней влекла за собой уголовную ответственность в виде исправительных трудовых работ сроком до шести месяцев.

Множество дел по нарушителям трудовой дисциплины органично дополнялось делами в отношении лиц, уклоняющихся от мобилизации на работу в производстве и строительстве, введенной Указом ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизации подлежало трудоспособное городское население: в возрасте от 16 до 55 лет — мужчины; от 16 до 45 лет — женщины. Уклонение от мобилизации признавалось преступлением, за совершение которого виновные лица по приговору суда подвергались принудительным работам на срок до одного года.

Первоначально предполагалось, что расследование преступлений, сопряженных с нарушениями трудовой дисциплины, должны проводить в полном соответствии с действующим УПК РСФСР органы предварительного следствия. Приказом наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 27 июня 1940 г. № 72/117 предписывалось все такие дела расследовать в трехдневный срок, а в суде рассматривать в пятидневный срок. Предписывалось даже судебные процессы по делам данной категории организовывать с выездом на предприятия и с широким освещением их в печати. Однако жизнь поколебала юридический оптимизм борцов за законность. Для того чтобы расследовать всю массу поступающих подобных дел в установленном законом порядке, нужно было увеличивать следственный, да и судейский аппарат как минимум в два раза, на что Политбюро ЦК

партии и Правительство, привыкшие экономить на юстиции, пойти не могли.

Президиум Верховного Совета СССР не без подсказки Политбюро ЦК партии решил в очередной раз пожертвовать интересами законности, равно как и юридическими гарантиями обвиняемых, установленными уголовно-процессуальным законодательством, соединив несочетаемое — уголовную ответственность с административным порядком разрешения дел, а функции следователя возложить на руководителя предприятия, учреждения. К тому же последний вынужден был проводить расследование предвзято, дабы избежать чреватого уголовной ответственностью обвинения в «либерализме», умышленном укрывании той или иной части работников от уголовной ответственности.

Указом ПВС СССР от 10 августа 1940 г. «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия заседателей» народным судьям предписывалось рассматривать дела данной категории единолично, т. е. без участия заседателей. Чуть раньше Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 15 июля 1940 г. № 23(1)У признал, что дела данной категории рассматриваются без предварительного следствия, однако суд не должен допускать поверхностного рассмотрения дела, но при этом не должен и «загромождать рассмотрение указанных дел такими процессуальными действиями, которые по закону не являются обязательными». Как видим, Пленум Верховного Суда в своих комментариях недостаточно конкретен, давая предписания типа «пойди туда, не знаю куда». Наркомюст СССР, в свою очередь, запретил вызывать в судебное заседание в рабочее время по этим делам бригадиров, мастеров, начальников цехов, руководителей предприятий и учреждений. Постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 и от 25 апреля 1942 г. устанавливался упрощенный порядок рассмотрения материалов о невыполнении колхозниками минимума трудовой.

По данным С. А. Папкова, в 1941—1945 гг. за самовольный уход с работы, прогулы и опоздания на 21 минуту и более осуждены 7 499 535 человек, из них 1 970 186 — за самовольный уход (26,3%) и 5 529 349 — за прогулы и опоздания на 21 минуту и более (73,7%)¹. За тот же период за невыполнение минимума трудовой осуждены 679 286 колхозников (в том числе в РСФСР — 543 605)².

¹ См.: Папков С. А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945). URL: <http://memorial.krsk.ru/index1.htm>.

² См.: История сталинского ГУЛАГА, конец 1930-х — первая половина 1950-х гг.: сб. документов: в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 624.

Большое количество дел не самым лучшим образом влияло на качество судебного рассмотрения. В судах, как и на предприятиях, доминировал «принцип перестраховки. Поскольку дела по Указу рассматривались по упрощенной процедуре, без участия обвинения и защиты и не требовали предварительного расследования, их прохождение в судах приобрело характер судебного конвейера. Невероятное упрощенчество, небрежность в процедурах и формальный подход к человеческим судьбам стали нормой для многих работников суда. Кроме того, существовала практика заочного рассмотрения дел о нарушителях трудовой дисциплины, которая имела место при условии, если милиции не удавалось разыскать ответчика и доставить его в судебное заседание»¹.

Таким образом, в ходе сталинского террора более 8 млн рабочих и колхозников подверглись уголовному наказанию за дисциплинарные проступки. Государство признавало тружеников преступниками не за совершенные преступления, а в своекорыстных целях, желая заставить людей трудиться за низкую заработную плату по 10—11 часов в день без приемлемых бытовых условий, в том числе без надлежащего питания. Особенно тяжелым было материальное положение колхозников. При острой нехватке сельскохозяйственной продукции государство перешло к ее максимальному изъятию у колхозов и, соответственно, минимизации или даже прекращению натуральных выплат по трудодням. В 1942 г. в целом по стране на один трудодень выдавали в среднем по 800 г зерна, 220 г картофеля и 1 руб. деньгами².

Сталинский террор привел к тому, что в конце войны каждый десятый труженик тыла оказался преступником, что явно не соответствовало сути социалистического общества, о построении основ которого было публично и громогласно заявлено в период принятия Конституции СССР 1936 г. Чтобы привести состав общества в соответствие идеальному о нем представлению, Указом ПВС СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» были амнистированы все осужденные нарушители трудовой дисциплины, в том числе осужденные военными трибуналами к длительным срокам лишения свободы за самовольный уход с предприятий. Тем самым государство официально признало, что проведенный им террор в отношении рабочих и колхозников не имел

¹ Папков С. А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945).

² См.: Мотревич В. П. Советский трудодень — зарплата «крепостных» колхозников в условиях тоталитарного государства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-trudoden-zarplata-krepostnyh-kolhoznikov-v-usloviyah-totalitarnogo-gosudarstva>.

целью борьбу с опасными преступлениями, а всего лишь выражал желание государства обеспечить необходимый уровень производительности труда и трудовой дисциплины.

В годы Великой Отечественной войны особенности уголовного правосудия сводились преимущественно к рассмотрению народными судами дел в отношении лиц, обвиняемых в совершении деяний, запрещенных указами ПВС СССР в военное время. Помимо уже упоминавшихся указов, запрещающих распространение ложных слухов среди населения и предписывающих сдачу государству всех радиоприемников и передатчиков как основных источников подобных слухов, общесоюзные органы приняли и иные нормативные акты по вопросам уголовной ответственности. Это, в частности: 1) Указ ПВС СССР от 25 июня 1942 г. о повышенной уголовной ответственности за хищение горючего в МТС и совхозах; 2) постановление ГКО от 16 января 1942 г. «О сдаче трофейного имущества»; 3) приказ Наркомюста СССР от 18 января 1941 г., предписывающий вести действенную борьбу с хищениями, порчей и разбазариванием зерна, овощей и других сельскохозяйственных продуктов; 4) постановление Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1942 г., которым было дано более широкое толкование содержания спекуляции, ответственность за которую предусматривалась в УК РСФСР, в том числе признавалась спекуляцией торговля самогоном и продажа в значительных размерах махорки.

С учетом условий военного периода и неустанных требований партии и Правительства по поводу ужесточения карательной политики народные суды усилили ответственность за посягательства на объекты социалистической собственности, а также установили повышенную ответственность должностных лиц, не обеспечивших сохранность вверенного им имущества либо виновных в причинении ущерба социалистической собственности. Было реанимировано постановление ЦИКа и СНК СССР от 7 августа 1932 г., предусматривающее повышенную уголовную ответственность за хищение имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации. При этом выросла ответственность организаторов и попустителей хищений социалистической собственности, лиц, не обеспечивших надежную охрану эвакуированного государственного или общественного имущества¹.

В годы Великой Отечественной войны значительную часть гражданских дел, рассмотренных народными судами, составляли споры

¹ См.: *Бондаренко Д. В.* Юридическая ответственность в военное время (На опыте Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., 2004. С. 78—91.

по поводу выхода вещей из владения собственника помимо его воли по обстоятельствам войны. Специфика данной категории дел состояла в том, что согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 22 апреля 1942 г. не собственник, а приобретатель должен был доказывать свою добросовестность. Однако, следуя этому указанию, судебные органы выявили многочисленные казусы, юридическую природу которых не могли определить не только суды, но и представители науки советского гражданского права. Не меньшую сложность для судебной практики и теории гражданского права представляли дела, связанные с конфискацией, штрафами, иными гражданско-правовыми санкциями, соотношением виновной и безвиновной ответственности. Народные и все вышестоящие суды занимали единую позицию в части ответственности государства за нанесение вреда гражданам и юридическим лицам произвольным толкованием гражданского права, освобождали государство от материальной ответственности, оставляя владельца собственности, как говорится, у разбитого корыта.

Качество правосудия в народных судах в период войны не могло улучшиться и даже сохраниться на прежнем, довоенном уровне. Этому препятствовали три обстоятельства: во-первых, мобилизация судебных кадров на фронт; во-вторых, несовершенство нормативных правовых актов по вопросам правосудия, принятых в 1941—1945 гг.; в-третьих, разрешение судами значительной части дел, по которым предварительное следствие не проводилось. В начале войны почти вся мужская часть судейского корпуса была мобилизована в Красную Армию. Найти в спешном порядке достойную замену из профессиональных юристов представлялось делом весьма трудным из-за хронического дефицита таких кадров. Корпус судей надолго приобрел женское лицо, к тому же уровень образования был недостаточным. Постигать тайны профессии новым судьям приходилось методом проб и ошибок в процессе работы.

Кроме того, как уже говорилось, отсутствие предварительного следствия по делам, сопряженным с дисциплинарными нарушениями, приводило к вынесению необоснованных приговоров из-за неспособности суда сочетать отправление правосудия с предварительным следствием. В ряде случаев поступавший в суд материал по фактам нарушения трудовых обязательств состоял лишь из списка фамилий виновных лиц, без документов, свидетельствующих об обвинении каждого колхозника на правлении колхоза, о количестве выработанных ими трудовых и без характеристики¹.

¹ См.: *Папков С. А.* Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945).

Проведенные Наркомюстом СССР и Наркомюстом РСФСР ревизии и проверки народных судов не давали поводов для большого оптимизма. Типичной предстает докладная записка начальника Наркомюста РСФСР по Курганской области, в частности указан «ряд фактов, свидетельствующих о том, что «отдельными судьями проявляется либеральная позиция по отношению к колхозникам, уклоняющимся от работы, и недифференцированный подход к определению мер наказания», выносятся «необоснованное осуждение, нарушение процессуальных норм, неправильное применение закона и неосновательное оправдание виновных лиц». Кроме того, «качество работы является исключительно низким и требует срочного принятия мер для улучшения работы»¹. Из 124 приговоров, обжалованных в судебную коллегия Курганского областного суда в 1942 г., оставлены в силе 24,1%. Лишь 42% дел рассматривается народными судами в определенные законом сроки².

Вполне понятно, что в условиях, требовавших максимального сосредоточения финансовых, материальных и иных ресурсов во имя победы, проблемы обеспечения народных судов благоустроенными помещениями, надлежащего финансирования, повышения заработной платы работникам судов у партии и Правительства ушли на второй план и решались лишь в случаях крайней нужды, например при восстановлении народных судов на территории, ранее оккупированной Германией, снабжении официальными изданиями законов СССР и РСФСР. Материальные вопросы деятельности народных судов, не решенные в довоенный период, были отложены до лучших времен, ими занялись не ранее начала 1960 гг.

В период Великой Отечественной войны структура и компетенции областных, краевых и иных приравненных к ним судов не перетерпели сколько-нибудь значительных изменений. Исключение составляли областные и городские суды, которые в ближайших к фронту регионах преобразовывались в областные (городские) военные трибуналы. В частности, постановлением военного совета Западного фронта от 28 октября 1941 г. при объявлении Москвы на осадном положении Московский городской суд был реорганизован в военный трибунал, к подсудности которого были отнесены опасные государственные преступления, совершенные гражданскими лицами. Народные суды были преобразованы в секции вновь учрежденного военного трибунала. Для рассмотрения гражданских дел в каждом районе Москвы сохранялся один народный суд. Судебный

¹ Цит. по: Абдулин Р. С. Судебное управление в Российской Федерации (1927—1990 гг.). С. 206—207.

² Там же.

надзор за приговорами Московского городского суда и его секций был возложен на Военный трибунал округа. Аналогичным образом проблемы реорганизации системы народных судов решались в Ленинграде, Воронежской, Тульской и других областях, объявленных на военном положении¹.

Однако изъятие из подсудности областных, краевых судов ряда дел по контрреволюционным и иным опасным преступлениям с лихвой компенсировалось значительным увеличением числа дел по ст. 58-10 («Контрреволюционная агитация и пропаганда»). По данным С. А. Папкова, в 1941 г. краевые, областные и иные приравненные к ним суды рассмотрели по первой инстанции 44 440 контрреволюционных дел, тогда как все военные трибуналы за тот же период рассмотрели 28 732 дела. Однако с 1942 г. приоритет в борьбе с названными преступлениями перешел к военным трибуналам, поток же подобных дел в краевые, областные суды заметно обмелел. Всего же за 1941—1945 гг. названные суды рассмотрели 108 024 дела, тогда как революционные трибуналы — в четыре раза больше, а именно 471 988 дел². Ведущее направление работы краевых, областных судов составила кассационная деятельность в отношении приговоров народных судов.

Львиная доля кассационных дел, рассмотренных краевыми, областными судами в кассационном порядке, приходилась на приговоры народных судов, касающиеся нарушений трудовой дисциплины рабочими, служащими и колхозниками. Суды ответственно относились к рассмотрению дел названной категории и порой отменяли большую часть вынесенных приговоров. Так, областной суд Новосибирской области во втором полугодии 1943 г. отменил 67% таких приговоров. По справедливому замечанию С. А. Папкова, этот факт свидетельствовал «о наличии заметного разрыва между квалификацией рядовых судей и работников более высокого уровня. Судьям надзорных инстанций (республиканских, краевых, областных и окружных судов) приходилось исправлять грубые нарушения права не в силу особой приверженности закону, а по причине более квалифицированного исполнения обычного профессионального долга»³.

Помимо рассмотрения дел по первой и второй инстанциям областные, краевые суды тщательно изучали практику народных судов, чтобы выявлять допускаемые ими типичные ошибки и давать рекомендации по их устранению.

¹ См.: *Иванов В. А.* Судебно-прокурорские органы в военных условиях // 40 лет советского права Т. II. Л., 1957. С. 575—576.

² См.: *Папков С. А.* Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945).

³ Там же.

В истории Верховного Суда РСФСР военный период был самым драматичным. Как уже говорилось, Законом о судостроительстве СССР 1938 г. он, как и все суды союзных республик, был лишен права руководить единой судебной политикой на территории РСФСР и давать толкование законов по вопросам судебной практики, имеющее общеобязательный характер. В новом статусе Верховного Суда РСФСР его деятельность ограничивалась надзором за судебной работой всех судов Республики, а состав, сокращенный Наркомюстом на 20%, был упрощен до минимума — двух судебных коллегий. Вполне понятно, что утративший былое величие высший судебный орган Республики в первые же дни войны (в числе второстепенных для нужд обороны органов и учреждений) был эвакуирован — сначала в Саратов, затем — в Камышин и, наконец, — в г. Соль-Илецк Оренбургской области.

Оторванный от других центральных органов юстиции Верховный Суд РСФСР не мог действовать плодотворно и потому в феврале 1942 г. председателю Верховного Суда РСФСР А. Т. Рубичеву, его заместителю, 10 судьям и восьми сотрудникам аппарата было разрешено вернуться в Москву. Год спустя в Москву была возвращена оставшаяся часть персонала Верховного Суда РСФСР, и лишь с мая 1943 г. он смог трудиться в полном составе.

Верховный Суд РСФСР, лишенный Законом о судостроительстве СССР 1938 г. права давать разъяснения по вопросам материального и процессуального законодательства РСФСР, продолжал данную работу. За 1944 г. и первые пять месяцев 1945 г. обобщил судебную практику по 16 категориям дел, а соответствующие рекомендации направил наркому юстиции СССР и наркому юстиции РСФСР для принятия мер по устранению выявленных недостатков. Верховный Суд РСФСР вел систематическую работу с судьями нижестоящих судов по совершенствованию их профессионального мастерства, периодически вызывал их для прохождения практики в судебной и уголовной коллегиях¹. Лишение Верховного Суда РСФСР права давать указания, касающиеся судебной практики в связи с планируемым принятием общесоюзного гражданского, уголовного и процессуального законодательства, было явно ошибочным. Названные отрасли общесоюзного законодательства так и не были приняты, тогда как Верховный Суд РСФСР на целых 20 лет лишился возможности непосредственно руководить судебной практикой, а нижестоящие суды — получать полезные рекомендации по унификации и обеспечению единства судебной практики.

¹ См.: Кожевников М. В. История советского суда. С. 350.

Как упоминалось ранее, помимо выполнения возложенных на них Законом функций члены Верховного Суда выезжали в освобожденные области для оказания помощи в восстановлении судебных органов на местах. С середины 1943 г. члены Верховного Суда РСФСР входили в разные комиссии по определению ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками¹.

Глава 51. Правотворческая деятельность Верховного Суда СССР, Наркомата юстиции СССР, Прокурора СССР

Результативное решение судами общей юрисдикции и военными трибуналами задач, установленных Указом ПВС СССР «О военном положении», иными указами, постановлениями СНК СССР и ГКО, обеспечили общесоюзные органы юстиции: Верховный Суд СССР, Наркомат юстиции СССР и Прокуратура СССР.

Верховный Суд СССР, выполняя функции надзора в отношении судебных органов СССР и союзных республик, исключительное значение придавал проблеме единообразного понимания и применения судебными органами страны законодательства СССР. В этих целях он был наделен правом давать руководящие указания по вопросам судебной практики на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР делам. Особенно плодотворно эта функция выполнялась в военное время в процессе восполнения пробелов уголовного и уголовно-процессуального законодательства СССР и конкретизации, толкования имеющихся неясных нормативно-правовых предписаний.

Наркомюст СССР наряду с ведением большой организационной работы, связанной с развитием системы военных трибуналов и реорганизацией народных судов в районах военных действий и в регионах, освобожденных от временной немецкой оккупации, осуществлял руководство наркомюстами союзных республик, контроль за состоянием дел в судебных органах и готовил руководящие указания по вопросам организации и улучшения их работы. Чтобы надлежащим образом обеспечить решение задач в области правосудия, в 1944 г. в составе Наркомюста СССР создали: 1) Главное управление военных трибуналов РККА и ВМФ; 2) Главное управление трибуналов железнодорожного и водного транспорта; 3) Управление военных трибуналов войск НКВД; 4) Управление общих судов.

¹ См.: Яцкова А. Верховный Суд РСФСР: 1923—1990 гг. URL: <http://avkrasn.ru/article-2236.html>.

Прокуратура СССР по-прежнему осуществляла наблюдение за правильным применением законов судами общей юрисдикции, военными трибуналами и квазисудебными органами НКВД, возбуждала уголовное преследование и поддерживала государственное обвинение. Одновременно органы прокуратуры вели непримиримую борьбу с нарушителями трудовой дисциплины, детской беспризорностью, хищениями социалистической собственности, занимались надзором за выполнением заданий по поставкам боеприпасов и вооружения. Органы военной прокуратуры основное внимание уделяли надзору за соблюдением законодательства военного времени в РККА и ВМФ и выявлением лиц, сотрудничавших с оккупантами и совершивших тяжкие государственные преступления.

Особенность деятельности названных общесоюзных органов юстиции в годы войны состояла в том, что они вели интенсивную законотворческую работу, принимая нормы, касающиеся уголовного и уголовно-процессуального законодательства, восполняя пробелы в указах ПВС СССР о юридической ответственности в военное время. ПВС СССР, СНК СССР и ГКО принимали нормативные правовые акты со значительными пробелами и не всегда в полном соответствии с принципами права и Конституцией СССР. Например, Указом ПВС СССР от 29 сентября 1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» устанавливалась уголовная ответственность в виде тюремного заключения на срок от пяти до 10 лет для руководителей предприятий (учреждений), не обеспечивших *полную эвакуацию* трудового коллектива.

Предписание является противоправным, поскольку требует результатов, достижение которых не входит в круг служебных обязанностей руководителей предприятий, непосредственно отвечающих за состояние трудовой и производственной дисциплины. У них нет ни полномочий, ни механизмов, обеспечивающих принудительное направление работников в другую местность. Как видим, суровая ответственность вводится в духе сталинских террористических установок на объективное вменение, к тому же со значительными пробелами, без определения основания возбуждения уголовного дела и определения особенностей привлечения к уголовной ответственности виновных лиц. Формально обещанная мера наступает в случае отказа от эвакуации хотя бы одного рабочего. А если это так, то всех руководителей эвакуируемых предприятий ждет дорога дальняя, казенный дом, поскольку в каждом коллективе обязательно найдутся десятка два отказников. Тогда не логичнее ли руководителю самому

возглавить ряды отказников, им хоть давался срок лишения свободы на два года меньше? Как можно было заведомый абсурд возводить на уровень закона?!

Качественно несовершенно были все указы ПВС СССР по вопросам уголовной ответственности в период войны. В них, как правило, не формулировались конкретные нормы о составах преступлений, к тому же особенности их расследования и судоприменения оставались неизвестными ни самому законодателю, ни правоприменительным органам. Самодеятельность же непосредственных исполнителей, как правило, порождала хаос и, по мудрому замечанию И. В. Сталина в отношении итогов раскулачивания, была по преимуществу головотяпской. В этой ситуации общесоюзным органам юстиции: Верховному Суду СССР, Наркомюсту СССР и Прокуратуре СССР — не оставалось ничего иного, как исполнять функцию Верховного Совета СССР — вместо него восполнять существующие пробелы в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, чего органы исполнительной власти делать не могли.

Интенсивное правотворчество Наркомюста в годы Великой Отечественной войны характеризуется следующими показателями, введенными А. Я. Козинцевым. Из 118 приказов, принятых в 1942 г., 38 были посвящены вопросам правосудия (содержали указания по совершенствованию судебной практики, квалификации преступлений, обобщенные данные о выявленных в ходе ревизий и проверок недостатках в работе судов). По вопросам правосудия и разъяснения действующего законодательства нарком в 1943 г. подготовил 43 нормативных правовых акта из 89; в 1944 г. — 17 из 69; в 1945 г. — 18 из 46. Коллегия Наркомата провела в 1943 г. 44 заседания, из которых 16 были посвящены судебной практике.

Активным и плодотворным было правотворчество Пленума Верховного Суда СССР, внесшего весомый вклад в регулирование отношений, связанных с реализацией указов ПВС СССР, касающихся юридической ответственности. Всего за 1941—1945 гг. принято более 90 постановлений Пленума по самому широкому кругу вопросов советского правосудия. В таком же ритме в сфере правотворчества действовал Прокурор СССР, значительная часть нормативных актов которого принималась совместно с Наркомюстом СССР в целях обеспечения едиными и обязательными предписаниями как судебных органов, так и органов прокуратуры.

В процессе правотворчества (законотворчества) общесоюзные органы юстиции для восполнения пробелов в указах ПВС СССР и создания системного, целостного массива законодательных предписа-

ний по своему усмотрению формулировали составы преступлений, определяли права и обязанности судебных и правоохранительных органов, участников процессуальных правоотношений, особенно проведения отдельных процедур на стадиях следствия и судопроизводства. В результате правовое регулирование обрело достаточную четкость и конкретность для успешного правоприменения. Проиллюстрируем изложенное на примере возложения согласно Указу ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. уголовной ответственности на работников за самовольный уход с предприятий оборонной промышленности.

Относительно ответственности «отказников» Указ содержал три предписания: 1) определял самовольный уход с промышленных предприятий как опасное преступление и приравнивал его к дезертирству; 2) устанавливал санкцию в виде тюремного заключения на срок от пяти до восьми лет; 3) относил дела о подобных преступлениях к подсудности военных трибуналов. Однако в Указе не прописаны нормы, закрепившие порядок возбуждения дел по фактам «трудового дезертирства», в частности не ясно, какой орган должен принимать документы, представленные директором, какие действия правомочен осуществлять этот орган, в каком порядке надлежит передавать дела в военный трибунал и в какой именно. Предписания по данным вопросам изложены в письме наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 14 января 1942 г. № 6А/112/52 «О порядке направления в военные трибуналы дел о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.».

Во-первых, в письме назван орган, правомочный совершить первичные следственные действия. Таковым был признан прокурор, который без предварительного расследования должен выносить постановление о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности. Во-вторых, определены структура названного постановления и содержание необходимых сведений. «Постановление о привлечении обвиняемого к ответственности должно содержать: фамилию, имя, отчество, год и место рождения обвиняемого, точное наименование предприятия и цеха, откуда обвиняемый дезертировал, время и обстоятельства самовольного ухода (дезертирства), указание о привлечении обвиняемого к ответственности по Указу от 26 декабря 1941 г. и об избрании меры пресечения». В-третьих, письмом закреплен принцип подсудности дела: оно подсудно ближайшему военному трибуналу (трибуналу войск НКВД, гарнизона, дивизии и т. д.). При наличии в одном населенном пункте нескольких военных трибуналов

материалы направляются в военный трибунал войск НКВД, а по предприятиям железнодорожного транспорта — в военный трибунал железной дороги. В-четвертых, за военным трибуналом закреплена обязанность рассматривать подобные дела во внеочередном порядке немедленно по получении материалов от прокурора и без внесения в подготовительное заседание. В-пятых, дублируются положения уголовно-процессуального законодательства о том, что приговоры военных трибуналов, действующих на основании Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г., обжалованию не подлежат. Приговоры остальных военных трибуналов могут быть обжалованы в общем порядке.

Итак, пробелы в Указе ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. восполнены, неясность для правоприменительных органов снята. Аналогичным способом снята пробельность остальных указов ПВС СССР об уголовной ответственности. Например, приказом наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 23 сентября 1941 г. № 119/79 в изъятие из общего принципа — рассматривать дело в суде по месту совершения преступления — разрешалось проводить суд по факту самовольного ухода учащегося из училища по месту жительства подсудимого (учащегося) до поступления в училище. Пленум Верховного Суда СССР Указом от 8 января 1942 г. № 1/1/У определил особенности квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в военное время. Пленум Верховного Суда СССР Указом от 11 октября 1941 г. предписал судам следующее: уклонение от всеобщего обязательного обучения военному делу квалифицировать по ст. 68 УК РСФСР. Циркулярным письмом Наркомюста СССР и Прокурора СССР от 7 августа 1941 г. предлагалось лиц, виновных в злостном нарушении распоряжений о светомаскировке и других мероприятиях местной противовоздушной обороны, привлекать к уголовной ответственности по ст. 59-6 УК РСФСР.

В целом совместными усилиями общесоюзных органов за весьма короткий срок был сформирован массив нормативных правовых актов, определивших особенности регулирования правоотношений, порожденные условиями войны и обеспечившие достаточно высокий уровень единства правоприменительной практики следственных и судебных органов. Но можно ли присоединиться к хвалебным отзывам советских правоведов о деятельности советского государства и его органов? Уверять читателей в том, что в военное время перестройка судебных органов «была проведена организованно и в короткие сроки, что обеспечило успешную их деятельность в борьбе со шпионами, диверсантами, предателями Родины, расхитителями на-

родного добра и другими преступниками... Советские суды в условиях военного времени действовали на строгих началах социалистической законности, обеспечивающей задачи советского правосудия»¹.

Вряд ли можно признать «строгими началами социалистической законности» нормативные правовые акты общесоюзных органов юстиции, которыми вопреки Конституции СССР закреплялись нормы первичного регулирования по вопросам уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Подобные предписания содержались не только в ранее процитированном письме наркома юстиции СССР и Прокурора СССР, но и в других нормативных правовых актах общесоюзных органов юстиции о правосудии. Получается, что во имя борьбы с преступлениями государство само совершает преступление: придает видимость законности неконституционным действиям органов исполнительной власти, нарушает право обвиняемого на правосудие по закону.

Утверждая действительность законов перед нарушающим их гражданином, государство само должно поступать только законно, в строгом соответствии с предписаниями, которые оно установило в качестве меры законности не только для правонарушителя, но и для самого себя. Государство, прибегающее к судилищу на основании актов правоохранительных органов, нарушает право обвиняемого и тем самым осуществляет преступление, как и обвиняемый, которого оно судит. Характерно, что М. И. Панкратьев, В. М. Бочков, Н. М. Рычков и И. Т. Голяков, стоявшие во главе общесоюзных органов юстиции в 1938—1943 гг., пытались по возможности своими нормативными правовыми актами нивелировать наиболее одиозные нормы, возводящие сталинский террор до уровня закона, реально действующего права.

Пленум Верховного Суда СССР, Прокурор СССР и Наркомюст СССР не единожды предпринимали попытки корректировать действующие нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, восполнять пробелы предписаниями, не соответствующими смыслу и духу указов ПВС СССР и, самое главное, заменять террористические меры законодателя более демократичными, *устраняющими уголовную ответственность невиновных лиц* по мотивам их социальной опасности в глазах органов государства. Рассмотрим подобную ситуацию на конкретных примерах.

Приказом Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. № 46 «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фа-

¹ Кожевников М. В. История советского суда. С. 358.

шистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» предписывалось лиц, активно сотрудничавших с немецко-фашистскими захватчиками, привлекать не по ст. 58-3 УК РСФСР, а как изменников Родине. Одновременно обращалось внимание на недопустимость огульного привлечения советских граждан к ответственности на основании бездоказательного подозрения в способствовании врагу. Кроме того, и это самое главное, упразднялась ответственность советских граждан, которые: 1) хотя и занимали административные должности при немцах, но оказывали помощь партизанам, подпольщикам, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и др.; 2) состояли в должностях рабочих и мелких служащих без участия в карательных операциях и без совершения иных актов измены Родине. Добровольную явку с повинной при отсутствии тяжких последствий преступной деятельности обвиняемого рекомендовалось рассматривать как смягчающее вину обстоятельство.

С приказом Прокурора СССР согласился нарком юстиции СССР Н. М. Рычков. Указанием от 19 февраля 1943 г. он предложил военным трибуналам обеспечить «правильность применения закона в соответствии с приказом Прокурора от 15 мая 1942 г. № 46». Но законодателью, воспитанному на принципах сталинского террора, приказ пришелся явно не по душе. Указом ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев...» предписывалось изменников Родине и пособников из местных жителей, уличенных в оказании содействия злодеям при совершении расправ и насилия над гражданским населением и пленными красноармейцами, карать ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Итак — никакой малозначительности или иных облегчающих вину обстоятельств. Сотрудничал — отвечай по полной. Законодателя, в свою очередь, не поддержал Верховный Суд СССР.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 ноября 1943 г. № 22 *негативно оценивалась практика* огульного привлечения к ответственности лиц за сотрудничество с оккупантами. Пленум признал неверной квалификацию военными трибуналами измены Родине как всякого содействия, оказанного советскими гражданами немецким захватчикам в период временной оккупации, т. е. так, как предписывалось Указом. Сотрудничество населения с оккупантами Пленум дифференцировал на три вида: измену Родине, пособничество оккупантам и малозначительные деяния, не влекущие уголовной ответственности. Предписания относительно последних Пленум дословно воспроизвел в редакции приказа Прокурора СССР от 15 мая 1942 г.

Как видим, Пленум Верховного Суда СССР солидаризировался с Прокуратурой СССР и выразил неприятие правовых установлений ПВС СССР. Но Пленум не правомочен толкованием исправлять указ, придавать ему правовую силу, не соответствующую духу закона. Эту ситуацию прекрасно понимал председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков. Чтобы упредить подобные обвинения, Пленум отметил, что Президиум Верховного Совета СССР также «проводит различия между изменниками Родине и пособниками врага». Но это не более чем отговорка. В Указе действительно используются термины «измена Родине» и «пособник», но законодатель, объединяя обозначаемые ими деяния в общий состав, предписывает применять в отношении них одну и ту же меру.

Известны и иные попытки общесоюзных органов юстиции сократить область сталинского тотального террора, приняв нормативные правовые акты, ориентирующие судебно-прокурорские органы на выполнение норм УК РСФСР и УПК РСФСР вопреки требованиям неконституционных указов ПВС СССР. Так, Нарком юстиции СССР Н. М. Рычков и Прокурор СССР В. М. Бочков директивой от 14 января 1943 г. № 00173/610 выступили против практики широкого применения командованием дивизий, корпусов, армий и военными советами армий предоставленного им указами ПВС СССР от 27 июня, от 13 июля и от 8 сентября 1941 г. права в порядке исключения, вызванного боевой обстановкой, утверждать самостоятельно приговоры военного трибунала. Как отмечается в директиве, на практике многие военные прокуроры и председатели военных трибуналов эту исключительность превращают в правило и обращаются за утверждением приговора о высшей мере наказания к командованию дивизий, корпусов, военным советам армий и фронтов даже в тех случаях, когда осужденный находится вне части, в тюрьме, в прифронтовом или тыловом районе, когда, следовательно, немедленное исполнение приговора невозможно. Директива требовала покончить с подобной практикой необоснованного применения указов ПВС СССР, а военным прокурорам и председателям военных трибуналов всех категорий — установить строжайший контроль за правильностью осуждения к высшей мере наказания и за порядком исполнения подобных приговоров.

ПВС СССР отменял установления общесоюзных органов юстиции по мотивам неверного толкования ими тех или иных положений указов. Так, Указом ПВС СССР от 7 июля 1941 г. отменялась норма постановления Пленума Верховного Суда СССР от 20 марта 1941 г., позволяющая судам привлекать к уголовной ответственности не-

совершеннолетних в соответствии с постановлением ЦИКа и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» лишь в случаях совершения ими умышленного преступления. Свою позицию ПВС СССР обосновывал тем, что требование Пленума Верховного Суда СССР противоречит ст. 6 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, согласно которой уголовная ответственность наступает при совершении преступлений как умышленно, так и по неосторожности.

В данном случае Пленум Верховного Совета СССР пытался защитить от сталинского террора несовершеннолетних в возрасте от 12 до 14 лет, которых согласно постановлению ЦИКа и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. надлежало привлекать к уголовной ответственности за кражи, насилие, причинение телесных повреждений, увечий, убийства или попытки убийства. Постановление, принятое по инициативе Сталина, не соответствовало принципам уголовного права, традиционно признававшим, что дети и подростки не способны осознавать социальную опасность своих противоправных действий, поэтому нельзя их преследовать в уголовном порядке. Например, по дореволюционным законам России, подростки в возрасте от 10 до 14 лет за совершение преступлений подлежали помещению в воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних, под надзор родителей или в монастыри¹.

Предписывая судам привлекать несовершеннолетних в возрасте от 12 до 14 лет только за виновное противоправное действие, Пленум Верховного Суда СССР априори освобождал их от уголовной ответственности, поскольку в действиях подростка не может быть умысла, необходимо предполагающего способность осознания лицом общественно опасного характера его действий. Однако диалектика умысла и неосторожности законодателю не была доступна, он стойко защищал сталинский произвол от созданного Пленумом Верховного Суда СССР препятствия и тем самым открывал прямую дорогу для террора в отношении подростков.

Еще одним примером противостояния центральных органов юстиции законодательной политике ПВС СССР служит уже упоминавшийся приказ наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 27 июня 1940 г., которым предусматривалось проведение предварительного следствия в течение трех дней по фактам привлечения к уголовной ответственности прогульщиков и отказников от работы без согласия руководителей предприятий, учреждений, Профессио-

¹ См.: Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 209—211.

нальные юристы не могли себе представить рассмотрение судом уголовного дела в порядке публичного обвинения без предварительного следствия. Однако у законодателя была своя логика — максимально упростить судопроизводство таким образом, чтобы без увеличения численности судебных кадров достойно покарать всех нарушителей трудовой дисциплины. В данном случае коллизию разрешили без принятия специального законодательного акта об отмене приказа утвердившими его органами юстиции.

Неоднократные попытки общесоюзных органов юстиции противостоять произволу законодателя, отменить его самые одиозные предписания или смягчить порядок их применения свидетельствуют о том, что в период с 1938 по 1943 г. председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков, нарком юстиции СССР Н. М. Рычков, прокуроры СССР М. И. Панкратьев и В. М. Бочков проводили линию на «либерализацию» отдельных законодательных постановлений, касающихся тотального террора, его распространения на все категории населения. Эта линия не была единой и последовательной, иначе бы названные должностные лица не удержались на своих высоких постах, а проявлялась там, где необходимость защищаемого ими права была очевидной для товарища Сталина и всецело подчиненного его воле законодателя.

К сожалению, описанное событие остается неисследованным сколько-нибудь обстоятельно. Деятельность лиц, решившихся противостоять сталинскому тотальному террору хотя бы в отдельных случаях, эпизодически, заслуживает пристального внимания современных исследователей и признания заслуг этих людей в деле формирования демократических основ советского законодательства, получивших развитие и воплощенных в жизнь лишь в конце 1950-х гг. Между тем эпизодическое противостояние линии тотального террора в конечном счете не прошло бесследно для ее проводников.

М. И. Панкратьев в должности Прокурора СССР состоял два года (1938—1940 гг.), а сменивший его В. М. Бочков ушел с занимаемого высокого поста по собственному желанию в 1943 г. Наркому юстиции СССР Н. М. Рычкову в 1943 г. в качестве заместителя был назначен «почетный работник ВЧК—ГПУ» С. С. Дукельский, который в феврале 1944 г. на коллегии наркомата предложил вернуть функции управления судами судебным органам. Предложение было равносильно ликвидации наркомата, ибо ничего другого, оправдывающего его претензии на управление отдельной отраслью, не оставалось. Н. М. Рычков эмоционально выступил против, но вскоре серьезно заболел, не смог эффективно руководить наркоматом и в

1948 г. был освобожден от занимаемой должности¹. В том же году И. Т. Голяков был смещен с поста председателя Верховного Суда СССР решением Политбюро ЦК партии за «факты злоупотреблений служебным положением некоторыми членами Верховного суда СССР и работниками его аппарата»².

Таким образом, активное правотворчество общесоюзных органов юстиции было юридически оправданным в той мере, в какой оно восполняло недоработки ПВС СССР по вопросам уголовного и процессуального законодательства и тем самым создавало достаточную нормативную основу правоприменительной деятельности судебных органов и ее унификации. Для общества рисовалась картина активности правосудия в борьбе за укрепление законности. Но это лишь видимость, потому что конкретные приговоры и решения судов по конкретным делам *были незаконны* в своей нормативной основе. Правоприменители использовали эрзац законодательства, созданный антиконституционными совместными усилиями ПВС СССР, Наркомюста СССР, Прокурора СССР и Верховного Суда СССР.

Незаконность нормативных правовых актов общесоюзных органов юстиции, устанавливающих первичные нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства либо вносящих изменения в нормы УК РСФСР, УПК РСФСР, которую признавали даже их разработчики, *свидетельствует о недействительности всех принятых в соответствии с ними приговоров и иных правоприменительных актов*. Даже самое добросовестное, неукоснительное следование незаконной правовой основе не спасает правоприменительный акт от ничтожности, ибо незаконная правовая основа не может гарантировать суду результаты, ей органически не присущие, — правопорядок и законность.

Но если правовая форма правосудия не способна спасти от ничтожности свои акты, принятые согласно неконституционным нормативным правовым актам, то еще меньше шансов найти законность в работе квазисудебных органов НКВД, когда одинаково ничтожны и форма, и содержание.

Глава 52. ОСО и иные квазисудебные органы

Закон о судостроительстве СССР 1938 г. не признал квазисудебные органы (ОСО при НКВД и военные трибуналы войск НКВД) в качестве разновидности специальных судов. Несмотря на это, в современной юридической литературе советские квазисудебные органы

¹ См.: Козинцев А. Я. Наркомат юстиции СССР как орган судебного управления накануне и в годы Великой Отечественной войны.

² Голяков Иван Терентьевич. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

нередко включаются в систему специальных судов. Так, по мнению Д. Н. Шкаревского, в сектор названных судов входят военные трибуналы вооруженных сил, военные трибуналы войск МВД, линейные суды (железнодорожного и водного транспорта) и лагерные суды¹. Статья 53 Закона о судеустройстве СССР 1938 г. установила исчерпывающий перечень специальных судов, в который включены военные трибуналы, линейные суды железнодорожного транспорта, линейные суды водного транспорта. Из перечня, следовательно, выпадали военные трибуналы войск НКВД и лагерные суды, что полностью соответствовало Конституции СССР 1936 г.

Согласно ст. 103 Конституции СССР специальные суды создаются постановлениями Верховного Суда СССР. Однако работа трибуналов войск НКВД, как и лагерных судов, базировалась на иных нормативных правовых актах. Первые действовали во исполнение секретного положения, утвержденного наркомом внутренних дел СССР, тогда как лагерные суды — в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1944 г., не утвержденным постановлением Верховного Совета СССР. Органы, осуществляющие судебную деятельность не на основании конституционно принятых нормативных правовых актов, являются судами лишь в воображении, реально их правоприменительная деятельность носит мнимый, квазисудебный характер. В число таковых входит и Особое совещание при НКВД СССР, которое Верховный Совет СССР Законом о судеустройстве СССР не признал в качестве судебного органа.

Напомним, что секретным постановлением СНК и Политбюро ЦК партии от 17 ноября 1938 г. подсудность ОСО при НКВД СССР ограничивалась делами, которые в силу их секретности нельзя было направить в суд. В первые же дни войны опять-таки совершенно секретным постановлением ГКО от 17 ноября 1941 г. № 903 ОСО было предоставлено право рассматривать все возбужденные в органах НКВД дела о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, указанных в ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г, 58-2, 58-3, 58-4, 58-5, 58-6, 58-7, 58-8, 58-9, 58-10, 58-11, 58-12, 58-13, 58-14, 59-2, 59-3, 59-3а, 59-3б, 59-4, 59-7, 59-8, 59-9, 59-10, 59-12, 59-13 УК РСФСР. При этом ОСО разрешалось применять к осужденным любые санкции вплоть до высшей меры наказания. Одновременно решение ОСО признавалось окончательным и не подлежало ни обжалованию, ни прокурорско-судебному надзору.

¹ См.: Шкаревский Д. Н. Судейский корпус специальных судов СССР во второй половине 1940-х гг. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/70652-sudejskij-korpus-specialnykh-sudov-sssr-vtoroj-poline>.

Коль скоро постановление ГКО имело гриф «совершенно секретно» и направлялось четырем адресатам, оно не подлежало копированию и размножению. В этих условиях наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берии пришлось издать приказ НКВД СССР от 21 ноября 1941 г. № 001613, в котором дословно излагалось постановление ГКО от 17 ноября 1941 г. и давались следующие указания. Наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам краевых и областных управлений НКВД, начальникам транспортных отделов НКВД и начальникам особых отделов округов предписывалось законченные следствием дела по преступлениям, названным в постановлении ГКО, направлять на рассмотрение ОСО при НКВД СССР.

Дела предписывалось оформлять в строгом соответствии с требованиями УПК РСФСР. Обвинительные заключения по таким делам подлежали утверждению наркомами внутренних дел республик, начальниками УНКВД краев, областей, начальниками транспортных отделов, особых отделов (или их заместителями), а затем по принадлежности — прокурорами республик, краев, областей, округов (или их заместителями). На заседании ОСО дело докладывало непосредственно лицо, утвердившее обвинительное заключение, либо иной представитель соответствующего органа внутренних дел.

В местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, где Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1941 г. военным советам фронтов в исключительных случаях предоставлено право утверждать приговоры военных трибуналов к высшей мере наказания с немедленным приведением приговоров в исполнение, органы НКВД могли передавать дела на рассмотрение военных трибуналов.

В последующем нарком НКВД в развитие приказа от 21 ноября 1941 г. конкретизировал порядок приведения в исполнение решений ОСО при НКВД СССР о применении высшей меры наказания. Решение надлежало исполнить не позднее 24 часов с момента получения телеграфного распоряжения НКВД СССР. При этом отменялось распоряжение М. П. Фриновского не объявлять осужденным решениям о применении к ним высшей меры наказания. Предписывалось объявлять осужденному решение ОСО непосредственно перед его исполнением.

Из сказанного следует, что Сталин и его окружение не были уверены в том, что военные трибуналы, как и любые суды, призванные следовать принципу социалистической законности и рассматривать уголовные дела в соответствии с нормами уголовно-процес-

суального законодательства, сумеют надлежащим образом провести в жизнь принцип неукоснительности уголовной ответственности. Во-первых, трибуналы могут не справиться с потоком дел, который неизбежно обрушится на них в военное время. Во-вторых, трибуналы по формальным мотивам недоказанности вины, отсутствия состава преступления и под иным «надуманным» предлогом могут освобождать от ответственности ту или иную часть явных социально опасных элементов. В противовес этому ОСО при НКВД СССР было реформировано в полноценный судебный орган, способный приговорить к расстрелу любого врага советской власти, не связывая себя действующими законами.

Напомним читателям, что первоначально постановлением ЦИКа и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. ОСО конституировалось как орган, уполномоченный рассматривать дела и применять меры административного взыскания в виде ссылки и высылки на срок до пяти лет, заключения в исправительно-трудовые лагеря на тот же срок. В этом случае не было потребности в том, чтобы ОСО строго соблюдало уголовно-процессуальное законодательство. ОСО был предписан весьма упрощенный порядок применения административных взысканий, не предусматривающий даже присутствия обвиняемого.

Бесспорно, государство могло реформировать ОСО, но только на строго конституционных, законных основаниях, чем ГКО и НКВД СССР явно пренебрегли. Во-первых, они не обладали правомочием менять правовой статус ОСО, установленный законодателем. Необходимые корректировки в постановление ЦИКа и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. должен был внести ПВС СССР, приняв соответствующий указ, а Верховный Совет СССР — утвердить его. Во-вторых, ни ГКО, ни тем более НКВД СССР не могли распространять порядок рассмотрения административных дел на уголовные дела по наиболее опасным государственным преступлениям, весьма сложным с точки зрения формирования доказательственной базы вины подсудимых. Применение единого и обязательного для всех судов уголовного и процессуального законодательства СССР гарантировалось ст. 5 Закона о судеустройстве СССР 1938 г. В-третьих, состав ОСО как правоприменительного органа не согласовывался с законодательством о судеустройстве. ОСО, состоящее из должностных лиц НКВД, не вписывалось в демократические требования выборности и независимости суда от исполнительных органов власти.

Деятельность ОСО вопреки принципам и нормам судеустройства и судепроизводства породила устойчивую и многолетнюю прак-

тику грубейших нарушений закона, по своей тяжести, степени общественной опасности не уступающих преступлениям, с которыми этот орган боролся. В настоящее время значительная часть преступлений, совершенных следователями НКВД и оставленных без законных последствий ОСО, обстоятельно изучена и описана в художественной, исторической и юридической литературе. Сотрудники НКВД также не идеализировали работу ОСО, видели в нем источник самых разных нарушений закона.

В докладной записке, направленной министром государственной безопасности (ГБ) СССР С. Д. Игнатьевым в ЦК ВКП(б) 28 декабря 1951 г., отмечалось, что за последние годы значительная часть дел, расследуемых органами ГБ, в нарушение основного законодательства о подсудности направлялась органами МГБ не в судебные органы, а в Особое совещание при МГБ СССР, где при упрощенном рассмотрении дел сотрудники центрального аппарата и местных органов МГБ легко добивались вынесения приговоров даже по недорасследованным делам.

Такое положение породило у значительной части сотрудников следственного аппарата органов МГБ безответственное отношение к расследованию дел о государственных преступлениях. По многим делам следствие проводилось поверхностно, а в ряде случаев — необъективно; не вскрывались с должной полнотой преступления, вражеские связи арестованных и не уделялось должное внимание сбору бесспорных доказательств вины преступников. Не редки были случаи, когда направление дела в ОСО предопределялось еще до ареста, и это, в свою очередь, вело к упрощенчеству в агентурной разработке, к поспешным, преждевременным, а иногда и к необоснованным арестам. Допрос агентов в качестве свидетелей превратился из крайнего средства в обычное явление. ОСО, будучи чрезмерно перегруженным большим количеством дел, не обеспечивало тщательного, всестороннего их рассмотрения и иногда допускало грубые ошибки¹.

Между тем Сталин и его окружение были прекрасно осведомлены о степени соблюдения закона в ОСО, но для них в качестве первоочередной стояла задача неукоснительного проведения террора, понуждающего народ терпеливо нести тяготы и невзгоды войны. Вождь партии не считал нужным что-либо менять в работе ОСО сообразно записке Игнатьева даже через шесть лет после окончания войны.

Не лучшим образом обстояло дело с законностью и правами подсудимых в военных трибуналах войск НКВД, деятельность ко-

¹ См.: *Игнатьев С. Д.* Докладная записка в ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1951 г. № 1760/и. URL: <http://shieldandsword.mozohin.ru/documents/letter281251.htm>.

торых не была узаконена на период войны. Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, утвержденное Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г., не наделяло трибуналы полномочиями самостоятельного органа военной юстиции, наряду с военными трибуналами РККА и ВМФ, железных дорог и водных путей сообщения. В этих условиях по всем канонам права военные трибуналы войск НКВД подлежали расформированию, поскольку, как уже говорилось, право осуществления правосудия и вынесения приговоров от имени государства принадлежало лишь органам, которые прямо определены в этом качестве постановлением Верховного Суда СССР.

Однако в условиях сталинской законности наличие законодательной основы для органа правосудия не считалось необходимым условием его работы. Военные трибуналы войск НКВД СССР успешно действовали в военное время в целях упрочения тоталитарного режима и проведения сталинского террора в жизнь, а также для укрепления дисциплины в войсках и органах НКВД, на предприятиях, в учреждениях и колхозах. Трибуналы преспокойно выносили приговоры от имени Союза ССР, которые, в свою очередь, обжаловались в военную коллегия Верховного Суда СССР, а последняя принимала по ним определения; приговоры к высшей мере наказания приводились в исполнение и т. д. Ничтожным в законодательном отношении органам были приданы сила и авторитет судебного органа ведомственными нормативными правовыми актами, не подвергаемыми сомнению со стороны других органов судебной юстиции. Более того, в годы Великой Отечественной войны число военных трибуналов войск НКВД увеличилось вдвое и в начале 1945 г. составило 152.

Согласно исследованию В. В. Обухова существенное расширение системы военных трибуналов войск НКВД обуславливалось их созданием при 11 фронтах охраны тыла, при дивизиях и бригадах войск НКВД. Примечательно, что в 1944 г. был сформирован военный трибунал 1-й отдельной женской бригады войск НКВД, также было организовано несколько военных трибуналов войск НКВД лагерей со значительным контингентом заключенных: при Северо-Печорском исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) НКВД, Северном Железнодорожном ИТЛ НКВД, Приволжском ИТЛ НКВД, Нижне-Амурском ИТЛ НКВД. Сохранялись и особые военные трибуналы, обслуживающие специальные строительства НКВД СССР в Коми АССР и Магадане (Дальстрой); в 1943 г. был создан военный трибунал войск

НКВД при Управлении строительства Челябинского металлургического комбината НКВД СССР¹.

В годы войны опять-таки ведомственными нормативными правовыми актами была расширена подсудность дел военным трибуналам войск НКВД до подсудности военным трибуналам РККА и ВМФ, определенной ст. 7 Указа ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении». Дела по всем предусмотренным составам преступлений: о терроре, вредительстве, контрреволюционных действиях, разбоях и т. д. — могли рассматриваться военными трибуналами войск НКВД, но с учетом присущей им подведомственности. Это, во-первых, дела в отношении лиц, состоящих на службе в войсках НКВД, милиции, уголовном розыске, иных органах Наркомата внутренних дел; во-вторых, дела по преступлениям, совершенным в местах лишения свободы; в-третьих, дела о гражданских лицах, совершивших преступления, подсудные военным трибуналам: о трудовых дезертирах и руководителях предприятий, председателях колхозов, укрывающих членов своих трудовых коллективов, совершивших дисциплинарные проступки, от уголовного наказания, и т. д.

Ведомственные акты, корректирующие процесс судопроизводства в военных трибуналах войск НКВД, российские исследователи пока не выявили. Значит, имеются все основания полагать, что в 1941—1945 гг. военные трибуналы войск НКВД так же, как их коллеги из РККА и ВМФ, применяли упрощенную форму рассмотрения уголовных дел по преступлениям, совершенным в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий. В тыловых регионах дела рассматривались в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

В годы Великой Отечественной войны к подсудности военных трибуналов войск НКВД были отнесены дела о преступлениях, совершенных сотрудниками НКВД, военнослужащими по данному ведомству и гражданами, состоящими в частях народного ополчения, истребительных батальонах и строительных колоннах НКВД. Эти же трибуналы рассматривали дела о членах семей изменников Родине, трудовых дезертирах, дела о распространении ложных слухов, возбуждающих тревогу у населения, пособничестве немецко-фашистским оккупантам, преступлениях участников антисоветских националистических организаций.

¹ См.: Обухов В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Историко-правовое исследование). С. 15.

Военные трибуналы войск НКВД во время войны организационно подчинялись Наркомюсту СССР, тогда как судебное руководство ими осуществляла военная коллегия Верховного Суда СССР. Нарком внутренних дел СССР официально не мог вмешиваться в процесс судопроизводства в военных трибуналах, на него полностью распространялась норма ст. 112 Конституции СССР о подчиненности судей только закону и их независимости от воздействия иных органов государства и должностных лиц. Но эта гарантия была лишь формальной, фактически нарком мог рекомендовать «желательный для общего дела борьбы с преступностью» приговор, учитывая практику «расстрельных» списков, подписанных товарищем Сталиным и некоторыми членами Политбюро ЦК партии. Но, вполне возможно, военные трибуналы не были «карманным» правосудием Берии, поэтому по его инициативе в конце войны были образованы специальные лагерные суды.

Названные суды создавались согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 30 декабря 1944 г. «Об организации специальных лагерных судов» в целях рассмотрения дел о преступлениях, совершенных в ИТЛ и колониях НКВД как заключенными, так и вольнонаемными работниками этих пенитенциарных учреждений. Исключение составляли преступления сотрудников НКВД, имеющих военные и специальные звания государственной безопасности и подсудных военным трибуналам. Рассмотрение дел по кассационным жалобам и в порядке надзора возлагалось на вновь образованную в составе Верховного Суда СССР судебную коллегия по делам лагерных судов. Краткий — из трех пунктов — Указ не раскрывал ряда значимых для судов организационных вопросов, что не могло не сказаться на их формировании.

Процесс становления системы лагерных судов, по данным Д. Н. Шкляревского, не был скорым, как это представляли себе руководители НКВД, обосновывая необходимость подобных судов. В 1945 г. были созданы 48 лагерных судов, обслуживающих 59 точек (по другим данным, — 53 лагерных суда); в 1946 г. действовали 60 лагерных судов, обслуживающих 70 точек. Наибольшая нагрузка в 1945 г. пришлось на суды Сибирского ИТЛ МВД СССР (89 дел); Ухтожемского ИТЛ (72 дела); исправительно-трудового лагеря и колонии (ИТЛК) УМВД Челябинской области (69 дел). Наименее загружены были суды ИТЛ и исправительно-трудовых колоний (ИТК) УМВД Бурят-Монгольской АССР (7 дел), ИТК УМВД Грозненской области (5 дел)¹.

¹ См.: Шкляревский Д. Н. Специальные лагерные суды в СССР (вторая половина 1940-х гг.). URL: <http://portal-msal.ru/10-17803/1729-5920-2017-125-4-209-213>.

Возникшие затруднения были связаны с поиском зданий, их ремонтом и оборудованием специальных помещений для суда, нежеланием судей обживать «медвежьи углы», со спецификой рассматриваемых дел, а также с контингентом участников и свидетелей. К тому же, как оказалось, далеко не все действующие суды имели достаточную нагрузку. Однако работа лагерных судов пришлось на следующую, завершающую стадию сталинского террора, которая описана в следующем разделе.

Глава 53. Органы государственного принуждения, созданные на период Великой Отечественной войны

Навязчивая идея Сталина о скором правосудии, способном от имени государства и на достойном для государства уровне воздать должное преступнику буквально на месте преступления, получила реальное воплощение в военное время. Великий вождь не имел больших претензий к квазисудебным органам, гарантировавшим вынесение обвинительного решения всем, кого партия признает социально опасным элементом, не готовым понять и принять устои социализма в качестве смысла жизни. Одно плохо: между признанием лица виновным и вынесением обвинительного приговора лежит дистанция огромного размера.

В условиях войны, полагал Сталин, такой временной интервал — непозволительная роскошь. В идеале жестокое возмездие должно наступать сразу после совершенного преступления и, что еще лучше, публично. «Паникеры и трусы, — отмечал Сталин в приказе от 28 июля 1942 г. № 227, — должны истребляться на месте!». В целях максимально возможного сокращения срока между совершением преступления и вынесением приговора по инициативе Сталина или с его одобрения в годы Великой Отечественной войны правосудие было дополнено следующими институтами: 1) командирам воинских частей предоставлялось право расстреливать паникеров и трусов по своему усмотрению без суда и следствия; 2) были образованы заградительные отряды, правомочные применять оружие к военнотружущим, инициировавшим уход воинских частей с передовых позиций без приказа свыше; 3) руководителям предприятий и учреждений, райисполкомов и райкомов партии предоставлялось право направлять материалы на нарушителей трудовой и производственной дисциплины непосредственно в суд, минуя следственные органы; 4) создавались военно-полевые суды для проведения показательных судов над фашистскими захватчиками и их пособниками из числа местных жителей СССР.

Буквально в первый месяц войны в постановлении ГКО от 16 июля 1941 г. «О строжайшем пресечении в Красной Армии нарушений воинской дисциплины, об аресте и предании суду группы командования Западного фронта» на фронте констатировались такие негативные явления, как неустойчивость, паникерство, трусость, когда некоторые бойцы и командиры бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих от обнаглевшего противника. В целях оперативного искоренения подобных явлений ГКО предписывал *командирам и политработникам всех степеней расправляться с паникерами, трусами и дезорганизаторами как с нарушителями присяги и изменниками Родине, не позволяя им порочить великое знамя Красной Армии.*

Как оказалось, паникерами и трусами были не только красноармейцы, но и командиры и политработники «всех степеней». Ставке Верховного главнокомандования Красной Армии пришлось издавать специальный приказ от 16 августа 1941 г. № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия». Автор приказа Сталин обязал всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу. Одновременно предписывалось *уничтожать всеми средствами, как наземными, так и воздушными, красноармейцев, которые вместо организации отпора врагу предпочитают сдаться в плен.*

Разрешенная высшим военным командованием расправа в ходе боя с паникерами и трусами силами командиров и политработников приобрела, однако, широкое распространение за пределами предоставленного правомочия. По данным Прокуратуры СССР, только за декабрь 1941 г. имели место 28 случаев самочинных и ничем не вызванных расстрелов командирами подчиненных. Часть этих преступлений совершена на почве пьянства. Пришлось Сталину сочинить новый акт — приказ наркома обороны СССР от 4 октября 1941 г. «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями» и указать на печальную практику осуществления правосудия командирами и комиссарами в отношении своих подчиненных, выразившуюся в частых случаях незаконных репрессий и грубейшего превышения власти.

В приказе отмечалось, что лейтенант Комиссаров без всяких оснований выстрелом из нагана убил красноармейца Кубицу. Полковник Сущенко застрелил младшего сержанта Першикова за то, что он из-за болезни руки медленно слезал с машины. Военный комиссар 28-й танковой дивизии полковой комиссар Банквицер избил од-

ного сержанта за то, что тот ночью закурил; он же избил майора Занозного за невыдержанный с ним разговор. Начальник штаба 529-го стрелкового полка капитан Сакур без всяких оснований ударил два раза пистолетом старшего лейтенанта Сергеева. Подобные действия Сталин признал порочными, порожденными безволием и безрукостью командиров и комиссаров, нередко приводящими к противоположным результатам — падению воинской дисциплины и политико-морального состояния войск, подталкивающими нестойких бойцов к переходу на сторону противника.

Вместе с тем приказ не отменял предоставленного командирам и комиссарам права чинить расправу над паникерами и трусами. Он лишь предписал восстановить воспитательную работу и самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, пресекать необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство командиров и комиссаров. К сожалению, приказ наркома обороны СССР дальнейшего развития не имел. Выбирая между кнутом и пряником, Сталин все же отдал предпочтение кнуту. В связи с неудачами в ходе весенне-летней кампании 1942 г. Сталин издал приказ от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», ставший заметной вехой в деле наведения воинской дисциплины.

Приказом был закреплён принцип: «Ни шагу назад!». Отныне, отмечалось в приказе, железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования. В связи с этим *предписывалось истреблять паникеров и трусов на месте*, а командиров роты, батальона, полка, дивизии, комиссаров и политработников, отступающих с боевой позиции без приказа свыше, привлекать к строгой ответственности как предателей Родины. Дополнительно предусматривалось образовать специальные войсковые подразделения — заградительные отряды.

В пределах армии надлежало создать от трех до пяти хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), которые, находясь в тылу неустойчивых дивизий, должны в случае паники и беспорядочного отхода частей расстреливать на месте паникеров и трусов. Оказывается, подобные отряды уже были созданы и действовали в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандующего от 12 сентября 1941 г. № 001919.

Согласно директиве в каждой дивизии формировался заградительный отряд из надежных бойцов численностью не более баталь-

она (по одной роте на стрелковый полк). Отряд подчинялся напрямую командиру дивизии и имел в своем распоряжении средства передвижения: грузовики и несколько танков или бронемашин. Заградотряды должны были осуществлять прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, останавливать бегство одержимых паникой военнослужащих, при необходимости применять оружие в целях ликвидации инициаторов паники и бегства, оказывать поддержку войнам, не подверженным панике, но увлекаемым общим бегством.

Итак, в целях укрепления дисциплины директива обязывала заградотряды применять непопулярные меры: использовать оружие для приостановления «бегства одержимых паникой военнослужащих», т. е. стрелять по своим; ликвидировать инициаторов паники и бегства. В современной исторической литературе практика применения оружия против отступающих, бежавших с поля боя солдат подвергается сомнению. Так, Н. Н. Стариков уверяет, что «знакомство с большим количеством закрытых архивных материалов Российского Государственного военного архива, Центрального архива Министерства обороны России, Архива Музея внутренних войск МВД РФ позволяет сделать неожиданный вывод. Документов, подтверждающих случаи, когда бы заградотряды открывали огонь на поражение по своим отступающим войскам или даже по отдельным бойцам, покинувшим передовую, попросту нет»¹. Не подтверждают подобных «фактов» и ветераны, которым довелось служить в таких отрядах². И вообще, заградительные отряды задерживали очень малое число беглецов с передовой³.

Получается, что командующие дивизиями злобно не исполняли директивы Верховного главнокомандующего, создавали отряды, которые не только не применяли оружия против отступающих частей, но и, как говорится, мух, то бишь дезертиров, не ловили. Вряд ли в действительности дело обстояло таким образом. Заградотряды были упразднены, так как надобность в них отпала, лишь в 1944 г., следовательно, ранее, особенно в 1941—1942 гг., они были нужны и надлежащим образом выполняли свои функции. Отсутствие документальных сведений о применении заградотрядами оружия против своих войск нельзя воспринимать в качестве свидетельства того, что подобной практики не было. Ясно лишь одно — подобные действия не документировались.

¹ Стариков Н. Н. Войска НКВД в Сталинградской битве. М., 2013. С. 105—106.

² Там же.

³ Там же. С. 111.

Заградотряды находились в оперативном управлении командующих дивизий, и их действия не предусматривались в приказах вышестоящего военного руководства. Распоряжения по поводу заградотрядов отдавались в устной форме, в такой же форме излагались и отчеты об их выполнении. Потери в живой силе, понесенные в ходе выполнения распоряжений, не учитывались, поскольку полностью списывались на противника. По этой же причине не учитывались заслуги в решении и другой задачи, связанной с «ликвидацией паникеров и трусов».

Возложенная на заградотряды обязанность «ликвидировать паникеров и трусов» противоречит законодательству. Самовольное оставление поля сражения во время боя представляет собой преступление, указанное в ст. 22 Положения о воинских преступлениях, а расследование преступлений и «ликвидация виновных лиц» согласно уголовно-процессуальному законодательству — прерогатива следователей и военных трибуналов. Незнание заградотрядчиками уголовного и уголовно-процессуального законодательства неизбежно влекло за собой ошибки в определении виновных лиц и, соответственно, в применении высшей меры наказания к невиновным лицам.

Таким образом, стремление Сталина и его окружения возложить на заградотряды проведение расправы над военнослужащими сразу же после совершения ими преступления на деле обернулось еще одной формой тотального террора, повлекшего за собой многочисленные жертвы. Применение оружия против своих военнослужащих даже палачи признавали настолько неэтичным, что в победных реляциях считали зазорным об этом упоминать. Расстрелы заградотрядчиками паникеров и трусов без суда и следствия также влекли за собой неоправданные потери среди красноармейцев, которые в настоящее время установить не представляется возможным. Скорее всего Е. Жирнов прав в том, что всех паникеров, дезертиров и прочих реальных и мнимых преступников, расстрелянных «без суда и следствия, можно оценить только весьма и весьма приблизительно. Но можно предположить, что их было ничуть не меньше, чем осужденных в обычном порядке»¹.

Как показали первые два года войны, пытка давала прекрасные результаты, когда нужно было выбить «добровольные» признания в шпионаже, ином государственном преступлении из человека, случайно попавшегося в сети карательных органов НКВД, и была малополезной в деле обнаружения и задержания настоящих диверсанта

¹ Жирнов Е. Ни за что отдали свою жизнь здесь // Коммерсантъ. Власть. 2012. № 4. 30 дек. С. 46.

и шпиона, заброшенного из Германии. В этих случаях требовались иные методы, которым армейские особые отделы не были хорошо обучены. Вследствие этого согласно постановлению СНК СССР от 19 апреля 1943 г. на базе управления особых отделов НКВД были созданы Управление контрразведки СМЕРШ Наркомата ВМФ СССР и отдел контрразведки СМЕРШ НКВД СССР. Постановлением ГКО от 21 апреля 1943 г. № 3222 было утверждено Положение о Главном управлении контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны СССР. Начальник вновь созданного органа В. С. Абакумов проявил себя талантливым руководителем и организатором контрразведки, а возглавляемый им орган по результативности признавался самой эффективной спецслужбой во время Второй мировой войны, внесшей весомый вклад в победу над Германией¹.

Среди основных направлений деятельности СМЕРШ следует выделить: выявление, разоблачение и задержание шпионов в Наркомате обороны; агентурную работу среди военнопленных и проверку военнослужащих Красной Армии, возвратившихся из плена; обнаружение и разоблачение агентуры, действующей в тыловых частях Красной Армии; внедрение шпионов в разведывательные органы Германии для выявления агентов, забрасываемых в части Красной Армии. Романтизм деятельности органов СМЕРШ ярко показан в романе В. О. Богомолова «Момент истины».

Вполне понятно, что твердой гарантией успешной работы СМЕРШ была пытка, которая применялась и в послевоенный период. Министр госбезопасности В. С. Абакумов в письме И. В. Сталину от 17 июля 1947 г. «О сложившейся в органах МГБ практике ведения следствия по делам о шпионах, диверсантах, террористах и участниках антисоветского подполья» признавался, что в отношении «врагов советского народа», нагло отказывающихся выдавать своих сообщников и не дающих показаний о своей преступной деятельности, органы МГБ применяют меры физического воздействия в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г.² Однако данные о погибших в застенках СМЕРШ от пыток или расстрелянных пока современными исследователями не добыты. Имеется лишь уверенность в том, что советская контрразведка не знала жалости³.

Весьма оригинальным и, как уже говорилось, совсем неожиданным для наркома юстиции СССР и Прокурора СССР стало решение

¹ См.: *Игнатов В. Д.* Карательные органы ввремя войны. СМЕРШ. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%98/ignatov-vladimir-dmitrievich/palachi-i-kazni-v-istorii-rossii-i-sssr/3>.

² См.: Лубянка. Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917—1991: справочник. М., 2003. С. 645.

³ См.: *Телицын В. Л.* «СМЕРШ»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 38.

законодателя о замене предварительного следствия: 1) по делам о прогульщиках и отказниках от работы — материалами, представляемыми в суд руководителями предприятий и учреждений; 2) по делам о невыполнении колхозниками установленного минимума трудовой — материалами, представляемыми председателями колхозов; 3) по делам об укрывательстве руководителей предприятий и учреждений от уголовной ответственности прогульщиков по работе, а также об укрывательстве председателями колхозов колхозников, не выполнивших минимум трудовой, — материалами, представляемыми председателями райисполкомов или секретарями райкомов партии.

Благодаря подобной «революционной» мере правосудие удалось сделать быстрым, но за счет заметного ухудшения его качества. Как показала последующая практика, не располагая полными достоверными данными об обстоятельствах совершенного преступления, которые могли находиться в уголовном деле, суд вынужден был сплошь и рядом выносить необоснованные приговоры, полагаясь на материалы, составленные должностными лицами предприятий, учреждений непрофессионально, как правило, даже без точного и ясного описания существа дела. «Скорое» правосудие по дисциплинарным проступкам в разы увеличило преступность в СССР за счет признания судом преступниками лиц, не совершавших преступных деяний. Несообразность подобной практики признал ПВС СССР, который в акте амнистии 1945 г. не просто освободил осужденных по трудовым делам от отбывания наказания, а снял с них судимость. В очередной раз государственному произволу придавалась видимость гуманности и заботы советского государства о простых советских гражданах.

Указом ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» были учреждены военно-полевые суды по образу и подобию столыпинских военно-полевых судов, созданных в 1906 г. для расправы над участниками вооруженного восстания 1905 г. Суды предназначались для вынесения решений о чрезвычайных, особенно суровых мерах, не предусмотренных уголовным законодательством Союза ССР и УПК РСФСР, чтобы достойно покарать немецко-фашистских захватчиков за учиненное ими чудовищное насилие над мирным населением и пленными красноармейцами, а также шпионов и изменников Родины из числа советских граждан, помогавших захватчикам в их зверствах.

Смертная казнь через повешение предназначалась для немецких, итальянских и других фашистских злодеев, а также шпионов и из-

менников Родине из числа советских граждан; ссылка в каторжные работы — для пособников из местного населения, оказывавших содействие оккупантам. Пленум Верховного Суда СССР признал, что названные санкции могут не соответствовать тяжести вины лиц, вынужденных наниматься к немцам на работу ради «куска хлеба» и не принимавших участия в карательных операциях. Эта позиция изложена в постановлении ПВС СССР от 25 ноября 1943 г. Такой подход к ответственности пособников фашистов противоречил воззрениям Сталина. Поэтому ПВС СССР в постановлении от 31 декабря 1943 г. особо подчеркнул, что Верховный Суд СССР может применять в виде наказания ссылку в каторжные работы к категориям осужденных, в отношении которых эти меры предусмотрены. Словом, никаких поблажек.

Военно-полевой суд не был постоянно действующим судебным учреждением, подобным военному трибуналу, состав военно-полевого суда формировался на период проведения одного дела. В состав суда входили председатель военного трибунала дивизии, начальник особого отдела дивизии и заместитель командира дивизии по политической работе. Дело рассматривалось с участием прокурора дивизии в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством. На суде свидетелями или общественными обвинителями могли быть все желающие, при этом суд не ограничивал время их выступления. Приговоры, вынесенные военно-полевыми судами, утверждались командиром дивизии и сразу же приводились в исполнение. Казнь совершалась публично, а тела повешенных оставались на виселице в течение нескольких дней.

Первая особенность военно-полевых судов состояла в том, что они представляли собой форму правосудия, призванную достойно покарать оккупантов за злодеяния против народа и за ущерб экономике страны, а также за нарушение ими норм международного права и жестокость, которыми они пытались утвердить свою власть на захваченных землях. Поэтому Политбюро ЦК партии и Правительство сочли возможным отказать лицам, совершившим подобные злодеяния, в праве на санкции цивилизованного уголовного права, применив к ним средневековую санкцию — повешение, а к их пособникам из числа советских граждан — долгосрочную ссылку на каторжные работы. Однако деятельность военно-полевых судов не получила широкого распространения, а в конце войны и вовсе перешла к военным трибуналам.

Вторая особенность военно-полевых судов заключалась в том, что они не были предусмотрены Законом о судостроительстве СССР и не

действовали на постоянной основе. Фактически это было временное судебное учреждение, создаваемое командующими дивизий для рассмотрения дел о злодеяниях, учиненных оккупантами и их пособниками из числа советских граждан. Соответственно, приговоры военно-полевых судов, не входящих в систему постоянных органов советского правосудия, не подлежали судебному надзору.

Таким образом, усовершенствования, которые в 1941—1945 гг. Политбюро ЦК партии и Правительство приняли в области государственного принуждения, чтобы сохранить правопорядок и обеспечить надлежащее выполнение населением возложенных на него в военное время дополнительных обязанностей, не были сугубо правовыми мерами. Наоборот, это обременение населения представляло собой серьезное наступление на основы жизнедеятельности граждан: жизнь, здоровье, свободу мысли и слова, надлежащий материальный достаток, защиту от незаконных и необоснованных посягательств со стороны государства. Большой террор, проведенный Н. И. Ежовым в 1937—1938 гг., в период войны перерос в тотальный, охвативший все социальные слои общества.

Гегемон пролетарской революции и господствующий в советском обществе рабочий класс подвергался повсеместному уголовному преследованию за дисциплинарные проступки, за осуществление права свободно выбирать профессию и место работы; союзник рабочего класса по революционному преобразованию общества — колхозное крестьянство — жесткому уголовному преследованию за невыполнение установленного государством минимума трудодней; руководители предприятий, учреждений и председатели колхозов — за ненадлежащее выполнение возложенной на них обязанности проводить предварительное расследование дисциплинарных проступков работников и направлять соответствующие материалы в суд; красноармейцы были отданы во власть командиров и комиссаров, которые по мотивам борьбы с паникерами и трусами наделялись правом расстреливать красноармейцев без суда и следствия. Суд стал скорым, как того желал товарищ Сталин, но превратился в свою противоположность — в средство сталинского террора. Соответственно, террористическими по своей правовой природе оказывались мероприятия, посредством которых в военное время сталинский террор воплощался в жизнь. Исключение составила образованная Указом ПВС СССР от 2 ноября 1942 г. Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее — Комиссия).

Комиссия была создана в целях сбора и закрепления доказательств преступлений, совершенных немецкими захватчиками на оккупированных территориях, определения причиненного ущерба и установления личностей оккупантов, виновных в совершенных преступных деяниях. На Комиссию возлагались сбор документальных данных, их проверка и подготовка всех материалов о злодеяниях и материальном ущербе, причиненном советским гражданам, колхозам и государству в результате оккупации советских территорий армиями Германии и ее сообщников.

Комиссия состояла из председателя — Н. М. Шверника (председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР), академиков Н. Н. Бурденко, Б. Е. Веденеева, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, И. П. Трайнина, а также А. А. Жданова, А. Н. Толстого, летчицы В. С. Гризодубовой и митрополита Киевского и Галицкого Николая.

За период работы Комиссия собрала бесспорные доказательства преступных действий оккупантов на территории СССР. Эти данные были использованы на Нюрнбергском процессе, а также на многих процессах в СССР по обвинению фашистов в совершенных злодеяниях. Материалы Комиссии и в настоящее время представляют значительный научный интерес, но, к сожалению, им пока не уделяется достаточного внимания.

Глава 54. Террор в «человеческом» измерении

Одним из критериев правильной оценки результативности действия норм права является их эффективность. Суть оценки сводится к сопоставлению цели норм права с результатами их применения. При этом выделяют два вида эффективности: юридическую и социальную. Юридическая эффективность характеризует способность норм права реализовываться в конкретных правоотношениях и тем самым создавать в обществе стабильный правопорядок. Если посредством норм права удалось достичь их цели на 100 или на 85—90%, то эти нормы признаются юридически эффективными. Более низкие результаты свидетельствуют о недостаточной или вовсе незначительной юридической эффективности. Социальная эффективность определяется полученными социальными результатами, т. е. тем, насколько нормы права, реализуемые правомерными действиями, способствуют достижению социально полезных результатов, предусмотренных целями этих норм¹.

¹ См.: Кудрявцев В. Н., Самощенко И. С., Никитинский В. И., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 23—52.

С этих позиций нормативные правовые акты по вопросам правосудия, хотя и не были подняты на высоту закона, обеспечили высокую юридическую эффективность системы советского правосудия, сумевшего в военное время вести решительную борьбу с преступными посягательствами на устои и правопорядок, сурово карать на фронте паникеров, трусов, дезертиров, перебежчиков, шпионов и диверсантов, а в тылу — нарушителей трудовой дисциплины, трудовых дезертиров, бандитов и спекулянтов, немецких шпионов, провокаторов, иных пособников немецких агрессоров. Данные о численности репрессированных в ходе сталинского террора не могут не впечатлять, хотя пока не найден достоверный документ о численности репрессированных в ходе сталинского террора, а сведения, представленные российскими авторами и официальной советской статистикой, различаются в разы. По данным Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко и министра юстиции СССР К. П. Горшенина в докладной записке, направленной Н. С. Хрущеву 1 февраля 1964 г., коллегия ОГПУ, тройки НКВД, ОСО, военная коллегия Верховного Суда СССР, суды и военные трибуналы за 1921—1954 гг. осудили 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980 человек; к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220 человек; к ссылке и высылке — 765 180 человек. Из общего числа арестованных осуждены: примерно 2 900 000 человек — коллегией ОГПУ, тройками НКВД и ОСО и 877 000 человек — судами, военными трибуналами, спецколлекгией и военной коллегией Верховного Суда СССР¹. Однако информация представляется неполной — в нее входят не все данные о репрессированных по политическим преступлениям.

Сталинский террор имеет своим началом раскулачивание в период сплошной коллективизации 1930—1931 гг. За этот период согласно сведениям о выселенном кулачестве в 1930—1931 гг. отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ отправлены на спецпоселение 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека. За 1932—1940 гг. в спецпоселения прибыли еще 489 822 раскулаченных². В ходе большого террора за 1937—1938 гг. осуждены 1 344 932 человека, из которых 681 692 приговорены к расстрелу³. В период «бериевского затишья», в 1939—1940 гг., осуждены 125 695 человек, из них приговорен к расстрелу 4201 осужденный (табл. 6).

¹ См.: Руденко Р. А., Горшенин К. П. Докладная записка Н. С. Хрущеву от 1 февраля 1964 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=12531>.

² См.: Раскулачивание. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

³ См.: Пыхалов И. В. За что сажали при Сталине. Как врут о «сталинских репрессиях». URL: <https://www.libfox.ru/571449-igor-pyhalov-za-chto-sazhali-pri-staline-kak-vrut-o-stalinskih-repressiyah.htm>.

Таблица 6

**Численность арестованных и осужденных в период большого террора
и «бериевского затишья», человек***

Год	Арестованы	В том числе за контрреволюционные преступления	Осуждены	Высшая мера наказания	До 10 лет лишения свободы
1937	936 750	779 056	790 665	353 074	426 763
1938	638 509	593 326	554 258	328 618	199 781
Всего	1 575 259	1 372 382	1 344 932	681 692	626 544
1939	—	—	63 889	2552	23 723
1940	—	—	71 806	1649	21 514

* *Источник: Папков С. А.* Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945).

В военное время интенсивно, как говорится «на износ», работали все звенья советской правовой системы — от общих судов до квазисудебных органов. В результате общими усилиями по политическим делам были привлечены к уголовной ответственности 2 956 705 человек (табл. 7). За тот же период ОСО при НКВД СССР осудило 165 405 человек. Наряду со специальными судами и ОСО сталинский террор усердно проводили народные суды, привлекая к уголовной ответственности работников предприятий, учреждений и колхозников за нарушение трудовой дисциплины (табл. 8).

Таким образом, согласно приведенным данным, число репрессированных в ходе сталинского террора на начало 1946 г. превысило 15 млн и составило 15 437 053 человека, в том числе: осужденные за политические преступления — 6 396 432; кулаки — 2 293 517; осужденные за нарушение трудовой дисциплины — 8 550 799. Как видим, число репрессированных в пять раз превышает показатель из докладной записки Руденко и Горшенина Хрущеву от 1 февраля 1964 г. Авторы записки не учли репрессированных кулаков, скорее всего потому, что они были сосланы без суда на основании решений местных Советов и представителей ОГПУ. Однако это не исключает кулаков из числа жертв сталинского террора, наоборот, лишь указывает на неправомерный характер террора. Раскулаченных репрессировали в самой грубой форме, которую может придумать государство — без суда и следствия, без необходимых для любого уголовного наказания процедур.

Таблица 7

**Численность осужденных по видам судов за 1941—1945 гг.
(по СССР), человек***

Год	Осужде- ны воен- ной коллегий СССР (за контррево- люционные преступле- ния)	Осужде- ны суда- ми общей подсудно- сти (с по- правкой на неполноту учета)	Осуждены линейны- ми и окруж- ными судами и военными трибуналами ж/д и вод- ного транс- порта	Осужде- ны воен- ными три- буналами армии, фло- та и войск НКВД	Итого
1941	1426	3 108 259	55 928	216 142	3 381 755
1942	72	2 818 826	76 563	686 562	3 582 023
1943	60	2 405 509	89 780	727 207	3 222 556
1944	123	2 449 386	96 120	543 745	3 089 374
1945	273	2 297 215	87 615	357 007	2 742 146
Итого за 1941— 1954		13 079 195	406 042	2 530 663	16 017 854
В среднем за год	391	2 615 839	81 208	506 132	3 203 570

* *Источник: Папков С. А.* Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945).

В докладной записке Руденко и Горшенина также безосновательно отсутствуют данные о привлеченных к уголовной ответственности за дисциплинарные проступки. Тот факт, что осужденные за подобные деяния были амнистированы Указом ПВС СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией», не отменяет реальности вынесенных обвинительных приговоров. Амнистия действует только «вперед», влияет на будущие отношения и события, но обратной силы не имеет и не лишает приговор как документ (правоприменительный источник) подлинности.

Следовательно, советское правосудие, стойко защищавшее устои советского общества и государства, неукоснительно привлекая к уголовной ответственности правонарушителей и иных социально опасных элементов, обеспечило высокую юридическую эффективность норм права, закрепивших сталинский террор. Успешная работа судов и иных карательных органов, в свою очередь, создала условия для

Таблица 8

**Численность осужденных в СССР за нарушение трудовой дисциплины
в военное время (1941—1945)**

Основание привлечения к ответственности	Число, человек
Самовольный уход с предприятий и из учреждений (Указ от 26 июня 1940 г.)	1 080 921
Прогулы (Указ от 26 июня 1940 г.)	5 666 484
Самовольный уход из ремесленных училищ и школ ФЗО (Указ от 28 декабря 1940 г.)	50 179
Дезертирство с предприятий военной промышленности и др. (Указ от 26 декабря 1941 г.)	960 897
Уклонение от мобилизации для работы на производстве и в строительстве (Указ от 13 февраля 1942 г.)	21 786
Уклонение от мобилизации на сельхозработы (Указ от 15 апреля 1942 г.)	91 246
Невыработка колхозниками минимума трудодней (Указ от 15 апреля 1942 г.)	679 286
Всего	8 550 799

изменения, совершенствования социальной сферы сообразно политике, проводимой партией.

В начале 1930-х гг. проводились сплошная коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулака как класса. В 1937—1938 гг. были уничтожены остатки социально опасных элементов, советское общество приведено в соответствие классовому составу, определенному Конституцией СССР. Однако наибольшая социальная результативность права была достигнута в военное время. Совокупными усилиями лжезаконодателей и правоприменителей обеспечивался стабильный правопорядок: сохранялись высокие темпы общественного производства материальных благ, велось активное наступление Красной Армии, приведшие Советский Союз к победе над Германией.

Следовательно, имеются все основания говорить о том, что нормы, закрепившие сталинский террор и проведенные в жизнь советскими судами и иными правоохранительными органами, действовали эффективно как в юридическом, так и в социальном плане, обеспечили успешное выполнение задач, которые не были в тот период по силам ни одному другому государству.

Достижение столь благостных результатов применения норм права, установивших и поддерживавших сталинский террор, не-

сколько омрачило нарушение законности карательными и правоприменительными органами. Даже такой последовательный и результативный защитник сталинского режима, как И. В. Пыхалов вынужден был признать этот факт. К сожалению, отмечал он, «были среди “жертв сталинских репрессий” и невинно пострадавшие. Причиной этому и засевавшая в “органах” троцкистская агентура, и низкий уровень юридической грамотности тогдашних работников НКВД, и чрезвычайный накал борьбы с настоящими врагами нашей Родины, многочисленными и жестокими. Однако ошибки исправлялись. Уже в январе 1938 года на Пленуме ЦК ВКП(б) прозвучало осуждение практики огульного исключения из партии. Вот что говорилось в передовице “Правды” от 26 января 1938 года с примечательным названием — “Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!”»¹.

Несколько иную позицию занимали секретари ЦК КПСС А. Н. Яковлев, В. А. Медведев и другие авторы записки в ЦК КПСС от 25 декабря 1988 г. «Об антиконституционной практике 30—40-х и начала 50-х годов», которые источник большого числа невинных жертв сталинского террора видели не в отдельных работниках-троцкистах, превысивших свои полномочия, а в органах советского государства, в том, что *приговоры в отношении жертв выносились квазисудебными и неконституционными органами типа троек, двоек, особых совещаний, по спискам и др.* Следовательно, полагали авторы записки, нужно законодательным актом ПВС СССР признать все такие акты незаконными, а вытекающие из них правовые, политические и гражданские последствия, ущемляющие права граждан и унижающие их достоинство, — не имеющими юридической силы².

Итак, оценка эффективности норм по вопросам сталинского террора необходимо предполагает выявление лиц, репрессированных по заслугам, к которым юридическая ответственность была применена законно и обоснованно, из всех лиц, пострадавших невинно из-за судебно-следственной ошибки или иной незаконной деятельности правоприменительных органов. Ибо мерилom эффективности норм права могут служить лишь данные о совершении запрещенных советскими законами деяний лицами, осужденными в строгом соответствии с процессуальными нормами права. Данные о репрессиро-

¹ Пыхалов И. В. За что сажали при Сталине. Невинны ли «жертвы репрессий»? URL: https://booksafe.net/read/pyhalov_igor-za_chto_sazhali_pri_staline_nevinny_li_zhertvy_repressiy-223537.html#p91.

² См.: Яковлев А. Н., Медведев В. А., Чебриков В. М., Лукьянов А. И., Разумовский Г. П., Крючков В. А., Болдин В. И., Смирнов Г. Л. Об антиконституционной практике 30—40-х и начала 50-х годов. М., 1988. URL: <https://www.mat.univie.ac.at/~neretin/1937/yakovlev.html>.

ванных невиновно также имеют значительный научный интерес как свидетельства о факторах, заметно уমাляющих высокую результативность норм права.

Однако чтобы получить достоверные данные о жертвах террора, необходимо предварительно убедиться в правомерности и правильности нормативных правовых актов, использованных судами и иными органами юстиции в период сталинского террора. Неправовой закон, не соответствующий принципам права и конституции, никаких прав в реальной жизни породить не может, он способен лишь сообразно своей неправовой сущности нести беззаконие и сеять хаос. Между тем этот первостепенной важности аспект оценки эффективности норм права согласно позитивистской доктрине, возводящий на уровень действующего права любой акт государственной власти, представляется ненужным.

Традиционное позитивистское мышление оставляет вне критического анализа степень соответствия нормативного акта научно обоснованным положениям. Так, И. В. Пыхалов считает, что законность или незаконность приговора, если отбросить эмоции, характеризуется «соблюдением или несоблюдением формальной юридической процедуры. То есть, если человек осужден согласно действовавшему тогда законодательству за совершение деяния, считавшегося в те времена преступным, — значит, он осужден законно. Ну а если вина его не доказана, — значит, незаконно»¹. Ситуация, когда неправовым может быть не только приговор, но и обосновывающий его закон, Пыхалову даже в голову не приходит, тогда как в период сталинских репрессий неправовую природу имели не только приговоры, но и их законодательная основа. *Реальной первопричиной сталинского террора выступают не ошибки правоприменителей, а неконституционное законотворчество Политбюро ЦК партии, НКВД СССР, Наркомюста СССР и ПВС СССР.*

Со времен Древнего Рима известен принцип, согласно которому действия, не запрещенные законом, нельзя рассматривать как преступление и наказывать за них. Уголовная ответственность представляет собой одну из немногих сфер, в которой государство и индивид взаимодействуют напрямую. Для того чтобы государство могло обвинить индивида в совершении преступления, оно должно надлежащим образом выполнить следующие условия: 1) законодательным органом власти запретить конкретные социально опасные деяния под страхом применения уголовной ответственности; 2) по-

¹ Пыхалов И. В. За что сажали при Сталине. Как врут о «сталинских репрессиях». URL: <https://www.libfox.ru/571449-igor-pyhalov-za-chto-sazhali-pri-staline-kak-vrut-o-stalinskih-repressiyah.htm>.

местить соответствующий закон в источниках официального опубликования, создав реальную возможность всем и каждому ознакомиться с установленным запретом; 3) принять уголовно-процессуальное законодательство, закрепляющее гарантии обвиняемому на эффективную защиту от необоснованного обвинения в преступных деяниях.

Как следует из ранее изложенного, ЦИК и СНК СССР (до 1936 г.) и Верховный Совет СССР (после 1936 г.) как конституционно законодательствующие органы советского государства *ни одного из этих условий не выполнили*. ЦИК и СНК СССР не установили составов преступлений, совершение которых зажиточной частью крестьянства влекло бы за собой их раскулачивание с применением мер уголовной ответственности в виде расстрела, лишения свободы, конфискации имущества, ссылки в малопригодные для жилья районы. Верховный Совет СССР законодательно не закрепил основания репрессирования социально опасных элементов в ходе большого террора 1937—1938 гг., а также порядок судебного рассмотрения уголовных дел нарушителей трудовой дисциплины в 1940—1945 гг. Словом, вклад законодателя в регулирование сталинского террора оказался минимальным, будто речь шла не о незаконном репрессировании граждан и целых народов на протяжении четверти века, а о каком-то второстепенном явлении.

Не сформулированные в законах предписания были разработаны Политбюро ЦК партии, *самовольно присвоившим (захватившим) законотворческие функции Верховного Совета СССР в сфере уголовного, гражданского и процессуального законодательства, возложенные на него ст. 14 Конституции СССР*. Симптоматично, что в постановлении от 30 ноября 1992 г. по делу о проверке конституционности указов Президента РФ, а также конституционности КПСС и КП РСФСР Конституционный Суд РФ признал руководящие структуры КПСС виновными лишь в инициировании политики репрессий в отношении миллионов советских граждан, и, как сказано в басне И. А. Крылова, «шуку бросили в реку». Однако между инициированием репрессий и прямой подменой законодательной деятельности Верховного Совета СССР лежит дистанция огромного размера, и ее мог не заметить только орган, сознательно уклоняющийся от объективной оценки ответственности ЦК КПСС за сталинский террор.

Первым раундом присвоения законодательной функции Политбюро ЦК партии под руководством Сталина стало принятие совершенно секретного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в

районах сплошной коллективизации». В прямом противоречии с действующим законодательством Политбюро ЦК партии предписало: 1) привлечение к юридической ответственности крестьян не за совершенные правонарушения, а по мотивам ложно понятой ими социальной опасности для колхозного движения; 2) применение государственного принуждения к лицам, признанным кулаками, не судебными органами, а специально созданными тройками и иными местными органами; 3) назначение ссылки на неопределенный срок в труднодоступные районы Сибири, Дальнего Востока и Казахстана; 4) проведение конфискаций всего имущества раскулаченных.

Второй раунд отмены действия норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства был проведен Политбюро ЦК ВКП(б), принявшим постановление от 2 июня 1937 г. «Об анти-советских элементах» и постановление от 31 июля 1937 г. «Вопрос НКВД», утвердившее приказ наркома внутренних дел от 30 июля 1937 г. № 00447.

Вопреки действующему уголовному и процессуальному законодательству постановление Политбюро ЦК партии от 2 июня 1937 г. обязывало секретарей обкомов, крайкомов, ЦК национальных коммунистических партий, а также всех областных, краевых и республиканских представителей НКВД расстрелять наиболее враждебных кулаков и уголовников в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальных, менее активных, но все же враждебных элементов выслать в районы по указанию НКВД. Приказом НКВД от 30 июля 1937 г., утвержденным постановлением Политбюро ЦК партии от 31 июля 1937 г., закреплялись: 1) право наркома внутренних дел, начальника управления или областного отдела НКВД выдавать санкции на арест социально опасных элементов; 2) право троек применять уголовно-правовые санкции в виде расстрела или направления осужденных в ИТЛ в упрощенном порядке, без вызова обвиняемого, по материалам, представленным следствием; 3) право репрессировать «менее активные, но все же враждебные элементы» и «наиболее злостные и социально опасные элементы», т. е. по мотивам их социальной опасности и без совершения конкретных общественно опасных деяний.

ПВС СССР не были в полной мере соблюдены названные обязанности при подготовке и принятии указов ПВС СССР по вопросам уголовной ответственности за прогулы, самовольное оставление работы, а также за трудовое дезертирство с оборонных и иных предприятий. Во-первых, Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г., устанавливающий уголовную ответственность рабочих и служащих пред-

приятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий, не был утвержден Верховным Советом СССР. Во-вторых, законодательно не был определен порядок рассмотрения уголовных дел прогульщиков и трудовых дезертиров. Лапидарные предписания по этому поводу даны в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 15 июля 1940 г. «О порядке рассмотрения народными судами дел о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и из учреждений и о прогулах без уважительных причин». Между тем изменение процессуального законодательства согласно Конституции СССР составляет прерогативу Верховного Совета СССР.

Все указы ПВС СССР по вопросам уголовной ответственности и судопроизводства, принятые в военное время, в том числе об изменении подсудности дел ОСО при НКВД СССР, о наделении его правом расстрела осужденных, введении военно-полевых судов, приведении высшей меры наказания в исполнение через повешение, применении каторжных работ и др., были приняты за пределами полномочий ПВС СССР и потому являются незаконными и недействительными. Как уже говорилось, согласно Конституции СССР 1936 г. право законодательствования присуще только Верховному Совету СССР. Если Политбюро ЦК партии и Правительство полагали возможным наделить ПВС СССР правом вносить изменения в действующие законы между сессиями Верховного Совета СССР, ничто не мешало им выступить с законодательной инициативой о внесении соответствующих изменений в Конституцию СССР.

Однако ничего в этом направлении не предпринималось, видимо, товарищ Сталин и его окружение не считали предосудительными неконституционные указы ПВС СССР, вносящие изменения в уголовное и процессуальное законодательство. На фоне всех грубейших нарушений Конституции СССР, которые допускались в процессе организации и проведения сталинского террора, внесение изменений в законодательство некомпетентным органом Сталин и его окружение рассматривали скорее как некий «пустячок», вполне оправданный суровыми условиями предвоенного и военного времени. Подобные действия явно не соответствуют положениям доклада Сталина «О проекте Конституции СССР», произнесенного на VIII Чрезвычайном всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г.

Одно из основных достоинств Конституции СССР докладчик видел в том, что она позволит «покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться

только одним органом, Верховным Советом СССР»¹. Получается, что у лидера партии и вождя советского народа слова расходятся с делом. Вождь партии, озабоченный проблемой стабильности закона, сам же спустя два года принимает акты, подрывающие не только стабильность закона, но и основы конституционного народовластия.

Таким образом, нормативные правовые акты по вопросам организации и проведения сталинского террора, принятые Политбюро ЦК партии, ПВС СССР, НКВД, наркомом юстиции СССР, и другие ведомственные акты вносят существенные корректировки в уголовное и процессуальное законодательство в части оснований уголовной ответственности и назначения наказания, создают квазисудебные органы, правомочные применять высшую меру наказания во внесудебном, упрощенном порядке. Указами ПВС СССР без последующего утверждения Верховным Советом СССР устанавливаются новые составы преступлений, учреждаются военно-полевые суды, определяются новые уголовно-правовые санкции в виде смертной казни через повешение и ссылки в каторжные работы. Названные и иные нормативные правовые акты, вносящие изменения в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство неконституционным путем, не соответствуют ст. 14 Конституции СССР и потому являются незаконными и никаких юридически значимых актов породить не могут.

Все приговоры судебных органов и решения квазисудебных органов, принятые в период сталинского террора в предвоенные годы и во время войны, незаконны и подлежат отмене независимо от того, применялись они к правонарушителю или к правомерно действовавшему гражданину. Как уже говорилось, государство, утверждающее право посредством наказания преступника, может руководствоваться только сугубо правовыми, законными основаниями. Правовой порядок тем и отличается от разбоя, что на совершенное зло государство отвечает не новым злом, а только правовыми средствами, в том числе уважая права обвиняемых и осужденных.

Полемика современных авторов по поводу виновности Сталина в огромном числе жертв развязанного им террора носит односторонний характер, ограничивается анализом следствия без установления причин. Виновность заключается в умышленном инициировании и принятии Сталиным неконституционной, незаконной совокупности нормативных предписаний об организации и проведении террора. А главная вина вождя партии состоит в создании нормативной базы инициированного им террора, противоречащей уголовному и

¹ Сталин И. В. О проекте Конституции СССР. С. 530.

уголовно-процессуальному законодательству, что, в свою очередь, привело к подрыву власти Верховного Совета СССР и ослаблению власти верховных советов союзных республик в части регулирования законодательства о судостроительстве, судопроизводстве, уголовного законодательства и к многочисленным человеческим жертвам.

Для признания Сталина и его окружения виновными в совершении особо опасного преступления вполне достаточно бесспорно доказанного факта принятия ими неконституционных, незаконных правовых актов, позволивших развязать в стране террор. В защиту Сталина может быть приведен веский аргумент: благодаря террору удалось консолидировать общество, имеющие материальные, трудовые и воинские ресурсы и обеспечить торжество основ социализма, а затем и победу над Германией. Аргумент заслуживает внимания.

Говоря о незаконности нормативных правовых актов по вопросам террора, мы оцениваем их по формальному критерию — степени соответствия вышестоящим актам, которое нарушать нельзя ни при каких обстоятельствах, — таков один из ведущих принципов системы нормативных правовых актов. Однако вполне возможна ситуация, когда незаконные нормативные правовые акты содержат более прогрессивные нормы, нежели законы. Для определения подобных ситуаций используется критерий правильности нормативного правового акта.

Правильность закона обеспечивается органичным соответствием его содержания: во-первых, положениям правовой науки, политологии и иных отраслей научного знания, опосредующих закономерности функционирования и развития общественных отношений, составляющих предмет закона; во-вторых, правилам законодательной техники (требованиям полноты, непротиворечивости конституции, наличия механизмов реального действия проектируемых норм права и др.); в-третьих, правилам логики и грамматики, поскольку нормативный правовой акт должен быть безупречен как по содержанию, так и по форме. Любая попытка создать нормы права, не соответствующие названным и другим требованиям, представляет собой грубый произвол законодателя, способный породить лишь хаос и грубейшие нарушения прав и свобод личности, которые в полной мере проявились в период сталинского террора¹.

К сожалению, приходится признать, что все нормативные правовые акты, касающиеся сталинского террора, не соответствуют крите-

¹ См.: Истинность и правильность как критерии теоретической эффективности норм права // Эффективность закона. Методология и конкретные исследования. М., 1997. С. 24—25.

рию правильности, наоборот, ориентированы на внедрение средневековых методов розыска, ведения следствия и осуществления правосудия, лишая обвиняемых гарантии защиты прав, характерной для правосудия демократических государств Западной Европы. Сущность розыскного процесса, по мнению Л. П. Белковец и В. В. Белковец, состояла в том, что дело начиналось по инициативе государственного органа или должностного лица. В ходе разбирательства особую роль играли такие формальные доказательства, как поимка с поличным или собственное признание. Для получения признательных показаний применялись пытки¹.

Ранее была показана приверженность органов НКВД всем средневековым методам ведения следствия, среди которых наибольшее значение имели разрешенные Политбюро ЦК партии самые изощренные пытки, наносящие тяжкий вред здоровью и ставящие под угрозу жизнь обвиняемого. Пытки прекращались с получением «чистосердечных» признаний подследственного и даже приписыванием ему преступлений, о которых он никогда и не помышлял. Пытки носили тотальный характер, и их выдерживали лишь самые стойкие. Большинство деятелей партии признавались в не совершенных ими злодеяниях после первой же пытки, примененной коллегой по партии.

Квасисудебные органы типа ОСО НКВД, разного рода тройки, которые вершили правосудие в отношении политических преступников, были освобождены от судебного следствия и даже от присутствия подсудимого, успевая рассматривать в день от 200 до 1000 дел. Понятно, что действительное правосудие, основанное на непосредственном восприятии и оценке доказательств, в таком темпе невозможно. Подобное правосудие могло породить вал жалоб и заявлений от осужденных и их родственников в вышестоящие судебные инстанции. Чтобы это предотвратить, Политбюро ЦК партии лишило осужденных права жаловаться на вынесенный приговор, решение признавалось окончательным и подлежащим незамедлительному исполнению.

Юридическая техника большей части нормативных правовых актов по вопросам террора во многом напоминала средневековую. Небольшие по объему правовые акты содержали несколько предписаний, касающихся требуемого действия, без детализации прав и обязанностей участников регулируемых отношений, без установлений, разъясняющих, как нужно поступать действующему субъекту в той

¹ См.: *Белковец Л. П., Белковец В. В.* История государства и права России: курс лекций. Новосибирск, 2000. С. 58.

или иной ситуации. Обычно не определялись механизмы реализации норм права в конкретных отношениях. Создается впечатление, что правотворческий орган, сам не зная, каким образом нужно поступать в сложившейся ситуации, решение пробельного вопроса оставлял на усмотрение правоприменителя. Головоотяпство, в котором Сталин упрекал местные власти, допустившие ряд ошибок при раскулачивании, стало следствием головоотяпства высших, центральных органов, не способных представить сколько-нибудь полно основные модели реализации конкретных правоотношений.

В типичном для средневекового духе решались вопросы санкций. За совершение государственных и иных тяжких преступлений в условиях войны постановлениями ГКО, приказами Наркомата обороны предписывались расстрел на месте, расстрел по приговору суда или лишение свободы на длительный срок. Система мер социальной защиты, закрепленная ст. 13 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик от 31 октября 1924 г., позволяющая индивидуализировать наказание с учетом общественной опасности содеянного, не применялась.

Подобные карательные меры, практикуемые с первых дней Великой Отечественной войны, заметно увеличили потери в живой силе, которые несла Красная Армия. Прокурор СССР В. М. Бочков в Докладе И. В. Сталину от 8 февраля 1942 г. «О преступности в Красной Армии за первые месяцы войны» констатировал, что за первые шесть месяцев войны из 90 322 человек, осужденных военными трибуналами, к высшей мере наказания приговорены 31 327 человек¹. Между тем, отметил Прокурор СССР, не все осужденные заслуживают такого сурового наказания, как расстрел, и предложил Сталину законодательно одобрить практику отсрочки исполнения приговора до окончания военных действий.

Мудрый вождь партии не решился противоречить собственной теории усиления классовой борьбы и применения террора и издать от своего имени соответствующий акт. Предложение Бочкова в урезанном виде было воплощено в Указе ПВС СССР от 27 февраля 1942 г. «Об отсрочке исполнения приговора в отношении работников железнодорожного и водного транспорта». Всеобщее значение этой мере было придано постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 25 июля 1943 г., рекомендовавшим судам допускать отсрочку при осуждении к лишению свободы без поражения в правах, независимо от срока наказания. Благодаря гуманной мере отсрочки

¹ См.: Бочков В. М. О преступности в Красной Армии за первые месяцы войны: Доклад И. В. Сталину от 8 февраля 1942 г. // Коммерсантъ. Власть. 2012. № 4. 30 янв.

исполнения наказания Красная Армия получила дополнительно более 800 тыс. воинов, сыгравших заметную роль в разгроме врага. Террор также препятствовал рациональному использованию людских ресурсов в экономике и социальной сфере. Этот недостаток заметно умалял значение террора в решении задач государства и общества, но не отменил его роли в обеспечении твердой исполнительской дисциплины в период войны.

Таким образом, принятая Политбюро ЦК партии, НКВД, Наркомюстом СССР, ПВС СССР совокупность нормативных правовых актов, реализованная системой советского правосудия, квазисудебными и чрезвычайными судебными органами, действовавшая на протяжении 23—25 лет, способствовала победоносному завершению трех всемирно значимых исторических событий: построению основ социалистического общества, разгрому Германии и вхождению СССР в число государств, лидирующих на международной арене. Никогда еще в истории человечества на алтарь победы не приносили столько жертв — 15 млн осужденных, в том числе более 600 тыс. к высшей мере наказания — расстрелу.

Достижения мирового масштаба граждан страны существенно демократизировали мир и освободили колонии от метрополий (благодаря чему ряд стран перешел на социалистический путь развития). Обеспечение прав человека, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека ООН, было признано первостепенной обязанностью государства. *Всем этим не может не гордиться тот, кто любит свой народ, живший в СССР и внесший достойный вклад в достижение столь высоких судьбоносных результатов.*

Нельзя предавать забвению роль В. И. Ленина и И. В. Сталина, которые в архитрудных условиях сумели создать государство, способное успешно развивать экономику, социальную сферу и укреплять Вооруженные силы. Сталин оказался не на высоте, иницируя и проводя политику массового террора. Этот реальный недостаток его теоретической и практической деятельности не стоит скрывать и оправдывать тем, что число жертв политического террора намного меньше, чем представляет «либеральная» пресса.

Более того, основная доля вины Сталина в развязывании и проведении террора состоит в ином. Во-первых, был нарушен установленный порядок законодательствования, а эта обязанность была возложена на органы, конституционно не уполномоченные на подобные действия: Политбюро ЦК партии, наркоматы внутренних дел и юстиции и другие органы. Во-вторых, в силу мрачных воззрений на природу людей вождь партии и советского народа переоценил зна-

чение средств и приемов борьбы средневековой юстиции за порядок и исполнение законов государства, заменил демократические, гуманистические институты и принципы уголовного и уголовно-процессуального права этими средствами и приемами.

Да, подобные действия представляют собой разновидность особо опасного государственного преступления, как и умышленное уничтожение Сталиным его соратников по партии, способных составить ему конкуренцию в борьбе за пост руководителя партии. Но привлечение к ответственности виновника преступных деяний относилось к компетенции государства и общества тех лет, не сумевших и даже не пытавшихся убрать преступника с руководящих постов, наоборот, видевших в нем небожителя, источник своих побед, друга и вождя. Вопрос об уголовной ответственности Сталина утратил актуальность после его смерти, а ныне еще и из-за неоднократного истечения сроков давности. Такой поворот событий, однако, был бы для вождя партии полным откровением. Он настолько свято верил в необходимость террора, что даже после войны, когда потребность в нем заметно утратилась, не спешил что-либо менять в механизме террора, действовавшем безотказно еще добрых восемь лет после окончания Великой Отечественной войны.

Раздел XIII

ПРАВОСУДИЕ ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1945—1955)

Глава 55. Советское правосудие на стадии завершения сталинского террора

После того как «отгремев, закончились бои», в рамки правопорядка, традиционного для мирного времени, должна была вернуться жизнь советского общества, по крайней мере оно как победитель фашистской Германии заслуживало этого. Советское правосудие также следовало привести в полное соответствие с материальным и процессуальным законодательством, предусмотрев действие конституционно установленных общих и специальных судов и устранив все институты и учреждения, инициирующие и закрепляющие террор. Процесс прекращения террора предполагал проведение пяти процедур.

Во-первых, нужно было дать идеологическое обоснование необходимости отмены террора. Государству следовало публично признаться в том, что оно на протяжении длительного времени проводило террор, не соответствующий целям и задачам социалистического общества, представляющий собой чуждое ему явление и подлежащий самому решительному и полному искоренению. Во-вторых, ПВС СССР нужно было официально признать свои законы по вопросам террора утратившими силу, как и подзаконные нормативные правовые акты, закрепляющие порядки и механизмы использования террора в качестве средства государственного принуждения. В-третьих, надлежало упразднить органы, проводившие террор, и привлечь виновных в этом должностных лиц к уголовной или дисциплинарной ответственности. В-четвертых, советскому государству предстояло выполнить большой объем работы по реабилитации жертв террора и компенсации причиненного им материального, физического и морального вреда. В-пятых, необходимо было существенно реформировать законодательство о суде и правосудии таким образом, чтобы утвердить в нем все демократические инсти-

туты, обеспечивающие надежную защиту личности от необоснованных посягательств на ее права органов государства и иных лиц.

Однако изменение системы советского правосудия, как и всей политико-правовой сферы советского общества и государства, не было поставлено на научную основу, все решало одно лицо — великий Сталин, гений которого после победы над Германией стал само собой разумеющимся, не подлежащим сомнению фактом. Вождь партии не видел необходимости в коренном реформировании сферы правосудия, но все же согласился на реализацию трех мер: переход общих и специальных судов к довоенной подсудности; избрание народных судей населением на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании; совершенствование порядка привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

Избрание населением народных судей и народных заседателей в 1948 и 1951 гг. советская пропаганда представляла как величайшее достижение советской демократии, свидетельство неутомимой заботы партии о судьбах советских граждан и расширении форм их участия в управлении делами государства. Однако подобная «глубоко демократическая» акция не внесла значимых улучшений в порядок и качество судебной деятельности. Пришлось изменить лишь нормы о дисциплинарной ответственности судей, поскольку прежний административный порядок рассмотрения дел о дисциплинарных проступках судей Наркомюстом СССР и его местными органами приводил бы к умалению народной воли, выраженной в ходе выборов. Избранный народом судья отрешался от должности усмотрением органа исполнительной власти. Указом ПВС СССР от 15 июля 1948 г. «О дисциплинарной ответственности судей» предусматривалось для этих целей образовывать коллегии по дисциплинарным судам при областных и краевых судах в составе председателя соответствующего суда и двух назначаемых им членов.

Никаких других реформ в сторону демократизации карательной политики и системы правосудия Сталин не планировал. Он стойко верил в созданный им миф о наличии в советском обществе превеликого множества шпионов, диверсантов, террористов, иных классовых врагов и полагал, что без ведения с ними упорной, жестокой и непримиримой борьбы можно легко и безответственно утратить величайшие завоевания пролетариата даже после столь впечатляющей исторической победы над Германией. Поэтому все институты террора, созданные с учетом особенностей военного положения и законов того времени, действовали без значимых корректировок и без поправок на условия мирного времени, продолжая интенсивно пло-

дить врагов народа и увеличивать число жертв террора. Однако после войны завершается последняя стадия бериевщины и, соответственно, второй период истории сталинского правосудия и полностью реализуется краткосрочный, но особенно значимый период прекращения террора и восстановления демократических институтов советского суда. Оперативная ликвидация институтов террора служит еще одним бесспорным свидетельством его субъективности и ненужности в сфере советского правосудия.

Конечная стадия бериевщины приходится на последние годы жизни и деятельности Сталина, не желавшего упразднить террор, который, по его убеждению, на протяжении последних 15 лет зарекомендовал себя весьма и весьма положительно, за исключением некоторых нарушений законности, допущенных ретивыми исполнителями, карьеристами и пробравшимися в карательные органы врагами народа. В любом случае за следующие восемь послевоенных лет при жизни Сталина чекисты проводили террор теми же методами, в тех же целях, традиционно используя пытку в качестве основного способа выявления врагов народа, и довольствовались теми же результатами: арестами и осуждением к длительным срокам лишения свободы по преимуществу невиновных лиц.

Сохранение террора в послевоенный период в какой-то мере обуславливалось осуществлением мероприятий, связанных с выявлением и наказанием лиц, сотрудничавших с немецкими оккупантами в период их нахождения на территории СССР, а также проверкой вернувшихся на Родину советских граждан, вывезенных насильно на работу в Германию, и советских военнослужащих, взятых в плен в ходе боевых действий. По данным И. Пыхалова, проверке, продолжавшейся до середины 1950 г., подверглись 354 592 бывших военнослужащих, из которых 249 416 были направлены на службу в Красную Армию и только 11 556 человек, или 3,89%, — арестованы органами СМЕРШ¹.

В исторической и юридической литературе обоснованно показано, что фундамент правового режима фильтрации военнопленных и репатриированных гражданских лиц составляли методы террора. В специальных и проверочно-фильтрационных лагерях правовое положение проверяемых военнопленных было приближено к положению заключенных. «При проведении следственных мероприятий нарушались процессуальные нормы, к бывшим военнопленным применялись в массовом порядке незаконные средства и

¹ См.: Советских военнопленных после освобождения отправляли в ГУЛАГ. URL: <http://wiki.istmat.info>.

методы допросов, во время которых проявлялось огульное недоверие к вырвавшимся из немецкой неволи, унижалось их человеческое достоинство, применялось физическое воздействие, нарушалась их презумпция невиновности... Явно и открыто нарушались права и свободы военнослужащих, в подавляющем своем большинстве не совершивших никаких преступлений перед государством, более того, ставших в силу некомпетентности и беспечности руководства страны первыми жертвами ее неподготовленности к отражению агрессора»¹.

При жизни Сталина партия не придавала огласке применение террора в качестве эффективного орудия государственного принуждения, соответственно, в прессе и юридической литературе не появлялись публикации об идеологии государственного террора, необходимости его использования или, наоборот, отмены. Не устраивались торжества по завершении тех или иных мероприятий сталинского террора, благодарные трудящиеся не писали восторженных писем в адрес партии и Правительства, не было и публикаций о роли террора в успешном завершении войны. Отмирание террора шло эволюционно-секретным путем, незаметно и тихо, как и насаждение. При жизни Сталина реформирование террора свелось по преимуществу к его «косметическому ремонту»: 1) проведению амнистии по случаю победы над Германией; 2) прекращению уголовной и иной ответственности по законам военного времени; 3) кратковременной отмене высшей меры наказания; 4) отмене уголовной ответственности за прогулы и опоздания на работу. В тот же период возобновился террор против партийных и советских работников, якобы за совершение тяжких государственных преступлений.

Победоносное окончание войны, как и всякое величайшее событие в истории советского государства, было отмечено амнистией, объявленной Указом ПВС СССР от 7 июля 1945 г. в связи с победой над Германией. Это стало первой вехой послевоенного периода. Амнистировались полностью все осужденные к лишению свободы на срок не более трех лет и к более мягким мерам наказания, а также осужденные за самовольный уход с предприятий военной промышленности и других аналогичных предприятий, независимо от срока лишения свободы. Остальным заключенным на сроки более трех лет лишения свободы были сокращены наполовину оставшиеся сроки отбывания наказания. За пределами амнистии оказались все контр-

¹ Бичеховст А. Ф. К истории создания специальных и проверочно-фильтрационных лагерей для советских военнопленных и организация в них «государственной проверки» // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 281.

революционеры, бандиты, фальшивомонетчики, разбойники и те, кто совершил умышленное убийство.

Вторая заметная веха того периода — Указ ПВС СССР от 4 сентября 1945 г., которым упразднялся Государственный комитет обороны «в связи с окончанием войны и прекращением чрезвычайного положения в стране», а все его полномочия возвращались Совету народных комиссаров СССР, возобновилась деятельность Верховного Совета СССР как представительного органа государственной власти. Следует признать, что подобная мера мало что изменила в системе государственного руководства обществом, поскольку функции управления по-прежнему оставались в руках Сталина, занимавшего одновременно посты руководителей ЦК партии и Правительства.

Указом ПВС СССР от 21 сентября 1945 г. было снято военное положение, объявленное Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» и другими аналогичными указами. В порядке исключения до 4 июля 1946 г. военное положение сохранялось в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, а также в западных областях Украинской и Белорусской ССР. Отмена военного положения означала, что государственная власть от военных органов перешла в руки конституционно установленных представительных и исполнительных органов государственной власти; верховных советов союзных и автономных республик, краевых и облсоветов трудящихся, совнаркомов союзных республик и исполкомов местных Советов. 10 февраля 1946 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР; через год — в верховные советы союзных и автономных республик, а также в местные Советы.

Указом ПВС СССР от 21 сентября 1945 г. отменялась уголовная и иная ответственность по законам военного времени, и в полном объеме восстанавливалась подсудность дел судам общей юрисдикции. Соответственно, лица, привлекаемые к уголовной ответственности как в судах общей юрисдикции, так и в военных трибуналах, обладали всеми гарантиями защиты их прав от необоснованного посягательства со стороны органов государства, закрепленными уголовно-процессуальным законодательством Союза ССР и союзных республик.

Была сокращена область применения уголовной ответственности в сфере трудового права. Первой ласточкой стал Указ ПВС СССР от 30 декабря 1944 г., которым амнистировались лица, самовольно ушедшие с предприятий военной промышленности, при условии, что они добровольно вернулись на свои предприятия. Одновременно Указ обещал амнистировать работников, самовольно ушед-

ших с оборонных предприятий и добровольного возвратившихся на прежнее место работы до 15 февраля 1945 г. Иные уголовно-правовые санкции Сталин снимать не спешил. Лишь спустя шесть лет он решился на отмену уголовной ответственности за прогул.

Своего апогея реформы достигли в Указе ПВС СССР от 26 мая 1947 г., которым была отменена смертная казнь в мирных условиях в связи с тем, что «историческая победа советского народа над врагом показала... прежде всего исключительную преданность Советской Родине и Советскому Правительству всего населения Советского Союза». Принимая подобное решение, как следует из текста Указа, ПВС СССР пошел навстречу пожеланиям профессиональных союзов и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких общественных кругов. Смертная казнь по всем без какого-либо исключения составам преступлений заменялась заключением в ИТЛ сроком на 25 лет.

Указ примечателен не только отменой смертной казни — подобные решения на краткое время советская власть принимала и ранее, а мотивированием данной меры: отмена обусловлена «исключительной преданностью советского народа Родине и Правительству». Тем самым высший представительный орган советского государства публично признал некорректность сталинского положения об усилении классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму. Оказывается, все наоборот, антисоветчиков не нашлось даже в самые тяжелые для истории советского государства моменты войны, народ был един в своем порыве защитить от врага Родину и советскую власть. А как же быть с миллионными жертвами — классовыми врагами, социально опасными элементами, расстрелянными в годы сталинского террора? Ответ на этот вопрос дал сам ПВС СССР через два с половиной года.

ПВС СССР 12 января 1950 г. принял Указ «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» и опять-таки с учетом общественного мнения. Оказывается, полной отменой смертной казни не были довольны национальные республики, крестьянские организации и деятели культуры. Пришлось пойти на попятный и в порядке исключения сохранить смертную казнь для изменников Родины, шпионов и подрывников-диверсантов. Но, как показала практика, отменой смертной казни было недовольно не столько общество, сколько Сталин, у которого возникла потребность расстрелять провинившихся в годы войны генералов, а также своих нерадивых соратников, запятнавших свое доброе имя каким-нибудь неблагоприятным поступком.

В течение 1950 г. по инициативе Сталина были расстреляны более 40 генералов, так или иначе «запятнавших свое доброе имя» в годы войны и несколько лет находившихся под следствием в ожидании указа ПВС СССР о реанимации смертной казни: 24 августа 1950 г. был расстрелян Герой Советского Союза маршал Г. Кулик; 25 августа — генерал-майоры Ф. Рыбальченко, Н. Кириллов и П. Пономев; 26 августа — генерал-майоры М. Белешев и М. Белянчик, комбриг Н. Лазутин; 28 августа — генерал-майоры И. Крупенников, М. Сиваев и В. Кирпичников. Расстрелы продолжались в течение всего года¹. Начиная с того же года в терроре явственно обозначились метастазы сталинского курса конца 20-х — середины 30-х гг.: уничтожение определенной части правящей элиты или лиц, претендующих на вхождение в нее.

Успешно разделавшись с кулаками, иными социально опасными, антисоветскими элементами, изменниками Родине, шпионами и диверсантами, Сталин решил вновь почистить свое окружение, ряды верных и ревностных исполнителей и проводников его воли. По справедливому замечанию А. А. Медовник, в тот период изменилось направление обвинительного уклона. Если до войны речь шла о преследовании тех, кто так или иначе действительно состоял в определенной оппозиции Сталину (Троцкий, Зиновьев, Каменев и др.), то после войны привлекались к ответственности лица, которые всегда были преданными сталинистами и публично ни в чем не смели перечить партии, нарушив ее генеральную линию. При этом формулировки обвинения оставались прежними: шпионаж, измена Родине, создание антигосударственной организации, то бишь заговора, для свержения советской власти².

Были возбуждены «ленинградское дело», «мингрельское дело», «дело Абакумова», «дело врачей», «дело Еврейского антифашистского комитета», фигурантами которых стали видные деятели партии и государства, культуры, а также врачи, лечившие руководителей партии и государства, и др.

Поводом для возбуждения «ленинградского дела» послужила неприязнь верных соратников Сталина, сотрудничавших с ним с довоенных времен (Г. М. Маленкова, Л. П. Берии), к поколению молодых сотрудников, позитивно зарекомендовавших себя в ходе Великой

¹ См.: Генеральские расстрелы после ВОВ. URL: <https://ok.ru/group2yamirova/topic/77103056232448>.

² См.: Медовник А. А. Уголовно-политическое судопроизводство в советском государстве послевоенного периода: 1945—1953 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/ugolovno-politicheskoe-sudoproizvodstvo-v-sovetskom-gosudarstve-poslevoennogo.html>.

Отечественной войны и занявших ряд высших партийно-правительственных постов. Гениальный стратег и вождь, скорее всего в целях активизации конкуренции между «стариками» и «молодежью», называл последних своими преемниками. Но «старики» не собирались уступать партийно-правительственный трон и сдавать свои позиции.

Опыт аппаратной работы позволил «старикам» вчистую переиграть «молодежь», представив ее в глазах Сталина в самом неприглядном свете. Как следует из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1948 г. «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.», названные ответственные работники, самовольно и незаконно организовавшие Всесоюзную оптовую ярмарку, нанесли ущерб государству в связи с большими и неоправданными затратами государственных фондов на организацию ярмарки и на переезд участников из отдаленных местностей в Ленинград и обратно. Кроме того, члены Политбюро усмотрели в действиях товарищей Кузнецова, Родионова, Попкова нездоровый, не большевистский уклон, выразившийся в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который, якобы, не помогает Ленинградской организации. В итоге было принято суровое решение — освободить названных лиц от занимаемых ими партийно-государственных должностей¹.

На состоявшемся 22 февраля 1949 г. пленуме Ленинградского обкома и горкома партии Г. М. Маленков доложил о постановлении ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г., а П. С. Попков, Я. Ф. Капустин и другие ответственные работники покаялись в том, что их деятельность действительно носила антипартийный характер. В результате Пленум обвинил Кузнецова, Родионова, Попкова и Капустина уже в принадлежности к антипартийной группе. Такое решение, в свою очередь, развязало руки МГБ СССР, которое «ярмарочное дело» подняло на уровень контрреволюционного и особо опасного для советского государства преступления. Все виновные лица в июле 1949 г. были арестованы, традиционно подверглись пыткам и дружно признались во вредительско-подрывной работе, направленной на отрыв и противопоставление Ленинградской партийной организации ЦК партии, на превращение этой организации в опору для борьбы с партией и ее Центральным комитетом. На состоявшемся закрытом процессе 29—30 сентября 1950 г. Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родио-

¹ См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1948 г. «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0011_lin&object=translation&l=ru.

нов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин приговорены к высшей мере наказания; в тот же день приговор приведен в исполнение. В последующем состоялись судебные процессы над другими соучастниками «преступной группы». Всего были осуждены 214 человек, из них 23 — к высшей мере наказания. Около 2 тыс. партийно-советских работников Ленинграда и Ленинградской области были освобождены от работы, и все это во имя того, чтобы Маленков, Берия и другие «старые» соратники Сталина сохранили свои посты и реальную перспективу быть его достойными преемниками.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1949 г. было признано, что первый секретарь обкома партии Еврейской автономной области А. Н. Бахмутский и председатель облисполкома М. Е. Левитин допустили серьезные политические ошибки в идеологической работе и хозяйственном строительстве, в области длительное время орудовала группа националистов, пропагандировавшая сионистско-националистические взгляды. Названные должностные лица, а с ними еще восемь ответственных работников Еврейской автономной области были привлечены к уголовной ответственности за антисоветскую националистическую и шпионскую деятельность, под пытками полностью признали свою вину и были осуждены к длительным срокам лишения свободы. Наряду с этим процессом органы МГБ организовали и провели другой, более масштабный процесс над членами Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), созданного в феврале—марте 1942 г. в целях мобилизации советского и мирового общественного мнения против злодеяний фашизма. Председателем ЕАК был избран народный артист СССР С. М. Михоэлс.

Основанием для возбуждения уголовного дела против руководителей и членов ЕАК послужили показания И. И. Гольдштейна, арестованного 19 декабря 1947 г., и З. Г. Гринберга, арестованного 28 декабря 1947 г., о том, что руководство и члены ЕАК ведут антисоветскую националистическую деятельность. В 1948—1952 гг. в связи с делом ЕАК были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности лица еврейской национальности, в том числе партийные и советские работники, ученые, писатели, поэты, журналисты, артисты, служащие государственных учреждений и промышленных предприятий — всего 110 человек. Из них к высшей мере были приговорены 10 осужденных; к 25 годам ИТЛ — 20, к 20 годам — трое; в ходе следствия умерли пятеро обвиняемых. «Добровольные» признания обвиняемых в опасных государ-

ственных преступлениях были даны под пытками в застенках МГБ СССР¹.

Названные и другие процессы, организуемые в послевоенный период органами МГБ над советско-партийными работниками, представителями интеллигенции, бесспорно, менее масштабны по сравнению с процессами 1930-х гг., все они проводились за закрытыми дверями, без широкого осуждения злодеяний подсудимых в прессе и на митингах трудящихся. Да и обвинения были в основном традиционными, не поражали воображение народа ни террористическими актами против товарища Сталина и его соратников, ни стремлением установить прежние, дореволюционные порядки. Еще более предосудительными и беспомощными выглядели действия чекистов, не сумевших по ряду дел доказать вину подсудимых и вынужденных выпускать их на свободу с извинениями и самим становиться под карающих меч советской фемиды. Таким, в частности, оказалось «мингрельское дело».

В ноябре 1951 г. МГБ Грузинской ССР возбудило уголовное дело в отношении руководящих работников, выходцев из Мингрелии, признанных постановлением ЦК партии от 9 ноября 1951 г. «мингрело-националистической группой», ставившей своей целью ликвидацию советской власти в Грузии с помощью Турции и других империалистических государств. Как признавал Хрущев, дело было возбуждено по инициативе Сталина в целях дискредитации «большого мингрела» Берии². В ходе следствия были арестованы не менее 500 человек, в том числе семеро из 11 членов ЦК компартии Грузии. Посредством пыток были добыты необходимые доказательства, но дело до суда не дошло. Со смертью Сталина 5 марта 1953 г. оно по инициативе Берии было прекращено в соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 10 апреля 1953 г., определившим, что дело вымышленное и в преступных карьеристских целях сфальсифицировано бывшим министром государственной безопасности Грузинской ССР Рухадзе.

Безрезультатным оказалось и дело врачей-вредителей, осуществлявших медицинское обслуживание высшего руководства партии и государства, о котором советские граждане узнали из сообщений прессы 13 января 1953 г. Все центральные газеты, опубликовав сообщение ТАСС, уверяли читателей в том, что следствие доподлинно установило факты неправильного лечения, сократившего жизнь таких бесценных для партии кадров, как товарищи А. А. Жданов и

¹ См.: Документы по делу Еврейского антифашистского комитета // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 123–129.

² См.: *Хрущев Н. С.* Берия Л. П. и другие. URL: http://hrono.ru/libris/lib_h/hrush36.php.

А. С. Щербаков, и стремление врачей-преступников подорвать здоровье руководящих военных кадров, ослабляя оборону страны, и вывести из строя маршалов: А. М. Василевского, Л. А. Говорова, И. С. Конева, генерала армии С. М. Штеменко, адмирала Г. И. Левченко и др. Более того, установлено, что врачи-убийцы под руководством американской разведки должны вести шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе в СССР. Правда, сообщение завершалось на оптимистичной ноте — следствие будет закончено в ближайшие дни.

Однако обещание оказалось невыполненным. Следствие, во-первых, растянулось на два с половиной месяца, во-вторых, завершилось не с тем результатом, на который намекала пресса. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 г. 15 арестованных врачей и членов их семей (всего 37 обвиняемых) вышли из-под стражи. Врачи были восстановлены на работе и в прежних должностях.

Стагнация в области правосудия имела все шансы затянуться на долгие годы. В директивах XIX Съезда партии, состоявшегося в октябре 1952 г., никаких специальных решений по вопросам правосудия, карательной политики и целесообразности продолжения террора нет. Вопрос разрешился в связи со смертью Сталина 5 марта 1953 г., а преемники его власти очень быстро отказались от политики массового террора и репрессий. Они стали большими демократами и лучшими друзьями народа, обещая ему за 30 лет построить коммунистическое общество.

Глава 56. Суды общей юрисдикции и специальные суды

В первое послевоенное десятилетие наиболее заметные события истории судов общей юрисдикции и специальных судов выразились: в организации и проведении всеобщих и равных выборов народных судей при тайном голосовании; совершенствовании законодательства о дисциплинарной ответственности судей; ужесточении карательной политики в отношении расхитителей государственного имущества и личной собственности граждан; восстановлении президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей.

В целях приведения законодательства о правосудии в соответствие Конституции СССР Указом ПВС РСФСР от 25 сентября 1948 г. было принято Положение о выборах народных судов РСФСР. Правом быть избранным народным судьей или народным заседателем наделялся каждый гражданин РСФСР, не имеющий судимости, пользуя-

щийся избирательным правом и достигший ко дню выборов возраста 23 лет. Законодатель, таким образом, следовал ленинскому положению о том, что судьей может быть каждый трудящийся, несмотря на то, что практика советского правосудия убедительно опровергла это положение и показала, что для занятия судейской должности требуется профессиональное юридическое образование. Непрофессиональный судья слишком дорого обходится государству и трудящимся из-за многих судебных ошибок, совершаемых по причине незнания теории права и законодательства.

Положение исключало самовыдвижение кандидатов в народные судьи и народные заседатели. Правом выдвижения таковых наделялись общественные организации и общества трудящихся, партийные организации, профессиональные союзы, организации молодежи, культурные общества и др. Организация выборов в народные судьи возлагалась на президиумы верховных советов автономных республик, исполкомы краевых, областных Советов; они же определяли дату проведения выборов. Для избрания в народные судьи и народные заседатели требовалось больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

Выборы народных судей и народных заседателей проводились в декабре 1949 г. — январе 1950 г. при высокой активности избирателей. Так программное положение ВКП(б) об избрании судей трудящимися было воплощено в жизнь лишь на 32-м году существования советского государства. Будучи глубоко демократической мерой, выборность судей давала им дополнительную гарантию независимости от местных властей. В последующем выборы народных судей проводились регулярно и в сроки, предусмотренные законодательством.

Другим значимым мероприятием по приведению законодательства в соответствие Конституции СССР явилось утверждение Указом ПВС СССР от 15 июля 1948 г. Положения о дисциплинарной ответственности судей. Ранее в РСФСР право привлечения судей к дисциплинарной ответственности за нарушение трудовой дисциплины принадлежало министрам юстиции СССР и РСФСР, начальникам управлений Минюста РСФСР при исполкомах краевых, областных Советов. Такой порядок противоречил конституционному принципу независимости судей от воздействия иных органов государственной власти.

По новому Положению для рассмотрения дисциплинарных проступков, совершенных судьями, создавались дисциплинарные коллегии в краевых, областных судах, судах автономных областей, верховных судах автономных и союзных республик, Верховном Суде

СССР. Дисциплинарные коллегии состояли из председателя суда или его заместителя и двух членов по назначению председателя суда. К их ведению относилось рассмотрение дисциплинарных проступков членов нижестоящих судов. Так, дисциплинарные коллегии краевых, областных судов рассматривали дела о дисциплинарных проступках народных судей.

Положение ориентировало дисциплинарные коллегии на всестороннее и полное изучение обстоятельств совершения дисциплинарного проступка, затребование письменных объяснений от привлеченного, опрос свидетелей, рассмотрение дела с вызовом привлеченного судьи и др. Одновременно признавалось необходимым вести борьбу со всякого рода нарушениями в сфере правосудия. Служебные упущения и недостойные поступки судей, говорилось в Положении, подрывают авторитет суда, наносят ущерб делу правосудия, интересам государства и правам граждан и поэтому должны повлечь строгую ответственность.

Победоносное завершение войны вопреки ожиданиям населения не способствовало либерализации карательной политики народных судов. Скорее наоборот. Полунищенское состояние значительной части населения СССР, вызванное дефицитом товаров, низкой заработной платой и неустроенностью быта, явилось причиной резкого роста в стране преступности, в первую очередь разного рода хищений государственного и общественного имущества, а также личной собственности граждан. Советское государство на подобные действия реагировало традиционно, заметно ужесточив уголовную ответственность. Указом ПВС СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» в разы была повышена ответственность за простую и квалифицированную кражу. Разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, карался заключением в ИТЛ на срок от 15 до 20 лет. Указом ПВС СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» предусматривались длительные сроки лишения свободы — от пяти до 25 лет.

Проведенное А. Я. Козинцевым исследование выявило бедственное материальное положение народных судов в послевоенный период. В РСФСР к концу 1945 г. 1699 участков народных судов (44,4%) размещались в одной—трех комнатах. Из 931 помещения, требующего ремонта, отремонтированы 684. Советские органы отказывали народным судам в ремонте, приобретении мебели, выселяли из помещений. Заметный перелом в материальном обеспечении народных судов наступил после принятия распоряжения СНК СССР от

13 января 1946 г., обязавшего местные советские органы предоставить народным судам помещения как минимум из шести комнат. Но и распоряжение выполнялось с большими затруднениями — не было свободных помещений и строительных материалов. В апреле 1947 г. народные суды получили 694 помещения, 855 судам была увеличена служебная площадь, 2043 помещения судов отремонтированы. Выделенные на приобретение мебели средства осваивались медленно. Потребность судов в ней была удовлетворена не полностью: приобретено 29,4% столов; 21,8% стульев; 29,3% диванов; 57% кресел; 10% шкафов. Большая часть судов не имела пишущих машинок. Из 2796 сельских нарсудов только 1067 имели лошадей¹.

Ненадлежащие материальные условия деятельности народных судов, к тому же традиционно низкая заработная плата судей по сравнению с заработной платой сотрудников исполкомов местных Советов негативно влияли на усилия органов юстиции по вовлечению в сферу правосудия квалифицированных юридических кадров, способных минимизировать число судебных ошибок и иных нарушений законности в сфере правосудия. Кроме прочего, значительная часть судейских должностей, как и должностей сотрудников аппарата судов, оставалась вакантной из-за большой текучести кадров. Так, в 1945 г. в целом по стране из состава народных судов выбыли 1007 человек, что составляет 14,6% общего их числа. В 1946 г. 65% народных судей не имели юридического образования². Недостаточный профессионализм судей порождал массу судебных ошибок.

Контент-анализ постановлений Пленума Верховного Суда СССР и определений его судебных коллегий³ показал, что народные судьи не всегда могли дать точную оценку качества проведенного предварительного следствия и, слепо следуя материалам уголовного дела, выносили обвинительные приговоры по ненадлежаще расследованным делам, используя ошибки следствия в качестве правовой основы уголовного наказания невиновных лиц. В частности, осужденные признавались виновными по делам, расследованным неполно, с обвинительным уклоном, без проверки версий, выдвигаемых подсудимыми в качестве алиби, без проверки и обоснования их признательных показаний.

¹ См.: Коди́нцев А. Я. Материальное обеспечение судебной деятельности в СССР в послевоенный период (1946—1956 гг.). URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/53065-materialnoe-obespecheniesudebnodeyatelnosti-sssr-poslevoennyj-period>.

² См.: Абду́лин Р. С. Судебное управление в Российской Федерации (1927—1990 гг.). С. 213.

³ См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг. М., 1964.

Народные суды не замечали грубейших нарушений процессуального законодательства, допущенных следствием, в том числе в предъявлении обвинительного заключения без допроса обвиняемого, в проведении следственных действий после ознакомления обвиняемого с материалами дела. Народные суды ориентировались на материалы предварительного следствия даже в тех случаях, когда данные следствия не получили подтверждения в суде; использованные в деле доказательства не имели доказательственной силы из-за их фиксации следственными органами с нарушением требований уголовного законодательства; выводы следствия о виновности подсудимого носили характер предположений, не обоснованных материалами дела, и др.

Ошибки следствия дополнялись многими самыми разнообразными ошибками, которые допускали сами суды. Это, например, ссылки в приговоре на доказательства, не рассмотренные в судебном заседании, либо вынесение приговора на основании предположений, не обоснованных конкретными фактами; возложение на подсудимого обязанности доказывать свою невиновность; удаление из зала суда подсудимого, отказавшегося давать суду показания; изложение приговора в произвольной форме, т. е. без соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства.

Из-за эмпирического обыденного мышления судьи, не имеющие профессионального юридического образования, ориентированного на образцы решений вышестоящих судебных органов, не были способны понять сущность явлений и событий, не подпадающих под установленные образцы и требующих применения абстрактного, теоретического мышления. Навыки подобного мышления вырабатываются в процессе получения юридического образования, поэтому вполне правомерно, хотя и с большим опозданием, 5 октября 1946 г. ЦК партии принял постановление «О расширении и улучшении юридического образования в стране», с тем чтобы в органах юстиции работали специалисты с юридическим образованием.

Заметной вехой на пути усиления роли местных судебных органов в осуществлении судебного надзора явился Указ ПВС СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей». Вновь образованные президиумы состояли из председателя суда, заместителей председателя и двоих членов суда. Президиум верховного суда союзной или автономной республики утверждался соответственно президиумом верховного совета союзной или автономной республики, а президиум краевого,

областного суда и суда автономной области — исполкомом совета депутатов трудящихся края, области или автономной области.

Образование президиумов в названных судах было вызвано желанием не столько повысить их роль в судебном надзоре, сколько разгрузить Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик от подобной весьма объемной работы. На президиум верховного суда союзной республики возлагалось рассмотрение в порядке надзора приговоров, решений и определений судебных коллегий верховного суда союзной республики по протестам Генерального прокурора СССР, председателя Верховного Суда СССР, прокурора союзной республики, председателя верховного суда союзной республики и их заместителей. Президиум суда автономной республики, краевого, областного суда и суда автономной области должен рассматривать в порядке надзора кассационные определения своих судебных коллегий на вступившие в законную силу приговоры и решения народных судов по протестам прокуроров автономных республик, края, области, автономной области и председателя верховного суда автономной республики, краевого, областного суда и суда автономной области.

Решения, принимаемые в порядке надзора вновь образованными президиумами, могли быть опротестованы. Постановления президиума верховного суда автономной республики, краевого, областного суда и суда автономной области опротестовывал в соответствующую судебную коллегия верховного суда союзной республики прокурор союзной республики или председатель верховного суда союзной республики. Постановления президиума верховного суда союзной республики опротестовывали в соответствующую судебную коллегия Верховного Суда СССР Генеральный прокурор СССР и председатель Верховного Суда СССР.

Указ ПВС СССР от 14 августа 1954 г., подготовленный в типичной лапидарной манере, породил у судей и работников прокуратуры ряд недоуменных вопросов, на которые попытался ответить Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 17 сентября 1954 г. Однако ПВС СССР не был доволен комментариями высшего судебного органа страны и принял дополнительный Указ от 25 апреля 1955 г. «О порядке рассмотрения дел президиумами судов». На сей раз ПВС СССР конкретизировал свою позицию относительно кворума президиумов, участия на его заседаниях прокурора, порядка принятия решения. При этом предусматривалось право члена президиума суда, не согласного с решением большинства, изложить в письменной форме свое особое мнение, которое приобщается к делу.

Судебные коллегии судов автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей в качестве кассационной инстанции выявляли массу судебных ошибок, допущенных в приговорах, решениях и определениях народных судов, восстанавливая нарушенную законность. Так, в 1945 г. из общего числа обжалованных приговоров на 475 748 осужденных кассационные инстанции отменили приговоры на 187 360 осужденных, или на 39,3%¹. В свою очередь, судебные коллегии не были застрахованы от ошибок в толковании и применении норм материального и процессуального законодательства.

В числе существенных ошибок, допущенных коллегиями названных судов, Пленум и коллегии Верховного Суда СССР в 1946—1956 гг. называли оставление в силе приговоров, вынесенных с существенными нарушениями процессуального законодательства либо не обоснованных материалами дела. В ряде случаев судебные коллегии сами принимали решения за пределами прав кассационной инстанции с нарушением норм материального или процессуального законодательства, ненадлежащим образом определяя поводы и основания к отмене или изменению приговора в кассационном порядке.

В тот же период Пленум и судебные коллегии Верховного Суда СССР отменяли приговоры и определения областных, краевых судов, в которых выводы о виновности осужденных противоречили материалам дела, основывались только на признательных показаниях осужденных, материалах, добытых следствием и не изученных непосредственно судом. Нередко приговоры оставались в силе, несмотря на допущенные народными судами существенные нарушения процессуального законодательства, в том числе непредоставление последнего слова подсудимому, рассмотрение дела в отношении слабослышащего подсудимого без участия защитника.

Прокуратура СССР вскрыла многочисленные факты взяточничества, злоупотреблений, сращивания с преступными элементами и вынесения неправосудных приговоров и решений в судах Москвы, Киева, Краснодара и Уфы. Расследованием установлено, что эти преступления совершались в разных звеньях судебной цепочки, а именно: в народных судах, Московском городском суде, Киевском областном суде, Краснодарском краевом суде, Верховном Суде РСФСР и, наконец, в Верховном Суде СССР².

Верховный Суд РСФСР в послевоенный период под председательством Александра Михайловича Нестерова (май 1945 г. — август

¹ См.: Абдулин Р. С. Судебное управление в Российской Федерации (1927—1990 гг.). С. 213.

² См.: Жирнов Е. Преступная деятельность судебных работников // Коммерсантъ. Власть. 2009. 16 нояб. С. 62.

1949 г.), а затем Степана Павловича Битюкова (август 1949 г. — март 1957 г.) продолжал выполнять свою скромную миссию в качестве высшего судебного органа Республики, осуществляющего правосудие по первой, кассационной и надзорной инстанциям и отстоящего от всех перипетий борьбы, которая происходила в высших эшелонах юстиции за «место под солнцем», и проведение своей линии в законодательстве и судебной практике. В 1949 г. штат Верховного Суда РСФСР состоял из 236 сотрудников. В Суде действовали: судебнo-кассационная коллегия по уголовным делам (44 судьи), судебнo-кассационная коллегия по гражданским делам (25 судей), отдел кадров, канцелярия, секретно-шифровальный отдел, группа судебной статистики, архив, машбюро, экспедиция, бухгалтерия, хозяйственный отдел.

В тот период расширялись функции Верховного Суда РСФСР в соответствии с указами ПВС СССР от 15 июля 1948 г. и от 14 августа 1954 г. Под руководством А. М. Нестерова и двух назначаемых им членов суда согласно первому Указу была создана коллегия по дисциплинарным делам при Верховном Суде РСФСР, правомочная рассматривать дела о дисциплинарных проступках председателей и членов областных, краевых и верховных судов автономных республик, председателей судов автономных областей, окружных судов и судов областей, входящих в состав края. Право возложения дисциплинарной ответственности на судей Верховного Суда РСФСР, председателей и членов окружных, областных и краевых судов предоставлялось министрам юстиции СССР и РСФСР.

В соответствии с Указом ПВС СССР от 14 августа 1954 г. был образован Президиум Верховного Суда РСФСР в составе председателя Суда С. П. Битюкова, его заместителей и двух членов суда, утвержденных Президиумом Верховного Совета РСФСР. Президиум Верховного Суда РСФСР обязывался рассматривать уголовные и гражданские дела в порядке надзора по протестам Генерального прокурора СССР, председателя Верховного Суда СССР, прокурора союзной республики, председателя верховного суда союзной республики и их заместителей на приговоры, решения и определения судебных коллегий верховных судов союзных республик. Никакие иные функции Президиуму Верховного Суда РСФСР не предписывались.

Е. В. Штепа полагает, что к президиумам верховных судов автономных республик, краевых и областных судов, восстановленных Указом ПВС СССР от 14 августа 1954 г., «сразу же отошли функции судебного надзора и руководства судами, осуществлявшиеся прежде Министерством юстиции. В РСФСР управление судебной системой

переходило непосредственно к Верховному Суду РСФСР»¹. Однако для такого вывода нет достаточных оснований. Названным Указом президиумы судов создавались, как следует из его преамбулы, лишь в целях «осуществления надзора» и в том составе, в котором они учреждались, никаких управленческих функций осуществлять не могли. Первый же этап передачи судебным органам управленческих функций правомерно связывают с Указом ПВС СССР от 31 мая 1956 г. «Об упразднении Министерства юстиции СССР и образовании Юридической комиссии...»².

В то же время Верховный Суд РСФСР выполняет функцию высшего надзорного органа для союзной республики, остающуюся неизменной. Верховный Суд — вершина судебной пирамиды РСФСР. Он выявлял наиболее сложные, самые запутанные судебные ошибки, которые не смогли устранить нижестоящие суды в процессе кассационного и надзорного рассмотрения уголовных и гражданских дел. Тем не менее судебные коллегии и Пленум Верховного Суда СССР время от времени находили в решениях судебных коллегий Верховного Суда РСФСР судебные ошибки, порой достаточно очевидные, не требующие сложного анализа. Так, определением судебной коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам от 3 сентября 1955 г. отменены приговор Свердловского областного суда и определение Верховного Суда РСФСР по делу Жидких на том основании, что названные судебные решения вынесены, по существу, только на основании показаний осужденного, которые к тому же в некоторых своих частях вызвали серьезные сомнения. Определением судебной коллегии Верховного Суда СССР от 6 июня 1955 г. было отменено определение судебной коллегии Верховного Суда РСФСР на том основании, что последняя самостоятельно усилила вину подсудимого по сравнению с виной, указанной в приговоре, и установила новые факты, не отраженные в приговоре. Определением судебной коллегии Верховного Суда СССР от 23 мая 1951 г. отменены приговор судебной коллегии Рязанского областного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР за отсутствием в деле материалов, достаточных для признания осужденных виновными в предъявленном им обвинении³.

¹ *Штена Е. В.* Правовое положение Верховного Суда в судебной системе РСФСР (1923—1991 гг.). Белгород, 2013. С. 17.

² См.: *Абдулин Р. С.* Особенности судебного управления в Советской России (1950—1960 гг.) // Вопросы современной юриспруденции. Новосибирск, 2012. URL: <https://sibac.info/conf/law/xii/27834>.

³ См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг. С. 110—111, 142—143, 273—274.

Трудно поверить в неспособность профессионалов высшего судебного органа РСФСР отличить обоснованный приговор от необоснованного, скорее всего в их определениях и решениях преобладал обвинительный подход, желание оставлять в силе приговоры, основанные на недостоверных, недостаточно проверенных доказательствах, дабы не ухудшать и без того плачевные статистические данные о качестве приговоров и решений, выносимых народными, а также областными, краевыми судами. Судебная практика Верховного Суда РСФСР была политизированной в неменьшей мере, чем в остальных звеньях системы советского правосудия, в первую очередь в специализированных судах.

Смена военными трибуналами режима военного положения на мирный, базирующийся на соблюдении всех норм процессуального законодательства, состоялась в соответствии с Указом ПВС СССР от 21 сентября 1945 г. «О признании утратившими силу указов Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в ряде местностей СССР военного положения на всей территории страны, за исключением Литовской, Латвийской и Эстонской ССР и западных областей Украинской и Белорусской ССР». На названных территориях военное положение было отменено Указом ПВС СССР от 4 июля 1946 г.

В указах ПВС СССР от 21 сентября 1945 г. и от 4 июля 1946 г. нет предписаний, отменяющих п. 7—9 Указа ПВС СССР «О военном положении», которыми устанавливались более широкая подсудность дел военным трибуналам в местностях, объявленных на военном положении, и особый порядок рассмотрения уголовных дел, а также отменяющих Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах боевых действий, утвержденное Указом ПВС СССР от 22 июля 1941 г. Официально подобные предписания были отменены лишь в 1959 г., после утверждения Верховным Советом СССР Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик. С какой же даты были фактически отменены чрезвычайные полномочия военных трибуналов в военное время?

Законодательная техника не предполагает принятия специальных решений об отмене актов временного характера, действующих до определенного срока или на период проведения какого-либо мероприятия. Временные акты автоматически утрачивают юридическую силу, переходят в статус исторических источников права с наступлением событий, с которыми законодатель связывает их действие. Соответственно, указы ПВС СССР от 21 сентября 1945 г. и от 4 июля 1946 г., отменившие военное положение на территории страны, отме-

нили и чрезвычайные полномочия военных трибуналов, поскольку эти полномочия были временными, имели силу только на период объявления местностей на военном положении. Отмена военного положения в определенной местности автоматически лишала военные трибуналы, работавшие на этой территории, чрезвычайных полномочий. Этот факт был специально разъяснен постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 28 сентября 1945 г.

Пленум Верховного Суда СССР отметил, что военные трибуналы, «за исключением военных трибуналов, состоящих при оккупационных армиях, и военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных на военном положении», должны применять процессуальные законы мирного времени и не допускать отсрочки исполнения приговоров с направлением осужденных в действующую армию и повышенных санкций военного времени. Применение же законов мирного времени означало: во-первых, рассмотрение судами общей юрисдикции всей совокупности уголовных дел, переданных военным трибуналам согласно ст. 7 Указа ПВС СССР от 22 июня 1941 г.; во-вторых, восстановление для осужденного права кассационного обжалования вынесенного приговора; в-третьих, применение ответственности за невыполнение распоряжений и приказов военных властей не по законам военного времени, а сообразно действующему уголовному законодательству. Таким образом, сентябрь 1946 г. является датой, с которой работа военных трибуналов в основном утрачивала чрезвычайный характер и выполнялась по преимуществу в целях защиты отношений в сфере обороны и организации Вооруженных сил СССР.

На стадии завершения сталинского террора законодательство о военных трибуналах было достаточно стабильным. Указом ПВС СССР от 9 июня 1947 г. в подсудность военных трибуналов были переданы все дела о преступлениях за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну. Кроме того, Указом ПВС СССР от 11 сентября 1953 г. «Об изменении подсудности военных трибуналов» предписывалось исключить из подсудности военных трибуналов дела о преступлениях работников милиции против установленного для них порядка службы, дела о преступлениях по службе работников военизированной охраны, кроме военизированной охраны первой категории, а также дела о разглашении государственной тайны и об утрате документов, содержащих государственную тайну, гражданскими лицами.

По данным А. Я. Козинцева, военные трибуналы Вооруженных сил в 1946 г. вынесли обвинительные приговоры в отношении

158 357 человек; в 1947 г. — 118 747. На первом месте среди рассматриваемых дел стояли: хищения государственного и общественного имущества, измена Родине (14,9%); дезертирство (13,6%); хищения личной собственности граждан; нарушение правил караульной службы; самовольные отлучки, разбазаривание имущества. В среднем 38% всех преступлений, подсудных военным трибуналам, рассматривались в открытых процессах. В 1947 г. военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта осудили 93 252 человека: 49,4% осуждены за хищения; 24% — за нарушения трудовой дисциплины. В 1946 г. военно-железнодорожная коллегия в порядке кассации отменила 9,7% дел; в 1947 г. — 14,9%¹.

Как свидетельствуют данные контент-анализа постановлений Пленума и определений военной коллегии Верховного Суда СССР за 1946—1956 гг., военные трибуналы допускали порой серьезные нарушения процессуального и материального законодательства. В числе наиболее значимых типичных ошибок можно выделить вынесение обвинительного приговора по делу, в котором, во-первых, в ходе следствия были существенно нарушены формы судопроизводства, во-вторых, подобные нарушения совершили сами военные трибуналы; в-третьих, они выносили необоснованные приговоры, не выяснив обстоятельств, которые необходимы для постановки обоснованного и справедливого приговора.

Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР определением от 9 апреля 1949 г. отменила приговор по делу Гончаренко на том основании, что он не был допрошен после предъявления ему постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР определением от 20 октября 1951 г. отменила приговор линейного суда Закавказской железной дороги, в котором виновность осужденной обосновывалась ее неспособностью представить доказательства своей невиновности. Определением водно-транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 29 ноября 1950 г. был отменен приговор в отношении осужденного Романюка в связи с тем, что его защитник был лишен права обстоятельно изучить дело, представленное ему судом на 30 минут. Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 28 февраля 1947 г. отменил приговор военного трибунала Уральского военного округа, поскольку на процессе один защитник защищал двух подсудимых, интересы которых вступили в противоречие. Определением железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 7 декабря 1948 г. отменен оправ-

¹ См.: Кодищев А. Я. Компетенция и деятельность военных трибуналов СССР в послевоенный период. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/28615-kompetenciya-deyatelnost-voennykh-tribunalov-sssr-poslevoennyj-period>.

дательный приговор, вынесенный по результатам допроса одного свидетеля без исследования иных доказательств, в том числе без допроса пяти свидетелей, которые на предварительном следствии уличали оправданных лиц.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что военные трибуналы по-прежнему нарушали нормы процессуального законодательства вследствие характерного для них обвинительного уклона и умышленного нежелания соблюдать и без того урезанные права обвиняемых. Однако партия и Правительство не уделяли должного внимания проблемам законности деятельности военных трибуналов и все еще занимались проблемами проведения террора в самых суровых формах, причем на сей раз в отношении пленных немецких военнослужащих, участвовавших в карательных расправах над советскими гражданами, а также в отношении фашистских пособников из населения временно захваченных территорий СССР. Расправы продолжались до начала 1948 г., затем последовал новый виток репрессий, направленных против советской элиты — партийных работников, сотрудников ряда общественных организаций и кремлевских врачей.

Глава 57. Квасисудебные органы на закате сталинского террора

Один из верных признаков продолжения политики тотального террора в послевоенный период состоял в том, что по-прежнему без ограничений работали квасисудебные органы: ОСО при НКВД СССР, военные трибуналы войск НКВД СССР и специальные лагерные суды.

Работу ОСО, состоящего из высших должностных лиц МГБ СССР, а также надзирающего за законностью решений ОСО Генерального прокурора СССР, обеспечивал штат из 50 сотрудников, подразделенных на секретариат и три отделения: 1-е отделение готовило доклады по делам ОСО; 2-е отделение занималось рассмотрением жалоб, заявлений и материалов о снятии судимости; 3-е отделение подготавливало заседания ОСО и повестки, составляло протоколы ОСО и вело учет всех дел.

В довершение всех нарушений законности, которые ОСО допускало в период своей деятельности, с 1948 г. ОСО систематически нарушало общеправовой принцип, известный со времен Древнего Рима: нельзя привлекать к ответственности за одно и то же деяние дважды. Но для Сталина, которому можно было все, принципы права — не указ, если речь идет о его политических противниках, оказавшихся не

то по ошибке, не то по недоразумению не расстрелянными и к концу 1940-х гг. в своей основной массе отбывшими назначенный срок. Их нужно выпускать на свободу, в общество, позволять им нести в общество свои направленные против сталинизма идеи. Как бы не так!

Указом ПВС СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» МВД СССР предписывалось всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности, по истечении сроков наказания направлять в ссылку на поселение по указанию МГБ СССР под надзор его органов. В числе таковых оказались шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники других антисоветских организаций и групп¹.

Сомнительной представляется опасность для государства и партии отбывших наказание шпионов, диверсантов и террористов. Настоящие преступники такого рода однозначно приговаривались к расстрелу, а к лишению свободы — второстепенные. Они не пугали Сталина и после отбытия наказания. Реально опасными для него предстают бывшие оппоненты по партии: троцкисты, правые, эсеры, анархисты, в их же число входили и представители «ленинской гвардии», не согласные с проводимым Сталиным курсом на строительство социализма. По этой причине он и не желал их пускать в европейскую часть России, «предлагал» им какое-то время пожить на Колыме, Дальнем Востоке, в Красноярском крае, Новосибирской области и в Казахстане. В эти же места предписывалось вернуть на поселение названных в Указе лиц, которые были по отбытии наказания уже освобождены из ИТЛ и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны.

Итак, отбывшим наказание «предлагалось» назначить новое наказание, но по каким основаниям? Четкий ответ на этот вопрос дали министр ГБ СССР и Генеральный прокурор СССР в циркуляре от 26 октября 1948 г. № 66/241сс. Предписывалось сначала попытаться выявить антисоветские связи и вражескую деятельность после освобождения обвиняемых из тюрем и лагерей. Если такие данные не получены, дела необходимо направлять в ОСО при МГБ СССР для ссылки арестованных на поселение. Дела рекомендуется оформ-

¹ См.: Тязин Е. Н. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года и его реализация в конце 1940-х — начале 1950-х годов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-ot-21-fevralya-1948-goda-i-ego-realizatsiya-v-kontse-1940-h-nachale-1950-h-godov>.

лять в установленном законом порядке, приобщая к ним копии приговоров суда или выписки из решений ОСО (тройки) и другие подобные справки по архивным следственным делам. Будьте уверены, ОСО знает свое дело, не моргнув глазом, назначит новое наказание по старому преступлению — и дело с концом. Как следует из записки Р. А. Руденко, И. А. Серова и С. Н. Круглова в ЦК КПСС, до 1 сентября 1953 г. таким путем ОСО отправило в ссылку 20 272 человека, многие из которых по отбытии наказания находились на свободе и в течение трех — пяти лет занимались общественно полезным трудом.

В конце 1940-х гг. руководители общесоюзных органов юстиции пришли к единодушному мнению об ОСО как органе, самым беззастенчивым образом нарушающем советские законы, позорящем советское правосудие и юстицию в целом. Первую попытку поставить вопрос об упразднении ОСО с передачей рассматриваемых им дел судам общей юрисдикции или военным трибуналам предпринял министр ГБ СССР С. Д. Игнатьев. Докладную записку по этому вопросу он направил в ЦК ВКП(б) в октябре 1951 г.

И. В. Сталин не нашел резонов для упразднения ОСО как органа, успешно выручавшего партию и Правительство в самых трудных ситуациях большого террора и в военное время, позволявшего оперативно и со стопроцентной гарантией приговаривать к любому виду наказания врагов советской власти, независимо от содеянного и степени их реальной опасности для общества и государства, а также членов семей изменников Родине — к лишению свободы или ссылке. Коль скоро согласно сталинской теории враги советской власти неистребимы, как сорняки на поле, было бы преждевременным и опасным отказываться от ОСО. Непонятно, например, решениями каких органов будут высылать освобождаемых из мест лишения свободы троцкистов, меньшевиков и примкнувших к ним зиновьевцев, бухаринцев, иных активных членов «ленинской гвардии».

Вторую, более умеренную попытку ограничить деятельность ОСО предпринял министр внутренних дел СССР Л. П. Берия, который уже после смерти Сталина, 15 июня 1953 г., обратился в Президиум ЦК КПСС с просьбой ограничить права ОСО при МВД СССР, лишить его права рассматривать уголовные дела, подсудные судам общей юрисдикции и военным трибуналам. За ОСО Берия предлагал оставить рассмотрение дел, которые по оперативным или государственным соображениям нельзя передать в судебные органы, и применять меры наказания в соответствии с действующим уголовным законодательством Союза ССР, но не свыше 10 лет заключения в тюрьму, ИТЛ или ссылки. Эти меры были неприемлемы, поскольку

вопреки Конституции СССР предлагалось осуществление правосудия возложить на орган, не предусмотренный ст. 102 Конституции СССР. В связи с арестом Берии 26 июня 1953 г. записка осталась без внимания.

Новый министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов 7 августа 1953 г. направил докладную записку в Президиум ЦК КПСС с предложением упразднить ОСО при МВД СССР. Третья попытка оказалась успешной, монстр, жертвами которого стали более 400 тыс. человек, был повержен. Президиум ЦК КПСС постановлением от 1 сентября 1953 г. признал необходимым упразднить ОСО при министре внутренних дел СССР, а все дела о совершенных преступлениях рассматривать только в судебных органах. ПВС СССР с партийного благословения в тот же день, 1 сентября 1953 г., «в целях укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия» упразднил ОСО при министре внутренних дел СССР. Характерно, что ПВС СССР все же решил сей демократический акт скрыть от общественности страны и не поместил его в источниках официального опубликования.

Особенность Указа, заметно отличающая его от аналогичных актов сталинского периода, состояла в том, что он не просто упразднял ОСО, но тут же определял четкий механизм рассмотрения жалоб и заявлений по поводу незаконности привлечения квазисудебными органами к уголовной ответственности. Указом Прокуратуре СССР предписывалось рассматривать жалобы и заявления осужденных Коллегией ОГПУ, тройками НКВД—УНКВД и ОСО об отмене решений, о сокращении срока наказания, досрочном освобождении и о снятии судимости, получив предварительное заключение по этим делам МВД СССР. Одновременно Верховному Суду СССР предоставлялось право пересматривать по протесту Генерального прокурора СССР решения бывших коллегий ОГПУ, троек НКВД—УНКВД, ОСО при НКВД—МГБ—МВД СССР.

Деятельность военных трибуналов войск МВД СССР по окончании войны мало в чем изменилась. Вопреки указам ПВС СССР от 21 сентября 1945 г. и от 4 июля 1946 г. трибуналы войск МВД продолжали рассматривать дела в отношении пособников оккупантов сообразно директиве Минюста СССР от 21 августа 1947 г., фактически отменившей указы ПВС СССР от 21 сентября 1945 г. и от 4 июля 1946 г. В 1952 г. подобные дела составляли 70% всех дел, рассмотренных военными трибуналами¹.

¹ См.: Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 214—217.

Подсудность дел оставалась неизменной. Все статьи, закрепляющие составы преступлений, подсудные названным органам, продолжали действовать без изменений. Стабильным оставалось и процессуальное законодательство. В 1946 г. в *военные трибуналы войск МВД* поступили 161 690 дел; в 1947 г. — 117 702. В 1947 г. доля дел о трудовых дезертирах составляла 56,8%; о контрреволюционных преступлениях — 22,8%; о воинских преступлениях — 10,5%. В 1945—1947 гг. на доследование возвращались 14% уголовных дел. В 1946 г. из числа обжалованных приговоров оставлены в силе 75%; в 1947 г. — 81,1%¹.

Основная череда изменений того периода пришлась на ведомство, в состав которого входили названные военные суды. Законом СССР от 15 марта 1946 г. СНК СССР был преобразован в Совет Министров СССР, а наркоматы СССР — в министерства СССР. Соответственно военные трибуналы войск НКВД СССР были переименованы в военные трибуналы войск МВД СССР. В январе 1947 г. трибуналы вместе с внутренними войсками были переданы МГБ СССР, но с сохранением их прежнего наименования. Этот дефект исправил приказ МГБ СССР от 18 июля 1951 г., которым военные трибуналы войск МВД переименовывались в военные трибуналы МГБ СССР. Указом ПВС СССР от 13 января 1953 г. «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в ИТЛ» военным трибуналам войск МГБ СССР предоставлено право наряду со специальными лагерными судами рассматривать дела об особо злостных бандитских нападениях, сопровождающихся убийствами (ст. 59-3 УК РСФСР), совершаемыми заключенными.

Законом СССР от 15 марта 1953 г. было принято решение об объединении МГБ и МВД в Министерство внутренних дел СССР под руководством Л. П. Берии. Но этим реорганизационная чехарда не завершилась: 26 июня 1953 г. Берия арестовали по обвинению в шпионаже и заговоре в целях захвата власти, а Министерство, с такой любовью выпестованное им, подверглось всевозможным упрощениям. В первоочередном порядке прекратили работу его карательные, квазисудебные органы, в том числе военные трибуналы войск этого Министерства. По убеждению Н. А. Петухова, мотивом упразднения военных трибуналов войск МВД СССР стало проведенное в 1953 г. сокращение Вооруженных сил, в ходе которого были расформированы военные трибуналы корпусов, дивизий, бригад и военных трибуналов войск МВД². К сожалению, практика деятельности названных трибуналов в послевоенные годы остается малоис-

¹ См.: *Кодищев А. Я.* Компетенция и деятельность военных трибуналов СССР в послевоенный период.

² См.: *Петухов Н. А.* Указ. соч. С. 229.

следованной, хотя финал деятельности военных трибуналов войск МВД СССР как главного проводника сталинского террора имеет не меньшее значение в истории советского государства, нежели его начало и апогей.

По обоснованному мнению Г. М. Ивановой, лагерные суды «не были органами правосудия в прямом смысле, поскольку служили не столько интересам правосудия, сколько советской репрессивной системе в целом. Их деятельность была направлена на сохранение в тайне всех тех незаконных и несправедливостей, которые творились за колючей проволокой... В целом лагерные суды были чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрилагерного режима и в конечном итоге служили одной из опор тоталитарного режима»¹.

Формирование специальных лагерных судов в послевоенный период шло недостаточно быстрыми темпами из-за отсутствия материальных средств и квалифицированных специалистов. Из 105 судов, первоначально предусмотренных приказом наркома юстиции СССР Н. М. Рычкова, по данным Г. М. Ивановой, к осени 1948 г. образованы 78 лагерных судов, из них 40 — при крупнейших лагерях центрального подчинения; 28 — при лагерях и колониях территориального подчинения; 4 — при отделах ИТК управлений МВД; 6 — при спецстройотделах (причем два из них находились на территории Монголии). Из общего числа действовавших судов 33 организованы в 1945 г.; 12 — в 1946 г.; 18 — в 1947 г.; 15 — в 1948 г.²

Потребность в лагерных судах обосновывалась тем, что областные, краевые суды, рассматривающие дела по преступлениям, совершенным в местах лишения свободы, плохо ориентировались в специфике лагерного режима, особенностях правового статуса заключенных и потому нередко допускали судебные ошибки как при назначении наказания, так и при решении вопросов о досрочном освобождении от него. Лагерные суды, специализируясь на соответствующей категории дел, имели возможность обстоятельно изучить среду, условия и причины совершаемых преступлений и, соответственно, принять более обоснованные и справедливые решения. Но судьям показалось этого мало, и они в лучших традициях того времени взяли на себя повышенные обязательства.

Резолюцией Всесоюзного совещания председателей лагерных судов от 15 июня 1948 г. суды обязывались «способствовать выполнению политических и хозяйственных задач, стоящих перед лагерем или колонией... поддерживать режим и дисциплину». От суда, следо-

¹ *Иванова Г. М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944—1954 // Труды Института российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 306.

² Там же. С. 291.

вательно, не требовались качественное, профессиональное достижение целей правосудия и защита обиженного, которым при лагерном режиме чаще всего был заключенный; суд добровольно объявил себя еще одной государственной структурой, принуждающей заключенных к выполнению политических и хозяйственных задач, заранее готовой оправдывать, покрывать административный произвол лагерного руководства в отношении заключенных во имя экономической выгоды государства. И нужно ли после этого удивляться тем грубейшим нарушениям законности, которые допускались как судами по первой инстанции, так и на уровне соответствующей судебной коллегии Верховного Суда СССР?

Курс лагерных судов на защиту интересов государства не был принят спонтанно. Во-первых, он соответствовал общей линии партии, поставившей задачу в максимально короткий срок восстановить народное хозяйство страны, сохранив режим военного времени в сфере трудовой и производственной дисциплины и полуголодный паек питания работников. Во-вторых, судьи, большая часть которых состояли в рядах ВКП(б), обязаны были неукоснительно проводить в жизнь сталинский террор, сурово карая заключенных за совершенные ими в местах лишения свободы проступки. В-третьих, по распоряжению СНК СССР от 13 января 1946 г. № 42-1 материальное обеспечение деятельности судов, а также обеспечение руководящих работников лагерных судов квартирами, коммунально-бытовым и медицинским обслуживанием наравне с вольнонаемными сотрудниками лагерного сектора возлагалось на управления пенитенциарными учреждениями.

Связанные по рукам и ногам хозяйственными и идеологическими установками партии и материально зависящие от местных властей лагерные суды не имели возможности соблюдать требования законности и быть независимыми, наоборот, они были непосредственно заинтересованы в том, чтобы защищать лагерную администрацию от нападков злостных нарушителей лагерного режима. Наиболее успешно эту линию проводили лагерные суды, рассматривая дела об освобождении лиц, содержащихся в местах заключения, страдающих душевной болезнью или неизлечимым недугом, а также полностью потерявших трудоспособность. Оперативным освобождением подобного рода заключенных администрация убивала двух зайцев: освобождала себя от обязанности расходовать дефицитные продукты питания на лагерных нахлебников, не способных к работе, и сохраняла приличные показатели статистической отчетности по графе «Смертность заключенных в местах лишения свободы».

Понимая прямую заинтересованность администрации в оперативном освобождении умирающих от голода и тяжелого труда заключенных, лагерные суды быстро рассматривали подобные дела в упрощенном порядке, порой «освобождая» задним числом уже умерших людей. Решения суды принимали, как правило, механически, на основании актов, составленных руководящими сотрудниками местных органов НКВД, руководством пенитенциарного учреждения, врачами и прокурором. Не учитывалась даже степень общественной опасности заключенных, осужденных за совершение тяжких преступлений: убийства, разбоя, грабежа, бандитизма и др. Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 25 апреля 1947 г. вынужден был указать на недопустимость упрощенного подхода к освобождению заключенных без учета степени опасности лица, представленного к освобождению. Всего в течение 1946—1950 гг. были освобождены более 130 тыс. осужденных, находящихся в стадии крайнего истощения или страдающих неизлечимым тяжелым недугом¹.

Однако ориентированная подобным образом практика лагерных судов не была полностью бесконтрольной, наподобие приговоров военных трибуналов, действовавших на военном положении. Всякий неправосудный приговор, обжалованный в кассационном порядке в судебную коллегия по делам лагерных судов Верховного Совета СССР, мог быть отменен или изменен в пользу осужденного.

Как показала практика судебной коллегии по делам лагерных судов Верховного Суда СССР, значительная часть приговоров специальных лагерных судов не соответствовала законодательству. По данным А. Я. Козинцева, в порядке надзора в первом полугодии 1950 г. отменены 20,6% приговоров; в III квартале 1950 г. — 21,8%; в IV квартале — 16,8% приговоров. Допускались грубейшие нарушения требований материального и процессуального законодательства, в том числе дела рассматривались до истечения трехдневного срока с момента ознакомления подсудимых с копиями обвинительных заключений, судебное следствие проводилось без свидетелей, без участия прокурора и адвоката, подсудимым не разъясняли их права, сущность обвинения, не выяснялось, признают ли подсудимые себя виновными, составлялись неконкретные приговоры с неполными данными и т. д.²

С учетом зависимости специальных лагерных судов от содержащих их пенитенциарных учреждений ПВС СССР Указом от

¹ См.: Козинцев А. Я. Лагерная юстиция в СССР. URL: products/sistema-ispravitelno-trudovyyh-lagerei-v-sssr-razdel.

² Там же.

13 января 1953 г. ограничил их право рассматривать дела об особо злостных бандитских нападениях, сопровождающихся убийствами (ст. 59-3 УК РСФСР), совершаемыми заключенными, предоставив право рассматривать подобные дела военным трибуналам МГБ СССР. В связи с резким сокращением контингента заключенных, вызванным амнистией в соответствии с Указом ПВС СССР от 27 марта 1953 г., специальные лагерные суды лишились достаточной для своего существования нагрузки и согласно Указу ПВС СССР от 5 мая 1954 г. были упразднены, а вместе с ними и судебная коллегия по делам лагерных судов Верховного Суда СССР.

Таким образом, руководство партии и Правительства, пришедшее на смену «вождю советского народа», было ориентировано на преодоление сталинского террора и его результатов не столько на словах, сколько на деле. С первых дней ведущим направлением работы новых руководителей стало восстановление ленинских, демократических основ жизни и деятельности общества, государства, в том числе осуществления правосудия. Все квазисудебные органы, обеспечивающие проведение сталинского террора, как видим, упразднялись практически одновременно в 1954 г., за два года до того, как официально было объявлено о культе личности Сталина, допущенных им грубейших нарушениях законности и многочисленных жертвах, понесенных советским народом.

Из допущенных ошибок партия и Правительство извлекли должный урок, хотя вновь установленные демократические основы по причинам, требующим специального обсуждения, не всегда давали ожидаемый эффект. В целом названные органы не предпринимали попыток возродить принципы сталинского правосудия и его методы утверждения законности и правопорядка. Тем не менее и указанные органы не удержались от соблазна создать квазисудебные комиссии, хотя и в благих целях, для пересмотра неправосудных решений ОСО и иных подразделений НКВД, МГБ и КГБ СССР (см. следующую главу).

Глава 58. Правотворческая деятельность центральных органов юстиции

В российской юридической литературе доминирует представление о том, что начало восстановления демократических норм советского правосудия стало возможным после решений XX Съезда партии, на котором была дана негативная оценка сталинского террора, повлекшего грубейшие нарушения прав советских граждан и многочисленные жертвы неправосудных решений судов общей юрис-

дикции, специальных судов и квазисудебных органов. Бесспорно, с этого периода берет свое начало последовательный и системный курс партии и государства на преодоление последствий сталинского террора и приведение советского правосудия и юстиции в целом в соответствие задачам формирования развитого социалистического общества.

В действительности истоки сопротивления сталинской карательной политике нужно искать в более раннем времени истории советского государства, которое приходится на годы Великой Отечественной войны. Именно с того периода Прокурор СССР К. П. Горшенин, председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков и нарком юстиции СССР Н. М. Рычков предприняли порой достаточно успешные действия по нейтрализации ряда одиозных репрессивных мер, инициированных Сталиным и его окружением. Было нечто вроде бунта на коленях, но бунта, позволявшего заметно сократить число жертв сталинского террора. Подобная деятельность лидеров советской юстиции обстоятельно описана П. Соломоном в книге «Советская юстиция при Сталине» и объяснена им тем, что «реализация сталинского уголовного права не в полную силу, равно как и открытое или подспудное сопротивление судебно-прокурорских работников его претворению на практике, доказывает, что у уголовного закона есть свои пределы. Оказывается, что это составляет проблему даже для диктаторов»¹.

Бесспорно, пределы уголовного закона, как и всякое объективное, закономерное, отделяют действительное право от его превращенной формы, но сами по себе воплотиться в непосредственную практику не могут. Сталин не знал основ (пределов) уголовного права, их заменила его грубая, субъективная воля — росчерком пера вводились любые репрессии и требовалось их неукоснительное исполнение. Величие ситуации состоит в том, что среди юридически безграмотной и трусливой массы руководителей нашлись три российских интеллигента, которые нашли в себе силы и мужественно защищали права населения в ущерб своей карьере и личному благополучию. И дело чести современных российских правоведов детально исследовать правозащитную деятельность К. П. Горшенина, Н. М. Рычкова и И. Т. Голякова и представить ее современному поколению юристов в качестве примера верного служения юридической профессии и обществу.

Как показано ранее, в военное время Пленум Верховного Суда СССР неоднократно принимал предписания, заметно облегчающие

¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 442.

санкции указов ПВС СССР, как и иных сталинских актов, в виде расстрела или длительных сроков лишения свободы без учета вины осужденного и степени общественной опасности деяния. Таковыми были:

1) постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 июля 1943 г., рекомендовавшее военным трибуналам и иным судам применять к осужденным мужчинам отсрочку исполнения наказания в виде лишения свободы, независимо от срока наказания, с направлением в действующие воинские части. Благодаря этой мере удалось значительно пополнить ряды Красной Армии, повысив ее боеспособность, и дать возможность осужденным загладить вину за ранее совершенное преступление;

2) постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 ноября 1943 г., которым признавалась нецелесообразность реализации положений Указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. в отношении мелких служащих, рабочих и специалистов, ради куска хлеба сотрудничавших с немцами, а также на лиц, исполнявших административные должности при немцах, но оказывавших помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной Армии. Предусмотренная этим Указом санкция в виде ссылки в каторжные работы на срок не менее 15 лет не соответствовала общественной опасности названных форм сотрудничества с немцами, равно как и формам вины, которые требовали применения уголовной ответственности.

Имели место и иные факты либерализации актами центральных органов юстиции уголовно-правовых санкций указов ПВС СССР, основанных на сталинских пожеланиях. Так, указанием наркома юстиции СССР от 19 февраля 1943 г. осуждались факты вынесения военными трибуналами обвинительных приговоров за измену Родине при отсутствии в действиях подсудимых подобного состава преступления, равно как и назначение высшей меры наказания лицам, социальная опасность которых допускала вынесение иных, менее суровых санкций. Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 23 марта 1944 г. признал, что не всякое бегство за границу само по себе образует измену Родине, заслуживающую расстрела, как это предписывается постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. Значительная часть переходов населением линии фронта на сторону врага представляет собой пособничество, названное в ст. 58-3 УК РСФСР, и подлежит наказанию лишением свободы на срок не менее трех лет.

Суть конфликта между нормами указов ПВС СССР, иных актов, базирующимися на сталинских предписаниях о применении к на-

рушителями советских законов самых суровых уголовно-правовых санкций, и дезавуирующими эти предписания постановлениями Пленума Верховного Суда СССР, приказами, инструкциями Прокурора СССР, наркома юстиции СССР, кроется в односторонности позиции Сталина. Не владея основами теории уголовного права, не разбираясь в том, что такое преступление и каково его соотношение с разными мерами наказания, вождь партии и народа мыслил, как уже говорилось, «в унисон» с народом, имел обыденное сознание, видел в жесткости наказания эффективное средство борьбы с преступностью.

Руководители центральных органов советской юстиции, прекрасно понимая нежизненность жестокости, выраженной в сталинских приказах, пытались модифицировать их положения применительно к существующим реалиям и смягчить уголовно-правовые санкции с учетом общественной опасности разных составов преступлений. Подобная деятельность председателя Верховного Суда СССР, Прокурора СССР и наркома юстиции СССР продолжалась с переменным успехом в послевоенный период.

Среди наиболее значимых итогов борьбы Верховного Суда СССР с необоснованными санкциями, установленными указами ПВС СССР, П. Соломон выделяет постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22 июня 1949 г. «О порядке определения наказания за повторный прогул без уважительных причин», от 3 февраля 1950 г. «О порядке рассмотрения судами дел о хулиганстве», которыми были уточнены и конкретизированы предписания указов ПВС СССР в пользу граждан. Ряд приказов и иных не получивших четкого и конкретного закрепления в указах ПВС СССР директивных актов, направленных на защиту прав трудящихся, издал нарком юстиции СССР Н. М. Рычков. В частности, в его «секретном» письме от 18 ноября 1947 г. подверглась критике практика осуждения несовершеннолетних за мелкие кражи к длительным срокам лишения свободы, как того формально требовали указы от 7 августа 1947 г. о хищениях личного и государственного имущества, без учета того, что эти указы направлены не против детей, а против преступных элементов, не желающих честно трудиться¹.

Между тем Сталин никогда не поощрял своеволия ответственных проводников линии партии в жизнь, так же он поступил и с руководителями центральных органов юстиции. Планируя новые репрессии, он счел за благо отправить в отставку Рычкова и Голякова. Однако расстаться с ними он решил мирным путем, без организации трагикомедийных процессов и объявления «ослушников» агентами

¹ См.: Соломон П. Указ. соч. С. 410—423.

иностранных разведок и террористами. Во-первых, это было бы не новым и потому сомнительным. Во-вторых, видимо, учитывались прошлые заслуги названных деятелей юстиции в обеспечении общей победы над Германией.

Первым был отправлен в отставку Рычков. Итоги проведенной управлением кадров ЦК партии проверки деятельности центрального аппарата Министерства юстиции СССР были изложены в докладной записке, суть которой отражал ее заголовок: «О неправильном стиле руководства министра юстиции Союза ССР тов. Рычкова Н. М.». Недостатков было выявлено превеликое множество, в том числе массовое нарушение законов при рассмотрении дел в судах и «бумажный» стиль руководства сферой юстиции. Оказывается, Рычков за период с 1938 по 1945 г. подготовил и направил на места 887 руководящих приказов, инструкций, при этом сам ни разу не выезжал по делам юстиции в другую республику, область, край и, соответственно, плохо знал реальное положение дел на местах. Указом Верховного Совета СССР от 29 января 1948 г., основанным на директиве Политбюро ЦК ВКП(б), Рычков был освобожден от должности министра юстиции СССР¹.

Решением Политбюро ЦК партии 24 августа 1948 г. от должности председателя Верховного Суда освобождался Голяков за допущенные Верховным Судом «необоснованные снижения мер наказания, особенно по делам об измене Родине и хищениях», «формализм и волокиту при рассмотрении гражданских дел», «позорные факты злоупотреблений служебным положением некоторыми членами Верховного Суда СССР и работниками его аппарата, которые за взятки снижали меры наказания и освобождали преступников», а также за «засоренность» состава консультантов «лицами, не внушающими политического доверия»². Этим же решением Политбюро ЦК партии В. В. Ульрих был снят с поста председателя военной коллегии и заместителя председателя Верховного Суда СССР за «факты злоупотреблений служебным положением некоторыми членами Верховного Суда СССР и работниками его аппарата».

Таким образом, в следующее десятилетие центральные органы юстиции вступили с обновленным руководящим составом. Министром юстиции СССР был назначен К. П. Горшенин — до этого Генеральный прокурор СССР; председателем Верховного Суда СССР — А. А. Волин, ранее занимавший пост прокурора РСФСР; Генераль-

¹ См.: *Абдулин Р. С.* Судебное управление в Российской Федерации (1917—1990). С. 211—214.

² *Жирнов Е.* Члены Верховного Суда брали взятки // *Коммерсантъ. Власть.* 2008. 11 авг. С. 54—60.

ным прокурором СССР стал Н. Г. Сафонов. Руководителям в этом составе выпала высокая честь быть проводниками линии партии на стадии завершения сталинского террора и ликвидации его последствий.

Смерть И. В. Сталина и последующий арест Л. П. Берии окончательно устранили препятствия, стоявшие на пути отмены массового террора, ликвидации его последствий и восстановления законности в сфере советского правосудия. Наиболее значимый вклад в реабилитацию его жертв и возвращение суда на рельсы строгой законности внесли министр внутренних дел С. Н. Круглов, Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко и министр юстиции СССР К. П. Горшенين, по инициативе которых был упразднен основной источник судебного беззакония — ОСО при МВД СССР, отменены «указные» и ведомственные нормы, противоречащие законам СССР и РСФСР, иных союзных республик и оперативно реабилитированы жертвы террора.

Правотворческая, законотворческая деятельность названных руководителей центральных органов советского государства протекала в четырех формах: 1) концептуальное обоснование того, что природа предписаний, закрепляющих сталинский террор, была неправоовой; 2) подготовка предложений по отмене нормативных предписаний, иницирующих и утверждающих сталинский террор; 3) проектирование текстов указов ПВС СССР, отменяющих незаконные предписания и восстанавливающих действие норм уголовного и уголовно-процессуального советского законодательства; 4) принятие ведомственных актов, органично соответствующих действующему законодательству и развивающих его.

Чтобы оставаться в сугубо правовом поле и не впасть в другую крайность, выпустив из мест лишения свободы лиц, совершивших опасные для советской власти деяния, Прокурору СССР Р. А. Руденко, министру юстиции СССР К. П. Горшенину и министру внутренних дел М. Н. Круглову предстояло хотя бы начерно, в самом приблизительном виде, определить концептуальные основы своей деятельности. Во-первых, нужно было выявить нормы, закрепляющие сталинский террор и влекущие необоснованное репрессирование советских граждан, в том числе заключенных. Во-вторых, следовало обосновать необходимость оперативной отмены этих норм и освобождения от отбывания наказания невиновно осужденных лиц. В-третьих, требовалось определить особенности процедуры освобождения незаконно осужденных от дальнейшего отбывания наказания и разработать механизм реабилитации осужденных. *В целом названные задачи были решены успешно.*

В докладной записке Н. С. Хрущеву от 8 декабря 1953 г. С. Н. Круглов и Р. А. Руденко признали, что в деятельности ОСО имели место случаи недостаточно обоснованного осуждения граждан СССР. Кроме того, грубые нарушения социалистической законности допускались в связи с директивой МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г., обязавшей вновь арестовывать государственных преступников, уже отбывших наказание за совершенные ими преступления и освобожденных из мест заключения. Однако повторное осуждение за одно и то же преступление противоречит нормам уголовного права и является грубейшим нарушением закона. Авторы предложили Н. С. Хрущеву создать комиссию в составе Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко, министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, председателя Верховного Суда СССР А. А. Волина и заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС А. Л. Дедова в целях пересмотра всех архивных следственных дел, рассмотренных ОСО за период с июня 1945 г. по день его упразднения, а также дел на лиц, осужденных повторно за одно и то же деяние, и выявления неправосудных решений, подлежащих отмене.

Инициаторы тотального пересмотра решений ОСО и других квазисудебных органов понимали, что предлагаемая ими мера носит особый, чрезвычайный характер, выходит за пределы действующего законодательства и нуждается в дополнительном и достаточно детальном регулировании. «В работе по пересмотру дел о контрреволюционных преступлениях, — справедливо признавал Р. А. Руденко, — мы должны исходить из того, что это не амнистия, не помилование преступников, а проверка дел с целью реабилитации лиц, невинно осужденных, или отказа в пересмотре дела в отношении преступников»¹. Поэтому основной акцент был сделан на подготовку конкретных предложений по совершенствованию законодательства, проектов указов ПВС СССР и постановлений Совета Министров СССР либо на принятии собственными силами ведомственных нормативных правовых актов.

К. Е. Ворошилов, Р. А. Руденко и К. П. Горшенин 19 августа 1953 г. представили в Президиум ЦК КПСС проекты постановления Совета Министров СССР об особых лагерях и тюрьмах МВД СССР и Указа Президиума Верховного Совета СССР о частичном изменении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. Р. А. Руденко, К. П. Горшенин, С. Н. Круглов 5 января 1954 г. внесли в Пре-

¹ Руденко Р. А. О мерах по дальнейшему укреплению социалистической законности и усилению прокурорского надзора. Доклад на Всесоюзном совещании руководящих прокурорских работников. URL: <https://history.wikireading.ru/276476>.

зидиум ЦК КПСС проекты постановления Президиума ЦК КПСС по вопросу об особо опасных государственных преступниках, Положения о лагерях МВД СССР и Указа ПВС СССР об отмене Указа от 21 февраля 1948 г.

В числе новелл проектов можно, в частности, отметить: уточненную классификацию особо опасных государственных преступлений; признание нецелесообразной такой меры наказания, как ссылка заключенных на поселение навечно; предложение о том, что режим содержания особо опасных государственных преступников в лагерях МВД СССР должен предусматривать использование трудоспособных заключенных преимущественно на физических работах в течение девятичасового рабочего дня и строгие требования к ним для выполнения ими установленных норм выработки.

В записке Р. А. Руденко, К. П. Горшенина, С. Н. Круглова и И. А. Серова «Об образовании центральной комиссии по пересмотру дел осужденных за “контрреволюционные преступления”, содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении», представленной в Президиум ЦК КПСС 19 марта 1954 г., излагаются конкретные предложения относительно целей, предмета и механизма проверки законности вынесенных ОСО и другими квазисудебными органами решений. По мнению авторов записки, необходимо: 1) специально пересмотреть все уголовные дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления всеми судебными и внесудебными органами, ныне содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР, а также на лиц, находящихся в ссылке на поселении по отбытии наказания за контрреволюционные преступления; 2) для пересмотра дел и принятия решений образовать специальные центральную и местные комиссии; 3) дела на лиц, осужденных судебными органами, необходимо рассматривать в судебных инстанциях по протестам, вносимым в установленном законом порядке.

Президиум ЦК партии, всегда любивший быстрые победные действия по искоренению всякого рода ошибок и недостатков, не мог удержаться от столь соблазнительных предложений и согласился с ними. В постановлении Президиума ЦК КПСС от 5 мая 1954 г. «О создании центральной и местной комиссий по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке» предписывалось:

1) создать Центральную комиссию в составе Р. А. Руденко, С. Н. Круглова, И. А. Серова, К. П. Горшенина и других ответствен-

ных работников партии и Правительства для пересмотра дел на лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД — МГБ — МВД и коллегией ОГПУ;

2) рассмотрение дел на лиц, осужденных тройками НКВД — УНКВД, возложить на местные комиссии в республиках (не имеющих областного деления), краях и областях в составе: прокурора республики, края, области (председателя), членов комиссии: министра внутренних дел республики, начальника управления МВД по краю, области, начальника управления Комитета государственной безопасности по республике, краю, области, министра юстиции республики, начальника управления министерства юстиции края, области;

3) наделить Центральную и местные комиссии полномочиями отменять решения по делу и полностью реабилитировать осужденного, переквалифицировать составы преступлений, сокращать сроки наказания, применять Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии». В отношении лиц, осуждение которых будет признано правильным, предлагалось выносить постановления об отказе в пересмотре решения по делу;

4) постановления Центральной и местных комиссий признавать окончательными. Дела на лиц, осужденных судебными органами, по которым комиссии признают необходимым отменить или изменить приговор, следует рассматривать в соответствующих судебных инстанциях по протестам, вносимым в установленном законом порядке.

Общеобязательная сила закона изложенным партийным установлениям, как и в «добрые сталинские времена», была придана ведомственным приказом Р. А. Руденко, К. П. Горшенина, С. Н. Круглова и И. А. Серова от 19 мая 1954 г. Мудрый вождь Сталин сплошь и рядом игнорировал законодателя, вместо него принимал законы по вопросам террора, а его последователи чем хуже? Они решили стойко следовать лучшим сталинским традициям. Составители приказа от 19 мая 1954 г. мыслили достаточно просто, полагая, что все решения квазисудебных органов правомочны отменить создаваемые ведомственным актом комиссии в статусе квазисудебного органа.

Итак, благодаря интенсивному правотворчеству названных должностных лиц при полном понимании и поддержке Президиума ЦК партии в короткий срок были приняты более 20 нормативных правовых актов на уровне указов ПВС СССР, постановлений Совета Министров СССР и ведомственных актов центральных органов юстиции. Эти акты закрепили эффективный порядок и механизм пере-

смотра неправосудных приговоров ОСО и других квазисудебных органов. В результате в целом за весьма короткий срок удалось расчистить «авгиевы конюшни» и избежать серьезных социальных эксцессов, связанных с проводившейся при Сталине человеконенавистнической политикой. Согласно докладной записке Р. А. Руденко в ЦК КПСС от 29 апреля 1955 г. по состоянию на 1 апреля 1955 г. все комиссии рассмотрели уголовные дела на 237 412 осужденных, из которых 125 202 осужденным были смягчены либо отменены наказания¹.

Правда восторжествовала хотя бы для незначительной части жертв сталинского террора. Однако в этой позитивной деятельности советского государства не все было ладно, не все полностью соответствовало правовым установлениями. Парадокс состоял в том, что *правовые результаты* были получены посредством *неправовой*, не согласующейся с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства работы органов советского государства, наступивших на те же грабли, что и проводники сталинского террора. Центральная и местные комиссии учреждались неконституционным, незаконным путем, по образу и подобию ОСО и иных квазисудебных органов, решения которых они должны были пересматривать.

Благие намерения восстанавливать право и нести справедливость, пересматривая решения по уголовным делам, принятые квазисудебными органами, правомочен реализовывать только судебный орган, прямо указанный в ст. 102 Конституции СССР, либо специальный суд, образованный в соответствии с законом Верховного Совета СССР. Генеральный прокурор СССР и его коллеги, учреждавшие комиссии, исполняющие надзорные функции правосудия, вышли за пределы своих полномочий. Создание органами исполнительной власти квазисудебных органов вопреки требованиям Конституции СССР составляет первую, но не единственную ошибку сочиненных ими актов.

Вторая существенная ошибка состоит в том, что Генеральный прокурор СССР в нарушение Положения о Прокуратуре СССР и уголовно-процессуального законодательства, обязывающего его осуществлять надзор за законностью в стране, в том числе в сфере правосудия, берет на себя полномочия председательствующего Центральной комиссии по пересмотру уголовных дел на осужденных ОСО при НКВД — МГБ — МВД СССР и иных квазисудебных органах. Аналогичные функции были возложены на прокуроров союзных и авто-

¹ См.: Руденко Р. А. О результатах работы Центральной комиссии по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления», содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении. Докладная записка в ЦК КПСС от 29 апреля 1955 г. URL: <https://history.wikireading.ru/276482>.

номных республик, краев и областей в местных комиссиях по пересмотру дел ОСО и иных квазисудебных органов. Порожденная коллизия ни в какие, даже самые широкие, ворота советской законности не лезла. Прокурор в роли судьи может выступать только в стране, не обладающей должной правовой культурой. К сожалению, этим число решений, несообразных с точки зрения права, не ограничивается.

Третья существенная ошибка приказа от 19 мая 1954 г. заключается в том, что членов Центральной и местных комиссий по пересмотру уголовных дел назначали руководители органов МВД и КГБ СССР, расследовавших дела, направленные в комиссии. Нарушался ведущий принцип, известный еще со времен Древнего Рима: никто не может быть судьей в своем деле. Кстати, руководителям органов МВД и КГБ статус судьи был противопоказан в силу утвержденных советским Правительством положений об этих органах, в которых никакого правосудия нет и быть не может по определению. Должностное лицо может выполнять только функции, прямо возложенные на него действующим законодательством.

Характерно, что нарушения законодательства *вновь были допущены с санкции ЦК партии и вопреки прямым указаниям законодателя*. Напомним, что первоначально Указ ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. возлагал на Верховный Суд СССР пересмотр незаконных решений ОСО и иных квазисудебных органов. Президиум ЦК партии с подачи заинтересованных руководителей центральных юридических органов решил пойти проторенным сталинским путем и предпочел законным квазисудебные органы правосудия. В результате основанное на Конституции СССР и законе предписание ПВС СССР о пересмотре дел Верховным Судом СССР фактически утратило силу с момента принятия. В то же время противоречащий ему *ведомственный приказ*, поддержанный «директивными органами партии», обрел силу закона, был поднят на его уровень, поставлен впереди и вместо него. Однако «самозванец», как и всякая превращенная форма права, не мог дать действительного права — придать юридическую силу *решениям квазисудебных органов о реабилитации осужденных*.

Вполне понятно, что восстановление прав реабилитированных возможно на основании документа, имеющего юридическую силу, т. е. выданного *компетентным* органом в соответствии с законодательно установленными *процедурами* и сообразно законодательно определенным *основаниям*. Согласно ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию включает право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах; основанием для их

возникновения являются полная или частичная отмена вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращение уголовного дела. УПК РСФСР 1923 г. не содержал предписаний по вопросам реабилитации, но вполне понятно, что подобные права могли возникать после решения *компетентного судебного органа*, отменившего полностью или частично ранее вынесенный обвинительный приговор. Других способов отмены приговоров УПК РСФСР не предусматривал.

Комиссии по пересмотру дел, созданные приказом от 19 мая 1954 г., могли отменить решения ОСО, иных квазисудебных органов, но они не были правомочны наделять незаконно репрессированного статусом реабилитированного с выдачей соответствующего документа. Ибо это обязанность судебного органа, которую не способен исполнить ни один квазисудебный орган. Совершенно справедливо Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 1930—1940-х и начале 1950-х гг., действовавшая в 1986—1988 гг., обязывала Прокуратуру СССР уголовные дела, подлежащие прекращению, направлять в Верховный Суд СССР. Таким образом, все лица, реабилитированные во внесудебном порядке комиссиями, образованными по приказу от 19 мая 1954 г., юридически не были оформлены в качестве таковых в соответствии с действующим законодательством.

Симптоматично, что подмена неконституционным приказом от 19 мая 1954 г. общесоюзного закона в части создания комиссий по пересмотру дел у современных исследователей не получает критической оценки, а наоборот, поддерживается ими. «Полномочия комиссий, — отмечает О. В. Лавинская, — оказались недостаточны для кардинального решения проблемы — как можно быстрее пересмотреть дела всех политических заключенных. Для этого было бы логичнее наделить комиссии (и в центре, и на местах) правом вынесения окончательного решения по всем делам, без излишней судебной процедуры, как это требовалось в случае опротестования решений судебных органов»¹. Фактор времени в данном случае наделяется более высокой ценностью, нежели режим законности, что не соответствует канонам общей теории права.

Как видим, недостаточная правовая культура руководителей самого высокого ранга, в том числе в органах юстиции, незнание ими элементарных принципов соотнесения разноуровневых актов системы советского права, глубокая вера в способность Президиума

¹ Лавинская О. В. Документы прокуратуры о процессе реабилитации жертв политических репрессий в 1954—1956 гг. URL: <https://m.polit.ru/article/2007/07/18/reabil/>. С. 21.

ЦК партии снять грех с души за любую ошибку в сфере правотворчества привели к тому, что правотворчество этих органов, сыгравшее решающую роль в преодолении последствий сталинского террора, не было доведено до надлежащего в юридическом плане завершения. Осужденные были освобождены от отбывания наказания и реабилитированы в общественном мнении, но не юридически, т. е. вследствие судебного решения. Эта ошибка была исправлена на следующих стадиях истории советского государства, изучение которых выходит за предмет нашего изложения.

Наибольшие перспективы для перевода системы советского правосудия на демократические рельсы и сообразно его юридической природе открылись лишь после XX Съезда КПСС, состоявшегося 15—25 февраля 1956 г. На нем был взят курс на последовательное преодоление результатов авторитарной политики Сталина, всемерное развитие социалистической демократии и создание эффективных механизмов защиты общества и личности от посягательств на их права органов партии и государства. Разработка, организация и реализация этого курса составили следующий период истории советского государства, права и правосудия. Предвестником осуществления многообещающих возможностей этого курса явилось Положение о прокурорском надзоре в СССР, принятое Указом ПВС СССР от 24 мая 1955 г.

Комиссии по пересмотру решений квазисудебных органов, образованные совместным актом Генерального прокурора СССР, министра юстиции СССР, министра внутренних дел и председателя КГБ при Совете министров СССР, так же имели статус квазисудебных органов, поскольку создание действительных органов правосудия согласно Конституции СССР 1936 г. составляет прерогативу законодателя — Верховного Совета СССР. Значит, только законами, но никак не партийными и подзаконными актами ведомств могли конституироваться действительные органы правосудия. Вполне понятно, что и решения квазисудебных органов могли носить только рекомендательный характер, их предписания обрели бы статус предписаний действительного правосудия лишь при условии их закрепления решениями компетентных судебных органов.

Конституционный путь оценки и определения юридической природы решений троек, ОСО и иных квазисудебных органов, по нашему мнению, должен быть иным. Верховному Совету СССР следовало принять закон, которым все решения квазисудебных органов, созданных неконституционным путем, актами Политбюро ЦК партии, ЦИКа и СНК СССР, ведомственными актами НКВД и иных правоохранительных органов признать не имеющими юридической силы

судебного акта, а людей, осужденных этими актами, — жертвами сталинского террора, подлежащими безусловной реабилитации, независимо от их вины и совершенных противоправных деяний.

Однако всеобщая реабилитация была бы несправедливой в отношении лиц, которых репрессировали все же за совершенные деяния, «по заслугам». Для выявления этой категории лиц могли создаваться самые разные комиссии, в том числе типа учреждаемых советским государством реабилитационных комиссий. Задача этих комиссий могла сводиться только к выявлению дел, по которым виновные лица были привлечены по факту совершения ими преступных деяний, и передаче этих дел в компетентные судебные органы. Вопросы ответственности этой категории репрессированных и возможности их реабилитации правомочен решать компетентный судебный орган и никто больше.

Нет никаких юридических оснований для хвастливых, тенденциозных претензий *Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930—1940-х и начала 1950-х гг.*, на восстановление справедливости в отношении Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, М. Н. Рютина, многих других известных партийных деятелей, на создание правовых механизмов для возвращения всем невинно пострадавшим (мертвым и живым) доброго имени, попранных прав, конфискованного имущества, для осуждения репрессий и злоупотреблений властью эпохи правления Сталина¹. Ибо никаких правовых оснований для пересмотра судебных актов у названной Комиссии не было, а ее решения представляют собой не более чем экспертные заключения, способные выступать *лишь поводом* для рассмотрения соответствующих дел компетентным судебным органом, причем с соблюдением действующего уголовно-процессуального законодательства. Таков путь получения достоверной юридической оценки решений квазисудебных органов сталинского периода и основанного на законе исправления допущенных правоприменительных ошибок.

Глава 59. Вспомогательные органы советского правосудия

В тяжелые послевоенные годы восстановления народного хозяйства, повышения материального благополучия народа и укрепления правового порядка успехи и недостатки системы советского право-

¹ См.: Артюхов А. Н. В целях восстановления исторической и социальной справедливости: А. Н. Яковлев и реабилитация жертв политических репрессий 1988—1990 гг. URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/75971>.

судия, как и в прошлые времена, напрямую связаны с такими органами советской юстиции, как прокуратура, адвокатура, органы следствия, дознания, арбитраж и нотариат.

В целях повышения эффективности надзора за законностью в сфере правосудия в Прокуратуре СССР в 1943—1954 гг. проводились такие ставшие историческими мероприятия, как: 1) установление классов чинov для прокурорско-следственных работников; 2) присвоение Прокурору СССР наименования «Генеральный прокурор СССР»; 3) восстановление участковой системы работы следователей; 4) возложение на сотрудников прокуратуры обязанности повышать профессиональное мастерство; 5) пересмотр дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления.

Указом ПВС СССР от 8 октября 1943 г. для прокурорско-следственных сотрудников прокуратуры были установлены гражданские чины, дифференцированные на 11 классов, а постановлением СНК СССР от 16 сентября 1943 г. № 1002 введена форменная одежда, ношение которой во время нахождения на работе признавалось обязательным. Обвинитель на суде, представляющий государство, обретал соответствующую этому статусу официальную форму, что заметно выделяло его из остальных участников судопроизводства и возвышало в глазах присутствующего на процессе населения. Введением чинov государство стимулировало также сотрудников прокуратуры на получение высшего юридического образования, поскольку лица без юридического образования могли претендовать лишь на низшие чины 11—9 классов. Законом СССР, принятым Верховным Советом СССР 19 марта 1946 г., Прокурору СССР присваивалось наименование «Генеральный прокурор СССР»; первым занявшим этот высокий пост стал К. П. Горшенин, пользовавшийся большим доверием И. В. Сталина, из-за чего впал в немилость у Н. С. Хрущева.

К. П. Горшенин предпринял попытку наметить главные направления совершенствования деятельности работников прокуратуры по таким ведущим направлениям, как общий надзор и следствие. Приказом Генерального прокурора СССР от 17 июня 1946 г. № 128 определялись задачи органов прокуратуры в сфере общего надзора применительно к послевоенным условиям, основные средства прокурорского урегулирования выявленных нарушений закона. Из приоритетных направлений борьбы прокуратуры за законность выделялись: преодоление формального администрирования, бюрократизма, увлеченности незаконными штрафами и мобилизационными работами; защита прав граждан, в первую очередь демобилизованных и членов их семей.

Одновременно прокуратура принимала эффективные меры по улучшению качества следственной работы, что, в свою очередь, облегчало деятельность судов по вынесению правосудных приговоров. Во-первых, как уже упоминалось, был восстановлен участковый принцип работы следователей. Во-вторых, следователи, как и другие сотрудники прокуратуры, обязывались постоянно повышать свой профессиональный уровень посредством самообразования или обучения в юридических учебных заведениях. По мнению Я. Л. Алиева, И. В. Кацубы, Н. М. Крамаренко, участковая система работы следователей органов прокуратуры была введена приказом Генерального прокурора СССР от 28 июля 1949 г. № 131: за каждым из следователей закреплялся определенный участок района или города¹. Между тем названная мера была определена ст. 73—75 Положения о судостроительстве РСФСР 1926 г. и аналогичными актами других союзных республик. Значит, Генеральный прокурор не ввел новую меру, а лишь потребовал надлежащего исполнения действующего законодательства. Инициативным был его приказ, обязывающий прокуроров республик, краев и областей определить формы обучения каждого прокурорско-следственного работника в целях повышения общего и профессионального уровня их юридического образования². Приказ, предусматривающий тотальное обучение сотрудников, в системе органов юстиции принимался впервые.

Особое историческое значение имела деятельность прокуратуры по пересмотру дел о контрреволюционных преступлениях осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении. В отличие от троек НКВД, в которых прокурор играл роль стороннего наблюдателя, в 1954 г. прокуроры назначались председателями республиканских и областных, краевых комиссий по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционную деятельность, а Центральную комиссию возглавил Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко.

Совместными усилиями комиссий с мая 1954 г. по март 1956 г. рассматривались дела в отношении 337 183 репрессированных. При этом приняты решения прекратить дела 153 502 человек, сократить сроки наказания, освободить от ссылки, применить амнистию. Реа-

¹ См.: Алиев Я. Л., Кацуба И. В., Крамаренко Н. М. Развитие прокуратуры России и взаимодействие с общественностью // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 3. С. 28.

² См.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. URL: <http://lib.rus.ec/b/186478/read#t5>.

билитированы 14 338 человек (4,2%). Приговоры и решения внесудебных органов в отношении остальных репрессированных были признаны правосудными¹. Работа комиссий, как и их результаты, имели значительный воспитательный эффект, показав, что суд, призванный вершить правосудие, не может и не должен выносить «кривосудные» приговоры, превращаться из органа защиты права в средство проведения воли неправосудного органа или должностного лица. В то же время в решениях, восстанавливающих подлинное правосудие, как показано ранее, не было *ни грана действительного правосудия ни по форме, ни по содержанию*.

Ведущей составляющей успешной судебной деятельности выступают следственные органы, которые в годы войны функционировали в составе Прокуратуры СССР, МВД СССР, МГБ СССР.

Согласно Указу Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 г. в Прокуратуре СССР существовала определенная номенклатура следственных должностей: следователи участков железных дорог, водных бассейнов и лагерей; народные следователи; старшие следователи лагерей, прокуратур железных дорог и водных бассейнов, прокуратур автономных республик, краев и областей; следователи по важнейшим делам прокуратур союзных республик, Прокуратуры СССР.

Как ранее говорилось, с 1 октября 1949 г. приказом Генерального прокурора СССР от 28 июля 1949 г. № 131 в городских и районных прокуратурах при наличии в штате двух и более следователей создавались следственные участки. По мнению Я. Л. Алиева, И. В. Кацубы, Н. М. Крамаренко, «фактически эти участки соответствовали территориям отделений милиции... Следователь был тесно связан с органами дознания и оперативно-розыскной службой органов внутренних дел, дислоцированными на его участке. Это способствовало более полному и быстрому раскрытию преступлений, а также их полному, объективному и всестороннему расследованию. Расследование наиболее сложных по доказательствам и степени социальной опасности преступлений поручалось старшим следователям или следователям по особо важным делам»².

Следователи прокуратуры рассматривали дела, отнесенные к их ведению уголовно-процессуальным законодательством, в соответствии с УПК РСФСР, аналогичными законами других союзных республик), без каких бы то ни было изъятий и упрощений, а завершённые ими дела с согласия прокурора направлялись в суды общей

¹ См.: Лавинская О. В. Указ. соч.

² Алиев Я. Л., Кацуба И. В., Крамаренко Н. М. Указ. соч.

юрисдикции либо специальные суды, указанные в Законе о судостроительстве СССР 1938 г.

Расследование уголовных дел в упрощенном порядке со многими «купюрами» процессуального законодательства проводили следственные органы МВД СССР и МГБ СССР, которые к тому же находились в постоянной реорганизации. «Чехарда» в структуре следственных органов названных министерств, исследованная Д. О. Серовым и А. В. Федоровым, выглядит так. В созданном 14 апреля 1943 г. Наркомате государственной безопасности СССР была сохранена следственная часть по особо важным делам, а в составе МГБ СССР (1946) она была на правах управления. В феврале 1948 г. в составе Главного управления милиции МВД СССР, управлений милиции республик, краев и областей был создан следственный аппарат.

Постановлением Совета Министров СССР от 13 октября 1949 г. из системы МВД в МГБ было передано Главное управление милиции вместе с имевшимися в его органах следственными подразделениями. В марте 1953 г. МГБ СССР вновь было объединено с МВД СССР, в котором была восстановлена следственная часть по особо важным делам. В учрежденном 13 марта 1954 г. Указом ПВС СССР Комитете государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР вместо упраздненной следственной части по особо важным делам было создано следственное управление. В центральном аппарате МВД СССР никакое обособленное следственное подразделение не образовывалось. Следственный отдел действовал лишь в составе Главного управления милиции¹.

В наличии следственных структур в правоохранительных органах усомнился М. С. Строгович, считавший следователей милиции незаконным институтом на том основании, что предварительное следствие — это функция юстиции, а не милиции, она не может быть сосредоточена в органе, ведущем оперативно-розыскную деятельность². Строгович прав по существу в том, что институт следователей милиции является незаконным, но причины его незаконности глубже, нежели несоответствие следствия природе органа, ведущего оперативную работу. Институт следствия, его структура, функции, порядок деятельности закреплены уголовно-процессуальным законом, не предусматривающим нахождения этого института в орга-

¹ См.: Серов Д. О., Федоров А. В. Советское следствие в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1959 гг.). URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=5305&id=15>.

² См.: Строгович М. С. О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Социалистическая законность. 1957. № 5. С. 21, 23.

нах милиции и других властных структурах. В них функционируют лишь органы дознания (ст. 97 УПК РСФСР).

Вопрос о допустимости создания подразделения следствия в правоохранительных органах мог решить только Верховный Совет СССР (п. «х» ст. 14 Конституции СССР). Акты органов исполнительной власти, утвердившие образование в МВД СССР, МГБ СССР следственных структур, таким образом, являются неконституционными, а сами эти структуры — квазиследственными, не способными порождать правовых последствий, предусмотренных уголовным законодательством. Однако следственные органы и не стремились соблюдать процессуальный закон, широко используя пытку в качестве основного средства получения доказательств вины осужденных.

Подобная практика узаконена приказом министра внутренних дел СССР от 4 апреля 1954 г. № 0068 «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». В приказе названы как методы пытки (жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.), так и их результаты (арестованным, доведенным до потери человеческого облика, следователи-фальсификаторы подсовывали заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе).

Не будем все же тешить себя надеждами на то, что все оперативно-следственные органы враз отрешились от привычного им способа получения доказательств, увидев положения этого приказа, тем более, что его автора через два месяца и 20 дней арестовали и обвинили в том числе в делах, которые он сам категорически запрещал. Тем не менее с официальной отмены пытки ответственность за ее применение ложится непосредственно на исполнителя, сталинская индальгенция за издевательства над арестованными утратила охранную силу.

Министерство юстиции СССР и Совет Министров СССР в послевоенные годы не оставляли без внимания единственное добровольное юридическое объединение — коллегия адвокатов, ориентированных на защиту населения от происков советских государственных органов и потому особенно нелюбимых этими органами. По справедливому замечанию Ю. Ф. Лубшева, нормативные акты по вопросам адвокатуры основную задачу адвоката видели не в оказании помощи конкретному человеку, а в содействии социалистиче-

скому правосудию¹. Эта линия четко и последовательно проводилась во всех нормативных актах Минюста СССР в период, начавшийся до принятия нового Положения об адвокатуре. Адвокатура, будучи с ног до головы повязанной разнообразными минюстовскими предписаниями и указаниями, ни о каком самоуправлении не смела и думать.

Приказом Минюста СССР от 18 февраля 1950 г. «Об улучшении руководства органов юстиции работой адвокатуры» начальники областных, краевых управлений юстиции обязывались уделять перво-степенное внимание работе коллегий, принимать меры к укреплению их кадров, контролировать качество юридической помощи, состояние трудовой дисциплины. Распоряжением Совета Министров СССР от 21 февраля 1950 г. № 1782 Минюст СССР наделялся правом устанавливать предельную численность адвокатов каждой конкретной коллегии. Инструкцией Минюста СССР от 1 июля 1950 г. «О работе со стажерами в коллегиях адвокатов» Минюст республики обязывался утверждать списки стажеров для каждой коллегии и направлять стажеров только по своим путевкам. Минюст СССР 29 мая 1951 г. издал инструкцию «О порядке рассмотрения дисциплинарных дел адвокатов», которая предписала привлекать адвокатов за несоблюдение правил внутреннего трудового распорядка, нарушение правил оплаты помощи, недобросовестность, совершение порочащих поступков. Положение о юридических консультациях коллегий адвокатов, утвержденное Минюстом СССР 2 июня 1952 г., детально определяло организацию и порядок работы юридических консультаций, права и обязанности их заведующих.

Между тем Минюст СССР и Минюст РСФСР увлеклись регулированием *внутриорганизационной* деятельности областных, краевых, республиканских коллегий адвокатов, что вышло за пределы их полномочий, поскольку легализованным предметом их правотворчества выступала *внешняя работа коллегий*, связанная с оказанием юридической помощи населению. Согласно Положению о Народном комиссариате юстиции Союза ССР, утвержденному СНК СССР 15 июня 1939 г., и Положению о Народном комиссариате юстиции РСФСР, утвержденному постановлением СНК РСФСР от 11 ноября 1939 г., наркоматы наделялись правомочием издавать *приказы и инструкции о порядке организации юридической помощи населению*. Кроме того, Наркомюст СССР обязывался издавать *нормативные правовые акты по вопросам оплаты труда адвокатов*.

¹ См.: Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России. М., 2001. URL: <http://lawdiss.narod.ru/oglavl/1722.htm>.

Правотворчество по вопросам «организации юридической помощи населению» имеет иной предмет. Во-первых, оно призвано закреплять качественно совершенные формы взаимодействия адвокатуры с населением, позволяющие максимально полно удовлетворять потребности граждан в реализации их прав и защите этих прав от неправомерных посягательств со стороны других лиц, в том числе органов государства. Во-вторых, министерства обязывались создавать надлежащие материальные условия для оказания юридической помощи населению: предоставлять помещения для приема граждан; обеспечивать коллегии нормативными правовыми актами; устанавливать порядок оплаты труда адвокатов, выступающих по назначению суда, и др.

Однако к решению этих вопросов ни Минюст СССР, ни Минюст РСФСР даже не приступили. В числе основных критических замечаний, высказанных участниками Всесоюзного адвокатского совещания (17—20 февраля 1954 г.), были такие: отсутствие помещений, позволяющих вести прием населения и оказывать им юридическую помощь; необеспеченность коллегий методическими пособиями, инструкциями и иными актами минюстов по вопросам применения материального и процессуального законодательства; нерешенность вопроса об оплате за счет государства труда адвокатов за участие в процессах по назначению суда (ст. 55 УПК РСФСР); несовершенство действующей системы оплаты труда; отмена предоставленного министру юстиции СССР и министрам юстиции союзных республик права отвода адвокатов, принятых в коллессию.

Повсеместно наркомюсты союзных республик, областные, краевые управления юстиции устраивали гонения на адвокатов, пытавшихся защищать права подсудимых по необоснованным, фальсифицированным делам, составленным органами милиции или прокуратуры¹.

Несмотря на диктат Минюста СССР и Минюста РСФСР, иные бюрократические препятствия, чинимые руководящими органами юстиции, численный состав коллегий адвокатов неуклонно увеличивался. По данным А. Я. Кодищева, на 1 января 1948 г. в адвокатуре СССР было 156 президиумов, 3777 консультаций, 13 655 адвокатов и стажеров. Из них 9415 мужчин (69,2%) и 4190 женщин (30,8%); членов партии — 35,5%. Высшее юридическое образование имели 42,5%; среднее — 19,8%². На 1 июля 1953 г. в СССР было 13 556 штат-

¹ См.: Быковская Е. А. Адвокатура Новосибирской области в 1920—80-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. С. 17—18.

² См.: Кодищев А. Я. Советская адвокатура в послевоенный период. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/31145-sovetskaya-advokatura-poslevoennyj-period>.

ных единиц адвокатов, замещено 12 550. Из адвокатов 7070 имели высшее образование; 3307 — среднее; 2173 были без среднего образования. На 1 апреля 1954 г. в РСФСР было 7443 адвоката (не хватало 288). В 336 районах не было адвокатов. В 1954 г. были 1093 адвоката; приняты 1245. Работали 906 адвокатов без юридического образования (12%). В СССР в 1954 г. работали 13 194 адвоката; 64% — с высшим образованием, 46% — члены партии¹.

В послевоенный период значение государственных арбитражей при Совете Министров СССР, союзных и автономных республик, при краевых и областных исполкомах и исполкомах автономных областей в деле укрепления договорной и плановой дисциплины государственных предприятий и учреждений заметно возросло в связи с увеличением объема работ, связанных с восстановлением разрушенного войной народного хозяйства и дальнейшим развитием всех сфер советской экономики. В то же время деятельность госарбитражей не в полной мере удовлетворяла партию и Правительство. Совет Министров СССР постановлением от 29 мая 1949 г. № 2230 признал работу Госарбитража при Совете Министров СССР неудовлетворительной, а постановлением от 18 февраля 1952 г. № 890 констатировал в работе названного органа серьезные недостатки.

В 1952 г. организационно-инструкторский отдел ЦК партии по итогам проверки деятельности госарбитражей выявил ряд нарушений материального и процессуального законодательства. Это, в частности, рассмотрение споров без участия представителей предприятий и организаций — ответчиков или истцов, находящихся в Москве, а также без участия представителей министерств и ведомств СССР и РСФСР по делам подведомственных им предприятий и организаций, находящихся вне Москвы. Госарбитраж не всегда требовал от торгующих организаций, взыскивавших с поставщиков продукции ненадлежащего качества уценку, представления справок о доведении уценки до потребителя; не взыскивал установленную пеню за просрочку платежа и проценты за пользование чужими средствами и др.²

В целях повышения качества деятельности госарбитражи постановлением Совета Министров СССР от 15 марта 1953 г. № 768 «О Государственном арбитраже при Совете Министров СССР» были переданы в состав Минюста СССР. Система органов госарбитража была

¹ См.: *Кодинцев А. Я.* Советская адвокатура на переломе эпох (середина 50-х годов XX века) // Адвокат. 2008. № 8.

² См.: *Гурьева А. Н.* К вопросу о совершенствовании организационно-правовой формы и качества работы органов государственного арбитража в 1950—1955 гг. // Общество и право. 2010. № 2. С. 33—34.

представлена: госарбитражем Минюста СССР, госарбитражами министерств союзных и автономных республик, госарбитражами управлений минюстов союзных республик при краевых, областных Советах. Городские госарбитражи действовали в Москве, Ленинграде и Куйбышеве.

Заметным шагом на пути унификации арбитражной практики, устранения наиболее распространенных ошибок, допускаемых арбитрами при рассмотрении споров, стала инструкция Госарбитража СССР от 24 ноября 1952 г. № 70 «О порядке рассмотрения государственными арбитражами имущественных споров, связанных с поставкой недоброкачественной и некомплектной продукции», в которой достаточно детально определен порядок процессуальных действий при рассмотрении споров, обжаловании и исполнении принимаемых решений. При этом ставилась задача не только разрешать споры между предприятиями и организациями согласно действующему законодательству, но и применять к виновным имущественную ответственность при поставке недоброкачественной, не соответствующей стандартам и техническим условиям, некомплектной продукции, а также во всех других случаях поставки продукции ненадлежащего качества.

Однако задачи госарбитражей не ограничивались разрешением споров, на них возлагалась обязанность информировать органы прокуратуры о фактах поставки недоброкачественной или некомплектной продукции и продукции, произведенной с нарушением обязательных стандартов, не позднее пяти дней со дня вынесения решения по делу. Кроме того, госарбитражи должны были систематически изучать арбитражную практику, а результаты обобщений направлять руководителям министерств и ведомств, в необходимых случаях — органу, при котором состоял арбитраж.

Благодаря принятым мерам, как отметила А. Н. Гурьева, к середине 1950-х гг. качество работы госарбитража улучшилось. Так, в первом полугодии 1954 г. им рассмотрены 240 376 дел против 239 010 дел за этот же период в 1953 г. В 1954 г. на решения госарбитража поступили 2675 жалоб, или 12,8% к числу всех рассмотренных им дел. По этим жалобам отменены и изменены 378 решений, или 1,8% против 2,2% за 1953 и 1952 гг. и 3,8% — за 1951 г.¹

В 1930—1950 гг. претерпел изменения нотариат. На созданный в 1936 г. Наркомюст СССР были возложены функции общего руководства работой нотариата и надзора за ней, а для надлежащего их исполнения был образован отдел нотариата. Организация нотариаль-

¹ См.: Гурьева А. Н. Указ. соч. С. 34.

ных органов, руководство их работой, подготовка и переподготовка кадров нотариата возлагались на наркомов юстиции союзных республик, в частности в РСФСР — Положением о Народном комиссариате юстиции РСФСР, утвержденным постановлением СНК РСФСР от 11 ноября 1939 г. № 646. Детальное регулирование нотариальных действий применительно к послевоенным условиям было дано в постановлении Совета министров РСФСР от 31 декабря 1947 г. № 980 «Об утверждении Положения о государственном нотариате РСФСР».

Положение ввело ряд новелл об организации и деятельности нотариата, свидетельствовавших о повышении его роли в системе органов советской юстиции. Во-первых, если согласно Положению о судоустройстве РСФСР 1926 г. сеть государственных нотариальных контор утверждалась Наркомюстом РСФСР, то Положение от 31 декабря 1947 г. предписывало сеть таковых в краях, областях и городах республиканского подчинения утверждать Совету Министров РСФСР по представлению министра юстиции РСФСР. Во-вторых, Положением определялся образовательный ценз для претендентов на должность нотариуса — высшее или среднее юридическое образование. В отдельных случаях нотариусами могли быть лица, имеющие не менее двух лет стажа работы в качестве судей, прокуроров, следователей, юрисконсультов или нотариусов. Но для занятия названной должности необходимо пройти стажировку и успешно сдать квалификационные экзамены.

Повышение престижа нотариата в системе органов юстиции практически никак не сказалось на уровне материального обеспечения нотариальных контор, равно как и на заработной плате их сотрудников. В период, когда значительная часть народных судов не имела соответствующих их статусу помещений, нотариальные конторы о надлежащих санитарно-гигиенических условиях не могли и мечтать. Уровень заработной платы нотариусов также был ниже уровня заработной платы судей и других ведущих специалистов органов юстиции. На всем протяжении истории советского государства должность нотариуса традиционно признавалась менее престижной, чем должности судьи, прокурора, следователя, юрисконсульта.

Глава 60. Советское правосудие на стадии реформирования и ликвидации последствий сталинского террора (1953—1956)

Неизвестно, каким был бы дальнейший путь ухода террора с арены истории советского государства, не случись такого неожиданного и трагического события, как смерть 5 марта 1953 г. вели-

кого вождя всех времен и большого друга всех народов товарища И. В. Сталина. Взявшие партийную и государственную власть в свои руки недавние соратники Иосифа Виссарионовича Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, Н. А. Булганин и Л. П. Берия, как оказалось, были категорически против террора, поэтому приняли самые оперативные меры по его ликвидации полностью и без остатка и освобождению его жертв от дальнейшего отбывания наказания. Сталинский террор агонизировал под воздействием таких срочно осуществляемых мер, как: 1) амнистия; 2) запрет пыток на следствии; 3) арест и последующий приговор к высшей мере наказания руководителей МВД СССР и МГБ СССР; 4) снятие ограничений с депортируемых народов; 5) деятельность комиссий для проверки обоснованности приговоров по политическим делам; 6) принятие нового Положения о Прокуратуре СССР; 7) отмена уголовного преследования рабочих и служащих за дисциплинарные проступки.

ПВС СССР Указом от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» освободил от отбывания наказания: заключенных, осужденных на срок не более пяти лет; несовершеннолетних; беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей; заключенных преклонного возраста и инвалидов — всего более 1 млн человек. Однако амнистия не распространялась на осужденных за контрреволюционные преступления, хищения социалистической собственности в особо крупных размерах, бандитизм и умышленное убийство. Новые советские правители продолжали верить в сталинскую доктрину усиления классовой борьбы в период построения социализма и не желали выпускать своих опасных врагов на свободу.

Как отмечалось в приказе министра внутренних дел СССР Л. П. Берии от 4 апреля 1953 г. № 0068 «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», по указанию руководства (бывшего) МГБ СССР избияния арестованных проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренней тюрьмах и поручались особой группе лиц, специально выделенных из числа тюремных работников, с применением всевозможных орудий пыток¹.

В конечном счете, признавал министр, порочные методы ведения следствия направляли усилия оперативного состава на ложный путь, а внимание органов государственной безопасности отвлекалось от борьбы с реальными врагами советского государства. Министр категорически запрещал применение в органах МВД к арестованным

¹ См.: *Берия Л. П.* «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия»: приказ от 4 апреля 1953 г. № 0068. URL: <http://istmat.info/node/26466>.

каких-либо мер принуждения и физического воздействия и приказывал ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством (бывшего) МГБ СССР помещения для пыток, а орудия пыток уничтожить.

В приказе министр внутренних дел безбожно лукавил, пытаясь свалить использование пыток, широко практикуемых в НКВД под его непосредственным руководством с 1938 г. и до момента издания приказа, на бывшее руководство уже не существующего Министерства государственной безопасности. Берия прекрасно знал, что санкцию на пытки давал товарищ Сталин в 1937 г., а применялись они повсеместно — «от Москвы до самых до окраин», в том числе в особо ответственных случаях лично товарищем Берией.

Буквально через неделю, 10 апреля 1953 г., Берия пишет письмо в ЦК КПСС «О нарушениях советских законов бывшими министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР» и предлагает прекратить «мингрельское дело», освободив из-под стражи 37 бывших руководителей партии и Правительства Грузии, и вернуть из ссылки около 10 тыс. невиновно осужденных ОСО при НКВД СССР в связи с «мингрельским делом». Одновременно Берия признает необоснованными обвинения, выдвинутые против врачей, и предлагает прекратить дело.

ЦК КПСС и СМ СССР соглашались с предложениями министра внутренних дел о прекращении названных дел, но Хрущев и другие претенденты на высшие руководящие посты партии и Правительства не доверяют Берии. Учитывая специфику возглавляемого им Министерства, они играют на опережение и 26 июня 1953 г. арестовывают своего опасного конкурента. В этот же день Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, которым Берия был снят со всех постов и за «преступные антигосударственные действия, направленные на подрыв советского государства в интересах иностранного капитала» лишен всех званий и наград.

Вслед за уходом с политической сцены последнего организатора и руководителя сталинского террора процесс ликвидации его рудиментов заметно ускорился. Указом ПВС СССР 1 сентября 1953 г. был упразднен последний квазисудебный орган советского государства — ОСО при МВД СССР, которое действовало без перерыва около 20 лет. ОСО, лично не видевшее ни одного подсудимого, представляло собой один из основных рассадников беззакония. При упрощенном рассмотрении дел ОСО следствие проводилось поверхностно и в ряде случаев необъективно; не уделялось должное внимание сбору бесспорных доказательств вины преступников. Имелись случаи, ко-

гда направление дела в ОСО предопределялось еще до ареста. Всего за время существования с 5 ноября 1934 г. по 1 сентября 1953 г. Особое совещание осудило 442 531 человека, в том числе к расстрелу 10 101 человека, к лишению свободы — 360 921 человека¹.

Наследники сталинской партийной и государственной власти, стремясь создать в обществе мнение о своей непричастности к сталинскому террору, сурово наказали руководителей карательных органов. По приговору Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР 23 декабря 1953 г. были расстреляны министр внутренних дел СССР Л. Берия и его соратники: В. Меркулов, Б. Кобулов, С. Гоглидзе, В. Деканозов, П. Мешик и Л. Влодзимирский. 7 июля 1954 г. военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила к высшей мере наказания М. Рюмина, бывшего начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, за то, что он, применяя запрещенные советским законом приемы следствия, принуждал арестованных оговаривать себя и других лиц в тягчайших преступлениях: измене Родине, вредительстве, шпионаже и др. За подобные действия 19 декабря 1954 г. был приговорен к высшей мере наказания министр государственной безопасности В. Абакумов.

Начиная с 1954 г. партия и ПВС СССР уделяли первостепенное внимание восстановлению прав осужденных за контрреволюционные преступления и спецпереселенцев, что прямо и непосредственно вытекало из политики отказа от сталинского террора, составной частью которой стала деятельность по пересмотру и реабилитации лиц, незаконно осужденных в 1930—1953 гг. Первым из серии подобных нормативных правовых актов был приказ министра внутренних дел СССР и Генерального прокурора СССР от 24 апреля 1954 г. «Об освобождении из ссылки на поселение лиц, осужденных за контрреволюционные преступления на срок до 5 лет». Названные лица освобождались от последующего отбывания ссылки на том основании, что с них Указом ПВС СССР от 27 марта 1953 г. снята судимость.

Дальнейшая деятельность партии и государства по восстановлению законности в сфере правосудия и освобождению от отбывания наказания лиц, осужденных безосновательно, невиновно, проводилась в отношении осужденных по обвинению в контрреволюционных преступлениях, раскулаченных, спецпереселенцев, депортированных народов, коллаборационистов.

Наряду с созданием Центральной и местных комиссий по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления»,

¹ См.: Докладная записка С. Н. Круглова и Р. А. Руденко Н. С. Хрущеву «О пересмотре дел осужденных ОСО при НКВД — МГБ СССР» от 8 декабря 1953 г. URL: <http://istmat.info/node/57795>.

содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении, партия и Правительство принимают ряд мер по снятию отдельных категорий спецпереселенцев с учета по реабилитации народов Европейской части СССР, депортированных в Казахстан, Западную Сибирь и другие удаленные от центра регионы.

Первыми были поощрены переселенцы, имеющие постоянную работу в той или иной сфере народного хозяйства. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» им предоставлялось право самостоятельного выбора места проживания в пределах области, края, республики, в которой они состояли на учете, а по служебным командировкам — право свободного передвижения на общих основаниях в любой пункт страны. Одновременно были сняты с учета и освобождены из-под административного надзора дети спецпоселенцев до 16-летнего возраста включительно, а также лица, достигшие 16-летнего возраста и принятые в учебные заведения страны.

Указом ПВС СССР от 13 июля 1954 г. отменялись санкции в виде 20 лет каторжных работ за побег из мест их обязательного и постоянного проживания спецпереселенцев, высланных пожизненно, и в виде замены ссылки на тот же срок лишением свободы за побег из мест их обязательного и постоянного проживания спецпереселенцев, высланных на определенный срок. Названным Указом виновные в побеге из мест ссылки подлежали привлечению к ответственности по ст. 82 (ч. 1) УК РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик, предусматривающим наказание до трех лет лишения свободы.

Постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц» свобода передвижения и выбора места жительства предоставлялась кулакам, высланным в 1929—1933 гг., и немцам, которые постоянно проживали в районах спецпоселений и были взяты на учет по месту их постоянного жительства. Правительство полагало, что названные лица «прочно обосновались в местах настоящего жительства... в связи с чем дальнейшее применение ограничений по спецпоселению к этим лицам не вызывается необходимостью». Однако, как оказалось, оно ошиблось.

Определенная часть реабилитированных кулаков изъявила желание вернуться в места проживания до раскулачивания и потребовала возместить стоимость конфискованного имущества. К такому повороту дел Правительство не было готово и уж тем более не думало ко-

му-либо возмещать причиненный ущерб. Кулакам было разъяснено, что их претензии не имеют правовых оснований и ни на какую компенсацию конфискованного имущества со стороны государства они рассчитывать не должны и не могут.

Курс на сокращение числа спецпереселенцев продолжился в 1955 г. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 г. были сняты с учета в спецкомендатурах все коммунисты и члены их семей. Постановлением Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 г. «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» право свободного передвижения по стране и выбора места жительства предоставлялось участникам Великой Отечественной войны и лицам, награжденным орденами и медалями СССР; женщинам, вступившим в брак с местными жителями, и другим категориям переселенцев. Последующими актами Совета Министров СССР с учета спецпоселенцев были сняты: греки, выселенные в 1949 г. из Грузинской ССР; поляки, выселенные в 1936 г. из приграничной с Польшей зоны; члены семей украинских и белорусских националистов.

Указом ПВС СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» была применена амнистия в отношении советских граждан, которые в период 1941—1945 гг. по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами. Это осужденные на срок до 10 лет лишения свободы за пособничество врагу и другие государственные преступления, совершенные в годы войны, в том числе осужденные за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Не подлежали амнистии лишь каратели, осужденные за убийства и истязания советских граждан. Всего по Указу были амнистированы более 50 тыс. осужденных.

В течение 1955—1956 гг. снимаются ограничения с народов, депортированных в годы войны. Первыми равноправие получили немцы. Указом ПВС СССР от 13 декабря 1955 г. немцы в статусе «выселенных» и «репатриированных» наделялись всеми конституционными правами, без изъятий и оговорок. Одновременно наученный горьким опытом с кулаками ПВС СССР в Указе специально оговорил, что освобожденным запрещается возвращаться к прежним местам жительства и требовать от государства компенсации за ущерб, причиненный выселением и конфискацией.

В течение 1956 г. указом ПВС ограничения в правовом положении были сняты с находящихся на спецпоселении калмыков, греков, болгар, армян, крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР;

курдов, чеченцев, ингушей, карачаевцев, выселенных в период Великой Отечественной войны. А 22 сентября 1956 г. Указом ПВС СССР от 2 сентября 1956 г. с учета спецпоселений были сняты лица, не имеющие гражданства либо принятые в советское гражданство. Как справедливо отмечал В. Н. Земсков, указы об отмене особого режима в отношении депортированных народов и других социальных групп отличались половинчатостью, стремлением не подвергать ни малейшей критике проводившуюся ранее политику массовых депортаций. Речь шла лишь о том, что люди были выселены «в связи с обстоятельствами военного времени», а теперь их пребывание на спецпоселении «не вызывается необходимостью». Ни о какой политической реабилитации депортированных народов не было и речи. Просто из статуса наказанных они были переведены в статус помилованных¹.

Во всех указах о реабилитации репрессированных народов рефреном шли предписания о том, что снятие с учета не влечет за собой возвращения спецпоселенцам имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда их выселили. Однако значительная часть депортантов с этими предписаниями были не согласны и отказывались давать подписку об их неукоснительном соблюдении. Люди стремились вернуться на родину предков. Учитывая такое противодействие реабилитированных, ПВС СССР вынужден был заново образовать Калмыцкую автономную область в составе РСФСР, преобразовать Кабардинскую АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, Черкесскую АО — в Карачаево-Черкесскую АО и восстановить Чечено-Ингушскую АССР в составе РСФСР. Соответственно был снят запрет на проживание калмыков, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей и членов их семей в местах прежнего жительства.

В результате принятых партией и Правительством мер несправедливость, допущенная в отношении депортированных народов и спецпоселенцев, была в основном устранена. Из 2 720 072 спецпоселенцев, состоявших на учете на 1 января 1954 г., на 11 июля 1956 г. остались лишь 61 912 человек. Число репрессированных за полтора года сократилось в 44 раза. Однако оставалась еще одна, самая массовая категория жертв террора — рабочие и служащие, продолжавшие трудиться в режиме военного времени и нести уголовную ответственность за нарушение трудовой дисциплины.

И. В. Сталин не спешил отменять военный режим для рабочих и служащих, он казался Сталину достаточно совершенным и резуль-

¹ См.: Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954—1960 гг.). URL: http://ecsocman.hse.ru/data/780/922/1219/003_zemskov.pdf.

тативным с точки зрения процессов восстановления народного хозяйства и развития советской экономики.

Этот же курс продолжили преемники великого вождя, несмотря на то что указы от 26 декабря 1941 г., от 29 сентября 1942 г. и от 30 января 1943 г., установившие уголовную ответственность рабочих и служащих за нарушения трудовой дисциплины были приняты только на период войны, о чем прямо говорилось в их тексте. Следовательно, указы официально утрачивали силу с 9 мая 1945 г., т. е. со Дня Победы. С того же момента утратил силу Указ ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве», закрепивший уголовную ответственность за уклонение от мобилизации — принудительные работы на срок до одного года по месту жительства, назначаемые по приговору народного суда.

Однако все указы по вопросам уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины продолжали действовать. Как отмечают Ф. М. Левиант и А. С. Пашков, «необходимость восстановления разрушенного войной народного хозяйства, острый недостаток рабочей силы в стране, значительное количество прогулов и самовольных уходов с работы обусловили действие Указа от 26 июня 1940 г., предусматривающего уголовную ответственность за прогул и самовольное оставление работы, на длительное время и после окончания войны»¹. По этим же причинам остались в силе названные временные указы по вопросам уголовной ответственности.

Применению в послевоенный период *недействующих* временных указов, принятых на период войны и используемых в ее условиях, была придана видимость законности. Лишь спустя 10 лет после того, как временные указы фактически утратили силу, ПВС СССР включил их в перечни отмененных актов, тем самым признав задним числом правомерность реализации органами исполнительной и судебной власти недействующих норм². «Ляп» законодателя остался незамеченным ни прессой, ни трудящимися в связи с отсутствием у них навыков профессионального толкования нормативных правовых актов и фактической недоступностью текстов законов и иных нормативных правовых актов. Ибо в условиях войны и после ее окончания

¹ Левиант Ф. М., Пашков А. С. Указ. соч. Т. II. С. 337.

² Указом ПВС СССР от 8 августа 1957 г. признаны утратившими силу полностью: Указ ПВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»; Указ ПВС СССР от 29 сентября 1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах»; Указ ПВС СССР от 30 января 1943 г. «Об обязательном переводе на время войны медицинских работников из одних медицинских учреждений в другие».

«широкое опубликование актов правотворческих органов все больше сокращалось и заменялось служебной рассылкой отдельных текстов или сборников нормативных правовых актов»¹.

Таким образом, с отменой уголовной ответственности рабочих и служащих за нарушение трудовой дисциплины агонизирующий террор окончательно канул в историю советского государства, но об этом знаменательном событии знали только руководители партии и государства и их окружение. Встал вопрос: нужно ли информировать население о столь значимом достижении советской демократии? Мнения правящей элиты, как водится, разделились: одни полагали, что следует, а другие видели в этой акции опасность подрыва авторитета партии, государства и даже вождя всех времен и народов Сталина в глазах своего народа и мировой общественности. Все решил волевой настрой руководителя партии Н. С. Хрущева на то, чтобы рассказать правду на XX Съезде КПСС после того, как была полностью исчерпана повестка съезда.

Доклад проходил в секретном режиме, без прессы и в отсутствие иностранных гостей. Основные положения доклада были изложены затем в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». Как в докладе, так и в постановлении ЦК КПСС сталинский террор получил суровое осуждение, но все же постановление не обошлось без лукавства, значительную часть грехов списали на Берию. В частности, было сказано, что при Сталине «обычное отправление норм правосудия нередко подменялось его единоличными решениями. Положение еще больше осложнилось, когда во главе органов государственной безопасности оказалась преступная банда агента международного империализма Берии. Были допущены серьезные нарушения советской законности и массовые репрессии. В результате происков врагов были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди».

Лукавство авторов постановления проявилось в их попытке все казни и расстрелы свалить на Берию, тогда как к этому процессу первым приложил руку Ежов, а Берия лишь стал его талантливым приемником; кроме того, организатором и руководителем террора был лично Сталин, а в его сателлитах числились еще действовавшие на стадии разоблачения сталинского культа руководители партии и Правительства. Советское общество никогда не имело в своем составе такого числа шпионов и диверсантов, какое было выявлено в

¹ Романов Р. М. Становление и развитие порядка опубликования нормативных актов в СССР // Опубликование нормативных актов. М., 1978. С. 59.

ходе сталинского террора. С ним было покончено безвозвратно, но, как показало время, советское государство пало отнюдь не от многочисленной рати врагов народа. Главную и реальную опасность для судеб советского государства, как оказалось, представляли не шпионы и диверсанты, а руководители партии и государства, которые вопреки своим обязательствам и клятвам привести народ ко всеобщему благополучию и счастью «продали» его со всеми вытекающими из этого предательства проблемами.

Историческое значение стадии ликвидации последствий сталинского террора состоит не только в оперативной отмене неправосудных решений и освобождении от наказания незаконно осужденных лиц. Этот гуманный акт убедительно показал, что питательную почву сталинского террора подготовили как минимум три фактора: 1) субъективное представление Сталина об усилении классовой борьбы по мере развития советского социалистического общества; 2) недостаточно эффективная система гарантий защиты личности от незаконных посягательств органов государства, отсутствие в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве ряда демократических принципов и институтов, призванных ограничить произвол партии и государства в сфере правосудия; 3) непрофессионализм судебно-следственных и иных работников юстиции, а также органов НКВД — МВД СССР. Деятельность по устранению названных негативных, опасных для общества факторов составила основу правовой политики партии и государства следующего периода советской истории, официально определяемого ЦК КПСС как время развернутого строительства социализма. В новый период партия решительно и резко порвала с позорным сталинским террором, но, к сожалению, до реальной социалистической демократии так и не дошла.

Заключение

Советское правосудие периода нэпа, осуществляемое при помощи развития системы общих, специальных, общественных и традиционных судов, заметно приблизило суд к населению, сделало его доступным для всех слоев общества. Благодаря принятым в 1922—1924 гг. гражданскому, уголовному, процессуальным кодексам и иным законам в стране были созданы достаточные условия для обеспечения высокого уровня законности и воспитания социалистической правовой культуры населения. В замиренной среде общество смогло достаточно успешно восстановить народное хозяйство и приступить к формированию экономических и политических основ социализма. Эволюционный процесс построения нового общества И. В. Сталина показался недозволительно медленным, главным ускорителем движения к новому обществу он признал террор, а полезными средствами его проведения — квазисудебные органы типа ОСО при НКВД СССР или разного рода тройки.

Тотальный террор, повлекший многочисленные человеческие жертвы, по преимуществу невиновных лиц, некоторые российские авторы считают необходимым, сущностным признаком любого социалистического общества. В. С. Нерсисянц пишет: «В худшем случае (при негативной классовой маркировке человека) он (индивид. — В. С.) оказывается подлежащим уничтожению... “лагерной пылью” ГУЛАГа. Такова, как известно, логика и практика насильственного процесса возникновения и утверждения реального социализма, которые по своей сути остаются в русле и в рамках марксистской теории путей, средств и форм социализации и коммунизации жизни людей»¹. В революционном праве, служащем делу коммунизма, С. С. Алексеев видит также «прямое, неконтролируемое, беспредельное и массовое насилие, которое открывает безбрежный неконтролируемый простор для любых, каких угодно акций»².

Те, кто пытается представить социализм как общество, не способное жить без насилия, без превращения его членов в «лагерную пыль» ГУЛАГа, апеллируют к сталинскому террору (ибо ГУЛАГ яв-

¹ Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1998. С. 139.

² Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 483.

ляется учреждением лишь того времени), но реальная жизнь, соприкосновения с которой чураются теоретики, самым убедительным образом опровергает их столь далеко идущие, но фантазийные выводы. Как следует из настоящего исследования, ни марксистская теория, ни практика советского государства периода нэпа и построения основ социалистического общества не соответствуют измышлениям о сугубо террористической природе советского государства.

Действительно, В. И. Ленин не отрицал возможности применения террора к представителям бывших имущих классов в случаях грубого нарушения ими советских законов. Он был уверен в том, что «суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его без фальши и без прикрас»¹. Ибо непосредственная задача советской власти состояла не только в предоставлении нэпману права свободной торговли и частной наживы, но и в том, чтобы вдвое подтянуть его обязанность «быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с духом нашего времени, коммунистического законодательства, не допускать *ни тени* отступления от наших законов»². Соответственно, в условиях нэпа долг Наркомата юстиции состоял в том, чтобы «подтянуть, встряхнуть, перетряхнуть нарсуды и научить их *качать беспощадно вплоть до расстрела и быстро* за злоупотребления новой экономической политикой»³.

Итак, суть карательной политики советского государства в условиях нэпа по сравнению с политикой периода гражданской войны меняется принципиально. Государство готово сотрудничать с нэпманом, но только по-честному, на сугубо правовых основаниях, при условии строгого неукоснительного исполнения советских законов. Кара в виде расстрела сохраняется, но ее применение становится возможным только за совершение виновных противоправных деяний и только по суду с предоставлением обвиняемому права защищаться от вменения ему противоправных деяний по правилам, предусмотренным действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Никаких отступлений от принципов и норм, защищающих личность от произвольных посягательств со стороны государственных органов, советское государство в отношении нэпманов *не предусматривало*.

Невозможно отрицать успехи советского государства по созданию в период нэпа системы правовых институтов, системы судов и иных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190.

² Там же. Т. 44. С. 399—400.

³ Там же. С. 397.

учреждений юстиции, призванных реально гарантировать права и свободы своих граждан, в том числе частных предпринимателей, как нэпманов, так и кулаков, в сфере производства и распоряжения произведенными материальными благами. Закрепленная Положением о судостроительстве РСФСР единая система общих и специальных судов, органично дополненная общественными и традиционными судами, обеспечила доступность суда для населения и предусмотрела твердые гарантии правосудных приговоров и решений, в том числе право сторон обжаловать эти приговоры и решения в кассационном порядке. Для надзора за законностью в сфере правосудия была создана прокуратура, а для оказания юридической помощи сторонам процесса — коллегии адвокатов. Одновременно упразднялись основные проводники красного террора — чрезвычайные комиссии, революционные и революционные военные трибуналы.

Эффективной гарантией успешного функционирования системы судебных органов явились нормы материального и процессуального права, определившие права и свободы советских граждан в условиях нэпа и порядок их защиты от посягательств других лиц. ГК РСФСР были сформулированы нормы и институты, устанавливающие меру свободы индивида в области имущественных отношений и его участия в предпринимательской деятельности. УК РСФСР закрепил конкретные составы преступлений, совершение которых влечет наказание, назначаемое по принципам и правилам УК РСФСР. УПК и ГПК РСФСР описали порядок и процедуры осуществления правосудия для успешного разрешения правовых конфликтов между членами общества, между ними и государством на началах законности, обоснованности и справедливости.

В общем и целом советскому государству на начальной стадии нэпа удалось создать развитую систему права, обеспечивающую устойчивый правопорядок. Соответственно, террор, развязанный Сталиным, не был единственно возможной мерой преодоления хаоса и наведения правопорядка. Сталинский террор возник как реакция партии и Правительства на *неспособность государства, его органов глубоко правовым путем лишить нэпманов и сельскую буржуазию (кулаков) их собственности на орудия труда и средства производства*. Испытывая острую нужду в денежных и материальных ресурсах для развития промышленности, партия и Правительство сочли за благо в репрессивном административно-уголовном порядке лишить кулаков и нэпманов собственности на орудия труда и средства производства, а самих их — либо расстрелять, либо выслать в районы Северного Урала, Сибири и Казахстана.

Сталинский террор стал возможен благодаря четырем субъективным факторам: 1) иллюзорным, мифологическим представлениям Сталина об усилении классовой борьбы по мере развития социалистического общества; 2) неспособности руководящих органов партии поставить заслон на пути неверных теоретических представлений и практических мер относительно борьбы с несуществующими в советском обществе массовыми «классовыми врагами»; 3) боязни ПВС СССР инициировать процедуру отмены постановлений Политбюро ЦК партии и ведомственных нормативных правовых актов по вопросам террора, противоречащих действующим общесоюзным законам; 4) отсутствию механизмов формирования политической воли населения в целях противодействия незаконной политике партии и органов советского государства.

Для того чтобы покончить с террором, достаточно было любому из названных субъектов надлежащим образом реализовать свое конституционное, законное право, как это принято в современном демократическом обществе, и не только пресечь действия нарушителей закона, но и применить к ним меры партийной и юридической ответственности. Однако названные органы, их сотрудники, члены общества предпочли тактику «самоизоляции» в своих квартирах, в душе тая надежду: а вдруг «пронесет»! Действительно, большая часть населения не попала в бредень «славных чекистов», но цена трусости или неумения реализовать свои права — 20 млн жертв террора — не может не впечатлять.

Между тем все названные факторы — ягодки одного поля. В. И. Ленин квалифицировал эти факторы как низкую политическую и правовую культуру должностных лиц и населения. Он признавал, что «не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким исконно русским явлением, как взяточничество»¹. Выход из этой ситуации Ленин видел в перенесении центра тяжести с политической борьбы на мирную «культурническую» работу. «Для нас, — указывал он, — достаточно теперь культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной»².

Мнение Ленина о низкой правовой культуре общества и государства как решающем факторе дисфункций права и процессов его реализации в конкретных отношениях получило подтверждение в практике европейских стран народной демократии, строивших социализм в 1945—1990 гг., СССР и социалистических стран Азии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 171.

² Там же. Т. 45. С. 377.

Европейские страны социалистического лагеря (Германия, Чехословакия, Югославия и др.), население которых обладало правовой культурой промышленно развитых стран, стремились сохранить и развить демократические институты управления обществом с учетом особенностей и задач социалистического строительства. Однако неискушенное в демократических методах управления делами общества руководство стран Азии, ставших на путь социализма (Китай, Вьетнам), не удержалось от соблазна использовать террор в качестве средства ускорения процессов социалистического строительства.

Руководство партии и Правительства СССР, принимавшее непосредственное участие в развязывании и проведении сталинского террора, заметно повысило свою правовую и политическую культуру, воспитав в себе стойкую неприязнь к подобного рода неправовым средствам решения политико-правовых и социально-экономических проблем. Начиная с 1956 г. в стране был взят четкий курс на формирование законодательства, полно и последовательно ориентированного на передовые демократические институты и нормы права, способные надежно защитить права и свободы населения и предотвратить возможность реанимации террористических методов управления делами общества. Коренному реформированию подверглись основные отрасли права, в первую очередь уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское и трудовое право.

За последующие 33 года истории советского государства вопрос о применении методов сталинского террора в политико-правовой практике для решения проблем развитого социализма ни разу не ставился ни в теоретическом, ни в практическом плане. И это особенно важно, поскольку непосредственная практика опровергает утверждения российских правоведов о терроре как необходимом средстве строительства социализма, выдающих некомпетентность и фантазии Сталина за закономерность развития социалистического общества. Симптоматично и другое: уровень правовой культуры руководства партии, Правительства и народа во второй половине XX в. был достаточно высок, чтобы последовательно придерживаться негативной оценки, неприятия террора как института политико-правовой практики, но он оказался явно недостаточным для решения задач дальнейшего укрепления и развития социалистического общества. В результате авантюристская политика М. С. Горбачева и его идеологического наставника А. Н. Яковлева привела к еще более разрушительным последствиям — развалу страны и реставрации капиталистических отношений.

Оглавление

Принятые сокращения	5
Введение	6
Раздел I. Историография советского суда и правосудия периодов становления и развития социализма в СССР (1921—1956)	13
Раздел II. Социально-политические и идеологические предпосылки создания советской правовой системы периодов нэпа и построения основ социализма	33
Глава 1. Ведущие направления деятельности государства и общества в процессе формирования основ социализма	33
Глава 2. Богатое наследство без достойных наследников	47
Глава 3. Н. В. Крыленко о праве и правосудии с позиций «детской болезни левизны»	55
Глава 4. И. В. Сталин — основоположник и организатор тотального террора в период построения основ социализма в СССР	63
Глава 5. А. Я. Вышинский — идеолог советской позитивистской доктрины права	71
Глава 6. Периодизация истории советской судебной системы в условиях нэпа и построения основ социализма	79
Раздел III. Судебная система СССР периода нэпа	89
Глава 7. Верховный Суд СССР	89
Глава 8. Военные трибуналы	104
Глава 9. Прокурор Верховного Суда СССР	112
Глава 10. Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР	120
Раздел IV. Суды общей юрисдикции в РСФСР	130
Глава 11. Народные суды	130
Глава 12. Губернские суды	147
Глава 13. Верховный Суд РСФСР	164

Раздел V. Специальное и чрезвычайное правосудие	
в условиях нэпа	176
Глава 14. Дисциплинарные суды	176
Глава 15. Арбитражные комиссии	188
Глава 16. Земельные комиссии	196
Глава 17. Трудовые сессии народных судов	207
Раздел VI. Общественные и традиционные суды,	
легализованные советским государством	219
Глава 18. Органы примирительно-третейского разрешения	
трудовых конфликтов	219
Глава 19. Товарищеские, производственно-товарищеские	
суды	230
Глава 20. Сельские товарищеские суды	240
Глава 21. Иные товарищеские суды	249
Глава 22. Шариатские суды	256
Глава 23. Туземные и кочевые общественные суды	265
Раздел VII. Вспомогательные судебные органы	280
Глава 24. Адвокатура в РСФСР	280
Глава 25. Следствие и дознание	289
Глава 26. Нотариат	300
Раздел VIII. Наркомат юстиции РСФСР и советское	
правосудие	310
Глава 27. Наркомат юстиции РСФСР как орган управления	
российским правосудием	310
Глава 28. Основные перекосы бюрократического стиля	
деятельности Наркомата юстиции	326
Глава 29. Достоинства и недостатки советского правосудия	
периода нэпа	346
Раздел IX. Система советских судов общей и специальной	
юрисдикции в условиях победившего социализма	362
Глава 30. Конституционные основы Закона о судостроительстве	
СССР, союзных и автономных республик	362
Глава 31. Народные суды	374
Глава 32. Краевой, областной, окружной суды. Суды	
автономных областей и автономных республик	386
Глава 33. Верховный Суд РСФСР	394
Глава 34. Верховный Суд СССР	401

Глава 35. Военные трибуналы	412
Глава 36. Транспортные суды	420
Глава 37. Наркоматы юстиции СССР и РСФСР как органы управления системой советского правосудия	428
Раздел X. Чрезвычайное правосудие периода построения и укрепления основ социализма (1930—1940)	438
Глава 38. Понятие и виды чрезвычайного правосудия	438
Глава 39. Исключительное правосудие общих и специальных судов	450
Глава 40. Квазисудебные органы раскулачивания периода сплошной коллективизации сельского хозяйства	461
Глава 41. Нелегальные органы квазисудебного чрезвычайного правосудия: двойки и тройки	469
Глава 42. Легальные органы квазисудебного правосудия	480
Глава 43. Победоносные реликвии о достижениях сталинского террора и действительность	497
Раздел XI. Вспомогательные органы юстиции периода построения основ социалистического общества	508
Глава 44. Прокурорский надзор за правосудием, следствием и дознанием	508
Глава 45. Следствие и дознание	519
Глава 46. Адвокатура	533
Глава 47. Нотариат	541
Раздел XII. Суд и правосудие периода Великой Отечественной войны	549
Глава 48. Сталинский террор в военное время	549
Глава 49. Военные трибуналы в годы Великой Отечественной войны	555
Глава 50. Общие суды	564
Глава 51. Правотворческая деятельность Верховного Суда СССР, Наркомата юстиции СССР, Прокурора СССР	573
Глава 52. ОСО и иные квазисудебные органы	583
Глава 53. Органы государственного принуждения, созданные на период Великой Отечественной войны	591
Глава 54. Террор в «человеческом» измерении	600

Раздел XIII. Правосудие первого послевоенного десятилетия (1945—1955)	616
Глава 55. Советское правосудие на стадии завершения сталинского террора	616
Глава 56. Суды общей юрисдикции и специальные суды	626
Глава 57. Квазисудебные органы на закате сталинского террора	638
Глава 58. Правотворческая деятельность центральных органов юстиции	646
Глава 59. Вспомогательные органы советского правосудия	659
Глава 60. Советское правосудие на стадии реформирования и ликвидации последствий сталинского террора (1953—1956)	669
Заключение	679

История суда и правосудия в России

В 9 томах

Том 7

Сырых Владимир Михайлович

Судоустройство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921—1956 годы)

Монография

Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ

ООО «Юридическое издательство Норма»
109316, Москва, Волгоградский пр-т, 2
Тел./факс: (495) 621-62-95. E-mail: norma@norma-verlag.com
Internet: www.norma-verlag.com

Редактор *О. Б. Степанченко*
Корректоры *И. В. Кристаль, Н. Е. Павлова*
Художник *С. С. Водчиц*
Верстка: *Г. С. Брудовская*

Подписано в печать 17.03.21
Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Ньютон». Печать цифровая
Усл. печ. л. 43,0. Уч.-изд. л. 42,25
Тираж 220 экз. Заказ №

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа)
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru

Отдел «Книга — почтой»
Тел.: (495) 280-15-96 (доб. 246)
